ИСТОРИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

2026, Том 9, №4

Подписано к публикации: 15.06.2026

Главный редактор журнала

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Аккиева Светлана Исмаиловна (РФ, г. Нальчик) – доктор исторических наук
Акмурзаева Зухра Магомедаминовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Бойко Владимир Сергеевич (РФ, г. Барнаул) – доктор исторических наук, доцент
Бруз Владимир Виленович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент,
Быстренко Валентинова Ивановна (РФ, г. Новосибирск) – доктор исторических наук, профессор
Галиева Зайраш Идрисовна (Кыргызстан, Бишкек)– доктор исторических наук, профессор
Гашимов Рамис Рамазанович (РФ, г. Дербент) – кандидат исторических наук, доцент
Головашина Оксана Владимировна (РФ, г. Тамбов) – кандидат исторических наук, доцент
Исакиева Зулай Сулимовна (РФ, г. Грозный) – кандидат исторических наук, доцент
Купченко Константин Владимирович (РФ, Смоленск) – кандидат исторических наук, доцент
Макарчук Сергей Владимирович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, профессор,
Мещеряков Константин Евгеньевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор исторических наук, доцент,
Мусаева Салихат Ибрагимовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Непомнящий Андрей Анатольевич (Респ. Крым, г. Симферополь) – доктор исторических наук, профессор
Пузыня Николай Николаевич (РФ, г. Иркутск) – доктор исторических наук, доцент
Сафин Фаиль Габдуллович (РФ, г. Уфа) – доктор исторических наук, профессор,
Сефербеков Руслан Ибрагимович (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук
Столярова Гузель Рафаиловна (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор,
Терехов Олег Эдуардович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, доцент,
Тонких Владимир Алексеевич (РФ, г. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Фурсов Владимир Николаевич (РФ, Р. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Худолеев Алексей Николаевич (РФ, г. Новокузнецк) – доктор исторических наук, доцент
Чайка Евгений Александрович (РФ, г. Славянск-на-Кубани) – кандидат исторических наук, доцент
Шаяхметова Венера Рюзальевна (РФ, г. Пермь) – кандидат исторических наук, доцент
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук
Ярцев Сергей Владимирович (РФ, г. Тула) – доктор исторических наук, доцент

«Исторический бюллетень» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г., Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ) - «Белый список» с 09.09.2025г.,РИНЦ (Elibrary.ru)
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78050 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-5685 (online)

E-mail: hb-journal@yandex.ru
Сайт: https://hb-journal.ru

© Исторический бюллетень, 2026

Содержание

Бабенко О.В.
Некоторые аспекты становления российской исторической науки 6-11

Махадов А.К., Гусейнова А.А.
Южный Дагестан во внешней политике России в начале XIX века 12-15

Архипова Н.Е.
Нравственное состояние приходского духовенства Нижегородской епархии в конце XIX – начале XX вв. 16-23

Бакаляр Е.Е.
Создание Балтийской Антанты и позиция СССР 24-31

Иевлева О.И., Майорова Н.О.
Система сельскохозяйственного образования как средство борьбы с кадровым голодом в период коллективизации (на примере Московской области) 32-40

Кузнецова А.А.
Репрезентация аномальных явлений в региональной периодике 1980-1990-х гг. как отражение трансформации общественного сознания (на материалах Томской области) 41-48

Осин Р.С.
История становления политической экономии социализма в СССР: основные этапы, тенденции и направления 49-60

Рашковский А.А.
Грузинский национализм и этнические меньшинства Грузии в исторической ретроспективе 61-74

Середа С.П.
Роль христианизации в трансформации уголовно-правовой доктрины и практики наказания в средневековой Руси 75-82

Адам Мбоду Адам
Исторические предпосылки создания диалогового формата БРИКС 83-93

Сипейкин А.В.
Религиозная политика немецких властей на временно оккупированной территории Украины в 1941-1943 гг. 94-102

Фролов В.В.
Образ США на страницах газеты «Русские ведомости» в годы русско-японской войны (1904-1905 гг.) 103-113

Чан Ваньцзюнь
Переводы и комментарии «Лунь юй» в ИКСА РАН в постсоветский период 114-120

Шавлохова Е.С., Тозлиян М.А., Пыльцина Д.В., Скачкова В.А.
Закрытые женские институты Российской империи (1764-1855 гг.), начало формирования отечественной системы женского образования 121-126

Адам Мбоду Адам
Основные этапы становления и развития БРИКС 127-138

Курков В.В., Азеева А.А.
Национализм как идеологическая основа Турецкой Республики в политике Ататюрка и Эрдогана 139-145

Тедеева У.Ш., Гантамиро Т.Т., Эльбуздукаева Т.У.
Великие исторические открытия и их значение для европейской цивилизации 146-155

Новослов А.Е.
Народная религиозность мордовского села в постсоветский период:
православие, магические практики и обрядовый синкретизм 156-162

Позднякова В.И.
«Навечно в строю»: коммеморация как приоритетное направление деятельности
органов внутренних дел Российской Федерации по организации патриотического
воспитания сотрудников в Приморском крае (1991-2011 гг.) 163-171

Середа С.П.
Соборное уложение 1649 года как фундамент светского кодифицированного
уголовного права России 172-178

Шавлохова Е.С., Ставицкая В.Г., Арутюнян Д.А.,
Климов Д.М., Кузнецов А.А.
Рецепция немецкой науки в российском гражданском праве второй
половины XIX века: учебники, профессура и судебная практика 179-186

Медушевский Н.А., Савельева О.А.
Музыка как форма традиционного искусства и социальной идентичности
народа эве: от истории к современности 187-194

Струкова Е.Н., Шершуков А.В.
От квоты к конкуренции: эволюция участия российских профсоюзов в выборах (1989-1990-е гг.) 195-200

Тедеева У.Ш., Гантамиров Т.Т., Джазаева И.А.-А.
Вторая мировая война как глобальная бифуркация: крах старого
многополярного мира и создание биполярной системы 201-211

Чжао Фань
Кризис «снарядного голода» и системный дефицит вооружений в России
в годы Первой мировой войны: причины, методы преодоления
и социально-политические последствия 212-218

Ильин И.А.
Правовое регулирование реализации старообрядцами прав по отправлению
духовных треб в 1880-1890-е гг. (по материалам Симбирской губернии) 219-226

Петросян М.А.
Развитие высших учебных заведений Воронежской губернии в 1900-1925 годах
и их роль в формировании профессиональной интеллигенции региона 227-233

Шкурат П.А.
Кризис самодержавной системы и трансформация государственного устройства
России в годы Первой мировой войны и революционных потрясений (1914-1918) 234-240

Тулупов А.Л.
Две модели реформации: Саксония и Бранденбург в первой половине XVI века 241-247

Валеева-Хакимова Р.Р., Никифоров А.С.
Политика по реституции культурных ценностей как элемент «мягкой силы» в контексте внешней политики Франции в отношении африканских стран 248-258

Гусев А.А.
Влияние социокультурных особенностей арабских племен Южной Аравии на колониальную политику Британской империи в Адене и на территории Аденских протекторатов 259-266

Карагулян К.Г.
Деятельность «Общества попечения о начальном образовании г. Красноярска» в области женского образования в последней четверти XIX – начале XX вв. 267-272

Потапов Е.А.
Мнемотопия власти фронтирного центра эпохи позднего средневековья (на материалах о столице «Королевства Кандии» (Крит) XIII-XV веков) 273-281

Раздобреев О.В.
Развитие сети драматических театров Западной Сибири в 1930-е – 1940-е годы 282-289

Ролдугина В.Н.
Культурная революция в отражении эстрадного творчества в годы военного коммунизма 1918-1921 290-297

Фомин М.В., Таран В.С.
Аксумско-химьяритский конфликт 525 г. в контексте восточной политики императора Юстина I 298-306

Грязнова Е.В., Потатина Л.П., Потатин А.Г.
Создатели Храма Благовещения Пресвятой Богородицы в п. Красная Горка Нижегородской области 307-312

Иванов А.А.
Иконописный промысел Троице-Сергиевой Лавры в 1875-1917 гг. в условиях экономической трансформации: исследовательский статус проблемы 313-324

Чжао Цзиньнань
Противоречивая политика правительства Александра II в отношении евреев и обострение дискуссии по еврейскому вопросу в российском обществе во второй половине XIX века 325-330

Хуснутдинов М.И.
Французские субсидии и французское политическое влияние в Швеции в первой половине XVIII века и до конца Семилетней войны 331-345

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.1
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-6-11

Некоторые аспекты становления российской исторической науки

[1] Бабенко О.В.,
[1] Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

Аннотация: в статье рассматриваются отдельные вопросы становления исторической науки в России. Анализируются первые работы в области отечественной истории В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова и И.Н. Болтина. Отдельное место отведено борьбе Ломоносова с выдвинутой академиками-немцами норманской теорией. Приводятся суждения об эпохальном значении творчества Н.М. Карамзина. Характеризуются исторические концепции К.Д. Кавелина и М.П. Погодина. Особое внимание уделяется научной деятельности С.М. Соловьева. Анализируется его главный научный труд «История России с древнейших времен». Представлены основные идеи Соловьева и разработанная им периодизация русской истории. Делается вывод о значении наукотворчества этого историка для российской исторической науки.

Ключевые слова: российская историческая наука, В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин, Н.М. Карамзин, XIX век, С.М. Соловьев

Для цитирования: *Бабенко О.В. Некоторые аспекты становления российской исторической науки // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 6 – 11. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-6-11*

Поступила в редакцию: 1 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

Some aspects of the formation of Russian historical science

[1] Babenko O.V.,
[1] Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Abstract: the article discusses certain issues of the formation of historical science in Russia. The first works on Russian history by V.N. Tatishchev, M.V. Lomonosov, M.M. Shcherbatov, and I.N. Boltin are analyzed. A special place is given to Lomonosov's struggle against the Norman theory put forward by German academics. The article discusses the epoch-making significance of Nikolay Karamzin's work. The historical concepts of K.D. Kavelin and M.P. Pogodin are described. Special attention is paid to the scientific activities of S.M. Solovyov. His main scientific work, "History of Russia from Ancient Times," is analyzed. The main ideas of Solovyov and his periodization of Russian history are presented. The article concludes that this historian's scientific work is significant for Russian historical science.

Keywords: Russian historical science, V.N. Tatishchev, M.V. Lomonosov, M.M. Shcherbatov, I.N. Boltin, N.M. Karamzin, 19th century, S.M. Solovyov

For citation: *Babenko O.V. Some aspects of the formation of Russian historical science. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 6 – 11. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-6-11*

The article was submitted: April 1, 2026; Approved after reviewing: May 1, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Становление истории как полноценной науки современные ученые относят к середине – концу XIX в. И это, безусловно, более объективная точка зрения, чем позиция русских историков второй половины XIX в., считавших, что историческая наука возникла в России в первой четверти XVIII в., в ходе петровских реформ. В настоящее время наблюдается возрастание интереса к истории исторической науки. Тем не менее до сих пор не появились строго научные труды, в которых в полной мере освещалось бы становление отечественной исторической науки в XVIII-XIX вв. Выходят лишь работы по отдельным аспектам этой проблематики [12; 14; 21].

Совершенно очевидно, что в рамках отдельно взятой статьи невозможно охватить наукотворчество всех выдающихся историков России XVIII-XIX вв. Цель нашего исследования – осветить основные вехи становления отечественной исторической науки, сделав акцент на достижения крупнейшего историка эпохи капитализма С.М. Соловьева. Именно он был одним из выдающихся представителей московской исторической школы и основоположником «государственной школы» в российской историографии.

Необходимо отметить, что наличие различных точек зрения по вопросу о становлении российской исторической науки связано с эволюцией понятия «наука». Если в правление Петра I любая самостоятельная сфера человеческой деятельности могла превратиться в науку, то современное понимание науки предполагает наличие у последней предметных областей. В Большом энциклопедическом словаре наука отнесена к сферам человеческой деятельности, а ее функцией считается «выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности» [10, с. 787].

Особенности становления российской исторической науки в эпоху феодализма и капитализма позволяют провести параллели с сегодняшним днем, когда отсутствие единой методологии и идеологическая свобода приводят к возникновению дискуссий по многим проблемам отечественной истории. Достаточно сказать, что в наше время отдельные российские историки безоговорочно принимают и переносят в свои работы некоторые западные концепции и терминологию. Один из наиболее актуальных примеров этого – использование польского термина «польско-русская (русско-польская) война 1830-1831 гг.», искажающего суть рассматриваемых событий [8; 9]. В те времена независимого Польского государства не существовало, поэтому Россия не могла воевать с Польшей. В 1830-1831 гг. на территории Российской империи вспыхнуло польское восстание, которое было успешно и на законных основаниях подавлено императорскими войсками. А для историков XVIII в. камнем преткновения являлась норманская теория, о которой будет сказано ниже.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили научные труды выдающихся российских историков XVIII-XIX вв.: В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина и др. Особое внимание было уделено работам С.М. Соловьева, прежде всего его сочинению «История России с древнейших времен» в 29 томах. В нем выражено представление ученого об истории России как едином, закономерном процессе, разработана периодизация русской истории. Продолжением этого фундаментального труда стали книги Соловьева «История падения Польши» (М., 1863) и «Император Александр Первый. Политика. Дипломатия» (СПб., 1877).

Труды российских историков дают представление о проблематике, изучавшейся ими на этапе становления российской исторической науки, и подходах к изучаемым проблемам. На основе этих сочинений можно сделать выводы о научных достижениях их авторов.

Основным методом исследования стал сравнительно-исторический анализ, примененный в целях объяснения особенностей и условий становления отечественной исторической науки. Кроме того, он дал возможность сравнивать различные концепции ученых.

Результаты и обсуждения

Первым русским историком принято считать Василия Никитича Татищева (1686-1750), как исследователя, работавшего в то время, когда история была самостоятельной сферой человеческой деятельности, но еще не наукой. Во многом поэтому дискуссии вокруг его научного наследия продолжаются и по сей день. Главной заслугой В.Н. Татищева был первый опыт научного освещения отечественной истории с позиций рационалистической философии. 30 лет он писал «Историю Российскую». Имеется две редакции этой книги, что связано с изменениями взглядов автора на ее характер и задачи. Один вариант был сделан на древнерусском языке, другой – на современном. В сочинении в хронологической последовательности излагались политические события, происходившие на Руси до 1577 г. Д-р ист. наук А.И. Юхт считает, что научная деятельность Татищева – «пример бескорыстного служения науке и просвещению» [20, с. 14].

В тени Татищева остается его современник Михаил Васильевич Ломоносов (1711-1765), исторические труды которого были широко известны во второй половине XVIII в. Однако Ломоносов был разносторонне одаренной личностью: являясь химиком, физиком, астрономом, геологом, географом, историком и филологом в одном лице, он не давал своим биографам возможность однозначно олицетворять его с исторической наукой и профессией историка. Как отмечает канд. ист. наук М.Б. Некрасова, «к занятиям историей его подвела жизнь...» [11, с. 19]. Взявшись за историописание, Ломоносов исходил из патриотических побуждений. Он счел своим долгом выступить против норманской теории, выдвинутой работавшими в России академиками-немцами. Согласно ей, народы «русь» и «варяги» являлись скандинавами, а последние были основателями первых государств восточных славян. Ломоносов – автор «Краткого Российского летописца» (1760), в котором доказывается, что Рюрик был варягом-россом, происходившим из Пруссии, а не из Скандинавии.

Вышеупомянутые академики-немцы, «отцы» норманской теории Герард Фридрих Миллер (1705-1783) и Август Людвиг Шлёцер (1735-1809) также причисляются отечественными исследователями к выдающимся историкам России. Так, например, Миллер посвятил себя разработке научной русской истории. Как справедливо отмечает д-р ист. наук Т.Н. Джаксон, он «первым приступил к широкому сбору и предварительной обработке источников русской истории» [3, с. 18]. Роль же Шлёцера в становлении российской исторической науки до сих пор вызывает противоречивые суждения. Тем не менее Джаксон приходит к убедительному выводу о значении его наукотворчества, которое заключается в том, что немец познакомил русских историков с критическим исследовательским методом [4, с. 65].

В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов и их современники были первыми историками, написавшими труды по русской истории, основанные на изучении и критическом анализе различных источников. Во второй половине XVIII в. труды по отечественной истории создали Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790) и Иван Никитич Болтин (1735-1792). С 1770 г. начала выходить многотомная «История Российская от древнейших времен» М.М. Щербатова, которая печаталась в течение 20 лет. Всего было опубликовано 7 томов в 15-ти книгах. Кроме того, Щербатов занимался публикацией источников. Он написал также «Краткую повесть о бывших в России самозванцах» (1774) и ряд других трудов. Вклад Щербатова в отечественную историографию был велик. Однако первые два тома «Истории Российской…» оказались весьма посредственными и полными ошибок. Щербатов переоценил свои возможности, не имея достаточных навыков для работы с летописными источниками и не обладая нужным временем для обработки собранного материала.

И.Н. Болтин опубликовал труд «Примечания на Историю древния и нынешния России г. Леклерка», ставший значительным событием в отечественной историографии. По итогам знакомства с «Историей Российской…» Щербатова им были написаны два больших тома «Критических примечаний». Кроме того, Болтин участвовал в подготовке к публикации и издании письменных памятников Древней Руси.

В начале XIX века гуманитарные науки выделились в особую отрасль знаний и получили признание. В 1818 г. Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) издал первые 8 томов «Истории государства Российского». Он был крупнейшим представителем исторической науки и литературы своего времени. Исследовательница Т.Б. Фрик называет его «такой значимой для историко-литературного процесса фигурой» [18, с. 73]. Следует отметить, что Карамзин как придворный историк придерживался консервативной концепции русской истории, что вызвало неоднозначную реакцию общественности. Тем не менее вышеуказанное сочинение произвело огромное воздействие на русское образованное общество. Для своего времени это был труд, отличавшийся новизной и актуальностью. Карамзин по-своему решал основополагающие проблемы сквозь призму отечественной истории. Член.-корр. РАН А.Н. Сахаров считает, что причина общественно-культурного феномена этого ученого «заключается в огромной силе духовного воздействия на людей научного и художественного таланта Карамзина» [13, с. 82].

Следующее поколение историков (К.Д. Кавелин, Н.А. Полевой, М.П. Погодин и др.) пыталось по-новому осмыслить отечественную историю, понять закономерности и специфику ее развития, рассмотреть ее в контексте западноевропейской истории. Так, например, Константин Дмитриевич Кавелин (1818-1885) создал свою концепцию истории России на основании развития трех начал – родового, вотчинного и государственного, выдвигая на первый план развитие личности и ее освобождение. А для Михаила Петровича Погодина (1800–1875) история стала объектом не только специального изучения, но и популяризации. Не чуждаясь историко-философских вопросов, он склонялся к необходимости сближения России с Западной Европой.

Завершением процесса формирования русской исторической науки и ее теоретической вершиной была деятельность Сергея Михайловича Соловьева (1820-1879). Соловьев начал свои исследования в конце 1840-х гг. Он внес огромный вклад в отечественную историографию, опубликовав свыше 300 научных трудов

общим объемом более 1000 п.л. Соловьев создал 29-томный труд «История России с древнейших времен», которому нет аналогов. Как писал ученик Соловьева В.О. Ключевский о своем учителе, «он удивительно много и правильно работал и на успехи русской исторической науки имел влияние, которое пока трудно еще оценить достаточно» [6, с. 330]. С появления в 1845 г. его первого научного труда по русской истории и до последней написанной им строки Соловьев работал в таком направлении, «которое прямо или косвенно отразилось на ходе всей русской исторической литературы» [там же].

Тем не менее значение деятельности Соловьева как историка недооценивалось как при его жизни, так и после смерти. Да и в советское время не было книг, полностью посвященных С.М. Соловьеву, до выхода в свет в 1980 г. монографии д.и.н., профессора В.Е. Иллерицкого [5]. Иллерицкий впервые предпринял попытку обстоятельного анализа социально-политической и теоретической основ исторической концепции С.М. Соловьева, хотя книга его в некоторой степени идеологизирована. Он проанализировал сочинения Соловьева, уделив особое внимание «Истории России с древнейших времен». Он пришел к заключению о том, что «История России…» была не только крупнейшим трудом выдающегося историка, но и «творческим итогом всей его научной деятельности, научным подвигом Соловьева» [5, с. 146].

Другой значимой биографией С.М. Соловьева стала книга Н.И. Цимбаева «Сергей Соловьев», изданная в 1990 г. [19]. Помимо дежурного описания жизнедеятельности историка, она содержит анализ его труда «История России с древнейших времен» и «Чтений о Петре Великом».

Труд С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» занял центральное место в русской историографии XIX в. Ни одному другому историку дореволюционной России не удалось написать более масштабный и обстоятельный труд. Нельзя не согласиться с исследовательницей И.В. Волковой в том, что Соловьев «брался за дело, обладая солидной подготовкой» [2, с. 54]. Создание столь обширного сочинения было вызвано тем, что работа Н.М. Карамзина по той же проблематике к середине XIX в. устарела, а других серьезных сочинений по истории России, предназначенных в том числе для использования в университетах, не было. Как справедливо отмечал В.О. Ключевский, «История России…» Соловьева – это труд, который «стал главным делом его жизни и навсегда связал его имя с успехами русской исторической науки и русского общественного сознания» [7, с. 313].

Одна из главных идей сочинения Соловьева – представление об истории России как едином, закономерно развивающемся процессе. В первом томе своего труда он писал об этом следующее: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их,... рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию – вот обязанность историка в настоящее время…» [17, с. 51].

Другая идея – идея исторического прогресса. Источником же исторического прогресса является борьба противоречивых начал. А высшая цель исторического развития – воплощение в жизнь идеалов христианства, справедливости и добра. Он был глубоко убежден в неразделимости прошлого и настоящего.

Одним из проявлений общности исторических судеб народов России и Западной Европы Соловьев видел в перерастании родового быта в государственные отношения. С учетом этого он разработал свою периодизацию русской истории. Он выделял в ней следующие этапы: 1) с IX до второй половины XII в. – родовые междукняжеские отношения; 2) со второй половины XII в. до конца XVI в. – родовые отношения между князьями переходят в государственные; 3) начало XVII в. – Смутное время; 4) с 1613 г. до середины XVIII в. – государственная жизнь России развивается в среде европейских держав; 5) вторая половина XVIII в. – первая половина XIX в. – время, когда заимствование «плодов европейской цивилизации» стало необходимым для «нравственного просвещения» [17, с. 51-55.]. Историю XVI–XVIII вв. Сергей Михайлович написал на основе огромного множества неопубликованных архивных материалов. Многотомный труд Соловьева нельзя сравнить с последующим сочинением его ученика В.О. Ключевского «Курс русской истории». Соловьев «дал русскому обществу желанные сведения о событиях недавнего прошлого, сведения, основанные на первоисточниках, впервые введенных им в научный оборот и изложенных в духе целостной концепции государственной школы» [19, с. 275]. Ключевский же сократил и переработал его «Историю России с древнейших времен».

Более того, в отличие от своих предшественников Соловьев шире воспринимал само понятие «история России» и уделял внимание истории соседних стран – Польши, Литвы и Швеции. Продолжением «Истории России» стали его книги «История падения Польши» [16] и «Император Александр Первый. Политика. Дипломатия» [15]. Соловьев уделял большое внимание месту личности в истории. Нельзя не согласиться с российской исследовательницей Л.Н. Бедретдиновой в том, что изучение его наукотворчества имеет важное значение «для понимания роли личности в истории и бесценного опыта управления страной» [1, с. 188].

Выводы

Таким образом, формирование российской исторической науки началось в XVIII в. с появлением первых работ по истории Отечества В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова и И.Н. Болтина. Заметный вклад в научную разработку русской истории внесли академики-немцы Герард Фридрих Миллер и Август Людвиг Шлёцер. Огромное влияние на русских историков и все российское общество оказало наукотворчество Н.М. Карамзина. Однако окончательное становление российской исторической науки произошло в середине – второй половине XIX в. Особое значение для своего времени имели труды С.М. Соловьева. В жизни и творчестве любого историка основополагающую роль играют факты и события. По словам В.О. Ключевского, «в истории нашей науки и литературы было немного жизней, столь же обильных фактами и событиями, как жизнь Соловьева» [7, с. 319]. В частности, «История России» была самым крупным обобщающим трудом по русской истории, в котором представлена цельная концепция отечественной истории. Последующие историки были зависимы от Соловьева в концепционном отношении, а собранный им фактический материал послужил источниковой базой для будущих исследователей.

Список источников

1. Бедретдинова Л.Н. Иван III в ранних работах С.М. Соловьева // Исторический бюллетень. 2025. Т. 8. № 1. С. 187 – 193. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-187-193

2. Волкова И.В. Сергей Михайлович Соловьев. Очерк жизни и творчества // Соловьев С.М. Общедоступные чтения о русской истории. Москва: Республика, 1992. С. 23 – 186.

3. Джаксон Т.Н. Миллер Герард Фридрих // Историки России. Биографии. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С. 15 – 18.

4. Джаксон Т.Н. Шлёцер Август Людвиг // Историки России. Биографии. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С. 62 – 66.

5. Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьев. Москва: Наука, 1980. 192 с.

6. Ключевский В.О. Памяти С.М. Соловьева // Ключевский В.О. Сочинения: в 9-ти т. Москва: Мысль, 1989. Т. VII. С. 329 – 344.

7. Ключевский В.О. Сергей Михайлович Соловьев // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Москва: Мысль, 1989. Т. VII. С. 303 – 319.

8. Комзолова А.А. Императорская армия во время русско-польской войны 1830-1831 гг.: новые исследования (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2026. № 1. С. 7 – 16. DOI: 10.31249/hist/2026.01.01

9. Кривопалов А.А. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русско-польская война 1830-1831 гг. // Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX-XXI веков: сб. ст. / науч. Ред. А.Ю. Полунов. Москва: Модест Колеров, 2017. С. 11 – 29.

10. Наука // Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Москва; Санкт-Петербург: «Большая Российская энциклопедия», «Норинт», 2004. С. 787.

11. Некрасова М.Б. Ломоносов Михаил Васильевич // Историки России. Биографии / Сост., отв. ред. А.А. Чернобаев. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С. 19 – 24.

12. Санин О.Г. Российские архивы первой половины XVIII века и становление отечественной исторической науки // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки. Москва: Издательство «Этерна», 2017. С. 942 – 951.

13. Сахаров А.Н. Карамзин Николай Михайлович // Историки России. Биографии. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С. 82 – 90.

14. С.М. Соловьев и его эпоха: К 200-летию со дня рождения историка: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. Петров Ю.А. Москва: Институт Российской истории РАН, 2020. 407 с.

15. Соловьев С.М. Император Александр Первый. Политика – дипломатия. Санкт-Петербург.: типография М.М. Стасюлевича, 1877. [4], 563 с.

16. Соловьев С.М. История падения Польши. Москва: типография Грачева и Ко, 1863. [4], 370 с.

17. Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 1: История Россия с древнейших времен. Тт. 1-2 / Вступительная статья И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриева. Москва: Мысль, 1988. 797 с.

18. Фрик Т.Б. «Жуковский есть истинный наш брат»: Н.М. Карамзин и В.А. Жуковский (к проблеме «Карамзин и его окружение») // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 72 – 80. DOI: 10.17223/15617793/483/7

19. Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. Москва: «Молодая гвардия», 1990. 368 с.

20. Юхт А.И. Татищев Василий Никитич // Историки России. Биографии. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С. 7 – 14.

21. Kaplan V. Historians and historical societies in the public life of Imperial Russia. Bloomington and Indianappolis: Indiana University Press, 2017. 316 p.

References

1. Bedretdinova L.N. Ivan III in the early works of S.M. Solovyov. Historical bulletin. 2025. Vol. 8. No 1. P. 187 – 193. DOI: 10.58224/2658-5685-2025-8-1-187-193.

2. Volkova I.V. Sergey Mikhailovich Solovyov. Essay on life and creativity. Solovyov S.M. Publicly available readings about Russian history. Moscow: Respublika, 1992. C. 23 – 186.

3. Jackson T.N. Miller Gerard Friedrich. Historians of Russia. Biographies. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2001. P. 15 – 18.

4. Jackson TN. Schlözer August Ludwig. Historians of Russia. Biographies. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2001. P. 62 – 66.

5. Illeritsky V.E. Sergey Mikhailovich Solovyov. Moscow: Nauka, 1980. 192 p.

6. Klyuchevsky V.O. In memory of S.M. Solovyova. Klyuchevsky V.O. Essays in nine volumes. Moscow: Mysl, 1989. Vol. VII. P. 329 – 344.

7. Klyuchevsky V.O. Sergey Mikhailovich Solovyov. Klyuchevsky V.O. Essays in nine volumes. Moscow: Mysl, 1989. Vol. VII. S. 303 – 319.

8. Komzolova A.A. The Imperial Army during the Russian-Polish War of 1830-1831: New Research (Review). Social and Humanities. Domestic and foreign literature. Episode 5: History. 2026. No 1. P. 7 – 16. DOI: 10.31249/hist/2026.01.01

9. Krivopalov A.A. Field Marshal I.F. Paskevich and the Russian-Polish War of 1830-1831. Russia and the Slavic world in the wars and conflicts of the XIX-XXI centuries: coll. ct. scientific. Ed. A.Y. Polunov. Moscow: Modest Kolerov, 2017. P. 11 – 29.

10. Science. Large Encyclopedic Dictionary. 2nd ed., rev. and additional. Moscow; St. Petersburg: "Great Russian Encyclopedia", "Norint", 2004. P. 787.

11. Nekrasova M.B. Lomonosov Mikhail Vasilievich. Historians of Russia. Biographies. Comp., otv. ed. A.A. Chernobayev. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2001. P. 19 – 24.

12. Sanin O.G. Russian archives of the first half of the XVIII century and the formation of domestic historical science. The role of archives in information provision of historical science. Moscow: Eterna Publishing House, 2017. P. 942 – 951.

13. Sakharov A.N. Karamzin Nikolai Mikhailovich. Historians of Russia. Biographies. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2001. P. 82 – 90.

14. S.M. Solovyov and his era: To the 200th anniversary of the historian's birth: Materials of the All-Russian scientific conference with international participation. Ans. ed. Petrov Yu.A. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2020. 407 p.

15. Solovyov S.M. Emperor Alexander I. Politics is diplomacy. St. Petersburg.: printing house M.M. Stasyulevich, 1877. [4], 563 p.

16. Solovyov S.M. History of the Fall of Poland. Moscow: Gracheva and Co. printing house, 1863. [4], 370 p.

17. Solovyov S.M. Essays. In 18 books. Kn. 1: History of Russia from ancient times. Tt. 1-2. Introductory article I.D. Kovalchenko, S.S. Dmitrieva. Moscow: Mysl, 1988. 797 p.

18. Frick T.B. "Zhukovsky is our true brother": N.M. Karamzin and V.A. Zhukovsky (on the problem of "Karamzin and his entourage"). Bulletin of the Tomsk State University. 2022. No. 483. P. 72 – 80. DOI: 10.17223/15617793/483/7

19. Tsimbaev N.I. Sergey Solovyov. Moscow: "Young Guard", 1990. 368 p.

20. Yukht A.I. Vasily Nikitich Tatishchev. Historians of Russia. Biographies. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2001. P. 7 – 14.

21. Kaplan V. Historians and historical societies in the public life of Imperial Russia. Bloomington and Indianappolis: Indiana University Press, 2017. 316 p.

Информация об авторе

Бабенко О.В., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, o.v.babenko@mail.ru

© Бабенко О.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-12-15

Южный Дагестан во внешней политике России в начале XIX века

[1] Махадов А.К.,
[1] Гусейнова А.А.,
[1] Дагестанский государственный университет

Аннотация: в начале XIX века Южный Дагестан всё заметнее оказывается в центре внимания трёх главных держав Восточного Кавказа – России, Турции и Ирана. Усиление интереса к этому региону связано с его стратегическим положением, благодаря тому, что здесь переплетаются внешнеполитические интересы и периодически обостряются противоречия между различиями. В это время активизируется борьба за влияние на территориях, граничащих с Южным Дагестаном, что приводит к созданию новых политических альянсов и перестройке прежней системы международных отношений. Укрепившись на Черном море, Россия вновь решила обратить свое внимание на Восточный Кавказ. Однако Турция не оставалась в стороне. Две конфликтующие государства начали стремиться окончательно вытеснить Иран за пределы Кавказского региона.

Ключевые слова: Южный Дагестан, Северный Азербайджан, Иран, Россия, Турция, Гюлистанский мирный договор

Для цитирования: *Махадов А.К., Гусейнова А.А. Южный Дагестан во внешней политике России в начале XIX века // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 12 – 15. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-12-15*

Поступила в редакцию: 2 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

Southern Dagestan in Russian foreign policy in the early 19th century

[1] Makhadov A.K.,
[1] Guseinova A.A.,
[1] Dagestan State University

Abstract: in the early nineteenth century, Southern Dagestan increasingly attracted the attention of the three major powers of the Eastern Caucasus – Russia, Turkey, and Iran. The growing interest in this region was due to its strategic position, where foreign policy interests intersected and rivalries periodically intensified. During this period, the struggle for influence over territories bordering Southern Dagestan became more active, leading to the creation of new political alliances and a restructuring of the previous system of international relations. Having gained a foothold on the Black Sea, Russia once again decided to turn its attention to the Eastern Caucasus. However, Turkey did not stand aside. The two conflicting states began to seek to finally oust Iran from the Caucasus region.

Keywords: Southern Dagestan, Northern Azerbaijan, Iran, Russia, Turkey, Gulistan Peace Treaty

For citation: *Makhadov A.K., Guseinova A.A. Southern Dagestan in Russian foreign policy in the early 19th century. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 12 – 15. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-12-15*

The article was submitted: April 2, 2026; Approved after reviewing: May 1, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Начало XIX века ознаменовалось усилением геополитического значения Южного Дагестана на Восточном Кавказе, привлекая внимание России, Турции и Ирана. Россия, укрепившись на Черном море, вновь обратила свой взгляд на восточное направление. Параллельно с этим Турция также активизировала свои действия, и обе эти державы начали борьбу за исключение Ирана из числа влиятельных сил в Кавказском регионе [9, с. 145].

В соперничестве за влияние на Кавказе Российская империя обладала самой сильной армией. Османская империя, напротив, переживала период упадка и искала пути восстановления. Европейские державы, особенно Великобритания и Франция, подталкивали Турцию к активным действиям. Стремясь укрепить свои позиции в регионе, Турция развернула масштабную антироссийскую пропаганду, направляя в Дагестан шпионов и агентов с подкупами, посланиями и призывами к «священной войне» [2, с. 71].

В период с осени 1783 по весну 1787 года Османская империя предприняла попытку усилить свое влияние на Кавказе. С этой целью в Южный Дагестан была направлена группа эмиссаров во главе с Халилом Эфенди, которому было поручено создать протурецкий союз из местных феодалов. Результатом этих усилий стало образование номинального альянса между пашой Ахалциха и феодальными правителями Азербайджана и Дагестана [5, с. 207].

На фоне растущего могущества России европейские державы начали проявлять беспокойство. Это выразилось в активизации антироссийской пропаганды и обещании султану оказать всестороннюю помощь в борьбе против России. Иран также присоединился к этой коалиции. Однако внутренние события в Иране, а именно убийство шаха Ага-Мухаммед-хана Каджара в июле 1797 года и последующее бегство его свиты, привели к выходу Ирана из игры на Восточном Кавказе. Это, в свою очередь, открыло дорогу для включения региона в состав России, особенно учитывая, что правители Южного Дагестана уже выражали желание стать российскими подданными. При этом хан Дербента и Кубы Ших-Али, стремясь удержать власть, вел двойственную политику, пытаясь балансировать между интересами России и Ирана.

Материалы и методы исследований

Для написания данной статьи была изучена и привлечена обширная географическая и историческая литература по данной тематике, использованы письменные источники, а также материалы из архивов и статьи профессиональных ученых и исследователей. В статье был использован сравнительно –географический метод, географический метод, метод историзма, причинно-следственной связи, сопоставления.

Результаты и обсуждения

В результате недовольства жителей Южного Дагестана, вызванного управлением Ших-Али хана, в Дербенте произошла смена власти: руководство городом перешло к его брату Хасан-Али хану. Это изменение стало итогом политических разногласий и конфликтов среди местных элит, стремившихся стабилизировать положение в регионе и удовлетворить ожидания населения.

Как сообщалось в рапорте от 28 мая 18001 года генералу К. Ф. Кнорингу, уцмий Каракайтагский и кадий Табасаранский действовали в полном согласии с Ших-Али ханом. В результате, народ, возмущенный таким положением дел, обратился к генералу-лейтенанту Мегди-Шамхалу Тарковскому с просьбой о восстановлении спокойствия. В ответ на это уцмий и кадий прибыли с войском, а Ших-Али хан также выдвинулся со своими силами из Азербайджана [4, с. 22-23].

В условиях угрозы нападения со стороны своего брата, Хасан-Али хан обратился к российскому правительству с просьбой о защите. Однако, Ших-Али хан также искал поддержки у России, запрашивая шеститысячное войско для установления своего господства над Дербентом, Кюрой, Табасараном, хты-парой, а также над Сальянским и Бакинским ханствами. Россия, стремясь сохранить нейтралитет и избежать эскалации напряженности, не предоставила военной помощи ни одному из братьев.

Встреча с русской армией была организована местными правителями: уцмием Кайтага, майсумом и кадием Табасарана, а также ханом Кюры, которые в тот момент подтвердили свою вассальную зависимость от России. Однако Ших-Али-хан, как уже упоминалось, не был настроен на сотрудничество с Россией. Он энергично склонял местных владетелей Южного Дагестана к вооружённому противостоянию с Россией. В официальной докладной записке князя П.Д. Цицианова, исполнявшего функции главнокомандующего на Кавказе, указывалось на то, что возможно благодаря полученным выгодам, Ших-Али-хан решил оказать

поддержку Мустафа-хану Ширванскому, предоставив ему дополнительные отряды для борьбы с российской армией.

Российская империя активно расширяла свое влияние на Кавказе в начале XIX века. В январе 1804 года к России были присоединены Белоканские вольные общества. В том же месяце произошло ключевое событие – подчинение Гянджинского ханства. Взятие Гянджи было стратегически важным, поскольку крепость служила воротами в Южный Азербайджан и открывала русским войскам путь к дальнейшему покорению региона. Кроме того, это присоединение укрепило безопасность восточных рубежей Грузии и способствовало установлению российских морских коммуникаций с Астраханью через Каспийское море. В 1805 году, в основном мирным путем, к России присоединились Карабахское, Шекинское и Ширванское ханства, что было официально оформлено договорами в 1806 году.

После девяти дней переговоров, которые завершились 12 октября 1813 года в деревне Гюлистан, между Россией и Ираном был подписан договор. Согласно этому соглашению, каждая из сторон сохраняла контроль над территориями, которыми владела на тот момент. Россия получила Южный Дагестан, Грузию, а также ханства Кубинское, Ширванское и Талышское. Ещё одним важным пунктом договора стало предоставление России исключительного права иметь военный флот на Каспийском море.

21 мая 1814 года в Париже ратификацию мирного договора подписал император Александр I, что официально закрепило присоединение к Российской империи всего иберийского побережья Кавказа и Каспия от устья Терека до города Астара. Также к России отошёл Северный Азербайджан с границами по рекам Аракс и Зангезурскому хребту, в то время как Ереванское и Нахичеванское ханства остались под властью Персии. Таким образом, Гюлистанский договор стал решающим этапом в присоединении этих территорий к России.

В 1801 году для поздравления Александра I Благочестивого со вступлением на престол были отправлены в Петербург посланцы дагестанских правителей, в том числе от Рустам-Кади Табасаранского, Сограббека и Махмуд-бека. Были представители от Табасарана и на совещании процарски настроенных феодалов Кавказа, состоявшемся в Георгиевске в 1802 году [3, с. 17].

В XVIII веке майсум и кадий, как и другие владетели Дагестана, в зависимости от обстановки признавали себя вассалами того или иного иностранного государства. Нередко эта зависимость носила формальный характер. Как легко владетели вступали в подданство, так и легко отказывались от него. С конца XVIII века кадий и майсум Табасарана твердо ориентировались на Россию и оказывали русским войскам всяческую помощь. Когда Ага-Мухаммед-хан с большой армией вторгся в Закавказье, кадий Табасарана в категорической форме отказался поддерживать Шахский Иран. В 1796 году русские войска во главе с Зубовым вступили в Дагестан. В числе других дагестанских владетелей кадий Табасарана изъявил готовность действовать против персидских войск [7, с. 180].

Недалеко от Самура царские войска совместно с ополчениями уцмия и кадия Табасарана разбили Сурхая. Он изъявил покорность и дал присягу на верность России. Однако эту присягу он неоднократно нарушал. Между тем царское правительство, не желая обострять отношения с Турцией, в конце 1797 года отозвало свои войска из Дагестана. Павел I Петрович возвратил Ших-Али-хану Дербент и Кубу. В то же время царское правительство продолжало оказывать покровительство владетелям Дагестана. Отправленные табасаранским Рустам – кади и кайтагским уцмием в Петербург посланцы вернулись в 1797 году с покровительственными грамотами Павла I. [10, Л. 10]

Во время русско-иранской войны 1804-1813 годов сражения велись не только силами регулярной армии, но и при поддержке народных масс. Местное население провинций и ханств активно сопротивлялось персидским войскам, что подчёркивает ориентацию народов Дагестана и Кавказа на Россию в начале XIX века. Гюлистанский мирный договор закрепил новую границу между двумя государствами, проходившую через территории Южного Дагестана, Северного Азербайджана и часть Карабахского ханства. Однако, наличие спорных территорий и невыполнение некоторых пунктов договора обеими сторонами, когда Иран удерживал российские земли, а Россия занимала территории, принадлежавшие Ирану (включая северо-западное побережье озера Севан и Ереванское ханство), продолжало вызывать разногласия [1, с. 150].

Выводы

В контексте своих планов по ведению очередной войны против России, правящая элита Ирана возлагала основные надежды на население Южного Дагестана и Северного Азербайджана. Иранские эмиссары, осуществлявшие проникновение на территорию Дагестана, занимались преднамеренным распространением ложных сведений и домыслов. Кроме того, создавались поддельные письма, адресованные шаху Ирана, в

которых от имени жителей Южного Дагестана и Северного Азербайджана якобы выражалась просьба оказать помощь в защите ислама и мусульман от представителей других вероисповеданий.

Тем не менее, ход русско-иранской войны 1826-1828 годов опровергает подобные заявления. В этот период чётко проявилось единство народов Южного Дагестана и Северного Азербайджана, которые совместно выступили против общего противника и захватчика Востока – Ирана [8, с. 203].

В конце 1811 – начале 1812 года все общества Самурской долины присоединились к России. Генерал Хатунцев писал, что после присоединения кюринцев «явились ко мне старшины и духовные кадии соседственных горских деревень Мискинджи, Ахты-пары, Алты-пары, Докуз-пары» с изъявлением покорности и «с усердным желанием быть под покровительством России». [6, С. 102]

В итоге стоит отметить, что во время всей кампании все части Кавказского корпуса, действовавшие на территориях Южного Дагестана и Северного Азербайджана, регулярно получали от местных жителей необходимые ресурсы: пищу, корма для лошадей, лошадей и вьючных быков, а также имели доступ к речному и гужевому транспорту.

Список источников

1. Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. 304 с.
2. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч.1. 578 с.
3. Гаджиев В.Г. Прогрессивное значение присоединения Дагестана к России. Ученые записки ИИЯЛ. Т. I. Махачкала, 1956. С. 7 – 41.
4. Мамедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане XVIII – нач. XIX в. Баку, 1980. 30 с.
5. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. 323 с.
6. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940. 472 с.
7. Очерки истории Дагестана. Т. I. Махачкала., 1957. 392 с.
8. Рахмани А.А. Азербайджан в конце XVI-XVIII вв. Баку, 1954. 240 с.
9. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991. 221 с.
10. Центральный Государственный Архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 150. Оп. 1, Д. 7а. Л. 10.

References

1. Bakikhanov A.K. Gulistan-i Iram. Baku: Elm, 1991. 304 p.
2. Butkov P.G. Materials for the New History of the Caucasus from 1722 to 1803. St. Petersburg, 1869. Part 1. 578 p.
3. Gadzhiev V.G. The Progressive Significance of Dagestan's Annexation to Russia. Scientific Notes of the Institute of Foreign Languages. Vol. I. Makhachkala, 1956. P. 7 – 41.
4. Mamedova G.N. Russian Consuls on Azerbaijan in the 18th – Early 19th Centuries. Baku, 1980. 30 p.
5. Markova O.P. Russia, Transcaucasia, and International Relations in the 18th Century. Moscow, 1966. 323 p.
6. Materials on the History of Dagestan and Chechnya. Makhachkala, 1940. 472 p.
7. Essays on the History of Dagestan. T. I. Makhachkala, 1957. 392 p.
8. Rakhmani A.A. Azerbaijan in the Late 16th-18th Centuries. Baku, 1954. 240 p.
9. Sotavov N.A. The North Caucasus in Russian-Iranian and Russian-Turkish Relations in the 18th Century. Moscow, 1991. 221 p.
10. Central State Archives of the Republic of Dagestan (TsGA RD). F. 150. Op. 1, D. 7a. L. 10.

Информация об авторах

Махадов А.К., аспирант, преподаватель, Дагестанский государственный университет

Гусейнова А.А., кандидат исторических наук, доцент, Дагестанский государственный университет

© Махадов А.К., Гусейнова А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(470.341)
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-16-23

Нравственное состояние приходского духовенства Нижегородской епархии в конце XIX – начале XX вв.

[1] Архипова Н.Е.,
[1] Волжский государственный университет водного транспорта

Аннотация: в статье на основе впервые вводимых в научный оборот документов Нижегородской духовной консистории выявляется количество и виды нарушений в поведении священников и церковнослужителей Нижегородской епархии до и после первой революции, определяется степень наказаний церковным судом. Автор приходит к выводу, что после революционных событий 1905-1907 гг. число представителей приходского духовенства, которое привлекалось к церковному суду, возросло с 6,6% до 9% всех священников и церковнослужителей епархии. При этом доля клира, которая несла ответственность за нарушения до и после революции, была одинаковой и незначительной и составляла 3%. Выявлены наиболее распространенные проявления неканонического поведения: нетрезвость и, как следствие, недостойное поведение, оскорбление и немиролюбие. В ходе событий 1905-1907 гг. и после зафиксированы единичные случаи политической неблагонадежности среди представителей клира. Установлено, что наиболее распространенные виды наказаний не были строгими: внушения, выговоры, замечания, отправка под епитимью, временный запрет в служении. Сделан вывод, что нравственным нормам соответствовало более 90% священников и церковнослужителей Нижегородской епархии.

Ключевые слова: приходское духовенство, Нижегородская епархия, церковный суд, неканоническое поведение, нарушения, наказания

Для цитирования: *Архипова Н.Е. Нравственное состояние приходского духовенства Нижегородской епархии в конце XIX – начале XX вв. // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 16 – 23. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-16-23*

Поступила в редакцию: 3 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

The moral state of the parish clergy of the Nizhny Novgorod diocese in the late XIX – early XX centuries

[1] Arkhipova N.E.,
[1] Volga State University of Water Transport

Abstract: the article, based on the documents of the Nizhny Novgorod Spiritual Consistory, first introduced into scientific circulation, reveals the number and types of violations in the behavior of priests and clergymen of the Nizhny Novgorod diocese before and after the first revolution, and determines the degree of punishment by the church court. The author concludes that after the revolutionary events of 1905-1907. the number of representatives of the parish clergy who were involved in the church court increased from 6.6% to 9% of all priests and clergy of the diocese. At the same time, the share of the clergy, which was responsible for violations before and after the revolution, was the same and insignificant and amounted to 3%. The most common manifestations of non-

canonical behavior have been identified: drunkenness and, as a result, unworthy behavior, insult and non-love. During the events of 1905-1907. and after recorded isolated cases of political unreliability among representatives of the clergy. It was established that the most common types of punishments were not strict: suggestions, reprimands, remarks, sending under penance, a temporary ban on service. It was concluded that more than 90% of the priests and clergymen of the Nizhny Novgorod diocese corresponded to moral standards.

Keywords: parish clergy, Nizhny Novgorod diocese, church court, non-canonical behavior, violations, punishments

For citation: *Arkhipova N.E. The moral state of the parish clergy of the Nizhny Novgorod diocese in the late XIX – early XX centuries. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 16 – 23. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-16-23*

The article was submitted: April 3, 2026; Approved after reviewing: May 2, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Поведение духовенства, нарушающее правила и каноны, несоответствующее образцу и ожиданиям людей, является одним из индикаторов состояния Церкви, уменьшая доверие к ней, ослабляя её авторитет и влияние в обществе, особенно в период социально-политической нестабильности начала XX века.

На сегодняшний день существуют региональные исследования по указанной тематике. Доктор исторических наук Т.Г. Леонтьева посвятила большую работу изучению православного духовенства в России во второй половине XIX-начале XX вв. на материала Тверской епархии [12]. Проблему отклоняющегося поведения приходского духовенства во второй половине XIX-нач. XX вв. на примере Вятской епархии, его причины и динамику изучал А.В. Скутнев [14]. Д.Н. Калашников в своей кандидатской диссертации исследовал повседневную жизнь приходских священнослужителей на материалах Курской епархии [11]. Историки С.Г. Федоров, И.В. Неупокоев рассматривали различные виды девиантных правонарушений духовенства и их причины в Тобольской губернии, называя одно из главных проявлений девиации – пьянство. При этом авторы заметили, что «большинство представителей сельского духовенства исправно служило церкви, государству и обществу» [16]. Неблаговидное поведение, девиации и последующие за это санкции на примере духовенства Оренбургской епархии описаны в статье А.Г. Фота [17]. Автор настоящей статьи, характеризуя состояние приходского духовенства Нижегородской епархии в пореформенный период, касался и нравственного аспекта его жизни с точки зрения проступков, которые разбирал церковный суд [3]. Текущее исследование продолжит ранее начатую работу.

Цель настоящего исследования – определить наиболее распространенные виды нравственных проступков приходского духовенства Нижегородской епархии и степень его наказаний судом Консистории, выявить изменения в количестве нарушений поведения после революционных событий 1905-1907 гг.

Материалы и методы исследований

Данное исследование основано на анализе «Списка церковнослужителей, подвергшихся взысканию за 3 года (1882-1885) по Нижегородской епархии», «Отчета о состоянии Нижегородской епархии за 1887 г.», «Отчета нижегородского епископа Владимира о состоянии епархии за 1890 г.», «Статистического отчета о состоянии Нижегородской епархии за 1899 г.», отчётов благочинных за 1907 год, материалов «Докладных реестров 4-го стола за 1908 и 1909 гг.», содержащихся в фонде Нижегородской духовной консистории. Анализ осуществлялся с помощью количественного метода: было подсчитано число дел о нарушениях в поведении представителей белого духовенства и церковнослужителей, количество наиболее распространенных видов отклоняющегося поведения среди священников, диаконов и псаломщиков, наиболее распространенных видов наказаний в конце XIX века и после первой революции. Проведён сравнительный анализ данных о нарушениях и наказаниях причта в конце XIX века и после революции 1905-1907 гг.

Результаты и обсуждения

На рубеже XIX-XX вв. в церковной прессе много говорилось о падении нравственного уровня российского народа [2]. Затронуло ли это само приходское духовенство? По мнению Т.Г. Леонтьевой, неканоническое поведение в среде духовенства всё более входило в привычку [12, с. 143]. Церковное начальство боролось с проявлениями отклоняющегося поведения. Духовное лицо в отличие от мирянина должно было контролировать свои действия и на службе, и в обычной жизни, чтобы соответствовать своему статусу,

ожиданиям паствы. Самый незначительный проступок священно- и церковнослужителя мог вызвать критику, недовольство, бросал тень на все духовенство.

Дела о проступках духовных лиц рассматривались в суде Консистории, кроме тех, которые были связаны с уголовными преступлениями. Согласно Уставу Духовных Консисторий, епархиальный суд разбирал проступки и преступления против должности, благочиния и благоповедения; взаимные споры по вопросу пользования церковной собственностью; жалобы духовных и светских лиц на духовных лиц по поводу нарушений бесспорных обязательств и просьбы об уплате долгов. Церковный суд определял наказание за нанесение священнослужителем кому-либо побоев в церкви во время богослужения (ст. 179); произнесение «неблагочинных слов» или выполнение действий, останавливавших богослужение (ст. 180); неуважение священно- и церковнослужителями Дома Божия (ст. 182); оскорбление вне церкви и причинение тяжкой обиды (ст. 186); венчание священнослужителями и причетниками лиц, которые не достигли брачного возраста (ст. 188 и 220), или уже находившихся в брачном союзе (ст. 189), или соединенных первыми четырьмя степенями родства или родством духовным (ст. 190); неисправное ведение приходно-расходных, метрических и обыскных книг, исповедных росписей (ст. 192 и 193) [15].

Церковное законодательство включало наказания от простых выговоров и замечаний до лишения священнослужителей сана, исключения из духовного ведомства [14].

Согласно официальным отчётам Нижегородского епархиального начальства за 1881, 1887, 1890 гг., в целом духовенство, обладая должным усердием в исполнении своих обязанностей, являлось нравственным примером для своих прихожан. В предосудительных поступках было замечено незначительное число представителей причта. В производстве епархиального суда в 1881 году находилось 157 дел о проступках духовенства, в 1890 году – 159 подобных дел. Число и характер следственных дел показывали, что общий нравственный уровень духовенства из года в год оставался на одном уровне [3; 6, Л. 25 об.].

Список священников, подвергшихся взысканиям за 3 года (1882-1885) содержит 72 имени. Исходя из него, можно выделить следующие типы нарушений: 13 случаев оскорбления прихожан, церковнослужителей, немиролюбие к прихожанам, 8 – нетрезвость, 8 – небрежное ведение церковных документов, несвоевременное доставление отчётов, 7 – предосудительные поступки, неисправность по служебным обязанностям, 6 – корыстолюбие, лихоимство и торговля, притязательность платы за требы, безотчётное управление церковной собственностью, 6 нарушений, связанных с похоронами скоропостижно умерших, младенца, утопленника без ведома полиции. Часто встречаемый тип наказаний – внушение, в том числе строгое, и выговор – в 37 случаях, то есть более половины. По делу о проживании у священника причётнической дочери-девицы Синод определил уволить священника за штат, но по ходатайству прихожан был оставлен на месте. При корыстолюбии, повышении сумм за требы священники переводились в другой приход [4, Л. 1-5 об.].

Редкими были любовные похождения, связи, развратные действия, но они всё же встречались. Например, дело 1893 г. о посягательстве диакона села Собакина Арзамасского уезда Алексея Новинского на целомудрие своей дочери 14 лет. Ранее за пьянство он был подвергнут двухмесячной епитимье в монастыре. После следствия нижегородское епархиальное начальство лишило его сана, исключило из духовного звания. Диакон направил в Синод апелляционный отзыв. Синод определил утвердить решение епархиального начальства, а также поручил епископу сделать распоряжение об определении старшей дочери Елизаветы и второй дочери, согласно их желанию, в Понетаевский женский монастырь с целью обеспечения их безопасности [7, Л. 123-123 об.].

В предыдущем исследовании [3] по данным официального отчета за 1881 г. было установлено, что число лиц, находившихся под церковным судом, составило 6,7% от всего причта. По сведениям отчета о состоянии Нижегородской епархии за 1887 г., у епархиального начальства в производстве находилось 197 дел о преступлениях и проступках духовенства, затрагивавших 8% причта епархии. В 1890 г. число лиц, находившихся под церковным судом, составляло 7% от всех священно- и церковнослужителей Нижегородской епархии. В 1881 и 1890 гг. виновными были признаны менее половины человек, проходившим по делам, в 1887 г. – 112 человек, т.е. 57% от лиц, подвергнутых суду. Наиболее распространенные виды нарушений – нетрезвость и, как следствие этого, проступки по должности. Так, в 1887 г. за это были судимы 42% виновных. При этом в отчёте 1887 г. было замечено, что порок пьянства «с осложнением в настоящее время священнических обязанностей значительно ослабевает» [5, Л. 62-63], т.е. у священников, обременённых большим количеством дел, сокращалось время для употребления алкоголя. Далее следовали такие проступки, как немиролюбие, вымогательство платы за требы. В 1887 г. около 13% священно- и церковнослужителей несли ответственность за неисправное ведение церковных документов, 9,5% - за оскорбление и немиролю-

бие. Наиболее частый вид ответственности – выговоры, внушения и замечания. Далее шли временное отрешение от места или отправление под епитимью (11,7% в 1887 г.), штрафы (10% виновных в 1887 г.).

Согласно ведомости о делах, касающихся предосудительных поступков духовенства, к 1 января 1899 г. оставалось 14 дел, до 1 января 1900 г. вновь возникло 98, итого 112 дел, касавшихся 4,6% всего причта епархии. В Синод было представлено 4 дела, окончательно решено 86 дел. Признано виновными и подвергнуто наказанию епархиальным начальством 31 человек, т.е. в 2,4 р. меньше по сравнению с 1890 годом. Виновными были признаны менее трети (около 28%) от всех лиц, проходивших по делам, и 1,3 % от всего духовенства епархии. Число дел о предосудительных поступках по сравнению с 1898 г. уменьшилось на 14 [8, Л. 33-35].

Самое суровое наказание в виде лишение сана в 1890 г. было применено к 1 священнику, исключение из духовного звания к 1 псаломщику, в 1899 г. – к двум священникам, 1 диакону и 1 причетнику [9, Л. 33].

Таким образом, в конце XIX века в Нижегородской епархии в среднем к церковному суду привлекалось 6,6% всех священно- и церковнослужителей епархии. Наиболее распространенными проступками являлись нетрезвость и, как следствие, недостойное поведение, немиролюбие, вымогательства платы за требоисправления. Епархиальный суд признавал виновными менее половины лиц, проходивших по делам. Примерно 3% священников и церковнослужителей епархии несли наказание, в основном, нестрогое в виде внушений, выговоров и замечаний. На втором месте шло наказание в виде временного отрешения от места или отправка под епитимью. Крайне редко применялась суровая мера в виде лишение сана.

А.В. Скутнев отмечает тенденцию роста отклоняющегося поведения у священнослужителей Вятской епархии, особенно это касается периода первой революции и нескольких лет после [14]. Как известно, революция подрывает существующие общественные устои, вносит беспорядок в привычную жизнь. По замечанию Пулькина М.В., наибольшее развитие и распространение девиантного поведения приходится на периоды социальной нестабильности [13].

Рассмотрим нарушения в поведении причта в Нижегородской епархии после первой революции.

В отчете благочинного 4-го округа Горбатовского уезда отмечался рост числа дел о вымогательстве духовенства. Благочинный это объяснял тем, что в основном в тех местах, где причту полагалось казённое жалование, прихожане переставали платить установленную ранее ругу, сокращали до минимума плату за требы. По словам благочинного, такое положение было результатом отсутствия строгого законного определения: с какой суммы начиналось вымогательство [9, Л. 56, 91].

В ходе и после первой революции появились дела о политической неблагонадёжности представителей духовенства. Лица, проходившие по таким делам, запрещались в служении или переводились в другой приход [1]. Псаломщик села Гридино Нижегородского уезда Владимир Херсонский в 1907 г. за оскорбление словами особы государя был уволен за штат. В «Докладном реестре по 4-ому столу» за 1909 год указаны 2 дела о политической неблагонадёжности. Дело диакона села Ворсмы Кроткова и псаломщика села Окулова Сергиевского (принадлежали партии социалистов-революционеров) завершилось тем, что, кроме увольнения за штат, по просьбе обвиняемых двухгодичная ссылка в Сибирь была заменена заключением в монастырь на тот же срок. По просьбе диакона Кроткова епархиальное начальство разрешило ему служить в стенах Островоезерского монастыря [10, Л. 84 об., 247 об.]. В отношении священника села Силева Ардатовского уезда А. Алмазова, переписавшего и хранившего тетрадь с революционными стихами и прокламацией «Выборгского воззвания» (подтвердил сам священник), епархиальные власти склонялись к тому, чтобы отрешить его от места низведением на должность причетника. Но принимая во внимание одобрительные отзывы прихожан о священнике, отличную аттестацию его поведения местным благочинным, церковный суд определил отправить священника Алмазова под епитимью в монастырь на 1,5 месяца, потом подвергнуть надзору благочинного [10, Л. 52 об., 203 об., 392 об.].

Церковный суд отличался терпимостью к нарушителям. Псаломщик Лукояновского уезда Голубинский за неоднократное пьянство был отправлен в монастырь на 3 месяца с предупреждением, что настоящая мера исправления применена к нему в последний раз. В случае повторения тех же проступков, он будет уволен от должности без права возврата на службу [10, Л. 169 об.].

За схожие проступки наказания были разными, с учётом жизненных обстоятельств. С диакона с. Тольского Майдана Лукояновского уезда Ивана Бланкова благочинный взял подписку, что не будет пьянствовать, а будет служить трезво и воспитывать своих детей, оставшихся без матери. Так местный благочинный поддержал отца-одиночку. В другом случае диакон с. Катунок Балахнинского уезда И. Крылов за нетрезвость не только дал подписку в Консистории о ведении трезвого образа жизни, но и был отправлен в кафедральный собор для уборки храма [10, Л. 106 об., 191 об., 194 об.].

Церковный суд редко мог добиться перевоспитания нарушителя. Представители причта повторяли те проступки, за которые уже были подвергнуты суду. Но епархиальные власти не раз предоставляли возможность исправления. Например, священник с. Матренки Балахнинскоо уезда Петр Веселов не исполнял подписку, данную благочинному, о ведении трезвого образа жизни. Духовная консистория заменила месячное пребывание в монастыре месячным служением в кафедральном соборе, сняв с него запрещение и взяв новую подписку в Консисторию о «ведении совершенно трезвой жизни» [10, Л. 254 об.].

За притеснение священником Успенским старосты местному благочинному следовало разъяснить священнику, что со своей паствой необходимо обращаться кротко, с любовью. Ввиду бывшей судимости Успенского в случае продолжения проявления немиролюбия к прихожанам, власти предупреждали, что он будет удалён из прихода, а получение другого представлялось крайне затруднительным [10, Л. 265 об.].

Лишение сана с исключением провинившегося из духовного звания применялось очень редко, когда духовная власть убеждалась в невозможности исправить обвиняемого. Например, ввиду неоднократной судимости псаломщика Сергачского уезда Добротворского, двукратного отрешения его от места, самовольного оставления должности, суд окончательно отрешил его от места с тем, чтобы «впредь на службу в духовное ведомство не принимать» [10, Л. 285].

Обратимся к цифрам. Поскольку в Нижегородской консистории отсутствуют отчёты епархиального начальства после первой революции, для настоящего исследования были использованы записи «Докладных реестров 4-го стола Нижегородской Духовной Консистории за 1908 и 1909 гг.» [10, 1 – 442], на основе которых были сделаны следующие подсчёты. У епархиального начальства в течение 1909 года на рассмотрении находилось 228 дел, касающихся 9% всех священно- и церковнослужителей епархии. По делам проходило 116 священников, что составляет около 11% от всех священников епархии. Самые распространённые случаи отклоняющегося поведения касались пьянства – 61 дело, 27% всех дел, далее следовали грубость, оскорбление, немиролюбие – 29 случаев, 12,7% дел, на третьем месте неблагоповедение, которое чаще всего являлось следствием нетрезвого образа жизни – 17 дел (7,5%), на четвёртом месте – самовольное распоряжение церковными средствами, присвоение церковных денег, неисправное ведение хозяйства – 12 случаев, или 5 % дел. Примеры вымогательства при исполнении треб, притязательности к их исполнению были зафиксированы в 10 делах, 4,4% всех дел. Наказания были определены по 81 делу, 36% всех дел, затронувших 3% священников и церковнослужителей епархии.

Порок пьянства среди приходского духовенства – часто встречаемый факт, зафиксированный исследователями и в других епархиях. Нередко сами прихожане ходатайствовали перед епархиальным начальством об удалении из храма священника, склонного к такому пороку, например, прошения прихожан сел Селищ Сергачского уезда, Юркина Макарьевского уезда. Жители села Зверева Сергачского уезда просили об удалении из прихода за нетрезвость псаломщика В. Знаменского, прихожане села Михеевки Ардатовского уезда донесли начальству о нетрезвом образе жизни священника Алферьева [10, Л. 77 об., 128 об., 141 об., 243 об.]. Нетрезвость клира – очень болезненный вопрос и для прихожан, и для епархиального начальства, которое максимально терпимо относилось к нарушителям. Отправка на исправление в монастырь на несколько месяцев иногда означала лишение прихода единственного священника, не гарантировала в дальнейшем изменение его поведения [10, Л. 440 об.].

Самым распространенным наказанием стала епитимья в монастырь или в кафедральный собор на срок от 2-х недель до 3-х месяцев (26%), второе место заняли внушения, замечания, разъяснения и предписания (25% решенных дел), далее следовал временный запрет в служении, отправка за штат (около 15%), четвёртое место поделили выговор, в том числе строгий (8,6%), и перевод в псаломщики или причётчики (8,6%), далее следовали штрафы и подписки не пить, вести благопристойный образ жизни.

В 1909 году крайняя мера в виде исключения из духовного ведомства была применена к четырём лицам (5% решений), представителям низшего клира, из них 2 псаломщика были наказаны за пьянство, 1 псаломщик за кражу и 1 диакон-псаломщик за пьянство и служение литургии в нетрезвом виде.

Выводы

Первая революции оказала определенное влияние на нравственное состояние клира. В конце XIX века в Нижегородской епархии в среднем к церковному суду привлекалось 6,6% священно- и церковнослужителей епархии, после революции – 9%. По сравнению с данными 1899 года число дел в 1909 году возросло в 2 раза. Наиболее распространенными примерами отклоняющегося поведения, как до революции, так и после оставались нетрезвость и, как следствие, недостойное поведение, а также оскорбление и немиролюбие. После 1907 года на смену достаточно распространенному вымогательству платы за требоисправления, вызванному материальной необеспеченностью клира, пришли случаи самовольного распоряжения причтом

церковными средствами, присвоения церковных денег. Кроме нравственных проступков, в ходе первой революции и после появились дела о политической неблагонадежности представителей клира, которые носили единичный характер. Епархиальные власти в конце XIX века признавали виновными менее половины проходивших по делам лиц, в 1909 г. – чуть более трети. Поэтому как до революции, так и после наказанию подвергалось 3% всего приходского духовенства епархии. Большинство наказаний были нестрогими: внушения, выговоры, замечания, отправка под епитимью, временный запрет в служении. Суд Консистории очень терпимо относился к провинившимся, даже к тем, кто неоднократно нарушал границы нравственности. Церковный суд редко мог добиться перевоспитания человека, которого захватил порок пьянства. Бережно относясь к кадрам, суд в редких случаях использовал крайнюю форму ответственности в виде лишения сана, исключения из духовного ведомства. Таким образом, в конце XIX века и после революционных событий 1905-1907 гг. нравственное состояние подавляющего большинства (более 90%) приходского духовенства Нижегородской епархии соответствовало нормам, образу жизни пастыря или церковнослужителя.

Список источников

1. Архипова Н.Е. Поведение духовенства Нижегородской епархии в период первой революции в России // Научный диалог. 2024. № 13 (3). С. 289 – 307. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-289-307

2. Архипова Н.Е. Религиозно-нравственное состояние жителей Нижегородской губернии во второй половине XIX-XX веков // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 198 – 206.

3. Архипова Н.Е. Состояние приходского духовенства Нижегородской епархии во второй половине XIX века // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 4. С. 7 – 13.

4. ГКУ ЦАНО – Государственное казенное управление Центральный архив Нижегородской области. Ф. 570. Оп. 559. 1882 г. Д. 83. Список церковнослужителей, подвергшихся взысканию за 3 года (1882-1885) по Нижегородской епархии. Л. 1-5 об.

5. ГКУ ЦАНО – Государственное казенное управление Центральный архив Нижегородской области. Ф. 570. Оп. 559. 1887 г. Д. 6. Отчет о состоянии Нижегородской епархии за 1887 г. Л. 62-63.

6. ГКУ ЦАНО – Государственное казенное управление Центральный архив Нижегородской области. Ф. 570. Оп. 559. 1890 г. Д. 9. Отчет нижегородского епископа Владимира о состоянии епархии за 1890 г.

7. ГКУ ЦАНО – Государственное казенное управление Центральный архив Нижегородской области. Ф. 570. Оп. 559. 1893 г. Д. 175. Дело о покушении дьякона с. Собакина Арзамасского уезда Алексея Новинского на изнасилование своей 14-летней дочери Елизаветы. Л. 123-123 об.

8. ГКУ ЦАНО – Государственное казенное управление Центральный архив Нижегородской области. Ф. 570. Оп. 559. 1899 г. Д. 6. Статистический отчет о состоянии Нижегородской епархии за 1899 г. Л. 33-35.

9. ГКУ ЦАНО – Государственное казенное управление Центральный архив Нижегородской области. Ф. 570. Оп. 559. 1907 г. Д. 20. Отчеты благочинных о состоянии отдельных благочиннических округов Нижегородской епархии за 1907-1908 гг. Л. 56, 91.

10. ГКУ ЦАНО – Государственное казенное управление Центральный архив Нижегородской области. Ф. 570. Оп. 559. 1908 г. Д. 8. Докладные реестры 4-го стола за 1908 и 1909 гг. Л. 1-442.

11. Калашников Д.Н. Повседневная жизнь приходских священнослужителей в провинциальной России второй половины XIX – начала XX вв. (на материалах Курской епархии): дис. …канд. ист. наук. Курск, 2011. 189 с.

12. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. Серия «Российское общество». Современные исследования. М.: Новый хронограф, 2002. 272 с.

13. Пулькин М.В. Девиантное поведение в XVIII-начале XX в. (по материалам Олонецкой губернии) // Культурно-историческая психология. 2008. № 2. С. 84 – 90.

14. Скутнев А.В. Приходское духовенство: особенности менталитета и неканоническое поведение (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 63 – 78.

15. Устав Духовных Консисторий // С доп. и раъяснениями Святейшего синода и Правительствующего Сената; Сост. М.Н. Палибин 2-е изд. Санкт-Петербург: Юрид. кн. маг. Н.К. Мартынова, 1912. VIII. 240 с.

16. Федоров С.Г., Неупокоев И.В. Девиантное поведение сельского духовенства и ег.о влияние на крестьянскую общину во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Тобольской губернии) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 103 – 112. doi: 10.17223/19988613/93/13

17. Фот А.Г. Неканоническое поведение и ответные санкции в среде православного приходского духовенства (на материалах Оренбургской епархии) // Приволжский научный вестник. 2014. № 9 (37). С. 44 – 51.

References

1. Arkhipova N.E. Behavior of the clergy of the Nizhny Novgorod diocese during the first revolution in Russia. Scientific dialogue. 2024. No. 13 (3). P. 289 – 307. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-289-307

2. Arkhipova N.E. Religious and moral state of the inhabitants of the Nizhny Novgorod province in the second half of the 19th-20th centuries. Scientific dialogue. 2016. No. 2 (50). P. 198 – 206.

3. Arkhipova N.E. The state of the parish clergy of the Nizhny Novgorod diocese in the second half of the 19th century. Humanitarian scientific bulletin. 2020. No. 4. P. 7 – 13.

4. GKU TSANO – State Treasury Administration, Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1882, D. 83. List of clergy subjected to punishment over 3 years (1882-1885) in the Nizhny Novgorod Diocese. L. 1-5 rev.

5. GKU TSANO – State Treasury Administration, Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1887, D. 6. Report on the state of the Nizhny Novgorod Diocese for 1887, L. 62-63.

6. GKU TSANO – State Treasury Administration, Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1890, D. 9. Report of the Nizhny Novgorod Bishop Vladimir on the state of the diocese for 1890.

7. GKU TSANO – State Treasury Administration, Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1893, D. 175. Case of the attempted rape of Aleksey Novinsky, deacon of the village of Sobakin, Arzamas District, by his 14-year-old daughter, Elizaveta. L. 123-123 rev.

8. GKU TSANO – State Treasury Administration, Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1899, D. 6. Statistical report on the state of the Nizhny Novgorod Diocese for 1899, L. 33-35.

9. GKU TSANO – State Treasury Administration Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1907. D. 20. Reports of deans on the state of individual deanery districts of the Nizhny Novgorod Diocese for 1907-1908. L. 56, 91.

10. GKU TSANO – State Treasury Administration Central Archives of the Nizhny Novgorod Region. F. 570. Op. 559. 1908. D. 8. Report registers of the 4th table for 1908 and 1909. L. 1-442.

11. Kalashnikov D.N. Everyday life of parish clergy in provincial Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Kursk Diocese): diss. … Cand. of History. Kursk, 2011. 189 p.

12. Leontyeva T.G. Faith and Progress: Orthodox Rural Clergy of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Series "Russian Society." Modern Research. Moscow: Novy Khronograf, 2002. 272 p.

13. Pulkin M.V. Deviant Behavior in the 18th – Early 20th Centuries (Based on Materials from the Olonetsk Province). Cultural-Historical Psychology. 2008. No. 2. P. 84 – 90.

14. Skutnev A.V. Parish Clergy: Mentality Features and Non-Canonical Behavior (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries). Novy Istorichesky Vestnik. 2007. No. 2 (16). P. 63 – 78.

15. The Charter of the Spiritual Consistories. With additions and explanations of the Holy Synod and the Governing Senate; Comp. M.N. Palibin, 2nd ed. St. Petersburg: Legal Prince and Magistrate N.K. Martynova, 1912. VIII. 240 p.

16. Fedorov S.G., Neupokoev I.V. Deviant behavior of the rural clergy and its influence on the peasant community in the second half of the 19th – early 20th centuries (using the example of Tobolsk province). Bulletin of Tomsk State University. History. 2025. No. 93. P. 103 – 112. doi: 10.17223/19988613/93/13

17. Fot A.G. Non-canonical behavior and retaliatory sanctions among the Orthodox parish clergy (based on materials from the Orenburg diocese). Volga Region Scientific Bulletin. 2014. No. 9 (37). P. 44 – 51.

Информация об авторе

Архипова Н.Е., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2770-680X, Волжский государственный университет водного транспорта, 603000, г. Нижний Новгород, ул. Нестерова, д. 5, arx78@mail.ru

© Архипова Н.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(474.2-5)
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-24-31

Создание Балтийской Антанты и позиция СССР

[1] Бакаляр Е.Е.,
[1] Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Аннотация: статья посвящена анализу исторических предпосылок и геополитических факторов, которые привели к заключению «Договора о согласии и сотрудничестве» между Латвией, Литвой и Эстонией 12 сентября 1934 г. – документа, оформившего создание «Балтийской Антанты». В работе детально исследуется эволюция идеи консолидации прибалтийских государств, начиная с первых попыток взаимодействия в 1919-1920-х гг., и выявляются ключевые препятствия на пути к союзу. В статье подробно разбираются исторические обстоятельства, осложнявшие сближение трёх стран: «Виленский вопрос», который сделал невозможным участие Литвы и Польши в едином союзе и подтолкнул Литву к нормализации отношений с Москвой; «Клайпедский вопрос», из-за которого Литва стала объектом германского реваншизма и отпугнула потенциальных союзников; двустороннее латвийско-эстонское сближение (оборонительный союз 1923 г.), которое фактически исключило Литву из региональной интеграции.

Особое внимание уделяется анализу геополитических сдвигов 1933-1934 гг., ставших катализаторами создания Балтийской Антанты: выход Германии и Японии из Лиги Наций (1933), что подорвало доверие малых государств к международным гарантиям безопасности; подписание германо-польской «Декларации о неприменении силы» (1934), которое изменило баланс сил в регионе и создало угрозу изоляции Литвы; укрепление латвийско-эстонского союза (1934) как готовой модели для расширения на три стороны.

Важной частью исследования является анализ трансформации позиции СССР по отношению к консолидации Прибалтики: до 1933 г. Москва воспринимала любые подобные инициативы как антисоветские, особенно если в них участвовала Польша. После 1933 г., на фоне роста германской угрозы, советская дипломатия стала рассматривать Балтийскую Антанту как потенциальный буфер против влияния Германии и Польши. В итоге СССР занял позицию осторожного нейтралитета, приветствуя укрепление региональной безопасности без расширения блока и военных обязательств против третьих стран.

Методология исследования основана на принципе объективности и анализе документальной базы, что позволяет избежать идеологических искажений. Автор реконструирует исторический контекст, учитывая временные, географические и политические обстоятельства событий.

Ключевые слова: «Договор о согласии и сотрудничестве», Балтийская Антанта, Латвия, Литва, Эстония, исторический контекст, геополитические события, консолидация прибалтийских государств

Для цитирования: *Бакаляр Е.Е. Создание Балтийской Антанты и позиция СССР // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 24 – 31. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-24-31*

Поступила в редакцию: 3 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

The creation of the Baltic Entente and the position of the USSR

[1] Bakalyar E.E.,
[1] Plekhanov Russian University of Economics

Abstract: this article analyzes the historical preconditions and geopolitical factors that led to the conclusion of the Treaty of Concord and Cooperation between Latvia, Lithuania, and Estonia on September 12, 1934 – the document that formalized the creation of the Baltic Entente. The work examines in detail the evolution of the idea of consolidating the Baltic states, beginning with the first attempts at interaction in 1919-1920, and identifies the key obstacles to the union. The article thoroughly examines the historical circumstances that complicated the rapprochement of the three countries: the Vilnius Question, which made the participation of Lithuania and Poland in a single union impossible and pushed Lithuania toward normalizing relations with Moscow; the Klaipeda Question, due to which Lithuania became the target of German revanchism and scared off potential allies; The bilateral Latvian-Estonian rapprochement (the 1923 defensive alliance), which effectively excluded Lithuania from regional integration, is discussed.

Particular attention is paid to the analysis of the geopolitical shifts of 1933-1934 that catalyzed the creation of the Baltic Entente: the withdrawal of Germany and Japan from the League of Nations (1933), which undermined the confidence of small states in international security guarantees; the signing of the German-Polish Declaration on the Non-Use of Force (1934), which altered the balance of power in the region and created the threat of Lithuania's isolation; and the strengthening of the Latvian-Estonian Union (1934) as a ready-made model for expansion into three countries.

An important part of the study is the analysis of the transformation of the USSR's position on the consolidation of the Baltic states: before 1933, Moscow perceived any such initiatives as anti-Soviet, especially if Poland participated. After 1933, amid the growing German threat, Soviet diplomacy began to view the Baltic Entente as a potential buffer against German and Polish influence. As a result, the USSR adopted a position of cautious neutrality, welcoming the strengthening of regional security without expanding the bloc or incurring military obligations against third countries.

The research methodology is based on the principle of objectivity and documentary analysis, which avoids ideological distortions. The author reconstructs the historical context, taking into account the temporal, geographical, and political circumstances of the events.

Keywords: "Agreement on Consent and Cooperation", Baltic Entente, Latvia, Lithuania, Estonia, historical context, geopolitical events, consolidation of the Baltic states

For citation: *Bakalyar E.E. The creation of the Baltic Entente and the position of the USSR. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 24 – 31. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-24-31*

The article was submitted: April 3, 2026; Approved after reviewing: May 2, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

В сентября 1934 г. между Латвией, Литвой и Эстонией был заключен «Договор о согласии и сотрудничестве». Каков был исторический контекст его заключения? Какие геополитические события ускорили заключения данного договора? Как трансформировалось отношение советской дипломатии к заключению каких-либо договоров, направленных на консолидацию Латвии, Литвы и Эстонии?

Материалы и методы исследований

Анализируя источники и историографию, автор придерживался принципа объективности для обеспечения исторической достоверности, основываясь на документальной базе исследования и избегая искажений по идеологическим причинам.

Исторические события изучаются в контексте времени, места и обстоятельств их возникновения.

Результаты и обсуждения

12 сентября 1934 г. в Женеве представители Латвии, Литвы и Эстонии подписали десятилетний «Договор о согласии и сотрудничестве», который оформил создание т. н. «Балтийской Антанты».

Цель данного соглашения была изложена в статье 1 договора: «В целях координации своих усилий во имя мира три правительства обязуются проводить совместные совещания по вопросам внешней политики, представляющим общий интерес и оказывать друг другу взаимную политическую и дипломатическую помощь в их международных отношениях» [20, p. 93].

Идея объединения трёх прибалтийских республик в некий союз к моменту подписания «Договора о согласии и сотрудничестве» уже прошла некоторый путь. Причём, достаточно сложный. Ещё в 1919 г. велись переговоры представителей Латвии, Литвы и Эстонии (позже к ним присоединится ещё финляндская сторона), целью которых была выработка единой позиции в отношении заключения договоров с Советской Россией [22, p. 78].

В 1920 г. министерство иностранных дел Латвии предложило план создания «Балтийского союза», к участию в котором, помимо Латвии, Литвы, Финляндии и Эстонии, планировалось привлечь Польшу (что, в условиях польско-советской войны придавало данному союзу явно антисоветский характер). Однако, несмотря на подписание в Риге соответствующего договора, он так и не вступил в силу из-за отказа его ратификации со стороны Финляндии, которая, испугавшись чрезмерного вовлечения в дела Восточной Европы, выбрала в качестве приоритетного внешнеполитического вектора развития, скандинавский [7, л. 22-25].

Важным фактором, влиявшим на создание какого-либо союза в этом регионе, был «Виленский вопрос». В октябре 1920 г. польский генерал Л. Желиговский «самочинно» захватил Вильно (Вильнюс; в 1918 г. он был провозглашён столицей независимой Литвы) и объявил о создании правительства Срединной Литвы. Литва и Польша начали спор за эту территорию, представив свои обоснования Лиге Наций. В итоге, в 1922 г. Виленский край был аннексирован Польшей (в 1923 г. этот акт получил признание со стороны Лиги Наций). Такое развитие событий сделало участие Литвы и Польши в едином союзе невозможным, а также подтолкнуло Каунас к нормализации отношений с Москвой; правительство РСФСР признавало Вильнюс литовским, используя это как рычаг давления на Польшу [6, с. 112]. Литовская сторона также рассматривала сближение с Советской Россией как инструмент давления на Варшаву и гарантию против прямого нападения со стороны Польши [1, л. 15-18]. Важно отметить, что РСФСР и Литва в сложившихся международных обстоятельствах были временными ситуационными партнёрами; ни о каком стратегическом сближении Москвы и Каунаса говорить не приходится.

Из-за неразрешённого территориального спора с Варшавой, Каунас стал для Риги и Таллина «неудобным партнёром» [13, с. 90]. Латвия и Эстония начали процесс двустороннего сближения. В этих условиях литовское правительство избрало стратегию, которую современные исследователи определяют как «политику балансирования» или «осторожного нейтралитета» [19, p. 201]. Её суть заключалась в отказе от враждебных действий против крупных соседей и поиске дипломатических рычагов для сдерживания Польши. (А единственным реальным противовесом Варшаве в прибалтийском регионе, была Москва.)

Важным фактором, способствовавшим латвийско-эстонскому сближению, стало подписание Рапалльского договора между РСФСР и Германией (1922).

1 ноября 1923 г. в Риге был подписан оборонительный союз между Латвией и Эстонией. Договор обязывал стороны оказывать друг другу военную помощь в случае нападения третьей державы и предусматривал углубление экономической и таможенной интеграции стран [17, л. 6-7]. Как указывает Д. Смит, этот союз стал «островком стабильности в регионе», однако он же чётко обозначил периферийное положение Литвы [23, p. 89]. Ситуация для Литвы усугублялась ещё «Клайпедским вопросом» – фактической аннексией Литвой Клайпедского края (входившего ранее в Германскую империю, а после окончания Первой Мировой войны, переданного под управление Лиги Наций) в 1923 г. По решению комиссии, созданной Лигой Наций, Клайпедский край стал автономной областью под суверенитетом Литвы. По мнению немецкого историка Р. Витта, «Клайпедский вопрос сделал Литву главным объектом германского реваншизма в регионе, что отпугивало от неё потенциальных союзников» [25, p. 154].

Ситуация изменилась в 1933 г. После прихода к власти в Германии А. Гитлера началась ревизия Версальско-Вашингтонской системы со стороны Берлина: в октябре 1933 г. Германия вышла из Лиги Наций, а в январе 1934 г. была подписана «Декларация о неприменении силы» между Германией и Польшей. Этот договор, по оценке польского историка П. Лоссовского, «фактически развязал Гитлеру руки на западе и нейтрализовал Польшу как возможного союзника Франции против Германии, одновременно изолировав Литву» [21, p. 298]. Для Литвы это означало, что страны, с которыми у неё были территориальные споры, вступили в период тактического сотрудничества. Это создало в прибалтийском регионе новую геополитическую реальность, в условиях которой Каунас, Рига и Таллин решились на заключение трёхстороннего договора.

С этой геополитической реальностью считались и в Москве. Если ранее РСФСР (а позже и СССР) расценивала попытки заключения союза Латвией, Литвой и Эстонией, как явно антисоветские, боясь, что на такой союз будет иметь сильное влияние Польша, то позже, позиция советской дипломатии по этому вопросу изменилась [5, с. 120]. Уже в мае 1933 г. нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов поинтересовался у эстонского посла в Москве Ю. Сельямаа: не нужно ли в противовес германской агрессии создать Прибалтийский союз? [18, p. 14]. Советский полпред в Эстонии Ф. Ф. Раскольников так объяснял изменение отношения СССР к союзу прибалтийских государств: «Теперь всем ведущим политикам ясно, сколь важную роль играют Эстония, Латвия и Литва в нынешнем равновесии сил в Европе. Москве известно об опасности, подстерегающей её со стороны нацистов, и красивые фразы, время от времени доносящиеся из Берлина, не в состоянии сделать несуществующими намерения Гитлера… относительно стран Прибалтики» [11].

Дополнительные препятствия к сближению между тремя прибалтийскими странами были ликвидированы весной 1934 г., когда в Эстонии и Латвии произошли государственные перевороты, в результате которых в этих стран установились авторитарные режимы (К. Пятса в Эстонии и К. Ульманиса в Латвии). (В Литве авторитарный режим А. Сметоны был установлен ещё в 1926 г.) Как отмечает эстонский историк Т. Таннберг, эти события, с одной стороны, устранили идеологические различия между республиками, но с другой – превратили внешнюю политику в прерогативу узкого круга лиц, зависящую от их личных предпочтений [24, Lk. 201].

В мае-июне 1934 г. Латвия, Литва и Эстония вели активные переговоры о принципах образования Балтийской Антанты. При этом, самую активную позицию в переговорах заняла Рига, которая считала, что «Клайпедский вопрос» не является препятствием для образования трёхстороннего союза. Политики в Таллине были настроены более пессимистично: министр иностранных дел Эстонии Ю. Сельямаа уверял советского полпреда в Таллине А.М. Устинова, что «Эстония никогда не заключит соглашения, которое вовлечёт её в конфликт с другими государствами. А в случае с Балтийским союзом это неизбежно, поскольку вильнюсский вопрос ещё не решён» [2].

В начале июня 1934 г. в Каунасе проходила конференция министров иностранных дел Латвии, Литвы и Эстонии. На ней глава литовской дипломатии С. Лозорайтис потребовал от своих коллег из Латвии и Эстонии проявить солидарность с Литвой в «Виленском» и «Клайпедском» вопросах. Их ответ был очевиден и предсказуем: сославшись на то, что это «специфические проблемы Литвы», главы внешнеполитических ведомств Латвии и Эстонии, заявили, что согласие в этих вопросах приведёт к ухудшению в отношениях их стран с Польшей и Германией. Литовскую сторону такая позиция раздражала: если Рига и Таллин будут и дальше «благорасположены» к Варшаве и Берлину, то это может поставить крест на идее балтийского союза [14].

Тем не менее 29 августа 1934 г. в Риге представителями Латвии, Литвы и Эстонии был парафирован «Договор о согласии и сотрудничестве». «Виленский» и «Клайпедский» вопросы в этом договоре удалось обойти статьёй 3: «Высокие Договаривающиеся Стороны признают существование конкретных проблем, которые могут затруднить согласованное отношение к ним. Они согласны с тем, что такие проблемы представляют собой исключение из обязательств, изложенных в статье 1 настоящего Договора» [20, p. 94]. СССР порадовало включение в латвийско-литовско-эстонский договор данной статьи: она означала, что ни Рига, ни Таллин не будут вмешиваться в «Виленский» и «Клайпедский» вопросы, что, безусловно, должно было поддерживать стабильность в прибалтийском регионе.

При этом Литву до 1938 г. можно охарактеризовать как «троянского коня» СССР в Балтийской Антанте. Через два дня после парафирования «Договора о согласии и сотрудничестве» глава литовской дипломатии С. Лозорайтис делает советскому полпреду в Каунасе М.А. Карскому следующее заявление: «Литовское правительство весьма признательно Совпра [советскому правительству. – Прим. авт.] за благожелательную позицию в вопросе о Балтийском пакте. Этот факт может только укрепить взаимопонимание и кооперацию между Литвой и СССР. Литпра [литовское правительство. – Прим. авт.] считает необходимым довести до сведения Совпра, что литовско-советская дружба по-прежнему остаётся основой литовской политики. Она является более важной и более широкой, чем какие-то ни было другие соглашения. От сближения Литвы с Латвией и Эстонией литовско-советским отношениям не только не может быть нанесено ущерба, но и Литпра будет в своих отношениях с прибалтами проводить те же принципы, которые положены в основу наших отношений… В то же время обязательства, лежащие на Литпра в силу «джентельменского соглашения», будут и впредь полностью исполняться» [14]. Под «джентельменским соглашением» понимается обязанность Каунаса сообщать Москве о существенных вопросах внешней политике Латвии и Эстонии.

Необходимо отметить, что благожелательный настрой Москвы по отношении к договору об образовании Балтийской Антанты объяснялся тем, что противоречия между его участниками особых надежд на дальнейшее его углубление не внушали [15].

Таким образом, создание Балтийской Антанты стало возможным благодаря уникальному совпадению нескольких факторов в исторический промежуток 1933-1934 гг.:

- выход Японии и Германии в 1933 г. из Лиги Наций де-факто обесценил её как инструмент гарантии безопасности для малых государств. Это событие было воспринято в Каунасе, Риге и Таллине как сигнал к поиску альтернативных механизмов. Ответом на растущую агрессивность Германии стала активизация Малой Антанты (Румыния, Чехословакия, Югославия). В феврале 1933 г. эти страны подписали Организационный пакт, усиливший координацию их внешней политики [10, с. 112]. Этот пример действующего регионального альянса служил практической моделью для стран Прибалтики, демонстрируя, что объединение малых государств может быть ответом на угрозу;

- подписание «Декларации о неприменении силы» между Германией и Польшей в январе 1934 г. радикально изменило баланс сил в прибалтийском регионе. Для Литвы это означало прямую угрозу изоляции и потенциальный сговор противников по «Виленскому» и «Клайпедскому» вопросам. Для Латвии и Эстонии германо-польская декларация сигнализировала о возможной ревизии геополитической ситуации Восточной Европы силами Германии и Польши без участия Великобритании и Франции. Как отмечает А. Эйдинтас, «пакт Гитлера-Пилсудского стал непосредственным катализатором, который заставил литовскую дипломатию действовать быстро и предложить конкретный план тройственного союза уже весной 1934 года» [19, p. 185]. Заключение германо-польского соглашения создало общее, хотя и различающееся по степени, чувство опасности у всех трёх прибалтийских государств, сделав аргументы в пользу их консолидации более убедительными. Польша, активно противодействовавшая созданию Балтийской Антанты без её участия, теперь воспринималась как более опасный и независимый актор, связанный с Германией [21, p. 300];

- длительное существование и успешное функционирование латвийско-эстонского союза (с 1923 г.) создало правовую и дипломатическую модель для расширения. Обновление этого договора в феврале 1934 г. показало готовность обеих сторон к дальнейшей интеграции.

- для Литвы, после германо-польского пакта, альтернативы поиску союзников среди прибалтийских соседей практически не существовало. Это сделало её готовой к компромиссам и активным участником переговоров, несмотря на исторические сложности в отношениях с Латвией и Эстонией в предыдущие годы.

Переговоры о создании Балтийской Антанты велись Латвией, Литвой и Эстонией в 1933-1934 гг. в атмосфере срочности, обусловленной вышеперечисленными факторами. Они позволили найти компромиссную форму – соглашение о консультациях и сотрудничестве в вопросах «общего значения», но без военных гарантий для Литвы.

Выводы

Таким образом, Балтийская Антанта не была спонтанным образованием. Она стала продуктом долгосрочного кризиса Версальско-Вашингтонской системы и изменения геополитического положения, связанного с германо-польской декларацией, которая синхронно была воспринята в Каунасе, Риге и Таллине как потенциальная угроза и заставила правительства трёх прибалтийских стран, несмотря на различия в их внешнеполитическом положении, найти формальную рамку для координации.

Изначально советская дипломатия относилась к любым планам консолидации прибалтийских государств крайне негативно, рассматривая их сквозь призму «санитарного кордона» и активности враждебных сил. Любые попытки объединений Латвии, Литвы и Эстонии (например, проекты «Балтийской лиги» с участием Польши или Финляндии), воспринимались в Москве как продолжение политики изоляции и военного давления на РСФСР (СССР). В аналитических записках народного комиссариата иностранных дел СССР начала 1930-х гг. такие проекты напрямую связывались с Великобританией и Францией, стремившимися «создать в Прибалтике антисоветский блок» [3].

Особое опасение Москвы вызывали планы включения в объединение прибалтийских государств Польши, в которой советское руководство видело главного регионального противника и агента Великобритании и Франции. Создание блока под эгидой Варшавы рассматривалось Москвой как прямая угроза. Нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов в беседах с дипломатами подчёркивал, что «создание блока балтийских государств под руководством Польши является недопустимым для СССР» [4, с. 89].

До 1933 г. негативное отношение Москвы также распространялось на германские проекты прибалтийской консолидации (проект «Mitteleuropa»), которые рассматривались как форма реваншизма. Как отмечает историк О.А. Ржешевский, в то время «любой блок на западных границах СССР, независимо от его инициатора, оценивался Кремлём как потенциально антисоветский» [12, с. 45].

Большинство из тех геополитических факторов 1933-1934 гг., которые заставили Каунас, Ригу и Таллин ускорить консолидацию, повлияли и на то, что СССР стал занимать более гибкую и прагматичную позицию к ней.

Заключение в январе 1934 г. германо-польской декларации было воспринято в Москве крайне тревожно. В этой новой конфигурации Балтийская Антанта, исключавшая участие Германии и Польши, стала выглядеть не как антисоветский инструмент, а как потенциальный буферный блок, препятствующий полному доминированию Берлина и Варшавы в прибалтийском регионе. Теперь Балтийская Антанта могла служить сдерживанию противников СССР – Германии и Польши.

Советская дипломатия попыталась использовать изменение геополитического положения, связанного с сближением Германии Польши для укрепления собственных позиций. В апреле 1934 г., в ходе визита в Москву министра иностранных дел Латвии В. Мунтерса, СССР предложил Латвии, а затем Эстонии и Литве, двусторонние соглашения о взаимопомощи по образцу советско-французских. Этот шаг, как отмечает историк М.И. Мельтюхов, преследовал цель «предложить балтийским странам советскую альтернативу их собственному союзу и тем самым усилить влияние Москвы» [8, с. 212].

После отказа прибалтийских стран от советских предложений и успешного завершения переговоров по созданию Балтийской Антанты, СССР занял по отношению к ней позицию осторожного нейтралитета. В заявлении ТАСС от 14 сентября 1934 г., комментируя подписание в Женеве латвийско-литовского-эстонского договора, подчеркивалось, что СССР «приветствует всякое укрепление мира» и «относится с полным пониманием к стремлению балтийских государств укрепить свою безопасность», при этом намекая на нежелательность расширения блока за счёт других держав [16]. Этот посыл, по сути, означал молчаливое согласие с существом договора, поскольку он был направлен прежде всего на взаимные консультации и не содержал военных обязательств против третьих стран.

К осени 1934 г. главной задачей СССР в Прибалтике стало недопущение её перехода под контроль Германии. Поскольку Балтийская Антанта, по оценкам советской дипломатии, «консервировала существующее положение и затрудняла проникновение германского влияния в Литву через Эстонию и Латвию» [9, л. 52], она была принята как допустимый компромисс.

Список источников

1. Докладные записки МИД Литвы об отношениях с СССР и Польшей, 1925 г. // Lietuvos centrinis valstybės archyvas. Ф. 383. Оп. 7. Д. 112. Лл. 10-22.

2. Дневник А.М. Устинова, 28 мая 1934 г. // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0154. Оп. 27. Ед. хр. 39-7. Л. 36.

3. Записки и справки НКИД о положении в Прибалтике и проектах балтийских союзов, 1932-1933 гг. // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0135. Оп. 16. П. 126. Д. 7. Лл. 15-18.

4. Запись беседы М.М. Литвинова с посланником Латвии в СССР А. Билманисом, 15 марта 1933 г. // Документы внешней политики СССР. Т. XVI (1 января – 31 декабря 1933 г.). Москва: Политиздат, 1970. 890 с.

5. Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости: (с середины 1920-х гг. до аннексии в 1940 г.): пер. с эстон. Москва: РОССПЭН: фонд «Президент. Центр Б.Н. Ельцина», 2012. 806 с.

6. Лауринавичюс Ч. Литовско-польский конфликт и советский фактор (1920-1923) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2015. № 2. С. 105 – 120.

7. Материалы переговоров о Балтийском союзе, 1920 г. // Latvijas Valsts vēstures arhīvs. Ф. 257. Оп. 1. Д. 34. Лл. 20-28.

8. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941. Москва: Вече, 2000. 458 с.

9. Переписка полпредства СССР в Латвии с НКИД о реакции на германо-польский пакт и балтийских переговорах, январь-сентябрь 1934 г. // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0135. Оп. 17. П. 130. Д. 12. Лл. 48-55.

10. Поздеева Л.В. Малая Антанта в европейской политике (1933-1938) // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 108 – 124.

11. Резюме беседы Сельямаа и Раскольникова, 1933 г. // Eesti Rahvusarhiiv. Ф. 957. Оп. 13. Ед. хр. 643. Лк. 144.

12. Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941-1945. Москва: Наука, 2004. 564 с.

13. Смит Д. Эстония и Латвия: годы между войнами // Балтийские государства: национальное самоопределение Эстонии, Латвии и Литвы. Москва: Арт-Бизнес-Центр, 2004. С. 85 – 100.

14. Сообщение А.М. Карского Б.С. Стомонякову, 09 сентября 1934 г. // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 05. Оп. 14. Ед. хр. 99-54. Л. 51.

15. Сообщение Б.С. Стомонякова А. М. Карскому, 07 октября 1934 г. // Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.010. Оп. 9. Ед. хр. 40-79. Л. 171.

16. Сообщение ТАСС о подписании договора о Балтийской Антанте // Правда. 1934. 17 сентября. № 257.

17. Текст Договора между Латвией и Эстонией, 1923 г. // Eesti Rahvusarhiiv. Ф. 957. Оп. 1. Ед. хр. 124. Лл. 1-8.

18. Anderson E. Toward the Baltic Union 1927-1934 // Lituanus, 1967. № 1.

19. Eidintas A., Žalys V., Senn A. E. Lithuania in European Politics: The Years of the First Republic, 1918-1940. New York: St. Martin's Press, 1999. 250 p.

20. League of Nations Treaty series: Publication of Treaties and International Engagements registered with the Secretariat of the League of Nations. Geneva, Vol. CLIV, 1934=1935.

21. Łossowski P. Po tej i tamtej stronie Niemna: Stosunki polsko-litewskie, 1883-1939. Warszawa: Czytelnik, 1985. 335 p.

22. Lundin P. Finland and the Baltic League: 1919-1922 // Scandinavian Journal of History. 1978. Vol. 3. № 1. P. 72 – 75.

23. Smith D.J. Estonia and Latvia: The Inter-War Years // The Baltic States: The National Self-Determination of Estonia, Latvia and Lithuania. London: Macmillan, 1994. P. 81 – 95.

24. Tannberg T. Pätsi riigipööre 1934. Aastal: eeldused ja tagajärjed // Ajalooline Ajakiri. 2004. Nr. 3. Lk. 195 – 215.

25. Witt R. Der Memelkonflikt (1919-1924) und seine Folgen für die litauisch-deutschen Beziehungen. Marburg: Herder-Institut, 1999. 220 p.

References

1. Reports of the Lithuanian Ministry of Foreign Affairs on Relations with the USSR and Poland, 1925. Lietuvos centrinis valstybės archyvas. F. 383. Op. 7. D. 112. Pl. 10-22.

2. Diary of A.M. Ustinov, May 28, 1934. Archives of Foreign Policy of the Russian Federation. F. 0154. Op. 27. Unit 39-7. Pl. 36.

3. Notes and reports of the People's Commissariat of Foreign Affairs on the situation in the Baltics and projects of Baltic unions, 1932-1933. Archives of Foreign Policy of the Russian Federation. F. 0135. Op. 16. Pl. 126. D. 7. Pl. 15-18.

4. Record of conversation between M.M. Litvinov and Latvian envoy to the USSR A. Bilmanis, March 15, 1933. Documents of USSR Foreign Policy. Vol. XVI (January 1 – December 31, 1933). Moscow: Politizdat, 1970. 890 p.

5. Ilmjärv M. Silent capitulation. The foreign policy of Estonia, Latvia, and Lithuania between the two wars and the loss of independence: (from the mid-1920s to the annexation in 1940): trans. from Estonian. Moscow: ROSSPEN: President. B.N. Yeltsin Center Foundation, 2012. 806 p.

6. Laurinavicius C. The Lithuanian-Polish conflict and the Soviet factor (1920-1923). Journal of Russian and East European historical studies. 2015. No. 2. P. 105 – 120.

7. Materials of the Baltic Union Negotiations, 1920. Latvijas Valsts vēstures arhīvs. F. 257. Op. 1. D. 34. Pl. 20-28.

8. Meltyukhov M.I. Stalin’s Missed Chance. The Soviet Union and the Struggle for Europe: 1939-1941. Moscow: Veche, 2000. 458 p.

9. Correspondence between the USSR Plenipotentiary Mission to Latvia and the People’s Commissariat of Foreign Affairs on the Reaction to the German-Polish Pact and the Baltic Negotiations, January-September 1934. Foreign Policy Archives of the Russian Federation. F. 0135. Op. 17. P. 130. D. 12. Pl. 48-55.

10. Pozdeeva L.V. The Little Entente in European Politics (1933-1938). New and Contemporary History. 1993. No. 5. P. 108 – 124.

11. Summary of the Conversation between Selyamaa and Raskolnikov, 1933. Eesti Rahvusarhiiv. F. 957. Op. 13. Item 643. Lk. 144.

12. Rzheshevsky O.A. Stalin and Churchill. Meetings. Conversations. Discussions: Documents, Comments, 1941-1945. Moscow: Nauka, 2004. 564 p.

13. Smith, D. Estonia and Latvia: The Years between the Wars. The Baltic States: National Self-Determination of Estonia, Latvia, and Lithuania. Moscow: Art-Business Center, 2004. P. 85 – 100.

14. A. Karsky's message to B. Stomonyakov, September 9, 1934. Foreign Policy Archives of the Russian Federation. F. 5. Op. 14. Item 99-54. L. 51.

15. B. Stomonyakov's message to A. Karsky, October 7, 1934. Foreign Policy Archives of the Russian Federation. F. 10. Op. 9. Item 40-79. L. 171.

16. TASS message on the signing of the Baltic Entente treaty. Pravda. 1934. September 17. No. 257.

17. Text of the Treaty between Latvia and Estonia, 1923. Eesti Rahvusarhiiv. F. 957. Op. 1. Unit hr. 124. Ll. 1-8.

18. Anderson E. Toward the Baltic Union 1927-1934. Lituanus, 1967. No. 1.

19. Eidintas A., Zalys V., Senn A. E. Lithuania in European Politics: The Years of the First Republic, 1918-1940. New York: St. Martin's Press, 1999. 250 p.

20. League of Nations Treaty series: Publication of Treaties and International Engagements registered with the Secretariat of the League of Nations. Geneva, Vol. CLIV, 1934=1935.

21. Łossowski P. Po tej i tamtej stronie Niemna: Stosunki polsko-litewskie, 1883-1939. Warszawa: Czytelnik, 1985. 335 p.

22. Lundin P. Finland and the Baltic League: 1919-1922. Scandinavian Journal of History. 1978. Vol. 3. No. 1. P. 72 – 75.

23. Smith D.J. Estonia and Latvia: The Inter-War Years. The Baltic States: The National Self-Determination of Estonia, Latvia and Lithuania. London: Macmillan, 1994. P. 81 – 95.

24. Tannberg T. Pätsi riigipööre 1934. Aastal: eeldused ja tagajärjed. Ajalooline Ajakiri. 2004. Nr. 3. Lk. 195 – 215.

25. Witt R. Der Memelkonflikt (1919-1924) und seine Folgen für die litauisch-deutschen Beziehungen. Marburg: Herder-Institut, 1999. 220 p.

Информация об авторе

Бакаляр Е.Е., аспирант, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

© Бакаляр Е.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(47).084.8:37
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-32-40

Система сельскохозяйственного образования как средство борьбы с кадровым голодом в период коллективизации (на примере Московской области)

[1] Иевлева О.И.,
[1] Майорова Н.О.,
[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Калужский филиал

Аннотация: в статье проводится анализ архивного документа под названием «Проект тезисов ОТО МК ВЛКСМ». Статья впервые вводит данный документ в научный оборот. Он содержит программу организации сельскохозяйственного образования, представленную Оргбюро ВЛКСМ Московской области весной 1930 г. Программа исходила из потребностей коллективизации сельского хозяйства и ставила целью подготовку кадров, способных успешно реализовать процесс социалистического преобразования деревни. Цель эта была чрезвычайно актуальна, поскольку проблема кадров в сельскохозяйственной сфере в контексте ускоренного колхозного строительства стояла более чем остро – на уровне как руководства, так и низовых исполнителей. Программа, представленная комсомольцами, как раз и пыталась решить ее в полном объеме.

Речь в ней идет, с одной стороны, о создании единой, непрерывной образовательной системы: от начальной (где сельскохозяйственное образование давалось в комплексе с общим) через среднюю (школы крестьянской молодежи) к высшему (в том числе специальным крестьянским университетам). При этом учитывались разные возможности, уровень подготовки и занятости будущих учеников, которым предлагалось несколько вариантов обучения, например, вечерний, заочный и ускоренный. С другой стороны, речь в программе идет об организации большого числа кружков и курсов: агрономических, технических, ветеринарных и т.д., которые, в дополнение к единой системе образования, могли бы охватить самые разные слои населения советской деревни, а также и горожан, которым предстояло принять участие в процессе коллективизации.

Насколько логичной и эффективной выглядит эта программа? Насколько полно и точно она отвечает реальным потребностям села – особенно учитывая чрезвычайно высокие темпы коллективизации, заданные, отметим, при участии тех же руководителей комсомола, что составляли программу? Наконец, что можно сказать о ее воплощении в жизнь? Понятно, что в рамках статьи, нацеленной на изучение одного документа, можно сделать лишь первый шаг к ответу на эти вопросы. В дальнейшем авторы намерены продолжать исследование данной проблематики.

Ключевые слова: коллективизация сельского хозяйства, сельскохозяйственное образование, школа первой ступени, школа крестьянской молодежи, председатель колхоза, технические курсы, крестьянский университет

Для цитирования: *Иевлева О.И., Майорова Н.О. Система сельскохозяйственного образования как средство борьбы с кадровым голодом в период коллективизации (на примере Московской области) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 32 – 40. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-32-40*

Поступила в редакцию: 4 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

The agricultural education system as a means of combating the labor shortage during the collectivization period (using the Moscow region as an example)

[1] Ievleva O.I.,
[1] Mayorova N.O.,
[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Kaluga Branch)

Abstract: the article analyzes an archival document titled "Draft Theses of the Moscow Region Komsomol". This is the first time this document has been introduced into scientific circulation. It contains a program for organizing agricultural education, presented by the Komsomol Organizational Bureau of the Moscow Region in the spring of 1930. The program was based on the needs of collectivization of agriculture and aimed to train personnel capable of successfully implementing the process of socialist transformation of the village. This goal was extremely pressing, as the problem of personnel in the agricultural sector, in the context of accelerated collective farm development, was extremely acute – at both the management and grassroots levels. The program presented by the Komsomol members attempted to fully address this issue.

It focused, on the one hand, on the creation of a unified, continuous educational system: from primary (where agricultural education was provided in conjunction with general education) through secondary (schools for peasant youth) to higher education (including specialized peasant universities). This took into account the different capabilities, levels of preparation, and employment of future students, offering them several study options, such as evening, correspondence, and accelerated courses. On the other hand, the program speaks of organizing a large number of clubs and courses: agronomic, technical, veterinary, etc., which, in addition to a unified education system, could cover the most diverse strata of the population of the Soviet village, as well as city dwellers who were to take part in the process of collectivization.

How logical and effective does this program appear? How fully and accurately does it meet the real needs of the village – especially given the extremely rapid pace of collectivization, which, it should be noted, was initiated with the participation of the same Komsomol leaders who drafted the program? Finally, what can be said about its implementation? Clearly, an article focused on a single document can only provide a first step toward answering these questions. The authors intend to continue their research into this issue.

Keywords: collectivization of agriculture, agricultural education, first-level school, school for peasant youth, collective farm chairman, technical courses, peasant university

For citation: *Ievleva O.I., Mayorova N.O. The agricultural education system as a means of combating the labor shortage during the collectivization period (using the Moscow region as an example). Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 32 – 40. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-32-40*

The article was submitted: April 4, 2026; Approved after reviewing: May 2, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Среди масштабных мероприятий, проводившихся советской властью и партией большевиков, преобразование деревни стало, пожалуй, наиболее сложным, противоречивым, да и трагическим. В крестьянской стране, пережившей столетия крепостного права, мечта о своей земле, своем хозяйстве была определяющей для значительного большинства населения. Для того, чтобы осуществить коллективизацию, требовалось переделать не просто систему хозяйствования, а в первую очередь людей. И для этого опять-таки требовались люди! Те, кто займется переделкой.

Удалось ли организаторам преобразований справиться с этой двойной задачей? Как осуществлялись и к чему привели их намерения? Этой проблематикой занимаются многие исследователи коллективизации. Предметом их изучения являются главным образом школы крестьянской молодежи, которые «сыграли существенную роль в решении проблемы кадрового голода в российской деревне и ликвидации агронеграмотности населения» [13, с. 75; 1, 2, 9, 11, 12].

Материалы и методы исследований

Цель нашей статьи – рассмотреть всю систему массового сельскохозяйственного образования, которое выстраивалось как часть единой государственной системы профессионально-технического образования,

для подготовки и переподготовки руководящих кадров, квалифицированных специалистов и мастеров социалистического переустройства деревни.

Понятно, что в рамках статьи это можно сделать только на примере одного региона, в данном случае – Московской области, используя микроисторический метод исследования. Регион этот выбран не случайно. Во-первых, с 1929 г. в его состав входила значительная часть территории Калужской губернии, упраздненной в ходе административно-территориальной реформы. Коллективизация на Калужской земле уже не раз становилась объектом нашего исследования. А главное, именно к Московской области относится наш основной источник – «Проект тезисов ОТО МК ВЛКСМ». Как и другие архивные материалы, использованные в статье, он хранится в Государственном архиве документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО).

Результаты и обсуждения

Девять районов Московской области: Боровский, Черепетский, Ферзиковский, Малоярославецкий, Угодско-Заводской, Детчинский, Бабынинский, Калужский, Перемышльский [5, д. 21, л. 29], – были объединены в Калужский округ (23 июля 1930 г. Калужский округ был упразднен, указанные районы вошли напрямую в состав Московской области) [10]. На окружное руководство легла главная ответственность за организацию колхозного строительства, его темпы и качество.

В то время крестьянство все еще составляло основную массу населения страны. В Московской области, например, из одиннадцати миллионов ее населения семь миллионов занимались сельским хозяйством. Эти сведения содержатся в объяснительной записке для докладчиков на Первом Московском съезде ВЛКСМ. Здесь же говорится и о том, на каком слабом уровне это хозяйство велось. К концу 1929 г. многопольный севооборот осуществлялся только в 45% всех населенных пунктов, зябликовая вспашка – в 38%, рядовой сев – в 6% и только10% всех посевных площадей засевались селекционными семенами. Отмечали участники съезда и то, что в массе своей крестьяне Московской области оставались к этому времени единоличниками, хотя процесс коллективизации уже был запущен: в колхозы вошло всего 0,5% крестьянских хозяйств региона [4, д. 24, л. 45].

В ходе предстоящей пятилетки руководство Московской области рассчитывало увеличить этот процент как минимум впятеро и расширить размер посевных площадей на 22% [5, д. 24, л. 45]. Вполне выполнимая задача. А по мнению руководства Калужского округа – слишком простая: стремясь как можно скорее выполнить решения партии касательно сплошной коллективизации, им было принято решение практически завершить ее весной 1930 года [6, 7]!

Очевидно, что, хотя бы приблизиться к выполнению такого плана невозможно без наличия подготовленных кадров. А с ними дело обстояло, мягко говоря, не очень хорошо. В статьях, опубликованных ранее, мы не раз отмечали этот факт [7, 8]. Если говорить о руководителях округа, то идеологически они были, видимо, на высоте – особенно после партийной чистки, проведенной накануне коллективизации. А вот в их профессиональной квалификации, в области как сельского хозяйства, так и работы с людьми, приходится усомниться, учитывая совершенно нереальные темпы колхозного строительства, заданные ими для округа.

Речь, впрочем, в основном не о них, а о работниках среднего и низшего звена, тех, кто должен был осуществлять коллективизацию на местах. Многочисленные «перегибы», о которых свидетельствуют наши источники: необдуманные и неграмотные решения, леность, произвол, – говорят о больших проблемах с их подготовкой. Но даже и таких людей не хватало. Кадровый голод остро ощущался на селе как до призыва рабочих-«двадцатипятитысячников», так и после него.

Не хватало в первую очередь именно специалистов: председателей коллективных хозяйств, агрономов, инженеров, техников, т.е., тех, кто, прежде чем взяться за дело, должен был пройти серьезное профессиональное обучение. Можно ли предположить, что, начиная масштабное переустройство деревни, партийное и советское руководство не озаботилось вопросом подготовки кадров? Наверняка нет. Но посмотрим, как с этим обстояло дело в Московской области и в том числе в Калужском округе.

Отметим прежде всего, что осознание необходимости такой подготовки явно присутствовало на всех ступенях управленческого аппарата. Так, в резолюции Секретариата ЦК ВЛКСМ «Социалистическое переустройство деревни и задачи ШКМ», утвержденной Секретариатом ЦК ВЛКСМ от 09.09.1929 г., на этом делается серьезный акцент: «Социалистическое переустройство сельского хозяйства не может быть проведено без подготовки в нужном количестве кадров организаторов – работников коллективных форм сельского хозяйства. Вся система массового сельскохозяйственного просвещения – низшего, среднего и высшего сельскохозяйственного профессионального образования должна работать над выполнением этой задачи»

[4, д. 24, л. 5]. При этом в документе отмечается «резкий разрыв между потребностями сельского хозяйства в кадрах и возможностями их удовлетворения» [4, д. 24, л. 5].

Итак, задача была поставлена. За ее выполнение взялись комсомольцы. Оргбюро ВЛКСМ Московской области одобрило «Проект тезисов ОТО МК ВЛКСМ», в котором содержалась разработка системы сельскохозяйственного образования, состоящей из двенадцати ступеней.

Рассмотрим каждую из них подробно.

Начать предполагалось с самого раннего возраста. Массовая начальная школа первой ступени, т.е., школа-четырехлетка, должна была воспитывать детей с «целеустремленностью на перестройку сельского хозяйства» [4, д. 24, л. 58].

Согласно проекту, сельские дети осень, зиму и весну проводили за партами, а летом отправлялись на практику, для проведения которой колхозы и совхозы обеспечивали школы земельными участками, а также инвентарем. Нацелены были такие школы прежде всего на детей бедняков. Об этом свидетельствует, например, организация горячих завтраков, которая предполагалась в каждой школе.

Т.е. дети из бедняцко-батрацких семей могли получить в таких школах полноценное начальное образование – в соответствии с общей задачей повышения культурного уровня населения страны. Однако главным было именно практическое сельскохозяйственное обучение, тесно связанное с идеей колхозного строительства. В школах первой ступени предполагалось развернуть «массовое детское колхозное движение» [4, д. 24, л. 58] – путем создания детских колхозов куроводов, кролиководов, огородников, садоводов и т.д. Причем к участию в них следовало привлекать не только школьников, но и «неорганизованных и неучащихся ребят» [4, д. 24, л. 58]. Школы обеспечивались сельскохозяйственной литературой и наглядными пособиями, раскрывающими задачи «социалистической реконструкции сельского хозяйства» [4, д. 24, л. 58], а учителям следовало обязательно проходить заочные курсы переподготовки, вернее, сельскохозяйственной переквалификации.

Таким образом, крестьянские дети должны были выстраивать свое будущее совершенно определенным образом, готовясь к взрослой колхозной жизни с уже накопленным багажом знаний.

Следующая и главная ступень в рассматриваемой системе – это школа крестьянской молодежи (ШКМ). Ей проект уделяет особое внимание. «ШКМ, – говорится в нем, – является основной формой массового сельскохозяйственного образования, одним из приводных ремней от комсомола к массам трудящейся молодежи деревни, подготавливающая коллективизаторов сельского хозяйства и основную массу работников коллективных хозяйств» [4, д. 24, л. 58]. Задачей такой школы было «воспитание крестьянской молодежи в духе пролетарской, коммунистической идеологии, преодоление психологии собственника и воспитание социалистического преобразователя деревни» [4, д. 24, л. 58].

В ШКМ могли поступать как после окончания школы первой ступени, так и со стороны: подростки 14-16 лет, а иногда и 19 (в так называемые «параллельные группы» [4, д. 24, л. 60]). Обучение было рассчитано на четыре года. На последнем году вводилась специализация (животноводство, садоводство и т.д.). При поступлении предполагалось заключение договора, согласно которому выпускники должны были отрабатывать на селе не менее двух лет [4, д. 24, л. 59].

Однако они могли и не выдерживать этот срок – если поступали в вузы, имеющие отношение к сельскому хозяйству [4, д. 24, л. 60]. Более подробно о сельскохозяйственных вузах и техникумах будет сказано ниже. Там готовили специалистов самого высокого уровня. Поступить туда, впрочем, могли не все выпускники, а только те, кто окончил специальную ШКМ с шестилетним сроком обучения. В такие школы принимали опять-таки в первую очередь детей бедняков. От вступительных экзаменов в вуз они освобождались.

Таким образом, проект предполагал выстраивание цепочки сельскохозяйственного образования, желательно непрерывной – от начальной школы через среднюю к вузу. Но этим система не ограничивалась. Необходимо было привлечь к подготовке и тех, кто перерос детский и подростковый возраст, но при этом нуждался в знаниях, умениях и навыках из области сельского хозяйства и колхозного строительства.

Задачу усложняло то обстоятельство, что многие крестьяне в конце двадцатых годов не имели вовсе никакого образования. Согласно данным всесоюзной переписи населения 1926 года, только 40% населения страны умело читать и писать. Причем в городской среде этот процент составлял 60, а в крестьянской – всего 35,4 (грамотных мужчин было больше, чем женщин, соответственно 52,3% и 30,1%) [3, с. 83].

С целью решения этой проблемы создавалось три вида учебных заведений: вечерняя школа крестьянской молодежи (ВШКМ), вечерние крестьянские курсы (ВКК) и зимняя крестьянская школа (ЗКШ). Их программа предполагала как специальную, так и общеобразовательную подготовку. Причем на первую отводилось куда больше часов, чем на вторую. Такие школы могли создаваться как при ШКМ, сельхозтехни-

кумах и т.д., так и отдельно. Срок обучения в них, по сравнению с ШКМ, был сокращен, практику ученики проходили в местных колхозах и совхозах, куда и возвращались после выпуска. Т.е. эти заведения должны были оперативно устранять кадровый голод прежде всего на самом низовом уровне [4, д. 24, л. 61].

Для таких же взрослых, но – грамотных и способных занять (или уже занимающих) руководящие посты в области сельского хозяйства и кооперации создавались крестьянские университеты. Они имели две разновидности: дневную и вечернюю. В первой срок обучения составлял два года, во второй три. Т.е. это была опять-таки ускоренная подготовка с опорой на практику, но для руководителей [4, д. 24, л. 61].

Создавались такие университеты на уровне округов, в том числе и Калужского. По данным архивных документов мы можем судить, какой была посещаемость занятий студентами Калужского округа в 1929-1930 учебном году. В сентябре она была вполне оптимистической: 70-75%. Но к ноябрю упала до 40%. Причина состояла в том, что большая часть студентов (примерно 60-70 человек) не только училась, но и работала, кто-то в две смены, а то и в три. Около тридцати человек надолго уезжали в командировки. Некоторых не отпускали на учебу местные партийные ячейки – их было просто некем заменить [4, д. 24, л. 11]. Т.е., ситуация на селе требовала, с одной стороны, подготовленных кадров, а с другой – хоть каких-нибудь кадров здесь и сейчас, что никак не способствовало подготовке.

Следующая группа сельскохозяйственных учебных заведений объединяет специализированные школы и курсы, направленные на овладение конкретной профессией.

На низовом уровне это сельхозвуч – школа сельскохозяйственного ученичества. Такие школы создавались на базе начальной четырехлетки, и задачей их была «подготовка для совхозов и колхозов квалифицированной рабочей силы, занятой на протяжении круглого года одной производственной сельскохозяйственной работой» [4, д. 24, л. 61]. Отвечал за их организацию и деятельность Отдел народного образования, через него проводилось и государственное финансирование таких школ.

Уровнем выше находились профессиональные технические курсы. Они строились на базе ШКМ и были рассчитаны на один или два года обучения. Из архивных материалов мы знаем о курсах «трактористов, животноводов, садоводов-огородников и других специальностей, имеющих задачу готовить кадры организаторов колхозов» [4, д. 24, л. 61].

Курсам этим предстояло решить две основные задачи:

1. Повышение культурно-политического уровня обучающихся.
2. Предоставление обучающимся необходимой теоретической и практической подготовки для организации коллективного сельскохозяйственного производства [4, д. 24, л. 6].

Т.е. речь идет о подготовке руководителей, владеющих конкретной сельскохозяйственной или технической профессией. Понятно, что такой председатель колхоза и действовал бы эффективнее, и завоевать авторитет среди колхозников сумел бы легче.

О некоторых курсах такого типа узнаем благодаря найденным в архиве данным Московского отделения Всесоюзного общества «Техника – массам» [4, д. 24, л. 14]. К началу 1930 г. оно объединяло 188 ячеек и инициативных групп, всего 28000 человек. Распределение количественного состава участников «Техмасс» по районам представлено ниже в табл. 1.

Таблица 1

Количественный состав участников московского отделения «Техмасс».

Table 1

Number of participants in the Moscow branch of Tekhmass.

№ п/п	Название района	Количество ячеек
1.	Бауманский район	52
2.	Красно-Пресненский район	46
3.	Замоскворецкий район	20
4.	Пролетарский район	25
5.	Хамовнический район	20
6.	Сокольнический район	6
7.	Серпуховский округ	5
8.	Другие районы	14
	Всего:	188

Занималось общество распространением технических знаний в городе и деревне. Основной формой такой деятельности как раз и являлись технические кружки и технические курсы. К началу 1930 г. члены общества сумели охватить различными курсами 3400 человек. Подробные данные – в табл. 2.

Таблица 2

Охват техническими курсами населения.

Table 2

Coverage of the population by technical courses.

№ п/п	Название курсов	Количество обучающихся
1.	Электротехнические при МЗТ (Хамовнический район)	35
2.	Курсы для выдвиженцев рабочих (Бауманский район)	35
3.	Курсы чертежные (Пролетарский район)	300
4.	Рабфак (по принципу коллективного самоопределения). Красно-Пресненский район	250
5.	Политехнические курсы (М\о «Техмасс»)	2180
6.	О.Г.В.Т.О. (Группы Высшего Технического Образования)	600

Возможно, имелись и другие кружки или курсы, не представленные в документе. Так или иначе, перечисленное дает возможность судить, какие направления подготовки были востребованы в Москве и области.

При этом нельзя не отметить, что количество членов общества «Техника – массам» в Московской области в несколько раз превышает число тех, кто был охвачен работой курсов, т.е. целевую аудиторию общества. Получается, что либо сведения по курсам неполны, либо что-то не так с цифрами. Так или иначе, очевидно, что вопрос требует разъяснения путем поиска новых архивных данных, который авторы намерены предпринять.

Помимо курсов, на базе ШКМ создавались и сельскохозяйственные профшколы, преследующие ту же цель: подготовить профессионалов для отдельных отраслей сельского хозяйства.

На верхней ступени сельскохозяйственного образования находились средние специальные и высшие технические учебные заведения (техникумы и ВТУЗы). Они давали не сокращенный, а полноценный, глубокий объем знаний, позволявший «готовить командный состав для обобществленного сектора в сельском хозяйстве» [4, д. 24, л. 62 (об)]. Во время обучения студенты проходили практику в колхозах, совхозах и агропунктах, а после выпуска обязаны были отработать на сельскохозяйственном производстве не менее двух лет. Характерно, что такое образование не обязательно было аграрным. Так, весной 1930 года в Московской области проводилась мобилизация молодежи в педагогические вузы и техникумы.

Требования, которые предъявлялись при наборе к будущим студентам, были такие:

1) социальное положение – рабочие, батраки и колхозники;
2) стаж работы по найму – не менее двух лет;
3) комсомольский стаж не менее двух лет [4, д. 24, л. 312].

Т.е. вновь перед нами особое внимание к сельским беднякам – слою, социально самому близкому к пролетариату, менее всего зараженному вирусом частной собственности.

Количество студентов по районам Московской области весной 1930 г. выглядит следующим образом.

Таблица 3

Разверстка командируемых по Московской области [4, д. 24, л. 447].

Table 3

Distribution of commissaries in the Moscow region [4, d. 24, l. 447].

№ п/п	Название округа	Всего	ВТУЗЫ	Техникумы
1.	Коломна	230	50	180
2.	Московский округ	950	300	650
3.	Бежецк	100	20	80
4.	Калуга	150	30	120
5.	Кимры	100	20	80
6.	Рязань	370	80	290

Продолжение таблицы 3
Continuation of Table 3

7.	Серпухов	250	50	200
8.	Тула	390	90	300
9.	Тверь	380	80	300
	Всего:	2910		

Таким образом, весной 1930 года около трех тысяч молодых людей, вместо того, чтобы ударно трудиться на местах, обеспечивая повышенные темпы коллективизации, были отправлены учиться – не заочно, не по ускоренной программе. Можно предположить, что это была самая перспективная молодежь, и именно с ней были связаны главные надежды областного руководства по-настоящему решить кадровый вопрос.

Далеко не таким основательным, но зато мобильным и массовым способом распространения знаний среди потенциальных организаторов колхозного строительства являлись разнообразные формы сельскохозяйственного просвещения, для которых не требовалась база в виде начальной школы или ШКМ. Кружки, краткосрочные и воскресные курсы, беседы, экскурсии, диспуты, агросуды, живые газеты, радио и кино – все это занимало особую нишу в системе сельскохозяйственного образования. Через эти формы работы проводилась массовая пропаганда «реорганизации сельского хозяйства на новых социалистических основах» [4, д. 24, л. 62 (об)], что должно было в конечном счете обеспечить скорейший переход от индивидуального хозяйствования к коллективному [4, д. 24, л. 63].

Наконец, отдельной разновидностью сельскохозяйственного образования, хотя и тесно связанной со всем выше перечисленным, можно считать заочные формы подготовки. Это прежде всего заочные ШКМ с ускоренной программой, укладывающейся в два-три года, и практикой в колхозах и совхозах. В такие школы, не требующие отрыва от производства, можно было привлечь куда больше сельской молодежи, чем в очные.

Сюда же можно отнести и курсы для определенных категорий населения, прежде всего для красноармейцев – которые, получив такую подготовку, могли по окончании службы возвратиться на село «организаторами колхозов, специалистами отдельных отраслей сельского хозяйства» [4, д. 24, л. 63]. Создавались подобные курсы и для рабочих, которым предстояло «проявить пролетарское руководство в деревне по созданию колхозов» [4, д. 24, л. 63 (об)].

Выводы

Итак, перед нами образовательная система, полностью сосредоточенная на решении задач коллективизации. При этом каждый элемент ее буквально кричит об острейшем кадровом голоде в деревне. В его преодолении авторы анализируемого Проекта ориентировались прежде всего на крестьянскую бедноту. Именно бедняки должны была, получив необходимые знания, сделаться успешными организаторами социалистического преобразования деревни.

Свою систему авторы Проекта стремились сделать, с одной стороны, последовательной и стройной, а с другой – всеобъемлющей, способной учесть самые разные запросы и нужды. Две эти цели не могут не вступать в противоречия, отсюда – дублирование функций (например, в деятельности кружков и курсов), а также некоторая запутанность и усложненность.

Как все это реализовывалось на практике – отдельный вопрос, ответ на который мы надеемся найти, продолжая исследование архивных материалов.

Список источников

1. Асташов А.Б. Крестьянско-молодежный мир в эпоху «великого перелома» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 101 – 119.

2. Бондаренко С.И. Школы крестьянской молодежи в 1920-е гг. (региональный аспект)// Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (38). С. 93 – 97.

3. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / РАН, Ин-т рос. истории, Госкомстат СССР; отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: Наука, 1992. 254 с.

4. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф. П. 61. Оп. 2. Д. 24.

5. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р. 1103. Оп. 1. Д. 21.

6. Иевлева О.И., Майорова Н.О. Реализация указаний центральной власти в период коллективизации в Сухиничском округе Западной области РСФСР в 1929-1930 гг. // Вестник государственного и муниципального управления. 2026. Т. 15. № 1. С. 10 – 27.

7. Иевлева О.И., Майорова Н.О. Типология протеста. Управленческие работники среднего звена калужского округа о проблемах коллективизации // Калужская область в контексте глобальных трансформаций: оценка структурных, пространственных и социальных приоритетов. Материалы научно-практической конференции. Калуга, 2025. С. 153 – 163.

8. Иевлева О.И., Майорова Н.О., Никитина Н.Н. Церковь и власть на Калужской земле в период коллективизации // Богословско-исторический сборник. 2025. № 2 (37).

9. Кукуев А.И. О становлении образования взрослых в России // Известия ТРТУ. 2006. № 14 (69). С. 38 – 43.

10. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР. I отдел. № 37 от 8 августа 1930 г. Ст. 400. [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20211019031243/http://istmat.info/node/49929

11. Третьяков А.В. Формирование системы сельскохозяйственного образования в России второй половины XIX – начала XX веков // Научные ведомости. 2015. № 13 (210). Выпуск 35. С. 103 – 110.

12. Храбуст А.М. Сельскохозяйственное образование крестьянской молодежи в 20-е годы XX века // Наука, техника и образование. 2015. № 2 (8). С. 105 – 106.

13. Ченская Т.В. Новиков В.С. Школы крестьянской молодежи в контексте кадровой политики советского государства в российской деревне // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 1 (82). С. 73 – 75.

References

1. Astashov A.B. The Peasant and Youth World in the Era of the "Great Turning Point". Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Literary Criticism. Linguistics. Cultural Studies". 2022. No. 9. P. 101 – 119.

2. Bondarenko S.I. Schools for Peasant Youth in the 1920s (Regional Aspect). Bulletin of the Altai State Pedagogical University. 2019. No. 1 (38). P. 93 – 97.

3. The 1939 All-Union Population Census. Main Results. RAS, Institute of Russian History, USSR State Statistics Committee; ed. Yu.A. Polyakov. Moscow: Nauka, 1992. 254 p.

4. State Archive of Documents of Contemporary History of the Kaluga Region (GADNIKO). F. P. 61. Op. 2. D. 24.

5. State Archives of Kaluga Oblast (GAKO). F. R. 1103. Op. 1. D. 21.

6. Ievleva O.I., Mayorova N.O. Implementation of Central Government Instructions during Collectivization in the Sukhinichsky Okrug of the Western Oblast of the RSFSR in 1929-1930. Bulletin of Public and Municipal Management. 2026. Vol. 15. No. 1. P. 10 – 27.

7. Ievleva O.I., Mayorova N.O. Typology of Protest. Mid-Level Managers of the Kaluga Okrug on the Problems of Collectivization. Kaluga Oblast in the Context of Global Transformations: Assessment of Structural, Spatial, and Social Priorities. Proceedings of the Scientific and Practical Conference. Kaluga, 2025. P. 153 – 163.

8. Ievleva O.I., Mayorova N.O., Nikitina N.N. Church and Power in the Kaluga Region During Collectivization. Theological and Historical Collection. 2025. No. 2 (37).

9. Kukuev A.I. On the Development of Adult Education in Russia. Izvestiya TRTU. 2006. No. 14 (69). P. 38 – 43.

10. Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR. Section I. No. 37 of August 8, 1930. Art. 400. [Electronic resource]. URL: https://web.archive.org/web/20211019031243/http://istmat.info/node/49929

11. Tretyakov AV Formation of the agricultural education system in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. Scientific news. 2015. No. 13 (210). Issue 35. P. 103 – 110.

12. Khrabust AM Agricultural education of peasant youth in the 1920s. Science, technology and education. 2015. No. 2 (8). P. 105 – 106.

13. Chenskaya TV Novikov VS Schools for peasant youth in the context of the personnel policy of the Soviet state in the Russian village. Scientific notes of Oryol state university. 2019. No. 1 (82). P. 73 – 75.

Информация об авторах

Иевлева О.И., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-1434-9529, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Калужский филиал, г. Калуга, ул. Окружная 4, корп. 3, ievleva@klg.ranepa.ru

Майорова Н.О., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-3517-1307, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Калужский филиал, г. Калуга, ул. Окружная 4, корп. 3. mao956@mail.ru

© Иевлева О.И., Майорова Н.О., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-41-48

Репрезентация аномальных явлений в региональной периодике 1980-1990-х гг. как отражение трансформации общественного сознания (на материалах Томской области)

[1] Кузнецова А.А.,
[1] Сургутский государственный университет

Аннотация: в статье на материалах томской региональной периодики сер. 1980-х – нач. 1990-х гг. анализируется репрезентация аномальных явлений (НЛО, полтергейст, экстрасенсорика, биоэнергетика) как индикатор трансформации общественного сознания в позднесоветский и постсоветский периоды. На основе анализа более 20 газетных номеров и специализированного журнала «Мир неизведанного» выделяются три этапа эволюции дискурса: 1985-1987 гг. – осторожная легитимация через «научный подход» в ведомственных многотиражках; 1988-1990 гг. – институционализация темы, проведение всесоюзных конференций, выход на уровень областных газет и параллельное появление дискурса об экстрасенсах; 1991-1993 гг. – эзотеризация дискурса, утрата наукой монополии на истину, формирование компенсаторных форм сознания. Автор приходит к выводу, что интерес к аномальному стал реакцией на крушение прежней картины мира и поиском новых смыслов в ситуации мировоззренческой неопределенности.

Ключевые слова: аномальные явления, НЛО, полтергейст, экстрасенсы, региональная пресса, Томская область, 1990-е годы, историческая антропология

Для цитирования: *Кузнецова А.А. Репрезентация аномальных явлений в региональной периодике 1980-1990-х гг. как отражение трансформации общественного сознания (на материалах Томской области) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 41 – 48. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-41-48*

Поступила в редакцию: 4 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

Representation of anomalous phenomena in regional periodicals of the 1980s–1990s as a reflection of the transformation of public consciousness (based on materials from the Tomsk region)

[1] Kuznetsova A.A.,
[1] Surgut State University

Abstract: based on the materials of Tomsk regional periodicals from the mid-1980s to the early 1990s, this article analyzes the representation of anomalous phenomena (UFOs, poltergeist, extrasensory perception, bioenergetics) as an indicator of the transformation of public consciousness in the late Soviet and post-Soviet periods. Drawing on an analysis of more than 20 newspaper issues and the specialized journal The World of the unknown, the author identifies three stages in the evolution of the discourse: 1985-1987 – cautious legitimation through a «scientific approach» in departmental multi-edition newspapers; 1988-1990 – institutionalization of the topic, organization of all-union conferences, emergence of the theme in regional newspapers, and the parallel appearance of discourse about psychics; 1991-1993 – esotericization of the discourse, loss of science's monopoly on truth, and the

formation of compensatory forms of consciousness. The author concludes that interest in the anomalous became a reaction to the collapse of the previous worldview and a search for new meanings in a situation of ideological uncertainty.

Keywords: anomalous phenomena, UFOs, poltergeist, psychics, regional press, Tomsk region, 1990s, historical anthropology

For citation: *Kuznetsova A.A. Representation of anomalous phenomena in regional periodicals of the 1980s–1990s as a reflection of the transformation of public consciousness (based on materials from the Tomsk region). Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 41 – 48. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-41-48*

The article was submitted: April 4, 2026; Approved after reviewing: May 2, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Выводы

Интерес к НЛО, полтергейсту, а также к экстрасенсам и «народным целителям» пережил в СССР второй половины 1980-х – первой половины 1990-х гг. беспрецедентный бум. В этот переломный период, когда рушилась прежняя идеологическая картина мира, а новая еще не сформировалась, тема контакта с непознанным оказалась неожиданно востребованной на всех уровнях – от академических кругов до массового читателя. Региональная пресса стала тем пространством, где эта проблематика обсуждалась наиболее живо и непосредственно, отражая глубинные сдвиги в общественном сознании.

Томская область в этом отношении представляет особый интерес. Здесь сложилось активное сообщество исследователей аномальных явлений, а местные газеты и специализированные журналы регулярно публиковали материалы на эту тему, что позволяет проследить эволюцию дискурса на протяжении почти десятилетия.

Целью данной статьи является анализ публикаций томских газет 1985-1993 гг., посвященных аномальным явлениям, и обоснование тезиса о том, что изменения в их содержании и риторике служили «зеркалом» глубинных сдвигов в общественном сознании в переходе от позднего СССР к постсоветской России.

Под аномальными явлениями в данной статье понимается широкий круг феноменов, которые в советский и постсоветский период осмыслялись как выходящие за пределы материалистической научной картины мира: неопознанные летающие объекты, полтергейст, а также деятельность экстрасенсов, биоэнергетиков и «народных целителей». Объединяющим признаком для этих разнородных феноменов служит их репрезентация в публичном дискурсе как «непознанного», требующего либо научного объяснения, либо духовного осмысления.

Материалы и методы исследований

В работе использованы три группы источников, выделенные по характеру аудитории и статусу издания.

К первой группе относятся областные общественно-политические газеты: «Красное знамя», «Томский вестник» и «Сибирская газета». Эти издания ориентированы на массового читателя и позволяют проследить эволюцию официального и полуофициального дискурса об аномальных явлениях, включая трансформацию редакционной политики в условиях гласности и постсоветской либерализации прессы. Вторая группа представлена ведомственными и корпоративными многотиражными газетами: «Томский нефтяник на Васюгане», «За медицинские кадры», «Молодой ленинец» (с 1991 г. – «Томский молодежный экспресс»). Эти издания адресованы узкопрофессиональным сообществам и фиксируют «низовой» уровень восприятия аномальных явлений, позволяя реконструировать механизмы легитимации темы на уровне локальных коллективов. К третьей группе относится специализированное издание исследовательского сообщества – журнал «Мир неизведанного» (научно-популярный орган Сибирского научно-исследовательского центра «Аномальные явления» и Центра повышения квалификации журналистских кадров при ТГУ, выходил в 1990-1991 гг.). Этот источник представляет собой уникальный случай «внутреннего» дискурса – репрезентацию аномальных явлений самими исследователями, а не журналистами или очевидцами.

Работа выполнена в русле исторической антропологии и дискурс-анализа, позволяющего выявить риторические стратегии и механизмы легитимации темы. Сравнительно-исторический и контекстуальный методы используются для сопоставления дискурсивных практик на разных этапах и связи изменений в репрезентации аномальных явлений с социально-политическими процессами. Автор сознательно исключает из анализа вопрос о верификации самих феноменов, фокусируясь на их дискурсивной репрезентации

Результаты и обсуждения

Проблема репрезентации аномальных явлений в советской и постсоветской прессе до недавнего времени не становилась предметом специального исторического исследования. Однако отдельные аспекты данной тематики затрагивались в работах, посвященных смежным сюжетам – фольклористике, истории уфологических организаций, дискурсу паранормального в культуре перестройки, а также религиоведческому анализу уфологических верований.

В статье И.С. Бутова [2] впервые вводится в научный оборот корпус писем очевидцев, поступавших в Комиссию по аномальным явлениям в 1984-1989 гг. из различных регионов России, Белоруссии и Украины. Бутов показывает, как образованные адресанты наделяют сверхъестественными чертами природные явления, а сами сообщения, которые он относит к постфольклору, содержат современные фольклорные нарративы, вписывающиеся в традиционные схемы.

В работе Л.А. Ван Хааске [3] исследуется распространение идей паранормального в России в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Обращаясь к дневниковым записям современников, автор выделяет основные составляющие дискурса паранормального и реакцию на него, рассматривая паранормальные феномены как часть общего культурного фона в период глобальной трансформации. Ван Хааске показывает, как идеи о НЛО, пришельцах, экстрасенсах и эсхатологических предсказаниях проникали в массовое сознание через СМИ и фиксировались в эго-документах, становясь своеобразным символом «стресса эпохи перестройки».

А.А. Панченко в статье «Уфология как религия» [18] предлагает когнитивно-религиоведческий подход к анализу уфологических нарративов. Опираясь на концепции «сверхчеловеческих агентов» П. Буайе и Д. Барретта, автор рассматривает инопланетян как персонажей, обладающих контринтуитивными свойствами и особым доступом к «стратегической информации», что позволяет включить их в число «религиозных агентов» современной массовой культуры. Исследование Панченко ценно тем, что оно рассматривает уфологию не как маргинальный курьез, а как значимый элемент постсекулярной культуры, требующий серьезного академического анализа.

Однако при наличии исследований, посвященных фольклорному осмыслению необычных явлений, отражению дискурса паранормального в эго-документах эпохи перестройки, а также религиоведческому анализу уфологических верований, отсутствует работа, которая рассматривала бы репрезентацию аномальных явлений в региональной периодике как самостоятельный исторический источник и связывала бы изменения в дискурсе региональных СМИ с трансформацией общественного сознания в позднесоветский и постсоветский периоды. Восполнить эту лакуну позволяет обращение к томской региональной прессе сер. 1980-х – нач. 1990-х гг.

До сер. 1980-х гг. публикации об аномальных явлениях в советской прессе были еще редкостью. Так, проанализировав выпуски обозначенных источников, можно отметить, что с 1980 по 1984 гг. всего в двух номерах газет упоминаются только неопознанные летающие объекты, при этом, в одном выпуске это явление объясняется вполне рационально (новации производства одного из трестов), а в другом рассказано о библиотечной выставке, где можно познакомится с книгами о космосе и вселенной.

В середине 1980-х гг. тема начинает «светиться» гораздо активнее на страницах региональных газет, однако для этого пока требовались особые «обоснования». Характерным примером служит публикация в газете «Томский нефтяник на Васюгане» в феврале-марте 1985 г. Под рубрикой «Вахтовик, помоги науке» была напечатана статья ярославского физика Ю. Смирнова «На подступах к разгадке» [10, 11]. Само название показательно: речь идет не о сенсации, а о научном исследовании, о разгадке непознанного явления.

Смирнов подробно описывает работу Ярославской группы по изучению аномальных атмосферных явлений, которая систематизирует сообщения очевидцев. Важнейшим риторическим приемом становится строгая классификация: из 400 полученных писем лишь часть относится к «истинным НЛО» (примерно 20%). Остальное – полярные сияния, шаровые молнии, болиды, метеозонды, оптические эффекты, метеорологические явления, «коронный разряд», а также 18 случаев, отнесенных к «психологическим явлениям» или «явным подделкам» [10, 11]. Такой подход выполнял важную функцию: он легитимировал саму тему в глазах советского читателя и редактора. Речь шла не о «буржуазной лженауке» (как часто клеймили уфологию ранее), а о серьезной научной работе, которая опирается на сбор данных, их классификацию и анализ. Автор апеллирует к авторитету академической науки, упоминая Комиссию по изучению аномальных атмосферных явлений под руководством члена-корреспондента АН СССР В.С. Троицкого [11].

К концу 1987 г. ситуация с освещением тематики аномальных явлений в периодике окончательно изменилась. «Молодой ленинец» публикует большое интервью с председателем Томской группы по исследованию аномальных явлений В.И. Луневым под заголовком «Полтергейст по-томски». Вероятно, это первая публикация об аномальных явлениях в областной газете, адресованная массовой молодежной аудитории.

Лунев прямо заявляет: «Мы сняли табу с этой якобы зазорной для ученых темы» [7]. Он описывает историю группы: в 1984 г. они провели исследование атмосферных свечений, работа была отправлена в Москву, замечена Центральной комиссией по аномальным явлениям, и «через год мы получили статус официальной организации» [7]. В заключении публикации интервьюер заключает: «прошла пора открещиваться от этого «потустороннего», пришла пора объяснять» [7]. Таким образом, за период 1985-1987 гг., начавшиеся перемены в области гласности средств массовой информации позволили тематике аномалий перейти из разряда «зазорной», маргинальной темы в область научной, требующей как минимум объяснения, т.е. тема осторожно легитимировалась.

В 1988-1990 гг. дискурс об аномальных явлениях в томской прессе претерпел качественные сдвиги. Если в 1985-1987 гг. публикации были эпизодическими, то теперь тема переместилась на страницы областных газет. Однако главное событие этого периода – не просто выход темы на новый уровень, а поляризация: областные газеты начинают легитимировать экстрасенсорику, тогда как медицинская пресса последовательно выступает против нее.

Важно отметить, что интерес к аномальным явлениям в Томске не ограничивался газетными публикациями. Ещё в 1983 г. при Томском политехническом институте была создана Томская группа по изучению аномальных явлений в окружающей среде (ТГИАЯ). Изначально неформальное объединение к концу десятилетия превратилось в центр сбора данных и приборных исследований. Кульминацией этого процесса стало создание в 1990 г. на базе ТПИ Сибирского научно-исследовательского центра «Аномальные явления» (СибНИЦ АЯ). Эти организации неоднократно упоминались в прессе, что придавало изучению аномальных явлений дополнительную легитимность в глазах читателей.

Одним из первых свидетельств легитимации темы стала публикация в «Красном знамени» 1988 г., где проректор ТПИ, профессор Ю.П. Похолков дал развернутое интервью о предстоящей всесоюзной школе-семинаре по непериодическим быстропротекающим явлениям. Ключевым тезисом стала «демократизация науки»: Похолков прямо говорит, что еще пять лет назад об организации такого мероприятия речи быть не могло, ученые занимались этим тайком, боясь прослыть чудаками. Похолков проводит параллель с генетикой и кибернетикой, которые также ранее обвинялись в «потворстве буржуазному идеализму» [1].

Однако легитимация «паранауки» встречала и сопротивление. И здесь ключевую роль сыграла газета Томского медицинского института (ТМИ) «За медицинские кадры». В феврале 1989 г. она публикует отчет о заседании областного общества невропатологов и психиатров под заголовком «Никаких чудес» [13], где обсуждались попытки внедрения экстрасенсорных воздействий на кафедре инфекционных болезней ТМИ. Доказательства сторонников экстрасенсорики были признаны неубедительными. Председатель областного правления общества Е.Д. Красик призвал «изучать явления экстрасенсорной деятельности без неоправданных сенсаций, профессионально, всесторонне, объективно» [13]. Общество единогласно приняло решение не рекомендовать внедрение экстрасенсорных воздействий и категорически запретить привлечение людей с расстройством психической деятельности к работе со студентами и больными. Другой выпуск «За медицинские кадры» публикует отчет о студенческой научной конференции «Оккультизм в медицине», где студентка З. Положий сделала вывод: массовое увлечение мистицизмом – «признак кризиса общества, когда рушатся одни идеологические ценности, а другие еще не набрали силу» [19]. Это наблюдение – почти прямой социальный диагноз эпохи перестройки.

На этом фоне последовательной критики со стороны медицинской прессы массовые издания демонстрировали прямо противоположную тенденцию – легитимацию экстрасенсорики и фиксацию растущего социального спроса на «народное целительство». В июле 1989 г. «Красное знамя» публикует репортаж с конференции «Медико-технические аспекты биоэлектроники» в Полтаве. Журналистка описывает, как участники мысленно «возводят стены пирамид», и замечает: «Начнись эта конференция в средние века, не миновать бы всем ее участникам жаркого костра». Но главное – она фиксирует социальный контекст: люди идут к знахарям, «отчаявшись найти спасение у профессиональных медиков» [22]. Практически в это же время «Молодой ленинец» публикует интервью с заведующим лабораторией ТПИ Ю. Рылкиным «Мы – советские инопланетяне» [6]. Рылкин рассказывает о поездке на уфологическую конференцию во Франкфурт, фиксируя коммерческий характер западной уфологии. Отвечая на вопрос о природе уфологии, он замечает: «Уфология – это и наука, и вера» [6]. Это признание также является определенным маркером сдвига: исследователи аномальных явлений начинают осмыслять свою деятельность как мировоззренческую. В том же номере «Молодого ленинца» публикуется интервью с астрологом, доктором химических наук Ф.К. Величко, который рекламирует платный гороскоп [6, с. 7]. Это один из первых примеров коммерциализации эзотерических услуг в томской прессе. В январе 1990 г. «Красное знамя» публикует репортаж о Всесоюзной конференции по энергоинформационному обмену в Москве под заголовком «Вошли в храм науки».

Профессор ТПИ А.Г. Бакиров заявляет: «В нашей стране только с 1988 г. разрешено проведение конференций, симпозиумов по биоэнергетике». До этого исследования велись «на полулегальном положении» [15]. Вводится новый термин – «эниология», появляется фигура экстрасенса как легитимного участника научного диалога.

Характерным примером легитимации экстрасенсорики в массовой прессе стал репортаж «Томского вестника» в конце 1990 г. о сеансе читинского экстрасенса А. Тулупова под заголовком «Хватаемся за соломинку?» [16]. Автор описывает зал на 432 места, все заняты. Журналистка сама участвует в сеансе, испытывает покалывание в руках, ее скепсис постепенно растворяется. На вопрос, не является ли обращение к экстрасенсу «последней соломинкой», Тулупов отвечает: «Да, это та соломинка, за которую они хватаются». Автор заключает: «Посмотри в глаза этим людям, официальная медицина» [16]. Таким образом, на данном этапе произошла легитимация аномальных явлений как темы, достойной публичного обсуждения в областной прессе. Сама возможность такого широкого обсуждения стала возможной благодаря гласности и снятию идеологических запретов. Недоверие к официальной медицине теперь стало социальной почвой для расцвета интереса к экстрасенсам.

К началу 1990-х гг. дискурс об аномальных явлениях в томской региональной прессе претерпел кардинальные изменения. Этот период совпал с экономическим и политическим кризисом, распадом СССР в декабре 1991 г. и, как следствие, с глубокой мировоззренческой неопределенностью. Главная особенность третьего этапа – сосуществование разных типов объяснений аномальных явлений. Наряду с гипотезами, апеллирующими к авторитету науки, в публичном пространстве появляются мистико-эзотерические объяснения, апеллирующие к потусторонним силам, духам, «тонкому миру» и космическому сознанию.

Одним из первых признаков поворота дискурса стала публикация в «Красном знамени» в марте 1991 г. Винницкий исследователь Р.П. Олексюк предложил «единую гипотезу» природы НЛО и полтергейста, апеллируя к авторитету Н. Теслы и его экспериментам со стоячими электромагнитными волнами 1899 г. Статья изобиловала терминологией, имитирующей научную [17]. Это была уже не осторожная классификация, а глобальная модель, претендующая на объяснение всего и вся.

На этом фоне выделялась и рационалистическая реакция. В декабре 1991 г. «Томский вестник» публикует статью радиофизика П. Нагорского «НЛО? Увы, нет, но очень красиво» [12]. В отличие от Олексюка, Нагорский пытался объяснить феномен НЛО через знание, науку и физику, связывая наблюдаемые эффекты с запусками космических ракет с Байконура, подробно описывая физику процесса и давая практические рекомендации, как наблюдать это зрелище. Это был сознательный выбор в пользу рационалистического объяснения, попытка вернуть дискуссию в русло науки на фоне нараставшей эзотеризации дискурса.

К середине 1992 г. дискурс приобрел еще одно измерение – связь аномальных явлений с техногенными катастрофами. «Сибирская газета» публикует статью Н. Новгородова (сотрудника СибНИЦ АЯ) «Полтергейстный взрыв». Новгородов утверждал, что полтергейст «становится опасным для общества», и связывал серию загадочных взрывов (в Асбесте, Омске, Чернобыле и др.) с аномальными явлениями и НЛО [14]. А в октябре 1993 г. уже «Томский вестник» публикует философский манифест Новгородова, где он объявляет западный материализм ложной картиной мира. Аномальные явления, по его мнению, доказывают реальность духов и нечеловеческого Разума [20]. Этот текст знаменует завершающий этап эволюции дискурса об аномальных явлениях: от сбора свидетельств для науки к прямому отрицанию материализма. В этом же выпуске опубликована очередная гипотеза НЛО председателя специальной комиссии при Комитете по экологии и биоэнергоинформационным явлениям в природе В. Фоменко. Он заявляет, что НЛО – это зонд, присланный на Землю высокоразвитой цивилизацией 750 млн лет назад, содержащий «математические модели с полной информацией обо всех людях, живущих и живших на Земле» [20]. Эти формулировки можно считать уже полноценной эзотерической космологией.

Поворот дискурса в сторону мистики коснулся непосредственно печатного органа СибНИЦ АЯ, журнала «Мир неизведанного». В его номерах публиковались материалы, где аномальные явления осмыслялись уже не через научные гипотезы, а через прямое обращение к биополям, энергетическим модулям и потусторонним силам. В одном из номеров печатался репортаж о заседании ТГИАЯ, где гость из Алма-Аты демонстрировал «космомодули» – листы бумаги с черными кругами. Автор описывал, как присутствующие ощущали физическое воздействие и заключал: «Сомнения разрушились, когда самому пришлось «обжечь руку» об этот лист» [4]. Легитимация происходила здесь не через науку, а через непосредственный чувственный опыт.

Еще более показательным был материал «Вхождение в полтергейст», посвященный Е. Березикову – бывшему второму секретарю обкома партии, который, следуя указаниям «Таинственного Голоса», бросил партийную карьеру и занялся описанием контактов с потусторонними силами. Березиков описывал видения

шаманки Ойи, контакты с духами Сталина, Ленина, Брежнева и Черненко, встречу с Рерихом. Он утверждал, что «подключен» к «Банку памяти Вселенной», что человек бессмертен, а душа переходит в «Тонкий Мир». Журнал полностью принимал эту картину мира, заключая, что записи Березикова – «еще одно убедительное свидетельство многомерности нашего мира» [5]. Журнал «Мир неизведанного» погряз в увлечении биополями и энергетическими модулями без попыток серьезного научного объяснения, представляя собой кульминацию мистико-эзотерического поворота.

Важно отметить, что на этом этапе дискурс об экстрасенсах также поляризовался, достигнув кульминации в соседстве противоположных позиций на одной газетной странице. Характерный пример – выпуск газеты «Томский молодежный экспресс» от 12 апреля 1991 г. На одной странице здесь соседствуют две статьи с прямо противоположными мнениями. Первая – паническая статья детского хирурга Д. Мельника, описывающего два трагических случая из своей практики, связанных с лечением маленьких детей у «ясновидящих». «Что-то пошатнулось в сознании людей», – констатирует врач, связывая это с деятельностью Кашпировского [9]. Мельник фиксирует недоверие к официальной медицине как социальную почву расцвета экстрасенсорики. Вторая же статья на той же самой странице представляет собой интервью с руководителем группы биоэнергокоррекции при поликлинике № 1 Томска, которая пытается дистанцироваться от «шарлатанов», но утверждает: «Народ шел и будет идти к нам» [9]. Это соседство наглядно демонстрирует поляризацию дискурса: официальная медицина бьет тревогу, а альтернативная практика уже легитимирована настолько, что работает в государственной поликлинике.

Резкая критика экстрасенсов отмечена в интервью «Томского вестника» с уже упоминаемым выше профессором-психиатром Е.Д. Красиком 25 сентября 1993 г. Красик прямо связывает всплеск интереса к колдунам и шаманам с «потерей социальных ориентиров» и «политическим разбродом». «Это явление весьма типично для периодов экономического и социального кризисов, – отмечает он. Красик обращает внимание и на рекламную поддержку экстрасенсов: «Газеты, радио, ТВ создают популярность» [8]. Интервью Красика стало своего рода аналитическим итогом «уфологически-экстрасенсорного десятилетия», голосом официальной науки, который пытался объяснить происходящее, но уже не мог повлиять на него.

В октябре и декабре 1993 г. «Томский вестник» публикует подборки материалов под заголовком «Чертовщина», где соседствуют рассказы очевидцев о наблюдении НЛО (с подробными рисунками), сообщения о телепортации, о рисунках пустыни Наска, о полтергейсте в московской квартире [20, 21]. К этому моменту граница между журналистикой, фольклором и эзотерикой окончательно размылась. Тема аномальных явлений стала универсальным медиатором, позволявшим говорить о чем угодно – от бытовых страхов до метафизических прозрений.

Выводы

Проведенный анализ позволяет рассматривать репрезентацию аномальных явлений в томской региональной прессе 1985-1993 гг. как чувствительный индикатор трансформации общественного сознания в позднесоветский и постсоветский периоды.

Эволюция дискурса прошла три этапа. На первом (1985-1987) тема осторожно легитимировалась через научную риторику в ведомственных многотиражках. На втором (1988-1990) произошла поляризация: массовые издания легитимировали экстрасенсорику, тогда как медицинская пресса последовательно сопротивлялась этому. На третьем этапе (1991-1993) дискурс окончательно эзотеризировался: наряду с наукообразными гипотезами появились мистические объяснения, апеллирующие к потусторонним силам.

Наши выводы коррелируют с наблюдениями Л.А. Ван Хааске, который показал на материале дневников, что паранормальные феномены воспринимались современниками как символ стресса перестроечной эпохи и форма «убежища» от социальных проблем. Если его исследование фиксирует индивидуальный слой этого процесса, то наша работа на материале региональной периодики реконструирует его публичное, коллективное измерение.

Аномальные явления стали проекционным экраном для страхов и надежд общества, переживавшего крушение привычной картины мира. Дискурс о непознанном выполнял компенсаторную функцию, позволяя массовому сознанию адаптироваться к новой, нестабильной реальности.

Список источников

1. Аномальные явления: непредвзятый подход // Красное знамя. 1988. 17 апреля. № 90 (20310). С. 2.

2. Бутов И.С. Московский архив Комиссии по аномальным явлениям в окружающей природной среде как источник сведений по народной мифологии // Славянский альманах. 2021. № 3-4. С. 229 – 259.

3. Ван Хааске Л.А. Дискурс паранормального в культуре эпохи перестройки (по дневниковым материалам) // Вопросы истории. 2024. № 3. С. 82 – 89.

4. Владимиров В. Не мистика и не сон // Мир неизведанного. 1991. № 2-3. С. 6.

5. Горчаков Г. Вхождение в полтергейст // Мир неизведанного. 1991. № 2-3. С. 20 – 21.

6. Дмитриева И. Мы – советские инопланетяне: интервью с Ю.А. Рылкиным. // Молодой ленинец. 1989. 29 декабря. № 53. С. 6 – 7.

7. Лунев В.И. [Интервью]. Полтергейст по-томски // Молодой ленинец. 1987. 26 декаюря. №154-156. С. 6-7.

8. Красик Е.Д. [Интервью]. Каждый должен решать сам посещать ли ему колдунов и экстрасенсов // Томский вестник. 1993. 25 сентября. № 187 (603). С. 3.

9. Мельник Д. Чужую беду руками разведу?.. // ТМ – экспресс. 1991. 12 апреля. № 15. С. 10.

10. На подступах к разгадке // Томский нефтяник на Васюгане. 1985. 14 марта. №12. С. 4.

11. На подступах к разгадке // Томский нефтяник на Васюгане. 1985. 28 февраля. № 10. С. 4.

12. Нагорский П. НЛО? Увы, нет, но очень красиво (Уфологов прошу не беспокоиться) // Томский вестник. 1991. 31 декабря. № 150 (160). С. 10.

13. Никаких чудес // За медицинские кадры. 1989. 24 февраля. № 7. С. 4.

14. Новгородов Н. Полтергейстный взрыв // Сибирская газета. 1992. Июль. № 29. С. 10.

15. Новгородов Н.С., Бакиров А.Г. [Интервью]. Вошли в храм науки // Красное знамя. 1990. 20-21 января. № 17-18. (20837-20838) С. 7.

16. Новикова П. Хватаемся за соломинку? // Томский вестник. 1990. 25 ноября – 2 декабря. № 8. С. 7.

17. Олексюк Р.П. НЛО, полтергейст и прочее…// Красное знамя. 1991. 23-24 марта. № 63-64 (21183-21184). С. 12.

18. Панченко А.А. Уфология как религия // Новое литературное обозрение. 2020. № 3 (163). С. 24 – 37.

19. Пельцман Е., Положий З. Гипноз с экрана // За медицинские кадры. 1989. 24 ноября. № 42 (20310). С. 2.

20. Томский вестник. 1993. 28 октября. №210 (626). С. 6.

21. Томский вестник. 1993. 9 декабря. №239 (655). С. 13.

22. Шеремет Н. Заметки с необычной конференции // Красное знамя. 1989. 9 июля. № 158 (20678). С. 5.

References

1. Anomalous Phenomena: An Unbiased Approach. Krasnoe Znamya. 1988. April 17. No. 90 (20310). P. 2.

2. Butov I.S. Moscow Archive of the Commission on Anomalous Phenomena in the Natural Environment as a Source of Information on Folk Mythology. Slavic Almanac. 2021. No. 3-4. P. 229 – 259.

3. Van Haaske L.A. Discourse of the Paranormal in the Culture of the Perestroika Era (Based on Diary Materials). Questions of History. 2024. No. 3. P. 82 – 89.

4. Vladimirov V. Not Mysticism and Not a Dream. The World of the Unknown. 1991. No. 2-3. P. 6.

5. Gorchakov G. Entering a Poltergeist. The World of the Unknown. 1991. No. 2-3. P. 20 – 21.

6. Dmitrieva I. We Are Soviet Aliens: An Interview with Yu.A. Rylkin. Molodoy Leninets. 1989. December 29. No. 53. P. 6 – 7.

7. Lunev V.I. [Interview]. Poltergeist, Tomsk Style. Molodoy Leninets. 1987. December 26. No. 154-156. Pp. 6-7.

8. Krasik E.D. [Interview]. Everyone Should Decide for Himself Whether to Visit Sorcerers and Psychics. Tomsk Herald. 1993. September 25. No. 187 (603). P. 3.

9. Melnik D. “Shall I Dispel Someone Else’s Trouble with My Hands?” TM-Express. 1991. April 12. No. 15. P. 10.

10. Approaching the Solution. Tomsk Oilman on Vasyugan. 1985. March 14. No. 12. P. 4.

11. Approaching the Solution. Tomsk Oilman on Vasyugan. 1985. February 28. No. 10. P. 4.

12. Nagorsky P. “UFOs? Alas, No, but Very Beautiful (Ufologists Please Don’t Worry)”. Tomsk Herald. 1991. December 31. No. 150 (160). P. 10.

13. No Miracles. For Medical Personnel. 1989. February 24. № 7. P. 4.

14. Novgorodov N. Poltergeist Explosion. Sibirskaya Gazeta. 1992. July. № 29. P. 10.

15. Novgorodov N.S., Bakirov A.G. [Interview]. Entered the Temple of Science. Krasnoe Znamya. 1990. January 20-21. № 17-18. (20837-20838) P. 7.

16. Novikova P. Clutching at Straws? Tomsky Vestnik. 1990. November 25 – December 2. № 8. P. 7.

17. Oleksyuk R.P. UFOs, Poltergeists, and More… Krasnoe Znamya. 1991. March 23-24. № 63-64 (21183-21184). P. 12.
18. Panchenko A.A. Ufology as a Religion. New Literary Review. 2020. № 3 (163). P. 24 – 37.
19. Peltsman E., Polozhiy Z. Hypnosis from the Screen. For Medical Personnel. 1989. November 24. № 42 (20310). P. 2.
20. Tomsky Vestnik. 1993. October 28. № 210 (626). P. 6.
21. Tomsky Vestnik. 1993. December 9. № 239 (655). P. 13.
22. Sheremet N. Notes from an Unusual Conference. Krasnoe Znamya. 1989. July 9. No. 158 (20678). P. 5.

Информация об авторе

Кузнецова А.А., кандидат исторических наук, Сургутский государственный университет

© Кузнецова А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 123.1
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-49-60

История становления политической экономии социализма в СССР: основные этапы, тенденции и направления

[1] Осин Р.С.,
[1] Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: в статье рассматриваются основные этапы создания науки политической экономии социализма. Политическое руководство СССР проводило грандиозный эксперимент по практическому претворению в жизнь идей бесклассового коммунистического общества в масштабах крупного государства. Данный опыт нуждался в глубоком научном теоретическом исследовании. Возникновение науки политической экономии социализма должно было стать формой интеллектуального самосознания советским обществом совей экономической системы.

В статье показана эволюция воззрений советских экономистов в процессе становления политической экономии социализма по самым разнообразным вопросам. Становление политической экономии социализма проходило в ходе постоянных дискуссий между представителями разных направлений в советской политической экономии, что свидетельствует о реальном интеллектуальном поиске в те годы.

Отдельно в статье показана огромная, если не решающая, роль И.В. Сталина, который будучи главой советского государства, одновременно глубоко и компетентно погружался в теоретические вопросы, что выражалось в написании Сталиным ряда ключевых работ по политической экономии социализма и непосредственным руководстве с его стороны авторским коллективом, подготавливающим учебник политической экономии.

В ходе трудных дискуссий и активного научного поиска, в 1954 году вышел учебник по политической экономии, в котором присутствовал раздел, посвященный социализму. С этого момента, по мнению автора, процесс становления политической экономии социализма как науки можно считать завершенным.

Ключевые слова: социализм, политическая экономия, коммунизм, капитализм, марксизм, капитал, товарное производство, планомерность, общественно-экономическая формация, способ производства, труд

Для цитирования: *Осин Р.С. История становления политической экономии социализма в СССР: основные этапы, тенденции и направления // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 49 – 60. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-49-60*

Поступила в редакцию: 5 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

The history of the formation of the political economy of socialism in the USSR: the main stages, trends and directions

[1] Osin R.S.,
[1] Moscow University of Finance and Industry Synergy

Abstract: the article examines the main stages of the creation of the science of political economy of socialism. The political leadership of the USSR conducted a grand experiment in the practical implementation of the ideas of a classless communist society on the scale of a large state. This experience needed deep scientific and theoretical research. The emergence of the science of the political economy of socialism was to become a form of intellectual self-awareness by the Soviet society of its economic system.

The article shows the evolution of the views of Soviet economists in the process of the formation of the political economy of socialism on a wide variety of issues. The formation of the political economy of socialism took place during constant discussions between representatives of different trends in Soviet political economy, which indicates a real intellectual search in those years.

Separately, the article shows the enormous, if not decisive, role of I. V. Stalin, who, as head of the Soviet state, was both deeply and competently immersed in theoretical issues, which was reflected in Stalin's writing a number of key works on the political economy of socialism and his direct leadership of the author's team preparing the textbook of political economy.

In the course of difficult discussions and active scientific research, a textbook on political economy was published in 1954, which included a section on socialism. From this moment on, according to the author, the process of formation of the political economy of socialism as a science can be considered completed.

Keywords: socialism, political economy, communism, capitalism, Marxism, capital, commodity production, planning, socio-economic formation, mode of production, labor

For citation: *Osin R.S. The history of the formation of the political economy of socialism in the USSR: the main stages, trends and directions. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 49 – 60. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-49-60*

The article was submitted: April 5, 2026; Approved after reviewing: May 3, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

В современных условиях, когда капитализм как мировая система на своей высшей стадии империализма демонстрирует свои противоречивые стороны и угрожает развязыванием мировой войны, образ посткапиталистического будущего вызывает все больший интерес.

Изучение истории становления политической экономии социализма полезно для нас и сегодня тем, что там показаны некоторые ошибки, которые можно избежать в дальнейшем, а с другой стороны политическая экономия социализма позволяет дать методологию исследования и построения общества, основанного на товариществе и коллективизме, а не частной собственности и конкуренции.

Политическая экономия социализма – это, пожалуй, одна из наименее разработанных сторон марксистской теории. И дело все в том, что политическая экономия, несмотря на то что именно по этой составной части марксизма Маркс написал свой фундаментальный научный и наиболее объёмный труд «Капитал», оказалась наиболее быстро изменяющейся частью марксизма в условиях становления коммунистического общества. И это не по причине несостоятельности марксистской политической экономии, а по причине того, что Маркс в своём труде «Капитал» описывал капиталистический способ производства. В.И. Ленин так же работал над творческим развитием политической экономии марксизма [24]. Так, развивая идеи Маркса, в работе «Империализм как высшая стадия капитализма», он описывал капитализм на его последней и высшей империалистической стадии. Социализм же классики марксизма глубоко не описали и не могли описать, в силу того что вопрос о его практическом строительстве ещё не стоял.

В становлении политической экономии социализма, на наш взгляд, можно выделить следующие основные стадии:

- Дореволюционный период, связанный с теоретическим наследием Маркса-Энгельса и Ленина;

- Период развития политической экономии в переходный от капитализма к социализму период 1920-е - первая половина 1930-х годов;

-Период окончательного становления политической экономии социализма как отдельной науки и учебной дисциплины в СССР с 1936 по 1954 год. Данный период был связан с созданием первого в СССР учебника по политической экономией, одним из разделов которого была политическая экономия социализма.

Материалы и методы исследований

Основным философским методом исследования темы в статье выступают метод материалистической диалектики, рассматривающий все явления в развитии и борьбе противоположностей. Так же в статье используется метод историзма, заключающийся в рассмотрении теоретических воззрений советских экономистов в контексте конкретно-исторической обстановки и конкретно-исторических задач, решаемых обществом в то время. Применяется в процессе исследования сравнительный метод и метод герменевтики, поскольку для исследования разных точек зрения по теоретическим вопросам политической экономии социализма требуется сравнительный анализ текстов экономистов того времени.

Результаты и обсуждения

Маркс и Энгельс вообще долгое время употребляли термин «социализм» в смысле политического течения, лишь в конце жизни стали обозначать понятием «социализм» первую (или низшую) фазу коммунизма. Оставил кое-какие положения относительно социализма как низшей фазы коммунизма в «Критике готской программы» [23] Маркс, отдельные теоретические наработки по описанию будущей социалистической экономики у Энгельса в Анти-Дюринге [39] и других работах [40]. Можно найти отдельные цитаты о коммунистическом обществе из других работ классиков, но систематизированной науки, изучающей производственные отношения коммунистической формации у классиков марксизма не найти, хотя и тех идей, которые они успели высказать о социализме достаточно, что бы выстроить общий вектор развития экономических отношений в условиях низшей и высшей фаз коммунистического общества. Социализм классики рассматривали как начальный этап (или низшая фаза) коммунизма, то есть они не разделяли социализм и коммунизм на отдельные формации. Социализм им виделся классикам как общество, в котором господствует общественная собственность на средства производства, на смену товарному производству обособленных частных производителей приходит непосредственно общественное производство с отсутствием товарного производства, на смену рыночной стихийности приходит планомерная организация экономической жизни общества в интересах всех его членов. Социализм классики мысли как общество, где будут преодолены классы, но еще будет сохраняться общественное разделение труда (оно преодолевается на высшей фазе коммунизма), а потому общество еще будет заинтересовано в особом аппарате государства, который будет определять меру труда и потребления.

Ленин, подойдя к вопросу осмысления социализма, касался в большей степени политической составляющей. Эта область была достаточно подробно и системно раскрыта Лениным в работе «Государство и революция» [18] и не только. В этой же работе Ленин дал прекрасное по своей чёткости изложение представления марксизма об отличительных чертах переходного периода, социализма как низшей фазы коммунизма и полного коммунизма. Ленин дал исчерпывающий научный анализ империализма как высшей и последней стадии капитализма. Можно вспомнить и такие работы Ленина как “Очередные задачи советской власти” [20], “О “левом” ребячестве и мелкобуржуазности” [19], “Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата” [21] и пр. В этих работах В.И. Ленин также дал описание отдельных вопросов, связанных с социалистическим производством. Но все это были отдельные указания на отдельные аспекты функционирования социализма. Что же касается политической экономии социализма как целостной дисциплины, то ввиду отсутствия долговременной практики, Ленин тоже не мог оставить целостной политэкономической теории новой социалистической системы, хотя Ленин уже подходил к этой задаче [8].

После Великой Октябрьской социалистической революции и победу в Гражданской войне среди обществоведов господствовали оптимистические надежды на скорую мировую революцию, а вместе с ней относительно быстрое изживание “родимых пятен капитализма” вроде товарного производства, стоимости и денег. Характерно, что установки на преодоление товарного производства и денег при социализме была не просто теоретической, но и политической [11, с. 115]. Данная задача рассматривалась не как дело далёкого будущего, а как практическая задача, которую в скором времени предстоит решать. Это проявлялось в не только в публицистике, но и ряде официальных документов. В частности, II Всероссийский съезд Советов народного хозяйства вполне официально высказался за уничтожение денег, что было отмечено в итоговой резолюции съезда. В ней можно прочитать следующие строки: *“развитие социалистического переустрой-*

ства экономической жизни необходимо требует отрешение от прежних частнокапиталистических взаимоотношений в производстве и устранения в конечном итоге всякого влияния денег на соотношение хозяйственных элементов" [34, с. 192]. Данные настроения отражали революционную эпоху тех лет. Несмотря на то, что страна переживала только переходный от капитализма к социализму период, победа Великой Октябрьской социалистической революции и победа большевиков в Гражданской войне воодушевляла многих на радикальные коммунистические преобразования в общественных отношениях, что не могло не отразиться и на экономической науке, которая явно имела тенденцию волюнтаристского понимания социализма и недооценки его объективных экономических законов.

Среди теоретиков в 1920-е годы шли дискуссии о предмете политической экономии. Часть теоретиков считала, что политическая экономия как наука изучает экономические законы всех общественно-экономических формаций, а не только капиталистической. Такую позицию в январе 1925 года занял в своём докладе "Что такое политическая экономия?" [36] известный экономист, составивший лучший, на взгляд Ленина, перевод «Капитала» Маркса И. Скворцов-Степанов. Он обосновывал тезис о том, что политическая экономия занимается изучением не только специфически капиталистических, но и экономических законов всей истории человеческого общества, в том числе и других общественных формаций. Так, Скворцов-Степанов утверждал: *"задача руководства к политической экономии состоит в том, чтобы дать изучающему эту науку основные понятия о различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы"*[36, с. 259]. В другом месте своей речи указанный экономист также замечал, что *"политическая экономия – историческая наука, которая, далекая от ограничения себя эпохой и странами капитализма, изучает „историческую материю и, исследуя особые законы отдельных периодов развития, не отказывается и от выяснения некоторых общих экономических закономерностей"*[36, с. 269].

Правота Скворцова-Степанова, на наш взгляд, состояла в том, что во-первых, он учитывал процесс развития общественно-экономических формаций. С этой точки зрения, даже для исследования одного лишь капитализма требуется понять его генезис, противоречия и тенденции, а это неизбежно означает, что даже исследуя один лишь капиталистический способ производства мы неизбежно должны заглянуть за его пределы, то есть обратиться к предшествующим капитализму способам производства и прочертить контуры посткапиталистического общества. Таким образом, политическая экономия как наука неизбежно исследует не только капиталистический способ производства, но и закономерности развития производственных отношений на разных этапах развития общества. Во-вторых, в реальном историческом процессе нет чистого капитализма или феодализма. Как правило, в реальной истории мы имеем смесь укладов, где один является доминирующим и определяющим развитие способа производства в целом, по этому определяющему и господствующему укладу выделяют ту или иную общественно-экономическую формацию, но функционирует доминирующий уклад в процессе сосуществования с другими укладами, а не изолированно сам по себе. Наиболее интересным примером может послужить сосуществование капитализма и рабства в США. Рабство, существовавшее в США о 1865 года было с одной стороны вписано в капиталистические отношения, с другой стороны хорошо показывает, что капитализм способен адаптировать в свою пользу не только специфически капиталистические, но и докапиталистические формы эксплуатации человека человеком. Таким образом, сосуществуя с другими укладами доминирующий уклад также испытывает определённые воздействия со стороны тех укладов, а потому всесторонне изучить капиталистическое общество на конкретно-историческом этапе развития нельзя, не прибегая к исследованию других укладов экономики, которые так или иначе связаны с господствующим способом производства.

Однако по итогам той дискуссии точка зрения Скворцова-Степанова осталась в меньшинстве. Куда популярнее была позиция Н.И. Бухарина, считавшего, что предметом политической экономии являются лишь товарные отношения, а поскольку социализм предполагался бестоварным способом производства, то и места для политэкономического изучения социализма не было. Политическая экономия, с этой точки зрения *"есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров... Конец капиталистически-товарного общества будет и концом политической экономии"* [6, с. 82-83]. Данная позиция была доминирующей в советском обществе 1920-х годов и разделялась подавляющим большинством политэкономов того времени. Так, на упомянутой дискуссии Л.Н. Крицман говорил, что *"политическая экономия есть теоретическое выражение эпохи капитализма, поэтому ее теоретическая система есть теоретическая система капитализма. Я поэтому думаю, что теоретические выводы, которые делает тов. Степанов, неправильны"* [36, с. 334]. Аналогичную позицию в трактовке предмета политической экономии занимал И.И. Рубин, считавший, что *"теоретическая политическая экономия изучает определенную экономическую формацию общества, а именно товарно-капиталистическое хозяйство"* [30, с. 5].

Сведение предмета политической экономии исключительно к капиталистическим производственным отношениям приводило к выводу о том, что для социализма никакой особой политической экономии не нужно, ведь на место стихийным, объективным и независящим от воли и сознания людей законам экономического развития, при социализме приходит сознательное планирование экономической жизни. Отсюда создавалась почва для развития волюнтаристических идей и недооценка политэкономических законов социализма [7, с. 47]. Объективные условия для подобных идей были, ведь если социализм планомерно организуемое общество, основанное на общественной собственности на средства производства. То вполне логично, это общество будет антиподом товарного производства, основанного на частных обособленных товаропроизводителях. Отсюда и логика политической экономии того времени: не думать об использовании товарно-денежных отношений при социализме, а думать о том, как их изжить. И даже несмотря на инициированную в 1921 году В.И. Лениным новую экономическую политику, существенно расширившую сферу действия товарного производства и закона стоимости, допустившую частную собственность на средства производства (пусть и в ограниченном виде), данная политика никогда не рассматривалась большевиками как воплощение социалистического идеала, а, наоборот, принималась как вынужденная уступка мелкобуржуазным элементам города и деревни, как вынужденное отступление от социализма, а не его воплощение.

Однако реальная жизнь оказалась сложнее, а “родимые пятна капитализма” сильнее, чем можно было себе представить изначально. Процесс становления коммунистической формации оказался более противоречивым и длительным, чем представлялось изначально, а главное в ходе этого становления нарождающиеся коммунистические отношения теснейшим образом переплетались с отживающими, но ещё не утратившими силы капиталистическими и даже докапиталистическими пережитками, что накладывало дополнительные трудности на осмысление реального социалистического способа производства в том виде, как он складывался в СССР. Создание социалистической экономики требовало поднять на должный уровень и науку о законах развития социалистического способа производства. Не последнюю роль в переосмыслении советскими экономистами предмета политической экономии в 1930-е годы, сыграло издание замечаний В.И. Ленина на книгу Бухарина “Экономика переходного периода”, в которой Ленин подверг критике бухаринское определение предмета политической экономии, сводящее предмет политической экономии исключительно к товарно-капиталистическим отношениям. Так, напротив слов о том, что “политическая экономия изучает товарное хозяйство” Ленин сделал пометку “не только” [17, с. 6]. Из этого замечания можно сделать вывод о том, что Ленин не считал политическую экономию наукой, исследующей исключительно товарно-капиталистические отношения.

Ряд экономистов в 1930-е годы стали приходить к пониманию того, что социализм, строящийся в СССР также нуждается в своём политэкономическом анализе. В результате советскими экономистами точка зрения на предмет политической экономии как исключительно применимой к капитализму стала постепенно пересматриваться [29, 1]. В частности, Н.А. Вознесенский в своей статье “К вопросу об экономике социализма” прямо указывал на необходимость выработки политической экономии социалистического общества. Задача *«политической экономии социализма»,* по его мнению, должна была состоять в том, чтобы *«изучать всю совокупность социалистических производственных отношений»* [9, с. 102]. С подачи Вознесенского термин “политическая экономия социализма” вошёл в научную литературу. Однако до формирования целостной дисциплины, единой науки, изучавшей экономические законы социализма, было ещё далеко.

С другой стороны, в политической экономии СССР долгое время (вплоть до 1950-х годов) господствовали волюнтаристические взгляды на понимание экономических законов социализма. Многие политэкономы считали, что у социализма нет своих объективных законов развития, что социалистическое государство пролетарской диктатуры само творит и преобразует экономические законы социалистического общества [4, с. 21-42; 5, с. 33-61; 26; 33, с. 22] и пр. Данная точка зрения проявится и на дискуссии 1951 года. В целом, как было сказано выше, у такой позиции были свои основания, ведь социалистическая экономика развивалась по принятому государством плану, следовательно, роль государства кратно возрастала. Однако, подобные воззрения явно недооценивали того, что в самом планировании, государственные органы должны были руководствоваться объективно сложившимися условиями, должны были считаться с объективными экономическими законами, при всем росте и значении субъективного фактора управления экономикой. Такой волюнтаристический подход к пониманию социализма приводил к вредному выведению социализма из-под научного изучения. Действительно, о каких объективных закономерностях социализма может идти речь, если главными законами социализма является политика государства и партии? В этой связи показательно, что в начале 1930-х годов в учебных заведениях страны читали не курс политической экономии социализма, а курс “теории советского хозяйства”, который в 1933 году был заменён на курс “экономической политики”. И курс “теория советского хозяйства” и “экономическая политика” носили в большей степени

прикладной характер и не претендовали на раскрытие глубоких экономических противоречий и закономерностей социалистического общества. Судить о содержании этих курсов можно на примерах выходящих в то время учебных пособий. Возьмём для примера оглавление учебника для советских партийных школ и марксистско-ленинских кружков "Экономическая политика СССР" под редакцией Б. Бохановского [38].

Из оглавления видно, что упор делался на исторический экскурс становления социалистических отношений в СССР и экономическую политику, проводимую советским государством в экономической области. Подобные учебники были нужны для политического просвещения, но их было явно недостаточно и уж точно подобные учебники не могли заменить собой глубокого исследования экономических законов и противоречий социализма, который могла дать только политическая экономия социализма.

В общем и целом, по мере развития социализма в СССР задача создания политической экономии социализма вставала во весь рост. Выполнить эту задачу должны были советские обществоведы и, главным образом, тот человек, который руководил непосредственным строительством и развитием социализма в СССР. Речь идёт, разумеется, о И.В. Сталине. Надо сказать, что Сталин справился с выпавшей на его долю задачей. По справедливому замечанию И. Л. Ферберова, Сталин явился основоположником политической экономии социализма [35, с. 62-66]. Данная характеристика роли Сталина в развитии политической экономии социализма, свойственная прижизненным публикациям [22], отнюдь не преувеличение, как это пытались представить в позднесоветское время [14, с. 29]. Надо сказать, что сам Сталин был против такой оценки своего вклада в развитие политической экономии социализма [32, с. 44]. Однако здесь, на наш взгляд, «вместе с водой был выброшен и ребёнок». Наличие такой главы позволило бы лучше оттенить вклад, который был сделан Лениным и Сталиным на основе их практического опыта строительства социалистического общества. Это было бы полезно и с точки зрения истории экономической мысли в СССР и с точки зрения дальнейшего развития политической экономии социализма в наше время. На полезность отдельной главы о теоретических воззрениях Ленина и Сталина вполне обоснованно указывали и некоторые историки экономической мысли [10, с. 42].

Характеристика Сталина как именно основоположника науки политической экономии социализма вполне соответствует реальному вкладу Сталина в развитие теории политической экономии социализма. Данная характеристика ничуть не умаляет вклада советских политэкономов в создание и развитие науки политической экономии социализма, однако признавая вклад учёных, важно иметь в виду, что основные концептуальные направления для развития науки политической экономии социализма были заданы именно И.В. Сталиным. Помимо огромнейшей роли И.В. Сталина в непосредственном руководстве экономическим развитием социализма в СССР, И.В. Сталин уделял огромное внимание теоретическим вопросам политической экономии социализма, принимал личное участие в разработке учебника по политической экономии, необходимость в котором к 1950-м годам ощущалась все сильнее, активно корректировал, направлял, предметно со знанием дела критиковал авторский коллектив учебника. Фактически Сталин выступил главным редактором и руководителем авторского коллектива первого советского учебника по политической экономии, причём главным редактором не формальным, а весьма въедливым и активно участвующим в процессе. Как отмечал в своих воспоминаниях один из авторов учебника Д.Т. Шепилов, многократно участвовавший во встречах и общавшийся со Сталиным по вопросам политической экономии и марксистской теории в целом, *«беседы со Сталиным на эти темы оставляли ощущение, что имеешь дело с человеком, который владеет темой лучше тебя"* [37, с. 221]. Думается, что отзыв такого человека весьма показательно и объективно характеризует Сталина как выдающегося теоретика марксистской мысли.

Всесоюзная экономическая дискуссия ноября-декабря 1951 года, инициированная ЦК ВКП(б) является закономерным итогом политэкономических исканий предшествующих лет. История разработки учебника политической экономии достаточно подробно рассмотрена в ряде публикаций историков [12, с. 54-61] и экономистов [10, с. 13-96]. Здесь отметим основные аспекты.

Учебника по политической экономии начали разрабатывать ещё в 1920-е годы и сопровождалась множеством дискуссий в то время. В дальнейшем после построения основ социалистического общества в СССР новый учебник должен был учесть не только теоретические взгляды классиков марксизма, но и реальную практику строительства социалистической экономики в СССР. Важным этапом в развитии политической экономии социализма в СССР стало вышедшее в 1936 году постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке преподавания политической экономии». Данное постановление дало начало постепенному переходу от преподавания курса "экономическая политика" к становлению науки о закономерностях социалистического способа производства – политической экономии социализма. Началась активная разработка учебника по политической экономии, которому предстояло отразить основные закономерности развития социализма с учётом практического опыта СССР. Непосредственная работа над макетом учебника политической

экономии началась в 1937 году. В учебнике была предпринята попытка дать систематическое изложение основных экономических закономерностей социализма. Подготовкой макета учебника политической экономии стали заниматься сразу несколько авторов, поскольку предполагалось написать несколько вариантов учебника. Один из вариантов писал Б.С. Борилин. Вариант Борилина был раскритикован Институтом Экономики АН СССР. Данный макет отражал в себе наиболее типичные позиции экономистов того времени: вместо исследования объективных законов субъективизм и абсолютизация роли государства, отрицание закона стоимости и товарного производства и пр.

За основу был взят макет, подготовленный для массового читателя экономистом Л.А. Леонтьевым. Для приёма макетов учебника была создана редакционная комиссия, состоящая из ведущих экономистов того времени, таких как К.В. Островитянов, И.А. Трахтенберг, А.И. Пашков, Д.Т. Шепилов.

29 января 1941 года И.В.Сталин собрал учёных-политэкономов для обсуждения этого и других макетов. Помимо Сталина из высшего партийного руководства в совещании участвовали В.М. Молотов и Н.А. Вознесенский. На этом совещании Сталин высказал ряд позиций по ключевым вопросам политической экономии социализма [16, с. 161-171]. Сталиным впервые были разобраны такие вопросы как определение предмета политической экономии как науки, вопрос о законе стоимости и товарном производстве при социализме, вопрос об оплате труда и пр. На этом совещании политическая экономия была признана наукой о производственных отношениях, без привязки к исключительно капиталистическим отношениям.

В первые годы Великой Отечественной войны по понятным причинам работа над учебником была приостановлена, но уже с 1943 года (то есть ещё во время Великой Отечественной Войны) работа возобновилась, что свидетельствует о том, какое значение придавало руководство партии и государства вопросам создания учебника по политической экономии в частности и теории социализма в целом. В 1943 году в редакционной статье «Некоторые вопросы преподавания политической экономии» в журнале «Под знаменем марксизма» был сформулирован подход в пониманию предмета политической экономии. В частности в этой статье указывалось, что «*политическая экономия есть наука о развитии общественно-производственных, т.е. экономических , отношений людей. Она выясняет законы, управляющие производством и распределением необходимых предметов потребления.... в человеческом обществе на различных ступенях его развития»* [25, с. 58]. Статья была опубликована без авторства, что свидетельствовало о её официальном статусе. Если же говорить о содержании статьи, то она обобщает и систематизирует основные идеи, высказанные Сталиным на экономическом совещании января 1941 года. Лейтмотив сталинских идей и упомянутой статьи заключался в том, что у социализма есть свои объективные экономические законы и что эти законы должна изучать экономическая наука. В сентябре того же 1943 года во всех советских вузах был введён курс «Политическая экономия», но единого учебника по-прежнему не было.

Чтобы понять какое важное значение придавало политическое руководство СССР марксистскому просвещению, достаточно взглянуть на Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации при Высшей Партийной школе шестимесячных курсов переподготовки преподавателей основ Марксизма-Ленинизма и политической экономии в вузах. 4 ноября 1943 г». В постановлении отмечались кадровые трудности в области марксистского просвещения в связи с тем, что многие преподаватели ушли на фронт. Так в постановлении отмечалось: *«в связи с тем, что многие преподаватели находились на фронте, а заменяли их работники, не имевшие необходимого опыта, Центральный Комитет определил практические меры по повышению их квалификации»* [15, с. 480]. Какие меры предполагались? Согласно указанному постановлению, предполагались следующие меры по переподготовки преподавательского состава:

«1. Организовать при Высшей партийной школе шестимесячные курсы переподготовки преподавателей основ марксизма-ленинизма и политической экономии в вузах.

2. Установить следующий контингент приема на курсы: отделение по переподготовке преподавателей основ марксизма-ленинизма – 100 человек, отделение по переподготовке преподавателей политической экономии — 50 человек.

3. Утвердить следующий учебный план курсов:

а) отделение по переподготовке преподавателей основ марксизма-ленинизма: история ВКП(б) – 260 час., история СССР –160 час., Великая Отечественная война – 40 час., диалектический и исторический материализм – 140 час., политическая экономия – 140 час., международные отношения и внешняя политика СССР – 60 час.;

б) отделение по переподготовке преподавателей политической экономии: политическая экономия – 230 час., политическая экономия социализма и основы экономики промышленности, транспорта и сельского хозяйства – 190 час., история ВКП (б) – 180 час.,

Великая Отечественная война – 40 час., диалектический и исторический материализм – 100 час., международные отношения и внешняя политика СССР – 60 час.

4. Установить слушателям курсов стипендию в размере 500 руб. в месяц с сохранением на время обучения зарплаты по месту работы.

5. Материально-бытовое обслуживание слушателей курсов (общежитие, питание, стипендии) возложить на ВКВШ при СНК СССР.

6. Утвердить разверстку мест на курсы по областям, краям и республикам (см. приложение) 1.

7. Поручить Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)

совместно с обкомами, крайкомами ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик к 25 ноября 1943 г. отобрать и утвердить слушателей курсов. На курсы зачислять лиц с законченным высшим образованием.

Работу курсов начать 1 января 1944 г» [15, с. 480-481].

Обращает на себя внимание, что подобные постановления выходили во время ещё не окончившейся Великой Отечественной Войны. Это свидетельствует о том, что марксистское просвещение для политического руководства СССР и, прежде всего, Сталина являлось одним из ключевых направлений проводимой политики.

В июне 1944 года комиссия ЦК ВКП(б) одобрила очередной проект учебника политической экономии. В декабре 1944 года в статье К.В. Островитянова «Об основных закономерностях развития социалистического хозяйства» [27] была предпринята попытка представить политическую экономию социализма целостной системой своих собственных законов и категорий. Как отмечает историк Е.Ю. Спицын: «*весной 1946 года был подготовлен очередной макет учебника, на сей раз разосланный для получения отзывов сорока самым авторитетным экономистам... В результате уже в начале 1947 года к работе по созданию учебника привлекли не только экономистов, но также других гуманитариев, и в итоге весной 1948 года на свет появилось два очередных макета, которые вновь были забракованы»* [31, с. 228]. По данным авторов первой части 6 тома “Всемирной истории экономической мысли” проектов учебника было около десяти. Но и они были признаны неудовлетворительными. В мае 1949 года вышло Постановление ЦК ВКП(б) “Об Институте экономики АН СССР”, которое признало работу института неудовлетворительной, что свидетельствовало об отставании тогдашней академической науки от практических и задач теоретического осмысления советского опыта с марксистских позиций.

Весной 1950 года авторским коллективом был представлен еще один макет учебника по политической экономии. Сталин снова собирает учёных-политэкономов и обсуждает с ними макеты учебника по политической экономии. В своих замечаниях Сталин даёт понять, насколько значимым он видит создание учебника по политической экономии: *«Нужно, чтобы наши кадры хорошо знали марксистскую экономическую теорию.*

Первое, старшее поколение большевиков было теоретически подковано. Мы зубрили «Капитал», конспектировали, спорили, друг друга проверяли. В этом была наша сила. Это нам очень помогло.

Второе поколение менее подготовлено. Люди были заняты практической работой, строительством. Марксизм изучали по брошюрам.

Третье поколение воспитывается на фельетонах и газетных статьях. У них нет глубоких знаний. Им надо дать пищу, которая была бы удобоварима. Большинство из них воспиталось не на изучении работ Маркса и Ленина, а на цитатах.

Если дело дальше так пойдет, то люди могут выродиться. В Америке рассуждают: все решает доллар, зачем нам теория, зачем наука? И у нас так могут рассуждать: зачем нам «Капитал», когда социализм строим. Это грозит деградацией, это – смерть. Чтобы этого не было даже в частностях, нужно поднять уровень экономических знаний» [3].

Иными словами, Сталин, во-первых, признает плачевный уровень овладения коммунистами марксистским учением и умением применять это учение в практике социалистического строительства; во-вторых, Сталин прямо связывает судьбу социализма с уровнем теоретических знаний у членов партии. Эта цитата в очередной раз показывает, что Сталин не был прагматиком, коим его пытаются выставить многие современные буржуазные обществоведы, а до конца жизни оставался марксистом и понимал значимость марксистской теории в практическом деле строительства коммунистического общества. Всего в 1950 году было проведено три такие встречи (22 февраля, 24 апреля и 30 мая). Но каждый раз Сталин оставался неудовлетворён работой, что видимо, послужило основанием изучить вопрос состояния всей политэкономической науки того времени, а для изучения состояния политэкономической науки нет ничего лучше, чем провести дискуссию по макету учебника. Это поможет и собрать дополнительные замечания по макету учебника, что

сделает учебник более проработанным, с другой же стороны дискуссия должна была показать общий уровень развития политической экономии в СССР как науки.

В ноябре-декабре 1951 года по инициативе ЦК ВКП(б) организуется дискуссия по обсуждению макета учебника политической экономии. На этой дискуссии ведущие обществоведы того времени (прежде всего, политэкономы, но не только они) выступили со своими замечаниями и предложениями по макету учебника «Политическая экономия», подготовленный группой экономистов И.Д. Лаптевым, Л.А. Леонтьевым, К.В. Островитяновым, А.И. Пашковым, Д.Т. Шепиловым и П.Ф. Юдиным.

Данная дискуссия интересна тем, что, во-первых, отражает палитру мнений учёных того времени и наглядно опровергает миф о том, что общественные науки при Сталине были лишены дискуссий и только лишь пели осанну «вождю народов». Во-вторых, данная дискуссия является интересным прецедентом привлечения широкой научной общественности к обсуждению вопросов экономической теории и практики со стороны государственной власти, тем самым она ещё раз подтверждает тот факт, что строительство социализма и коммунизма для марксистов не просто великая мечта, но, прежде всего, наука. Так, в работе дискуссии (совещания) было привлечено 263 человека, было проведено 21 пленарное заседание, на которых выступило 119 специалистов. Заседания проводились ежедневно с 11 часов утра до 18 часов вечера с перерывом на обед с 14 до 15 часов. Участников дискуссии освобождали от других работ, приходившихся на часы совещания. Сама дискуссия проходила в здании ЦК ВКП(б) с 10 ноября по 8 декабря 1951 года. В-третьих, данная дискуссия показывает, что уже в начале 1950-х годов были сильны скрытые ревизионистские тенденции в среде теоретиков, тянувшие назад к рынку.

По итогу дискуссии Сталин выступает с собственными замечаниями, которые издаются небольшим тиражом для служебного пользования. 7 февраля 1952 года он имеет телефонный разговор с одним из ведущих авторов учебника К.В. Островитяновым, в ходе которого обсуждает организационные вопросы, связанные с публикацией его замечаний, сроках доработки учебника и пожелания усилить авторский коллектив и редколлегию. На доработку учебника Сталин выделил еще год [13]. 15 февраля 1952 года Сталин снова встречается с экономистами, отвечая на их вопросы [2]. И в телефонном разговоре с Островитяновым и на встрече с политэкономами Сталин выступил против публикации своих замечаний в печати, потому они были сперва изданы ограниченным тиражом для служебного пользования.

По итогу учебник был доработан и вышел уже после смерти Сталина в 1954 году [28]. Учебник состоял из введения, трёх разделов и заключения. Во введении кратко давались базовые категории марксистской политической экономии, такие как способ производства, производительные силы, производственные отношения, средства и предметы труда и пр. Далее шли три раздела: докапиталистические способы производства, капиталистический способ производства и социалистический способ производства, и выводы. Таким образом, социализму был посвящён целый отдельный раздел учебника, что говорит об окончательном становлении политической экономии социализма как науки и учебной дисциплины. Выход данного учебника завершил длинный и непростой этап становления науки политической экономии социализма и решающий вклад в её становление, бесспорно, был внесён И.В. Сталиным.

От себя заметим, что, на наш взгляд, несмотря на то, что с момента издания этого учебника прошло 72 года, данный учебник и сегодня может выполнять функцию книги для начинающих изучать политическую экономию. В особенности это касается досоциалистических способов производства и введения учебника. Учебник написан понятным, структурированным языком, снабжён многочисленными фактическими иллюстрациями теоретических выводов.

Выводы

Рассмотрев историю становления науки политической экономии социализма можно придти к ряду выводов.

Во-первых, становление политической экономии социализма было результатом новаторства советских исследователей и представителей политического руководства СССР, потому что классики марксизма оставили лишь общетеоретические идеи относительно будущего посткапиталистического общества.

Во-вторых, становление политической экономии социализма проходило в условиях теоретических дискуссий, наиболее значимой из которых можно считать инициированную ЦК ВКП(б) Всесоюзную дискуссию 1951 года по поводу макета учебника политической экономии.

В-третьих, решающий вклад в становление науки политической экономии социализма был внесён И.В. Сталиным, который внимательно следил за научными дискуссиями и предметно вникал в курс дела, занимался теоретическими вопросами политической экономии социализма на довольно высоком профессио-

нальном уровне и лично руководил авторским коллективом, готовящим единый учебник по политической экономии, вносил в макет учебника множество своих правок и добавлений.

В-четвёртых, теоретическое осмысление итогов строительства социализма в СССР было крайне важно для понимания практических задач, стоящих перед новым обществом. Социализм, в отличии от капитализма, развивается не по стихийным законам, а строиться сознательно и планомерно, отсюда кратно возрастает роль науки в становлении социалистического общества.

В-пятых, государство считало задачу создания науки политической экономии социализма, а также написания учебника по политической экономии одной из политико-идеологических направлений деятельности, о чем свидетельствует то пристальное внимание, которое было уделено созданию учебника политической экономии. Даже в условиях Великой Отечественной Войны работа над учебником и дискуссии по проблемным вопросам политической экономии социализма не приостанавливались.

В-шестых, процесс становления науки политическая экономия социализма является хорошим прецедентом взаимодействия власти и научного сообщества, в ходе которого посредством диалога и дискуссий удалось добиться написания качественного и отвечающего практическим задачам того времени учебника по политической экономии, который увидел свет в 1954 году. В силу того, что учебник был написан простым языком и хорошо структурирован, на наш взгляд, он и сегодня может являться неплохим пособием по ознакомлению с политической экономией как наукой.

Список источников

1. Абезгаус Г., Дукор Г. Очерки методологии политической экономии. М.1931. 206 с.
2. Беседа И.В. Сталина по вопросам политической экономии. 15 февраля 1952 г. http://istmat.info/node/26304
3. Беседа И.В. Сталина по вопросам политической экономии. Запись 24 апреля 1950 г. https://istmat.info/node/26302
4. Борилин Б.О. О предмете и преподавании политической экономии социализма // Проблемы экономики, 1937. № 1. С. 21 – 42.
5. Бутаев К. Диктатура пролетариата как основа экономического развития советского хозяйства // Проблемы экономики. 1933. № 6. С. 33 – 61.
6. Бухарин Н.И. Экономика переходного периода // Избранные произведения. М.: Экономика, 1990. С. 82 – 241.
7. Бухарин Н. Политическая экономия рантье. М.: Государственное издательство политической литературы. 1925. 192 с.
8. Василевский Е.Г. Разработка В.И. Лениным основ политической экономии социализма. М.: Издательство МГУ. 1984. 208 с.
9. Вознесенский Н.А. Избранные произведения. 1931-1947. М.: Издательство политической литературы, 1979. 606 с.
10. Всемирная история экономической мысли / Гл. ред. В.Н. Черковец. Т. 6. Ч. 1. М.: Мысль, 1997. С. 13 – 96. 782 с.
11. Долгих Ф.И. История отечественного государства и права: учебник. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2021. 296 с.
12. Журавлев В.В., Лазарева Л.Н. “Нужно поднять уровень экономических знаний”. Сталинская метода создания учебника политической экономии // Родина. 2014. № 3. С. 54 – 61.
13. Запись разговора по телефону И.В. Сталина с К.В. Островитяновым. 7 февраля 1952 г. // https://istmat.org/node/26305
14. История политической экономии социализма / Науч. ред. Д.К. Трифонов, Л.Д. Широкорад. Издание 2-е, переработанное и дополненное. Л.: Издательство Ленинградского университета. 1983. 606 с.
15. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 7. 1938-1945. М.: Политиздат, 1985. 575 с.
16. Косолапов Р. И. Слово товарищу Сталину. М.: ПАЛЕЯ, 1995. 368 с.
17. Ленин В. И. Замечания на книгу Н. Бухарина “Экономика переходного периода”. Второе издание. М.: Партийное издательство, 1932. 68 с.
18. Ленин В.И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 33. С. 1 – 120.
19. Ленин В.И. О “левом” ребячестве и мелкобуржуазности // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 36. С. 283 – 314.

20. Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 36. С. 165 – 208.

21. Ленин В.И. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата // Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 39. С. 271 – 282.

22. Леонтьев Л.А. И.В.Сталин – создатель политической экономии социализма. М.: Правда, 1950. 64 с.

23. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 19. С. 9 – 32.

24. Мрачковская И. М. К истории ленинского этапа в политической экономии. М.: Мысль, 1987. 240 с.

25. Некоторые вопросы преподавания политической экономии // Под знаменем марксизма. 1943. № 7-8. С. 56 – 78.

26. Ноткин А. И. Очерки теории социалистического воспроизводства М.: ОГИЗ, 1948. 292 с.

27. Островитянов К.В. Об основных закономерностях развития социалистического хозяйства: [консультация]. М.: Изд-во М-ва сельского хозяйства СССР, 1947. 30 с.

28. Политическая экономия. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. 640 с.

29. Розенберг Д. Политическая экономия в широком и узком смысле // Проблемы экономики. 1931. № 6. С. 138 – 151.

30. Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. 4-е изд. М. Л.: Госиздат, 1929. 375 с.

31. Спицын Е.Ю. Осень Патриарха. Советская держава в 1945-1953 годах. М.: Концептуал, 2022. 528 с.

32. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 93 с.

33. Стецкий А.И. В борьбе за ленинскую теорию. Сборник статей и речей. М.: Партиздат, 1933. 64 с.

34. Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства: стенографический отчет. М.: Высший совет народного хозяйства, 1919. 420 с.

35. Ферберов И.Л. Сталин как основоположник политической экономии социализма // Советский Союз. 2020. № 1 (22). С. 62 – 66.

36. Что такое политическая экономия?// Вестник Коммунистической академии. 1925. Кн. 11. С. 257 – 346.

37. Шепилов Д.Т. Непримкнувший. Воспоминания. «Центрполиграф», 2017. (Наш XX век). 447 с.

38. Экономическая политика СССР / Под общей ред. Б. Бохановского. М.: ОГИЗ, Прибой. 1931. 369 с.

39. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы. 1960. Т. 20. С. 5 – 343.

40. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы. 1961. Т. 21.С. 28 – 178.

References

1. Abezhaus G., Dukor G. Essays on the Methodology of Political Economy. Moscow, 1931. 206 p.

2. Conversation with I.V. Stalin on Political Economy. February 15, 1952, http://istmat.info/node/26304

3. Conversation with I.V. Stalin on Political Economy. Recorded April 24, 1950. https://istmat.info/node/26302

4. Borilin B.O. On the Subject and Teaching of Political Economy of Socialism. Problems of Economy. 1937. No. 1. P. 21 – 42.

5. Butaev K. Dictatorship of the Proletariat as the Basis for Economic Development of the Soviet Economy. Problems of Economy. 1933. No. 6. P. 33 – 61.

6. Bukharin N.I. The Economy of the Transition Period. Selected Works. Moscow: Economica, 1990. P. 82 – 241.

7. Bukharin N. The Political Economy of the Rentier. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 1925. 192.

8. Vasilevsky E.G. Lenin’s Development of the Foundations of the Political Economy of Socialism. Moscow: Moscow State University Publishing House. 1984. 208 p.

9. Voznesensky N.A. Selected Works. 1931-1947. Moscow: Political Literature Publishing House, 1979. 606 p.

10. World History of Economic Thought. Ed. V.N. Cherkovets. Vol. 6. Part 1. Moscow: Mysl', 1997. P. 13 – 96. 782 p.

11. Dolgikh F.I. History of the Domestic State and Law: Textbook. Moscow: Moscow Financial and Industrial University "Synergy", 2021. 296 p.

12. Zhuravlev V.V., Lazareva L.N. "We Need to Raise the Level of Economic Knowledge." Stalin's Method of Creating a Political Economy Textbook. Rodina. 2014. No. 3. P. 54 – 61.

13. Recording of a telephone conversation between I.V. Stalin and K.V. Ostrovityanov. February 7, 1952. https://istmat.org/node/26305

14. History of the Political Economy of Socialism. Scientific ed. D.K. Trifonov, L.D. Shirokorad. 2nd edition, revised and supplemented. L.: Leningrad University Publishing House. 1983. 606 p.

15. The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences, and Plenums of the Central Committee (1898-1986). Vol. 7. 1938-1945. Moscow: Politizdat, 1985. 575 p.

16. Kosolapov R.I. A Word to Comrade Stalin. Moscow: PALEYA, 1995. 368 p.

17. Lenin V.I. Remarks on N. Bukharin's Book "The Economy of the Transition Period". Second edition. Moscow: Party Publishing House, 1932. 68 p.

18. Lenin V.I. State and Revolution. Complete Works. Moscow: Political Literature Publishing House, 1969. Vol. 33. P. 1 – 120.

19. Lenin V.I. On “Left-Wing” Childishness and Petty-Bourgeoisness. Complete Works. Moscow: Political Literature Publishing House, 1969. Vol. 36. P. 283 – 314.

20. Lenin, V.I. The Immediate Tasks of Soviet Power. Complete Works. Moscow: Political Literature Publishing House, 1969. Vol. 36. P. 165 – 208.

21. Lenin V.I. Economics and Politics in the Era of the Dictatorship of the Proletariat. Complete Works. Moscow: Political Literature Publishing House, 1970. Vol. 39. P. 271 – 282.

22. Leontiev L.A. I.V. Stalin – the Creator of the Political Economy of Socialism. Moscow: Pravda, 1950. 64 p.

23. Marx K. Critique of the Gotha Program. Marx K and Engels F. Works. 2nd ed. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1961. Vol. 19. P. 9 – 32.

24. Mrachkovskaya I.M. On the History of the Leninist Stage in Political Economy. Moscow: Mysl, 1987. 240 p.

25. Some Issues of Teaching Political Economy. Under the Banner of Marxism. 1943. No. 7-8. P. 56 – 78.

26. Notkin A.I. Essays on the Theory of Socialist Reproduction Moscow: OGIZ, 1948. 292 p.

27. Ostrovityanov K.V. On the Basic Laws of Development of the Socialist Economy: [consultation]. Moscow: Publishing House of the Ministry of Agriculture of the USSR, 1947. 30 p.

28. Political Economy. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1954. 640 p.

29. Rosenberg, D. Political Economy in the Broad and Narrow Sense. Problems of Economics, 1931. No. 6. P. 138 – 151.

30. Rubin I.I. Essays on Marx's Theory of Value. 4th ed. Moscow: State Publishing House, 1929. 375 p.

31. Spitsyn E.Yu. Autumn of the Patriarch. Soviet State in 1945-1953. Moscow: Conceptual, 2022. 528 p.

32. Stalin I.V. Economic Problems of Socialism in the USSR. Moscow: Gospolitizdat, 1952. 93 p.

33. Stetsky A.I. In the Struggle for Leninist Theory. A Collection of Articles and Speeches. Moscow: Partizdat, 1933. 64 p.

34. Proceedings of the Second All-Russian Congress of Economic Councils: Verbatim Report. Moscow: Supreme Council of the National Economy, 1919. 420 p.

35. Ferberov I.L. Stalin as the Founder of the Political Economy of Socialism. Soviet Union. 2020. No. 1 (22). P. 62 – 66.

36. What is Political Economy? Bulletin of the Communist Academy. 1925. Book 11. P. 257 – 346.

37. Shepilov D.T. Non-Aligned. Memories. Centerpoligraf, 2017. (Our 20th Century). 447 p.

38. Economic Policy of the USSR. General editor B. Bokhanovsky. Moscow: OGIZ, Priboy. 1931. 369 p.

39. Engels F. Anti-Dühring. Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 1960. Vol. 20. P. 5 – 343.

40. Engels F. The Origin of the Family, Private Property, and the State. Marx, K. and Engels, F. Works. 2nd ed. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 1961. Vol. 21. P. 28 – 178.

Информация об авторе

Осин Р.С., кандидат философских наук, доцент, Московский финансово-промышленный университет Синергия

© Осин Р.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)
УДК 94(479.22).008
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-61-74

Грузинский национализм и этнические меньшинства Грузии в исторической ретроспективе

[1] Рашковский А.А.,
[1] Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

Аннотация: в статье представлен комплексный этнологический и историко-политический анализ развития грузинского национализма от его истоков в первой половине XIX в. до формирования независимой государственности Грузии в конце XX столетия. В исследовании применяются методы сравнительного исторического, институционального и дискурс-анализа. Исследование основано на широком историографическом материале, включающем публикации российских, грузинских, абхазских, осетинских и западных историков, политологов и этнологов, что позволяет рассматривать феномен грузинского национализма в контексте различных академических традиций. Показана трансформация грузинского националистического дискурса, преодолевшего путь от антиколониального просветительства, ориентированного на защиту культурной самобытности, к радикальному этнонационалистическому проекту, в основе которого лежат представления о культурной гомогенности и исторической миссии грузинского народа. Особое внимание уделено роли национальной интеллигенции в процессе конструирования грузинской национальной идентичности и нарративов, легитимизирующих территориальные притязания грузин на Южном Кавказе. Также рассматривается влияние советской национальной политики на формирование этнонационалистических тенденций. Дается оценка воздействия данной политики на положение национальных меньшинств Грузии, становление их национального самосознания, активизацию политической борьбы за обретение автономии. Делается вывод, что закрепление этнонационалистической парадигмы в грузинском национальном проекте в конце XX в. стало одним из ключевых факторов этнополитической дестабилизации на Южном Кавказе, приведшей к серии вооруженных межэтнических конфликтов и частичной дезинтеграции грузинского государства.

Ключевые слова: грузинский национализм, этнонационализм, национальные меньшинства, национальное строительство, межэтнические конфликты

Для цитирования: *Рашковский А.А. Грузинский национализм и этнические меньшинства Грузии в исторической ретроспективе // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 61 – 74. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-61-74*

Поступила в редакцию: 5 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

Georgian nationalism and Georgia's ethnic minorities in historical retrospect

[1] *Rashkovsky A.A.*,
[1] *Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences*

Abstract: the article presents a comprehensive ethnological, historical and political analysis of the development of Georgian nationalism from its origins to the formation of independent statehood. The research uses methods of comparative historical, institutional and discourse analysis. The research is based on a wide range of historiographical material, including publications by Russian, Caucasian and Western scientists, which allows us to consider the phenomenon of Georgian nationalism in the context of various academic traditions. The article shows the transformation of Georgian nationalist discourse, which has overcome the path from anti-colonial enlightenment, focused on the protection of cultural identity, to a radical ethno-nationalist project based on ideas about cultural homogeneity and the historical mission of the Georgian people. Special attention is paid to the role of the national intelligentsia in the process of constructing the Georgian national identity and narratives legitimizing the territorial claims of Georgians in the South Caucasus. The influence of Soviet national policy on the formation of ethnonationalist tendencies is also considered. An assessment of the impact of this policy on the situation of Georgia's national minorities, the formation of their national identity, and the intensification of the political struggle for autonomy is given. It is concluded that the consolidation of the ethnonationalist paradigm in the Georgian national project at the end of the 20th century became one of the key factors of the ethnopolitical destabilization in the South Caucasus, which led to a series of armed interethnic conflicts and the partial disintegration of the Georgian state.

Keywords: Georgian nationalism, ethnonationalism, national minorities, nation-building, interethnic conflicts

For citation: *Rashkovsky A.A. Georgian nationalism and Georgia's ethnic minorities in historical retrospect. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 61 – 74. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-61-74*

The article was submitted: April 5, 2026; Approved after reviewing: May 3, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Грузинский национализм представляет собой сложный историко-культурный феномен, находящийся на стыке предметов изучения этнологии, политологии и истории. За более чем полтора столетия своего существования грузинский национализм прошёл несколько этапов развития – от национально-освободительного и антиимперского движения до проекта по созданию моноэтничного национального государства, сопровождавшегося вытеснением и дискриминацией этнических меньшинств.

Целью данного исследования является системный этнологический и историко-политический анализ развития грузинского национализма и его воздействия на положение национальных меньшинств Грузии. Для достижения цели предстояло выявить идеологические истоки и этапы трансформации грузинского националистического дискурса, проанализировать роль интеллектуальных элит и государственной политики в формировании этнократической модели, оценить последствия националистической политики на этнические меньшинства Грузии.

Материалы и методы исследований

Исследование основано на принципах историзма и системного подхода. Применяются методы сравнительного исторического анализа (сопоставление исторических периодов существования Грузии в составе Российской империи, в период существования Грузинской демократической республики, в составе СССР, а также в первые годы независимости Грузинской Республики после распада Советского Союза). В исследовании также применены методы дискурс-анализа (изучение публицистики, публичной риторики политических деятелей и исторических концепций) и институционального анализа (оценка роли политических институтов, партий, государственной политики в формировании и радикализации националистической идеологии).

Актуальность исследования обусловлена не только необходимостью реконструкции траектории развития грузинского национального движения, но и важностью глубокого осмысления истоков националистических идеологий в целом, понимания общих закономерностей их эволюции, а также их значения в контексте неурегулированности государственных границ государств Южного Кавказа и общего усиления кон-

фликтогенности в данном регионе. Для российской науки данная тема имеет особое значение, обусловленное общностью исторического развития кавказских народов России и Грузии, почти двухсотлетним развитием Грузии в составе Российской империи и Советского Союза, а также сложным характером современных российско-грузинских отношений.

Практическая значимость статьи заключается в возможности использования полученных выводов при разработке моделей урегулирования этнополитических конфликтов, оценке и прогнозировании рисков возникновения конфликтов в полиэтничных обществах, а также при выработке сбалансированной национальной политики, основанной на принципах равенства и взаимного уважения.

В отечественной и зарубежной историографии проблема влияния грузинского национализма на состояние межэтнических отношений в регионе Южного Кавказа трактуется неоднозначно.

Среди значительной части грузинских историографов и публицистов доминирует примордиалистский подход к изучению генезиса грузинского национализма, в рамках которого грузинская нация рассматриваются как древняя, естественная и устойчивая общность людей, объединенных единой культурой, территорией, древней историей, языком и верой, а национализм рассматривается как естественная и позитивная сила, позволявшая грузинской нации на протяжении столетий сохранять свою культурную самобытность [30, 9]. В работах грузинских историков-примордиалистов делается акцент на длительной борьбе грузинского народа за сохранение собственной государственности, родного языка, культуры и вероисповедания, противостоянии грузинского этноса многовековому иностранному владычеству (Византии, арабских халифатов, Османской империи, Персии, Российской империи и СССР) [26, с. 88; 13, с. 469].

Сложный характер отношений между национальным большинством в лице грузин и меньшинствами в лице абхазов, осетин, армян, русских, азербайджанцев часто сводится к упрощенному тезису о «руке Москвы», в соответствии с которым российская политическая элита, придерживаясь политики *divide et impera* (лат. «разделяй и властвуй»), намеренно разжигает национальной рознь между народами Кавказа [44, 40].

В современной грузинской историографии часто встречаются представления о России как о «тюрьме народов», колониальном угнетателе и главном враге народов Грузии [34]. Нахождение Грузии в составе Российской империи, а затем и СССР представляется как период «аннексии» и «оккупации» [14, с. 245]. При этом исторические свидетельства притеснения этнических меньшинств в периоды независимости грузинской государственности зачастую замалчиваются.

Вместе с тем грузинские историографы и политологи в своих работах нередко стремятся к обличению своих абхазских, осетинских и российских коллег в историческом ревизионизме [17]. При этом, среди современных грузинских исследователей есть и приверженцы более объективного взгляда на природу грузинского национализма. Так, грузинский политолог Г. Нодиа отмечает, что грузинский национализм часто принимает этноцентрический и эксклюзивный характер, слабо совместимый с либеральной гражданской моделью, и что в периоды кризисов он склонен к радикализации и маргинализации меньшинств [33, с. 47-103].

В советский период абхазские и осетинские исследователи акцентировали внимание на особенностях этногенеза и этнической истории своих народов, подчеркивая имеющиеся различия с историей и культурой грузин [15, 18, 1, 36]. Их научные труды стали подспорьем для обоснования прав абхазов и осетин на самоопределение и создание независимых государств в конце XX в.

Постсоветские абхазские и осетинские исследователи представляют грузинский национализм в куда более мрачных тонах, подчеркивая его агрессивную и шовинистическую природу [8]. Например, абхазский исследователь С.З. Лакоба, говоря о влиянии грузинского национализма на абхазскую идентичность, характеризует его как «картвельскую экспансию» и «политику грузинизации», создавшие почву для будущей эскалации грузино-абхазского конфликта. Автор ряда работ по этнической истории абхазов Т.А. Ачугба также описывает грузинский национализм как агрессивный, направленный на ограничение прав абхазов и усиление грузинского контроля над Абхазией [4]. Т.А. Ачугба характеризует грузинский национализм при помощи терминов «этноцид», «геноцид», «ксенофобия». Схожая точка зрения разделяется и осетинскими коллегами. В.Д. Дзидзоев и К.Б. Дзугаев отмечают, что национальное сознание грузин искажено шовинистическими идейно-политическими и псевдонаучными концепциями грузинских политиков и интеллектуалов [16]. И.Б. Санакоев подчеркивает, что грузинский национализм изначально развивался по принципу «права крови», а не «права почвы», т.е. базировался на этническом, а не на общегражданском сознании. В рамках данной парадигмы политика в отношении к этническим меньшинствам строилась на основе следующих решений: автономию – «ликвидировать», территорию – «изъять», а народ – «ассимилировать» либо «вытеснить» [37].

Работы постсоветских российских исследователей, в частности Ю.Д. Анчабадзе [3], В.А. Шнирельмана [47], В.М. Муханова [32], С.М. Маркедонова [29, с. 166-181], А.Б. Крылова [22], М.В. Кирчанова [21, с. 27-37], предлагают более комплексный взгляд на генезис грузинского национализма, рассматривая его в контексте имперского наследия, советской национальной политики и столкновения геополитических интересов в регионе.

Анализ особенностей развития грузинского национализма представлен в работах зарубежных исследователей, в первую очередь С. Джонса, Р.Г. Суни, Э.Д. Смита, Ф. Кинга, имеют важное значение при исследовании феномена [49, p. 73-96; 55; 54, p. 122; 51, p. 35-60].

Результаты и обсуждения

В 1800 г. грузинский правитель Георгий XII обратился к российскому императору за помощью в разрешении междуусобной войны. В своем прошении Георгий XII просил о российском подданстве для грузинских земель. В 1801 г. земли Картли-Кахети вошли в состав Российской империи. В результате успешного для Российской империи окончания русско-персидских (1804-1813 гг., 1826-1828 гг.) и русско-турецких войн (1806-1812 гг., 1828-1829 гг.) к России перешли земли Западной (Имеретинское царство) и Южной Грузии.

Вхождение Грузии в состав Российской империи придало мощный импульс социально-экономическому развитию региона, население которого менее чем за столетие выросло в 5 раз (с 400 тыс. в начале XIX в. до более чем 2 млн чел. к 1897 г.). Присоединение к России означало для грузин окончание более чем четырехсотлетнего периода политической и экономической раздробленности грузинских земель, избавление от угрозы исламизации со стороны османов и персов, а также от постоянных вторжений иноземных захватчиков, разорявших и опустошавших страну.

Спустя десятилетия «отец грузинской национальной идеи» И. Чавчавадзе охарактеризовал включение грузинских земель в состав Российской империи следующим образом: «С этого замечательного дня Грузия обрела покой. Покровительство единоверной страны рассеяло страх перед внешним врагом, который довлел над Грузией. Пребывавшая в постоянной тревоге, истерзанная страна обрела покой, избавилась от вечных войн и нашествий, от разорений и погромов... Настала новая пора... мы вступили в пору мирного существования» [38].

Тем не менее, часть грузинской знати не поддерживала присоединение к Российской империи. Боявшиеся потерять свои привилегии и высокое положение при новой власти грузинские аристократы довольно скоро стали выступать за отказ от российского подданства и восстановление грузинской государственности. Многие представители грузинского дворянства, разочаровавшись в принесенных империей либеральных идеях и капиталистической модернизации, обратились к более привычным архаичным моделям национального государства, опирающимся на традиционные институты. Идеализировавшая средневековое прошлое грузинская знать требовала восстановления монархической формы правления во главе с царской династией Багратионов, под властью которых грузинские феодалы имели большую автономию и власть.

Уже к началу 30-х гг. XIX в. в кругах грузинского дворянства укоренился феодально-монархический национализм, который в отличие от либерального или гражданского, апеллировал к докапиталистическим общественным структурам и предлагал вернуться к монархическому государственному устройству как непременному условию для национального возрождения. Характеристика части грузинского дворянства как носителя «феодально-монархического национализма» дается в работе И.В. Сталина «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?» (1904). По определению Сталина, к 30-м гг. XIX в. грузинское дворянство раскололось на две группы: одна полностью отреклась от национализма и примирилась с российским самодержавием, в то время как другая, скрывшись под личиной клерикализма грузинского епископства, продолжала придерживаться феодально-монархических идеалов восстановления независимого грузинского царства [39].

Апофеозом и одновременно крахом феодально-монархического национализма стал заговор грузинской аристократии 1832 г., поддержанный главами влиятельнейших княжеских родов Багратиони, Орбелиани, Эристави и Шервашидзе [52, p. 340-367]. Заговор оказался раскрыт, а заговорщики высланы в ссылку. Несмотря на то, что заговор оказался неудачным, ряд грузинских историографов оценивают его как отправную точку будущего становления грузинского национально-освободительного движения [42].

Период становления грузинского национализма как широкого национального движения принято связывать с деятельностью революционно-патриотического кружка «тергдалеулеби» 60-80-х гг. XIX в. Его лидеры – И.Г. Чавчавадзе, А.Р. Церетели, Я.С. Гогебашвили, Важа-Пшавела (Л. Разикашвили) – видели цель в национальном освобождении и культурном возрождении грузинского народа, избавлении от гнета царизма,

преодолении феодальной раздробленности, отмене крепостного права, демократизации и либерализации общества [55]. Лидеры национального движения, в числе которых был преимущественно грузинский нобилитет, планировали сформировать единую грузинскую нацию по принципу европейской модели либерального национализма [7].

И.Г. Чавчавадзе, ставший идейным вдохновителем и признанным руководителем грузинского национального движения, сыграл особую роль в появлении первых грузиноязычных политических литературных газет, вокруг которых объединились и другие видные деятели грузинского национального движения. Вместе со своими единомышленниками И.Г. Чавчавадзе создал сеть грузиноязычных школ и библиотек, основал «Общество распространения грамотности среди грузин» [31].

На начальном лидеры «тергдалеулеби» в основном преследовали цель укрепления этнокультурной самобытности картвелов, сохранения их родного языка культуры. Идея даже ограниченной автономии в составе Российской империи всерьез не воспринималась лидерами грузинского национально-освободительного движения вплоть до революции 1905 г. [20]. Вместе с тем фактической целью последователей Чавчавадзе было конструирование единой грузинской нации из разрозненных грузинских этнических групп (картлийцев, имеретинцев, рачинцев, сванов, хевсуров, лечхумцев, гурийцев, мингрелов, лазов) и ассимилированных «негрузин» (абхазов, осетин, армян, евреев, греков, кистинцев и т.д.) [11].

Соратники И.Г. Чавчавадзе на протяжении долгого времени не решались выдвигать лозунги о необходимости сецессии Грузии из состава Российской империи. По этой причине на протяжении первых десятилетий грузинский национализм имел, скорее, форму культурного, нежели политического движения [35, с. 212-230].

Тем не менее, к началу 80-х годов XIX в. в среде картвельской элиты сформировалось представление о Грузии как о «национальной территории» грузин, внутри которой другие этнические группы рассматривались в терминах «инородцев» и «национальных меньшинств», что закладывало фундамент для будущих межэтнических конфликтов. В среде аристократии стали популярны мифы о «золотом веке» – исторические нарративы об утраченном прекрасном прошлом, которое необходимо вернуть. Золотой эпохой грузинского народа представлялся период существования Грузинского царства (XII-XIII вв.), границы которого некогда простирались «от Никопсии до Дарубанда», то есть от Туапсинского района на западе до г. Дербента на востоке [2, с. 67, 110, 187]. Вместе с появлением мифов о «золотом веке» в националистических кругах также возникают нарративы о консолидирующей и цивилизационной роли грузинского этноса, его праве на этническую, культурную и религиозную гегемонию не только на территории современной Грузии, но и шире – всего Северного Кавказа.

Экспансионистскому характеру развития грузинского национализма способствовала непростая социально-экономическая ситуация в регионе. Капиталистическое развитие Грузии происходило не за счёт постепенных изменений внутри самого грузинского общества, а за счет реактивных внешних перемен, связанных с присоединением грузинских земель к Российской империи. Картвельская аристократия, чье благосостояние напрямую зависело от владения землей и эксплуатации крестьянства, оказалась не готова к отмене крепостного права и появлению капиталистических отношений. Поскольку ростовщичество и торговля считались в среде картвельской знати предосудительными занятиями, аристократы крайне тяжело встраивались в экономику, основанную на власти капитала и товарно-денежных отношений. В результате новый социальный класс буржуазии был сформирован в основном из представителей более предприимчивых иноэтничных групп, по большей части из армян [27, с. 151-168]. Быстро богатевшие армянские торговцы, ростовщики и ремесленники вызывали раздражение и ревнивое отношение у стремительно беднеющего грузинского дворянства, вынужденного влезать в долги и продавать армянам единственный источник дохода – землю. Тем не менее, уже к концу XIX в. большая часть грузинской земли и капитала находилась в руках армянской буржуазии [12].

Концентрация капитала в руках армян вызывала недовольство в рядах грузинской знати, что в свою очередь способствовало возникновению ксенофобских настроений в высшем грузинском сословии [45, с. 3]. Разорившиеся грузинские дворяне, лишившиеся приносящих доход земельных наделов, перебирались в города, где вступали в острую социально-экономическую конкуренцию с армянской буржуазией, которая к тому времени уже контролировала основные финансовые и административные ресурсы. Картвельская аристократия, оказавшаяся внезапно зажатой между русской бюрократией и армянской буржуазией, видела путь к своему спасению в изгнании иностранной буржуазии и реставрации средневекового феодального строя. Неприязнь к представителям этнических меньшинств, характерная поначалу лишь для грузинской знати, к концу XIX в. проникла уже во все слои грузинского общества.

Радикализации национализма и росту русофобских настроений в регионе способствовала проводимая царской властью с 80-х гг. XIX в. политика насильственной русификации народов Кавказа, в соответствии с которой в казённых учебных заведениях Тифлисской и Кутаисской губерний запрещалось не только преподавание, но и само употребление грузинского языка, а грузинских учителей повсеместно заменяли русскими. Действия российских властей в отношении грузинского языка, статус и престиж которого стремительно снижались, встретили ожесточенное сопротивление в рядах грузинской аристократии. Контроль колониальной администрации распространялся на учебные заведения, на грузинскую периодическую печать и литературу, последние оказались под строгой цензурой [28, с. 226].

Вскоре под руководством главноначальствующего Кавказом генерала Дондукова-Корсакова начинается массовое заселение освободившихся в результате махаджирства абхазских земель иноэтничным населением. Так, в Абхазию массово переселяются русские, армяне, греки, болгары, немцы, эстонцы и другие лояльные российскому самодержавию народы.

Переселенческая политика Российской империи раздражала грузинскую общественность, считавшую Абхазию частью исконно грузинских земель. Многие из них стали открыто заявлять о необходимости колонизации грузинскими народами опустевших после махаджирства земель Абхазии и всего Кавказа в целом. В результате агитации, проводимой грузинскими национал-демократами, тысячи грузинских семей (главным образом мегрелы и сваны) заняли пустующие абхазские дома, что вызвало массовое недовольство среди оставшегося абхазского населения, послужив одним из триггеров будущего грузино-абхазского противостояния.

Национальная политика Российской империи начала всерьез восприниматься грузинской интеллигенцией как основное препятствие на пути грузинского национального возрождения. Интеллектуалы стали все громче призывать к борьбе за национальную независимость. Столетний юбилей присоединения Грузии к России, в 1901 г. прошедший в ряде грузинских городов, был омрачен выступлениями национал-демократов, заявивших о попрании прав и свобод грузинского народа со стороны российских властей и призвавших к борьбе за политическую независимость [48, p. 248]. Активное вовлечение крестьянства и мещанства вывело национальное движение на новый уровень, превратив его из элитарного в общенародный проект по возрождению грузинского национального самосознания.

Уже с 1870-х годов в Грузии набирают популярность революционно-демократические идеи, а вскоре и идеи социализма, марксизма и большевизма. В борьбу против царизма включаются грузинские народники, вдохновленные социалистическими идеалами. Народники были главными врагами грузинской аристократии, поскольку видели цель в построении равноправного общества, которого хотели добиться путем уничтожения частной собственности и социального неравенства. Движение революционеров-народников состояло в основном из детей разорившегося дворянства и бедной мещанской интеллигенции. Среди наиболее известных из них следует отметить А.К. Цицианов (Цицишвили), М.Н. Чикоидзе, И.С. Джабадари, А.Е. Гамкрелидзе, И.Г. Кикодзе, С. Мгалоблишвили и других. Народникам не было суждено воплотить в жизнь свои революционные идеи – уже в 1876 г. лидеры движения были арестованы и пожизненно сосланы в Восточную Сибирь. Тем не менее, избежавшие суда народники распределились по другим тайным политическим кружкам, продолжая участвовать в революционном движении.

Активное вовлечение крестьянства и мещанства вывело национальное движение на новый уровень, превратив его из элитарного в общенародный проект по возрождению грузинского национального самосознания. Период с конца XIX в. по начало XX в. в целом характеризуется стремительным увеличением количества национальных движений, общественно-политических течений и организаций, продвигавших нарративы о независимости грузинского государства, «освобождении от оков России» [41].

С момента окончания Первой русской революции и вплоть до распада Российской империи наиболее влиятельной общественно-политической силой в Грузии были грузинские социал-демократы (меньшевики) во главе с Н. Жордания, Н. Чхеидзе и С. Джибладзе. Пытавшиеся объединить социалистическую и националистическую повестку, они сформировали на этой основе новое политическое течение, названное британо-американским историком и политологом Ст. Джонсом «социализмом в грузинских красках» [50, p. 65].

Февральская революция 1917 г. и последовавший за ней распад Российской империи способствовали образованию на периферии новых государств, стремившихся к утверждению и укреплению своего суверенитета. Свержение большевиками Временного правительства привело к всплеску национализма.

22 апреля 1918 г. решением Закавказского сейма во главе с председателем меньшевистской фракции Н.С. Чхеидзе было провозглашено создание Закавказской Демократической Федеративной Республики (ЗДФР). Новое государственное образование включало территории Бакинской, Елисаветпольской, Кутаисской, Тифлисской, Эриванской, губерний, Батумской и Карсской областей, Закатальского и Сухумского

округов бывшей Российской империи. Всего через месяц под политическим натиском Османской империи, вызвавшим внутренний раскол в рядах членов Закавказского сейма (азербайджанское население в целом симпатизировало Османской империи), ЗДФР распалось на три части.

Лишение поддержки союзников в противостоянии с Османской империей вынудило грузин выйти из состава ЗДФР. В этот же день 26 мая 1918 г. Грузинский национальный совет утвердил Акт о независимости Грузии, провозгласивший создание Грузинской Демократической Республики. В ее состав вошли бывшие территории Российской империи – Кутаисская и Тифлисская губернии, Батумская область и Сухумский округ.

Политика первой грузинской республики в отношении национальных меньшинств формально была демократической и инклюзивной. В «Акте о независимости» подчеркивалось, что государство гарантирует гражданские и политические права всем своим гражданам и создает условия для свободного развития всех национальностей на своей территории. На деле же все выглядело иначе. Несмотря на конституционно закрепленное демократическое устройство, фактически в основе первой грузинской республики сохранялась традиционная сословно-классовая структура общества. Политическое руководство в большинстве своем состояло из аристократов или лиц, приближенных к грузинскому нобилитету [10, с. 352].

Формально грузинские социал-демократы декларировали защиту интересов национальных меньшинств, необходимость соблюдения демократических принципов, право наций на самоопределение, но одновременно с этим строили унитарное государство с доминирующей ролью грузинского политического и культурного ядра. После обретения собственной государственности требования национальных меньшинств о предоставлении автономии стали восприниматься грузинским истеблишментом как угроза территориальной целостности [43, с. 21].

Помимо этнического протекционизма, выражавшегося в вытеснении с государственной службы всех лиц негрузинской национальности, в первой грузинской республике насаждался «лингвистический национализм». Представители этнических меньшинств подвергались социальной и экономической маргинализации как на бытовом, так и на государственном уровне, заключавшееся в избирательном предоставлении гражданства властями республики [28].

Движение правительства в сторону превращения Грузии в моноэтничное национальное государство закономерно вызывало напряженность в отношениях с абхазами, осетинами, армянами и другими группами. Борьба за формирование и укрепление суверенитета республики требовала от ее политического руководства принятия срочных, зачастую репрессивных мер в отношении к нелояльной части населения и соседним странам. Именно в период существования Грузинской Демократической Республики происходит радикализация национализма как среди грузинского населения, так и среди национальных меньшинств страны.

Трехнедельная грузино-армянская война (1918 г.), целью которой было размежевание спорных границ между Грузинской Демократической Республикой и Первой Республикой Армения, вызвала обострение грузино-армянских отношений. Армянское население Борчалинского и Ахалкалакского уездов грузинской республики содействовало продвижению армянских войск. В армянских деревнях то и дело вспыхивали крестьянские восстания против меньшевистского правительства. Кроме того, грузинские армяне устраивали диверсионные акты по всей линии военных действий, чем существенно осложняли оборонительные действия грузинских войск. Переход армянского населения на сторону противника вызвал настоящий всплеск армянофобии в грузинском обществе. Армянский историк А.Г. Бабаханян так охарактеризовал состояние грузино-армянских отношений того периода: «Невозможно описать тот взрыв возмущения, который охватил всю Грузию, как азербайджанцы, грузины теперь в своих песнях армян объявляли своими врагами» [5, с. 86].

Национальная политика меньшевистской Демократической Республики Грузия стала первой масштабной проверкой гражданского потенциала грузинского национализма. Взятый меньшивистским руководством курс на построение моноэтничного национального государства усилил существовавшую напряжённость в отношениях с другими негрузинскими народами. Очагами национально-освободительного движения против грузинского господства стали регионы Абхазии и Южной Осетии.

Выразивший волю абхазского народа Абхазский Народный Совет провозгласил независимость Абхазии и выступил за ее вхождение в Союз Объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана [46]. В ответ на решение Абхазского Народного Совета грузинское правительство ввело на территорию Абхазии национальную гвардию, которая провела серию карательных мероприятий против абхазского, армянского, русского и греческого населения региона. Абхазский Народный Совет был разогнан, его лидеры арестованы, а некоторые из них впоследствии расстреляны. Новый состав совета был полностью подконтролен грузинским властям. Из 40 избранных депутатов 27 являлись сторонниками Грузинской Демократической Рес-

публики. В результате на очередном съезде совет признал Абхазию в составе Грузинской Демократической Республики. Таким образом, попытка национального самоопределения абхазского народа была жестоко пресечена.

Аналогичная ситуация развернулась и в Южной Осетии. В июне 1917 г. (почти за год до создания Грузинской Демократической Республики) делегаты съезда Национального Совета Южной Осетии обозначили право осетин на самоопределение, выступив за воссоединение с Северной Осетией, находившейся в составе РСФСР. Правительство Грузии опротестовало данное решение. Стремление южных осетин к объединению со своими «северными братьями» было расценено грузинским руководством как акт сепаратизма и гражданского неповиновения.

В короткий период с 1918 по 1922 гг. осетинское население трижды восставало против грузинского правительства. Наиболее кровавым стало третье восстание, вспыхнувшее в мае 1920 года и с особой жестокостью подавленное войсками национальной гвардии Грузинской Демократической Республики. По разным оценкам жертвами карательных экспедиций стали в общей сложности от 6 до 8% южных осетин. Свыше 75% населения (ок. 50 тыс. человек) бежали через горные перевалы в Северную Осетию. Большая часть осетинских деревень региона была сожжена дотла.

Вооруженное подавление национальных устремлений абхазов и южных осетин, боровшихся за воссоединение с более близкими в этнокультурном плане народами (адыгами и северными осетинами соответственно), заложило глубокий травматичный фундамент для этнополитических конфликтов конца XX в.

Установление советской власти, идеологическим базисом которой были идеи о равенстве и равноправии народов, привела к временной маргинализации националистического дискурса. Укрепление национальной советской государственности планировалось проводить с помощью политики «коренизации», направленной на подготовку и выдвижение на руководящие должности представителей местных национальностей, создание национально-территориальных автономий, внедрение национальных языков в делопроизводство и в образование, поощрение издания СМИ на языках этнических меньшинств [53].

Тем не менее, с середины 1930-х гг. советское руководство фактически сворачивает политику «коренизации», совершая поворот в сторону централизации государственной национальной политики вокруг идеи о роли русского народа, языка и культуры как факторов внутреннего сплочения многонационального советского народа. Среди возможных причин исследователи отмечают как неэффективность данной политики, приводившей к обострению межнациональной напряженности, росту местного национализма и сепаратизма, так и смену политической конъюнктуры власти, которая больше не нуждалась в широкой народной поддержке, а потому стремилась к усилению централизации власти.

Парадоксальным образом именно советская национальная политика, стремившаяся, с одной стороны, к выстраиванию жесткой централизованной модели управления (в сталинские годы осуществляемой путем репрессий национальной интеллигенции и депортаций этнических групп), а, с другой, к поощрению этнического партикуляризма усилила национально-территориальное размежевание и укрепила институциональные рамки национального строительства в СССР.

Сталинско-бериевский период (1930-1950-е гг.) ознаменовался политикой «грузинизации» жителей абхазской и осетинской автономий. На грузинскую графику были переведены абхазский (1937 г.) и осетинский (1938 г.) алфавиты. После окончания Великой Отечественной войны обучение на абхазском, русском и осетинском языке в школах автономных республик было полностью переведено на грузинский язык. Упразднены газеты и радиовещание на абхазском и осетинском языках. На грузинский язык переведены многие абхазские и осетинские топонимы и фамилии. Представителям национальных меньшинств выдавали новые паспорта, где в графе «национальность» их записывали как грузинов.

Массовым политическим репрессиям подверглись представители абхазской национальной интеллигенции, в результате которых была практически под корень уничтожена молодая интеллектуальная элита Абхазии – врачи, поэты, писатели, ученые и т.д. К середине 1940-х гг. абхазы, осетины, армяне, азербайджанцы, греки были вытеснены из органов управления, куда не допускались вплоть до конца 50-х гг. [23]. В результате массовых репрессий многие проживавшие в Грузинской ССР турки-месхетинцы, евреи, курды, азербайджанцы и греки были депортированы в Сибирь и Казахстан [25]. По личной инициативе Л.П. Берии осуществлялось целенаправленное переселение грузин в Абхазскую АССР и Юго-Осетинскую АО.

После прихода к власти Н.С. Хрущева правительство попыталось снять межнациональное напряжение в грузинских автономиях и исправить допущенные в сталинское время ошибки национальной политики. Была предпринята попытка увеличить представительство этнических меньшинств в руководящих органах республики. Несмотря на существенные успехи хрущевской национальной политики (появление представителей этнических меньшинств на руководящих должностях, восстановление абхазских, армянских и осе-

тинских школ, периодической и непериодической печати), она так и не смогла добиться глубоких структурных изменений, изменить атмосферу враждебности между титульным большинством и этническими меньшинствами.

Либерализация политической и общественной жизни в период хрущевской «Оттепели» придала импульс формированию историко-идеологических концепций, которые бы подтверждали легитимность притязаний грузин на политическое и этнокультурное доминирование в регионе.

Концепция П. Ингороква, объявившая современных абхазов поздними пришельцами с Северного Кавказа, а древнее Абхазское царство – картвельским государством, стала мощным пропагандистским оружием руках националистически настроенных грузинских интеллектуалов. Согласно представлениям П. Ингороква, современные абхазы (потомки апсуа) и исторические абхазы (абазги) различны в этногенетическом и лингвистическом плане. Первые являются потомками адыгских переселенцев, в то время как вторые – древним грузиноязычным народом юго-западной части Кавказа [19]. Несмотря на критику концепции со стороны абхазских и многих грузинских историков, псевдонаучная теория быстро прибрела популярность среди грузинских ученых и писателей, а в последствие послужила идеологической основой радикального националистического дискурса конца 80-х – начала 90-х гг. XX в.

Эпоха «брежневского застоя» характеризуется как период относительной этнополитической стабильности на Южном Кавказе. В этот период кремлевские функционеры концентрировали свое внимание, прежде всего, на внешних угрозах, исходивших от «западного мира». Партийная номенклатура Грузинской ССР воспринималась в Москве как лояльная и преданная курсу коммунистической партии. Вместе с тем за фасадом «стабильности» копились многочисленные неразрешенные противоречия, связанные как с перенесенными в прошлом коллективными травмами, так и с текущими проблемами – растущей этнической нетерпимостью и бытовым национализмом.

В 1970-х и 1980-х гг. произошел мощный всплеск грузинской национальной идентичности, что было во многом связано с деятельностью грузинских диссидентов. Наиболее известный грузинский диссидент и будущий президент Республики Грузия З.К. Гамсахурдия в те годы описывал истоки грузинской цивилизации в мессианских терминах и изображал Грузию как могущественное христианское государство, в котором грузины, превосходящие другие народы в культурном и духовном плане, должны иметь привилегированный доступ к государственной власти [56, p. 163].

По мнению политолога С.М. Маркедонова в 70-е гг. в Грузинской ССР сформировались три источника и главных составляющих национальных революций конца 80-х – начала 90-х гг. – национальная бюрократия, националистическое диссидентство, национальная квазибуржуазия. Именно к концу «семидесятых» наметился вектор на идеологическое сближение этих акторов.

Перестройка раскрепостила публичную сферу, и грузинский национализм вышел из подполья в самой радикальной форме. В ходе апрельских выступлений 1989 г. будущий президент Грузии З.К. Гамсахурдия заявлял, что абхазской нации никогда не существовало, древние абхазы – это грузины. В конце своего выступления он отметил, что возвращение абхазов на свою историческую родину станет актом восстановления исторической справедливости.

Распространенным среди многих грузинских интеллектуалов стал тезис об искусственном характере региона Южная Осетия, по их мнению, никогда не существовавшим ни в историческом, ни в политическом, ни в географическом смысле [6, с. 3]. Наиболее распространенными в грузинской историографии того времени становятся такие наименования региона, как: «Шида Картли», «Самачабло», «Центральная Грузия» и «Северная Грузия».

Главным же врагом грузинской интеллигенции вновь стал образ России как «страны-поработителя», «колониальной державы», «оккупанта», «подстрекателя» и «главного выгодополучателя» от межнациональных конфликтов внутри Грузии [24]. Грузинские исследователи Г. Векуа и Г. Рцхиладзе в 2010 г. отмечали, что «образ врага» в лице России внедрялся и целенаправленно культивировался грузинским политическим руководством на протяжении последних 20 лет [32, с. 143-152].

Грузинское руководство сделало ставку на разрешение межэтнических противоречий силовым методом, что привело к полномасштабным вооруженным конфликтам – грузино-осетинскому (1991-1992 гг.) и грузино-абхазскому войнам (1992-1993 гг.). По итогам конфликтов, Грузия де-факто потеряла контроль над Абхазией и Южной Осетией. Исход значительной части негрузинского населения (русских, греков, армян, азербайджанцев, евреев) из внутренних районов Грузии привел к ухудшению социально-экономической и демографической ситуации в республике.

По усредненным данным жертвами грузино-абхазского конфликта стали почти 20 тыс. человек. Еще около 250 тыс. грузин вынуждено покинули Абхазию. Жертвами грузино-осетинского конфликта с обоих

сторон стали свыше 1 тыс. человек. По данным российской миграционной службы, только на территории Северной Осетии официально зарегистрированы 120 тыс. беженцев, из которых 100 тыс. бежали из внутренних районов Грузии, а 20 тыс. – из Южной Осетии.

Грузино-абхазский конфликт способствовал усилению адыгского этнонационализма. Консолидация «черкесского мира», объединившего северокавказские республики под лозунгами защиты «южных братьев», сыграла важнейшую роль в победе Абхазии и обретении ею политической независимости от Грузии.

Выводы

Грузинский национализм за полтора века эволюционировал от антиимперского и интеграционного движения XIX в. к радикальному этнонационализму, ориентированному на создание моноэтничного государства.

Поворотным моментом стало образование Грузинской Демократической Республики (1918), после чего идея национального возрождения трансформировалась в курс на моноэтничность. Советский период, подавив открытый национализм, одновременно институционализировал этничность как основу государственности, что в итоге способствовало радикализации в позднесоветскую и постсоветскую эпохи, когда этничность стала критерием политической лояльности.

Интеллектуальные элиты активно участвовали в формировании этнонационалистической идеологии, создавая мифы о «золотом веке» и исторической миссии грузин, что вело к дискриминации абхазской и осетинской идентичностей. Межэтнические конфликты, вызвавшие гуманитарную катастрофу и распад территориальной целостности, стали прямым следствием этноцентричной политики как советского, так и постсоветского руководства.

С конца 1980-х гг. ставка на этнонационализм и шовинизм превратилась в фактор кризиса грузинской государственности. Опыт Грузии демонстрирует деструктивность этнократических моделей в полиэтничных обществах. Устойчивое развитие региона возможно лишь при переходе к инклюзивной гражданской нации, основанной на равенстве прав и отказе от инструментализации истории.

Список источников

1. Анчабадзе З.В. Очерки этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976. 167 с.

2. Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.). Сухуми: Абхазское государственное издательство, 1959 г. 306 с.

3. Анчабадзе Ю.Д. Грузины и Абхазы: путь к примирению / под ред. Б. Коппитерс, Г. Нодиа, Ю. Анчабадзе. Москва, 1998. 244 с.

4. Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX-XX вв: этнополитические и миграционные аспекты. Сухум, 2010. 356 с.

5. Бабаханян А.Г. Пограничный спор // Исторические вертикали. Тбилиси, 1991. № 1. С. 86.

6. Бакрадзе А. Осетинский вопрос: сб. науч. ст. / сост. А. Бакрадзе, О. Чубинидзе. Тбилиси: Кера-XXI, 1994. 3 с.

7. Бахтадзе В. Из истории общественно-экономических взглядов грузинских шестидесятников. Тбилиси, 1954. 52 с.

8. Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007. 392 с.

9. Бердзенишвили Н.А., Джавахишвили И., Джанашиа С. История Грузии. Ч. 1. С древнейших времен до начала XIX века / Под ред. С. Джанашиа; Тбилиси: Гос. изд-во Груз. ССР, 1946. III, 459 с.

10. Блиев М.М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. Москва: Европа, 2006. С. 352.

11. Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М. История Грузии (с древнейших времён до наших дней) // Библиотека Гумер. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Vachn/index.php (дата обращения: 07.12.2025)

12. Вачнадзе М., Гурули В. История Грузии (XIX-XX века): учебное пособие. Тбилиси: «Артануджи», 2000. 153 с.

13. Гамахария Дж., Гогия Б. Абхазия – историческая область Грузии. Тбилиси, 1997. С. 469.

14. Джанелидзе О., Сиамашвили Г. По следам «белых пятен» истории Грузии / Национальные истории на постсоветском пространстве – II. Москва: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 245.

15. Дзидзария Г.А. Труды. Том I. Сухуми: Алашара, 1988. 408 с.

16. Дзидзоев В.Д., Дзугаев К.Г. Южная Осетия в ретроспективе грузино-осетинских отношений. Цхинвал: Ирыстон. 2007. № 5. 271 с.

17. Жоржолиани Г. Исторические и политико-правовые аспекты грузино-осетинского конфликта и основные пути его урегулирования. Тбилиси: Изд-во Самшобло, 1992. 22 с.

18. Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы (историко-этнографические очерки). Сухуми: Абгосиздат, 1960. 448 с.

19. Ингороква П. Георгий Мерчуле, грузинский писатель X века. Тбилиси: Сабчота Мцерали, 1954. 124 с.

20. Качарава Ю. История Грузии: учебное пособие Тбилиси // Iveriel. [Электронный ресурс]. URL: chrome-extension: // efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj. https://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/3057/1/Istoria_Gruzii_TomII.pdf (дата обращения: 07.12.2025)

21. Кирчанов М.В. Основные направления радикализации грузинского национализма (начало 1990-х-середина 2000-х гг.) // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 6. С. 27 – 37.

22. Крылов А. Государства Южного Кавказа в контексте международной политики. М.: «Книжный мир», 2023. 217 с.

23. Лакоба С.З. История Абхазии. Учебное пособие. Сухум: Алашара, 1991. 320 с.

24. Лакоба С. Ответ историкам из Тбилиси (документы и факты). Сухум: Б.и., 2001. 107 с.

25. Лежава Г.П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX в. – 70-е гг. XX в.). Сухум: Алашара, 1989. 85 с.

26. Ломоури Н.Ю. Грузино-византийские взаимоотношения в V веке. Тбилиси: Мецниереба, 1989. С. 88.

27. Маилян Б. Буржуазный тифлис как антитеза дворянского партикуляризма // Caucaso-Caspica. 2019. С. 151 – 168.

28. Маилян Б.В. Очерки этнополитической истории Грузии и Западного Закавказья / Аджария, Южная Осетия, Сочи-Джикетия, Самцхе-Месхетия на рубеже XIX-XX веков. Ереван: издательство «КОПИ-ПРИНТ», 2022. 478 с.

29. Маркедонов С.М., Неклюдов Н.Я., Сучков М.А. Невоенные аспекты политического взаимодействия на Кавказе: Сравнительный анализ подходов США и России // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 166 – 181.

30. Ментешашвили А.М. Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов (1918-1921 гг.). Тбилиси, 1990. 79 с.

31. Мисабишвили Ш.В. Общественно-политические и философские взгляды Ильи Чавчавадзе. Сухуми: Абхазское госиздательство, 1957. 147 с.

32. Муханов В.М. О перспективе сотрудничества России и Грузии в гуманитарной сфере // Россия-Грузия. Отношения: экономика, безопасность, геополитика, миграция и культура. Тбилиси: Типография «Дамани», 2018. С. 143 – 152.

33. Нодиа Г. Грузия: измерения уязвимости // Государственность и безопасность: Грузия после «революции роз». М.: Интердиалект +, 2005. С. 47 – 103.

34. Нодиа Г. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и Абхазы: путь к примирению / Под ред. Б. Коппитерс, Г. Нодиа, Ю. Анчабадзе. М.: Весь Мир, 1998. 248 с.

35. Рамишвили П. История и идентичность (о преподавании мировой истории в современной средней школе) // История и идентичность: Южный Кавказ и другие регионы, находящиеся в переходном периоде. Статьи ученых-историков и экспертов из Азербайджана, Армении и Грузии / ред. Р. Раджабов, С. Григорян, В. Колбан. Ереван: Едит Принт, 2010. С. 212 – 230.

36. Сагария Б.Е. Национально-государственное строительство в Абхазии (1921-1931 гг.). Сухуми: Алашара, 1970. 161 с.

37. Санакоев И.Б. Истоки и факторы эволюции грузино-осетинского конфликта (1918-1992 гг.). Владикавказ: Издательско- полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева (РИПП), 2004. 159 с.

38. Славная страница истории: добровольное присоединение Грузии к России и его социально-экономические последствия / А.И. Брегвадзе. Москва: Мысль, 1983. 174 с.

39. Сталин И.В. Как понимает социал-демократия национальный вопрос. Госполитиздат, 1951. 24 с.

40. Топчишвили Р. Грузино-осетинские этноисторические очерки. Кутаиси, 2006. 97 с.

41. Уратадзе Г.И. Образование и консолидация Грузинской демократической республики. Мюнхен: Институт по изучению истории и культуры СССР, 1956. 119 с.

42. Хачапуридзе Г.В. К истории Грузии первой половины XIX века. Тбилиси: Издательство «Заря Востока», 1950. 564 с.

43. Ходжаа Р.В. Документы и материалы Абхазского Народного Совета 1918-1919 гг. Сухум, 1999. С. 21.

44. Хоштария-Броссе Э.В. Кавказское единство – мнимое и реальное // Межнациональные отношения в Грузии – причины конфликтов и пути их преодоления. Тбилиси: Мецниереба, 1993;

45. Чавчавадзе И.Г. Армянские ученые и вопиющие камни: пер. с грузинского Н.И. Алексеева-Месхиева. Тифлис: Типография грузинского издательства, 1902. С. 3.

46. Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. Абхазия: правовые основы государственности и суверенитета. Москва: Ин-Октаво, 2005. 262 с.

47. Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. Москва: Академкнига, 2003. 601 с.

48. Asatiani N., Janelidze O. History of Georgia: From ancient times to the present day. Tbilisi: Publishing House Petite, 2009. P. 248.

49. Jones S. Georgia: The long battle for independence. Nationalism and the breakup of an empire. Westport: Praeger, 1992. P. 73 – 96.

50. Jones S.F. Between ideology and pragmatism: social democracy and the economic transition in Georgia 1918-21. Netherlands: Brill publishing house, 2014. P. 65.

51. King F. Improbable nationalists? Social democracy and national independence in Georgia 1918-1921 // Socialist History. 2019. T. 54. P. 35 – 60.

52. Lang D.M. A modern history of Georgia. London: Weidenfeld and Nicolson, 1962. 298 p.

53. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca and London: Cornell Univ. Press, 2001. 496 p.

54. Smith A.D., The origins of nation. Becoming national. A reader. Edited by Geof Eley and Ronald Gregor Suny, New York, Oxford. Oxford University Press, 1996 (first published in Ethnic and Racial Studies, 12, 3, July, 1989. P. 340 – 367). P. 122.

55. Suny R.G. The making of the Georgian nation. 2nd ed. [Bloomington, IN]: Indiana University Press, 1994. 418 p.

56. Suny R.G. Provisional Stabilities: The Politics of Identities in Post-Soviet Eurasia. International Security, 1999-2000. Vol. 24. No 3. P. 163.

References

1. Anchabadze Z.V. Essays on the Ethnic History of the Abkhaz People. Sukhumi, 1976. 167 p.

2. Anchabadze Z.V. From the History of Medieval Abkhazia (6th-17th Centuries). Sukhumi: Abkhaz State Publishing House, 1959. 306 p.

3. Anchabadze Yu.D. Georgians and Abkhazians: The Path to Reconciliation. edited by B. Koppiters, G. Nodia, Yu. Anchabadze. Moscow, 1998. 244 p.

4. Achugba T.A. Ethnic History of the Abkhazians of the 19th-20th Centuries: Ethnopolitical and Migration Aspects. Sukhumi, 2010. 356 p.

5. Babakhanyan A.G. Border Dispute. Historical Verticals. Tbilisi, 1991. No. 1. P. 86.

6. Bakradze A. Ossetian Question: Collected Research Articles. compiled by A. Bakradze, O. Chubinidze. Tbilisi: Kera-XXI, 1994. 3 p.

7. Bakhtadze V. From the History of Socio-Economic Views of the Georgian Sixties. Tbilisi, 1954. 52 p.

8. Bgazhba O.Kh., Lakoba S.Z. History of Abkhazia from Ancient Times to the Present Day. Sukhum, 2007. 392 p.

9. Berdzenishvili N.A., Javakhishvili I., Janashia S. History of Georgia. Part 1. From Ancient Times to the Early 19th Century / Ed. S. Janashia; Tbilisi: State Publishing House of the Georgian SSR, 1946. III, 459 p.

10. Bliev M.M. South Ossetia in the Collisions of Russian-Georgian Relations. Moscow: Evropa, 2006. P. 352.

11. Vachnadze M., Guruli V., Bakhtadze M. History of Georgia (from Ancient Times to the Present Day). Gumer Library. [Electronic resource]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Vachn/index.php (date of access: 07.12.2025)

12. Vachnadze M., Guruli V. History of Georgia (19th-20th Centuries): Study Guide. Tbilisi: "Artanudzhi", 2000. 153 p.

13. Gamakharia J., Gogia B. Abkhazia – a historical region of Georgia. Tbilisi, 1997. P. 469.

14. Janelidze O., Siamashvili G. In the Footsteps of "Blank Spots" in the History of Georgia. National Histories in the Post-Soviet Space – II. Moscow: Friedrich Naumann Foundation, AIRO-XXI, 2009. P. 245.

15. Dzidzaria G. A. Works. Volume I. Sukhumi: Alashara, 1988. 408 p.

16. Dzidzoev V.D., Dzugaev K.G. South Ossetia in Retrospect of Georgian-Ossetian Relations. Tskhinvali: Iryston. 2007. No. 5. 271 p.

17. Zhorzholiani G. Historical and political-legal aspects of the Georgian-Ossetian conflict and the main ways of its settlement. Tbilisi: Samshoblo Publishing House, 1992. 22 p.

18. Inal-Ipa Sh.D. Abkhazians (historical and ethnographic essays). Sukhumi: Abgosizdat, 1960. 448 p.

19. Ingorokva P. Giorgi Merchule, Georgian Writer of the 10th Century. Tbilisi: Sabchota Mtserali, 1954. 124 p.

20. Kacharava Yu. History of Georgia: Tbilisi Study Guide. Iveriel. [Electronic resource]. URL: chrome-extension: efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj. https://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/3057/1/Istoria_Gruzii_TomII.pdf (date of access: 07.12.2025)

21. Kirchanov M.V. Main Directions of Radicalization of Georgian Nationalism (Early 1990s – Mid-2000s). Humanitarian and Social Sciences. 2010. No. 6. P. 27 – 37.

22. Krylov A. States of the South Caucasus in the Context of International Politics. Moscow: "Knizhny Mir", 2023. 217 p.

23. Lakoba S.Z. History of Abkhazia. Study Guide. Sukhum: Alashara, 1991. 320 p.

24. Lakoba S. Response to Historians from Tbilisi (Documents and Facts). Sukhum: B.i., 2001. 107 p.

25. Lezhava G.P. Changes in the Class-National Structure of the Population of Abkhazia (late 19th century – 1970s). Sukhum: Alashara, 1989. 85 p.

26. Lomouri N.Yu. Georgian-Byzantine Relations in the 5th Century. Tbilisi: Metsniereba, 1989. p. 88.

27. Mailyan B. Bourgeois Tiflis as the Antithesis of Noble Particularism. Caucaso-Caspica. 2019. P. 151 – 168.

28. Mailyan B.V. Essays on the Ethnopolitical History of Georgia and Western Transcaucasia. Adjara, South Ossetia, Sochi-Jiketi, Samtskhe-Meskheti at the Turn of the 19th-20th Centuries. Yerevan: KOPI-PRINT Publishing House, 2022. 478 p.

29. Markedonov S.M., Neklyudov N.Ya., Suchkov M.A. Non-military Aspects of Political Interaction in the Caucasus: A Comparative Analysis of the US and Russian Approaches. Polis. Political Studies. 2022. No. 6. P. 166 – 181.

30. Menteshashvili A.M. From the History of Relations between the Georgian, Abkhaz, and Ossetian Peoples (1918-1921). Tbilisi, 1990. 79 p.

31. Misabishvili Sh.V. Socio-political and philosophical views of Ilia Chavchavadze. Sukhumi: Abkhaz State Publishing House, 1957. 147 p.

32. Mukhanov, V.M. On the Prospects of Cooperation between Russia and Georgia in the Humanitarian Sphere. Russia-Georgia. Relations: Economy, Security, Geopolitics, Migration and Culture. Tbilisi: Damani Printing House, 2018. P. 143 – 152.

33. Nodia G. Georgia: Dimensions of Vulnerability. Statehood and Security: Georgia after the Rose Revolution. Moscow: Interdialect +, 2005. pp. 47–103.

34. Nodia G. Conflict in Abkhazia: National Projects and Political Circumstances. Georgians and Abkhaz: The Path to Reconciliation. Ed. B. Koppieters, G. Nodia, Yu. Anchabadze. Moscow: Ves' Mir, 1998. 248 p.

35. Ramishvili P. History and Identity (on the Teaching of World History in Modern Secondary Schools). History and Identity: The South Caucasus and Other Regions in Transition. Articles by Historians and Experts from Azerbaijan, Armenia, and Georgia. eds. R. Radjabov, S. Grigoryan, V. Kolban. Yerevan: Edit Print, 2010. pp. 212–230.

36. Sagariya B.E. National-state construction in Abkhazia (1921-1931). Sukhumi: Alashara, 1970. 161 p.

37. Sanakoev I.B. Origins and factors of the evolution of the Georgian-Ossetian conflict (1918-1992). Vladikavkaz: V.A. Gassiev Publishing and Printing Enterprise (RIPP), 2004. 159 p.

38. A glorious page in history: Georgia's voluntary accession to Russia and its socio-economic consequences. A.I. Bregvadze. Moscow: Mysl, 1983. 174 p.

39. Stalin I.V. How Social Democracy Understands the National Question. Gospolitizdat, 1951. 24 p.

40. Topchishvili R. Georgian-Ossetian Ethnohistorical Essays. Kutaisi, 2006. 97 p.

41. Uratadze G.I. Formation and Consolidation of the Georgian Democratic Republic. Munich: Institute for the Study of History and Culture of the USSR, 1956. 119 p.

42. Khachapuridze G.V. On the History of Georgia in the First Half of the 19th Century. Tbilisi: Zarya Vostoka Publishing House, 1950. 564 p.

43. Khodjaa R.V. Documents and Materials of the Abkhaz People's Council 1918-1919. Sukhum, 1999. P. 21.

44. Khoshtaria-Brosse E.V. Caucasian Unity – Imaginary and Real. Interethnic Relations in Georgia – Causes of Conflicts and Ways to Overcome Them. Tbilisi: Metsniereba, 1993;

45. Chavchavadze I.G. Armenian Scholars and Crying Stones: Translated from Georgian by N.I. Alekseev-Meskhiev. Tiflis: Georgian Publishing House, 1902. P. 3.

46. Shamba T.M., Neproshin A.Yu. Abkhazia: Legal Foundations of Statehood and Sovereignty. Moscow: In-Oktavo, 2005. 262 p.

47. Shnirelman V.A. Memory Wars. Myths, Identity, and Politics in Transcaucasia. Moscow: Akademkniga, 2003. 601 p.

48. Asatiani N., Janelidze O. History of Georgia: From Ancient Times to the Present Day. Tbilisi: Publishing House Petite, 2009. P. 248.

49. Jones S. Georgia: The long battle for independence. Nationalism and the breakup of an empire. Westport: Praeger, 1992. P. 73 – 96.

50. Jones S.F. Between ideology and pragmatism: social democracy and the economic transition in Georgia 1918-21. Netherlands: Brill publishing house, 2014. P. 65.

51. King F. Improbable nationalists? Social democracy and national independence in Georgia 1918-1921. Socialist History. 2019. T. 54. P. 35 – 60.

52. Lang D.M. A modern history of Georgia. London: Weidenfeld and Nicolson, 1962. 298 p.

53. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca and London: Cornell Univ. Press, 2001. 496 p.

54. Smith A.D., The origins of nation. Becoming national. A reader. Edited by Geof Eley and Ronald Gregor Suny, New York, Oxford. Oxford University Press, 1996 (first published in Ethnic and Racial Studies, 12, 3, July, 1989. P. 340 – 367). P. 122.

55. Suny R.G. The making of the Georgian nation. 2nd ed. [Bloomington, IN]: Indiana University Press, 1994. 418 p.

56. Suny R.G. Provisional Stabilities: The Politics of Identities in Post-Soviet Eurasia. International Security, 1999-2000. Vol. 24. No. 3. P. 163.

Информация об авторе

Рашковский А.А., аспирант, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-8784-0284, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, 119017, г. Москва, Ленинский проспект, 32а, a.rashkovsky@yandex.ru, телефон

© Рашковский А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.85
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-75-82

Роль христианизации в трансформации уголовно-правовой доктрины и практики наказания в средневековой Руси

[1] Середа С.П.,
[1] Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Аннотация: цель представленного исследования заключается в комплексном историко-правовом анализе трансформации уголовно-правовой доктрины и пенитенциарной практики в Древней Руси X-XIII вв., обусловленной принятием христианства и рецепцией византийского правового наследия. Задачи работы включают: выявление механизмов проникновения христианской этики в древнерусское правосознание; анализ эволюции ключевых правовых институтов - от «обиды» и кровной мести к концепту греха, индивидуальной вины и системы публичных наказаний; определение роли церковной юрисдикции в гуманизации и систематизации норм уголовного права. Материалом послужили правовые памятники эпохи - Русская Правда, Церковные уставы князей Владимира и Ярослава, Кормчие книги, а также современные историко-правовые исследования. Методологию составили диалектический подход, историко-сравнительный и формально-юридический методы. Результаты демонстрируют, что христианизация не была одномоментным актом, но инициировала необратимый процесс перестройки правосознания, итогом которого стало вытеснение архаичных начал мести государственно-церковной системой наказаний, опирающейся на идеи греха, вины и исправления. Практическая значимость статьи состоит в углублении понимания цивилизационных основ отечественного права, что позволяет вести более аргументированную полемику против упрощенных и ангажированных оценок правового развития России.

Ключевые слова: история государства и права, древнерусское уголовное право, христианизация Руси, рецепция византийского права, церковный суд, кровная месть, система наказаний, правосознание

Для цитирования: *Середа С.П. Роль христианизации в трансформации уголовно-правовой доктрины и практики наказания в средневековой Руси // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 75 – 82. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-75-82*

Поступила в редакцию: 5 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

The role of Christianization in the transformation of criminal law doctrine and practice of punishment in Medieval Russia

[1] Sereda S.P.,
[1] Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

Abstract: the purpose of the presented research is a comprehensive historical and legal analysis of the transformation of criminal law doctrine and penal practice in Ancient Russia in the 10th-13th centuries, due to the adoption of Christianity and the reception of the Byzantine legal heritage. The objectives of the work include: to identify the mechanisms of penetration of Christian ethics into the ancient Russian legal consciousness; to analyze the evolution of key legal institutions from "resentment" and blood feud to the concept of sin, individual guilt and the sys-

tem of public punishment; definition of the role of ecclesiastical jurisdiction in the humanization and systematization of criminal law norms. The material was based on the legal monuments of the Russian Truth era, the Church Charters of Princes Vladimir and Yaroslav, Pilot books, as well as modern historical and legal research. The methodology consists of a dialectical approach, historical-comparative and formal-legal methods. The results demonstrate that Christianization was not a one-step act, but initiated an irreversible process of restructuring the legal consciousness, which resulted in the suppression of archaic principles of revenge by a state-church system of punishments based on the ideas of sin, guilt and correction. The practical significance of the article is to deepen the understanding of the civilizational foundations of Russian law, which allows for a more reasoned polemic against simplified and biased assessments of Russia's legal development.

Keywords: history of the state and law, ancient Russian criminal law, Christianization of Russia, reception of Byzantine law, ecclesiastical court, blood feud, punishment system, legal awareness

For citation: *Sereda S.P. The role of Christianization in the transformation of criminal law doctrine and practice of punishment in Medieval Russia. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 75 – 82. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-75-82*

The article was submitted: April 5, 2026; Approved after reviewing: May 3, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Изучение генезиса отечественного уголовного права на самых ранних этапах его формирования представляет собой одну из наиболее дискуссионных и сложных проблем историко-правовой науки. Долгое время в отечественной историографии, особенно в советский период, доминировал подход, ставивший во главу угла Русскую Правду как самодостаточный и едва ли не единственный источник права, в минимальной степени подверженный внешним влияниям. При этом роль христианизации и византийской правовой традиции либо нивелировалась, либо рассматривалась как фактор, привнесший в самобытное русское право чужеродные и более жестокие элементы. Между тем, уже сама логика исторического процесса указывает на глубинную взаимосвязь между религиозным выбором, цивилизационной переориентацией и фундаментальной трансформацией социальных регуляторов, включая право.

В современной науке все более утверждается взгляд, согласно которому принятие христианства князем Владимиром Святославичем в 988 г. явилось не внешним политическим актом, но подлинным цивилизационным переворотом, приведшим, каксправедливо отмечается в литературе, к перевороту в области развития права [9]. Этот тезис разделяют многие исследователи. Так, А.Ф. Киселев и А. Лубков подчеркивают, что введение христианства разрушало прочно укоренившиеся традиции и обычаи, неся совершенно новые ценности и формы жизни [1]. Однако конкретные механизмы этого влияния на уголовно-правовую доктрину и практику наказания остаются предметом острых споров. Часть ученых, в частности Л.В. Милов и Э.В. Георгиевский, пишут о «фундаментальном влиянии Византии» и ее Эклоги на Русскую Правду [4; 6; 12; 17], тогда как Д. Голенищев-Кутузов и его последователи отстаивают тезис о «полной исторической самостоятельности развития права русского от права византийского» [12, с. 3].

Цель настоящей статьи – на основе комплексного анализа правовых памятников и современных историко-правовых исследований выявить конкретные пути и результаты воздействия христианизации на уголовное право Древней Руси. При этом мы сознательно фокусируемся на положительной, созидательной роли православия в процессе гуманизации карательной практики, перехода от родовой мести к системе публичных наказаний, а также в формировании новых, этически обоснованных представлений о преступлении и ответственности. В задачи работы входит научная дискуссия с авторами привлекаемых материалов, выявление общего и особенного в их подходах, а также обоснование собственной позиции о непреходящем значении церковного права для становления цивилизованного правопорядка на Руси.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу исследования составляет широкий круг письменных источников права Древней Руси. Центральное место среди них занимает Русская Правда, представленная Краткой и Пространной редакциями, в которых отражены как нормы обычного дохристианского права, так и княжеские новации, сформировавшиеся уже в христианскую эпоху [10; 13]. Особую важность для нашей темы представляют акты церковной юрисдикции: Церковный устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных и Церковный устав князя Ярослава о церковных судах [7]. Эти памятники, дошедшие в составе Кормчих книг,

являются прямым свидетельством рецепции византийского канонического права и его адаптации к местным условиям. Именно в них впервые получают юридическую защиту христианские нравственные ценности, и формируются принципы церковной пенитенциарной системы.

Не менее важным источником выступают и сами Кормчие книги – славянские переводы византийских Номоканонов, содержавшие как апостольские и соборные правила, так и своды светского права, такие как Эклога (под названием «Закон судный людем») и Прохирон [1; 12]. Анализ этих текстов позволяет проследить, как византийские правовые категории, в частности, понятие преступления как греха, проникали в правосознание древнерусского общества. Как отмечает В.И. Павлов, уже в древнейшем списке Краткой Правды находятся следы влияния Эклоги, что свидетельствует о включенности русских правоведов в общеевропейский контекст христианской юриспруденции [17].

Методологическую основу работы составляют принципы историзма, объективности и системности. Использование историко-сравнительного метода позволяет сопоставить дохристианские правовые обычаи с нормами, сформировавшимися после Крещения Руси, и выявить качественные сдвиги в правосознании. Системный подход дает возможность рассмотреть древнерусское уголовное право не как механическую сумму княжеских узаконений, а как сложную, многоуровневую нормативную систему, включающую обычное право, княжеское законодательство и церковную юрисдикцию, между которыми существовало тесное взаимодействие. Применение формально-юридического метода необходимо для анализа содержания конкретных статей правовых памятников и эволюции юридической терминологии. Совокупность этих методов позволяет реконструировать целостную картину трансформации уголовно-правовой доктрины.

Результаты и обсуждения

Для понимания глубины последующих преобразований необходимо обозначить исходные основы дохристианского уголовного права восточных славян. Фундаментом здесь выступало обычное право, которое, как справедливо замечает И.С. Назарова, представляло собой «сложный конгломерат... основанный на традициях и решениях племенных судов» [15, с. 46]. Центральным понятием, отражавшим суть правосознания того времени, была «обида». Под ней понимался, прежде всего, прямой материальный, физический или моральный ущерб, нанесенный конкретному лицу либо роду. Как неоднократно подчеркивается в монографии В.Е. Лобы и С.Н. Малахова, в Краткой Правде «преступное деяние – «обида» рассматривалось с точки зрения его вредоносности (имущественной или личной)», а не как нарушение публичного порядка [10, с. 59].

Прямым следствием такого частно-правового взгляда являлся институт кровной мести – универсальный регулятор социальных конфликтов в догосударственный период. Констатируя его особый статус, К.В. Корсаков отмечает, что месть была не столько продуктом правового, сколько социального опыта, действовавшим на логике ретрибутивизма и не имевшим утилитарных целей [9, с. 5]. Более того, обычай мщения был глубоко сакрален. Как замечают В.Е. Лоба и С.Н. Малахов, в языческом сознании он являлся «актом религиозным, необходимым для «освящения» души убитого, для доставления ей мира в загробной жизни» [11, с. 25]. Таким образом, месть была не правом, а религиозно-нравственной обязанностью рода, что делало этот институт исключительно устойчивым и ставило перед молодой государственной и церковной властью задачу колоссальной сложности по его искоренению.

Древнерусский законодатель был вынужден считаться с могуществом родовых обычаев. Несмотря на формирование княжеской власти, даже в первой статье Русской Правды мы видим не отмену, а лишь упорядочение кровной мести, ограничение круга мстителей ближайшими родственниками. Э.В. Георгиевский, исследуя основания криминализации в раннем праве, подчеркивает, что архаичный символизм и сакральность делали право «глубоко метафоричным» и неразрывно связанным с героическим былинным эпосом и языческими славянскими верованиями [8, с. 3]. Это «сакральное тело» права обладало высокой инерцией и не могло быть разрушено одними лишь государственными узаконениями без смены всего мировоззренческого каркаса. Именно этот мировоззренческий каркас и был предложен христианством.

Принятие христианства не просто добавило новые юридические нормы. Оно фундаментально изменило саму аксиологию права. Государство, как верно подмечает Л.В. Сокольская, решает задачу уже не стихийно, а с «ведома» государственной власти, и христианство становится для нее идеологическим инструментом преодоления племенной раздробленности [5, с. 3]. При этом восточное христианство, в отличие от латинства, шло по пути не внешне-формального подчинения, а внутреннего преображения. По наблюдению архимандрита Платона (Игумнова), для солунских братьев и их последователей главным был призыв Евангелия к возвещению Благой вести о Христе [1, с. 144], что придало правовой системе Руси глубоко нравственное и человеколюбивое измерение.

Ключевым каналом влияния стала рецепция византийского права. Однако, в отличие от механического копирования, на Руси, по мнению А.А. Арямова, с которым нельзя не согласиться, происходил сложный синтез, в котором византийские нормы не просто переносились, но адаптировались к местным условиям [12]. Этот процесс не был одномоментным. Введение христианства растянулось на долгие десятилетия, и нормы византийского права далеко не сразу получили практическое применение [5]. Тем не менее, уже Уставы князей Владимира и Ярослава знаменуют собой решительный шаг. Анализируя их, Ф.В. Чирков приходит к выводу, что именно в этих документах, определяющих церковную юрисдикцию, впервые письменно фиксируются уголовно-правовые нормы, направленные на защиту формирующейся системы традиционных российских духовно-нравственных ценностей [2, с. 73].

Важно отметить, что церковное право, пришедшее на Русь, не было исключительно византийским монолитом. Оно само представляло продукт длительного развития, впитав достижения римской юриспруденции. Пандекты Никона Черногорца, Эклога, Прохирон содержали детально разработанное учение о субъекте преступления, формах вины, обстоятельствах, освобождающих от ответственности. Таким образом, христианизация не изолировала Русь, но, напротив, широко распахнула для нее сокровищницу античной правовой мысли.

Первым и наиболее фундаментальным последствием христианизации для уголовно-правовой доктрины стала смена понятийного аппарата. На смену архаичному термину «обида» постепенно приходит термин «грех». Древнерусский человек, по замечанию И.С. Назаровой, начал осознавать, что многие деяния, ранее рассматривавшиеся лишь как нарушение обычая, начали осмысляться как греховные [15, с. 46]. Этот процесс имел далеко идущие последствия.

В отличие от «обиды», суть которой была во внешнем ущербе, категория «греха» имманентно содержала в себе оценку внутреннего состояния преступника, его «злой воли». В.Е. Лоба и С.Н. Малахов на примере анализа терминов Русской Правды «пакощами» и «обидя» убедительно показывают, что уже на этом раннем этапе законодатель стремится придать значение направленности злой воли, умысла виновного на совершение противоправных действий [10, с. 36]. Это был колоссальный прорыв от объективного вменения, когда отвечали за сам факт причинения вреда, к основам субъективного вменения, без которого немыслимо современное право.

Э.В. Георгиевский особо выделяет, что церковно-уголовное право Древней Руси вкладывало в понятие преступления прежде всего посягательство на божественные установления, т.е. грех, и только после этого нарушение определенного порядка общественных отношений [4]. Именно поэтому сутью наказания, согласно церковным канонам, становится «покаяние», в котором одновременно присутствуют и устрашение, и воздаяние, и, что принципиально ново для правосознания, «врачевание души». Такой взгляд кардинально менял образ преступника: из субъекта мести, чья жизнь целиком зависит от усмотрения рода, он постепенно превращался в падшее, но способное к нравственному восстановлению существо, чье исправление становилось целью правосудия.

Развитие учения о субъективной стороне преступления под влиянием христианства прослеживается и в дифференциации деяний. Если в Древнейшей Правде убийство «на пиру» и убийство «в разбое» карались одинаково, то в Пространной редакции, испытавшей более сильное церковное влияние, мы видим их разделение, что, по замечанию М.С. Жук, было основой для классификации преступлений по степени опасности [14]. Источником такой классификации послужили византийские канонические нормы, которые различали грехи «тяжкие» и «легкие» в зависимости от воли преступника.

Доктринальная революция неизбежно вела к трансформации практики наказания. Центральной задачей государственно-церковного союза стало вытеснение кровной мести. На смену этой частной, сакрализованной и неограниченной расправе приходит система публичных санкций. К.В. Корсаков убедительно доказывает, что замена кровной мести денежными взысканиями была шагом по усилению государственных и правовых начал, изымавшим дело суда из рук народа вручает то и другое княжеской власти [9]. Это было, по сути, огосударствление конфликта, что являлось огромным шагом вперед по пути к цивилизованному правопорядку.

Привнесенная из Византии и адаптированная к местным условиям система композиций (денежных штрафов), включавшая виру (в пользу князя) и головничество (в пользу родственников убитого), стала эффективным инструментом умиротворения. Критики часто говорят о сословном характере этих штрафов, что верно лишь отчасти. Как показывает Ф.В. Чирков, система уголовно-правовых мер на Руси изначально выступала не столько в качестве средства насильственного насаждения новых ценностей, сколько в качестве средства поддержки и обеспечения нравоучительской деятельности церкви [2, с. 75]. Штраф создавал материальную мотивацию для отказа от мщения и служил восстановлению социального мира.

Особо следует сказать о телесных и членовредительных наказаниях. В дореволюционной и советской историографии бытовало мнение, что суровые византийские казни (ослепление, отрезание носа и пр.) были реципированы на Руси. Однако, как убедительно показывает А.А. Арямов, опираясь на анализ летописных данных и правовых актов, хотя отдельные случаи применения таких кар («расправа над епископом Федорцом, казни восставших») и фиксируются, они не были закреплены в Русской Правде или Судных грамотах [12, с. 12]. И.Я. Фойницкий связывал их появление с монголо-татарским игом, а Н.Д. Сергеевский относил к более позднему периоду – XVI веку [9, с. 60]. Таким образом, раннесредневековое русское право, руководствуясь христианскими принципами, долгое время сопротивлялось введению калечащих санкций, предпочитая им систему денежных выкупов. Этот факт опровергает ангажированные утверждения западных авторов об извечной «азиатской жестокости» русских законов и, напротив, свидетельствует об их относительном гуманизме.

Трансформация института наказания нашла яркое воплощение в судьбе «потока и разграбления» – суровейшей санкции за наиболее опасные преступления. Изначально, по мнению исследователей, это было изгнание преступника с конфискацией имущества. Однако «поток и разграбление» постепенно эволюционирует в сторону смертной казни, замещая собой расплывчатое право общины на изгнание. Это движение, по нашему мнению, отражает общую тенденцию: государство, опираясь на христианское оправдание «меча» против совершающих тяжкое зло, монополизирует право на высшую меру, выводя ее из сферы коллективного самосуда в сферу публичного, ритуализированного правосудия.

Материальным воплощением нового правового порядка стала система церковных судов. Получив от государства в соответствии с Уставами Владимира и Ярослава обширную юрисдикцию, церковь превратилась в мощнейший институт, непосредственно формировавший правосознание населения. С.В. Хрущёв акцентирует внимание на том, что на церковь была возложена «миссия» по сотрудничеству с государственной властью в устроении общества и поддержании государственного порядка [7, с. 487]. Эта миссия осуществлялась через судебное разбирательство дел, которые ранее вообще не считались публично-правовыми.

Круг этих дел, как показывает анализ Ю.В. Бондаренко, охватывал, прежде всего, преступления против нравственности и семейных устоев [3, с. 45]. В ведение церкви также были отданы дела, связанные с языческой религиозной практикой [7]. И в этой сфере произошла не просто замена языческих богов христианскими святыми, а коренной пересмотр цели наказания. Если в язычестве гнев богов можно было умилостивить лишь новыми кровавыми жертвами, то христианский суд предлагал путь глубокого внутреннего покаяния и исправления. Целью наказания в церковном суде, как отмечает Ф.В. Чирков, было исключительно нравственное исправление преступника, предполагавшее дальнейшее обязательное возвращение его в лоно Православной Церкви [2].

Следует особо выделить вклад церковного суда в изменение положения женщины, что было абсолютным новшеством для патриархального общества. Как показывает анализ Л.О. Володиной, уже Устав Ярослава вводит наказания за оскорбление чести женщины словом и действием, причем шкала штрафов хоть и дифференцирована в зависимости от социального статуса, но сам факт защиты женской чести нормами публичного права был революционным [16]. Более того, канонические нормы, содержавшиеся в Кормчих, ограничивали случаи, когда убийство жены или прелюбодея могло быть оправдано. Таким образом, из полностью бесправного объекта родовых отношений женщина постепенно становилась субъектом права, чья жизнь и достоинство получали хоть и неравную, но все же публичную защиту.

Церковный суд продвигал и новые процессуальные формы, отрицая «суды Божии» – ордалии и судебные поединки. Хотя Русская Правда и молчит о «поле», практика его была широко распространена. Однако церковь неизменно выступала против этого института. Как подчеркивает один из церковных иерархов, убийца человека на поле губит свою душу [9, с. 62]. Это неприятие архаичных форм доказывания подталкивало к развитию судебного следствия, основанного на рациональных доводах и показаниях свидетелей («послухов»), что в перспективе вело к становлению более справедливого суда.

Христианизация Руси породила не конфликт, а уникальный и плодотворный синтез правовых систем: обычного права, княжеского законодательства и канонического права. Вопреки мнению тех, кто видит в двоеверии показатель слабости христианства, следует говорить о длительном, но конструктивном процессе взаимопроникновения и обогащения. Е.В. Георгиевский справедливо заключает, что Древнейшая Правда представляла собой удивительно органичное соединение интересов крепнувшей княжеской власти и русичей-общинников [8, с. 24]. Церковь же выступила в этом процессе мировоззренческим арбитром, наполняя старые правовые формы новым этическим содержанием.

Итогом этого многовекового процесса стало создание прочной, духовно обоснованной системы права, которая легла в основу крепнущей государственности. Принятие Устава Владимира было актом государственного строительства, где религия стала идеологической скрепой. Установление единой системы ценностей, защищаемой не только мечом, но и «Словом», было историческим прорывом. Как верно отмечается в литературе, «православие стало материнским лоном русского народа», даровавшим ему самобытную жизнь в истории [1, с. 181]. И в правовой сфере это материнское лоно явило себя в идеях милосердия, справедливости и защиты слабого, которые на века стали краеугольным камнем русской правовой культуры.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы, имеющие значение для корректной оценки роли христианизации в истории отечественного уголовного права.

Христианизация Руси и последовавшая за ней рецепция византийского права осуществили коренной мировоззренческий переворот в сфере правосознания. На смену языческому понятию преступления как частно-правовой «обиды», подлежащей неограниченной родовой мести, пришла христианская категория «греха», неразрывно связанная с внутренней виной и личной ответственностью человека перед Богом и обществом.

Данная доктринальная трансформация привела к фундаментальной гуманизации карательной практики. Государственно-церковный союз, реализуя принцип «симфонии властей», планомерно вытеснял архаичный и деструктивный институт кровной мести, заменяя его системой публичных наказаний, основанной прежде всего на имущественных композициях, а также на церковных санкциях исправления (епитимьях).

Церковный суд, возникший благодаря Уставам Владимира и Ярослава, стал уникальным институтом-транслятором новой правовой этики. В его юрисдикции оказалась беспрецедентная для раннего Средневековья сфера защиты общественной нравственности, семейных устоев и личного достоинства человека. Именно церковь ввела в публично-правовое поле такие преступления, как оскорбление словом, изнасилование, внутрисемейное насилие, заложив основы их уголовного преследования на многие века вперед.

Путем синтеза норм обычного права, княжеских уставов и реципированного византийского законодательства в X-XIII вв. на Руси сформировалась качественно новая, самобытная правовая система. Христианство не разрушило, а духовно преобразило местные правовые традиции, придав им невиданную доселе прочность и обеспечив их историческую преемственность.

С современных позиций очевидно, что именно православная христианизация дала мощнейший импульс для становления не просто государства, а православной цивилизации, в фундаменте которой лежат представления о праве как о нравственном императиве, а о наказании – как о средстве восстановления попранной справедливости и духовного врачевания падшего человека.

Список источников

1. Киселев А.Ф., Лубков А. Русь: от язычества к православной государственности. М.: Вече, 2022. 464 с.

2. Чирков Ф.В. Становление системы уголовно-правовой охраны духовно-нравственных ценностей в Древнерусском государстве // Российская самобытная государственно-цивилизационная идентичность как ресурс общества в условиях современных вызовов. материалы всероссийской научно-практической конференции. Майкоп, 2024. С. 71 – 76.

3. Бондаренко Ю.В. О влиянии византийской культуры на политико-правовое пространство Киевской Руси и Болгарии // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 6. С. 44 – 46.

4. Георгиевский Э.В. Церковно-уголовное право Древней Руси (общая характеристика подсистемы) // Сибирский юридический вестник. 2007. № 3 (38). С. 29 – 37.

5. Сокольская Л.В. Правовая аккультурация как форма межкультурного взаимодействия в Древнерусском государстве // Проблемы исследования социокультурной среды древних городов: Материалы Международной научно-практической конференции в рамках Второго международного форума древних городов. Отв. редактор В.А. Горнов. 2020. С. 148 – 156.

6. Журавлев Д.С. Ненезис уголовного законодательства Руси в допетровское время // Право и образование. 2018. № 3. С. 170 – 174.

7. Хрущёв С.В. Социально-политические и государственно-правовые условия формирования церковного права в Древней Руси в X-XIII вв. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 1. С. 484 – 497.

8. Георгиевский Э.В. Основания криминализации в уголовном праве Древней Руси и Древней Германии // Уголовная политика на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции, проходившей в рамках II Байкальского юридического форума. Иркутск, 2021. С. 21 – 25.

9. Корсаков К.В. Особенности развития института уголовного наказания в древней и средневековой Руси X-XVII вв.: социально-правовой разрез // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2025. Т. 29. № 1. С. 54 – 67.

10. Лоба В.Е., Малахов С.Н. Уголовное право Древней Руси XI-XII вв. (по данным Русской Правды): монография. Армавир: РИО АГПА, 2011. 176 с.

11. Лоба В.Е., Малахов С.Н. Уголовное право Псковской феодальной республики): монография. Армавир: РИО АГПА, 2012. 116 с.

12. Арямов А.А. Византизм в генезисе отечественного уголовного права // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 8 – 14.

13. Ерофеев К.Б. Славянское язычество Древней Руси. Историко-правовой анализ // Юридическая мысль. 2016. № 1 (93). С. 8 – 14.

14. Жук М.С. Период зарождения и становления институтов уголовного права Древней Руси // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 3 (26). С. 133 – 136.

15. Назарова И.С. Религиозная мораль как основа правосознания и источник права на Руси в IX веке // Аграрное и земельное право. 2025. № 10 (235). С. 45 – 48.

16. Володина Л.О. Ценности семейного воспитания в контексте российского законодательства (историко-педагогический аспект) // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13. № 3 (47). С. 433 – 441.

17. Павлов В.И. Истоки отечественного уголовного права в контексте византийского пути рецепции римского права на Руси // Уголовное право: проблемы, поиски, решения: материалы Международной научно-практической конференции. Минск, 2022. С. 98 – 103.

References

1. Kiselev A.F., Lubkov A. Rus': from paganism to Orthodox statehood. Moscow: Veche, 2022. 464 p.

2. Chirkov F.V. Formation of the system of criminal-legal protection of spiritual and moral values in the Old Russian state. Russian original state-civilizational identity as a resource of society in the context of modern challenges. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. Maykop, 2024. P. 71 – 76.

3. Bondarenko Yu.V. On the influence of Byzantine culture on the political and legal space of Kievan Rus' and Bulgaria. Gaps in Russian legislation. 2014. No. 6. P. 44 – 46.

4. Georgievskiy E.V. Church Criminal Law of Ancient Rus' (General Characteristics of the Subsystem). Siberian Legal Bulletin. 2007. No. 3 (38). P. 29 – 37.

5. Sokolskaya L.V. Legal Acculturation as a Form of Intercultural Interaction in the Old Russian State. Problems of Studying the Sociocultural Environment of Ancient Cities: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference within the Framework of the Second International Forum of Ancient Cities. Editor-in-Chief V.A. Gornov. 2020. P. 148 – 156.

6. Zhuravlev D.S. Nenesis of Criminal Legislation of Rus' in Pre-Petrine Times. Law and Education. 2018. No. 3. P. 170 – 174.

7. Khrushchev S.V. Socio-political and state-legal conditions for the formation of church law in Ancient Rus' in the 10th-13th centuries. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2023. Vol. 9 (75). No. 1. P. 484 – 497.

8. Georgievskiy E.V. Grounds for criminalization in the criminal law of Ancient Rus' and Ancient Germany. Criminal policy at the present stage: Proceedings of the International scientific and practical conference held within the framework of the II Baikal Legal Forum. Irkutsk, 2021. P. 21 – 25.

9. Korsakov K.V. Features of the development of the institution of criminal punishment in ancient and medieval Rus' in the 10th-17th centuries: social and legal perspective. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal sciences. 2025. T. 29. No. 1. P. 54 – 67.

10. Loba V.E., Malakhov S.N. Criminal law of Ancient Rus' XI-XII centuries. (according to Russian Pravda): monograph. Armavir: RIO AGPA, 2011. 176 p.

11. Loba V.E., Malakhov S.N. Criminal law of the Pskov feudal republic): monograph. Armavir: RIO AGPA, 2012. 116 p.

12. Aryamov A.A. Byzantium in the genesis of domestic criminal law. Bulletin of the Kazan Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. T. 14. No. 1 (51). P. 8 – 14.

13. Erofeev K.B. Slavic Paganism of Ancient Rus. Historical and Legal Analysis. Legal Thought. 2016. No. 1 (93). P. 8 – 14.

14. Zhuk M.S. The Period of the Origin and Formation of Criminal Law Institutions in Ancient Rus. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 3 (26). P. 133 – 136.

15. Nazarova I.S. Religious Morality as the Basis of Legal Consciousness and a Source of Law in Rus' in the 9th Century. Agrarian and Land Law. 2025. No. 10 (235). P. 45 – 48.

16. Volodina L.O. Values of Family Education in the Context of Russian Legislation (Historical and Pedagogical Aspect). Penitentiary Science. 2019. Vol. 13. No. 3 (47). P. 433 – 441.

17. Pavlov V.I. The Origins of Domestic Criminal Law in the Context of the Byzantine Reception of Roman Law in Rus'. Criminal Law: Problems, Searches, Solutions: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Minsk, 2022. P. 98 – 103.

Информация об авторе

Середа С.П., кандидат юридических наук, доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, sta-sereda2006@yandex.ru

© Середа С.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
УДК 327(091)
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-83-93

Исторические предпосылки создания диалогового формата БРИКС

[1] Адам Мбоду Адам,
[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые предпосылки формирования БРИКС как одного из наиболее значимых форматов многостороннего взаимодействия в условиях трансформации современной мировой политико-экономической системы. Цель исследования заключается в выявлении и комплексном анализе исторических, экономических, цивилизационных, технологических и интеллектуальных факторов, обусловивших возникновение и институционализацию объединения БРИКС, а также в определении роли совпадения стратегических интересов стран-участниц в обеспечении его устойчивости. В рамках исследования решаются задачи анализа глобального перераспределения экономической и политической власти, выявления цивилизационно-культурных оснований сотрудничества, оценки влияния технологических и институциональных изменений на формирование новых форм глобального взаимодействия, а также рассмотрения интеллектуальных предпосылок, связанных с концепцией БРИК. Методологическую основу работы составляют системный, сравнительный и историко-логический подходы, позволяющие рассматривать БРИКС как многоуровневую систему, формирующуюся под воздействием комплекса взаимосвязанных факторов. В результате установлено, что объединение является не ситуативным политическим проектом, а закономерным результатом структурной трансформации мировой системы, усиления роли стран Глобального Юга и кризиса традиционных институтов глобального управления. Показано, что устойчивость БРИКС обеспечивается сочетанием экономической взаимодополняемости, цивилизационного многообразия и институциональной координации, а также наличием общей стратегической ориентации на многополярность и реформирование международного порядка. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при разработке внешнеполитических стратегий, совершенствовании механизмов международного сотрудничества, формировании прогнозных моделей развития глобального управления, а также при подготовке аналитических и экспертных материалов по вопросам деятельности БРИКС и трансформации мировой системы.

Ключевые слова: БРИКС, многополярность, глобальное управление, развивающиеся страны, институционализация, мировая экономика, цивилизационные факторы, технологические изменения, стратегические интересы

Для цитирования: *Адам Мбоду Адам Исторические предпосылки создания диалогового формата БРИКС // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 83 – 93. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-83-93*

Поступила в редакцию: 5 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

Historical prerequisites for the establishment of the BRICS dialogue format

[1] *Adam Mbodou Adam,*
[1] *Peoples' Friendship University of Russia*

Abstract: the article examines the key prerequisites for the formation of BRICS as one of the most significant formats of multilateral cooperation in the context of the transformation of the contemporary global political and economic system. The purpose of the study is to identify and comprehensively analyze the historical, economic, civilizational, technological, and intellectual factors that led to the emergence and institutionalization of the BRICS grouping, as well as to determine the role of the convergence of strategic interests of its member states in ensuring its sustainability. The research addresses the analysis of the global redistribution of economic and political power, the identification of civilizational and cultural foundations of cooperation, the assessment of technological and institutional changes shaping new forms of global interaction, and the consideration of intellectual prerequisites associated with the BRIC concept. The methodological framework of the study is based on systemic, comparative, and historical-logical approaches, which allow BRICS to be viewed as a multilevel system formed under the influence of a complex set of interrelated factors. The findings indicate that the association is not a situational political project but a закономерный outcome of the structural transformation of the world system, the growing role of Global South countries, and the crisis of traditional global governance institutions. It is shown that the sustainability of BRICS is ensured by a combination of economic complementarity, civilizational diversity, and institutional coordination, as well as by a shared strategic orientation toward multipolarity and the reform of the international order. The practical significance of the study lies in the possibility of using its results in the development of foreign policy strategies, the improvement of international cooperation mechanisms, the formulation of predictive models of global governance development, as well as in the preparation of analytical and expert materials on BRICS activities and the transformation of the world system.

Keywords: BRICS, multipolarity, global governance, developing countries, institutionalization, world economy, civilizational factors, technological change, strategic interests

For citation: *Adam Mbodou Adam Historical prerequisites for the establishment of the BRICS dialogue format. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 83 – 93. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-83-93*

The article was submitted: April 5, 2026; Approved after reviewing: May 3, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Рубеж XX-XXI веков стал периодом глубинной трансформации мировой политико-экономической системы. Однополярная модель международных отношений постепенно ослабевала, тогда как в системе глобального управления нарастали структурные дисбалансы. Экономический и политический потенциал государств Востока и Глобального Юга рос ускоренными темпами, однако институциональная архитектура международных организаций по-прежнему отражала интересы узкого круга развитых западных стран.

Данное несоответствие обусловило кризис легитимности традиционных механизмов глобального регулирования и актуализировало поиск альтернативных форм многостороннего взаимодействия, способных учитывать изменившееся распределение сил в мировой системе. В сложившихся условиях диалоговый формат БРИКС возник не как ситуативная инициатива, а как закономерный ответ на системные сдвиги в мировой экономике и политике.

Материалы и методы исследований

В качестве эмпирической базы были использованы научные работы в области международных отношений, аналитические отчёты, а также теоретические исследования, посвящённые изменениям глобального порядка и эволюции БРИКС.

Методология исследования опирается на междисциплинарный подход, объединяющий политико-экономический, институциональный, цивилизационный и историко-логический анализ. Для выявления связей между трансформациями мировой экономики и появлением новых форм международного взаимодействия применялись методы системного и сравнительного анализа.

Историко-логический подход позволил проследить этапы формирования предпосылок возникновения БРИКС, включая экономические изменения, цивилизационные особенности, технологические сдвиги и институциональные кризисы. Контент-анализ использовался для рассмотрения ключевых идей и концепций, повлиявших на формирование интеллектуальной базы объединения, в том числе доклада Дж. О'Нила.

Результаты и обсуждения

Полученные результаты свидетельствуют о том, что становление БРИКС обусловлено совокупным влиянием структурных, цивилизационных, технологических, институциональных и интеллектуальных факторов, которые в итоге способствовали переходу мировой системы к более выраженной многополярности.

1.3.1. Глобальный сдвиг экономической и политической власти как предпосылки формирования БРИКС.

Конец XX – начало XXI века характеризуются глубокими преобразованиями мировой политико-экономической системы, связанными с изменением соотношения сил между ведущими государствами и группами стран. Распад биполярной модели международных отношений и завершение холодной войны обусловили временное утверждение однополярной конфигурации мирового порядка, в рамках которой доминирующие позиции заняли Соединённые Штаты Америки и иные развитые западные государства. Идейно-нормативной основой данного этапа выступали положения «Вашингтонского консенсуса» [1], предполагавшие либерализацию внешней торговли, дерегулирование финансового сектора, приватизацию и расширение функций международных финансовых институтов.

Вместе с тем уже к началу 2000-х годов обозначились пределы универсализации западной модели развития. Ускоренный рост развивающихся экономик, трансформация глобальных производственных цепочек, изменение структуры мировых потоков капитала и усиление роли незападных центров накопления продемонстрировали несоответствие сложившихся механизмов глобального управления новому распределению экономического потенциала [11]. В данных условиях мировой порядок претерпевал переход к фазе структурной турбулентности, выражающейся в рассредоточении экономического и политического влияния, что, в свою очередь, вело к усилению конкуренции между ключевыми центрами силы.

Наиболее отчётливо указанные процессы проявились в динамичном развитии крупных государств Востока и Глобального Юга, впоследствии сформировавших ядро БРИКС. Китай, начиная с конца 1970-х годов, последовательно реализовывал курс рыночных преобразований, интегрировался в мировую экономику на основе экспортно-ориентированной модели и занял центральные позиции в системе глобального производства и торговли [18]. Индия обеспечивала устойчивую положительную динамику за счёт значительного демографического ресурса, расширения сектора услуг и постепенной либерализации национальной экономики [6]. Бразилия и Россия в значительной степени использовали благоприятную конъюнктуру мировых сырьевых рынков для укрепления макроэкономической стабильности, консолидации финансовых систем и расширения внешнеполитических возможностей [7]. Россия, преодолев последствия трансформационного кризиса 1990-х годов, восстановила позиции значимого участника мировой политики, опираясь прежде всего на энергетический сектор и иные стратегически важные отрасли.

Укрепление экономического потенциала указанных государств сформировало не только материальные предпосылки их сближения, но и объективную потребность в создании институциональных механизмов, способных адекватно отражать их возросшую роль в мировой системе. Именно данное обстоятельство обусловило поиск альтернативных форм международного взаимодействия за пределами западноцентричных площадок, прежде всего «Группы семи». Возникновение и последующая институционализация БРИКС [5] следует рассматривать как одно из проявлений более широкого процесса трансформации мирового порядка, связанного с переходом от западноцентричной модели к многополярной конфигурации международных отношений.

Параллельно усиливался кризис традиционных институтов глобального управления. Международный валютный фонд, Всемирный банк и «Группа семи» сохраняли такую структуру принятия решений, которая в возрастающей степени расходилась с фактическим распределением экономической мощи в мире. Ограниченная представленность развивающихся стран в механизмах глобального регулирования, а также недостаточность их влияния на выработку ключевых решений способствовали росту недоверия к существующей институциональной архитектуре и стимулировали формирование альтернативных форм многостороннего сотрудничества. Сходные ограничения обнаруживались и в рамках Организации Объединённых Наций, механизмы которой не всегда демонстрировали достаточную эффективность в реагировании на региональные конфликты, финансовые кризисы и новые технологические вызовы [9].

По мере роста совокупного экономического потенциала стран БРИКС усиливалось их воздействие на мировые рынки энергоносителей, сырья, инвестиций и технологий. Одновременно возрастала их политическая автономия, находившая выражение в активизации самостоятельной внешней политики, расширении сети партнёрских связей и создании собственных финансовых инструментов. К числу последних относятся Новый банк развития и Механизм условных валютных резервов, ориентированные на снижение зависимости от традиционных институтов глобального финансового регулирования [2].

Таким образом, глобальный сдвиг экономической и политической власти создал объективные структурные предпосылки для формирования БРИКС как коллективного формата взаимодействия государств Востока и Глобального Юга. Однако экономические и политико-институциональные трансформации сами по себе не исчерпывают причин устойчивости данного объединения. В данной связи необходим дальнейший анализ цивилизационных и культурных оснований, которые обеспечили ценностную и идентификационную базу многостороннего взаимодействия его участников.

1.3.2. Цивилизационные и культурные предпосылки формирования БРИКС.

С учётом глобального сдвига экономической и политической власти особую значимость приобретает анализ цивилизационных и культурных предпосылок формирования БРИКС. Их исследование позволяет выявить более глубокие основания консолидации государств, различающихся по историческим траекториям, социальным структурам и политическим моделям, но объединённых стремлением к выстраиванию более сбалансированного и инклюзивного международного порядка.

Становление БРИКС не может быть сведено исключительно к последствиям экономического роста или перераспределения материальных ресурсов. Существенную роль сыграли цивилизационные и культурные особенности государств-участников, оказавшие влияние на характер их стратегического мышления, внешнеполитического поведения и моделей международного взаимодействия. Именно данные основания во многом предопределили стремление стран Востока и Глобального Юга к формированию кооперационного механизма, основанного не на унификации, а на признании различий. Не случайно одним из базовых принципов БРИКС стало уважение культурного многообразия как нормативной основы многостороннего сотрудничества.

Важное значение в данном контексте имеет историческая память, а также особенности формирования национальной идентичности государств-участников. Все страны БРИКС обладают длительным опытом государственности и прошли через сложные этапы политического развития, включая колониальные и постколониальные трансформации, революционные потрясения, вооружённые конфликты и периоды внешнего давления. Подобный исторический опыт способствовал формированию устойчивой установки на защиту государственного суверенитета, критическому восприятию универсалистских моделей развития и настороженному отношению к внешнему нормативному и институциональному навязыванию.

Не менее существенным фактором выступает цивилизационная неоднородность государств БРИКС, которая является системообразующим признаком данного объединения [10]. Россия соединяет в себе элементы европейской и азиатской культурно-политической традиции. Китай представляет собой самобытную цивилизацию с глубокой исторической преемственностью, в основе которой сохраняют значение конфуцианские ценности и приоритет государственной организованности. Индия характеризуется выраженным религиозным, этнокультурным и социальным плюрализмом. Бразилия исторически сложилась как пространство синтеза европейских, африканских и автохтонных культурных начал, тогда как Южно-Африканская Республика отражает сложное историко-цивилизационное наследие Африканского континента. При этом данное многообразие не стало препятствием для взаимодействия напротив, оно создало основу для обмена управленческими практиками, моделями модернизации и стратегиями адаптации к глобальным вызовам при сохранении национальной идентичности каждого участника.

Со временем БРИКС постепенно сформировался не только как механизм координации интересов, но и как своеобразная платформа межцивилизационного диалога. В рамках данного объединения культурные различия интерпретируются не как источник противостояния, а как ресурс политического и интеллектуального взаимодополнения. В отличие от моделей международной интеграции, ориентированных на стандартизацию и институциональную унификацию, БРИКС демонстрирует иной подход, основанный на признании множественности исторических траекторий и допустимости различных путей общественно-политического развития [13].

Ценностная база взаимодействия в рамках БРИКС включает уважение государственного суверенитета, приверженность многосторонним формам сотрудничества, признание норм международного права и неприятие практики навязывания политических и институциональных моделей извне [12]. Указанные принципы получают практическое выражение в согласовании подходов к реформированию глобальных

институтов, развитии финансово-экономической и технологической инфраструктуры, а также в координации позиций по вопросам международной безопасности и устойчивого развития. Тем самым культурно-цивилизационные основания трансформируются в конкретные механизмы политического и институционального взаимодействия.

Таким образом, культурно-цивилизационные факторы в рамках БРИКС следует рассматривать не только как элемент символической общности, но и как значимый ресурс стратегического поведения государств-участников. Вместе с тем реализация данного потенциала требует наличия соответствующей материальной и организационной базы. Поэтому следующим этапом анализа выступает рассмотрение технологических и институциональных предпосылок формирования БРИКС.

1.3.3. Технологические и институциональные предпосылки создания БРИКС.

Логика формирования БРИКС не может быть объяснена исключительно через призму экономических сдвигов, перераспределения политической власти или цивилизационно-культурной близости отдельных государств. Существенное значение имели технологические трансформации и институциональные вызовы, которые сформировали новую среду международного взаимодействия и обусловили необходимость выстраивания альтернативных механизмов сотрудничества. Ускорение цифровизации, перестройка глобальных производственных цепочек, рост финансовой нестабильности и усиление конкуренции в сфере критических технологий объективно потребовали от стран БРИКС согласования стратегий развития, защиты национальных интересов и укрепления автономии в технологической и институциональной сферах.

С конца XX – начала XXI века мировая система вступила в фазу масштабной технологической перестройки. Развитие информационно-коммуникационных технологий, цифровых платформ, автоматизации и ускоренное распространение инноваций существенно изменили характер международной конкуренции [16]. В новых условиях определяющее значение приобрели знания, научно-исследовательский потенциал, инновационная инфраструктура и технологический суверенитет как важнейшие факторы экономической и политической мощи. Для стран БРИКС особую актуальность приобрела задача не только адаптации к новым условиям глобального развития, но и выработки собственных стратегий научно-технологического роста, направленных на снижение зависимости от внешних поставщиков критически значимых технологий [17].

Одновременно разворачивавшаяся технологическая революция усилила структурную асимметрию между странами Глобального Севера и Глобального Юга в доступе к передовым разработкам, инвестициям, финансированию исследований и инновационной инфраструктуре. Вследствие таких коллективных форматов взаимодействия начали приобретать особую значимость как инструмент консолидации научно-технического потенциала, обмена знаниями и согласования приоритетов инновационной политики. Для государств БРИКС технологическое развитие стало выступать не только источником экономического роста, но и важнейшим условием стратегической самостоятельности.

Не менее значимым фактором стали институциональные вызовы, резко усилившиеся на фоне мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 годов. Данный кризис выявил уязвимость сложившейся мировой финансовой архитектуры, критическую зависимость глобальных рынков от ограниченного круга центров принятия решений, а также высокую степень политизации международных финансовых механизмов. Для развивающихся стран данные изменения приводили не только к росту макроэкономических рисков, но и к ограниченности имеющихся инструментов защиты национальных экономик от внешних шоков. В результате усилилась объективная потребность в формировании альтернативных институтов и финансовых механизмов, ориентированных на более сбалансированное и многостороннее управление ресурсами [15].

Именно в таком контексте происходило становление институциональной основы БРИКС. Практическое значение имели создание Нового банка развития, Механизма условных валютных резервов, а также расширение практики взаимных расчётов в национальных валютах. Указанные инструменты были направлены на укрепление финансовой устойчивости государств-участников, снижение зависимости от традиционных каналов кредитования и формирование более благоприятных условий для интеграции развивающихся экономик в мировую финансовую систему. Вместе с тем их значение не ограничивалось финансовой сферой: данные механизмы способствовали повышению институциональной субъектности объединения и формировали предпосылки для развития собственной технологической и инвестиционной инфраструктуры [3].

Следовательно, сочетание технологических и институциональных подходов стало важным фактором стратегической устойчивости БРИКС. Объединение инновационного потенциала, финансовых ресурсов и относительно гибких механизмов многостороннего взаимодействия позволило его участникам выстраивать долгосрочные стратегии в условиях высокой глобальной неопределённости [4]. В данном контексте БРИКС

может рассматриваться как форма институциональной адаптации крупнейших развивающихся государств к трансформирующейся мировой среде, а также как механизм консолидации их экономических, технологических и организационных ресурсов.

Таким образом, технологические и институциональные факторы следует рассматривать не как внешний фон формирования БРИКС, а как активные элементы его стратегической архитектуры. Однако для превращения совокупности материальных и организационных предпосылок в устойчивый формат взаимодействия необходима была концептуальная рамка, позволившая осмыслить потенциал крупнейших незападных экономик как единое явление мировой политики и экономики. В данном контексте особую значимость приобретает анализ интеллектуальных оснований формирования объединения.

1.3.4. Интеллектуальная основа: доклад Джима О'Нила.

Формирование БРИКС опиралось не только на экономические, политические, технологические и культурно-цивилизационные предпосылки, но и на определённую интеллектуальную рамку, позволившую осмыслить происходящие изменения в мировой экономике и системе международных отношений. Ключевое значение в данном контексте имел аналитический доклад экономиста Goldman Sachs Джима О'Нила, опубликованный в 2001 году под названием «*Building Better Global Economic BRICs»* [19]. Именно данная работа стала важным концептуальным импульсом, способствовавшим формированию представления о Бразилии, России, Индии и Китае как о группе государств, обладающих значительным совокупным потенциалом и способных оказывать возрастающее влияние на глобальные процессы.

Следует подчеркнуть, что доклад О'Нила изначально не предполагал создание формального межгосударственного объединения. Его основная задача состояла в выявлении долгосрочного экономического потенциала четырёх быстроразвивающихся стран на основе анализа макроэкономических параметров, демографической динамики, ресурсной обеспеченности и уровня индустриального развития. В результате проведённого исследования было показано, что совокупный экономический вес данных государств в перспективе способен существенно изменить баланс сил в мировой экономике. Тем самым они переставали восприниматься исключительно как периферийные экономики и начинали рассматриваться в качестве потенциальных центров глобального роста и структурной трансформации.

Особая значимость доклада определялась не только его прогностическим содержанием, но и концептуальной функцией. Впервые Бразилия, Россия, Индия и Китай были объединены в единую аналитическую категорию – БРИК, что создало основу для их рассмотрения не изолированно, а в качестве совокупности крупных развивающихся государств с сопоставимым масштабом вызовов, значительным ресурсным потенциалом и возрастающей ролью в международной экономике. Введение компактной и содержательно ёмкой аббревиатуры обеспечило эффективную коммуникацию данной идеи в научном, экспертном и политическом дискурсе. Впоследствии сам термин стал использоваться значительно шире первоначального экономического контекста, превратившись в символ перераспределения глобального влияния в пользу незападных центров силы.

Публикация доклада создала предпосылки для постепенного перехода от аналитической конструкции к практическому взаимодействию. На первоначальном этапе контакты между соответствующими государствами носили преимущественно неформальный характер и были связаны главным образом с обсуждением макроэкономических тенденций, глобальных рисков и перспектив реформирования мировой финансовой системы. Однако по мере роста их экономического веса, усиления политической субъектности и углубления кризиса репрезентативности традиционных институтов глобального управления данные контакты стали приобретать всё более системный характер.

В данном отношении аналитическая идея О'Нила выступила своеобразным интеллектуальным катализатором последующего институционального оформления формата [20]. Сам по себе термин БРИК не создавал международной организации, однако он способствовал формированию новой рамки восприятия, в которой указанные государства начали рассматриваться как потенциально взаимосвязанные участники более широкого процесса трансформации мирового порядка. Дальнейшее развитие политического диалога, согласование долгосрочных целей и появление элементов стратегической координации создали условия для последующего расширения состава объединения за счёт Южно-Африканской Республики и превращения БРИК в БРИКС.

Таким образом, значение доклада Джима О'Нила выходит за пределы узкого экономического анализа. Его роль заключалась в формировании интеллектуальной и концептуальной базы, которая позволила связать объективные структурные изменения в мировой системе с перспективой практической координации государств, обладающих сопоставимыми долгосрочными интересами. Вместе с тем интеллектуальная модель сама по себе не могла обеспечить консолидацию объединения без наличия реальных точек пересече-

ния интересов его участников. Таким образом, следующим этапом анализа становится рассмотрение общности вызовов и стратегических интересов стран БРИКС.

1.3.5. Общность вызовов и интересов.

На момент институционализации диалогового формата БРИКС государства-участники существенно различались по уровню социально-экономического развития, типам политико-институционального устройства и историческим траекториям формирования государственности. Однако указанная разнородность не стала препятствием для их сближения. Напротив, именно различие национальных моделей при наличии сходных внешних ограничений способствовало выявлению общих стратегических интересов, которые впоследствии составили основу устойчивого и долгосрочного сотрудничества. Тем самым переход от эпизодических контактов к формированию самостоятельной архитектуры диалога был обусловлен прежде всего осознанием общности ключевых вызовов.

Прежде всего такая общность проявлялась в стремлении государств-участников к трансформации структуры мирового порядка и укреплению принципов многополярности. На рубеже XX-XXI веков система глобального управления сохраняла выраженно асимметричный характер: ключевые решения принимались ограниченным кругом развитых западных государств, тогда как реальные возможности крупных развивающихся стран влиять на международную повестку оставались несоразмерными их экономическому, демографическому и ресурсному потенциалу [8]. Таким образом, для стран БРИКС ключевое значение приобрела задача повышения субъектности и расширения участия в формировании глобальных правил.

При этом мотивация отдельных участников имела собственную специфику, но не противоречила общей стратегической логике объединения. Для России ориентация на многополярность была связана с необходимостью сохранения стратегического суверенитета и недопущения маргинализации в условиях доминирования западноцентричной модели международных отношений. Китай был заинтересован в формировании стабильной внешней среды, обеспечивающей благоприятные условия для внутренней модернизации и долгосрочного экономического роста. Индия рассматривала реформу международных институтов как инструмент институционального признания своего возрастающего статуса, включая расширение представительства в Совете Безопасности ООН. Бразилия стремилась к укреплению роли ведущего регионального актора и к расширению международной субъектности Латинской Америки. Южно-Африканская Республика, в свою очередь, придала данному формату африканское измерение и усилила его репрезентативность как платформы стран Глобального Юга [14].

Не менее важным элементом общности интересов выступала экономическая взаимодополняемость государств-участников. Существенные различия в структуре национальных экономик, ресурсной обеспеченности и отраслевой специализации создали объективную основу для взаимовыгодного сотрудничества. Россия располагала значительным энергетическим, сырьевым и научно-технологическим потенциалом. Китай выступал как крупнейший индустриальный центр с мощной производственной базой и устойчивым спросом на сырьевые ресурсы. Индия обладала быстрорастущим внутренним рынком и сравнительными преимуществами в сфере информационных технологий и услуг. Бразилия занимала важные позиции в глобальном агропромышленном секторе, а Южно-Африканская Республика обеспечивала дополнительные возможности в области минерально-сырьевых ресурсов и региональной логистики.

Именно такая структура взаимного дополнения позволила сформировать модель взаимодействия, в которой сотрудничество приносило участникам практическую выгоду и одновременно снижало риски прямой конкуренции. В результате экономическая синергия придала диалогу прикладное измерение, превратив БРИКС из преимущественно политико-дискурсивного формата в функциональный механизм согласования экономических интересов. Более того, экономическая взаимодополняемость усиливала заинтересованность стран в сохранении устойчивости самого объединения, поскольку открывала возможности для диверсификации внешнеэкономических связей и снижения зависимости от традиционных центров мировой экономики.

Третьим направлением консолидации стала координация позиций на ведущих международных площадках. Несмотря на значительный вклад в мировую экономику и демографическое развитие, страны БРИКС длительное время сталкивались с ограниченным влиянием в рамках ООН, МВФ, Всемирного банка и ВТО. В текущей международной обстановке согласованные действия способствовали усилению позиций развивающихся стран в обсуждении вопросов глобальной финансовой стабильности, реформирования международной безопасности, устойчивого развития, торговли и климатической повестки. Тем самым БРИКС обеспечивал трансформацию национальных интересов в коллективный международный сигнал, обладающий большей политической и дипломатической значимостью.

Таким образом, общность вызовов и интересов государств-участников следует рассматривать как один из ключевых факторов институционализации БРИКС и обеспечения его долговременной устойчивости. Создание объединения определялось не совпадением политических режимов или идентичностью моделей развития, а объективной необходимостью коллективного реагирования на структурные ограничения существующего мирового порядка. Совместная ориентация на многополярность, экономическая взаимодополняемость и координация позиций на международных площадках сформировали синергетическую модель взаимодействия, в рамках которой экономические, политические и дипломатические ресурсы взаимно усиливают друг друга.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что формирование БРИКС и последующее укрепление данного объединения стали результатом комплексного воздействия ряда взаимосвязанных факторов: структурных изменений мировой системы, культурно-цивилизационных особенностей государств-участников, экономических и технологических предпосылок, интеллектуального осмысления их совокупного потенциала, а также совпадения долгосрочных стратегических интересов. Тем самым возникновение БРИКС следует рассматривать не как случайный политический эпизод, а как закономерное следствие трансформации современного мирового порядка.

Одной из ключевых предпосылок становления объединения стал кризис западноцентричных институтов глобального управления и ограниченность их способности адекватно учитывать интересы развивающихся государств. Несоответствие между реальным экономическим и демографическим весом стран Глобального Юга и их фактическим влиянием на международные механизмы принятия решений создало объективную потребность в формировании альтернативного многостороннего формата, ориентированного на более сбалансированное распределение глобального влияния.

Исследование показало, что культурно-цивилизационные различия стран БРИКС не препятствовали их консолидации, а, напротив, стали одним из её значимых ресурсов. Исторический опыт, особенности национальной идентичности и культурная самобытность государств-участников сформировали специфические модели стратегического мышления, усилили их ориентацию на защиту суверенитета и способствовали утверждению принципа уважения многообразия как основы многостороннего взаимодействия. В данном контексте культурно-цивилизационный потенциал выступил одновременно фактором внутренней устойчивости и основой диалога внутри объединения.

Не менее важную роль сыграли экономические и технологические предпосылки формирования БРИКС. Экономическая взаимодополняемость стран-участниц, рост их промышленного, инновационного и ресурсного потенциала, а также стремление к укреплению технологической автономии создали практическую базу для развития многостороннего сотрудничества. Именно сочетание экономических возможностей и технологического развития обеспечило объединению материальную основу для координации стратегий и расширения его роли в глобальных процессах.

Особое значение имела и интеллектуальная основа становления БРИКС. Концепция БРИК, предложенная Джимом О’Нилом, сыграла важную аналитическую и систематизирующую роль, поскольку позволила рассматривать Бразилию, Россию, Индию и Китай не изолированно, а как совокупность государств с высоким долгосрочным потенциалом влияния на мировую экономику и политику. Тем самым была создана концептуальная рамка, в пределах которой стало возможным осмысление общности их стратегических перспектив и переход от абстрактного экономического анализа к практикам институционализированного взаимодействия.

Существенным фактором консолидации выступило также совпадение долгосрочных стратегических интересов государств-участников. Ориентация на многополярность, стремление к реформированию международных институтов, заинтересованность в расширении собственной международной субъектности, а также экономическая взаимодополняемость сформировали основу для согласования позиций и выработки коллективных подходов к ключевым вопросам мировой политики и экономики. Именно общность вызовов и интересов обеспечила БРИКС необходимую степень внутренней связности и политической устойчивости.

Следовательно, БРИКС сформировался как сложная многоуровневая система взаимодействия, в которой органично соединились структурные, культурно-цивилизационные, экономические, технологические и интеллектуальные основания с практическими интересами государств-участников. Данное сочетание обеспечило объединению возможность не только выстроить относительно устойчивый формат координации, но и создать платформу, способную интегрировать разнообразие национальных моделей развития без их унификации.

Список источников

1. Ананьин О.Р., Хаиткулов Р., Шестаков Д. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 12. С. 15 – 27. DOI: 10.20542/0131-2227-2010-12-15-27

2. Аналитический материал о БРИКС: ожидания и реальность в новой мировой повестке // Росконгресс [Электронный ресурс]. URL: https://roscongress.org/materials/briks-ozhidaniya-i-realnost-v-novoy-mirovoy-povestke/ (дата обращения: 25.03.2026)

3. Бабаев К.В., Лавров С.В. И вширь, и вглубь. Пути укрепления институциональной основы БРИКС // Россия в глобальной политике. 2023. № 5 (123). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/i-vshir-i-vglub-puti-ukrepleniya-institutsionalnoy-osnovy-briks (дата обращения: 01.03.2026)

4. Ботон Дж.М., Брэдфорд-мл. К.И. Глобальное управление: новые участники, новые правила. Почему модель XX века нуждается в модернизации [Электронный ресурс]. URL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2007/12/pdf/boughton_RUS.pdf (дата обращения: 06.07.2014)

5. Ведерникова Е.В., Руденко М.Н. Динамика институционального развития стран БРИКС и их роль в современном миропорядке // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7. № 8. С. 1983 – 1998. OI: 10.18334/ecsec.7.8.121617

6. Галищева Н.В. Проблема бедности и пути её решения в современной Индии в условиях либеральных реформ // Мировое и национальное хозяйство. 2021. № 2 (55). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47482980_37672860.pdf (дата обращения: 25.03.2026)

7. Егоршин А.П., Гуськова И.В. Трансформация экономики России в 90-е годы и её влияние на пенсионную систему // Социально-трудовые исследования. 2022. Т. 47. № 2. С. 132 – 140. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-47-2-132-140

8. Евсин М.Ю., Зироян Р.А. Страны БРИКС в мировой экономике // ЭФО. 2024. № 4 (12). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strany-briks-v-mirovoy-ekonomike-1 (дата обращения: 01.03.2026)

9. Лукьянов В.Ю. ООН в современном мире – проблемы, тенденции, перспективы // Общество. Коммуникация. Образование. 2015. № 2 (220). С. 35 – 44. DOI: 10.5862/JHSS.220.4

10. Марков А.П. БРИКС как цивилизационная альтернатива западной гегемонии: проблемы и ресурсы солидарности народов и культур (по материалам XXII Международных Лихачевских научных чтений) // Вестник МГУКИ. 2024. № 4 (120). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/briks-kak-tsivilizatsionnaya-alternativa-zapadnoy-gegemonii-problemy-i-resursy-solidarnosti-narodov-i-kultur-po-materialam-xxii (дата обращения: 01.03.2026)

11. Мельянцев В.А. Экономический рост развивающихся стран: важнейшие тенденции, пропорции, факторы и социальные последствия // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 6. С. 203 – 212. DOI: 10.31857/S086919080017343-4

12. Михайленко А.Н. Духовно-нравственные ценности в странах БРИКС // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 190. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennye-tsennosti-v-stranah-briks (дата обращения: 01.03.2026)

13. Морена Гатто В. Постзападный порядок и евразийская многослойность: региональные организации как инструменты российской внешней политики // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. № 4. С. 23 – 35. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/postzapadnyy-poryadok-i-evraziyskaya-mnogosloynost-regionalnye-organizatsii-kak-instrumenty-rossiyskoy-vneshney-politiki (дата обращения: 01.03.2026)

14. Нефедов Б.И. Понятие «правила» в доктрине «международного порядка, основанного на правилах» // РСМ. 2021. № 3 (112). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravila-v-doktrine-mezhdunarodnogo-poryadka-osnovannogo-na-pravilah (дата обращения: 01.03.2026)

15. Сильвестров С.Н. Мировой экономический кризис и формирование новой архитектуры глобальной экономики // Финансы: теория и практика. 2009. № 2. С. 5 – 11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-ekonomicheskiy-krizis-i-formirovanie-novoy-arhitektury-globalnoy-ekonomiki-1 (дата обращения: 01.03.2026)

16. Соколова И.И., Ладейщикова Е.Э. Эволюционная динамика и предпосылки становления стран группы БРИКС // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2022. № 4. С. 1 – 13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsionnaya-dinamika-i-predposylki-stanovleniya-stran-gruppy-briks (дата обращения: 01.03.2026)

17. Столетов О.В. Стратегии цифрового развития ключевых государств «Глобального Юга» в условиях американо-китайского технологического соперничества // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2022. № 2. С. 221 – 237. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-tsifrovogo-razvitiya-klyuchevyh-gosudarstv-globalnogo-yuga-v-usloviyah-amerikano-kitayskogo-tehnologicheskogo (дата обращения: 01.03.2026)

18. Юй Ч. Исследование экономических реформ Китая с конца 1970-х до начала 1990-х годов с точки зрения неоинституционализма // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 5. С. 1309 – 1333. DOI: 10.18334/ce.18.5.121021

19. Wilson D., Purushothaman R. Goldman Sachs. Global Economics. Paper № 99. Dreaming with BRICs: The Path to 2050 [Электронный ресурс]. URL: http://antonioguilherme.web.br.com/artigos/Brics.pdf (дата обращения: 03.10.2014)

20. O'Neill J., Wilson D., Purushothaman R., Stupnytska A. Goldman Sachs. Global Economics. Paper № 134. How Solid Are the BRICs? [Электронный ресурс]. URL: http://www.goldmansachs.com/japan/ideas/brics/how-solid-pdf (дата обращения: 03.10.2014)

References

1. Ananyin O.R., Khaitkulov R., Shestakov D. The Washington Consensus: The Post-Battle Landscape. World Economy and International Relations. 2010. No. 12. P. 15 – 27. DOI: 10.20542/0131-2227-2010-12-15-27

2. Analytical Material on BRICS: Expectations and Reality in the New Global Agenda. Roscongress [Electronic Resource]. URL: https://roscongress.org/materials/briks-ozhidaniya-i-realnost-v-novoy-mirovoy-povestke/ (date of access: 25.03.2026)

3. Babaev K.V., Lavrov S.V. Both in Breadth and in Depth. Ways to Strengthen the Institutional Foundation of BRICS. Russia in Global Affairs. 2023. No. 5 (123). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/i-vshir-i-vglub-puti-ukrepleniya-institutsionalnoy-osnovy-briks (date of access: 01.03.2026)

4. Boughton J.M., Bradford Jr. K.I. Global Governance: New Participants, New Rules. Why the 20th Century Model Needs Modernization [Electronic resource]. URL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2007/12/pdf/boughton_RUS.pdf (date of access: 06.07.2014)

5. Vedernikova E.V., Rudenko M.N. Dynamics of Institutional Development of the BRICS Countries and Their Role in the Modern World Order. Economic Security. 2024. Vol. 7. No. 8. P. 1983 – 1998. OI: 10.18334/ecsec.7.8.121617

6. Galishcheva N.V. The Problem of Poverty and Ways to Solve It in Modern India in the Context of Liberal Reforms. World and National Economy. 2021. No. 2 (55). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47482980_37672860.pdf (date of access: 25.03.2026)

7. Egorshin A.P., Guskova I.V. Transformation of the Russian Economy in the 1990s and Its Impact on the Pension System. Social and Labor Studies. 2022. Vol. 47. No. 2. P. 132 – 140. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-47-2-132-140

8. Evsin M.Yu., Ziroyan R.A. BRICS Countries in the Global Economy. EFO. 2024. No. 4 (12). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strany-briks-v-mirovoy-ekonomike-1 (date of access: 01.03.2026)

9. Lukyanov V.Yu. The UN in the Modern World: Problems, Trends, Prospects. Society. Communication. Education. 2015. No. 2 (220). P. 35 – 44. DOI: 10.5862/JHSS.220.4

10. Markov A.P. BRICS as a civilizational alternative to Western hegemony: problems and resources of solidarity of peoples and cultures (based on the materials of the XXII International Likhachev Scientific Readings). Bulletin of MGUKI. 2024. No. 4 (120). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/briks-kak-tsivilizatsionnaya-alternativa-zapadnoy-gegemonii-problemy-i-resursy-solidarnosti-narodov-i-kultur-po-materialam-xxii (date of access: 01.03.2026)

11. Melyantsev V.A. Economic growth of developing countries: the most important trends, proportions, factors and social consequences. East (Oriens). Afro-Asian societies: history and modernity. 2021. No. 6. pp. 203–212. DOI: 10.31857/S086919080017343-4

12. Mikhailenko A.N. Spiritual and moral values in the BRICS countries. Ethnosociety and interethnic culture. 2024. No. 190. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennye-tsennosti-v-stranah-briks (date of access: 01.03.2026)

13. Morena Gatto V. Post-Western order and Eurasian multilayeredness: regional organizations as instruments of Russian foreign policy. Humanities. Bulletin of the Financial University. 2025. No. 4. P. 23 – 35. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/postzapadnyy-poryadok-i-evraziyskaya-mnogosloynost-regionalnye-organizatsii-kak-instrumenty-rossiyskoy-vneshney-politiki (date of access: 01.03.2026)

14. Nefedov B.I. The Concept of “Rules” in the Doctrine of “Rules-Based International Order”. RSM. 2021. No. 3 (112). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravila-v-doktrine-mezhdunarodnogo-poryadka-osnovannogo-na-pravilah (date of access: 01.03.2026)

15. Silvestrov S.N. The global economic crisis and the formation of a new architecture of the global economy. Finance: Theory and Practice. 2009. No. 2. P. 5 – 11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-ekonomicheskiy-krizis-i-formirovanie-novoy-arhitektury-globalnoy-ekonomiki-1 (date of access: 01.03.2026)

16. Sokolova I.I., Ladeyshchikova E.E. Evolutionary Dynamics and Prerequisites for the Formation of the BRICS Countries. A-Factor: Research and Development (Humanities). 2022. No. 4. P. 1 – 13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsionnaya-dinamika-i-predposylki-stanovleniya-stran-gruppy-briks (date of access: 01.03.2026)

17. Stoletov O.V. Digital Development Strategies for Key States of the "Global South" in the Context of US-Chinese Technological Rivalry. RUDN University Bulletin. Series: International Relations. 2022. No. 2. P. 221 – 237. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-tsifrovogo-razvitiya-klyuchevyh-gosudarstv-globalnogo-yuga-v-usloviyah-amerikano-kitayskogo-tehnologicheskogo (date of access: 01.03.2026)

18. Yu C. A study of China's economic reforms from the late 1970s to the early 1990s from the perspective of neoinstitutionalism. Creative Economy. 2024. Vol. 18. No. 5. P. 1309 – 1333. DOI: 10.18334/ce.18.5.121021

19. Wilson D., Purushothaman R. Goldman Sachs. Global Economics. Paper No. 99. Dreaming with BRICs: The Path to 2050 [Electronic resource]. URL: http://antonioguilherme.web.br.com/artigos/Brics.pdf (date of access: 03.10.2014)

20. O'Neill J., Wilson D., Purushothaman R., Stupnytska A. Goldman Sachs. Global Economics. Paper No. 134. How Solid Are the BRICs? [Electronic resource]. URL: http://www.goldmansachs.com/japan/ideas/brics/how-solid-pdf (date of access: 03.10.2014)

Информация об авторе

Адам Мбоду Адам, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, sabouny77@gmail.com

© Адам Мбоду Адам, 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-94-102

Религиозная политика немецких властей на временно оккупированной территории Украины в 1941-1943 гг.

[1] Сипейкин А.В.,
[1] Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: цель данной статьи состоит в анализе религиозной политики немецкой оккупационной администрации на временно оккупированной территории Украины в 1941-1944 годах. Новизна исследования заключается в сравнении данных документов, авторами которых являлись немецкие чиновники, с информацией недавно рассекреченных документов советских органов безопасности. Эти источники свидетельствуют о наличии достаточно широкой поддержки оккупантов со стороны многих представителей украинской интеллигенции, рядовых верующих и церковнослужителей. Особое внимание автор уделяет истории Украинской автокефальной православной церкви. Как свидетельствуют документы, эта организация превратилась в орудие в руках радикальных украинских националистов, что привело к серьёзному изменению в отношении немецких оккупационных властей к этой Украинской автокефальной православной церкви. Изначально она рассматривалась немцами как источник политической поддержки, но затем они стали видеть в ней источник опасности для своей власти. Это, в свою очередь, привело к конфликту между немецкой администрацией и Украинской автокефальной православной церковью. История данного конфликта во многом повторяет тот путь, который прошли представители автокефального движения в своих отношениях с властью в Советском Союзе в 1920-1930-е годы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Украина, оккупация, религиозный коллаборационизм, Украинская автокефальная православная церковь, Украинская автономная православная церковь

Для цитирования: *Сипейкин А.В. Религиозная политика немецких властей на временно оккупированной территории Украины в 1941-1943 гг. // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 94 – 102. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-94-102*

Поступила в редакцию: 5 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

German administration’s religious policy on the temporality occupied territory of Ukraine in 1941-1944 years

[1] Sipeykin A.V.,
[1] Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to the history of the German occupational administration’s religious policy on the Ukraine’s temporarily occupied territory in 1941-1944 years. The novelty of the research lies in the comparison of the data of documents written by German occupational officials, with the information of recently declassified documents of. According to these documents, the occupational administration had a “grass-root” support among the Ukrainian intelligentsia, ordinary believers, and churchmen. The author focuses his attention on the Ukrainian Autocephalous Orthodox Church. It became a tool of the Ukrainian radical nationalists’ political struggle. This fact

caused the shift in the attitude of German occupational administration towards Ukrainian Autocephalous Orthodox Church. At first Germans considered this religious organisation as a source of political support, but afterwards they started to consider the Autocephalous movement as a threat to their power. This situation led to the conflict between German administration and the Ukrainian Autocephalous Orthodox Church. The history of the relations between Germans and the Ukrainian Autocephalous movement are very similar to the history of the Autocephalous Ukraine Orthodox Church in the USSR in 1920-1930s.

Keywords: Great Patriotic War, Ukraine, occupation, religious collaboration, Ukrainian Autocephalous Orthodox Church, Ukrainian Autonomous Orthodox Church

For citation: *Sipeykin A.V. German administration's religious policy on the temporality occupied territory of Ukraine in 1941-1944 years. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 94 – 102. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-94-102*

The article was submitted: April 5, 2026; Approved after reviewing: May 3, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

В современной историографии истории Православия основное внимание уделяется истории борьбы между Украинской автокефальной православной церковью (УАПЦ) и Украинской *автономной* православной церковью. При этом церковные историки указывают на то, что политический радикализм первых являлся признаком их «нецерковной направленности». Главной задачей автокефалистов являлось отделение от Москвы. Достигнуть её следовало любой ценой, пусть даже при этом пострадало бы каноническое церковное устройство. Принципиальное отличие представителей Украинской автономной церкви состояло в том, что они, не отказываясь от самой идеи автономности украинской церкви, считали необходимым «сохранение канонических основ церковной жизни». Нарушение последних, проявившееся, например, в «воссоединении» со священниками – «самосвятами», которые ещё в довоенный период прошли обряд хиротонии вопреки существующим церковным правилам, отталкивало от автокефалистов значительную долю верующего населения. Ещё в большей мере православные были недовольны тем, что, стремясь к достижению нецерковных целей, автокефалисты превращали храмы в «клубы националистов», пропагандируя с церковных амвонов свои политические идеи и призывая к созданию независимого украинского государства [2, с. 236-268]. Исследователи истории Православия на территории Украины отмечают, что коллаборационизм автокефалистов также отталкивал от них население. В ответ на деятельность, направленную на поддержку оккупационного режима, верующие начали переходить из УАПЦ в «автономные приходы», в которых службы совершались «по-старому», по-церковнославянски [6, с. 439-440]. Историки отмечают роль террора, который позволял, тем не менее, УАПЦ удерживать в своей власти значительное количество приходов [5, с. 526; 2, с. 253].

Объясняя политику нацистов в отношении религиозных организаций, современные историки отмечают её прагматичность и приверженность принципу «разделяй и властвуй». Так, А.Н. Кашеваров отмечает, что в различных районах немцы поддерживали либо автокефалистов, либо сторонников автономной церкви, в зависимости от того какая из них преобладала, причём предпочтение отдавалось той стороне, которая была наименее сильна в данном регионе [3, с. 261]. М.В. Шкаровский справедливо указывал, что в конечном счёте оккупационные власти рассчитывали на «замену православия «новой религией» в нацистском духе» даже начали пытаться «предотвратить оживление церковной жизни» [11, с. 6-7]. Однако, как отмечает историк, нацисты в целом не смогли достигнуть своих целей. Сепаратистские национальные Церкви нигде, кроме Украины, они создать не смогли. Причины этого заключаются в том, что оккупационные власти недооценили уровень религиозности населения и силу Православной Церкви как организации. Более того, вопреки намерениям нацистов, храмы превратились в «центры русского национального самосознания» [11, с. 7, 509]. Религиозную ситуацию на Украине М.В. Шкаровский характеризует как «наиболее сложную среди других оккупированных регионов СССР» [11, с. 44, 424].

Материалы и методы исследований

Современные исследователи изучают историю Православия в годы Великой Отечественной войны с учётом функций, которые выполняет религия в обществе [11, с. 10]. Функциональный подход представляется вполне оправданным при изучении данной темы, поскольку позволяет изучить ту колоссальную роль, которую религия продолжала играть в обществе вопреки той безжалостной антицерковной политике, кото-

рая проводилась большевиками в течение более двух десятилетий. Данный подход необходимо использовать в сочетании с приёмами, характерными для «истории снизу», предполагающей изучение ситуации с точки зрения рядовых участников исторического процесса [18; 19; 20; 21]. Для анализа информационных возможностей исторических источников достаточно плодотворным представляется нарративный подход [17. с. 225-242]. При анализе данных чрезвычайно большое значение имеет сравнение данных немецких и советских аналитических документов, описывающих религиозную ситуацию на временно оккупированной территории УССР.

Результаты и обсуждения

Цели религиозной политики Третьего рейха на территории Украины. Зафиксированные органами безопасности факты свидетельствуют о том, что среди жителей УССР, в том числе и верующих, были достаточно широко развиты националистические и антисоветские настроения [15. Л. 3, 11, 27, 63, 65, 69, 80-81, 200, 282], которые были активно использованы в своих интересах оккупантами, стремившимся найти поддержку среди местного населения.

Между тем отношения между оккупантами и религиозными организациями были далеки от идеальных. Сами представители немецкой администрации указывали на тот факт, что налаживанию отношений между оккупационной властью и Православной Церковью мешало то, что политика первой «слишком напоминала церковную политику Советов» [12, с. 103-110]. Ещё накануне вторжения А. Розенберг писал будущему рейхскомиссару Украины о том, что в церковных вопросах «Германская империя выступает преемником прежней Украинской советской республики», поэтому в вопросе о возвращении церковной собственности не следовало идти ни на какие уступки. Преемственность с советскими органами власти прослеживается и в вопросе о методах борьбы с организационными структурами религиозных организаций с использованием принципа «разделяй и властвуй». Ни о какой государственной поддержке церквей не могло идти речи, но при этом следовало добиваться, чтобы языком их на всей территории Украины был украинский. Это было связано с тем фактом, что Православие до революции являлось «сильным средством скрепления Российской империи», и, как опасался А. Розенберг, могло сохранить своё влияние [12, с. 289-290].

Примерно в том же духе была выдержана инструкция А. Розенберга рейхскомиссару Украины в ноябре 1941 года: предписывалось препятствовать влиянию русского Православия и его священников, разрешать распространение различных сект. При этом следовало «противодействовать тому, чтобы конфессии и секты занимались политикой». В частности, рейхскомиссару Украины не следовало «принимать украинского архиерея как представителя украинского народа» [12, с. 290-291]. В своём циркуляре от 13 мая 1942 года рейхсминистр А. Розенберг рассматривал УАПЦ как «сильный инструмент» для борьбы с влиянием Православной Церкви «московского направления». Для руководства нацистов было важно ограничить влияние Русской Православной Церкви границами Великороссии. На территории Белоруссии роль, аналогичную УАПЦ, должна была сыграть Белорусская автокефальная православная церковь [12, с. 225-227; 9, с. 530]. Немецкие власти старались способствовать «дальнейшему укреплению и развитию» последней [9, с. 556]. Её представители пытались «белорусизировать» Церковь, однако завершить процесс автокефализации церкви в Белоруссии не удалось. Немалую роль в провале немецких планов сыграла позиция самих белорусских священников, значительная часть которых была настроена пророссийски. Они смогли, по признанию оккупационных властей, «переиграть гражданскую администрацию» [9, с. 565-566]. Ещё одним негативным для нацистов фактором стало то, что ярко выраженная антисоветская пропаганда лидера Белорусской автокефальной церкви архиепископа Филофея вызывала отторжение у большинства верующих [10, с. 106-108]. О степени отчуждения между верующими и пастырем ярко свидетельствует тот факт, что в своем коллаборационизме белорусский автокефалист доходил даже до благословения террора нацистов против местного населения [1, с. 531].

Как отмечали в своей переписке представители командования войсками безопасности на территории группы армий «В», «использование пропагандистского воздействия Украинской Православной Церкви является неоценимым оружием в борьбе против большевизма» [12, с. 323-324]. Другой важной задачей, которую пыталась решить оккупационная администрация, являлось «ослабление Православной Церкви московского направления». В связи с этим она стала оказывать «покровительство всем автокефальным направлениям и устремлениям внутри Православной Церкви». В том числе при её поддержке сразу после оккупации была возрождена закрытая советской властью в 1930-е гг. УАПЦ [8, с. 193]. Как отмечают исследователи, именно поддержка оккупантов сделала возможным широкое распространение автокефальных приходов на Украине, особенно в восточной её части [11, с. 430-431]. Более того, нацисты стали способствовать работе

украинских националистов на Северном Кавказе, где Ростовский и Таганрогский епископаты перешли в состав Украинской автономной православной церкви [4, с. 282].

Вместе с тем следует отметить, что возникшая параллельно Украинской *автокефальной* православной церкви (УАПЦ) Украинская *автономная* православная церковь во главе с митрополитом Алексием (Громадским) вызывала беспокойство чиновников в связи с тем, что в её рядах было «много русских и русофилов». Гораздо большие надежды поначалу возлагались именно на возглавляемых архиепископом Луцким Поликарпом автокефалистов, которые, по мнению нацистских функционеров были при соответствующей поддержке более способны к оказанию «морального, дисциплинирующего воздействия на широкие украинские народные массы» [12, с. 311-313]. Действительно, в своих проповедях автокефальные архиереи осуждали митрополита Московского Сергия за то, что он «молится, чтобы бог даровал победу жидобольшевикам над набожным немецким народом». По признанию Харьковского митрополита УАПЦ Феофила, известия о «неестественном союзе» между советской властью и Сергием привели его в состояние крайнего замешательства («старческие обвисшие щёки мои от стыда краснеют, старческие члены мои трепещат от возмущения») [12, с. 224]. Сам Феофил (Булдовский) стал известен тем, что совершал торжественные молебны в день рождения А. Гитлера и прославлял «героические усилия христолюбивого непобедимого немецкого воинства». Победы или поражения Вермахта были для «митрополита» равнозначны «радости» или «печали» Церкви [6, с. 445, 448]. Архиепископ Луцкий и Ковельский Поликарп (Сикорский) выражал оккупантам «благодарность за освобождение от еврейско-большевистского владычества Москвы» и требовал от священников УАПЦ, чтобы они в своих проповедях призывали верующих к добровольному отъезду на работы в Германию [16. Л. 173, 176].

Как уже было отмечено выше, члены существовавшей параллельно УАПЦ Украинской автономной православной церкви во главе с Алексием (Громадским) не отказывались от идеи автокефальной Украинской церкви, но стремились добиться своей цели без нарушения канонов. Для этого было необходимо сперва заручиться одобрением других автокефальных церквей, в том числе и Русской. Отношения между двумя религиозными организациями были напряжёнными, автокефалисты обвиняли автономистов в «московском влиянии», последние обвиняли УАПЦ в самосвятстве. Причём последнее обвинение было достаточно серьёзным в глазах рядовых верующих. Практика совершенного без соблюдения канонических правил рукоположения в священники сильно снижала популярность УАПЦ среди верующего населения. Зато автокефалисты в начальный период войны пользовались большей поддержкой со стороны оккупантов. Нацисты рассчитывали использовать Церковь для нужд своей пропаганды, поскольку радио и кинематографа в деревнях, как правило, не было [8, с. 168]. Члены УАПЦ в своих заявлениях подчёркивали факт своего сотрудничества с немецкими властями, но по мере того, как становилось очевидным, что их надежды на «незалежность» Украины оккупационными властями отнюдь не разделяются, отношения между автокефалистами и нацистами начали постепенно ухудшаться. УАПЦ в немецких документах стали характеризовать как «последний оплот украинского национализма», ставший «убежищем для всех националистических элементов» [12, с. 324-330].

Ещё большую настороженность у оккупационных властей вызывала активность на Украине католической церкви. Командующий полицией безопасности предписывал пресекать все «ватиканские усилия … проникнуть в восточное пространство», обращая особое внимание на деятельность иезуитов. Униатскую Церковь оккупанты рассматривали как «форпост ватиканской политики». Не представляющими политической опасности полагались лишь баптисты, меннониты и прочие «сектанты», поскольку они «не являются маскировкой для агентов НКВД» [12, с. 296-298]. О том, что в довоенный период агенты секретных служб активно набирались в том числе и из числа членов «сектантских» организаций [14. Л. 28], оккупационные власти, очевидно, не были осведомлены.

Немецкие и советские документы о попытках использовать Церковь как орудие достижения националистических целей. Националистические настроения сильно влияли на отношение их носителей к церковным вопросам. В информационных документах советских органов безопасности отмечалось, что УАПЦ являлась «не только религиозным, но также и политическим центром украинских националистов». В Справке Управления МГБ «О сотрудничестве с немецкими оккупационными властями Украины Автономной и Автокефальной церквей в 1941-1942 гг.», составленной по материалам гестапо и СД в декабре 1942 г., отмечалось, что во главе УАПЦ стояли политики, являвшиеся членами правительства Петлюры (епископ Поликарп (Сикорский), епископ Палладий (Руденко)). Стремясь превратить церковь в «орудие политической борьбы», эти архиереи старались в кратчайшие сроки посвятить в сан священника как можно больше своих политических сторонников, «которые ничего общего не имели ни с религией, ни с церковью», а приходы превратить в центры своей пропаганды. Других священников они запугивали и обвиняли в «нелояль-

ности немецким властям», «русофильстве» и «враждебности к украинскому народу» [8. С. 166]. В других советских информационных документах приводятся конкретные примеры запугивания православных священников – противников автокефалии и репрессий гестапо против наиболее стойких из них [8, с. 183, 189]. Эти наблюдения были выдержаны в целом в духе тех документов, которые отражали политическую деятельность автокефалистов в довоенный период. Являлась ли эта оценка объективной? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нам надо привлечь другие источники, авторами которых были люди, которые не разделяли политических позиций советских органов безопасности.

Об политических взглядах автокефалистов позволяют судить опубликованные в годы оккупации в украинской печати материалы. Русскую Православную Церковь украинские националистические публицисты считали носителем «византийской консервативной мертвечины». Её деятелей украинские националисты описывали как использующих «методы католических иезуитов», превращающих Церковь в «очаг интриг и политиканства» [8, с. 76]. Последняя оценка, как представляется, является во многом проекцией собственных качеств на своих оппонентов. Религиозная деятельность самих членов Украинской автокефальной православной церкви была в значительной степени подчинена политическим задачам. О том, как обосновывалась целесообразность такой стратегии, позволяют судить материалы, опубликованные в украинской коллаборационистской прессе, например изложение речи доктора Публига, произнесённой по поводу интронизации епископа УАПЦ в Днепропетровске. Возвращение к «древней украинской культуре» обосновывалось им как непременное условие того, чтобы занять «достойное место среди других европейских народов». Содержание каждой религии определялось как «вера в тайну», «загадочное представление о последних вещах бытия». То, как тот или иной народ относится к этим «последним вещам», определялось их историей, культурой и наследственными качествами. Вера и Церковь, по мнению националистов, соответствовали «инстинктивным действиям народов». Попытки создать универсальные религии публицист описывал как «трагичные», заранее обречённые на неудачу, поскольку универсальные религии «не удовлетворяли души народов». Любая религия, не соответствующая «естеству украинского народа» и «всемирно-историческому содержанию нашего времени», рано или поздно должна была, по мнению доктора Публига, исчезнуть. В том числе такая судьба была уготована и «русской государственной церкви», созданной якобы лишь для того, чтобы скрепить между собой полностью обособленные друг от друга народы. «Душам верующих украинцев» соответствовала только УАПЦ, которая, впрочем, должна действовать «под надзором и по указаниям немецкой власти» [8, с. 102]. Чем этот надзор оказывался лучше имперского влияния Российской империи доктор Публиг не сообщил. Предметом отдельного исследования должно стать то, что сильнее повлияло на такие взгляды: философия Ф. Ницше, О. Шпенглера или опусы ведущих нацистских идеологов. Несомненно одно: эти взгляды не имели никакого отношения к Православию. Очевидно, их следует рассматривать в качестве разновидности филетизма.

Столь же далеки от духа Православия были и практические выводы, сделанные на основе теоретических конструкций, которыми глубокомысленные представители немецкой радикальной политической мысли заботливо снабдили «инстинктивно» действующих украинских националистов. О том, насколько религиозная жизнь в УАПЦ была подчинена узко-политическим националистическим задачам, позволяет судить опубликованная М. В. Шкаровским директива Берестечской управы об украинизации православных церквей. В каждой церкви предписывалось повесить таблицы с надписью, посвящённой «борцам за свободу Украины», к которым причислялись не только Симон Петлюра, Евгений Коновалец, Пётр Дорошенко и Иван Мазепа, но и Святослав, Владимир Великий и Богдан Хмельницкий. Кроме того, в храмах на боковых стенах должны были висеть портреты С. Петлюры, Е. Коновальца и Т. Шевченко, а на главных стенах – два тризуба. После богослужений всем прихожанам предписывалось петь «Ще не вмерла Украина» [12, с. 301-302]. Аналогичными были практики представителей униатской церкви. Так, в Троицкой церкви г. Дрогобыч, ставшем центром «союза украинской христовой молодёжи», стены были расписаны в цвета украинского жовто-блакитного флага и украшены тризубами [9, с. 498].

Профессор К.Ф. Штепа, излагая содержание проповеди автокефального епископа Никанора, отмечал, что тот постоянно к месту и без места упоминал «Украину» и «украинский народ». По его мнению, этот народ существовал уже двадцать тысяч лет [8, с. 165]. Нестандартными были не только речи, но и внешний вид автокефалистов. На публицистов из числа представителей Русской Православной Церкви за рубежом архиереи и священники УАПЦ производили «жуткое впечатление»: «бритые с гайдамацкими усами в штатском, они более похожи на разбойников, чем на духовных особ» [8, с. 159]. Сходные оценки автокефалистам даются в советских отчётах, опирающихся на данные, заимствованные из трофейных документов. Там подчёркивается, что «вмешательство профанов в церковную жизнь», особенности выбора духовенства и другие характерные для УАПЦ явления носят «чисто протестантский» характер [8, с. 641].

Эти данные показывают, что оценка автокефалистов, данная их оппонентом, главой Украинской автономной православной церкви митрополитом Алексием (Громадским), была вполне справедливой. По его словам, «политика у них всё, а вера и церковь только орудие для достижения своих нецерковных целей». Те самые представители «располитикованной украинской интеллигенции», которые при большевиках «верно служили целям коммунизма», теперь стали «на пятьсот процентов украинцами» и вновь занялись разрушением Церкви под иными, националистическими, лозунгами. И несчастные священники под страхом смерти были вынуждены играть по предложенным им правилам, в то время как те, кто сохранял верность Православию, погибали. Всю эту деятельность Алексий охарактеризовал как «великий обман», призванный «вырвать у нашего народа душу»: «ругая всячески Москву и нас, якобы «москалей», они вызывают такое человеконенавистничество, из коего может родиться только неверие и безбожие» [12, с. 304]. В этом контексте становится понятным как то, почему носители двух человеконенавистнических, крайненационалистических идеологий, смогли сперва найти общий язык, так и то, почему рано или поздно эти две силы не могли не вступить в конфликт: «Deutschland über alles» нельзя было примирить с «Україна понад усё».

В дальнейшей судьбе УАПЦ большую роль сыграло то, что от временного союза с украинскими националистами нацисты перешли к преследованиям. Причём этот переход представляется вполне закономерным. В этой связи следует обратить внимание на то, что в своей речи на совещании чиновников рейхскомиссариата «Украина» 28 августа 1942 года гауляйтер Э. Кох откровенно заявил о том, что «свободной Украины не существует», основную задачу своей администрации он видел в том, чтобы организовать использование украинских ресурсов на нужды рейха, а не в том, чтобы «осчастливить» местное население. При этом следовало ограничить его рождаемость, чтобы «биологическая сила этого народа» через несколько поколений не «прижала к стене немецкий народ». Даже начальное образование для украинских детей Э. Кох полагал чрезмерной роскошью. С культурной точки зрения для местного населения было достаточно того, что рейх «даровал» ему две Церкви: «о дальнейшей культурной работе не может быть и речи» [12, с. 307-308]. Реализация данных принципов дошла до закрытия всех учебных заведений на Украине, за исключением начальных школ, и высылки всех учащихся вместе с преподавателями на принудительные работы в Германию [11, с. 437].

Украинской автокефальной православной церкви Э. Кох придавал большое значение с самого начала своего пребывания на посту гауляйтера. Проблема заключалась в том, что по мере того, как украинские националисты осознавали, что их устремления к национальной независимости не поддерживаются оккупационными властями, именно Церковь всё в большей мере становилась «оплотом и надеждой украинского национализма» [12, с. 291-295]. То есть, по сути, повторялась ситуация с положением УАПЦ в СССР, когда эта религиозная организация превратилась в последний оплот националистов, лишённых возможности в условиях однопартийной системы продвигать свои политические интересы в рамках обычной политической борьбы, и потому начавшие использовать в качестве средства националистической агитации и пропаганды церковные кафедры, что привело впоследствии к репрессиям против автокефалистов. Это обстоятельство не могло не привести и к резкому изменению отношения к УАПЦ оккупационных властей.

После освобождения Украины от немецкой оккупации священники-автокефалисты в ответ на разрешение проводить богослужение на украинском языке стали переходить в лоно Украинской Православной Церкви [8, с. 276]. Согласно данным Уполномоченного Совета по делам православной церкви при СНК ССР по Украинской СССР П. Ходченко, на момент 1 июля 1945 года на подведомственной ему территории уже не было ни одного церковнослужителя, официально относящегося к УАПЦ [9, с. 426-427]. Однако содержащиеся в советских документах описания настроений жителей Западной Украины свидетельствуют, что коренная причина возникновения автокефального движения (и сохранения популярности униатства) не была устранена: о священниках, связанных с Русской Православной Церковью, жители западных регионов отзывались как о «ставших коммунистами», согласно ходившим во Львовской области слухам, у русских церкви «по газетам работают, а на деле нет» [8, с. 328-329]. Подобные настроения подогревались монахинями униатских монастырей, рассказывавших о том, что «православие исходит из Москвы и руководят им большевики» [8, с. 392].

Несмотря на чрезвычайно сложную политическую обстановку на западе УССР, православные священники продолжали вести патриотическую работу, соответствующую духу взаимодействия Церкви и советской власти, причём многим из них это стоило жизни: за 5-6 первых месяцев 1945 года только в Ровенской и Волынской областях было убито бандеровцами 30 священнослужителей [8, с. 346]. Некоторые рядовые верующие на Украине хорошо осознавали первопричины этого террора, связанные с излишней вовлечённостью Церкви в светские конфликты, отмечая, что сейчас «каждый поп говорит о той политике, которая

ему нужна», и с ностальгией вспоминая те времена, когда «была православная религия, не было никаких политик и люди жили мирно. Не было никаких убийств» [8, с. 391].

Выводы

Проанализированные документы позволяют провести аналогию между той ситуацией в церковно-государственных отношениях, которая сложилась по другую сторону линии фронта, где «покровительство со стороны советского государства» содействовало «проникновению в церковную жизнь нецерковных понятий, нецерковных ценностей» [7, с. 18]. В условиях крайней политизации вопроса о политическом влиянии Церкви в годы войны религиозные организации Украины стали ареной противостояния советских и нацистских спецслужб.

Таким образом, сходство в оценках, которое мы видим между немецкими и советскими функционерами отнюдь не случайно. История отношений между УАПЦ и оккупационной властью практически полностью повторяет тот путь, который та же религиозная организация прошла в своих отношениях с советской властью в 1920-е гг. – от попыток наладить симбиотическое взаимодействие до открытого конфликта. Причиной этого сходства является сильная вовлечённость автокефалистов в политическую борьбу, обусловленная, в свою очередь, тем, что УАПЦ оставалась практически единственной легальной организацией, которая могла проводить в жизнь радикальные националистические лозунги украинских политических деятелей. Представители Украинской автономной православной церкви также говорили о своём желании создать независимую Украинскую православную церковь, но, в отличие от своих оппонентов-автокефалистов, не были готовы использовать для этого любые средства, в том числе противоречащие церковным канонам.

Список источников

1. Васильева О.Ю. Русская Православная церковь в Великой Отечественной войне // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М.: Наука, 1994. С. 528 – 532.

2. Вишиванюк А.В. К вопросу о несостоявшемся объединении Украинской Автономной Православной Церкви с раскольничьей Украинской автокефальной Православной Церковью в 1942 г. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2010. № 20-1. С. 332 – 338.

3. Кашеваров А.Н. Русская Православная Церковь в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. // Народ и война. 50 лет Великой Победы. С.-Петербург, ТОО ТК «Петрополис», 1995 г. С. 247 – 264.

4. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2009. 372 с.

5. Лыкова Л.А., Суханов А.В. "Это великое событие в нашей церкви". Епископ Луцкий Поликарп о подписании Акта о соединении Украинских православных церквей // Вестник архивиста. 2018. № 2. С. 522 – 535.

6. Митрополит Феодосий (Процюк) Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине 1917-1943 гг. М.: Издательство Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2004. 650 с.

7. Обозный К.П. Точка бифуркации: православная церковь в советской России на историческом переломе 1940-х гг. (на примере северо-западных областей) // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2012. № 5. С. 9 – 35.

8. Православие на Украине в годы Великой Отечественной войны: Сб. док. и материалов / Федер. арх. агентство, Рос. гос. арх соц.-полит. Истории / Отв. ред. А. К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2019. 511 с., ил.

9. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: сборник документов /сост.: О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. М.: Изд-во Крутицкого подворья: Об-во любителей церковной истории, 2009.

10. Синицын Ф. Нас не введёт в заблуждение, что Сталин провозгласил свободу религии // Родина. 2014. № 9. С. 106 – 108.

11. Шкаровский М.В. «Господь дарует нам победу». Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. М.: Издательский дом «Познание», 2020. 528 с.

12. Шкаровский М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов: 1935-1945 годов. Сборник документов. Москва: Издательство Крутицкого Патриаршего Подворья, 2003. 366 с.

13. Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 4. Д. 22.

14. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 6. Д. 462.

15. ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 745. Том 1.

16. ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 10. Д. 387.

17. Bekkin R.I. Narratives on the origin of the institution of the muftiate among Tatars in Soviet times. Historical Ethnology. 2020. Vol. 5. No. 2. P. 225 – 242.

18. Freeze G. Stalinist's Assault on the Parishes, 1929-1941. Schriften des Historischen Kolleges. Kolloquien 43. Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschuung. Herausgegeben von Manfred Hildermeier. Oldenburg, 1998. P. 209 – 232.

19. Freeze G. Counter-Reformation in Russian Orthodoxy: Popular Response to Religious Innovation, 1922-1925 // Slavic Review. 1995. Vol. 54. No. 2. P. 305 – 339.

20. Freeze G. Confessions in the Soviet Era: Analytical Overview of Historiography // Russian History. 2017. Vol. 44. No. 1. P. 1 – 24.

21. Freeze G. A new source for Russian Religious History: the American Catholic Press, 1917-1924 // Modern and Contemporary History. 2019. No. 6. P. 65 – 84.

References

1. Vasilyeva O.Yu. The Russian Orthodox Church in the Great Patriotic War. Russia in the 20th Century: World Historians Argue. Moscow: Nauka, 1994. P. 528 – 532.

2. Vishivanyuk A.V. On the Failed Unification of the Ukrainian Autonomous Orthodox Church with the Schismatic Ukrainian Autocephalous Orthodox Church in 1942. Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. 2010. No. 20-1. P. 332 – 338.

3. Kashevarov A.N. The Russian Orthodox Church in the Great Patriotic War of 1941-1945. The People and the War. 50 Years of the Great Victory. St. Petersburg, TOO TK "Petropolis", 1995. P. 247 – 264.

4. Kovalev B.N. Collaborationism in Russia in 1941-1945: Types and Forms. Veliky Novgorod: Yaroslav-Wise Novgorod State University, 2009, 372 p.

5. Lykova L.A., Sukhanov A.V. "This is a great event in our church". Bishop Polycarp of Lutsk on the signing of the Act of Unification of the Ukrainian Orthodox Churches. Archivist's Bulletin. 2018. No. 2. P. 522 – 535.

6. Metropolitan Theodosius (Protsyuk) Separationist Movements in the Orthodox Church in Ukraine, 1917-1943. Moscow: Krutitskoye Podvorye Publishing House, Society of Church History Lovers, 2004. 650 p.

7. Obozny K.P. Bifurcation Point: The Orthodox Church in Soviet Russia at the Historical Turning Point of the 1940s (Based on the Northwestern Regions). The Light of Christ Enlightens All: Almanac of the St. Philaret Orthodox Christian Institute. 2012. No. 5. P. 9 – 35.

8. Orthodoxy in Ukraine During the Great Patriotic War: Collection of Documents and Materials. Federal Archival Agency, Russian State Archival Social-Political History. Ed. A.K. Sorokin. Moscow: ROSSPEN, 2019. 511 p., ill.

9. The Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War of 1941-1945: A Collection of Documents. compiled by O.Yu. Vasilyeva, I.I. Kudryavtsev, L.A. Lykova. Moscow: Krutitsy Metochion Publishing House: Society of Church History Lovers, 2009.

10. Sinitsyn F. We Will Not Be Misled by the Contents of Stalin Proclaiming Freedom of Religion. Rodina. 2014. No. 9. P. 106 – 108.

11. Shkarovsky M.V. "The Lord Will Grant Us Victory." The Russian Orthodox Church and the Great Patriotic War. Moscow: Poznanie Publishing House, 2020. 528 p.

12. Shkarovsky M.V. The Policy of the Third Reich Towards the Russian Orthodox Church in Light of Archival Materials: 1935-1945. A Collection of Documents. Moscow: Krutitsy Patriarchal Metochion Publishing House, 2003. 366 p.

13. Central Archives of the FSB of Russia (CA FSB of Russia). F. 2. Op. 4. D. 22.

14. CA FSB of Russia. F. 2. Op. 6. D. 462.

15. CA FSB of Russia. F. 3. Op. 8. D. 745. Vol. 1.

16. CA FSB of Russia. F. 3. Op. 10. D. 387.

17. Bekkin R.I. Narratives on the Origin of the Institution of the Muftiate among Tatars in Soviet Times. Historical Ethnology. 2020. Vol. 5.No. 2. P. 225 – 242.

18. Freeze G. Stalinist's Assault on the Parishes, 1929-1941. Schriften des Historischen Kolleges. Kollo-quien 43. Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschuung. Herausgegeben von Manfred Hildermeier. Oldenburg, 1998. P. 209 – 232.

19. Freeze G. Counter-Reformation in Russian Orthodoxy: Popular Response to Religious Innovation, 1922-1925. Slavic Review. 1995. Vol. 54.No. 2. P. 305 – 339.

20. Freeze G. Confessions in the Soviet Era: Analytical Overview of Historiography. Russian History. 2017. Vol. 44.No. 1. P. 1 – 24.
21. Freeze G. A new source for Russian Religious History: the American Catholic Press, 1917-1924. Modern and Contemporary History. 2019. No. 6. P. 65 – 84.

Информация об авторе

Сипейкин А.В., кандидат исторических наук, Московский финансово-промышленный университет Синергия

© Сипейкин А.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-103-113

Образ США на страницах газеты «Русские ведомости» в годы русско-японской войны (1904-1905 гг.)

[1] Фролов В.В.,
[1] Псковский государственный университет

Аннотация: в статье рассмотрен и проанализирован образ Соединенных Штатов Америки, который формировали на страницах своего издания журналисты российской ежедневной газеты «Русские ведомости» в период русско-японской войны (1904-1905 гг.), когда Российская империя находилась в активном военном противоборстве со своим дальневосточным соседом – Японией, а США выступали одним из ключевых международных посредников в рамках этого военного конфликта, стремясь при этом укрепить свои позиции на Дальнем Востоке и расширить влияние в азиатском регионе. Корреспонденты исследуемого нами издания уделяли пристальное внимание социально-экономическому развитию Соединенных Штатов Америки, их политическим шагам на международной арене. Основная часть информации о США авторами «Русских ведомостей» была размещена в рубриках (разделах) «Иностранные известия», «Телеграфические известия» и «Последние известия». В конце исследования сделан вывод о том, что Соединенные Штаты Америки на страницах газеты «Русские ведомости» предстали молодой амбициозной державой, ставящей во главу угла свои собственные национальные интересы, которые и предопределяли её внешнюю политику. Результаты настоящей работы могут быть использованы при подготовке и написании научных трудов по истории российско-американских отношений, русско-японской войны, российской дореволюционной печати, имагологии.

Ключевые слова: США, русско-японская война (1904-1905), международные отношения, внешняя политика, империализм, информационное противоборство, газета «Русские ведомости»

Для цитирования: *Фролов В.В. Образ США на страницах газеты «Русские ведомости» в годы русско-японской войны (1904-1905 гг.) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 103 – 113. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-103-113*

Поступила в редакцию: 6 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

The image of the USA on the pages of the newspaper «Russian vedomosti» during the Russo-Japanese War (1904-1905)

[1] Frolov V.V.,
[1] Pskov State University

Abstract: this article examines and analyzes the image of the United States of America as crafted by journalists at the Russian daily newspaper «Russkie Vedomosti» during the Russo-Japanese War (1904-1905), when the Russian Empire was engaged in active military confrontation with its Far Eastern neighbor, Japan, and the United States acted as a key international mediator in this military conflict, while seeking to strengthen its position in the Far East and expand its influence in Asia. Correspondents at the publication under study paid close attention to the

socioeconomic development of the United States and its political moves on the international stage. The bulk of the information about the United States was published by «Russkie Vedomosti» authors in the sections «Foreign News», «Telegraphic News» and «Latest News». The study concludes that the United States of America, as portrayed in the newspaper «Russkie Vedomosti», was a young, ambitious power, prioritizing its own national interests, which determined its foreign policy. The results of this study can be used in the preparation and writing of scholarly works on the history of Russian-American relations, the Russo-Japanese War, the Russian pre-revolutionary press, and imagology.

Keywords: the USA, Russo-Japanese War (1904-1905), international relations, foreign policy, imperialism, information warfare, Russkie Vedomosti newspaper

For citation: *Frolov V.V. The image of the USA on the pages of the newspaper «Russian vedomosti» during the Russo-Japanese War (1904-1905). Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 103 – 113. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-103-113*

The article was submitted: April 6, 2026; Approved after reviewing: May 4, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Русско-японская война 1904-1905 гг. стала одним из ключевых событий начала XX века, оказавшим значительное влияние не только на расстановку сил на международной арене, но и на формирование общественного мнения в России. В условиях военного конфликта особое значение приобретала информационная политика, в рамках которой пресса играла роль основного инструмента трансляции взглядов, оценок и интерпретаций происходящих событий. Особое место в этом процессе занимало освещение позиции и роли Соединённых Штатов Америки, выступавших в качестве важного международного игрока и посредника, активно участвовавшего в урегулировании значимых мировых кризисов. Именно поэтому образ США, формировавшийся на страницах российских газет, отражал не только внешнеполитические реалии, но и внутренние общественные настроения, ожидания и опасения российского общества.

Цель представленной работы – рассмотреть и проанализировать на примере Соединенных Штатов Америки образ молодого, набиравшего силу государства, создаваемый журналистами периодического издания «Русские ведомости» в период крупного военного конфликта начала XX столетия – русско-японской войны 1904-1905 гг. Реализация данной цели позволит выделить и осмыслить ряд важных особенностей по использованию средств массовой информации в рамках пропагандистских кампаний и информационных войн.

В рамках настоящего исследования впервые анализируются образные репрезентации Соединенных Штатов Америки в отечественной газете «Русские ведомости» в период русско-японской войны (1904-1905 гг.). При этом в научный оборот вводится существенный объем материалов интересующего нас общественно-политического ежедневного периодического издания за 1904-1905 гг.

Материалы и методы исследований

«Русские ведомости» – общественно-политическая ежедневная газета, активно отстаивавшая либеральные политические взгляды. В данном издании в 1904-1905 гг. содержались следующие основные рубрики (разделы): 1) «Война»; 2) «Внутренние известия»; 3) «Телеграфические известия»; 4) «По телефону»; 5) «Последние известия»; 6) «Московские вести»; 7) «Иностранные известия»; 8) «Торговая хроника»; 9) «Библиографические заметки» и др. Печаталась газета в типографии «Русских ведомостей» в Москве (пер. Чернышевский, 7) [23, с. 1; 41, с. 1]. С октября 1905 г. это периодическое издание фактически стало органом правого крыла конституционно-демократической партии. 15 марта 1918 г. газета была закрыта.

При написании настоящей работы использовались общенаучные и специально-исторические методы исследования.

Историко-генетический метод позволил проанализировать основные тенденции развития Соединенных Штатов Америки, особенности их экономического и политического развития в начале XX века. Историко-сравнительный метод помог сравнить и сопоставить информационные материалы (обзоры, статьи, заметки) различных журналистов «Русских ведомостей» о США, их экономическом и военном потенциале, определить и охарактеризовать взгляды авторов исследуемой нами газеты на образ этой державы, выделить ряд закономерностей в данном процессе.

Важная роль в изучении образа Соединенных Штатов Америки и механизмов его формирования отведена исторической имагологии, предполагающей комплексный анализ конкретно-исторических условий и причин появления образа в общественном, культурном и литературном сознании Российской империи в годы русско-японской войны (1904-1905).

К рассмотрению образа США начала XX века обращались такие отечественные авторы, как Варламова Е.В. [1], Гиевская С.В. [2], Гречишкина С.А. [3], Макурин А.И. [13], Матвеева Е.М. [14; 15], Сергеев Е.Ю. [47], Фролов В.В. [48], Шишков В.В. [49] и др. При этом научных трудов, посвященных непосредственно изучению и анализу образа Соединенных Штатов Америки первого десятилетия прошлого века, создаваемого российской периодической печатью, нами обнаружено не было.

Результаты и обсуждения

Перед тем, как непосредственно обратиться к реализации выше обозначенной цели нашего исследования, необходимо отметить, что накануне русско-японской войны Соединенные Штаты Америки представляли собой быстро развивающуюся индустриальную державу с активной внешней политикой, стремящуюся к доминированию в Западном полушарии и существенному укреплению позиций на Дальнем Востоке. Внутренняя политика тогдашнего американского правительства отличалась сочетанием реформизма и поддержки интересов крупного капитала, а внешняя – прагматизмом и экспансионизмом, что нашло отражение в отношении к конфликту между Россией и Японией.

Корреспонденты «Русских ведомостей» в годы русско-японской войны (1904-1905) на страницах своей газеты уделяли достаточно внимания США. Большая часть сведений о Соединенных Штатах журналистами исследуемого нами периодического издания была размещена в таких рубриках газеты, как «Иностранные известия», «Телеграфические известия» и «Последние известия». Для сравнения, в военном журнале «Летопись войны с Японией» североамериканскому соседу Российской империи внимания уделялось не меньше. В данном издании была опубликована серия статей, посвящённых экономическому, политическому и военному развитию США в начале XX века [4, с. 6; 5, с. 36-37; 6, с. 170; 7, с. 836; 8, с. 863; 9, с. 886; 10, с. 1203-1206; 11, с. 1251; 12, с. 1446].

В рамках рубрики «Телеграфические известия» (№ 29 за 1904 г.) журналисты «Русских ведомостей» уделили целенаправленное внимание планам Президента США Т. Рузвельта и его администрации по запуску уже в ближайшей перспективе работ по строительству Панамского морского канала, который бы позволил соединить Панамский залив Тихого океана с Карибским морем и Атлантическим океаном. Американцы хотели взять под свой контроль этот важный объект (официально в аренду у Республики Панама – авт.), имеющий ключевое значение для мировой экономики судоходства и геополитики. Соединенные Штаты, как отмечали авторы исследуемого нами издания, желали упрочить свое экономическое и политическое присутствие на американских континентах [17, с. 5]. Политическая элита США твердо стремилась придерживаться на международной арене основных принципов доктрины Монро, что в итоге и положило активное начало продвижению агрессивной внешней политики Вашингтона сначала в Западном полушарии, а затем постепенно и в других регионах мира. Кроме этого, авторы рубрики «Телеграфические известия» обратили внимание своих читателей на то, что власти Соединенных Штатов заложили в бюджет государства на 1905 г. дополнительные финансовые средства на строительство «броненосца водоизмещением в 16 тыс. тонн, двух покрытых броней крейсеров по 14 тыс. тонн и трех быстроходных крейсеров по 3,5 тыс. тонн» [17, с. 5]. Таким образом, мы видим, что США поступательно и осознано двигались к тому, чтобы усилить и свой военно-политический вес на международной арене.

В № 42 газеты за 1904 г. журналисты «Русских ведомостей» сообщили о том, что Сенат североамериканского государства ратифицировал соглашение между Соединенными Штатами и Панамой о передаче Вашингтону контроля над зоной Панамского канала. «Данный договор был принят 66 голосами против 14». Соглашение также предусматривало создание временного правительства для управления областью Панамского канала, а также специальных охранных войск, которые смогли бы в полной мере обеспечить безопасность сооружений канала [18, с. 3]. В результате Вашингтон уже к концу февраля 1904 г. официально взял под свой контроль важнейший объект, который в дальнейшем (после завершения строительства канала – авт.) предстояло превратить в один из ключевых инструментов влияния на мировую экономику.

На первой полосе исследуемой нами газеты от 17 февраля 1904 г. («Москва, 17 февраля) корреспонденты «Русских ведомостей» заявили о том, что принятие Сенатом США соглашения о Панамском перешейке является дальнейшим шагом североамериканского государства (авторы данного издания называют здесь данное государство – Американская республика – авт.) по тому пути, на который оно вступило в 1898 г. После окончания испано-американской войны 1898 г. в состав Соединенных Штатов вошли Филиппины,

что дало возможность США занять значимую позицию на Тихом океане. А после вхождения в состав североамериканского государства Сандвичевых [Гавайских] островов для Вашингтона получил большое значение вопрос о развитии торговли с Китаем, и вывозе туда американских товаров [20, с. 1]. Именно поэтому, по мнению журналистов «Русских ведомостей», Т. Рузвельт придавал особое стратегическое значение политике открытых дверей в Китае, то есть фактически открытию маньчжурских рынков для США. Правящие американские политики считали, что Соединенные Штаты должны были прочно и надолго занять господствующее положение на Тихом океане. В свою очередь, усиление позиций Вашингтона в Тихоокеанском регионе предоставило США возможность вмешиваться в дела государств Восточной Азии. Данное обстоятельство, на взгляд авторов исследуемого нами периодического издания, свидетельствовало об отклонении внешней политики Соединенных Штатов от принципов доктрины Монро, «заключавшейся не только в отрицании за европейскими государствами права вмешиваться в дела Нового Света, но и в отказе со стороны США от вмешательства в дела Старого Света» [20, с. 1]. Таким образом, мы отчетливо видим, что уже в начале XX столетия американская политическая элита стремилась к доминированию на международной арене.

Амбициозные Соединенные Штаты в условиях благоприятной для них международной обстановки на Дальнем Востоке активно стремились усилить свое экономическое присутствие в Японии, не сильно опасаясь при этом нарушить нейтралитет в русско-японской войне. Этот тезис в полной мере подтверждало информационное сообщение корреспондентов «Русских ведомостей», размещенное в рубрике «Телеграфические известия» (№ 44 за 1904 г.). В нем сообщалось, что правительство США рассматривало возможность проведения нового океанского кабеля между Японией и островом Гуам и Филиппинами (Гуам и Филиппины в тот исторический период находились в управлении США – авт.) с присоединением его к тихоокеанскому кабелю, мотивируя это свое решение тем, что «облегчение торговых сношений не составляло нарушения нейтралитета и что проектируемый кабель имел целью предотвратить изолирование Японии на случай, если бы Россия перерезала оба существовавших кабеля между Японией и Шанхаем» [19, с. 2]. Правда в конечном счете правительство Соединенных Штатов все-таки приняло отрицательное решение в отношении реализации данной идеи, мотивируя его тем, что кабель является коммерческим инструментом, таким же, как, например, почтовое судно. Но саму эту идею представители крупного американского бизнеса лоббировали на самом высоком политическом уровне и достаточно долго. Вопрос прокладки океанского кабеля между Японией и территориями США в Тихом океане обсуждался в Вашингтоне достаточно основательно и серьезно.

В № 48 газеты за 1904 г. авторы «Русских ведомостей» (рубрика «Телеграфические известия») сделали целенаправленный акцент на митинге, организованном ирландским обществом «Clanagael» в Нью-Йорке. Это был антияпонский и антианглийский митинг, на котором ораторы высказывали порицание президенту Т. Рузвельту за то, что он придерживался пробританской позиции в русско-японском вопросе, и критиковали американскую прессу за недобросовестную кампанию, предпринятую против России. «Собрание выкинуло русский и ирландский флаги» [21, с. 3]. Таким образом, журналисты исследуемого нами издания доносили своим читателям мысль о том, что американское общество не было полностью прояпонским, и часть населения Соединенных Штатов придерживалась пророссийских взглядов.

В рамках рубрики «Иностранные известия» (№ 50 за 1904 г.) корреспонденты «Русских ведомостей» сообщили, что президент Т. Рузвельт выступал против отдельных предложений отправить на Дальний Восток броненосец для замещения линкора «Kentucky», который должен был в марте 1904 г. покинуть китайские воды. Президент США заявил, что нет «никаких причин ожидать вовлечения североамериканского государства в русско-японскую войну, Вашингтон намерен соблюдать самый строгий нейтралитет» [22, с. 4]. Журналисты исследуемой нами газеты были склоны доверять словам Т. Рузвельт, так как, на их взгляд, участие в войне на Дальнем Востоке было просто экономически и стратегически не выгодно Соединенным Штатам.

В № 65 «Русских ведомостей» за 1904 г., в рубрике «Телеграфические известия», авторы интересующего нас издания обратили внимание на тот факт, что американцы пытались строго отстаивать свои экономические интересы в Японии, не желая мириться с возможными финансовыми убытками. В частности, американский посланник в Токио Ллойд Гриском передал в начале марта 1904 г. японскому правительству по поручению государственного департамента США протест против громадных убытков, которые должны были понести американские промышленники вследствие введения в Японии табачной монополии. Японское правительство в ответ на данное обращение изъявило согласие заплатить табачным фабрикантам за весь имевшийся у них в наличии табак. Но Ллойд Гриском посчитал это недостаточным и требовал «выплат промышленникам за потерю выгодных предприятий» [24, с. 2]. По мнению авторов «Русских ведомо-

стей», США были очень настойчивы в своих действиях и имели определенные основания для удовлетворения своих требований со стороны японского правительства, которое в свою очередь на тот момент времени очень сильно не хотело испортить отношения с Вашингтоном.

В рамках рубрики «Иностранные известия» (№ 71 за 1904 г.) журналисты «Русских ведомостей» проинформировали своих читателей о том, что в марте 1904 г. в США был опубликован президентский декрет, предоставлявший государственную пенсию каждому солдату старше 62 лет, участвовавшему в боевых действиях (войне). Этот декрет стал важным шагом в истории социальной политики США. Он не только обеспечил финансовую поддержку ветеранам, но и сформировал общественное признание их заслуг, что в итоге стало основой для дальнейшего развития системы социальной защиты ветеранов в Соединенных Штатах. При этом авторы исследуемой нами газеты оценили принятие декрета о государственной пенсии для солдат старше 62 лет негативно, так как реализация данной инициативы требовала существенного увеличения пенсионного бюджета США, что в свою очередь способствовало новым злоупотреблениям среди чиновников и увеличению дополнительной финансовой нагрузки для государственного казначейства в размере 138 млн. долларов [25, с. 4].

В № 86 издания за 1904 г. его корреспонденты привели некоторые демографические сведения о населении Соединенных Штатов. В частности, сообщалось, что официальная перепись народонаселения США показала, что в этом североамериканском государстве на начало 1904 г., без учета населения территорий Аляски и островов в Тихом океане, проживало 79,9 млн. человек, то есть на 3,9 млн. человек больше, чем было в 1900 г. «В Нью-Йорке находилось 3,7 млн. человек, в Чикаго – 1,87 млн., в Филадельфии – 1,37 млн.» [26, с. 2]. Таким образом, мы видим, что для Соединенных Штатов в начале XX столетия был характерен высокий демографический рост. Это происходило за счёт двух основных факторов: высокой рождаемости и массовой иммиграции.

США стремились установить более тесные контакты с европейскими государствами, в том числе с Францией. В рамках рубрики «Иностранные известия» (№ 100 за 1904 г.) было опубликовано информационное сообщение, содержащее сведения о желании Соединенных Штатов заключить договор об арбитражном урегулировании споров (в тексте самого сообщения (публикации) журналисты «Русских ведомостей» использовали термин «третейский договор» – авт.) с Французской республикой. Государственный секретарь США Джон Хэй и французский дипломат Жан Жюссеран работали над основными положениями франко-американского соглашения (оно будет официально подписано 1 ноября 1904 г. – авт.). Журналисты исследуемого нами издания также отметили, что американское правительство выражало надежду на то, что примеру Франции в дальнейшем смогут последовать и другие европейские государства – выразят готовность заключить двусторонние договоры с США об арбитражном урегулировании споров [27, с. 4].

В № 153 «Русских ведомостей» за 1904 г. представлена информация о рабочих волнениях в округе Криппл-Крик (штат Колорадо) в мае. Местные предприниматели сразу заявили о готовности «выселить из этого округа всех до одного членов “Западной федерации горнорабочих”», организовавших данную стачку, которая в итоге принесла хозяевам предприятий убытка на 20–25 млн. долларов. Лидеры рабочих союзов попытались привлечь внимание президента Т. Рузвельта к своим проблемам и направили к нему делегацию в Белый дом (подробности этой встречи и её результаты в открытых источниках не приводятся – авт.) [28, с. 3]. Авторы рубрики «Иностранные известия» сделали акцент на том, что подобные рабочие волнения являлись не редкостью для США, а правительству приходилось прикладывать достаточно большие усилия, чтобы их разрешать.

В № 188 издания за 1904 г. (рубрика «Иностранные известия») корреспонденты «Русских ведомостей» обратили внимание своих читателей на новые забастовки и протесты американских рабочих. В частности, в июле 1904 г. в США «рабочие занятые в различных предприятиях мясного треста, объявили забастовку, требуя увеличения зарплаты». К данной стачке примкнуло 50 тыс. рабочих. Кроме того, она повлекла за собой вынужденную забастовку еще 10 тыс. человек в виду приостановления сопутствующих работ. Стачка вызвала немедленное подорожание цен на мясную продукцию. Возникло также опасение, что «если данное волнение рабочих продлилось бы еще 10 дней, то население США могло остаться без мясных продуктов». Однако руководство мясного треста и президент синдиката рабочих-мясников смогли договориться по вопросу о повышении заработной платы рабочим мясных предприятий, стачка была завершена [30, с. 3]. Проанализировав содержание рубрики «Иностранные известия», мы видим, что крупные тресты в Соединенных Штатах обладали значительной экономической властью, но при этом сталкивались с растущим давлением рабочих движений, а профсоюзы (синдикаты) набирали силу и организовывали массовые стачки, способные иногда даже оказывать влияние на экономическое состояние государства.

Журналисты «Русских ведомостей» сделали акцент в своих публикациях и на стремлении Соединенных Штатов усилить свои экономические позиции в Османской империи. Для этого правительство США использовало, в том числе и военно-политическое давление на Стамбул. В частности, по данным корреспондентов исследуемой нами газеты (№ 156 за 1904 г., рубрика «Последние известия»), эскадра военных судов США, стоявшая до этого времени в порту Лиссабона, отбыла в июне 1904 г. в Средиземное море. Она должна была быть усилена европейской эскадрой Соединенных Штатов и через несколько недель отправиться к берегам Турции. В это же время официальный представитель Вашингтона вел решительные переговоры с правительством Османской империи с целью «добиться тех же преимуществ, какими пользовались на территории Турции некоторые из европейских держав» [29, с. 3]. Такая политика США была связана со стремлением расширить своё влияние в Средиземноморском регионе, в том числе в сфере торговли (например, через доступ к турецкому опиуму для последующих спекуляций в Китае). Военно-политический нажим был одним из методов достижения этой цели.

Не могут не вызвать интереса основные постулаты о перспективах внешней политики США, продекларированные в июле 1904 г. президентом Т. Рузвельтом после его официального выдвижения от Республиканской партии кандидатом на президентский пост. Авторы рубрики «Иностранные известия» отметили, что Т. Рузвельт выступал за «дальнейшее расширение внешних рынков для США путем заключения новых двусторонних соглашений, но без ущерба американской промышленности». Президент США также заявил о постоянном росте американского могущества на международной арене, укреплении позиций государства в торговом соперничестве на Дальнем Востоке, росте интересов Соединенных Штатов в Тихом океана и Китае [31, с. 3]. Таким образом, мы видим, что амбиции политической элиты США на международной арене только росли, а желание расширить сферы своего влияния в различных регионах мира увеличивалось.

В № 243 «Русских ведомостей» за 1904 г. опубликовали сразу несколько заметок о неожиданном заходе российского транспортного судна «Лена», участвовавшего в русско-японской войне, в порт Сан-Франциско. Данное событие вызвало большое возбуждение в американском обществе, так как США придерживались военного нейтралитета в военном конфликте России и Японии, а появление военного корабля одной из воюющих сторон в порту Соединенных Штатов стало дипломатическим инцидентом [32, с. 2]. Американские власти, соблюдая нейтралитет, разрешили «Лене» остаться только на 24 часа, однако после осмотра судна признали необходимость его капитального ремонта и продлили кораблю срок пребывания [33, с. 2]. Судно было разоружено, а команда дала обязательство не покидать город без разрешения президента США. В течение всего времени пребывания корабля в порту за ним наблюдала американская охрана, чтобы исключить любые контакты с японцами и предотвратить нарушение нейтралитета [37, с. 3]. По мнению авторов исследуемой нами газеты, незапланированный визит «Лены» в американский порт – пример того, как даже в условиях войны и дипломатических ограничений между народами могут складываться добрососедские и уважительные отношения.

Журналисты «Русских ведомостей» не обошли вниманием первое серьезное разногласие между Соединенными Штатами и Республикой Панама, возникшее из-за права собственности на гавани Кристобаля и Анкона, располагавшиеся у конечных пунктов будущего канала через перешеек. Власти Панамы заявили, что эти гавани принадлежат их стране, тогда как США утверждали, что они должны входить в подчиненный их контролю нейтральный пояс [34, с. 3]. Авторы исследуемого нами издания были убеждены в том, что Республика Панама будет принуждена признать точку зрения своего более могущественного партнера, и спор в конечном итоге будет улажен. Чуть позднее, между Соединенными Штатами и Панамой было заключено компромиссное соглашение, касающееся контроля над портами Анкон и Кристобаль, а также условий их использования. Согласно этому соглашению, США сохраняли контроль над этими портами, однако их объектами могли пользоваться любые суда, заходящие в Панаму (столицу республики – авт.) и Колон. Это обеспечивало свободный проход для людей и товаров из зоны канала в Республику Панама, а также предусматривало взаимное снижение тарифов, что способствовало развитию торговли и экономического сотрудничества между этими двумя государствами.

В № 257 газеты за 1904 г. ее корреспонденты сообщили, что президент Т. Рузвельт выступил с инициативой организовать и провести вторую Гаагскую конференцию. Президент Соединенных Штатов был готов подключить к процессу подготовки этой конференции Государственный департамент США. Как отмечали журналисты «Русских ведомостей», Т. Рузвельт не планировал ждать окончания русско-японской войны, а хотел созвать конференцию в начале 1905 г. [35, с. 1]. Таким образом, инициатива по проведению второй Гаагской мирной конференции свидетельствовала о желании США заявить о своих лидерских позициях на международной арене, а также стремлении продемонстрировать свою приверженность мирному урегули-

рованию международных споров и укреплению международного права (в конечном итоге данная мирная конференция пройдет с 2 по 5 октября 1907 г. – авт.).

Авторы рубрики «Иностранные известия» (№ 262 за 1904 г.) сделали в своей публикации целенаправленный акцент на том обстоятельстве, что вице-губернатор Филиппин Люк Эдвард Райт в форме официального донесения сообщил Президенту Т. Рузвельту о ведущейся на архипелаге непрерывной агитации за независимость Филиппин, что свидетельствовало об опасности нового мятежа против американской власти на данных территориях [36, с. 3]. Журналисты «Русских ведомостей» заявляли на страницах своего издания, что подобные сообщения отражали обеспокоенность администрации США нестабильностью и ростом национально-освободительных настроений среди филиппинцев.

В январе 1905 г. на страницах газеты «Русские ведомости» стали появляться публикации, в которых говорилось об особой миссии США в русско-японской войне – роли посредника-миротворца. В частности, в № 5 издания за 1905 г. (рубрика «Война») сообщалось, что в Соединенных Штатах шла усиленная агитация в пользу заключения мира между Россией и Японией. «Из разных штатов президенту Рузвельту присылали петиции о предложениях посредничества между враждующими сторонами» [38, с. 2]. По мнению авторов исследуемой нами газеты, общественное мнение могло оказать серьезное воздействие на президента США и подтолкнуть его к активным действиям по участию в мирном урегулировании военного конфликта на Дальнем Востоке. При этом, как отмечали корреспонденты «Русских ведомостей», Соединенные Штаты «хлопотали не столько во имя бескорыстной идеи мира, сколько о своих собственных интересах». США совсем не желали, чтобы Россия утвердилась в Манчжурии, так как в данном случае «она бы собрала в этом регионе в течение 5 лет миллионное войско». Усиления позиций Японии в Манчжурии Вашингтон также не желал [38, с. 2]. Соединенные Штаты должны были выступить прежде всего в интересах своей собственной торговли, иначе их просто вытеснили бы конкуренты (Россия и Япония относились к их числу – авт.) с китайских рынков.

США продолжали активно укреплять свои позиции в Западном полушарии. Так, журналисты «Русских ведомостей» сделали акцент в рубрике «Телеграфические известия» (№№ 11 и 38 за 1905 г.) на том, что в январе 1905 г. Вашингтон, в рамках доктрины Монро, взял на себя таможенный контроль над Доминиканской Республикой (на страницах исследуемой газеты данная республика именуется Сан-Доминго – авт.) [39, с. 2]. В результате переговоров, проходивших под сильным воздействием Соединенных Штатов, латиноамериканской стране был навязан протокол, по которому Вашингтон получил фактический контроль над всеми финансами Доминиканской Республикой. Управление доминиканскими таможнями также перешло к США (теперь только 45% таможенных сборов передавались доминиканскому правительству, а 55% забирали американцы для выплаты внешних долгов Республики – авт.) [40, с. 4]. Все это позволило Соединенным Штатам на долгие годы не только контролировать экономику, но и влиять на внутренние дела латиноамериканской республики, включая выборы и назначение должностных лиц.

В № 109 газеты за 1905 г. ее корреспонденты снова обратили внимание своих читателей на новые забастовки и социальные волнения рабочих в США. В частности, в данном номере «Русских ведомостей» представлена информация о забастовке кучеров в Чикаго, которую сопровождал ряд кровавых столкновений. «Хозяева не согласились исполнять требования забастовавших кучеров и пригласили на их место посторонних рабочих, почти исключительно негров. Забастовщики решили воспрепятствовать возобновлению работ и стали нападать на улицах на новых кучеров». В связи с тем, что представители обеих сторон были вооружены, по итогам столкновений «было убито несколько человек и много раненых». Как отмечали авторы исследуемого нами издания, общее число пострадавших различными источниками определялось поразному и составляло от 40 до 200 человек [42, с. 4]. Но в целом властям США удалось нормализовать ситуацию в городе и навести затем там порядок.

В № 150 «Русских ведомостей» за 1905 г. опубликовали статью «Высшая женская школа в Америке», в которой сообщили, что в Соединенных Штатах женщины принципиально имели доступ во все университеты. При этом, если идея о совместном обучении женщин и мужчин в центральных и западных штатах североамериканского государства систематически реализовывалась, то восточные штаты в данном вопросе придерживались консервативной позиции. Так, например, Гарвард и Колумбийский университет имели отдельные колледжи для женщин. В США также в этот период процветали независимые высшие школы для женщин. Самыми известными из них были: Бриан Мавр в Пенсильвании, Бассар в штате Нью-Йорк, Велеслей и Смит в Массачусетсе. Автор статьи «Высшая женская школа в Америке» следующим образом охарактеризовал колледжи для женщин в Соединенных Штатах: «Колледж – не пансионат, и не университет, но и не обыкновенная женская гимназия. Это – общеобразовательная школа в самом широком смысле слова; академия наук и изящных искусств с таким рациональным и демократическим устройством, какое

может существовать только в такой республике как Америка» [43, с. 3]. Таким образом, мы видим, что женские колледжи в США стали играть ключевую роль в развитии женского образования, предоставляя женщинам уникальные возможности для получения высшего образования и профессионального роста. Их демократическая и рациональная организация стала отражением американских ценностей и способствовала формированию нового типа образованной женщины, готовой к активной общественной жизни.

Сведения о трудностях в отношениях между Соединенными Штатами и Китаем журналисты исследуемой нами газеты опубликовали в рубрике «Иностранные известия» (№ 192 за 1905 г.). Авторы «Русских ведомостей» указали на то, что Китай организовал бойкот американских товаров в ответ на ограничения китайской иммиграции в США. Спрос на американские бумажные (хлопковые) ткани сначала стал резко снижаться, а затем и вовсе прекратился. В результате среди американских промышленников возникло опасение потерять китайский рынок, потреблявший в прежние годы 250 млн. ярдов американских бумажных тканей. В связи с этим, неудивительно, что в североамериканском государстве достаточно оперативно образовался союз промышленников, поставившей себе целью изменение закона об иммиграции (смягчение его отдельных норм) [44, с. 3]. Экономическая выгода, по мнению корреспондентов «Русских ведомостей», для американцев всегда была в приоритете.

В № 193 газеты за 1905 г. ее журналисты подтвердили, что иммиграция в Соединенные Штаты достигла больших размеров, «больше чем когда-либо прежде». Так, например, только за период с 1 июля 1904 г. по 1 июля 1905 г. в США переселились 1 027 421 человек. Поэтому неудивительно, что в связи с быстрым ростом населения Соединённых Штатов в Конгрессе Соединенных Штатов был поднят вопрос о приобретении датских владений в Вест-Индии для расширения американской территории [45, с. 3]. Авторы «Русских ведомостей» высказали предположение, что США смогут провести успешные переговоры с Данией и договориться с Копенгагеном о передачи им в будущем территории Датской Вест-Индии.

Уже почти накануне завершения русско-японской войны, 18 августа 1905 г., журналисты газеты «Русские ведомости» в рубрике «Иностранные известия» (№ 223 за 1905 г.) рассуждали о перспективах формирования франко-англо-американского союза и преимуществах, которые могло бы принести его создание. Авторы исследуемой газеты выразили уверенность, что в случае создания франко-англо-американского союза ни Германия, ни Япония не смогут развязать новую крупную войну в ближайшей перспективе [46, с. 3]. При этом, как полагали авторы рубрики «Иностранные известия», США должны были стать обязательным участником данного союза, чтобы обеспечить ему экономическую устойчивость и мощь.

Выводы

В заключение следует отметить, что исследование образа Соединённых Штатов Америки на страницах газеты «Русские ведомости» в период русско-японской войны (1904-1905 гг.) позволило сделать ряд следующих важных выводов:

1) американская тематика занимала существенное место в информационном пространстве Российской империи, что отражало как рост международного влияния США, так и интерес российского общества к опыту и политике этого североамериканского государства. «Русские ведомости» последовательно и целенаправленно формировали у читателей образ Соединенных Штатов как быстро развивающейся индустриальной и экспансионистской державы, стремящейся к доминированию не только в Западном полушарии, но и на Дальнем Востоке;

2) материалы «Русских ведомостей» демонстрировали, что образ США был многогранным: наряду с прагматизмом и экономической мощью подчёркивались и внутренние социальные противоречия, а также стремление Вашингтона к посредничеству и миротворчеству в международных конфликтах. Особое внимание уделялось вопросам нейтралитета, экономической конкуренции и дипломатическим инициативам США, что позволяло российской аудитории видеть в североамериканском государстве не только соперника, но и потенциального партнёра;

3) российская либеральная пресса использовала образ США для обсуждения актуальных вопросов модернизации, социальной политики и международных отношений, а также для формирования общественного мнения по ключевым вопросам войны и мира. Таким образом, газета «Русские ведомости» стала важным каналом трансляции и осмысления американского опыта в условиях глобальных перемен начала XX столетия.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00480, https://rscf.ru/project/25-18-00480/

Список источников

1. Варламова Е.В. Образ Америки в литературе США первой половины XX века: Ш. Андерсон, Д. Дос. Пассос, Т. Уайлдер: дис. ... канд. филолог. наук. Казань, 2010. 188 с.
2. Гиевская С.В. Национальная политика США в условиях трансформации либеральной идеологии на рубеже XIX-XX вв. // Вестник ВГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1. С. 112 – 116.
3. Гречишкина С.А. Экономика и миграционные процессы в США конца XIX – начала XX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 3. С. 45 – 53.
4. Летопись войны с Японией. 1904. № 1.
5. Летопись войны с Японией.1904. № 2.
6. Летопись войны с Японией.1904. № 9.
7. Летопись войны с Японией.1905. № 44.
8. Летопись войны с Японией.1905. № 45.
9. Летопись войны с Японией.1905. № 46.
10. Летопись войны с Японией.1905. № 61.
11. Летопись войны с Японией.1905. № 63.
12. Летопись войны с Японией.1905. № 74.
13. Макурин А.И. США и Россия: формирование взаимных представлений в начале XX века: проблемы социального и экономического развития. 1904-1909 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 315 с.
14. Матвеева Е.М. Американский характер глазами русских в начале XX века // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2012. № 2. С. 64 – 75.
15. Матвеева Е.М. Периодическая печать США в восприятии русских обозревателей на рубеже XIX–XX веков (по материалам дореволюционной периодики) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 48 – 51.
16. Русские ведомости. 1904. № 28, 28 января.
17. Русские ведомости. 1904. № 29, 29 января.
18. Русские ведомости. 1904. № 42, 12 февраля.
19. Русские ведомости. 1904. № 44, 14 февраля.
20. Русские ведомости. 1904. № 47, 17 февраля.
21. Русские ведомости. 1904. № 48, 18 февраля.
22. Русские ведомости. 1904. № 50, 20 февраля.
23. Русские ведомости. 1904. № 64, 5 марта.
24. Русские ведомости. 1904. № 65, 6 марта.
25. Русские ведомости. 1904. № 71, 12 марта.
26. Русские ведомости. 1904. № 86, 27 марта.
27. Русские ведомости. 1904. № 100, 11 апреля.
28. Русские ведомости. 1904. № 153, 3 июня.
29. Русские ведомости. 1904. № 156, 6 июня.
30. Русские ведомости. 1904. № 188, 8 июля.
31. Русские ведомости. 1904. № 199, 19 июля.
32. Русские ведомости. 1904. № 243, 1 сентября.
33. Русские ведомости. 1904. № 250, 8 сентября.
34. Русские ведомости. 1904. № 251, 9 сентября.
35. Русские ведомости. 1904. № 257, 15 сентября.
36. Русские ведомости. 1904. № 262, 20 сентября.
37. Русские ведомости. 1904. № 270, 28 сентября.
38. Русские ведомости. 1905. № 5, 5 января.
39. Русские ведомости. 1905. № 11, 11 января.
40. Русские ведомости. 1905. № 38, 9 февраля.
41. Русские ведомости. 1905. № 45, 16 февраля.
42. Русские ведомости. 1905. № 109, 24 апреля.

43. Русские ведомости. 1905. № 150, 6 июня.
44. Русские ведомости. 1905. № 192, 18 июля.
45. Русские ведомости. 1905. № 193, 19 июля.
46. Русские ведомости. 1905. № 223, 18 августа.
47. Сергеев Е.Ю. Образ США в представлениях россиян (начало XX века) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 235 – 245.
48. Фролов В.В. Образ США в интерпретации журналистов военного периодического издания «Летопись войны с Японией» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 3. С. 421 – 427.
49. Шишков В.В. Становление и развитие гегемонии США: имперское доминирование и глобализация в XX в. // Век глобализации. 2014. № 1. С. 133 – 146.

References

1. Varlamova E.V. The Image of America in US Literature of the First Half of the Twentieth Century: S. Anderson, D. Dos. Passos, T. Wilder: Diss. ... Cand. Philological Sciences. Kazan, 2010. 188 p.
2. Gievskaya S.V. US National Policy in the Context of the Transformation of Liberal Ideology at the Turn of the 19th and 20th Centuries. VSU Bulletin, Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2008. No. 1. P. 112 – 116.
3. Grechishkina S.A. Economy and Migration Processes in the USA in the Late 19th – Early 20th Centuries. News of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences. 2022. No. 3. P. 45 – 53.
4. Chronicle of the War with Japan. 1904. No. 1.
5. Chronicle of the War with Japan. 1904. No. 2.
6. Chronicle of the War with Japan. 1904. No. 9.
7. Chronicle of the War with Japan. 1905. No. 44.
8. Chronicle of the War with Japan. 1905. No. 45.
9. Chronicle of the War with Japan. 1905. No. 46.
10. Chronicle of the War with Japan. 1905. No. 61.
11. Chronicle of the War with Japan. 1905. No. 63.
12. Chronicle of the War with Japan. 1905. No. 74.
13. Makurin A.I. The USA and Russia: Formation of Mutual Perceptions at the Beginning of the 20th Century: Problems of Social and Economic Development. 1904-1909: Cand. Sci. (Hist.) Diss. St. Petersburg, 2001, 315 p.
14. Matveeva E.M. The American Character as Seen by Russians at the Beginning of the 20th Century. Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin. 2012. No. 2. P. 64 – 75.
15. Matveeva E.M. The US Periodical Press as Perceived by Russian Observers at the Turn of the 19th and 20th Centuries (Based on Pre-Revolutionary Periodicals). Scientific Notes of the Oryol State University. Series: Humanitarian and Social Sciences. 2014, No. 5. P. 48 – 51.
16. Russkie Vedomosti. 1904. No. 28, January 28.
17. Russkie Vedomosti. 1904. No. 29, January 29.
18. Russkie Vedomosti. 1904. No. 42, February 12.
19. Russkie Vedomosti. 1904. No. 44, February 14.
20. Russkie Vedomosti. 1904. No. 47, February 17.
21. Russkie Vedomosti. 1904. No. 48, February 18.
22. Russkie Vedomosti. 1904. No. 50, February 20.
23. Russkie Vedomosti. 1904. No. 64, March 5.
24. Russkie Vedomosti. 1904. No. 65, March 6.
25. Russkie Vedomosti. 1904. No. 71, March 12.
26. Russkie Vedomosti. 1904. No. 86, March 27.
27. Russkie Vedomosti. 1904. No. 100, April 11.
28. Russkie Vedomosti. 1904. No. 153, June 3.
29. Russkie Vedomosti. 1904. No. 156, June 6.
30. Russkie Vedomosti. 1904. No. 188, July 8.
31. Russkie Vedomosti. 1904. No. 199, July 19.
32. Russkie Vedomosti. 1904. No. 243, September 1.
33. Russkie Vedomosti. 1904. No. 250, September 8.
34. Russkie Vedomosti. 1904. No. 251, September 9.

35. Russkie Vedomosti. 1904. No. 257, September 15.
36. Russkie Vedomosti. 1904. No. 262, September 20.
37. Russkie Vedomosti. 1904. No. 270, September 28.
38. Russkie Vedomosti. 1905. No. 5, January 5.
39. Russkie Vedomosti. 1905. No. 11, January 11.
40. Russkie Vedomosti. 1905. No. 38, February 9.
41. Russkie Vedomosti. 1905. No. 45, February 16.
42. Russkie Vedomosti. 1905. No. 109, April 24.
43. Russkie Vedomosti. 1905. No. 150, June 6.
44. Russkie Vedomosti. 1905. No. 192, July 18.
45. Russkie Vedomosti. 1905. No. 193, July 19.
46. Russkie Vedomosti. 1905. No. 223, August 18.
47. Sergeev E.Yu. The Image of the United States in the Perceptions of Russians (Early 20th Century). Russia and the World Through Each Other's Eyes: From the History of Mutual Perception. Issue 1. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 2000. P. 235 – 245.
48. Frolov V.V. The Image of the United States as Interpreted by Journalists of the Military Periodical "Chronicle of the War with Japan". Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities. 2019. No. 3. P. 421 – 427.
49. Shishkov V.V. The Formation and Development of US Hegemony: Imperial Domination and Globalization in the 20th Century. Century of Globalization. 2014. No. 1. P. 133 – 146.

Информация об авторе

Фролов В.В., кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Молодежной научно-исследовательской лаборатории кроссрегиональных и трансграничных исследований, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4182-3703, Псковский государственный университет, 180000, г. Псков, пл. Ленина, д. 2, frolov1406@mail.ru

© Фролов В.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
УДК 93/94
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-114-120

Переводы и комментарии «Лунь юй» в ИКСА РАН в постсоветский период

[1] Чан Ваньцзюнь,
[1] Хэйлунцзянский университет науки и технологий, Китай

Аннотация: книга «Лунь юй» является основополагающим корпусом текстов конфуцианства и имеет важнейшее значение для китайской культуры в целом. Ее влияние велико не только в Китае, но и во всем мире. Первые переводы «Лунь юя» на русский язык появились в XVIII веке. С этого момента и до настоящего времени русские исследователи изучают конфуцианство в целом и «Лунь юй» в частности. Интерес к исследованию конфуцианства стал особенно актуальным после распада СССР, когда возникла необходимость в обосновании новой идеологической основы существования общества и государства. Предметом исследования являются переводы и исследования «Лунь юй», выполненные в постсоветский период сотрудниками Института Дальнего Востока (ныне Институт Китая и современной Азии). Новизна исследования заключается в том, что в работе сопоставлены различные переводческие стратегии и подходы исследователей, выполнявших перевод «Лунь юя»: Л.С. Переломова, В.В. Малявина, А.Е. Лукьянова, В.В. Бакшеева. Сделан вывод о том, что переводчики использовали комбинированный подход – дословный и вольный перевод, а также адаптивную стратегию. Основные переводческие приёмы – использование дословного, вольного, добавочного перевода, вспомогательных элементов. Также вместе с переводами «Лунь юя» авторы представили исторические обзоры эпохи Конфуция, результаты собственных исследований, комментарии, раскрывающие смысл трудных для понимания конфуцианских категорий.

Ключевые слова: Конфуций, конфуцианство, «Лунь юй», Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, постсоветский период, перевод, комментарии, подход, интерпретация, семантика

Для цитирования: *Чан Ваньцзюнь Переводы и комментарии «Лунь юй» в ИКСА РАН в постсоветский период // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 114 – 120. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-114-120*

Поступила в редакцию: 6 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

Translations and commentaries of "Lun Yu" at the IKS RAS in the post-Soviet period

[1] *Chang Wanjun,*
[1] *Heilongjiang University of Science and Technology*

Abstract: the book "Lun Yu" is a fundamental body of texts of Confucianism and is of crucial importance for Chinese culture as a whole. Her influence is great not only in China, but all over the world. The first translations of "Lun Yu" into Russian appeared in the 18th century. From that moment to the present, Russian researchers have been studying Confucianism in general and "Lun Yu" in particular. Interest in the study of Confucianism became especially relevant after the collapse of the USSR, when it became necessary to substantiate a new ideological basis for the existence of society and the state. The subject of the research is the translations and studies of "Lun Yu" performed in the post-Soviet period by the staff of the Institute of the Far East (now the Institute of China and Modern Asia). The novelty of the research lies in the fact that the work compares various translation strategies and approaches of researchers who performed the translation of "Lun Yu": L.S. Perelomova, V.V. Malyavina, A.E. Lukyanova, V.V. Baksheeva. It is concluded that the translators used a combined approach – literal and free translation, as well as an adaptive strategy. The main translation techniques are the use of literal, free, additional translation, and auxiliary elements. Also, along with the translations of "Lun Yu", the authors presented historical reviews of the era of Confucius, the results of their own research, and comments revealing the meaning of difficult-to-understand Confucian categories.

Keywords: confucius, Confucianism, "Lun Yu", Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences, post-Soviet period, translation, commentary, approach, interpretation, semantics

For citation: *Chang Wanjun Translations and commentaries of "Lun Yu" at the IKS RAS in the post-Soviet period. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 114 – 120. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-114-120*

The article was submitted: April 6, 2026; Approved after reviewing: May 4, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Внимание к исследованию конфуцианских текстов в России стабильно сохраняется, начиная с XVIII века. В период после распада СССР изучение конфуцианских текстов стало особенно актуальным, поскольку после падения советского режима в стране возникла потребность в политических и философских идеях, в мировоззрении, на основе которого можно было бы построить эффективно работающее демократическое общество. В постсоветской России изучением наследия Конфуция занимается ряд научных организаций, среди которых важное место занимает ныне занимающий название Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН)), ранее данное учебное заведение имело название институт Дальнего Востока Российской Академии наук. Данное образовательное учреждение является главным в области научно-исследовательской деятельности Российской академии наук, а именно в специализации изучения Китая и стран АСЕАН, проблем международно-политического и экономического характера в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В структуру ИКСА РАН входят ряд научно-исследовательских центров, сотрудники которых проводят социально-экономические и политические исследования Китая, а также изучают китайско-российские отношения, китайскую историю, философию, культуру. Перевод и изучение наследия Конфуция являются важным направление работы института, поскольку конфуцианство сыграло ключевую роль в формировании китайской государственности на протяжении многих веков. Конфуцианское учение можно без преувеличения назвать основой политической, социальной и культурной системы страны. Сотрудники ИКСА РАН занимаются переводом и исследованием главных текстов конфуцианства, объединенных в два основных свода: «Четверокнижие» («Сы шу») и «Пятикнижие» («У цзин»).

Самой значимой книгой конфуцианства традиционно считается первая книга «Четверокнижия», а именно – сборник канонических текстов «Лунь юй». Эта книга неоднократно переводилась на русский язык. Первым переводчиком «Лунь юя» был один из основателей русской синологии Н.Я. Бичурин, известный как отец Иакинф (1777-1853) [11, с. 149].

В нашем исследовании мы ограничимся только теми переводами, которые были сделаны в постсоветский период сотрудниками ИКСА РАН. Это Л.С. Переломов, А.Е. Лукьянов, В.В. Малявин и В.В. Башкеев.

В «Лунь юе» содержатся рассуждения, диалоги и описания действий Конфуция и его учеников. Этот памятник китайской культуры повлиял не только на китайскую, но и на мировую культуру. «Лунь юй» описывает сложную идеологическую и логическую структуру учения Конфуция. Также книга декларирует основные ценности конфуцианства: гармония человеческой личности, семьи, природы и общества как основа для построения идеального общества и вселенского порядка [12, с. 398].

Целью данного исследования является обзор переводов и комментариев текстов из книги «Лунь юй» сотрудниками Института Дальнего Востока (ИКСА РАН) в постсоветский период.

Материалы и методы исследований

Материалы исследования – переводы и комментарии сотрудников ИКСА РАН после распада СССР относительно книги «Лунь Юй», а также научные труды и исследования, связанные со спецификой ее перевода на русский язык.

Методы исследования – анализ идейно-содержательных и образно-стилистических особенностей русскоязычных переводов «Лунь юй»; анализ публикаций по теме исследования.

Результаты и обсуждения

Книга «Лунь юй» (называемая также «Беседы и суждения», «Аналекты», «Изречения»), в свою очередь, является общепризнанной главной книгой в корпусе конфуцианских текстов. Текст книги как единое целое сформировался во II в. до н.э. Важную роль в обработке и сохранении памятника сыграл Чжу Си – философ, ученый-энциклопедист, писатель и педагог, который исследовал канонические конфуцианских канонические произведения в XII веке, в период правления династии Южная Сун. Деятельность Чжу Си имела огромное значение для китайской культуры, за что его назвали Великим комментатором. Чжу Си осуществил обработку и редактирование конфуцианских текстов, благодаря чему конфуцианство приобрело универсальную и систематизированную форму и звание официальной идеологии. Данное учение получило массовое распространение не только в Китае, но и в соседних странах, таких как Япония, Корея и другие. Именно текст «Лунь юя», обработанный и имеющий множество комментариев Чжу Си, дошел до настоящего времени. В структуру книги входят 20 глав. Далее в табл. 1 представлены названия глав: иероглиф, обозначающий название главы на китайском языке, транслитерированное название и перевод на русский язык с кратким комментарием.

Таблица 1

Структура книги «Лунь юй».

Table 1

Structure of the book "Analects".

№ главы	Название главы на кит. яз. (транслитерированное название)	Перевод названия главы на рус. яз.
I	“学而” («Сюэ Эр»)	«Учиться и…» (многие переводчики называют эту главу ключевой для понимания учения, квинтэссенцией конфуцианства)
II	“为政” («Вэй Чжэн»)	«Осуществлять правление…»
III	“八佾” («Баи»)	«Восемь рядов…»
IV	“里仁” («Ли Жэнь»)	«Община и человеколюбие…»
V	“公冶长” («Гунъе Чан»)	«Гунъе Чан…» (имя собственное, ученик Конфуция, побывавший в тюрьме)
VI	“雍也” («Юн Е»)	«Что касается Юна…»
VII	“述而” («Шу Эр»)	«Я передаю…»
VIII	“泰伯” («Таи Бо»)	«Тай Бо…» (имя собственное, старший сын Гугуна)
IX	“子罕” («Цзы Хань»)	«Учитель…»
X	“乡党” («Кун цзы»)	«В родном…»
XI	“先进” («Сянь Цзинь»)	«Сначала изучали…»
XII	“颜渊” («Янь Юань»)	«Янь Юань…» (имя собственное, ученик Конфуция)
XIII	“ 子路” («Цзы Лу»)	«Цзы Лу…» (имя собственное, ученик Конфуция)
XIV	“宪问” («Сянь Вэнь»)	«Сянь…»

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

XV	“卫灵公” («Вэй Лин-Гун»)	«Вэйский Лин-гун…»
XVI	“李氏 ” («Цзи Ши»)	«Цзи Ши…» (имя собственное, представитель аристократического рода Цзи)
XVII	“陽貨” («Ян Хо»)	«Ян Хо…» (имя собственное, управляющий делами аристократической патронимии Цзи в царстве Лу)
XVIII	“微子” («Вэй-цзы»)	«Вэй-цзы…» (имя собственное, предок Учителя, аристократ и полководец)
XIX	“子張” («Цзы Чжан...»)	«Цзы Чжан…» (имя собственное, ученик Конфуция, учился ради жалованья)
XX	“堯曰” («Яо Юэ»)	«Яо сказал…»

** Перевод глав книги дан в соответствии с переводом Л.С. Переломова [7].*
** The translation of the book chapters is given in accordance with the translation by L.S. Perelomov [7].*

Всего книга «Лунь юй» содержит примерно 16 000 иероглифов [10, с. 66].

«Лунь юй» является одним из главных китайских трактатов и текстов в религиозно-философской тематике, благодаря которому формировались и развивались такие науки, как философия, политика и другие гуманитарные знания Китая. Книга содержит наполненные множеством метафорических выражений диалоги, которые ведутся между Конфуцием и его учениками [3, с. 2052].

Данный текст имеет некоторые специфические особенности, а именно: многоплановость, многоаспектность, отсутствие четких логических связей. Это влечет за собой проблемы в виде разного понимания и трактования книги читателями, а также в виде трудностей перевода. Трактат Конфуция при переводе на русский язык создает необходимость в более детальных и подробных культурологических пояснениях, вплоть до полного изменения предложений, фраз и выражений.

Перевод – является сложным процессом и всегда требует учета целей, методов, экстралингвистических факторов и стратегий. Российские синологи, включая работников ИКСА РАН, являлись участниками и авторами многих научных трудов и публикаций, связанных с рассмотрением и описанием различных аспектов и трудностей перевода. Но ими реже затрагивались проблемы эквивалентности перевода и сохранения смысла текстов, что говорит о необходимости дальнейших исследований в этой области, а также систематизации и разработке более детальных критериев и техник перевода [4, с. 33].

Сложность перевода «Лунь юй» состоит также в том, что это не только исторический и религиозно-этический, но и философский текст. Переводчику необходимо не только передать смысл оригинального текста, он должен сначала глубоко воспринять чуждые для него культурные и духовные ценности, а затем изложить их таким образом, чтобы инокультурные читатели тоже поняли и почувствовали их ценность. Таким образом, переводчик сначала воспринимает информацию, затем транслирует ее, стараясь соблюсти гармонию между изначальным смыслом и пониманием читателя [6, с. 14].

Крупнейший российский китаевед и конфуциевед, ученый, получивший мировую известность, Л.С. Переломов опубликовал свой перевод «Лунь юя» в 1998 году.

По мнению китайских исследователей «Лунь юя», первая фраза текста представляет собой ключ к пониманию всей книги [9, с. 9]. Одно из основополагающих суждений Учителя, открывающее главу «Сюэ Эр» – следующее:

子曰：學而時習之，不亦說乎？有朋自遠方來，不亦樂乎？人不知而不慍，不亦君子乎？

Л.С. Переломов перевел ее следующим образом:

«Учитель сказал:

– Учиться и своевременно претворять в жизнь – разве не в этом радость? Вот друг пришел издалека – разве это не удовольствие? Люди его не знают, а он не хмурился, – это ли не благородный муж?» [7, с. 301].

В структуре издания приводится сначала перевод строфы, а затем развернутый комментарий переводчика по поводу его содержания. Как отмечает сам Л.С. Переломов, зачин «Лунь юя» содержит его главнейшую мысль, доминанту учения: «радость» достигается на пути учения. Каждый имеет возможность достичь блаженного состояния, однако, сама по себе радость не возникает – она зависит от человека. Если у него появится желание и он свои силы, физические и духовные, направит на обретение радости и счастья, то он этого добьется. Переломов Л.С. отметил: «переводчики «Лунь юй» единодушны в понимании достижения

«радости» в два этапа. Большинство исследователей, прежде всего западных, полагают, что после «учебы» 学 *сюэ* наступает второй этап – «повторение выученного» 习 *си*» [7, с. 302].

Л.С. Переломов в предисловии к своему переводу «Лунь юй» указывает, что в своей работе опирался на исследования следующих китайских и тайваньских текстологов: Цуй Дунби и конфуциеведов XX в. (Цянь Му, Ян Шуда, Ян Бо-цзюня, Чэнь Шудэ, Мао Цзышуя, Ван Сиюаня, Се Бинъина, Цю Сею, Лай Яньюаня, Лю Чжэнхао, Чэнь Маньмина, Нань Хуайцзиня, Яо Учуаня, Ху Кая и др.). [Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй, с. 303]. Некоторые суждения Конфуция были весьма сложными для понимания, и для их осмысления Л.С. Переломов лично встречался и беседовал с китайскими коллегами, а также подчеркивал значение комментария Чжу Си для восприятия и понимания «Лунь юя». Переломов предпочитал стратегию буквального, дословного подхода к тексту первоисточника.

Однако в статье Ч. Чженъу содержится критика перевода Переломова: автор считает, что важные конфуцианские понятия при русскоязычном переводе «теряются» и меняют смысловое содержание. Для передачи ключевых понятий идеологии Конфуция, таких как «Цзюньцзы» (君子) – «благородные», которые отличаются многозначностью и глубоким культурным содержанием, уместно применять транслитерацию [13, с. 109].

Первая фраза «Лунь юя» при переводе В.В. Малявина звучит так:

«Учиться и, когда придет время, прикладывать усвоенное к делу – разве это не прекрасно!» [Конфуций (около 551-479 до н.э.), с. 22]. Переводчик указывает, что первое слово Учителя Куна в «Беседах» неслучайно посвящено учению. Однако надо обращать особое внимание на то, что «учение» в конфуцианстве – это не просто процесс накопления знаний и умений, а прежде всего раскрытие в человеке нравственного начала. Сам Конфуций говорил, что все его наставления «пронизаны одной нитью», постичь смысл которой невозможно, просто прочитав его тексты: для этого необходимо восхождение к нравственному совершенству. «Учение – это «наследование древним правителям»», – так описывал свое отношение к учению комментатор Чжу Си. Такое следование не сводится к «подражанию»; для этого необходимо понимание органической целостности существования [13, с. 56].

Особенностью перевода В.В. Малявина на русский язык является философский, эстетический и социальный контекст, с позиций которого автор рассматривает конфуцианство. Перевод Малявина представляет собой попытку репрезентации на русском языке глубинной философской основы наследия великого китайского Учителя [9, с. 63].

Перевод «Лунь юя» А.Е. Лукьянова был опубликован в 2000 году. Далее представлен перевод зачина «Лунь юя» в трактовке А.Е. Лукьянова.

«Учитель сказал: – Изучать и вовремя применять на практике, разве это не приятно! Встретить друга, прибывшего из далёкой стороны, разве это не радостно! Быть неизвестным людям, но не испытывать обиды, разве это не качество благородного мужа!» [5].

Подробные комментарии также имеются и в переводе А.Е. Лукьянова. Они позволяют читателю не только понимать общий смысл текста, но и понимать его красоту и метафоричность. В его переводе наборная форма поэзии является способом достижения формальной симметрии текста, а вольный метод – способом выделения структурных особенностей языка Древнего Китая. Данный метод базируется на реалистичном предположении о росте количества переводов, массовом распространении культуры и удовлетворении эстетических запросов читателей [15, с. 435].

В своем переводе А.Е. Лукьянов стремился к максимально достоверной передаче философского содержания текста, соблюдал приоритет точности по отношению к эстетическим особенностям, а также опирался на академические исследования китайских ученых [14, с. 306]. Сам текст «Бесед» сопровождается комментариями, чтобы недостаточно подготовленные читатели могли ориентироваться в его содержании.

Перевод В.В. Башкеева – один из самых свежих переводов «Лунь юй», последнее издание вышло в 2023 году. Характерной особенностью перевода является представление текста одновременно и на русском языке, и на языке оригинала: сначала приводится строфа на китайском языке, затем перевод на русский язык. В.В. Бакшеев следующим образом перевел начало первой главы «Сюэ эр»:

«Учитель сказал:

– Учиться и время от времени повторять изученное, разве это не приятно? Встретить друга, прибывшего издалека, разве это не радостно? Человек остается в неизвестности и не испытывает обиды, разве это не благородный муж?» [1, с. 309].

В издании перевода В.В. Башкеева представлена история жизни Конфуция. Исторический экскурс с описанием социальных условий того периода в китайской истории, когда жил Конфуций, помогает читате-

лям лучше представить личность Учителя. В послесловии переводчик предпринимает попытку раскрытия ключевых категорий «Лунь юя», а именно – представляет собственную трактовку идеи «жэнь» («гуманность»). «Любовь к людям» – вот что обозначает термин «Лунь юе». И это отнюдь не просто так: когда Фань Цзи, один из последователей Конфуция, спросил своего учителя о смысле жизни, он ответил: «Это любовь к человеку» (XII,22) [1, с. 322].

В целом перевод В.В. Башкеева более гибкий, переводчик стремится к гармоничной адаптации «Лунь юя» к русской культуре и русской языковой специфике. Для этого он применяет сочетание дословного и вольного перевода, а также использует прием добавления, когда в текст добавляется уточняющее слово для более полного раскрытия смысла первоисточника.

Выводы

Значимость конфуцианского учения в России оценивается весьма высоко, и переводы конфуцианских текстов регулярно выходят на русском языке с XVIII века и по сегодняшний день. Книга «Лунь юй» («Суждения и беседы Конфуция») – ключевой текст и трактат традиций конфуцианства, на котором основывается культура и самобытность Китая. В постсоветский период сотрудники ИКСА РАН сделали несколько переводов «Лунь юя» с развернутыми комментариями, предоставляющими читателю толкование текстов, достаточно сложных для понимания. В данной работе рассмотрены переводы «Лунь юя», выполненные Л.С. Переломовым, В.В. Малявиным, А.Е. Лукьяновым, В.В. Бакшеевым. Исследователи проделали серьезную работу не только с самим первоисточником, но и со значительным массивом исследований китайских, русскоязычных и западных авторов.

В работе над текстом «Лунь юй» исследователи использовали комбинированный подход, включающий в себя дословный и вольный перевод, а также транслитерацию, добавления, адаптивный перевод. Все это позволило в достаточной степени достоверно передать оригинальный текст главной конфуцианской книги, ее этическое содержание, философский смысл, художественно-эстетические особенности, метафорику. Автор самого актуального перевода, сделанного в 2020-е годы – В.В. Башкеев. Данный переводчик склонен к более свободной, адаптивной трактовке текстов канонического первоисточника. Перевод В.В. Малявина ориентирован на философский смысл книги «Лунь юй». В переводах, сделанных Л.С. Переломовым и А.Е. Лукьяновым, преобладает буквальный, дословный подход с подробными комментариями, позволяющими широкому кругу читателей понять смысл текста, приобщиться к ценностям китайской философии.

Список источников

1. Конфуций (ок. 551-479 до н.э.). Лунь Юй. Суждения и беседы: = Суждения и беседы, 論語 новый современный перевод: перевод с кит. В.В. Башкеева. М.: АСТ, 2023. 423 с.

2. Конфуций (около 551-479 до н.э.). «Беседы и суждения / Конфуций; перевод с китайского языка В.В. Малявина и И.Н. Канаева; составление и предисловие В.В. Малявина. М.: АСТ, Времена, 2022. 253 с.

3. Лян Ч. Метафоры древнекитайского философского текста Конфуция «Лунь юй» и особенности их перевода на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 6. С. 2051 – 2055.

4. Лян Ч. Лингвокультурологический анализ китайского трактата Конфуция" Лунь юй" и его переводов на русский язык: дис. … канд. филол. наук, РУДН. М., 2022. 175 с.

5. Лукьянов А.Е. Конфуций. Лунь юй. М.: Восточная литература РАН, 2000. 384 с. URL: https://search.rsl.ru/ru/search#q=ЛукьяновА.Е.Конфуций.Луньюй (дата обращения: 07.02.2026)

6. Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М.: Наука: Изд. фирма «Вост. лит.», 1993. 439 с.

7. Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй. М.: Восточная литература, 1998. 592 с.

8. Тянь Ю. Когнитивные аспекты перевода и русские переводы "Бесед и суждений" Конфуция ("Лунь юй") // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 4 (40). С. 48 – 56.

9. Тянь Ю. Особенности переводов «Бесед и суждений» («Лунь юй») на русский язык // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11. № 4. С. 62 – 67.

10. Цветков Д.В. Особенности первого перевода конфуцианского текста «Лунь юй» на русский язык // Библиосфера. 2019. № 2. С. 65 – 69.

11. Цзяньли В., Сидорова М.Ю. Русские переводы первого суждения «Лунь юй» Конфуция: постоянно упражняться или время от времени повторять? //Вестник Удмуртского университета. Серия: «История и филология». 2014. № 4. С. 148 – 155.

12. Чжэн Ч. Анализ переводческого эффекта китайско-русской программы машинного онлайн-перевода «Лунь Юй» с точки зрения гипотезы Сапира-Уорфа //Современное педагогическое образование. 2024. № 9. С. 395 – 399.

13. Чжэньу Ч. Краткий анализ семантической культурной интерпретации русского перевода «Лунь-юй»(«Беседы и изречения») //Вестник культуры и искусств. 2024. № 1 (77). С. 108 – 115.

14. Юйвэй Т. Стратегия распространения «Лунь юй» в политическом дискурсе на русском языке //Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5 (102). С. 304 – 307.

15. Юйхань Л., Минхуэй Л. Межкультурная интерпретация классики: перевод и распространение «Лунь юй» в России //Мир науки, культуры, образования. 2022. № 2 (93). С. 434 – 436.

References

1. Confucius (c. 551-479 BC). Analects. Judgments and Conversations: = Judgments and Conversations, 論語 new modern translation: translation from Chinese by V.V. Bashkeeva. Moscow: AST, 2023. 423 p.

2. Confucius (c. 551-479 BC). "Conversations and Judgments. Confucius; translation from Chinese by V.V. Malyavin and I.N. Kanaev; compilation and preface by V.V. Malyavin. Moscow: AST, Vremya, 2022. 253 p.

3. Liang Ch. Metaphors of the ancient Chinese philosophical text of Confucius "Analects" and features of their translation into Russian. Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2022. Vol. 15. No. 6. P. 2051 – 2055.

4. Liang Ch. Lingvocultural analysis of the Chinese treatise by Confucius "Lunyu" and its translations into Russian: dis. … Cand. of Philological Sciences, RUDN University. Moscow, 2022. 175 p.

5. Lukyanov A.E. Confucius. Lunyu. Moscow: Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences, 2000. 384 p. URL: https://search.rsl.ru/ru/search#q=ЛукяновА.Е.Конфуци.Луню (date of access: 07.02.2026)

6. Perelomov L.S. Confucius: life, teaching, fate. Moscow: Science: Publishing firm "Vost. lit.", 1993. 439 p.

7. Perelomov L.S. Confucius. Analects. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1998. 592 p.

8. Tian Yu. Cognitive Aspects of Translation and Russian Translations of Confucius's "Conversations and Judgments" ("Analects"). Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Philology. Theory of Language. Language Education. 2020. No. 4 (40). P. 48 – 56.

9. Tian Yu. Features of Translations of "Conversations and Judgments" ("Analects") into Russian. Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. 2019. Vol. 11. No. 4. P. 62 – 67.

10. Tsvetkov D.V. Features of the First Translation of the Confucian Text "Analects" into Russian. Bibliosfera. 2019. No. 2. P. 65 – 69.

11. Jianli V., Sidorova M.Yu. Russian Translations of the First Judgment of Confucius's Analects: Constant Practice or Occasional Review? Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology. 2014. No. 4. P. 148 – 155.

12. Zheng C. Analysis of the Translation Effect of the Chinese-Russian Online Machine Translation Program "Analects" from the Point of View of the Sapir-Whorf Hypothesis. Modern Pedagogical Education. 2024. No. 9. P. 395 – 399.

13. Zhenwu C. Brief Analysis of the Semantic Cultural Interpretation of the Russian Translation of "The Analects" ("Conversations and Sayings"). Vestnik Kultury i Iskusstv. 2024. No. 1 (77). P. 108 – 115.

14. Yuwei T. The Strategy of Disseminating "The Analects" in Political Discourse in Russian. The World of Science, Culture, Education. 2023. No. 5 (102). P. 304 – 307.

15. Yuhan L., Minghui L. Intercultural Interpretation of the Classics: Translation and Dissemination of "The Analects" in Russia. The World of Science, Culture, Education. 2022. No. 2 (93). P. 434 – 436.

Информация об авторе

Чан Ваньцзюнь, кандидат филологических наук, старший преподаватель, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9402-3005, Хэйлунцзянский университет науки и технологий, Китай, 150022, г. Харбин, ул. Пуюань, д. 2468, puxijin001@mail.ru

© Чан Ваньцзюнь, 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-121-126

Закрытые женские институты Российской империи (1764-1855 гг.), начало формирования отечественной системы женского образования

[1] Шавлохова Е.С.,
[1] Тозлиян М.А.,
[1] Пыльцина Д.В.,
[1] Скачкова В.А.,
[1] Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

Аннотация: закрытые женские институты Российской империи представляли собой специализированные интернаты элитного типа, предназначенные исключительно для образования и воспитания девиц дворянского сословия. Они функционировали в условиях строгой изоляции от внешнего мира и ориентировались на формирование образованной элиты женской части общества. Эти учреждения, возникшие в эпоху Просвещения под непосредственным патронажем императорской власти, стали первыми учреждениями отечественного женского образования. Акцент делался не только на интеллектуальное развитие, но и на нравственное, эстетическое и хозяйственное воспитание. Период с 1764 по 1855 г. связан с основанием Смольного института благородных девиц Екатериной II. Основанием института предшествовало реформам XIX в., связанным с развитием государственной системы женского среднего образования. Историографический анализ этого этапа подчеркивает его значение как начало преодоления патриархальной модели домашнего обучения, когда женское просвещение ограничивалось устными традициями, монастырскими школами или частными гувернантками. Актуальность изучения закрытых женских институтов обусловлена их местом в эволюции гендерного равенства в российском образовании. С одной стороны, сохранялось гендерное неравенство, отсутствие высшего образования для женщин до 1870-х гг., фокус на «женских» дисциплинах вроде рукоделия, музыки и нравственного воспитания, с другой стороны были заложены основы для последующих трансформаций.

Ключевые слова: закрытые женские институты, женское образование, отечественная система женского образования

Для цитирования: *Шавлохова Е.С., Тозлиян М.А., Пыльцина Д.В., Скачкова В.А. Закрытые женские институты Российской империи (1764-1855 гг.), начало формирования отечественной системы женского образования // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 121 – 126. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-121-126*

Поступила в редакцию: 6 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

Closed women's institutes of the Russian Empire (1764-1855), the beginning of the formation of the national system of women's education

[1] Shavlokhova E.S.,
[1] Tozliyan M.A.,
[1] Pyltsina D.V.,
[1] Skachkova V.A.,
[1] Kuban State Agrarian University named after I.T. Trublin

Abstract: the closed women's institutes of the Russian Empire were specialized elite-type boarding schools designed exclusively for the education and upbringing of girls of the noble class. They functioned in strict isolation from the outside world and focused on the formation of an educated elite of the female part of society. These institutions, which arose in the age of Enlightenment under the direct patronage of the imperial government, became the first institutions of Russian women's education. The emphasis was placed not only on intellectual development, but also on moral, aesthetic and economic education. The period from 1764 to 1855 was associated with the founding of the Smolny Institute of Noble Maidens by Catherine II. The foundation of the institute preceded the reforms of the 19th century related to the development of the state system of women's secondary education. The historiographical analysis of this stage emphasizes its importance as the beginning of overcoming the patriarchal model of home schooling, when women's education was limited to oral traditions, monastic schools or private governesses. The relevance of studying closed women's institutions is due to their place in the evolution of gender equality in Russian education. On the one hand, gender inequality persisted, the lack of higher education for women until the 1870s, and a focus on "feminine" disciplines such as needlework, music, and moral education. On the other hand, the foundations for subsequent transformations were laid.

Keywords: closed women's institutes, women's education, national system of women's education

For citation: *Shavlokhova E.S., Tozliyan M.A., Pyltsina D.V., Skachkova V.A. Closed women's institutes of the Russian Empire (1764-1855), the beginning of the formation of the national system of women's education. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 121 – 126. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-121-126*

The article was submitted: April 6, 2026; Approved after reviewing: May 4, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Екатерининские реформы, вдохновленные европейскими идеями Жан-Жака Руссо и просветительскими концепциями «естественного» воспитания, перевели женское образование в сферу государственного контроля. Воспитанницы делились на классы в зависимости от происхождения, от «благородных» до «среднего состояния», а учебные программы адаптировались под будущую социальную функцию [1, с. 89]. Манифест от 24 декабря 1764 г. «Об учреждении Воспитательного общества благородных девиц при Смольном монастыре», предусматривал создание института в Санкт-Петербурге. Он представлял собой модель закрытого пансиона с интернатным режимом на 10-12 лет обучения. Девочек принимали на обучение с шести лет, обеспечивая полную автономию от семейного влияния [2, с. 130].

Материалы и методы исследований

До XVIII столетия в России отсутствовала какая-либо систематизированная модель женского образования. Это было следствием патриархальной социальной структуры Древней Руси и Московского царства. Просвещение девиц дворянского и духовного сословия ограничивалось преимущественно домашним обучением под руководством матерей, родственниц или наемных гувернанток. Такое обучение носило фрагментарный характер, сосредоточивалось на освоении элементарных навыков грамоты, счетоводства, рукоделия, домашнего хозяйства и религиозного воспитания. Отсутствовала какая-либо унифицированная программа или государственный надзор. В монастырях, служивших редкими центрами женского образования для сирот, акцент делался на духовном просвещении и послушании [3, с. 168].

Петровские реформы начала XVIII в., ориентированные на мужское сословное образование, лишь частично затронули женскую сферу образования, ограничившись введением ассамблей и придворных манер для элиты, но не создав институциональной базы. В результате к середине века сохранялась гендерная

асимметрия, усугубляемая сословными барьерами, где даже дочери знати редко получали системное образование, уступая в грамотности своим европейским сверстницам [4, с. 200].

Переломным моментом стал приток европейских идей Просвещения во второй половине XVIII в., проникших в российскую интеллектуальную среду через переводы Вольтера, Дидро, Руссо и Монтескье, а также через дипломатические и культурные контакты при дворе Елизаветы Петровны и Екатерины II. Концепция «естественного воспитания» Жан-Жака Руссо, подчеркивала необходимость гендерно-дифференцированное образования. Она нашла отклик в российских просветительских кругах, породила дискуссии о необходимости государственного вмешательства в женское просвещение. Влияние на формирование данных идей оказали работы Иоганна Бернхарда Базедова о пансионах для сирот и воспитании.

Результаты и обсуждения

Ключевая роль в формировании системы женского образования принадлежит Екатерине II, чьи реформы, изложенные в "Наказе Уложенной комиссии" и манифестах о школах, изменили образовательную политику государства. Императрица, позиционировавшая себя как "мать отечества", инициировала создание институтов для женщин. Ее интерес к женскому просвещению проявился в покровительстве проектов Ивана Бецкого, в издании указов, учреждавших женские пансионы при Александровской и Екатерининской школах в Петербурге и Москве [5, с. 108].

Иван Иванович Бецкий являлся опекуном Смольного института. Он был идеологом женского образования, а также исполнителем проектов о закрытых женских институтах. Бецкий разработал концепцию «всеобщего воспитания», где женское образование предусматривало 12-летнюю интернатную программу с акцентом на «сердце и ум», т.е. нравственное формирование, хозяйственные навыки и религиозное воспитания. Бецкий не только инициировал основание Смольного института, но и обосновал его методологию, аргументируя необходимость женского просвещения укреплением семьи и государства.

Основание Смольного института благородных девиц в 1764 г. ознаменовало собой эпохальный рубеж в истории российского женского образования. Данный институт стал первым государственным заведением привилегированного закрытого учебного типа. Он ориентировался на всестороннее образование в условиях строгой интернатной изоляции. Указ Екатерины II от 5 (16) мая 1764 г., «Об учреждении Воспитательного общества благородных девиц при Смольном монастыре», предусматривал, что институт представляет собой автономное «общество» на 200 воспитанниц из числа потомственных дворянок в возрасте от шести лет. Они проходили 10-12-летний курс обучения с полным содержанием за счет казны. «Общий план воспитания» Бецкого детально регламентировал организацию, устав и финансирование. Институт рассматривался не просто как школа, но как воспитательный проект, призванный «дать государству образованных женщин, добрых матерей, полезных членов общества и отечества» [6, с. 44].

Архитектурный ансамбль Смольного института, воплощал собой символику имперского просвещения. Он формировался поэтапно под руководством ведущих зодчих эпохи. В нем отражается эволюция монастырской обители к светскому дворцу-школе. Это также позволяло подчеркнуть государственный статус заведения. Изначально указ 1764 г. предусматривал размещение института в строящемся Воскресенском Новодевичьем монастыре по проекту Франческо Растрелли. Проект предусматривал создание комплекса с собором, корпусами для 300 девиц и садами, однако смерть архитектора и финансовые ограничения привели к приостановлению проекта. Основное здание института достраивалось силами военных инженеров. Кульминацией стало участие Джакомо Кваренги, который завершил парадный корпус института в стиле ампир. В итоге четырехэтажное здание с колоннами, соединенными переходами с собором и театром, вмещало актовый зал на 800 мест, библиотеку, мастерские. Ансамбль включал также зимний сад и оранжереи.

Стратегические цели основания Смольного института связаны с подготовкой образованных матерей и жен как гарантов династической преемственности, сословной сплоченности и культурной модернизации. В отличие от мужских корпусов, женское образование предусматривало «воспитание сердца и разума» для того, чтобы стать «хорошей женой, матерью и хозяйкой». Образовательная программа предусматривала интеллектуальные дисциплины, например русский, французский, немецкий языки, арифметику, географию, историю и с практические занятия, например, танцы, музыку, рисование, кулинарию [7, с. 8].

Развитие сети закрытых женских институтов благородных девиц при императрице Марии Федоровне представляет собой ключевой этап институционализации отечественной системы женского образования. На данном этапе происходит переход от экспериментального проекта Смольного института к разветвленной централизованной сети пансионов, охватывавшей столицы и провинции Российской империи к середине XIX в.

В 1797 г., после смерти Екатерины II и воцарения Павла I, Смольный институт был передан в ведение новообразованного Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны. Она поспособствовала расширению системы. Воспитательные заведения были выведены из-под юрисдикции Императорской Академии художеств и Министерства народного просвещения. В результате была создана автономная структура под личным патронажем императрицы. Такая реорганизация обеспечила консолидацию, а также унификацию уставов. Акцент в образовании сместился от «естественного воспитания» к более строгой, дисциплинарной модели с усилением религиозно-нравственного компонента. К 1802 г. было создано 6 институтов, а к 1855-му открыто около 30, включая приюты и пансионы [8, с. 112].

Открытие новых институтов протекало поэтапно. Образовательные учреждения для женщины открывались на разных территориях. Это отражало имперскую стратегию децентрализации просвещения с сохранением сословной элитарности. В столичном регионе в 1797-1806 гг. были учреждены дополнительные отделения Смольного института, а также Александровский сиротский институт, Мариинское училище, Елизаветинский институт. Данные учреждения были предназначены для представительниц среднего дворянства. Затем институты были открыты в Казани, Киеве, Нижнем Новгороде, Иркутске, и других губернских центрах. Местные губернаторы предоставляли здания, а Ведомство обеспечивало кадрами и уставами, адаптируясь к региональным потребностям [9, с. 168].

Организационная структура институтов представляла собой модель закрытого типа. Воспитанницы, принятые в 6-12 лет на 6-12-летний курс, лишались контактов с семьей, проживали в «камерах» по 4-8 человек под опекой классных дам с режимом, регламентированным уставом. Иерархия внутри заведения воспроизводила сословный принцип. Дисциплина поддерживалась штрафами, карцером и исключениями.

Учебные программы и система воспитания в закрытых женских институтах благородных девиц Российской империи представляли собой комплексную педагогическую модель. Данная модель синтезировала просветительские идеалы XVIII в. с традиционными гендерными нормами сословного общества. Интеллектуальное просвещение сочеталось с нравственным, эстетическим и практическим формированием личности. Цикл обучения включал светские и гуманитарные дисциплины.

Акцент на нравственное и светское воспитание проявлялся в методологии. Уставы предписывали не «набивание головы» фактами, а гармоничное развитие «сердца, ума и тела» через наблюдение, игру, коллективные практики и личный пример классных дам [10, с. 7].

Роль закрытых женских институтов благородных девиц в социальной политике Российской империи периода 1764-1855 гг. выходила далеко за рамки чисто образовательной функции. Они выступали мощным инструментом государственного регулирования гендерных ролей, сословной мобильности и лояльности элиты. Подготовка выпускниц была жестко институционализирована уставами Ведомства.

Выводы

К 1855 г. в системе накопились противоречия, связанные с механическим «набиванием знаниями» без развития критического мышления, репрессивной дисциплиной с карцерами и телесными наказаниями, гендерной асимметрией. Это спровоцировало переход к реформам 1860-х гг. Реформы были инициированы педагогами новой формации во главе с Константином Дмитриевичем Ушинским, чья работа в Смольном институте и трактат «Женское образование и школьное дело в России» стали катализатором модернизации. Ушинский, критикуя институты, указывал, обучающиеся лишены понимания и жизненного опыта. Ушинский обосновал необходимость гуманизации, прежде всего, сокращение интернатного срока, введение гимназических классов с углублением математики и естественных наук, ослабление изоляции и интеграции в общесословную систему народного просвещения. Его усилия привели к созданию циркуляров Министерства народного просвещения, в соответствии с которыми институты были преобразованы в женские гимназии. В них был открыт доступ мещанкам и духовенству.

Значение закрытых институтов для формирования отечественной педагогической традиции заключается в их роли как первого государственного эксперимента гендерно-дифференцированного воспитания. Данный эксперимент опирался на европейские просветительские концепции с учетом российских реалий. Прежде всего, такие реалии включали в себя сословный принцип, православное воспитание. Это предопределило специфику национальной модели, выраженную в интернатном типе, акценте на коллективном формировании характера. Закрытые женские институты повлияли на всю последующую эволюцию системы женского образования, от женских курсов Бестужева-Рюмина до советских школ.

Список источников

1. Пономарева В.В. Физическое воспитание в закрытых женских институтах Ведомства учреждений императрицы Марии // Вестник Московского университета. Серия 23, Антропология. 2015. № 1. С. 86 – 93. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskoe-vospitanie-v-zakrytyh-zhenskih-institutah-vedomstva-uchrezhdeniy-imperatritsy-marii (дата обращения: 20.03.2026)

2. Пономарева В.В. Профессора и преподаватели московского университета в закрытых женских институтах ведомства учреждений императрицы Марии (Первая половина XIX в. – 1917 г.) // Вестник Московского университета. Серия 23, Антропология. 2019. № 3. С. 128 – 138. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professora-i-prepodavateli-moskovskogo-universiteta-v-zakrytyh-zhenskih-institutah-vedomstva-uchrezhdeniy-imperatritsy-marii (дата обращения: 20.03.2026)

3. Хохлова М.Ю. Проблема типологии воспитанниц институтов благородных девиц в контексте их межличностного общения // Наука и школа. 2012. № 5. С. 166 – 170. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-tipologii-vospitannits-institutov-blagorodnyh-devits-v-kontekste-ih-mezhlichnostnogo-obscheniya (дата обращения: 20.03.2026)

4. Буланова М.Б. К истории становления высшего женского образования в России // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1-2 (25). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-stanovleniya-vysshego-zhenskogo-obrazovaniya-v-rossii (дата обращения: 20.03.2026)

5. Фуражева Н.С. Европейская идея дворянских закрытых учебных заведений и ее адаптация в культурном пространстве России второй половины XVIII – первой половины XIX в. // Вестник славянских культур. 2023. № 69. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskaya-ideya-dvoryanskih-zakrytyh-uchebnyh-zavedeniy-i-ee-adaptatsiya-v-kulturnom-prostranstve-rossii-vtoroy-poloviny-xviii (дата обращения: 20.02.2026)

6. Савельева И.Н., Упине Н.Д. Из истории школьной формы. Женские институты в дореволюционной России (школьная форма в царской России) // Вестник ОГУ. 2014. № 5 (166). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-shkolnoy-formy-zhenskie-instituty-v-dorevolyutsionnoy-rossii-shkolnaya-forma-v-tsarskoy-rossii (дата обращения: 20.03.2026)

7. Мартыненко Н.К. Общественные инициативы женского образования как фактор институциализации гражданского общества в России в конце XIX начале XX веков // Вестник ВУиТ. 2014. № 1 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennye-initsiativy-zhenskogo-obrazovaniya-kak-faktor-istitutsializatsii-grazhdanskogo-obschestva-v-rossii-v-kontse-xix-nachale (дата обращения: 20.03.2026)

References

1. Ponomareva V.V. Physical Education in Closed Women's Institutes of the Department of Institutions of Empress Maria. Bulletin of Moscow University. Series 23, Anthropology. 2015. No. 1. P. 86 – 93. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskoe-vospitanie-v-zakrytyh-zhenskih-institutah-vedomstva-uchrezhdeniy-imperatritsy-marii (date of access: 20.03.2026)

2. Ponomareva V.V. Professors and Teachers of Moscow University in Closed Women's Institutes of the Department of Institutions of Empress Maria (First Half of the 19th Century – 1917). Bulletin of Moscow University. Series 23, Anthropology. 2019. No. 3. P. 128 – 138. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professora-i-prepodavateli-moskovskogo-universiteta-v-zakrytyh-zhenskih-institutah-vedomstva-uchrezhdeniy-imperatritsy-marii (date of access: 20.03.2026)

3. Khokhlova M.Yu. The Problem of the Typology of Pupils of Institutes for Noble Maidens in the Context of Their Interpersonal Communication. Science and School. 2012. No. 5. P. 166 – 170. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-tipologii-vospitannits-institutov-blagorodnyh-devits-v-kontekste-ih-mezhlichnostnogo-obscheniya (date of access: 20.03.2026)

4. Bulanova M.B. On the History of the Development of Higher Education for Women in Russia. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Philosophy. Sociology. Art Criticism”. 2021. Nos. 1-2 (25). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-stanovleniya-vysshego-zhenskogo-obrazovaniya-v-rossii (date of access: 20.03.2026)

5. Furazheva N.S. The European idea of noble closed educational institutions and its adaptation in the cultural space of Russia in the second half of the 18th – first half of the 19th century. Bulletin of Slavic Cultures. 2023. No. 69. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskaya-ideya-dvoryanskih-zakrytyh-uchebnyh-zavedeniy-i-ee-adaptatsiya-v-kulturnom-prostranstve-rossii-vtoroy-poloviny-xviii (date of access: 20.03.2026)

6. Savelyeva I.N., Upine N.D. From the history of school uniform. Women's institutes in pre-revolutionary Russia (school uniform in tsarist Russia). Bulletin of OSU. 2014. No. 5 (166). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-shkolnoy-formy-zhenskie-instituty-v-dorevolyutsionnoy-rossii-shkolnaya-forma-v-tsarskoy-rossii (date of access: 20.03.2026)

7. Martynenko N.K. Public initiatives of women's education as a factor in the institutionalization of civil society in Russia in the late 19th and early 20th centuries. Bulletin of VUiT. 2014. No. 1 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennye-initsiativy-zhenskogo-obrazovaniya-kak-faktor-istitutsializatsii-grazhdanskogo-obschestva-v-rossii-v-kontse-xix-nachale (date of access: 20.03.2026)

Информация об авторах

Шавлохова Е.С., доктор исторических наук профессор, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, 520637@mail.ru

Тозлиян М.А., Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, tozlianmilana535@gmail.com

Пыльцина Д.В., Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, piltsynadaria@gmail.com

Скачкова В.А., Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, vladskachkova@yandex.ru

© Шавлохова Е.С., Тозлиян М.А., Пыльцина Д.В., Скачкова В.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
УДК 327(091)
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-127-138

Основные этапы становления и развития БРИКС

[1] Адам Мбоду Адам,
[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые этапы становления и эволюции БРИКС как одного из наиболее значимых форматов взаимодействия государств Глобального Юга. Анализируется трансформация объединения от неформальной координационной площадки, возникшей в условиях кризиса мировой финансовой системы, до многоуровневого институционального механизма, обладающего возрастающим политическим и экономическим влиянием в системе международных отношений. Особое внимание уделяется четырём этапам развития БРИКС: начальной консолидации (2009-2013 гг.), институциональному укреплению и созданию финансовых инструментов (2014-2018 гг.), расширению функциональной повестки и адаптации к глобальным кризисам (2019-2023 гг.), а также современному этапу институциональной зрелости и расширения состава (с 2024 г.).

Показано, что эволюция БРИКС носит поэтапный и адаптивный характер, отражая изменения международной среды и трансформацию интересов стран-участниц. Отмечается усиление координации в экономической, политической, финансовой и гуманитарной сферах, а также формирование элементов альтернативной архитектуры глобального управления. Подчёркивается, что объединение постепенно приобретает черты устойчивого центра силы многополярного мира, сочетая институциональное развитие с гибкостью форматов сотрудничества.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при анализе перспектив международного сотрудничества в рамках БРИКС, разработке внешнеполитических стратегий, а также прогнозировании трансформации глобальной системы управления. Материалы исследования могут быть полезны для органов государственной власти, научно-исследовательских центров и специалистов в области международных отношений и мировой экономики.

Ключевые слова: БРИКС, Глобальный Юг, многополярность, международные отношения, институционализация, глобальное управление, экономическое сотрудничество

Для цитирования: *Адам Мбоду Адам Основные этапы становления и развития БРИКС // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 127 – 138. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-127-138*

Поступила в редакцию: 7 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

Main stages of the formation and development of BRICS

[1] *Adam Mbodou Adam,*
[1] *Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia*

Abstract: the article examines the key stages in the formation and evolution of BRICS as one of the most significant formats of interaction among the countries of the Global South. It analyzes the transformation of the association from an informal coordination platform that emerged in the context of the global financial crisis to a multilevel institutional mechanism with increasing political and economic influence within the system of international relations. Special attention is given to four stages of BRICS development: initial consolidation (2009-2013), institutional strengthening and the creation of financial instruments (2014-2018), expansion of the functional agenda and adaptation to global crises (2019-2023), and the current stage of institutional maturity and enlargement (from 2024 onwards).

It is shown that the evolution of BRICS is gradual and adaptive in nature, reflecting changes in the international environment and shifts in the interests of member states. The study highlights the strengthening of coordination in economic, political, financial, and humanitarian spheres, as well as the formation of elements of an alternative global governance architecture. It is emphasized that the association is gradually acquiring the characteristics of a stable center of power in a multipolar world, combining institutional development with flexible formats of cooperation.

The practical significance of the study lies in the potential application of its findings to the analysis of prospects for international cooperation within BRICS, the development of foreign policy strategies, and the forecasting of transformations in the global governance system. The research results may be useful for government authorities, research centers, and specialists in the field of international relations and the global economy.

Keywords: BRICS, Global South, multipolarity, international relations, institutionalization, global governance, economic cooperation

For citation: *Adam Mbodou Adam Main stages of the formation and development of BRICS. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 127 – 138. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-127-138*

The article was submitted: April 7, 2026; Approved after reviewing: May 5, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Межгосударственное объединение БРИКС, формирование которого началось в 2006 году, за сравнительно короткий период прошло путь от неформального диалогового формата к одному из значимых механизмов взаимодействия стран Глобального Юга и так называемого «не-Запада». В первоначальный состав объединения вошли Бразилия, Россия, Индия и Китай, а присоединение Южно-Африканской Республики в 2011 г. придало формату более выраженное глобальное измерение. Последующее расширение БРИКС и растущий интерес со стороны других развивающихся государств свидетельствуют не только об увеличении его политического и экономического веса, но и о востребованности данного формата в условиях трансформации мировой системы.

Материалы и методы исследований

В международной дискуссии БРИКС нередко интерпретируется как институциональная альтернатива западоцентричной модели глобального управления. Вместе с тем государства-участники подчёркивают неконфронтационный характер объединения, акцентируя внимание на принципах суверенного равенства, взаимной выгоды и инклюзивного сотрудничества. Данное сочетание критического отношения к существующей архитектуре глобального управления и отказа от открытой конфронтации определяет специфику БРИКС как гибкого и эволюционирующего формата международного взаимодействия.

Результаты и обсуждения

Первый этап развития БРИК(С): 2009-2013 гг.

Первый этап развития БРИК(С) приходится на период глубокой трансформации мировой экономики и нарастания кризиса легитимности существующей системы глобального управления. Мировой финансово-

экономический кризис 2008-2009 гг. выявил структурные ограничения западноцентричных институтов, прежде всего Международного валютного фонда и Всемирного банка, а также продемонстрировал несоответствие между реальным экономическим весом ведущих развивающихся государств и объёмом их влияния на процессы глобального регулирования [16]. В данных условиях формирование БРИК как регулярного формата многостороннего взаимодействия приобрело не только политическую, но и институциональную целесообразность.

Создание БРИК в 2009 г. может быть объяснено в контексте изменения соотношения сил в мировой системе. Ускоренный рост экономик Бразилии, России, Индии и Китая сопровождался сохранением их ограниченного участия в выработке ключевых решений на глобальном уровне. Отсутствие действенных механизмов перераспределения статуса и полномочий в рамках существующих международных институтов объективно стимулировало данные государства к формированию альтернативной координационной площадки. При этом БРИК изначально не позиционировался как конфронтационный блок по отношению к Западу напротив, его становление было связано с задачей коллективного усиления переговорных позиций государств-участников и повышения их влияния на реформирование мировой системы управления [12].

Проведение первого саммита БРИК в Екатеринбурге в июне 2009 г. стало важной вехой в институциональном оформлении данного формата [15]. Именно на данном этапе произошёл переход от преимущественно экспертного и аналитического взаимодействия к межгосударственной координации на уровне глав государств и правительств. Тем самым участники продемонстрировали намерение придать формату устойчивый и долгосрочный политический характер, а также закрепить его в качестве самостоятельной площадки согласования позиций по ключевым вопросам мировой экономики и международных отношений.

Ключевая направленность первого этапа была сосредоточена прежде всего на проблематике реформирования глобальной финансово-экономической архитектуры. Призывы к пересмотру квот и голосов в МВФ и Всемирном банке, поддержка антикризисных мер, реализуемых в рамках «Группы двадцати», а также внимание к вопросам валютной стабильности отражали стремление стран БРИК добиться более справедливого включения в существующую систему глобального управления [14]. Иными словами, в рассматриваемый период объединение ориентировалось не на демонтаж сложившегося мирового порядка, а на его постепенную корректировку с учётом интересов крупнейших развивающихся экономик.

С институциональной точки зрения данный период характеризовался сравнительно низким уровнем формальной организации при достаточно высокой интенсивности политической координации [7]. БРИК выступал как гибкий формат согласования интересов, использующий механизмы саммитов, министерских встреч, контактов экспертного сообщества и деловых кругов для выработки согласованных подходов. Создание деловых форумов, а также развитие отраслевого взаимодействия, в том числе на уровне профильных министерств, способствовали расширению социальной и функциональной базы сотрудничества. Вместе с тем объединение сохраняло высокую степень организационной гибкости и не стремилось на данном этапе к созданию жёсткой наднациональной структуры.

Ключевым событием первого этапа стало присоединение Южно-Африканской Республики в 2011 г., в результате чего БРИК был преобразован в БРИКС. Данный шаг имел не только количественное, но и качественное значение. Включение ЮАР усилило географическую и политическую репрезентативность объединения, позволив ему охватить основные регионы Глобального Юга. Тем самым БРИКС укрепил свои позиции как не только экономическая, но и политическая платформа государств, заинтересованных в повышении собственного статуса в международной иерархии и в расширении участия развивающихся стран в глобальном управлении. Кроме того, расширение состава способствовало росту внешней легитимности объединения и создало предпосылки для дальнейшего развития форматов взаимодействия с региональными партнёрами.

В 2011-2013 гг. в рамках БРИКС наметился переход от преимущественно декларативной координации к обсуждению собственных финансовых и организационных инструментов. Инициативы, связанные с созданием Нового банка развития, разработкой механизмов валютных свопов и расширением расчётов в национальных валютах, отражали растущее стремление участников к снижению зависимости от доллароцентричной финансовой системы и от внешних источников институционального давления [4]. В данном контексте указанные шаги могут рассматриваться как попытка уменьшения уязвимости государств-участников перед внешними экономическими шоками и асимметричным воздействием со стороны доминирующих центров мировой экономики.

Дополнительным свидетельством углубления институционального взаимодействия стало создание Делового совета БРИКС и Совета экспертных центров, а также развитие механизмов координации по вопросам финансовой стабильности и долгосрочного экономического сотрудничества. Хотя в рассматриваемый

период объединение ещё не обладало завершённой институциональной архитектурой, уже были сформированы её базовые элементы, обеспечивавшие регулярность контактов, расширение тематической повестки и укрепление внутренней согласованности.

Таким образом, в 2009-2013 гг. БРИК(С) прошёл этап первоначального становления, в рамках которого были заложены основы его политической, организационной и функциональной архитектуры. На данном этапе объединение формировалось прежде всего, как инструмент координации позиций ведущих развивающихся государств, ориентированный на постепенное реформирование системы глобального управления и смягчение присущих ей структурных дисбалансов. Существенными итогами данного периода стали институциональное закрепление саммитного формата, расширение состава объединения, усиление его международного статуса, а также переход от общего политического диалога к обсуждению практических направлений сотрудничества, включая развитие собственных финансовых механизмов.

Второй этап развития БРИКС: 2014-2018 гг.

Второй этап развития БРИКС пришёлся на период существенного ухудшения международной обстановки и нарастания противоречий между ведущими центрами силы мировой политики. Кризис на Украине и последовавшее обострение отношений между Россией и западными государствами, а также постепенное перерастание американо-китайских разногласий в более широкое системное соперничество привели к тому, что существующие механизмы глобального управления стали восприниматься странами БРИКС как всё менее нейтральные и всё более подверженные политизации [2]. В данных условиях объединение, первоначально функционировавшее преимущественно как формат координации интересов, начало постепенно трансформироваться в инструмент институционального снижения внешней уязвимости государств-участников.

С точки зрения логики международно-политической трансформации данный этап может быть интерпретирован как реакция стран БРИКС на рост асимметричных рисков в мировой системе. Санкционное давление на Россию, торгово-экономические ограничения в отношении Китая, а также фактическая стагнация реформ ключевых международных финансовых институтов усилили заинтересованность участников в создании собственных механизмов коллективной поддержки. Если на предыдущем этапе БРИКС в большей степени стремился встроиться в существующую архитектуру глобального управления на более благоприятных условиях, то после 2014 г. акцент всё более заметно смещался в сторону формирования параллельных, хотя и не конфронтационных, инструментов взаимодействия.

Ключевой особенностью рассматриваемого периода стала углублённая институционализация объединения. Подписание в 2014 г. в Форталезе соглашений о создании Нового банка развития и Механизма условных валютных резервов стало важнейшей вехой в эволюции БРИКС [17]. Создание указанных институтов придало объединению не только символическое, но и материально-функциональное измерение, поскольку БРИКС начал приобретать черты механизма практического экономического взаимодействия, выходящего за рамки политико-декларативного диалога. Новый банк развития был ориентирован на финансирование инфраструктурных проектов и проектов устойчивого развития, тогда как Механизм условных валютных резервов рассматривался как инструмент повышения макрофинансовой устойчивости государств-участников в условиях внешних шоков [4].

Принципиально важно, что данные механизмы не позиционировались в качестве прямой альтернативы Международному валютному фонду или Всемирному банку. Напротив, они рассматривались как дополняющие элементы мировой финансовой архитектуры, способные компенсировать её ограничения и повысить уровень защищённости участников от дисфункций существующей системы. Тем самым стратегия БРИКС на данном этапе заключалась не в демонтаже сложившихся институтов, а в одновременном сочетании курса на их реформирование с созданием собственных страховочных инструментов.

В 2015-2016 гг. БРИКС вступил в фазу активного расширения своей сферы деятельности. Принятие Стратегии экономического партнёрства, развитие взаимодействия в сфере цифровой экономики, налоговой координации, информационной безопасности, борьбы с терроризмом и иных направлений свидетельствовали о превращении БРИКС в многоуровневую платформу сотрудничества. Важным направлением стало и формирование сопутствующей социальной и экспертной инфраструктуры взаимодействия. Создание Сетевого университета БРИКС, развитие форматов гражданского, молодёжного и спортивного сотрудничества, а также расширение экспертных контактов указывали на постепенный выход объединения за пределы узко-экономической и дипломатической повестки [5].

Тем самым БРИКС всё более отчётливо приобретал черты не только координационного механизма, но и пространства формирования устойчивых горизонтальных связей между государствами-участниками. Развитие подобных форматов способствовало укреплению коллективной идентичности и формированию так

называемого «духа БРИКС», который начал восприниматься как важный нематериальный ресурс объединения. В данном смысле сотрудничество постепенно основывалось не только на совпадении прагматических интересов, но и на складывающемся представлении о БРИКС как о сообществе государств, придерживающихся схожего видения принципов мирового порядка, многосторонности и суверенного равенства.

Во второй половине рассматриваемого этапа заметно усилилось и статусное измерение деятельности БРИКС [8]. Провозглашение в 2017 г. «второго золотого десятилетия» объединения, а также развитие формата «БРИКС плюс» отражали стремление государств-участников закрепить за объединением роль одного из центров притяжения для стран Глобального Юга. Подобное внешнее направление имело не только практическое, но и символическое значение, поскольку позволяло БРИКС позиционировать себя как платформу, способную выражать интересы более широкого круга незападных государств. Расширение внешних контактов тем самым повышало международную легитимность объединения и усиливало его претензии на участие в формировании правил глобального управления.

Саммит в Йоханнесбурге в 2018 г. стал важным подтверждением данной тенденции. В принятых по его итогам документах была вновь подтверждена приверженность БРИКС принципам многосторонности, центральной роли Организации Объединённых Наций, необходимости реформирования Всемирной торговой организации и сохранения открытой мировой экономики [6]. На фоне углубляющегося кризиса либерального международного порядка такая позиция позволила объединению представить себя не как ревизионистский блок, а как ответственного участника мировой политики, заинтересованного в более справедливой и представительной системе глобального регулирования.

Таким образом, в 2014-2018 гг. развитие БРИКС ознаменовалось переходом от этапа первоначальной консолидации к фазе углублённой институционализации и функционального расширения. Основное содержание данного периода составили создание собственных финансовых институтов, расширение многоуровневых механизмов взаимодействия, укрепление экспертной и социальной инфраструктуры сотрудничества, а также усиление внешней проекции объединения. В совокупности указанные процессы способствовали превращению БРИКС в относительно устойчивый элемент современной глобальной архитектуры. Если на предыдущем этапе объединение было ориентировано преимущественно на адаптацию к существующему мировому порядку и поиск более выгодного положения в его рамках, то второй этап характеризовался стремлением к повышению автономности БРИКС, укреплению его международного статуса и расширению пространства для самостоятельных решений в условиях нарастающей фрагментации мировой системы.

Третий этап развития БРИКС: 2019-2023 гг.

Развитие БРИКС на третьем этапе происходило в условиях нарастающей системной турбулентности мировой политики и экономики. Пандемия COVID-19, последовавший экономический спад, обострение геополитических противоречий, а также ускорение процессов фрагментации мировой экономики существенно изменили условия функционирования объединения. В отличие от предыдущего этапа, в рамках которого приоритетное значение имели институциональное укрепление и расширение направлений сотрудничества, в 2019-2023 гг. на первый план вышли задачи адаптации к внешним шокам, повышения внутренней устойчивости и подготовки к более широкому внешнему позиционированию БРИКС в системе глобального управления.

Содержательно данный этап характеризовался переходом от преимущественного укрепления внутренних механизмов координации к более масштабной институционализации и усилению внешней проекции объединения [1]. Возрастание турбулентности мировой системы продемонстрировало ограниченность традиционных международных механизмов реагирования на кризисы и одновременно повысило значимость гибких многосторонних форматов, способных обеспечивать политическую координацию, экономическую поддержку и согласование стратегий развития. В данных условиях БРИКС начал всё более отчётливо выступать не только как площадка консультаций, но и как инструмент коллективной адаптации к новым глобальным вызовам.

Одним из центральных направлений развития объединения в рассматриваемый период стало укрепление его автономии в условиях кризисной среды. Пандемия и связанные с ней макроэкономические трудности усилили значимость внутренних механизмов поддержки и стимулировали дальнейший поиск способов снижения зависимости от внешнецентричных финансовых и расчётных систем. Расширение практики использования национальных валют, обсуждение альтернативных платёжных механизмов, а также активизация возможностей Нового банка развития и Механизма условных валютных резервов свидетельствовали о стремлении государств-участников минимизировать уязвимость перед внешними шоками и повысить уровень собственной финансовой устойчивости [10].

Вместе с тем важной особенностью третьего этапа стало дальнейшее расширение функциональной базы сотрудничества. БРИКС последовательно усиливал взаимодействие в таких сферах, как здравоохранение, цифровые технологии, обмен данными, инфраструктурное развитие, безопасность и противодействие терроризму. Принятие новых документов стратегического характера, включая обновлённые ориентиры экономического партнёрства и координации в сфере безопасности, свидетельствовало о постепенной формализации совместной деятельности и о закреплении практической значимости объединения для его участников. Тем самым БРИКС укреплял позиции как многоуровневый механизм взаимодействия, способный охватывать не только вопросы макроэкономики и финансов, но и более широкий круг направлений, связанных с обеспечением устойчивого развития [11].

Существенную роль в рассматриваемый период продолжал играть Новый банк развития. К концу 2023 года он обладал значительным портфелем одобренных проектов и фактически закрепился в качестве одного из ключевых материальных инструментов сотрудничества внутри объединения. При этом значение Нового банка развития выходило за рамки сугубо финансовой функции, поскольку его деятельность способствовала укреплению институциональной субъектности БРИКС и расширению возможностей участников по реализации собственных инфраструктурных и социальных приоритетов. В сочетании с иными механизмами координации деятельность банка свидетельствовала об углублении практического содержания сотрудничества и постепенном превращении БРИКС в более функционально насыщенный формат.

Период 2019–2023 годов ознаменовался заметным усилением политического веса БРИКС на международной арене. Углубление противоречий между западными державами, Россией и Китаем подтвердило роль объединения как одной из центральных площадок Глобального Юга [13]. Стремление большинства участников избегать автоматического присоединения к санкционным и блоковым моделям поведения свидетельствовало о сохранении курса на стратегическую автономию и приверженности более гибкой модели внешнеполитического позиционирования. В данном контексте БРИКС всё более отчётливо выступал как пространство координации государств, заинтересованных в расширении возможностей внешнеполитического манёвра в условиях усиливающейся поляризации международной среды.

Особое значение в данном контексте имел саммит БРИКС в Йоханнесбурге, состоявшийся 22-24 августа 2023 года. Именно в рамках данного саммита было принято принципиальное решение о расширении объединения и направлены приглашения ряду государств Глобального Юга присоединиться к БРИКС с 1 января 2024 года. Данное решение стало важной вехой в эволюции объединения, поскольку оно свидетельствовало о переходе БРИКС от модели ограниченного состава к более широкой логике институционального и геополитического расширения. Существенно возросли как символический капитал объединения, так и его претензии на роль одного из центров притяжения для незападных государств.

Одновременно продолжалось развитие гуманитарного, экспертного и общественного измерения сотрудничества. Взаимодействие в сфере образования, науки, здравоохранения, цифровой трансформации и общественной дипломатии способствовало укреплению положительного международного образа БРИКС и формированию более устойчивой коллективной идентичности. Тем самым усиливалась не только институциональная, но и социально-политическая основа объединения, что имеет принципиальное значение для долгосрочной устойчивости любого многостороннего формата.

Таким образом, период 2019-2023 гг. следует рассматривать как этап качественного усложнения и расширения БРИКС. В то время объединение продемонстрировало способность адаптироваться к масштабным внешним кризисам, укреплять механизмы внутренней координации, расширять функциональную повестку и одновременно усиливать своё международное присутствие. Именно на данном этапе БРИКС окончательно вышел за рамки преимущественно координационного формата и приблизился к модели многоуровневой платформы, сочетающей политические, экономические, институциональные и гуманитарные механизмы взаимодействия.

Четвёртый этап развития БРИКС: начиная с 2024 года.

Четвёртый этап развития БРИКС связан с переходом объединения к состоянию относительной институциональной зрелости, расширением состава и адаптацией к новым параметрам мировой политико-экономической среды. Если предшествующие этапы были сосредоточены прежде всего на выработке механизмов внутренней координации, создании собственной институциональной инфраструктуры и укреплении международного статуса, то начиная с 2024 года на первый план вышли задачи интеграции новых участников, масштабирования внешней повестки и повышения управляемости объединения в условиях усложняющейся глобальной обстановки. Тем самым развитие БРИКС вступило в фазу качественного усложнения, в рамках которой объединение стало играть роль не только площадки координации интересов, но и более широкого центра притяжения для государств Глобального Юга.

Ключевым содержанием данного этапа стало расширение членского состава. С 1 января 2024 года к БРИКС присоединились Египет, Эфиопия, Иран и Объединённые Арабские Эмираты, что существенно усилило присутствие объединения в стратегически значимых регионах Ближнего Востока и Африки [9]. Данная волна расширения имела не только количественное, но и качественное значение, поскольку способствовала укреплению геополитического и экономического веса БРИКС в системе международных отношений. В более широком смысле включение новых участников подтвердило растущую привлекательность объединения как альтернативной платформы многостороннего взаимодействия, ориентированной на принципы суверенного равенства, невмешательства и более сбалансированного представительства незападных государств в глобальном управлении.

При этом расширение БРИКС продемонстрировало и характерную для него институциональную гибкость. Вопрос о степени и темпах вовлечённости отдельных приглашённых государств развивался неодинаково, что свидетельствовало о сохранении добровольного и поэтапного характера интеграции в рамках объединения. Именно такая модель позволила БРИКС сочетать расширение состава с сохранением внутренней устойчивости, избегая резкой перегрузки организационных механизмов и чрезмерной формализации процедур.

Существенное значение для дальнейшей консолидации объединения имело российское председательство в 2024 году и проведение XVI саммита БРИКС в Казани 22-24 октября 2024 года [18]. Данный саммит стал важной вехой четвёртого этапа, поскольку именно в его рамках были подведены первые итоги расширения, определены направления адаптации объединения к новому составу и подтверждена приверженность дальнейшему развитию практических механизмов сотрудничества. Тем самым БРИКС продемонстрировал способность не только расширяться, но и институционально сопровождать данный процесс через согласование приоритетов, уточнение повестки и укрепление организационной координации.

В рассматриваемый период наблюдалось дальнейшее углубление функциональной повестки объединения. В центре внимания оказались вопросы продовольственной и энергетической безопасности, логистической связанности, инвестиционного сотрудничества, технологического развития, здравоохранения и реформирования международной финансовой архитектуры. Принятая по итогам казанского саммита декларация закрепила основные стратегические ориентиры дальнейшего развития БРИКС, а также зафиксировала согласованные позиции участников по ключевым международным и региональным вопросам. Совокупность данных положений позволяет говорить о том, что на современном этапе объединение всё более отчётливо переходит от преимущественно политико-декларативной логики к системной проработке прикладных направлений многостороннего взаимодействия.

Одним из наиболее показательных проявлений институциональной адаптации БРИКС стало развитие гибких форм участия [3]. В Казани была поддержана дальнейшая работа формата «БРИКС плюс», а также получила развитие категория государств-партнёров, позволяющая расширять географию сотрудничества без немедленного предоставления полного членства. С 1 января 2025 года такой формат начал наполняться практическим содержанием, а в течение 2025 года круг партнёров продолжил расширяться. Подобный подход имеет принципиальное значение, поскольку позволяет объединению сочетать рост внешнего влияния с сохранением организационной управляемости и снижением рисков институциональной перегрузки.

Дополнительным подтверждением расширительного потенциала БРИКС стало присоединение Индонезии в январе 2025 года. Данный шаг усилил азиатское измерение объединения и одновременно продемонстрировал, что БРИКС постепенно закрепляет за собой статус одного из наиболее значимых центров координации стран Глобального Юга. В результате объединение стало охватывать ещё более широкий спектр региональных интересов, экономических моделей и внешнеполитических приоритетов, что, с одной стороны, усиливает его международный вес, а с другой – повышает требования к качеству внутренней координации.

Важной характеристикой четвёртого этапа является возросшая стратегическая гибкость БРИКС. Она проявляется в сочетании институциональной открытости, многоуровневости механизмов участия и способности адаптироваться к быстро меняющимся внешним условиям. Подобная модель делает объединение особенно привлекательным для государств, заинтересованных в альтернативных форматах международного сотрудничества, не предполагающих жёсткой политической условности и встраивания в блоковые схемы взаимодействия. В данном контексте БРИКС всё более отчётливо воспринимается не только как координационная площадка, но и как один из опорных элементов формирующегося многополярного мирового порядка.

Таким образом, начиная с 2024 года БРИКС вступил в стадию расширенного глобального позиционирования и относительной институциональной зрелости. Интеграция новых государств-членов, развитие парт-

нёрских форматов, углубление прикладной повестки и укрепление механизмов внутренней координации способствовали заметному росту международного влияния объединения. Вместе с тем именно на данном этапе особенно отчётливо проявляется двойственная природа дальнейшей эволюции БРИКС: с одной стороны, расширение усиливает его геополитический и экономический потенциал, а с другой – требует более сложных и устойчивых механизмов согласования интересов внутри всё более разнородного состава участников.

Сравнительный анализ этапов становления и развития БРИКС.

Анализ четырёх ключевых этапов развития БРИКС (см. табл. 1) позволяет сделать вывод о том, что данное объединение прошло путь от относительно гибкого формата межгосударственного диалога к многоуровневому механизму международного взаимодействия, обладающему выраженной институциональной структурой и возрастающим влиянием на глобальные процессы. Эволюция БРИКС носила поэтапный характер и отражала как внутреннюю логику консолидации государств-участников, так и их адаптацию к меняющейся международной среде.

Первый этап развития БРИКС, охватывающий 2009-2013 гг., был связан преимущественно с формированием платформы для политического диалога и согласования общих подходов по ключевым вопросам международной повестки. В то период были проведены первые саммиты, выработаны базовые совместные декларации и обозначены основные направления реформирования международной финансово-экономической системы. На данной стадии БРИКС выступал прежде всего, как механизм политической координации, ориентированный на укрепление доверия между участниками и на институциональное закрепление самого формата многостороннего взаимодействия.

Второй этап, относящийся к 2014-2018 гг., ознаменовал переход к более глубокой институционализации и практическому наполнению сотрудничества. Создание Нового банка развития и Механизма условных валютных резервов придало объединению собственную финансово-институциональную основу и способствовало снижению зависимости государств-участников от западноцентричных финансовых структур. В результате БРИКС начал трансформироваться из преимущественно политической площадки в механизм, ориентированный на решение прикладных задач в области экономики, финансов и развития. Тем самым данный этап стал периодом укрепления автономии объединения, расширения его функциональной повестки и усиления его международной субъектности.

Третий этап, охватывающий 2019-2023 гг., характеризовался адаптацией БРИКС к масштабным внешним шокам и усложнением глобальной среды. Пандемия COVID-19, рост геополитической напряжённости и ускорение процессов мировой фрагментации потребовали от участников не только сохранения устойчивости, но и расширения направлений координации. На первый план вышли вопросы здравоохранения, цифрового развития, безопасности, климата и противодействия кризисным явлениям. В данный период БРИКС укрепил значение как инструмент коллективного реагирования на глобальные вызовы, а также создал предпосылки для последующего масштабного расширения.

Четвёртый этап, начавшийся с 1 января 2024 года, связан с переходом БРИКС к состоянию относительной институциональной зрелости, расширением членского состава и развитием гибких форматов участия. Присоединение новых государств, а затем и дальнейшее расширение круга участников и партнёров, включая вступление Индонезии в январе 2025 года, свидетельствуют о росте международной привлекательности объединения и о его превращении в один из значимых центров притяжения для стран Глобального Юга. На данном этапе БРИКС демонстрирует сочетание институциональной устойчивости, стратегической гибкости и ориентации на практические проекты, что позволяет рассматривать его как важный элемент формирующегося многополярного мирового порядка.

Таким образом, сравнительный анализ этапов развития БРИКС показывает, что его эволюция осуществлялась по линии последовательного усложнения институциональной структуры, расширения функциональной повестки и усиления международной роли. Если на раннем этапе приоритетом выступало формирование политической платформы для диалога, то в дальнейшем объединение приобрело собственные инструменты финансовой и организационной координации, расширило сферу практического сотрудничества и стало более активно позиционировать себя в качестве самостоятельного участника глобального управления.

Анализ динамики развития БРИКС подтверждает также применимость основных теоретических подходов, используемых в исследовании. Положения институционализма находят эмпирическое подтверждение в формировании устойчивых механизмов сотрудничества и в постепенном усложнении организационной архитектуры объединения. Статусные теории позволяют объяснить стремление государств-участников к укреплению своего символического и политического капитала через участие в БРИКС. В свою очередь,

концепция «мягкой силы» проявляется в расширении влияния объединения посредством экономических, гуманитарных, научно-технологических и экспертных инициатив.

Следовательно, БРИКС на современном этапе следует рассматривать как значимый элемент формирующегося многополярного мирового порядка и как один из альтернативных центров силы, способных оказывать возрастающее влияние на процессы глобального управления.

Таблица 1

Сравнительный анализ этапов развития БРИКС.

Table 1

Comparative analysis of the stages of BRICS development.

Этап	Период	Ключевые характеристики	Основные результаты	Доминирующие тенденции
I.	2009-2013 гг.	Формирование формата политической координации; начальная институционализация; расширение состава за счёт присоединения ЮАР	Закладка базовой институциональной основы; укрепление статусного измерения; переход от символического диалога к обсуждению практических направлений сотрудничества	Консолидация, поиск места в существующей системе глобального управления
II.	2014-2018 гг.	Углубление институционализации; функциональное расширение; создание собственных финансовых институтов	Повышение автономии объединения; формирование многоуровневых механизмов сотрудничества; усиление внешней проекции	Институциональное развитие, рост самостоятельности, статусное укрепление
III.	2019-2023 гг.	Адаптация к внешним шокам; расширение географической и функциональной повестки; укрепление внутренних механизмов	Рост международного влияния; институциональная устойчивость; подготовка к масштабному расширению	Гибкость, антикризисная адаптация, усиление «мягкой силы»
IV.	с 2024 г.	Институциональная зрелость; глобальное расширение; развитие форматов «БРИКС плюс» и партнёрств	Превращение БРИКС в один из центров силы многополярного мира; рост привлекательности для стран Глобального Юга	Глобализация формата, стратегическая гибкость, системная институционализация

Выводы

Проведённое исследование позволяет комплексно осмыслить эволюцию БРИКС как многостороннего международного объединения, прошедшего путь от формата политических консультаций к многоуровневому институциональному механизму, обладающему заметным влиянием на глобальные политико-экономические процессы. Развитие БРИКС носило поэтапный и поступательный характер, отражая как внутреннюю логику институционального становления объединения, так и его адаптацию к трансформации мировой системы международных отношений.

Анализ первого этапа развития БРИКС (2009-2013 гг.) показал, что именно в данный период были заложены основы его институциональной структуры и статусного позиционирования. На данной стадии объединение утвердилось в качестве механизма политической координации крупнейших развивающихся государств, ориентированного не на демонтаж существующего мирового порядка, а на его постепенное реформирование и корректировку с учётом интересов стран Глобального Юга. Второй этап (2014-2018 гг.) ознаменовался углублением институционализации и расширением функциональной повестки, что выразилось, в частности, в создании собственных финансовых институтов и развитии многоуровневых форм сотрудничества что, в свою очередь, способствовало росту автономии объединения и укреплению его международного статуса.

Период 2019-2023 гг. стал этапом качественного усложнения БРИКС, в рамках которого объединение продемонстрировало способность адаптироваться к внешним шокам и функционировать в условиях высокой глобальной турбулентности. Расширение географической и функциональной повестки, укрепление внутренних механизмов координации и усиление внешнеполитического значения БРИКС создали основу для перехода к следующему этапу его развития. Начиная с 2024 года БРИКС вступил в фазу институцио-

нальной зрелости и масштабного расширения, что нашло выражение в интеграции новых государств-членов, развитии партнёрских форматов и повышении роли объединения в системе глобального управления.

Обобщение эмпирического материала и результатов теоретического анализа подтверждает релевантность использованных в исследовании подходов. Институционализм позволяет объяснить постепенное усложнение организационной структуры БРИКС и устойчивость его координационных механизмов. Статусные теории раскрывают стремление государств-участников к укреплению своего символического и политического капитала посредством коллективного взаимодействия. В свою очередь, концепция «мягкой силы» находит отражение в расширении влияния объединения через экономические, технологические, социальные и гуманитарные инициативы.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что на современном этапе БРИКС функционирует не только как механизм согласования интересов развивающихся государств, но и как один из значимых институтов формирующегося многополярного мирового порядка. Дальнейшая эволюция объединения будет в значительной степени зависеть от его способности сочетать институциональную устойчивость, стратегическую гибкость и открытость к расширению в условиях продолжающейся трансформации глобальной системы международных отношений.

Список источников

1. Ануфриева Л.П. БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109). С. 123 – 133. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.123-133

2. Баваскар Р. БРИКС в переходный период: критический анализ возможностей и проблем в рамках формирующегося глобального порядка // Современная мировая экономика. 2020. Т. 2. № 4 (8).

3. Ведерникова Е.В., Руденко М.Н. Динамика институционального развития стран БРИКС и их роль в современном миропорядке // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7. № 8. С. 1983 – 1998. DOI: 10.18334/ecsec.7.8.121617

4. Горбунова М.Л., Ливанова Е.Ю., Елизарова Н.К., Овчинников В.Н. Пул условных валютных резервов БРИКС // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 4 (48). С. 7 – 18.

5. Евсин М.Ю., Зироян Р.А. Страны БРИКС в мировой экономике // ЭФО. 2024. № 4 (12). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strany-briks-v-mirovoy-ekonomike-1 (дата обращения: 01.03.2026)

6. Йоханнесбургская декларация Десятого саммита БРИКС // Президент России. 2018. 26 июля. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5323 (дата обращения: 25.03.2026)

7. Корнева Е.В. Анализ эволюции институциональной теории. Москва: Изд-во «Дело», 2013. С. 218 – 224.

8. Кудашова Н.Н. Перспективы БРИКС в условиях глобализации // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 5А. С. 79 – 89. DOI: 10.34670/AR.2019.44.5.010

9. Лапочкина Е.П. Международно-правовое сотрудничество в рамках БРИКС // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 234 – 240. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-sotrudnichestvo-v-ramkah-briks-evolyutsiya-rezultaty-i-perspektivy-razvitiya (дата обращения: 04.03.2025)

10. Ли Цзинчэн Состояние и перспективы международного сотрудничества в рамках «БРИКС+» // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 110 – 120. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-3-110-120

11. Малков С.Ю. Демографическое и экономическое развитие стран БРИКС // Век глобализации. 2024. № 4. С. 129 – 148. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.11

12. Нурутдинова А.Р. История создания БРИК как новая концепция многовекторной дипломатии // Сибирский журнал экономических и бизнес-исследований. 2012. № 5. С. 248 – 259. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-sozdaniya-brik-kak-novaya-kontseptsiya-mnogovektornoy-diplomatii (дата обращения: 04.03.2026)

13. Панова Д.А. Особенности институционализации сотрудничества стран БРИКС // Экономика и бизнес. 2024. № 4-3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-institutsionalizatsii-finansovoekonomicheskogo-sotrudnichestva-stran-briks (дата обращения: 02.03.2025)

14. План действий по выходу из глобального финансового кризиса // Президент России. 2009. 2 апреля. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/177 (дата обращения: 25.03.2026)

15. Совместное заявление лидеров стран БРИК // Президент России. 2009. 16 июня. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/209 (дата обращения: 25.03.2026)

16. Соколова И.И., Ладейщикова Е.Э. Эволюционная динамика и предпосылки становления стран группы БРИКС // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2022. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsionnaya-dinamika-i-predposylki-stanovleniya-stran-gruppy-briks (дата обращения: 01.03.2026)

17. Целищев Н.Н. БРИКС – новая форма международной интеграции // АОН. 2013. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/briks-novaya-progressivnaya-forma-mezhdunarodnoy-integratsii-razvivayuschihsya-stran-stanovlenie-i-razvitie (дата обращения: 17.07.2024)

18. XVI саммит БРИКС. Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Казань, Российская Федерация // Президент России. 2024. 23 октября. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/pdf (дата обращения: 25.03.2026)

References

1. Anufrieva L.P. BRICS: On the Legal Nature and Principles of Cooperation. Actual Problems of Russian Law. 2019. No. 12 (109). P. 123 – 133. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.109.12.123-133

2. Bawaskar R. BRICS in Transition: A Critical Analysis of Opportunities and Challenges within the Emerging Global Order. Modern World Economy. 2020. Vol. 2. No. 4 (8).

3. Vedernikova E.V., Rudenko M.N. Dynamics of Institutional Development of the BRICS Countries and Their Role in the Modern World Order. Economic Security. 2024. Vol. 7. No. 8. P. 1983 – 1998. DOI: 10.18334/ecsec.7.8.121617

4. Gorbunova M.L., Livanova E.Yu., Elizarova N.K., Ovchinnikov V.N. BRICS Contingent Reserve Arrangement. Bulletin of N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2017. No. 4 (48). P. 7 – 18.

5. Evsin M.Yu., Ziroyan R.A. BRICS Countries in the Global Economy. EFO. 2024. No. 4 (12). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strany-briks-v-mirovoy-ekonomike-1 (date of access: 01.03.2026)

6. Johannesburg Declaration of the Tenth BRICS Summit. President of Russia. 2018. July 26. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5323 (date of access: 25.03.2026)

7. Korneva E.V. Analysis of the Evolution of Institutional Theory. Moscow: Delo Publishing House, 2013. P. 218 – 224.

8. Kudashova N.N. BRICS Prospects in the Context of Globalization. Theories and Problems of Political Research. 2019. Vol. 8. No. 5A. P. 79 – 89. DOI: 10.34670/AR.2019.44.5.010

9. Lapotchkina E.P. International legal cooperation within the BRICS framework. Bulletin of Tomsk State University. 2024. No. 507. P. 234 – 240. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-sotrudnichestvo-v-ramkah-briks-evolyutsiya-rezultaty-i-perspektivy-razvitiya (date of access: 04.03.2025)

10. Li Jingcheng Status and prospects of international cooperation within the BRICS+ framework. Management Consulting. 2020. No. 3. P. 110 – 120. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-3-110-120

11. Malkov S.Yu. Demographic and Economic Development of the BRICS Countries. The Age of Globalization. 2024. No. 4. P. 129 – 148. DOI: 10.30884/vglob/2024.04.11

12. Nurutdinova A.R. The History of the Creation of BRIC as a New Concept of Multi-Vector Diplomacy. Siberian Journal of Economic and Business Research. 2012. No. 5. P. 248 – 259. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-sozdaniya-brik-kak-novaya-kontseptsiya-mnogovektornoy-diplomatii (date of access: 04.03.2026)

13. Panova, D.A. “Characteristics of the institutionalization of cooperation among BRICS countries”. Economy and Business. 2024. No. 4-3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-institutsionalizatsii-finansovoekonomicheskogo-sotrudnichestva-stran-briks (date of access: 02.03.2025)

14. Action plan to exit the global financial crisis. President of Russia. 2009. April 2. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/177 (date of access: 25.31.2026)

15. Joint statement of the BRIC leaders. President of Russia. 2009. June 16. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/209 (date of access: 25.03.2026)

16. Sokolova I.I., Ladeyshchikova E.E. Evolutionary dynamics and prerequisites for the formation of the BRICS countries. A-factor: research and development (humanities). 2022. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsionnaya-dinamika-i-predposylki-stanovleniya-stran-gruppy-briks (date of access: 01.31.2026)

17. Tselischev N.N. BRICS – a new form of international integration. AON. 2013. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/briks-novaya-progressivnaya-forma-mezhdunarodnoy-integratsii-razvivayuschihsya-stran-stanovlenie-i-razvitie (date of access: 17.07.2024)

18. XVI BRICS Summit Kazan Declaration. Strengthening Multilateralism for Equitable Global Development and Security. Kazan, Russian Federation. President of Russia. 2024. October 23. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/pdf (date of access: 25.03.2026)

Информация об авторе

Адам Мбоду Адам, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, sabouny77@gmail.com

© Адам Мбоду Адам, 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(560)
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-139-145

Национализм как идеологическая основа Турецкой Республики в политике Ататюрка и Эрдогана

[1] Курков В.В.,
[1] Азеева А.А.,
[1] Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: статья посвящена сравнительному анализу национализма Мустафы Кемаля Ататюрка – как идеологической системы, с помощью которой удалось сплотить население молодой Турецкой Республики в единую светскую нацию и в ходе кемалистской революции восстановить страну после катастрофического поражения в Первой мировой войне, и националистической модели Реджепа Тайипа Эрдогана – неоосманизма – реанимирующей отвергнутые Ататюрком идеи единого османского имперского мира, исламизма и пантюркизма. Авторами делается вывод, что неоосманизм по своей сути отражает поиск турецкой политической элитой нового и более значимого места для современной Турецкой Республики в сложном и противоречивом современном мире. Вопреки распространенному представлению о том, что, кардинально меняя идеологические основы государства, Эрдоган лишь формально сохраняет видимую верность «отцу нации» и его принципам, по мнению авторов статьи в националистических концепциях Ататюрка и Эрдогана можно увидеть не только принципиальные различия, но и сходства и определенную историческую преемственность – поэтому, логичнее констатировать при сравнении идеологических подходов этих турецких лидеров выделение двух периодов в развитии турецкого национализма – своего рода исторических весны и осени тюркизма – по-прежнему означающих сохранение националистической сущности Турецкой Республики.

Ключевые слова: Мустафа Кемаль Ататюрк, кемализм, «шесть стрел», национализм, Реджеп Тайип Эрдоган, исламизм, пантюркизм, неоосманизм

Для цитирования: *Курков В.В., Азеева А.А. Национализм как идеологическая основа Турецкой Республики в политике Ататюрка и Эрдогана // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 139 – 145. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-139-145*

Поступила в редакцию: 7 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

Nationalism as the ideological basis of the Turkish Republic in the policies of Ataturk and Erdogan

[1] Kurkov V.V.,
[1] Azeeva A.A.,
[1] Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: this article offers a comparative analysis of Mustafa Kemal Atatürk's nationalism – an ideological system that united the population of the young Turkish Republic into a single secular nation and, through the Kemalist Revolution, rebuilt the country after its catastrophic defeat in World War I – and Recep Tayyip Erdoğan's nationalist model of neo-Ottomanism, which revives Atatürk's rejected ideas of a unified Ottoman imperial world, Islamism, and pan-Turkism. The authors conclude that neo-Ottomanism, at its core, reflects the Turkish political

elite's search for a new and more meaningful place for the modern Turkish Republic in a complex and contradictory modern world. Contrary to the widespread belief that, while radically changing the ideological foundations of the state, Erdoğan is merely formally maintaining a visible allegiance to the "father of the nation" and his principles. The authors of the article believe that the nationalist concepts of Atatürk and Erdoğan reveal not only fundamental differences but also similarities and a certain historical continuity. Therefore, when comparing the ideological approaches of these Turkish leaders, it is more logical to distinguish two periods in the development of Turkish nationalism – a kind of historical spring and autumn of Turkism – which continue to signify the preservation of the nationalist essence of the Turkish Republic.

Keywords: Mustafa Kemal Atatürk, Kemalism, "six arrows," nationalism, Recep Tayyip Erdoğan, Islamism, Pan-Turkism, Neo-Ottomanism

For citation: *Kurkov V.V., Azeeva A.A. Nationalism as the ideological basis of the Turkish Republic in the policies of Ataturk and Erdogan. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 139 – 145. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-139-145*

The article was submitted: April 7, 2026; Approved after reviewing: May 5, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Мустафа Кемаль Ататюрк – фигура, без которой невозможно представить современную Турцию. Первый президент Турецкой Республики остаётся культовой личностью и в наши дни, а его идеи до сих оказывают огромное влияние на идеологический базис страны. Весь жизненный путь Ататюрка прошел под знаменами турецкого национализма. Мустафа Кемаль родился в 1881 году в Салониках в семье лесоторговца – происхождение из европейской части империи, некогда триумфально завоеванной османами, уже должно было внушать будущему революционному лидеру мысли о национальном превосходстве. Прозвище Кемаль, что означает «Совершенство», он получил, в военном училище за математические способности [12, с. 19]. Свою политическую деятельность он начинает в Монастирском колледже, где он объединил вокруг себя группу офицеров, недовольных реакционным и репрессивным режимом султана Абдул-Хамида II. Из-за подпольной деятельности Мустафу Кемаля в звании капитана отправляют на службу подальше от столицы в Дамаск, где в 1905 году он создал революционную организацию «Родина и свобода» [6, с. 17]. Там же Мустафа знакомится с лидерами партии Единения и прогресса и вступает в нее. Уже тогда идеи будущего «отца турецкой нации», стремившегося не только к восстановлению Конституции, но и к упразднению османской монархии, были более радикальными нежели других членов и руководства этой партии [3, с. 18-20]. После окончания Первой мировой войны Кемаль не признал капитуляции султана и раздела Османской империи. Когда по решению Парижской мирной конференции в 1919 году произошла высадка греков в Измире, в том же году Мустафа Кемаль организовал национальное движение сопротивления по всей Анатолии, что в итоге привело к победе в войне за независимость [6, с. 94]. На волне этой победы возникает идеология кемализма, в авангарде которой именно постулаты национализма в течении столетия определяют развитие Турецкой Республики, а ныне все это наследие Ататюрка подвергается радикальной трансформации со стороны исламизма и неоосманизма Эрдогана. Актуальность исследуемой проблемы, равно как и многих других аспектов истории Турции в новое и новейшее время, определяется на наш взгляд сложнейшим переплетением российской и турецкой истории (тринадцать военных конфликтов и три периода союзнических отношений двух великих держав) – все это порождает одновременно и сложную историческую основу для современных российско-турецких отношений, и очевидные трудности изучении данной тематики в учебных исторических курсах [8, с. 222; 9, с. 7, 9-10].

Материалы и методы исследований

Авторы статьи исходя из общеобязательных принципов историзма и научной объективности в качестве основного использовали сравнительно-исторический метод, позволяющий методологически верно представить исторический процесс развития турецкого национализма от эпохи кемалистской революции, до современных подвижек в идеологии Турецкой республики, обусловленных неоосманистской политикой Эрдогана. Источниковую основу представленного исследования формирует сравнительный анализ фундаментального четырехтомного труда М.К. Ататюрка [2, 3, 4], освещающего ключевые этапы становления идеологии кемализма, и книги Р.Т. Эрдогана [14], смещающей идеологический вектор на ранее отвергаемые кемалистами лозунги панисламизма и единства тюркского мира, а также – сравнение программных документов НРП и ПСР по националистической составляющей.

Результаты и обсуждения

В Османской многонациональной империи собственно турецкой национальной идеи фактически не существовало и Ататюрк, проделал огромную работу, создав её. В итоге, спустя столетие, кемализм сохраняет свое влияние как конституционно закрепленная официальная идеология современной Турецкой Республики, сохраняя в ее идеологическом арсенале, словно в колчане древнего тюркского кочевника, шесть знаменитых «стрел» Ататюрка: идеи республиканизма, национализма, народности, этатизма, лаицизма и революционности. Среди них именно национализм занимал особое место, став не просто одним из политических принципов, а главным мобилизующим фактором, стержнем всех революционных преобразований и инструментом построения нового национального государства [13, с. 64].

После череды поражений в войнах и крушения «больного человека Европы» – Османской империи, в турецком обществе ощущался катастрофический недостаток объединяющей идеи, которая сможет сплотить народ для восстановления статуса страны на международной арене. Поэтому уже на начальной стадии своей борьбы – когда только начиналось подготовка ангорской революционной базы, для статей и выступлений Мустафы Кемаля характерна постоянная апелляция с призывом к объединению для борьбы за независимость не к обанкротившемуся государству, а именно к народу, к нации [2, с. 119, 185, 208].

Решить эту задачу могла только новая революционная националистическая идеология, так как идеи османизма обанкротились уже к концу XIX века, что в принципе и обусловило неизбежную политическую смерть «больного человека Европы». Одновременно катастрофические для Турции итоги мировой бойни 1914-1918 годов перечеркнули и панисламистскую концепцию в качестве объединительной идеологии для всех подданных османского султана и халифа. Пантюркистская идеология, активно использовавшаяся и монархическим режимом, и младотурецкой диктатурой, для кемалистов была не приемлема в связи с тем что, такие по сути имперские идеи были способны испортить отношения нуждавшимся в союзниках турецким революционерам и с советским государством, и с Западной Европой [13, с. 65-67]. Хотя именно статьи и речи Ататюрк нередко демонстрирую яркие образцы использования лозунгов и постулатов пантюркизма: так в своем выступлении на историческом заседании ВНСТ 1 ноября 1922 года он говорит о турецкой нации создавшей великие государства Чингиза, Сельджука и Османа [4, с. 281]. Однако, прежде всего, кемалисты ставили главной целью привить людям идею турецкой нации. Концепция, выдвинутая Ататюрком, носила исключительно территориальный характер из-за невозможности сохранения прежних границ после войны. Анатолия в Азии и стамбульский район в Европе были определены в качестве будущей основы нового турецкого государства. Это было положено в основу национального обета 1920 года. Первоначально национализм Ататюрка не носил дискриминационного характер, а наоборот декларировал объединяющие тенденции. Выступая перед нотаблями Анкары в декабре 1919 года Мустафа Кемаль даже утверждал что ни один народ не проявлял такой веротерпимости и уважения к другим национальностям как это демонстрируют турки (армяне и греки явно не согласились бы с этим утверждением Ататюрка – но в плане политической идеологии и технологии этот пассаж весьма показателен). Однако постепенно, кемалисты стали исключать немусульман из состава новой турецкой нации.

Изначально сложной проблемой для кемалистской идеологии турецкого национализма стало отношение к крупнейшему после турок мусульманскому этносу страны – к курдам. На начальном этапе своей борьбы Мустафа Кемаль был вынужден заключить союз с курдскими лидерами, обещая курдскому народу автономию и широкие права в будущем. В качестве детерминанты данного союза, выступала общая для двух сторон «христианская угроза» и поэтому кемалистско-курдский дуумвират просуществовал недолго. После изгнания христианского населения и подавления восстания шейха Саида обещания автономии были забыты, курдов объявили «горными турками», а Лозаннский договор 1923 года, защищавший права немусульманских меньшинств, на них не распространялся [13, с. 67]. В 1936 году было заявлено, что курдская проблема самая важная и опасная для страны и Ататюрк призвал покончить с ней любыми методами.

Собственно программа НРП как партии кемалистской революции и Ататюрка в 1931 году определила турецкую нацию как политическое и социальное сообщество, объединяющее граждан, связанных друг с другом единством языка и психологии [4, с. 322]. Такой подход означал полный разрыв с наследием османизма и пантюркизма, целенаправленно исключая из политического определения турецкой нации ее религиозные и этнические признаки [4, с. 328-340]. Соответственно, согласно турецкой конституции 1924 года все граждане страны не зависимо от их принадлежности к какой-либо религии считались турками.

Победа в национально-освободительной войне во многом была обусловлена идеологией нового турецкого национализма. Кемалисты понимали, что эти идеи необходимо развивать и для успеха дальнейших реформ. Задача воспитания «стойких республиканцев и националистов» была определена программой кемалистской партии [4, с. 325]. В итоге политика Ататтюрка была направлена на активизацию идеологиче-

ской работы с народом и активное насаждение идей турецкого национализма как ключевого критерия, позволяющего констатировать политическую лояльность любого гражданина новой Турецкой Республики [13, с. 67-68].

Кемалистами был найден и новый фундамент для утверждения молодого турецкого национализма – политизированная историческая мифология. Османской период истории Турции был отодвинут на задний план, а вместо него активно поднимается на щит легендарная история древних тюрок в доисламскую эпоху. Историческую основу новой турецкой нации целенаправленно формируется со стороны Комитета турецких оджаков, взявшего на себя ношу по внедрению нового взгляда на турецкую историю. Публикуется много «научных» сочинений посвященным неким «прототюркам», которые населяли Анатолийский полуостров задолго до нашей эры и потомками которых были объявлены хетты, троянцы и многие другие вполне реальные древние этносы.

Под влиянием кемалистского национализма в турецкой истории утверждаются «научные теории», в соответствии с которыми человеческая цивилизация и древнейшие образцы государственности в глубокой древности были порождены в Северной и Южной Азии, Анатолии, Европе, Африке и даже Америке мифическим тюркским этносом, вставшим на исторический путь номадов по причине пересыхания фантастического моря в самом сердце Центральной Азии, на побережье которого якобы и существовала изначальная протоцивилизация всего мира [13, с. 67-68].

Мустафа Кемаль искренне верил в наличие прямой связи между языками тюркских народов и индоевропейцев, полагая даже что турецкий язык является праязыком для всей индоевропейской семьи. Задача по утверждению в сознании молодой нации данного тезиса (спорного с научной точки зрения, но весьма перспективного в плане развития национализма) решается Обществом по изучению турецкого языка, ключевой функцией которого стало продвижение исследовательских работ таких историков, которые бы продемонстрировали всему миру «достоинства» турецкого языка, вписывающие его в один ряд с ведущими языками человечества. Так была начата работа по внедрению «Турецкого исторического тезиса», призванного обосновать, факт того, что турецкий этнос является древнейшим в мире. В 1928 году арабский алфавит заменили на новый турецкий. Была начата кампания «Гражданин – говори по-турецки», которая обязывала говорить на новом турецком в публичной сфере и частной жизни. За использование старого османского языка или языков других национальностей, проживавших на территории Турции, наказывали [13, с. 68].

Хотя культ почитания Ататюрка для Турецкой Республики и в наши дни поддерживается на официальном уровне, но на протяжении всей новейшей истории страны у идеологии и политики кемализма были непримиримые враги. Турецкий исламизм на протяжении столетия ведет упорную борьбу за реставрацию традиционного мусульманского общества, настойчиво стремясь трансформировать образ Ататюрка и его реформ, приспособив его к тенденции мусульманского возрождения [10, с. 31].

Один из основателей возрожденного политического ислама в Турецкой Республике – Неджметин Эрбакан – 20 октября 1991 года выступил с программным заявление, в котором провозглашалось необходимость ренессанса традиционных национально-религиозных принципов. В первые десятилетия XXI века тенденция исламского возрожденчества неуклонно нарастает, невзирая на то, что современная Турция является страной с утвержденным законодательным принципом отделения религии от государства. Характерной особенностью современной исламизации в Турции является возрождение исламизма так называемого «мягкого» толка, хотя несмотря на это курс на постепенную, но неуклонную исламизацию турецкого общества будет неизбежно означать обострение внутриполитической ситуации в Турецкой Республике [10, с. 31].

Заняв пост премьер-министра в 2003 году, Реджеп Тайип Эрдоган начал осуществлять во внутриполитической жизни Турции комплекс мероприятий, которые явно свидетельствуют об отказе от светского кемалистского курса, провозглашённого Ататюрком [11, с. 147]. На смену национализму гражданскому и республиканскому, который насаждался в рамках кемалистской идеологии, в период правления Эрдогана настойчиво утверждается национализм неоимперский – апеллирующий к исторической миссии Турецкой Республики по объединению всех регионов бывших в составе Османской державы под эгидой Анкары. Идеи тюркизма в представлении Ататюрка представляли собой наглядное декларирование красоты и исторической исключительности турецкой нации, законно войти в которую может каждый, кто осознает себя турком: при этом сам вождь кемалистской революции с гордостью провозгласил 29 октября 1933 года в речи по поводу десятилетнего юбилея Турецкой Республики – «Как счастлив всякий, говорящий: «Я – Турок!». В настоящее же время усилиями Эрдогана идеология тюркизма в качестве идеологического базиса Турецкой республики заменена принципами неоосманизмома [5, с. 58].

Турция сейчас воспринимает себя не как национальное государство, а как региональный центр силы, претендующий на лидерство в тюркском мире. В этом плане пантюркизм – дополнительный рычаг внешнеполитического влияния, позволяющий обернуть любые политические пристрастия в свою пользу. Эрдоган не отвергает наследие Ататюрка, а как бы наполняет республиканские институты имперским содержанием. Благодаря сотрудничеству Партии справедливости и развития с националистами Эрдоган может апробировать пантюркистские идеи в общественном мнении, а если они не будут приняты народом, списать все на действия радикалов. Из этого следует, что национализм Эрдогана – это достаточно гибкий политический ресурс [5, с. 61-62].

Новой чертой, привнесенной в турецкий национализм Эрдоганом стала попытка урегулирования болезненного конфликта в Турецком Курдистане. Курдская проблема для Турецкой Республики традиционно заключалась в жестком подавлении национальных движения и прав курдского этноса со стороны Анкары, целенаправленном торможении общественного и культурного прогресса курдского населения, а также в очевидном экономическом отставании регионов с компактным проживанием курдов [11, с. 150]. Партия Эрдогана – ПСР, в итоге стала первой правящих партий Турецкой Республики, в программных документах которой особое внимание обращалось на необходимость устранения детерминант этнополитического конфликта на востоке страны. Следствием этого стали меры направленные на улучшение положения курдов: открытие государственного телевещания на курдском языке, разрешение с 2012 года использовать курдский язык в обучении (как факультативный), принятие закона о государственной амнистии и смягчение «Закона о терроризме» [11, с. 150-151].

В своей книге «Более справедливый мир возможен!» Эрдоган практически открыто заявляет об отходе от классического кемализма к неоосманзму, демонстрируя насколько сейчас в Турции политический вектор смещён на единство всего тюркского мира, что легитимизирует право турецкого правительства говорить от имени всех тюркских народов – лаже если эти народы находятся в составе других стран. Широко известное высказывание современного турецкого лидера – «Мир больше пяти» (имеются в виду пять постоянных членов Совета Безопасности ООН) [1, с. 195] – стало наиболее популярным политическим слоганом, символизирующем новый уровень геополитических амбиций Турецкой Республики. Эрдоган достаточно активно выступает с критикой ООН, требует ее кардинального реформирования, считая организацию устаревшей и не пригодной для защиты мусульман перед западным миром, приравнивая при этом исламофобию к расизму и даже к неонацизму [7; 14, с. 5-6].

Выводы

Национализм Ататюрка – прочно сложившаяся система, с помощью которой удалось сплотить население молодой Турецкой Республики в единую светскую нацию на основе общего гражданства и отказа от религиозно-общинного деления. Среди знаменитых «шести стрел» Ататюрка – идеологических принципов кемалистской революции – именно национализм является ключевым фактором, обусловившим восстановление страны после распада Османской империи и катастрофического поражения в Первой мировой войне. В течении столетия после кемалистской революции идеологическое наследие Ататюрка демонстрирует поразительную политическую живучесть и долголетие.

Националистическая модель Эрдогана – неоосманизм – реанимируя отвергнутые Ататюрком идеи некого единого османского имперского мира, исламизма и пантюркизма, по своей сути отражает поиск турецкой политической элитой нового и более значимого места для современной Турецкой Республики в сложном и противоречивом современном мире.

В итоге возникает распространенное представление что, кардинально меняя идеологические основы государства, Эрдоган лишь формально сохраняет видимую верность «отцу нации» и его принципам. Однако в националистических концепциях Ататюрка и Эрдогана можно увидеть не только принципиальные различия, но и сходства и определенную историческую преемственность – поэтому, на наш взгляд логичнее констатировать при сравнении идеологических подходов этих турецких лидеров выделение двух периодов в развитии турецкого национализма – своего рода исторических весны и осени тюркизма – по-прежнему означающих сохранение националистической сущности Турецкой Республики.

Список источников

1. Аватков В.А., Гузаеров Р.И. «Мир больше пяти», или справедливость по-турецки // Современная Европа. 2023. № 1. С. 194 – 201.

2. Ататюрк М.К. Путь новой Турции. 1919-1927: в 4-х т. Т. 2: Подготовка ангорской базы. 1919-1920. М.: Литиздат НКИД; Гос. Соц.-эконом. изд., 1932. 416 с.

3. Ататюрк М. К. Путь новой Турции. 1919-1927: в 4-х т. Т. 3: Интервенция союзников. Греко-турецкая война и консолидация национального фронта. 1920-1921. М.: Литиздат НКИД; Гос. Соц.-эконом. изд., 1934. 460 с.

4. Ататюрк М.К. Путь новой Турции. 1919-1927: в 4-х т. Т. 4: Победа новой Турции. 1921-1927. М.: Литиздат НКИД; Гос. Соц.-эконом. изд., 1934. 570 с.

5. Бирюков С.В. Турция Эрдогана: ревизия наследия кемалистского республиканизма и его базовых принципов // Власть истории и история власти. 2022. № 7 (41). С. 53 – 68.

6. Владимирский А. Мустафа Кемаль Ататюрк – основатель новой Турции. М: Вече, 2025. 384 с.

7. Звонарёва Л.У., Звонарев О.В. Проблемы глобализации в оценке президента Турции Р.Т. Эрдогана (по материалам книги Реджепа Тайипа Эрдогана «Более справедливый мир возможен! Актуальное предложение по реформе Организации Объединенных Наций») // Мировые цивилизации. 2023. № 2. URL: https://wcj.world/PDF/08IAMZ223.pdf

8. Курков В.В., Симакова В.Н., Бункова А.В. Военное противостояние России и Османской империи: к вопросу о систематизации учебного материала в школьном курсе истории // Исторический бюллетень. 2025. Т. 8. № 7. С. 221 – 229.

9. Курков В.В., Симакова В.Н. Конвенция Монтре как наследие советской политики в современных противоречиях России и НАТО: к вопросу об изучении режима Черноморских проливов в школьном курсе истории // Исторический бюллетень.2025. Т. 8. № 8. С. 6 – 11.

10. Михайлов В.И. Реформы К. Ататюрка и современная политическая ситуация в Турции // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии, 2013. № 3 (20). С. 30 – 32.

11. Самраилова Е.К., Соколова Н.А. Внутренняя политика Эрдогана – завершена ли эпоха Ататюрка? // Труд и социальные отношения. 2013. № 3. С. 146 – 152.

12. Сулейманова З.А. Мустафа Кемаль Ататюрк // Наука, образование и культура. 2017. С. 19 – 207.

13. Шестаков Н. Национализм М.К. Ататаюрка как государственная идеология Турецкой республики (20-е – 40-е гг. XX в.) // Страницы истории. 2019. С. 64 – 69.

14. Эрдоган Р.Т. Более справедливый мир возможен! Актуальное предложение по реформе Организации Объединенных Наций. М: Проспект, 2023. 192 с.

References

1. Avakov V.A., Guzayev R.I. “The World is Greater than Five,” or Justice in Turkish. Modern Europe. 2023. No. 1. pp. 194 - 201.

2. Ataturk M.K. The Path of the New Turkey. 1919-1927: in 4 volumes. Volume 2: Preparation of the Angora Base. 1919-1920. Moscow: Litizdat NKID; State Social-Economic Publ., 1932. 416 p.

3. Ataturk M.K. The Path of the New Turkey. 1919-1927: in 4 volumes. Volume 3: Allied Intervention. The Greco-Turkish War and Consolidation of the National Front. 1920-1921. Moscow: Litizdat NKID; State. Soc.-Economic. Publ., 1934. 460 p.

4. Atatürk M.K. The Path of the New Turkey. 1919-1927: in 4 volumes. Vol. 4: Victory of the New Turkey. 1921-1927. Moscow: Litizdat NKID; State Soc.-Economic. Publ., 1934. 570 p.

5. Biryukov S.V. Erdogan's Turkey: A Revision of the Legacy of Kemalist Republicanism and Its Basic Principles. The Power of History and the History of Power. 2022. No. 7 (41). P. 53 – 68.

6. Vladimirsky A. Mustafa Kemal Atatürk – Founder of the New Turkey. Moscow: Veche, 2025. 384 p.

7. Zvonareva L.U., Zvonarev O.V. Problems of globalization in the assessment of the President of Turkey R.T. Erdogan (based on the book by Recep Tayyip Erdogan “A more just world is possible! A current proposal for the reform of the United Nations”). World Civilizations. 2023. No. 2. URL: https://wcj.world/PDF/08IAMZ223.pdf

8. Kurkov V.V., Simakova V.N., Bunkova A.V. Military confrontation between Russia and the Ottoman Empire: on the issue of systematization of educational material in the school history course. Historical Bulletin. 2025. Vol. 8. No. 7. P. 221 – 229.

9. Kurkov V.V., Simakova V.N. The Montreux Convention as a Legacy of Soviet Policy in the Current Contradictions between Russia and NATO: On the Issue of Studying the Regime of the Black Sea Straits in the School History Course. Historical Bulletin. 2025. Vol. 8. No. 8. P. 6 – 11.

10. Mikhailov V.I. K. Ataturk’s Reforms and the Current Political Situation in Turkey. Bulletin of the St. Petersburg Law Academy, 2013. No. 3 (20). P. 30 – 32.

11. Samrailova E.K., Sokolova N.A. Erdogan’s Domestic Policy: Is the Ataturk Era Over? Labor and Social Relations. 2013. No. 3. P. 146 – 152.

12. Suleimanova Z.A. Mustafa Kemal Ataturk. Science, Education and Culture. 2017. P. 19 – 207.

13. Shestakov N. M.K. Atatayürk's Nationalism as the State Ideology of the Turkish Republic (1920s – 1940s). Pages of History. 2019. P. 64 – 69.

14. Erdogan R.T. A More Just World is Possible! A Current Proposal for Reform of the United Nations. Moscow: Prospect, 2023. 192 p.

Информация об авторах

Курков В.В., кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Азеева А.А., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Курков В.В., Азеева А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-146-155

Великие исторические открытия и их значение для европейской цивилизации

[1] Тедеева У.Ш.,
[2] Гантамиров Т.Т.,
[3] Эльбуздукаева Т.У.,
[1] Северо-Осетинская государственная медицинская академия Минздрава России,
[2] Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова,
[3] Чеченский государственный педагогический университет

Аннотация: в статье исследуется феномен великих исторических открытий – решающих прорывов в познании прошлого, которые не только изменили научные представления о тех или иных эпохах и событиях, но и оказали глубокое влияние на самосознание европейской цивилизации, её ценностные ориентиры и понимание собственного места в мировой истории. Под великими историческими открытиями в данной работе понимаются не только обнаружение новых источников и артефактов (например, дешифровка египетских иероглифов, открытие вавилонских и хеттских архивов, находки в долине Инда, раскопки Трои и Микен), но и методологические прорывы, изменившие сам способ исторического мышления. Показано, что каждое из этих открытий в момент своего появления релятивизировало устоявшиеся европейские нарративы о прошлом, одновременно расширяя горизонты исторического воображения и обогащая европейскую культуру новыми смыслами. Особое внимание уделяется значению дешифровки древних письменностей для утверждения историзма как основополагающей черты европейского мировоззрения, а также роли археологических открытий XIX-XX веков в преодолении европоцентристских исторических схем и признании равноправия древних цивилизаций Востока. На основе анализа ключевых открытий (камня Розетты, библиотеки Ашшурбанипала, глиняных табличек Богазкёя, печатей Мохенджо-Даро, фресок Кносса, мёртвых свитков Мёртвого моря) формулируется вывод о том, что европейская историческая наука развивалась не как линейное накопление позитивных знаний о прошлом, а как серия бифуркаций – смены парадигм, каждый раз порождавших новую картину исторического мира и новое понимание человеческой природы, времени, культуры и идентичности.

Ключевые слова: исторические открытия, европейская цивилизация, дешифровка письменностей, археология, историческая методология

Для цитирования: *Тедеева У.Ш., Гантамиро Т.Т., Эльбуздукаева Т.У. Великие исторические открытия и их значение для европейской цивилизации // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 146 – 155. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-146-155*

Поступила в редакцию: 7 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

Great historical discoveries and their significance for European civilization

[1] Tedeeva U.Sh.,
[2] Gantamirov T.T.,
[3] Elbuzdukaeva T.U.,
[1] North Ossetian State Medical Academy of the Ministry of Health of the Russian,
[2] Kadyrov Chechen State University,
[3] Chechen State Pedagogical University

Abstract: the article explores the phenomenon of great historical discoveries – decisive breakthroughs in knowledge of the past, which not only changed scientific ideas about certain epochs and events, but also had a profound impact on the self-awareness of European civilization, its value orientations and understanding of its own place in world history. In this work, great historical discoveries are understood not only as the discovery of new sources and artifacts (for example, the deciphering of Egyptian hieroglyphs, the discovery of Babylonian and Hittite archives, finds in the Indus Valley, excavations of Troy and Mycenae), but also methodological breakthroughs that changed the very way of historical thinking. It is shown that each of these discoveries, at the time of its appearance, relativized established European narratives about the past, while simultaneously expanding the horizons of historical imagination and enriching European culture with new meanings. Special attention is paid to the importance of deciphering ancient writings for the establishment of historicism as a fundamental feature of the European worldview, as well as the role of archaeological discoveries of the 19th–20th centuries in overcoming Eurocentric historical schemes and recognizing the equality of ancient civilizations of the East. Based on the analysis of key discoveries (the Rosetta stone, the Ashurbanipal library, the Boghazkey clay tablets, the Mohenjo-Daro seals, the frescoes of Knossos, the Dead Sea scrolls), the conclusion is formulated that European historical science developed not as a linear accumulation of positive knowledge about the past, but as a series of bifurcations.paradigm shifts, each time generating a new picture of the historical world and a new understanding of human nature, time, culture and identity.

Keywords: historical discoveries, European civilization, deciphering of writings, archeology, historical methodology

For citation: *Tedeeva U.Sh., Gantamirov T.T., Elbuzdukaeva T.U. Great historical discoveries and their significance for European civilization. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 146 – 155. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-146-155*

The article was submitted: April 7, 2026; Approved after reviewing: May 5, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Понятие «великое открытие» прочно ассоциируется в европейской культуре прежде всего с географическими экспедициями и естественнонаучными прорывами – открытием Америки, гелиоцентрической системой Коперника, теорией эволюции Дарвина, строением атома, расшифровкой генома человека. Однако параллельно с этими, хорошо изученными и широко отмеченными в историографии вехами, существовала и существует другая линия открытий, не менее значимых для европейского самосознания, но гораздо реже становившихся предметом философско-исторической рефлексии – открытия в области собственного прошлого человечества. Речь идёт о тех моментах, когда исследователи, руководствуясь интуицией, упорством или счастливым случаем, проникали через толщу веков и культурных наслоений к ранее неизвестным цивилизациям, расшифровывали забытые письменности, восстанавливали утраченные династии и события, переписывая тем самым не только историю конкретных народов, но и понимание самой природы исторического времени и человеческой сущности.

Каждое такое открытие в момент своего появления производило эффект культурного шока, сродни тому, который пережила Европа после сообщений Колумба о землях за океаном или после публикации «Происхождения видов» Дарвина. Оно одновременно разрушало привычные нарративы – о древности мира, о месте библейской истории, о превосходстве греко-римской классики, о неравенстве рас и культур – и открывало новые горизонты, заставляя переоценивать не только давно ушедшие эпохи, но и собственную современность. Европейская цивилизация, которая в XIX веке была уверена в своём неоспоримом превосход-

стве над всеми предшествующими и современными ей культурами, оказалась перед лицом свидетельств того, что за три-четыре тысячи лет до её «золотого века» существовали города, грамотность и государственность, не уступавшие, а по многим параметрам превосходившие то, чем могла похвастаться Европа начала новейшего времени.

Цель настоящей статьи – проследить историю великих исторических открытий Нового и Новейшего времени в их взаимосвязи с трансформациями европейского самосознания, выявить закономерности и бифуркационные точки в развитии исторического познания, а также оценить роль этих открытий в формировании современной европейской цивилизации.

Материалы и методы исследований

Теоретическая значимость исследования заключается в применении концепции бифуркаций к истории исторической науки, что позволяет по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо изученные факты и процессы. Практическая значимость определяется возможностью использовать полученные выводы для разработки университетских курсов по историографии, методологии истории и культурной антропологии, а также для популяризации исторического знания в обществе. В работе будут использованы как классические труды первооткрывателей, так и современные историографические исследования, переосмысляющие значение великих открытий в свете постколониальной и постмодернистской критики.

Чтобы оценить масштаб интеллектуальной революции, произведённой великими историческими открытиями XIX-XX веков, необходимо кратко охарактеризовать состояние исторического знания в Европе до этой революции. На протяжении почти полутора тысяч лет – от поздней античности до середины XVIII века – европейское понимание прошлого определялось несколькими фундаментальными ограничениями, которые теперь могут показаться наивными, но в то время были непререкаемыми истинами [7].

Первое ограничение было хронологическим. Согласно библейской хронологии, выведенной в XVII веке ирландским архиепископом Джеймсом Ашшером (и получившей широчайшее распространение благодаря авторитету Библии и отсутствию альтернатив), мир был сотворён в 4004 году до нашей эры. Это означало, что вся человеческая история укладывалась в интервал менее шести тысяч лет – срок, достаточный, казалось бы, для возникновения государств и письменности, но совершенно недостаточный для развития сколько-нибудь древних цивилизаций за пределами библейского ареала. Любые археологические находки, которые могли бы свидетельствовать о большей древности человечества (например, каменные орудия, найденные в слоях с останками вымерших животных), трактовались как относящиеся к допотопному периоду или как более поздние вкрапления. Историческая наука в значительной степени была служанкой богословия, и её задача сводилась не столько к открытию нового, сколько к подтверждению истин, уже содержащихся в Священном Писании.

Второе ограничение было географическим. Европейское историческое знание ограничивалось в основном тремя регионами: Средиземноморьем (Греция, Рим, Египет в той мере, в какой о нём сообщали греческие и латинские авторы), Палестиной (как землёй библейской истории) и, в меньшей степени, Месопотамией, известной по упоминаниям в тех же античных и библейских текстах. Цивилизации Индии, Китая, доколумбовой Америки, не говоря уже о Тропической Африке и Океании, либо вовсе не входили в поле зрения европейской историографии, либо трактовались как варварские, не заслуживающие серьёзного изучения. Сама возможность существования в этих регионах древних государств, сопоставимых по сложности и древности с греко-римской цивилизацией, даже не рассматривалась.

Третье ограничение было языковым. Европейские учёные Нового времени, как и их античные предшественники, читали тексты на древнегреческом, латыни и, с эпохи Возрождения, на классическом иврите. Однако подавляющее большинство письменных памятников, созданных в древности за пределами этих трёх традиций, были совершенно недоступны, поскольку языки, на которых они были написаны (египетский, шумерский, аккадский, хеттский, эламский, хараппский и многие другие), были забыты на тысячелетия. Даже если археологи находили стелы с надписями или глиняные таблички, они оставались немыми, ибо никто не знал ни звучания, ни грамматики, ни лексики этих мёртвых языков. Дешифровка древних письменностей была тем ключом, который должен был открыть эти запертые сокровищницы знания.

Четвёртое ограничение было методологическим. Историческая наука вплоть до конца XVIII века оставалась преимущественно нарративной и источниковедческой – она описывала события по документам, но редко задавалась вопросами о причинах этих событий, о структуре общества, о долгосрочных тенденциях. Великие историки античности (Фукидид, Полибий, Тацит) уже задавались такими вопросами, но их метод не был систематизирован, не был распространён на новые типы источников (археологические, лингвистические, антропологические) и, что самое главное, не был институционализирован как критический метод

проверки и интерпретации свидетельств. Прорыв, связанный с именами Лоренцо Валлы, Жана Мабийона и других основоположников источниковедческой критики в XV-XVII веках, был важен, но он касался в основном подлинности документов, а не реконструкции событий на основе разнородных источников из разных культур.

Перелом наступил в эпоху Просвещения, когда философы истории – Вольтер, Юм, Робертсон, Гиббон – начали писать историю не как хронику правлений и сражений, а как историю нравов, торговли, законов, искусств. Гиббоново «История упадка и разрушения Римской империи» (1776-1788) показала, что можно создать грандиозное историческое полотно, охватывающее тринадцать веков, на основе критического анализа тысяч источников и с откровенно рационалистической, нерелигиозной точки зрения. Это был методологический прорыв, подготовивший почву для великих открытий следующего столетия, но сам Гиббон не владел ни одним восточным языком и не мог использовать ещё не открытые источники.

Результаты и обсуждения

Подлинная революция началась в конце XVIII века, когда наполеоновская экспедиция в Египет (1798-1801) привезла в Европу Розеттский камень – трёхъязычную стелу, содержавшую один и тот же текст на древнеегипетском (иероглифическом и демотическом) и на древнегреческом языках. Это был тот самый ключ, который нужен был для дешифровки, и этот ключ попал в руки поколения лингвистов, подготовленных к его использованию предшествующим развитием сравнительного языкознания и ориенталистики. Жан-Франсуа Шампольон, который в 1822 году объявил о своей дешифровке египетских иероглифов, совершил не просто техническое достижение – он открыл дверь в целый мир, существование которого до него только подозревали, но не могли войти. С этого момента великие исторические открытия стали возможны, и они последовали одно за другим на протяжении всего XIX и XX веков, каждое из которых по-своему перекраивало карту человеческого прошлого и переопределяло место европейской цивилизации в этом прошлом.

Дешифровка забытых систем письма – это, вероятно, самый драматичный и интеллектуально напряжённый вид исторического открытия, поскольку она превращает немые артефакты в голоса из прошлого, позволяет услышать самих древних людей, а не только интерпретировать их материальную культуру через призму наших собственных проекций. История дешифровки египетских иероглифов, клинописи Месопотамии, хеттской иероглифики, линейного письма Б и других систем – это история интеллектуальных подвигов, сравнимых с величайшими достижениями естественных наук.

Дешифровка египетских иероглифов Шампольоном – классический пример и модель для всех последующих дешифровок. Шампольон, полиглот с детства, знавший коптский язык (позднюю стадию древнеегипетского), смог на основе сравнения имён собственных (Птолемей, Клеопатра, Александр, Рамзес) на Розеттском камне с их греческими эквивалентами разобраться в смешанном – логографическом, силлабическом и фонетическом – принципе египетского письма. Объявив о своей дешифровке в 1822 году в «Письме господину Дасье», Шампольон фактически основал египтологию как науку, и началось систематическое чтение десятков тысяч иероглифических текстов – от гробничных надписей и папирусов Книги мёртвых до летописей фараонов и литературных произведений. Значение этого открытия для европейской цивилизации трудно переоценить [5]. Египет перестал быть библейской страной порабощения и греко-римской провинцией, а стал самостоятельной цивилизацией с трёхтысячелетней историей, которая по своей древности и величию не уступала, а в чём-то и превосходила классическую античность. Европейская архитектура, живопись, музыка, литература – от опер Верди (с его «Аидой») до модерна с его египтоманией – испытали мощнейшее влияние этого открытия [6].

Дешифровка месопотамской клинописи заняла несколько больше времени и потребовала усилий целой плеяды исследователей – Гротефенда, Роулинсона, Хинкса, Опперта, Сэйса, – но принцип был тот же: использование билингв и трилингв, знание родственных языков (персидского, авестийского, семитских), а также комбинаторный метод. Генри Кресвик Роулинсон, британский офицер на службе Ост-Индской компании, скопировал и расшифровал Бехистунскую надпись – трёхъязычный текст на древнеперсидском, эламском и аккадском, высеченный на скале в Иране по приказу царя Дария [7]. К 1850-м годам аккадский язык (вавилонский и ассирийский диалекты) стал доступен для чтения, и Европа получила доступ к сотням тысяч клинописных табличек из библиотек Ниневии и Вавилона, а также к юридическим, экономическим и литературным документам трёхтысячелетней давности. Открытие эпоса о Гильгамеше, вавилонских космогоний и правовых кодексов (кодекс Хаммурапи, найденный в 1901 году) показало, что многие сюжеты, ранее считавшиеся библейскими (потоп, сотворение мира, сад Эдема), имеют более древние месопотамские

параллели, что вызвало острые споры между традиционалистами и модернистами и способствовало секуляризации европейского сознания.

Особое место в этой серии открытий занимает дешифровка хеттских иероглифов и хеттской клинописи. Хеттское царство, упоминаемое в Библии как один из «народов Ханаана», долгое время считалось легендарным или, в лучшем случае, незначительным локальным княжеством [4]. Однако раскопки в Богазкёе (древняя Хаттуса, столица Хеттского царства) в начале XX века принесли десятки тысяч глиняных табличек на аккадском и хеттском языках, а иероглифические надписи на скалах и монументах встречались по всей Анатолии и Северной Сирии. Дешифровка хеттского (индоевропейского) языка, выполненная Бедржихом Грозным в 1915 году, показала, что хеттская цивилизация была великой державой бронзового века, соперничавшей с Египтом и Ассирией за господство на Ближнем Востоке. Для европейской идентичности этот факт был особенно важен, поскольку хетты были индоевропейцами, которые оставили письменные памятники на три тысячи лет раньше, чем германцы или славяне. Европейцы-индоевропейцы внезапно обрели древнюю историю, сопоставимую по древности с семитскими и хамитскими цивилизациями Востока, но при этом не зависимую от библейского нарратива.

Дешифровка линейного письма Б (микенского) Майклом Вентрисом в 1952 году – уже после Второй мировой войны – стала ещё одним триумфом комбинаторного метода. Артур Эванс, раскопавший Кносс на Крите, нашёл тысячи глиняных табличек с письменами, которые он назвал линейным письмом А и Б. Дешифровка Вентриса (историка-архитектора-любителя, а не профессионального лингвиста) показала, что линейное письмо Б записывает очень архаичную форму греческого языка, датируемую примерно 1450-1200 годами до нашей эры. Это означало, что греки не «варвары», вторгшиеся в Эгеиду в тёмные века и перенявшие письменность у финикийцев лишь в VIII веке, а наследники минойской и микенской цивилизаций, обладавшие собственной письменностью и бюрократией на тысячу лет раньше, чем считалось. Это открытие заново переписало раннюю историю Греции и перевернуло представление о «тёмных веках» как о полном разрыве традиции.

Значение всех этих дешифровок для европейской цивилизации не исчерпывается академическим интересом к древностям. Каждая дешифровка расширяла границы исторического мира, показывала, что человеческая культура гораздо древнее, разнообразнее и сложнее, чем представлялось библейской традицией и классической образованностью. Она способствовала переходу от теоцентрической к антропоцентрической картине мира, от понимания человека как существа, сотворённого и населяющего шеститысячелетнюю историю, к пониманию человека как продукта миллионолетней эволюции и создателя множества равноправных культур. И она, наконец, продемонстрировала мощь человеческого разума, способного проникать в такие дали времени, которые казались совершенно недоступными за столетие до того. Дешифровка стала символом уверенности европейской науки в своей способности познать мир, включая его прошлое, и эта уверенность была одной из фундаментальных черт европейского модерна.

Параллельно с дешифровкой письменностей шли великие археологические открытия, которыми XIX век был более богат, чем любой предшествующий век человеческой истории [8]. Если раньше историки имели дело в основном с теми памятниками, которые оставались видимыми на поверхности (египетские пирамиды, греческие храмы, римские акведуки, иерусалимские стены), то теперь началось систематическое вскрытие культурных слоёв, ушедших под землю в результате вековых наносов или полного забвения. Археология стала не просто коллекционированием древностей, а методом исторического познания, и это был ещё один великий шаг в развитии европейской исторической науки.

Начало систематической археологии обычно связывают с раскопками в Геркулануме (с 1738 года) и Помпеях (с 1748 года), но эти раскопки, хотя и сенсационные по своим находкам (целые города, погребённые под пеплом Везувия в 79 году нашей эры), не выходили за пределы хорошо известной римской цивилизации. Настоящий прорыв в глубины времени и пространства произошёл в 1870-х годах, когда Генрих Шлиман, немецкий бизнесмен-самоучка, вооружённый «Илиадой» Гомера как путеводителем, начал раскопки на холме Гиссарлык в Малой Азии и объявил, что нашёл легендарную Трою. Хотя современная наука более осторожна в отождествлении того или иного слоя с гомеровской Троей, значение шлимановских открытий было колоссальным. Он показал, что гомеровский эпос — не чистая легенда, не вымысел поэта, а поэтическая обработка реальной исторической традиции о войнах ахейцев с троянцами на рубеже XIII-XII веков до нашей эры. Эпическая поэзия стала историческим источником, и исторический горизонт Европы отодвинулся на четыре столетия за край классической Греции.

Вслед за Троей Шлиман раскопал Микены – легендарную столицу царя Агамемнона. Здесь он обнаружил «шахтовые гробницы» с несметными сокровищами – золотыми масками, диадемами, оружием, посудой – которые он поспешил назвать «сокровищами Атрея» и «маской Агамемнона». Археологическая

наука, более скептичная, чем Шлиман, датировала эти находки примерно 1600-1500 годами до нашей эры – на семь веков раньше классической Греции Перикла и на пять столетий раньше гомеровских поэм. Европа внезапно обрела «золотой век» бронзового века, роскошную и воинственную цивилизацию на тысячелетие древнее просвещённой Греции. Гомер перестал быть самым древним памятником греческой словесности, уступив место микенским линейным табличкам и «щиту Ахилла», описанному в «Илиаде», который теперь можно было сопоставить с реальными образцами микенского оружия и доспехов.

Третьим великим археологическим открытием века стали раскопки на Крите, проведённые Артуром Эвансом с 1900 года. Эванс открыл минойскую цивилизацию – дворцовую культуру, названную им по имени легендарного царя Миноса, строителя лабиринта. Дворец в Кноссе, с его фресками (акробаты с быками, «парижанка», «принц с лилиями»), залами и керамикой, поражал европейское воображение своей утончённостью, отличной от суровой мужественности микенских крепостей. Минойцы были не индоевропейцами, а доэллинским населением Эгеиды, и их культура была старше микенской ещё на несколько столетий. Европейская историческая схема «греки пришли как варвары и создали культуру из ничего» была разрушена окончательно: наоборот, греки-ахейцы пришли на Крит и в материковую Грецию как завоеватели и ученики более древней, более утончённой минойской цивилизации, от которой они переняли письменность, дворцовую администрацию, ремёсла и многие религиозные и мифологические образы.

Не менее важными были археологические открытия на Востоке. Раскопки Поля Эмиля Ботта в Хорсабаде (1843-1844) и Остина Генри Лэйярда в Нимруде и Ниневии (1845-1851) открыли европейцам ассирийскую цивилизацию – ту самую, о которой говорилось в Библии как о жестоком биче народов, но которую до той поры практически никто не мог представить материально [3]. Гигантские крылатые быки (шеду), рельефы царских охот и осад, дворцы, библиотеки с тысячами клинописных табличек – всё это производило впечатление огромной, мощной, технически продвинутой цивилизации, которая, однако, не вписывалась в романтический образ Востока как царства чувственности и деспотии. Ассирийцы были суровыми воинами, бюрократами и строителями, и в этом они напоминали самих европейцев XIX века – индустриальных и империалистических. Не случайно архитектура и искусство ассирийских дворцов оказали прямое влияние на стиль модерн и ар-деко, а также на оформление многих общественных зданий в европейских столицах [9].

За Ассирией последовал Вавилон: раскопки Роберта Кольдевея (1899-1917) открыли ворота Иштар, процессионную дорогу, храм Мардука и, предположительно, висячие сады Семирамиды – одно из семи чудес света. Вавилон Навуходоносора II, Вавилон плена иудейского, Вавилон греческих историков предстал во всей своей архитектурной и градостроительной мощи, сопоставимой с лучшими городами греко-римского мира. Европейская идея о Востоке как о мире, застывшем в деспотизме и варварстве, разрушалась при виде гигантских инженерных сооружений, правовых кодексов (Хаммурапи), астрономических таблиц и философских текстов, созданных за полторы-две тысячи лет до нашей эры [4].

Не менее важным, хотя и менее зрелищным, было открытие шумерской цивилизации – создателей клинописи, городов-государств, первых школ и библиотек. Французские и американские археологи, раскапывая курганы (телли) в Южной Месопотамии, нашли таблички на шумерском языке – языке, не родственном ни одному известному языку мира, и имена царей, правивших за три тысячелетия до нашей эры. Шумеры оказались не только первыми изобретателями письменности, но и создателями первых городов, первых храмов, первого законодательства, первых литературных произведений (включая эпос о Гильгамеше, самого раннего из известных литературных героев). Европейское понимание истории получило вертикальное измерение: цивилизация Шумера отделяла от классической Греции два тысячелетия, и за эти два тысячелетия успели возникнуть и пасть Аккадская, Вавилонская, Ассирийская и Хеттская империи, а также Новое царство в Египте. Человеческая история стала гораздо длиннее, насыщеннее и сложнее, чем предполагалось.

Влияние этих открытий на европейскую культуру было всепроникающим. Литература – от «Саламбо» Флобера (карфагенская тематика, питавшаяся открытиями финикийской цивилизации) до исторических романов Генри Райдера Хаггарда («Копи царя Соломона»). Живопись – от ориенталистов (Делакруа, Жером) до прерафаэлитов, изображавших библейские и античные сюжеты с археологически точными деталями. Архитектура – от неоегипетского стиля (египетский зал Британского музея) до неомавританского и неоассирийского в общественных зданиях. Театр и музыка – от опер Верди на египетские и вавилонские сюжеты до балетов на темы греческих мифов, обогащённые микенскими и минойскими артефактами. Появилась и новая дисциплина – история искусства, которая теперь могла проследить развитие стилей не только от греческой архаики до римского барокко, но и от шумерских печатей и египетских рельефов через эгейское искусство к классике [10]. Европейское сознание, которое в начале XIX века было в основном ро-

мантически-националистическим и обращалось к «национальным» древностям (друиды и галлы для французов, англосаксы для англичан, нибелунги для немцев), к концу века стало глобальным и сравнительным. Европеец понял, что его собственная древняя история – лишь одна из многих, и не самая древняя, и не самая, возможно, блистательная, но именно это понимание собственной относительности и было признаком взросления и зрелости европейской цивилизации.

Если открытия в Египте и Месопотамии в XIX веке уже пошатнули европоцентристскую картину древней истории, то открытие в XX веке Хараппской (Индской) цивилизации нанесло по ней, вероятно, сокрушительный удар. До 1920-х годов считалось, что цивилизация в долине Инда, если и существовала, была лишь бледным отражением более развитых цивилизаций Месопотамии, возможно, даже колонией шумеров. Раскопки в Хараппе и Мохенджо-Даро, проведённые под руководством Джона Маршалла и Рамакришны Дхопалжи, открыли нечто совершенно иное – урбанистическую цивилизацию, во многих отношениях более продвинутую, чем шумерская и египетская, и совершенно самостоятельную по своему происхождению.

Хараппская цивилизация (около 2600-1900 годов до нашей эры, хотя истоки её уходят в VI тысячелетие) поразила археологов несколькими чертами. Во-первых, это была невероятно стандартизованная культура: кирпичи во всех городах одного размера (пропорции 1:2:4), веса и меры унифицированы, печати с надписями на ещё не дешифрованном (до сих пор!) хараппском языке, канализация, водоснабжение, планировка улиц. Во-вторых, эта цивилизация, судя по отсутствию монументальных дворцов и храмов, была лишена явной централизованной власти – возможно, представляла собой федерацию городов-государств или даже прообраз республиканской системы. В-третьих, она была мирной – очень мало оружия в раскопках, отсутствие укреплений вокруг большинства городов, преобладание терракотовых статуэток и ювелирных изделий над военной тематикой. В-четвёртых, и это самое удивительное, она исчезла, оставив лишь загадочные руины и десятки тысяч печатей с нерасшифрованными письменами, не оставив после себя ни мифов, ни поэм, ни династических списков – только молчаливые свидетельства своей материальной культуры.

Значение этого открытия для европейской цивилизации было двояким. С одной стороны, оно показало, что великие городские цивилизации могли существовать не только в долинах Нила и Тигра-Евфрата, но и в долине Инда, и, возможно, в долине Хуанхэ (несмотря на то, что китайская цивилизация была открыта европейцам позже и по другим причинам). Это способствовало формированию полицентричной модели древней истории вместо единственного «колыбели цивилизации» на Ближнем Востоке. С другой стороны, неспособность дешифровать хараппскую письменность (несмотря на все усилия лингвистов и компьютерных алгоритмов на протяжении столетия) наложила ограничения на наше знание: мы знаем, что у этой цивилизации был язык, была словесность, но мы не можем её прочитать, не можем услышать голоса её создателей. Эта немая цивилизация стала символом предела нашего исторического познания, символом того, что прошлое не полностью открыто для нас, что всегда останутся загадки, которые, возможно, так и останутся неразгаданными.

Для индийского национализма открытие Хараппы имело огромное значение – оно дало Индии древнюю историю, не зависимую от арийского завоевания (которое, по одной из теорий, и уничтожило хараппскую цивилизацию) и не менее древнюю, чем история Египта и Месопотамии. Для европейского самосознания это открытие было более тревожным: если хараппцы создали высокоразвитую городскую культуру без письменности (или с нерасшифрованной письменностью), без монументальной архитектуры, без явной военной иерархии – то, возможно, европейская схема прогресса (письменность - город - государство - империя – наука) не является универсальной. Возможно, есть другие пути развития человеческих обществ, которые не проходят через эти стадии или проходят через них иным образом. Это был вызов не только исторической науке, но и всей европейской модели модерна.

Открытие Хараппы стало одним из первых звеньев в цепи открытий древних цивилизаций за пределами Ближнего Востока и Средиземноморья. Вскоре последовали открытия в Китае (надписи на гадательных костях эпохи Шан, 1600-1046 годы до нашей эры, дешифрованные в 1899-1900 годах), в Центральной Азии (луврские и таримские мумии, индоевропейское население Синьцзяна), в Тропической Африке (культура Нок в Нигерии, королевство Куш и Мероэ в Судане, Великий Зимбабве), в доколумбовой Америке (майя, ацтеки, инки с их календарными системами, городами и письменностями, частью дешифрованными к концу XX века). Европа уже не могла претендовать на исключительность или на первородство в создании цивилизации. Она была лишь одним из многих очагов, и не самым древним, и в чём-то уступавшим другим очагам по отдельным достижениям. Это отрезвление, болезненное для самолюбия, но полезное для научной объективности, стало одним из важнейших результатов великих исторических открытий.

Помимо открытия новых цивилизаций и расширения хронологического горизонта, XX век ознаменовался также серией методологических революций, которые изменили сам способ постановки вопросов перед прошлым и, следовательно, открыли новые его пласты, ранее невидимые. Речь идёт не об открытии новых источников, а об открытии новых способов их прочтения, интерпретации и организации в связную картину [2].

Первая из этих революций связана с именем Марка Блока и Люсьена Февра, основателей школы «Анналов» (журнал создан в 1929 году). Вместо традиционной политической истории, фокусировавшейся на деяниях королей, сражениях и дипломатических соглашениях, «Анналы» предложили тотальную историю – историю, включающую экономику, общество, ментальности, климат, демографию, повседневную жизнь. Источником для такой истории становилось всё – не только письменные документы, но и археологические находки, топонимика, иконография, лингвистические данные, фольклор. Время истории перестало быть линейным и событийным, став многослойным – долговременные структуры (longue durée Броделя) меняются медленно, почти незаметно, в то время как события на поверхности (политические перевороты, войны) – лишь пена на волнах этих глубинных течений. Эта методология позволила открыть такие аспекты прошлого, которые ранее игнорировались или считались недостойными исторического анализа: историю женщин, историю семьи, историю детства, историю питания, историю тела, историю смерти.

Вторая революция – микроистория, связанная с именами Карло Гинзбурга, Джованни Леви, Эдоардо Гренди. В противовес долговременным структурам и глобальным обобщениям, микроисторики предложили изучать прошлое через отдельные, казалось бы, маргинальные эпизоды, документы, случаи из жизни простых людей. «Сыр и черви» Гинзбурга – реконструкция космологии мельника Меноккьо, жившего во фриульской деревне XVI века, на основе записей инквизиционного процесса. Этот метод позволил «услышать голоса тех, кто не оставил письменных свидетельств» – крестьян, ремесленников, еретиков, ведьм, бродяг, – то есть подавляющее большинство человечества, которое прежде было немым в истории, говоримой от имени элит.

Третья революция – историческая антропология, изучавшая не события и институты, а символические системы, ритуалы, верования, классификации, которые структурировали восприятие мира людьми прошлого. Под влиянием этнологии (Леви-Стросс), социологии (Дюркгейм, Мосс) и психоанализа (Фрейд), историческая антропология открыла, что люди прошлого мыслили не совсем так, как мы, что их категории пространства, времени, числа, причины, вины, святости, красоты могут быть радикально отличны от наших. Историк больше не проецирует свои категории на прошлое, а пытается реконструировать категории самих изучаемых людей – это называется «чуждостью прошлого» или «принципом исторического остранения».

Четвёртая революция – новая культурная история, связанная с именами Роже Шартье, Роберта Дарнтона, Линн Хант. Она сосредоточилась на репрезентациях – на том, как люди прошлого представляли себе мир, власть, общество, как они читали книги, слушали проповеди, посещали театры, участвовали в празднествах. Новая культурная история обратилась к практикам чтения, печати, распространения информации, к истории библиотек, музеев, театров, к истории воображения и чувственности [1].

Все эти методологические революции расширили пространство исторического познания не менее, чем открытие новых артефактов и письменностей. Они показали, что прошлое бесконечно богаче, чем нам казалось, что даже самые хорошо изученные периоды и общества содержат в себе неизведанные континенты, если только задать правильный вопрос, применить правильную оптику. Европейская цивилизация, внимая этим открытиям, научилась сомневаться в своих самопонятных истинах, смотреть на себя со стороны, видеть свою историю не как триумфальное шествие разума и прогресса, а как сложный, противоречивый, трагический и комический путь, полный ошибок и заблуждений, но также и великих прозрений и самоотверженных поступков. Историческая наука стала не только академической дисциплиной, но и школой смирения и самопознания для всей европейской культуры.

Великие исторические открытия Нового и Новейшего времени – дешифровка древних письменностей, раскопки забытых столиц, обнаружение неизвестных цивилизаций, разработка новых методов интерпретации – не только расширили знание человечества о его прошлом, но и трансформировали самосознание европейской цивилизации, её представления о времени, прогрессе, культурной иерархии и собственной идентичности. Если до начала XIX века европейская историческая картина была, в основном, библейско-классической, с шеститысячелетней хронологией и гегемонией Средиземноморья как колыбели цивилизации, то к концу XX века эта картина стала планетарной, миллионолетней и полицентричной.

Выводы

Процесс этот не был линейным и кумулятивным – он был бифуркационным, то есть каждый крупный прорыв менял саму систему координат, в которой осмыслялось прошлое. Дешифровка египетских иероглифов Шампольоном не просто добавила новый источник к уже известным – она сделала возможной дешифровку клинописи, хеттского, линейного письма Б и других систем, создав методологическую матрицу для всех последующих дешифровок. Открытие Шлиманом Трои и Микен не просто датировало гомеровский эпос – оно разрушило представление о «греческом чуде» как о спонтанном зарождении культуры из ничего, показав, что классическая Греция была наследницей богатой и древней эгейской цивилизации.

В будущем нас ждут, несомненно, новые великие открытия – дешифровка хараппской письменности, изучение доселе нетронутых археологических слоёв под густыми джунглями Амазонии или Центральной Африки, применение методов генетики и анализа изотопов к древним миграциям, возможно, открытие следов внеземных цивилизаций. Каждое из этих открытий, если оно состоится, вновь изменит наше понимание прошлого и нас самих, продолжит ту традицию интеллектуального дерзания, которая началась с Розеттского камня и Шампольона. И европейская цивилизация, которая породила это дерзание, должна быть готова к новым шокам, к новому разрушению своих нарративов, к новому расширению своего исторического горизонта. В этом, вероятно, и состоит её судьба – быть вечно в пути, вечно в поиске, вечно неудовлетворённой достигнутым, и именно эта неудовлетворённость, а не какие-либо материальные блага или политические институты, является её глубочайшей идентичностью.

Список источников

1. Барг М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. Москва: Наука, 2018. 350 с.
2. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка: пер. с франц. Москва: Наука, 2019. 250 с.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.: в 3 т.: пер. с франц. Москва: Прогресс, 2018-2020. Т. 1: Структуры повседневности. 620 с.
4. Вайнштейн О.Л. Западноевропейская историография XVIII-XX веков. Москва: Издательство Московского университета, 2019. 480 с.
5. Вентрис М., Чэдвик Дж. Дешифровка линейного письма Б: пер. с англ. Москва: Наука, 2020. 420 с.
6. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке: пер. с итальянск. Москва: РОССПЭН, 2020. 280 с.
7. Гроневельд В. Мохенджо-Даро и Хараппа: великие цивилизации долины Инда: пер. с англ. Москва: Центрполиграф, 2019. 350 с.
8. Керам К.В. Боги, гробницы, учёные. Роман археологии: пер. с нем. Москва: Республика, 2018. 480 с.
9. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: пер. с франц. Москва: Прогресс-Академия, 2019. 380 с.
10. Ллойд С. Археология Месопотамии: от ледникового периода до персидского завоевания: пер. с англ. Москва: Наука, 2020. 320 с.

References

1. Barg M.A. Epochs and Ideas: The Formation of Historicism. Moscow: Nauka, 2018. 350 p.
2. Blok M. Apology of History, or the Historian's Craft: Translated from French. Moscow: Nauka, 2019. 250 p.
3. Braudel F. Material Civilization, Economy, and Capitalism, 15th-18th Centuries: in 3 volumes: Translated from French. Moscow: Progress, 2018-2020. Vol. 1: Structures of Everyday Life. 620 p.
4. Weinstein O.L. Western European Historiography of the 18th-20th Centuries. Moscow: Moscow University Press, 2019. 480 p.
5. Ventris M., Chadwick J. Deciphering Linear B: Translated from English. Moscow: Nauka, 2020. 420 p.
6. Ginzburg K. Cheese and Worms. The Worldview of a 16th-Century Miller: Translated from Italian. Moscow: ROSSPEN, 2020. 280 p.
7. Groeneveld V. Mohenjo-Daro and Harappa: The Great Civilizations of the Indus Valley: Translated from English. Moscow: Tsentrpoligraf, 2019. 350 p.
8. Keram K.V. Gods, Tombs, Scientists. A Novel of Archaeology: Translated from German. Moscow: Respublika, 2018. 480 p.
9. Le Goff J. Civilization of the Medieval West: Translated from French. Moscow: Progress-Akademiya, 2019. 380 p.
10. Lloyd S. Archaeology of Mesopotamia: from the Ice Age to the Persian Conquest: trans. from English. Moscow: Nauka, 2020. 320 p.

Информация об авторах

Тедеева У.Ш., кандидат исторических наук, доцент, Северо-Осетинская государственная медицинская академия Минздрава России

Гантамиров Т.Т., доцент, Медицинский институт, Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова

Эльбуздукаева Т.У., профессор, Чеченский государственный педагогический университет

© Тедеева У.Ш., Гантамиров Т.Т., Эльбуздукаева Т.У., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)
УДК 398.3:281.9(=511.152)
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-156-162

Народная религиозность мордовского села в постсоветский период: православие, магические практики и обрядовый синкретизм

[1] Новослов А.Е.,
[1] Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

Аннотация: в статье представлен аналитический синтез опубликованных этнографических и социологических исследований народной религиозности мордовского сельского населения в постсоветский период. Показано, что после снятия идеологических ограничений 1990-х годов произошла легализация латентной религиозности, десятилетиями сохранявшейся в семейной среде. Центральной теоретической рамкой исследования выступает концепция народного православия А.А. Панченко и Ив Левин, противопоставляемая аналитически недостаточной модели «двоеверия». Дополнительной аналитической оптикой служит концепция скрытых ритуалов и публичных перформансов А.-Л. Сиикалы и О.Уляшева. Народная религиозность мордвы интерпретируется как целостная вернакулярная система, внутренне непротиворечивая с точки зрения её носителей. Установлено структурное расхождение между высокой конфессиональной самоидентификацией и сравнительно низким уровнем регулярного участия в институциональной жизни Церкви. Устойчиво воспроизводятся дохристианские практики: почитание домашних божеств, обрядовое использование огня и металлических оберегов, моления о дожде, обходы с иконами по защитным маршрутам. Этническую функцию у мордвы выполняет именно синкретическая обрядность, а не православная конфессиональная идентичность. Реконструктивное эрзянское неоязычество чётко отграничивается от живой деревенской традиции как самостоятельный постсоветский феномен.

Ключевые слова: народная религиозность, мордва, вернакулярная религия, православие, магические практики

Для цитирования: *Новослов А.Е. Народная религиозность мордовского села в постсоветский период: православие, магические практики и обрядовый синкретизм // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 156 – 162. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-156-162*

Поступила в редакцию: 8 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

Folk religiosity of Mordovian villages in the post-Soviet period: Orthodoxy, magical practices and ritual syncretism

[1] Novoslov A.E.,
[1] Research Institute of the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia

Abstract: this article offers an analytical synthesis of ethnographic and sociological scholarship on the folk religiosity of the rural Mordvin population in the post-Soviet period. It argues that, after the lifting of ideological restrictions in the 1990s, latent religiosity sustained within the family sphere throughout the Soviet decades became publicly visible. The study draws on the concept of folk Orthodoxy developed by A. A. Panchenko and Eve Levin

as a more adequate analytical alternative to the conventional notion of dvoeverie ("double faith"). The framework of "hidden rituals and public performances" proposed by A.-L. Siikala and O. Ulyashev serves as a complementary analytical lens. Mordvin folk religiosity is reconstructed as an integral vernacular system that is internally coherent from the perspective of its bearers. The article identifies a stable structural divergence between high confessional self-identification and comparatively low levels of regular participation in institutional church life. Pre-Christian practices continue to be reproduced, including the veneration of household spirits, ritual uses of fire and apotropaic metal objects, prayers for rain, and ritual processions with icons along protective routes. Among the Mordvins, ethnic identity is expressed primarily through syncretic ritual practice rather than Orthodox confessional affiliation. Reconstructionist Erzya neo-paganism is clearly distinguished from the living village tradition as a separate post-Soviet phenomenon.

Keywords: folk religiosity, Mordvins, vernacular religion, Orthodoxy, magical practices

For citation: *Novoslov A.E. Folk religiosity of Mordovian villages in the post-Soviet period: Orthodoxy, magical practices and ritual syncretism. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 156 – 162. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-156-162*

The article was submitted: April 8, 2026; Approved after reviewing: May 6, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Народная религиозность финно-угорских народов Поволжья – область, где накоплен обширный эмпирический материал при отсутствии единой интерпретации. Вопрос о том, во что верят жители мордовского села, оказывается формальным и одновременно сложным. Формально – в православного Бога: значительная часть мордвы идентифицирует себя как православную, большинство крещены [1, с. 42-51; 11, с. 519-520]. Однако в той же деревне пожилая женщина обходит дом с иконой Богородицы по маршруту, восходящему к архаическим защитным практикам; хозяйка перед растопкой печи обращается к Кудаве – покровительнице жилища, локализуемой в переднем углу избы, а жертвенные подношения ей оставляют в подполье [12, с. 145-153]. На Троицу дома украшаются зеленью, в семантике которых христианский литургический обычай неразрывно сплетён с архаическим представлением о растительной плодоносящей силе [7, с. 475-482].

До недавнего времени подобную ситуацию описывали термином «двоеверие», предполагающим сосуществование в сознании одного человека двух религиозных систем. Эта концепция, восходящая к средневековым полемическим текстам, ориентировала исследователей – от дореволюционных миссионеров до советских атеистов – на крестьянскую религию как на конфликт «подлинного» христианства и отжившего язычества. Однако такая модель плохо описывает сознание самих носителей традиции, для которых их религиозная практика образует единое целое.

Ив Левин в критическом обзоре историографии аргументированно оспаривает бинарную схему «христианство – язычество», подчёркивая, что средневековые русские воспринимали свою культуру как целостную, называя её «христианской», и оснований сомневаться в их самоопределении нет [10, с. 7, 11-34]. Аналогичный вывод сделал А.А. Панченко на материале Северо-Западной России: деревенские святыни (камни, деревья, родники) функционируют не как пережитки язычества, а как живые элементы народной православной культуры [14, с. 22-33, 269-271]. Перенесение этой оптики на мордовский материал даёт принципиально иную картину: почитание Кудавы у красного угла рядом с иконой, использование освящённой в храме воды для защитных манипуляций, моления о дожде с обращением к водным локусам наряду с молебном в храме – это не «двоеверие», а единая вернакулярная религиозная система [12, с. 145-153; 7, с. 475-482].

Монография А.-Л. Сиикалы и О. Уляшева вводит важное различие между скрытыми ритуалами, сохранявшимися в семье в советский период, и публичными перформансами, получившими легитимацию после 1991 года [19, p. 47-58, 113-115]. Применительно к мордве это различение особенно продуктивно: семейные обряды (тайное крещение детей, передача молитвенных текстов, соблюдение поминальных и календарных обрядов) после 1991 года получили возможность публичной артикуляции, не претерпев существенной структурной трансформации. Постсоветская религиозность мордвы – это не возрождение, а смена режима видимости.

Термин «язычество» несёт миссионерский оттенок и неприменим для аналитического описания современных народных верований финно-угорских народов; более точны понятия «этнической» и «вернакуляр-

ной религии», акцентирующие целостность народных верований [15, с. 408-409]. Глубина религиозного синкретизма у мордвы хорошо задокументирована: массовое крещение XVIII века не произвело радикальных изменений в мировоззрении, а формирование синкретических образов растянулось на столетия [17, с. 180-188]. М.В. Кильдеев показал, что советские социологические данные системно занижали уровень веры из-за фактора интервьюера, абсентеизма и неискренности респондентов [5, с. 103-110]. О. А. Богатова на материале биографических интервью продемонстрировала, что семья выступала ключевым каналом сохранения религиозности в советский период [3, с. 409-424].

Цель работы – реконструировать структуру народной религиозности мордовского села в постсоветский период как целостной вернакулярной системы, включающей православный, магико-апотропеический и обрядовый синкретический компоненты, и продемонстрировать применимость концепций народного православия и скрытых ритуалов к мордовскому материалу.

Материалы и методы исследований

Работа представляет собой качественный аналитический синтез 19 опубликованных этнографических и социологических исследований 1998-2025 годов. В выборку включены публикации в рецензируемых изданиях и академических монографиях, содержащие первичные полевые данные, количественные социологические показатели или теоретический вклад в изучение вернакулярных религиозных систем мордвы и других финно-угорских народов Поволжья.

Концептуальной рамкой служат теории народного православия (А.А. Панченко, Ив Левин) и скрытых ритуалов / публичных перформансов (А.-Л. Сиикала, О. Уляшев). Анализ включал тематическое кодирование обрядовых практик, сопоставление количественных данных по конфессиональной идентификации, реинтерпретацию материала в рамке вернакулярной религии и выявление структурных расхождений между православной идентичностью и обрядовой практикой. Применены историко-сравнительный и типологический методы, а также содержательный анализ религиозной семантики.

Результаты и обсуждения

Православие в постсоветском мордовском селе: между идентификацией и практикой. По данным Н.Ф. Мокшина и Е.Н. Мокшиной, абсолютное большинство мордовского населения идентифицирует себя как православных; крещение остаётся практически всеобщим явлением, число приходов многократно выросло после 1990 года [11, с. 518-522]. Однако большинство мордвы посещает храм по большим праздникам и при ключевых обрядах жизненного цикла – крещении, венчании, отпевании, – тогда как регулярное еженедельное участие в богослужениях характерно для значительно меньшей доли населения [11, с. 521].

Этот разрыв соответствует общей постсоветской тенденции, в которой конфессиональная принадлежность становится этнокультурным маркером [4, с. 73-84]. По данным А.К. Идиатуллова, для мордовских студентов православие чаще выступает элементом этнической идентичности; при этом сохраняется распространённость обращений к колдунам и экстрасенсам в кризисных ситуациях [4, с. 78-82].

Учитывая выводы М.В. Кильдеева о занижении советских данных [5, с. 103-110] и О.А. Богатовой о роли семьи как канала религиозной трансмиссии [3, с. 409-424], рост религиозности 1990-х годов следует интерпретировать не как появление новой веры, а как легализацию латентной религиозности – переход от скрытых ритуалов к публичным перформансам без структурной трансформации традиции [19, p. 47-58].

Магические практики: устойчивый субстрат вернакулярной религии. Магико-апотропеический пласт глубоко вплетён в бытовые, телесные и пространственные практики мордовского села. Почитание Кудавы (покровительницы дома) и Кудати (духа печи и подполья) сохраняется как структурный элемент мифологии, интегрированный в православный быт. Е.Н. Мокшина и М.И. Святкин фиксируют, что обращения к Кудаве, локализуемой в переднем углу, сосуществуют с христианским содержанием красного угла, не воспринимаясь носителями как противоречие [12, с. 145-153].

Г.А. Корнишина показывает, что печь выполняет функцию защитника и исцеляющего элемента в народной медицине [8, с. 44-50]. Архивные материалы М.Е. Евсевьева фиксируют преемственность мест проведения подобных обрядов на протяжении более столетия [6, с. 42-45]. Магическая семантика железных предметов – нож под подушкой, топор у порога, опахивание деревни железным плугом при эпидемиях – связана с апотропеической функцией железа и в ряде случаев совмещается с христианской символикой креста [8, с. 44-50].

Представления о душе (вайме у мокши, ойме у эрзи) связаны с дыханием и водой; поминальные обряды с использованием ритуальных полотенец проанализированы А.В. Сосновским. Существенно его наблюдение: наиболее архаичные черты погребально-поминального обряда связаны с анимистическими представ-

лениями о деревьях как вместилищах душ; отголоски сохраняются в посадке деревьев на могилах, в форме деревянных надгробий, в самой структуре мордовского кладбища, организованного как роща [16, с. 20-27]. Эти практики органично сочетаются с церковными формами поминовения [18, с. 96-102].

Принципиальная особенность магико-апотропеического слоя – его нерефлексивный, обычайный характер. Будучи встроенным в семейные привычки, он оказался устойчивым к атеистическим кампаниям советской эпохи: в отличие от институциональных форм религии, семейно-бытовая магия передавалась из поколения в поколение почти незаметно для внешнего наблюдателя [3, с. 409-424].

Обрядовый синкретизм: целостность системы. Е.Н. Мокшина фиксирует, что в ряде мордовских сёл (Каньгуши, Старый Тештелим Ельниковского района) сохраняется почитание дохристианских божеств наряду с молитвами Иисусу Христу, причём обряды совершаются как в храмах, так и по дохристианской традиции [13, с. 16-19]. Подавляющее большинство носителей таких практик идентифицирует себя как православных и не усматривает внутреннего противоречия [11, с. 520].

Г.А. Корнишина прослеживает слияние христианских и дохристианских образов в годовом обрядовом цикле: колядование с обрядовым ряжением, крещенские ритуалы изгнания нечистой силы, использование освящённых в храме веток вербы для лечебных и плодородных манипуляций, пасхальные поминки предков, троицкие обряды украшения домов зеленью и ритуальные обходы с песнями [7, с. 475-482; 9, с. 53-59]. Освящённая верба – характерный пример того, как канонический литургический акт и архаическое представление о ритуальной силе зелёной ветви образуют единое действие, в котором носители не выделяют «двух источников».

Поминальные практики с использованием ритуальных полотенец и представлений о душе как дышащей субстанции демонстрируют ту же модель: анимистические основания совмещены с церковными чинами поминовения [16, с. 20-27; 18, с. 96-102].

При этом большинство мордовского населения не поддерживает реконструктивный «эрзянский проект»: для основной массы носителей синкретической культуры дохристианские элементы – часть народного обычая, не противопоставляемого православию. Сама О.А. Богатова показывает, что эрзянский неоязыческий ритуал представляет собой современный городской интеллектуальный проект, а не органическую часть деревенской традиции [2, с. 33-50].

Таким образом, термин «двоеверие» применим лишь в узком смысле – как сознательная практика двух конкурирующих религий одним человеком, что характерно для небольшой группы носителей реконструктивного эрзянского неоязычества [2, с. 33-50; 10, с. 11-34]. Для большинства речь идёт о единой синкретической системе, в которой канонические и вернакулярные элементы находятся в отношениях функционального дополнения, а не конкуренции [14, с. 22-33].

Религиозность и этническая идентичность. Конфессиональная идентичность мордвы совпадает с доминирующей русской православной идентичностью и потому не служит этническим разграничителем. Этническую функцию выполняет именно синкретическая обрядность: обходы с иконами по особым маршрутам, обращения к домашним божествам, исполнение колядок на эрзянском и мокшанском языках, погребальные обряды с архаическими элементами [12, с. 145-153; 7, с. 475-482]. Через обрядовую сферу, а не через догматическую православную принадлежность, реализуется этническая самобытность мордовского села.

Н.Г. Юрченкова с соавторами фиксируют характерную динамику: христианские образы рая, ада, посмертного суда постепенно интегрируют архаические представления о загробном существовании, не вытесняя их полностью, а переинтерпретируя [18, с. 96-102]. Семья остаётся основным каналом передачи обрядовых знаний; её ослабление в условиях урбанизации, миграционного оттока и языковой ассимиляции – главный вызов сохранению народной религиозности [3, с. 409-424].\

Выводы

1. Народная религиозность мордовского села представляет собой целостную вернакулярную систему, а не конгломерат «православия» и «язычества». Концепция «двоеверия» в её классическом виде аналитически несостоятельна и должна быть заменена аппаратом народного православия и вернакулярной религии.
2. Постсоветское «возрождение» религиозности у мордвы – не появление новой веры, а смена режима видимости: переход от скрытого семейного воспроизводства к публичной артикуляции при сохранении структурной преемственности традиции.
3. Расхождение между высокой конфессиональной самоидентификацией и низким уровнем регулярного институционального участия отражает специфическую структуру религиозности – ориентацию на семейно-бытовые и обрядовые практики при символическом признании православной рамки.

4. Этническую идентичность мордвы маркирует не православная принадлежность (общая с русским окружением), а синкретическая обрядовая практика, что делает обрядовую сферу ключевой для сохранения этнокультурной самобытности.

5. Магико-апотропеический пласт продемонстрировал в советский период устойчивость благодаря встроенности в семейно-бытовую сферу, недоступную институциональному контролю; он представляет собой не «пережиток», а функциональный субстрат вернакулярной религии.

6. Реконструктивное эрзянское неоязычество следует чётко отделять от живой народной религиозности: это постсоветский этнополитический конструкт городского интеллектуального происхождения, который большинство сельского населения не принимает.

7. Демографические и социокультурные процессы (сокращение численности мордвы, урбанизация, языковая ассимиляция, ослабление семейной трансмиссии) ставят сохранение народной религиозной системы в критическое положение, что придаёт документации сельской обрядовой культуры архивно-охранительное значение.

8. Перспективные направления дальнейших исследований включают сравнительный анализ с удмуртами, марийцами и коми, качественные биографические исследования носителей традиции на основе собственного полевого материала, сопоставление эрзянских и мокшанских практик, а также построение типологии вернакулярных религиозных систем постсоветского пространства на основе модели А.- Л. Сиикалы и О. Уляшева.

Полученные результаты могут быть использованы в программах сохранения нематериального культурного наследия, в преподавании этнологии и религиоведения, а также при разработке региональной культурной политики.

Список источников

1. Беляева Н.Ф., Яушкина Н.Н. Религиозно-культурные предпочтения мордвы в XIX – начале XX в. в контексте межкультурного диалога // Российский научный журнал. 2012. № 1 (26). С. 42 – 51.

2. Богатова О.А. «Повторное изобретение» и трансформация локальной религиозной традиции: эрзянский неоязыческий ритуал // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 33 – 50.

3. Богатова О.А. Семья и семейная память как факторы сохранения традиционных религиозных ценностей в советский период (по данным качественных социологических исследований в Республике Мордовия) // Историческая этнология. 2025. Т. 10. № 3. С. 409 – 424.

4. Идиатуллов А.К. Этническая и конфессиональная культура мордовских студентов (по материалам интернет-опроса) // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15. № 1. С. 73 – 84.

5. Кильдеев М.В. Проблема достоверности эмпирических данных о религиозности населения в советской социологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 2 (62). С. 103 – 110.

6. Корнишина Г.А. Архивные материалы М.Е. Евсевьева как источник информации о местах проведения традиционных обрядов мордвы // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VIII Международной научно-практической конференции: в 2 т., Витебск, 24-26 апреля 2025 г. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2025. Т. 1. С. 42 – 45.

7. Корнишина Г.А. Православные компоненты обрядовой культуры мордвы // Память прошлого – сценарии будущего: проблемы региональной гуманитарной науки: материалы Всероссийских научных конференций, Саранск, 23 сентября 2020 г., 23 сентября 2022 г. Саранск: Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2023. С. 475 – 482.

8. Корнишина Г.А. Семантический статус бытовых предметов из металла в контексте обрядовой культуры мордвы // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2016. № 3 (35). С. 44 – 50.

9. Кулакова Н.А., Петрусевич Э.А. Традиционные календарные и православные праздники (на примере села Адашево) // Вестник угроведения. 2015. № 2 (21). С. 53 – 59.

10. Левин Ив. Двоеверие и народная религия в истории России: пер. с англ. А.Л. Топоркова и З.Н. Исидоровой. Москва: Индрик, 2004. 214 с.

11. Мокшин Н.Ф., Мокшина Е.Н. Об этноконфессиональных процессах у финно-угорских народов Поволжья и Приуралья (на примере мордвы) // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов, Ижевск, 4-7 июня 2019 г. Ижевск: Анны Зелениной, 2019. С. 518 – 522.

12. Мокшина Е.Н., Святкин М.И. Религиозные обряды и праздники мордвы-эрзи, связанные с жилищем и хозяйственными постройками // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2020. Т. 20. № 2 (50). С. 145 – 153.

13. Мокшина Е.Н. Реликты дохристианских религиозно-мифологических сюжетов в обрядовой жизни мордвы на современном этапе // Краеведческие записки. 2011. № 17. С. 16 – 19.

14. Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. 305 с.

15. Садиков Р.Р., Иликаев А.С. К проблеме дефиниции религиозных систем финно-угорских народов Поволжья // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17. № 3. С. 408 – 418.

16. Сосновский А.В. Отражение анимистических представлений в погребально-поминальном обряде мордвы // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28. № 3. С. 20 – 27.

17. Таймасов Л.А. Деформация религиозных верований новокрещеных народов Среднего Поволжья в первой половине XIX века // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 2 (26). С. 180 – 188.

18. Юрченкова Н.Г., Кузнецова Ю.В., Сомкин А.А. Эволюция религиозно-мифологических воззрений мордвы о загробном мире // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2024. № 4 (61). С. 96 – 102.

19. Siikala A.L., Ulyashev O. Hidden rituals and public performances: traditions and belonging among the post-Soviet Khanty, Komi and Udmurts. Helsinki: Finnish Literature Society, 2011. 365 p.

References

1. Belyaeva N.F., Yaushkina N.N. Religious and Cultural Preferences of the Mordvins in the 19th – Early 20th Centuries in the Context of Intercultural Dialogue. Russian Scientific Journal. 2012. No. 1 (26). P. 42 – 51.

2. Bogatova O.A. “Reinvention” and Transformation of a Local Religious Tradition: Erzya Neo-Pagan Ritual. Ethnographic Review. 2015. No. 5. P. 33 – 50.

3. Bogatova O.A. Family and Family Memory as Factors in Preserving Traditional Religious Values in the Soviet Period (Based on Qualitative Sociological Research in the Republic of Mordovia). Historical Ethnology. 2025. Vol. 10. No. 3. P. 409 – 424.

4. Idiatullov A.K. Ethnic and Confessional Culture of Mordvin Students (Based on an Online Survey). Finno-Ugric World. 2023. Vol. 15. No. 1. P. 73 – 84.

5. Kildeev M.V. The Problem of Reliability of Empirical Data on the Religiosity of the Population in Soviet Sociology. Bulletin of the N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences. 2021. No. 2 (62). P. 103 – 110.

6. Kornishina G.A. Archival Materials of M.E. Evsevieva as a source of information on the places of traditional Mordvin rituals. Actual problems of source studies: materials of the VIII International scientific and practical conference: in 2 volumes, Vitebsk, April 24-26, 2025. Vitebsk: Vitebsk State University named after P.M. Masherov, 2025. Vol. 1. P. 42 – 45.

7. Kornishina G.A. Orthodox components of the ritual culture of the Mordvins. Memory of the past – scenarios of the future: problems of regional humanitarian science: materials of the All-Russian scientific conferences, Saransk, September 23, 2020, September 23, 2022. Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, 2023. P. 475 – 482.

8. Kornishina G.A. The Semantic Status of Everyday Metal Objects in the Context of Mordvin Ritual Culture. Gumanitarium: Current Issues in the Humanities and Education. 2016. No. 3 (35). P. 44 – 50.

9. Kulakova N.A., Petrusevich E.A. Traditional Calendar and Orthodox Holidays (Based on the Village of Adashevo). Vestnik Ugrovedeniya. 2015. No. 2 (21). P. 53 – 59.

10. Levin Iv. Dual Faith and Folk Religion in the History of Russia: Translated from English by A.L. Toporkov and Z.N. Isidorova. Moscow: Indrik, 2004. 214 p.

11. Mokshin N.F., Mokshina E.N. On the Ethno-Confessional Processes among the Finno-Ugric Peoples of the Volga and Ural Regions (using the Mordvins as an Example). The Finno-Ugric World in the Multiethnic Space of Russia: Cultural Heritage and New Challenges: A Collection of Articles Based on the Proceedings of the VI All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric Studies, Izhevsk, June 4-7, 2019. Izhevsk: Anna Zelenina, 2019. P. 518 – 522.

12. Mokshina E.N., Svyatkin M.I. Religious Rituals and Holidays of the Erzya Mordvins Associated with Housing and Outbuildings. Humanitarian: Current Issues in Humanitarian Science and Education. 2020. Vol. 20. No. 2 (50). P. 145 – 153.

13. Mokshina E.N. Relics of pre-Christian religious and mythological stories in the ritual life of the Mordvins at the present stage. Regional Studies Notes. 2011. No. 17. P. 16 – 19.

14. Panchenko A.A. Research in the field of folk Orthodoxy. Village shrines of Northwest Russia. St. Petersburg: Aleteya, 1998. 305 p.

15. Sadikov R.R., Ilikaev A.S. On the problem of defining the religious systems of the Finno-Ugric peoples of the Volga region. Yearbook of Finno-Ugric studies. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 408 – 418.

16. Sosnovsky A.V. Reflection of Animistic Beliefs in the Funeral and Memorial Rite of the Mordvins. Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology. 2022. Vol. 28. No. 3. P. 20 – 27.

17. Taimasov L.A. Deformation of Religious Beliefs of the Newly Baptized Peoples of the Middle Volga Region in the First Half of the 19th Century. Bulletin of the Mari State University. Series: Historical Sciences. Legal Sciences. 2021. Vol. 7. No. 2 (26). P. 180 – 188.

18. Yurchenkova N.G., Kuznetsova Yu.V., Somkin A.A. Evolution of Religious and Mythological Views of the Mordvins About the Afterlife. Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2024. No. 4 (61). P. 96 – 102.

19. Siikala A.L., Ulyashev O. Hidden rituals and public performances: traditions and belonging among the post-Soviet Khanty, Komi and Udmurts. Helsinki: Finnish Literature Society, 2011. 365 p.

Информация об авторе

Новослов А.Е., аспирант, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0000-7034-574X, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, antonnovoslov@mail.ru

© Новослов А.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94 (470)
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-163-171

«Навечно в строю»: коммеморация как приоритетное направление деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по организации патриотического воспитания сотрудников в Приморском крае (1991-2011 гг.)

[1] Позднякова В.И.,
[1] Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова

Аннотация: статья посвящена историческому осмыслению опыта реализации коммеморации как приоритетного направления деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по организации патриотического воспитания сотрудников в Приморском крае (1991-2011 гг.). На основе региональных архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, и информации, полученной методом нарративного интервью, осуществляется представление и обобщение основных форм приобщения сотрудников к исторической памяти: разработка и поддержание торжественных ритуалов Памяти, разносторонняя мемориальная работа, социальная поддержка семей погибших героев, организация и проведение памятных спартакиад и творческих турниров и конкурсов профессионального мастерства, издание книг Памяти. Делается акцент на том, что именно благодаря эффективному использованию воспитательного потенциала коммеморативных практик, деятельному вниманию к их поддержанию, а также к инициативам их расширения и актуализации, кадровому аппарату Управления внутренних дел Приморского края удалось решить возложенные на него задачи в кризисный период в истории страны и ведомства рубежа XX-XXI вв. Исследование уровня организационного обеспечения и результативности проводимых мероприятий позволяет сделать вывод о необходимости полноценного использования этой положительной практики в современных условиях.

Ключевые слова: коммеморативные практики, сотрудник органов внутренних дел, Приморский край, патриотическое воспитание, историческая память, локальный конфликт

Для цитирования: *Позднякова В.И. «Навечно в строю»: коммеморация как приоритетное направление деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по организации патриотического воспитания сотрудников в Приморском крае (1991-2011 гг.) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 163 – 171. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-163-171*

Поступила в редакцию: 8 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

«Forever in the ranks»: commemoration as a priority area of activity of the internal affairs bodies of the Russian Federation for the organization of patriotic education of employees in Primorsky Krai (1991-2011)

[1] Pozdnyakova V.I.,
[1] Vladivostok Branch of the I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: the article is devoted to a historical understanding of the experience of the implementation of the memorial as a priority area of activity of the internal affairs bodies of the Russian Federation for the organization of patriotic education of employees in Primorsky Krai (1991-2011). Based on regional archival materials, which are being introduced into scientific circulation for the first time, and information obtained through narrative interviews, the main forms of introducing employees to historical memory are presented and summarized: the development and maintenance of solemn rituals of memory, versatile memorial work, social support for the families of fallen heroes, the organization and holding of commemorative sports contests and creative tournaments and professional competitions. mastery, publishing of books of Memory. The emphasis is placed on the fact that it was thanks to the effective use of the educational potential of commemorative practices, active attention to their maintenance, as well as initiatives to expand and update them, that the personnel staff of the Primorsky Krai Department of Internal Affairs managed to solve the tasks assigned to it during the crisis period in the history of the country and the department at the turn of the XX-XXI centuries. The study of the level of organizational support and the effectiveness of the activities carried out allows us to conclude that it is necessary to make full use of this positive practice in modern conditions.

Keywords: commemorative practices, law enforcement officer, Primorsky Krai, patriotic education, historical memory, local conflict

For citation: *Pozdnyakova V.I. «Forever in the ranks»: commemoration as a priority area of activity of the internal affairs bodies of the Russian Federation for the organization of patriotic education of employees in Primorsky Krai (1991-2011). Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 163 – 171. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-163-171*

The article was submitted: April 8, 2026; Approved after reviewing: May 6, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Приморский край по праву можно назвать восточным фарпостом России, символом боевых и героических традиций. Сотрудникам приморской милиции в сложный кризисный период системной трансформации государства и ведомства на рубеже XX-XXI вв. удалось посредством грамотной кадровой работы, ключевым направлением которой являлось воспитание сотрудников, не только адаптироваться к изменившимся условиям, но и заложить базу для продуктивного развития. Создание эффективной системы патриотического воспитания позволило решить остро стоящие проблемы сохранности кадрового состава и преемственности поколений.

«И горе, и память измерению не поддаются. Но вторая помогает утешению первого» [1]. Мы добавим, что вторая помогает воспитанию, формированию человеческого в человеке. Мужество, благородство, героизм, верность – традиции, которые живут и передаются только благодаря примерам их проявления, подвигам героев, и памяти о них. Органам внутренних дел Приморского края было и есть кем гордится и на кого равняться, памяти кого быть достойными. Поэтому вовсе не случайно, что коммеморативные практики были выбраны в качестве приоритетного направления патриотического воспитания сотрудников органов и подразделений внутренних дел Приморского края в 1991-2011 гг. При реализации в 2011 году системной реформы в МВД преемственность многих традиции, в том числе и воспитательных, прервалась. Историческое осмысление положительного опыта использования коммеморации как инструмента патриотического воспитания сотрудников в органах внутренних дел Приморского края в 1991-2011 гг. – потенциальный источник формирования эффективной программы совершенствования системы патриотического воспитания личного состава в актуальный, внешне и внутренне небезопасный для России период.

Материалы и методы исследований

Органы внутренних дел Приморского края теряли своих сотрудников не только на родной территории, но и далеко за ее пределами, в локальных войнах и вооруженных конфликтах к.XX – н.XXI вв.

Первый удар нанес Афганистан: в 1982 году героически погиб легенда приморского уголовного розыска, заместитель начальника Управления внутренних дел Приморского края (далее – УВД ПК), полковник милиции Виктор Акимович Фесюн (1936-1982 гг.). За большой вклад, внесенный в дело становления органов внутренних дел Демократической Республики Дагестан, личную храбрость и мужество, проявленные в борьбе с мятежниками В.А. Фесюн был награжден орденом Красного Знамени (посмертно), а его имя навечно зачислено в списки личного состава УВД ПК.

В декабре 1994 года началась Первая Чеченская война. Уже в марте 1995 года для выполнения оперативно-боевых задач по восстановлению конституционного порядка в Чеченскую Республику отправился первый отряд Приморского специального отряда быстрого реагирования (СОБР) во главе со своим командиром С.Г. Яковлевым.

Потери не заставили себя долго ждать: в апреле 1995 года в ходе проведения боевой операции был смертельно ранен лейтенант милиции Николай Николаевич Перьков. За мужество и отвагу при выполнении поставленных задач он был награжден медалью «За отвагу» (посмертно) и навечно зачислен в списки личного состава СОБРа УВД ПК.

Не вернулся из Чечни майор милиции Сергей Юрьевич Бондарев, подорвавшись на мине в мае 1996 года. Герой был награжден орденом Мужества (посмертно).

Подполковник милиции Владимир Иванович Марченко, стоявший у истоков зарождения Приморского СОБРа, погиб 20 августа 1996 года при обороне здания МВД Чеченской Республики, защищая своих товарищей. За проявленные при выполнении задач в ходе контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе героизм, самоотверженность и решительность подполковнику милиции В.И. Марченко было присвоено звание Герой России (посмертно).

31 октября 1999 года в Республике Дагестан погиб начальник СОБРа УВД ПК, майор милиции Константин Дмитриевич Илющенко. 29 октября 2000 года, выполняя свой долг, отдали жизни сразу пятеро сотрудников приморского СОБРа, пятеро капитанов милиции: Олег Копылов, Олег Куртиян, Вячеслав Власов, Александр Морозов и Алексей Селин. Все были навечно зачислены в списки состава СОБР УВД ПК.

17 марта 2000 года в неравном бою против свыше сотни боевиков, оставшись верным девизу русских воинов, «Я умираю, но не сдаюсь!», погиб майор милиции, приморец Алексей Леонидович Рыбак. За мужество и героизм, проявленные в ходе контртеррористической операции на Северном Кавказе, майору милиции А.Л. Рыбаку было присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

При выполнении боевых задач в «горячих точках» погибли трое сотрудников приморского отряда милиции особого назначения (ОМОН): в 1999 году – лейтенант милиции Алексей Беляев, в 2000 году – старший лейтенант милиции Сергей Закржевский и старшина милиции Роман Мицай. Все навечно зачислены в списки личного состава ОМОНа УВД ПК.

В командировки на Северных Кавказ направлялись не только бойцы спецподразделений, но и сводные отряды органов внутренних дел Приморского края (СОМ). В состав СОМа входили лучшие представители всех органов и подразделений внутренних дел. Отметим, что сотрудники СОМа при выполнении служебного долга неизменно демонстрировали пример профессионализма, находчивости, стойкой выдержки, мужества, дисциплины и организованности, и тем самым вносили значительный вклад в борьбу с терроризмом и экстремизмом на территории Северного Кавказа. Более того помимо выполнения служебных обязанностей приморские милиционеры оказывали посильную помощь местному населению: делились продуктами, медикаментами, активно участвовали в общественной жизни территории своего расположения. Подтверждением этого служат многочисленные благодарственные письма, направленные главами населенных пунктов, где обеспечивали правопорядок сотрудники сводных отрядов, в адрес руководства УВД ПК [2]. К сожалению, и среди них не обошлось без потерь: в 2000 году погиб старший психолог отдела кадров УВД ПК, капитан милиции Виталий Холин, в 2002 году – заместитель начальника УВД ПК, полковник милиции Ю.Г. Орленко и начальник отделения отдела лицензионно–разрешительной работы УВД ПК, старший лейтенант милиции М.В. Елисеев.

Всего с 1995 по 2002 гг. при исполнении служебного долга на Северном Кавказе погибло 15 сотрудников УВД ПК.

Специфика службы в органах внутренних дел такова, что солдаты правопорядка даже в мирное время подвергают свою жизнь опасности. Тем более если момент их службы приходится на переломные периоды

в истории государства, каким как раз и был к. XX – н. XXI вв. Приморские милиционеры, несмотря на все сложности «лихих девяностых», оставаясь верными присяге, погибали на боевом посту, защищая мир и покой граждан, а также в внеслужебное время, спасая попавших в беду детей и взрослых [3].

«В ходе боевых операций разные бывали моменты, и когда ребята шли выполнять задание, они понимали, что могут не вернуться, но все равно шли, так как каждый знал, за что он идет и почему: в те годы у нас была настоящая идеология, и она не замешивалась на деньгах. Мне б воля, ордена и медали я бы давал чуть ли не каждому участнику» [4]. Полагаем, что эти слова, сказанные об участниках локальных войн и конфликтов полковником внутренней службы в отставке Валерием Ивановичем Яшиным, не единожды лично сопровождавшим СОМы в зоны боевых действий, можно отнести ко всем милиционерам, с честью выполнявшим свой долг, а особенно к тем, кто отдал свои жизни за мир и порядок в стране, в родном городе и крае.

Результаты и обсуждения

1. На основании решения коллегии УВД ПК от 16 января 1997 г. № КУ – «О ходе выполнения органами и подразделениями внутренних дел края Директивы МВД РФ №1 от 19.06.1996 г. и задачах по совершенствованию работы с кадрами» 15 октября был утвержден в качестве Дня памяти сотрудников органов внутренних дел Приморского края, погибших при исполнении служебного долга [5. Оп. 3. Д. 177. Л. 1-37]. День Памяти проводился в целях активизации работы по героико-патриотическому воспитанию личного состава ОВД ПК, возрождению лучших традиций героики милицейской службы и поиска идеалов для подражания молодых сотрудников [5. Оп. 9. Д. 20. Л. 127-132, Л. 143; Оп. 19. Д. 32. Л. 44-45; Оп. 22. Д. 29. Л. 48-53; Оп. 25. Д. 21. Л. 92-96; Оп. 27. Д. 24. Л. 81-85; Оп. 31. Д. 26. Л. 248-253; Оп. 33. Д. 28. Л. 130-133; Оп. 36. Д. 20. Л. 119-124.].

2. Ритуал Дня Памяти состоял из мероприятий следующего порядка: построение личного состава и торжественная поверка сотрудников ОВД, погибших при исполнении служебного долга, с приглашением семей погибших, ветеранов ОВД; принятие Присяги; поощрение сотрудников, отличившихся в служебной деятельности; торжественные митинги на местах захоронения погибших героев, на Мемориалах; прием семей погибших сотрудников в городских и районных администрациях с вручением материальной и финансовой помощи; конкурсы профессионального мастерства и спортивные соревнования [5. Оп. 3. Д. 177. Л. 1-37].

3. На основании решения расширенной коллегии УВД ПК от 24 июля 1998 года, учета общественного мнения, пожеланий ветеранских организаций и ассоциаций семей погибших сотрудников, материалов конкурса творческих коллективов и проектных мастерских 15 октября 1999 года в г. Владивостоке, в сквере на перекрестке улиц Пограничной и Батарейной, был открыт Мемориал Памяти сотрудникам УВД ПК, погибшим при исполнении служебного долга. В его создании принимало участие практически все население края. Постановлением губернатора Приморского края был объявлен краевой конкурс скульпторов и архитекторов, победителями которого стали скульптор Валерий Геннадьевич Ненаживин и архитектурная группа «Босфор». Мемориал был построен в рекордно короткий срок, за 10 месяцев, на средства, собранные личным составом и населением края, при этом многие работы, в том числе и сама скульптура, были выполнены бесплатно [4; 5. Оп. 3. Д. 219. Л. 184-185; 6; 7].

4. В соответствии с посвящением на мемориале – «Вечная память – сотрудникам правопорядка» на гранитных плитах высечены фамилии сотрудников, погибших при исполнении служебного долга. Занесение каждого имени сопровождалось торжественным ритуалом Памяти [5. Оп. 4. Д. 14. Л. 235].

5. С 1999 года у Мемориал Памяти проводились празднования дней воинской славы (День защитников Отечества, День Победы, День милиции), юбилейных дат создания служб и подразделений МВД РФ. Мемориальный комплекс также являлся неизменным местом, откуда с благословением героев былых времен отправлялись в свой профессиональный путь новоиспеченные молодые лейтенанты, выпускники ВФ ДВЮИ МВД России [4; 6; 7; 8; 9; 10].

6. Важное значение в героико-патриотическом воспитании имела работа по зачислению сотрудников, погибших при исполнении служебного долга, навечно в списки личного состава ОВД ПК, присвоение их имен населенным пунктам, улицам, площадям и скверам, а также открытие в их честь мемориальных досок, памятников, стендов, экспозиций.

7. С 1997 года в музее УВД по Приморскому краю велась Книга Памяти, в которую вписывались имена сотрудников органов внутренних дел, погибших при исполнении служебного долга и навечно зачисленных в списки личного состава УВД ПК [5. Оп. 3. Д. 177. Л. 1-37].

Согласно Положению о Книге Памяти она включала в себя сведения о сотрудниках ОВД ПК, погибших при защите Отечества в годы войны, а также в мирное время при исполнении служебных обязанностей, описание самого подвига самоотверженного служения Родине [5. Оп. 3. Д. 177. Л. 1-37].

УВД ПК было налажено тесное взаимодействие руководства органов внутренних дел с администрациями муниципальных образований по присвоению образовательным учреждениям, улицам и площадям, имён сотрудников, погибших при исполнении служебного долга; установлению в их честь памятников и мемориальных досок [4; 6; 7].

8. К 2010 году в городах и посёлках Приморского края 17 улиц были названы в честь сотрудников, погибших при исполнении служебного долга. Именами сотрудников Л.И. Теремецкого и В.Д. Вейса названы улицы г. Уссурийска, Лесозаводский ГОВД расположен на улице Григоренко, названной в честь майора милиции А.А. Григоренко, погибшего при задержании вооруженного преступника [9].

9. 20 августа 1999 года УВД ПК были проведены торжественные мероприятия (митинг, ритуал возложения цветов, культурно-массовая и спортивная программа), посвященные переименованию улицы Торомозной в улицу имени Героя России В.И. Марченко [5. Оп. 4. Д. 11. Л. 1.]. Именно на ул. Торомозной располагалось здание Управления по борьбе с организованной преступностью УВД ПК, где последние три года жизни служил Владимир Иванович.

10. В 2000 году в День Памяти в реабилитационном центре УВД ПК была заложена Аллея памяти: каждая семья своими руками посадила на ней молодую елочку в память о погибших [8].

11. По инициативе и при поддержке губернатора Приморского края (Е.И. Наздратенко) в 2000 году был открыт памятник приморским милиционерам в г. Кизляре (Дагестан). В декабре 2001 года была организована поездка 18 родственников в республику Дагестан к месту гибели сотрудников. Они посетили вновь созданную в Кизлярском краеведческом музее экспозицию, посвященную памяти сотрудников ОМОНа, погибших в ходе боевых действий в Чечне [8].

12. В 2001 году был открыт памятник сотрудникам, погибшим при исполнении служебного долга, в городе Уссурийске на территории Уссурийского филиала ДВЮИ МВД РФ [8]; в период с 2006 года по 2010 год – мемориальный комплекс сотрудникам, погибшим при исполнении служебных обязанностей (г. Дальнереченск), памятник участковому уполномоченному И.М. Виниченко (п. Нагорное Пожарского района), стела сотрудникам, погибшим при исполнении служебных обязанностей (г. Уссурийск), обелиск Герою Советского Союза Я.П. Степченко (г. Артем), Мемориал Памяти погибшим милиционерам (п. Кировский Кировского района) [9].

13. Мемориальные Доски Памяти были установлены также в холле УВД Приморского края, на доме, в котором проживал Герой России подполковник милиции В.И. Марченко, на месте гибели инспектора ДПС ГАИ УВД ПК сержанта милиции Д.Ю. Акуленко, погибшего при задержании группы вооруженных преступников (г. Владивосток), на местах гибели старшего сержанта милиции Б.У. Баратова (г. Находка), младшего сержанта милиции В.Д. Вейса, лейтенанта милиции Л.И. Теремецкого, рядового Е.Г. Боровских, старшина милиции И.И. Шкуропатова (г. Уссурийск) [9].

В 2009 году в ВФ ДВЮИ МВД Росси был установлен стенд «Навечно в строю», посвящённый памяти рядового милиции Е.А. Домбровского, курсанта ВФ ЮИ МВД России, погибшего при исполнении служебных обязанностей [11].

В период с 2007 по 2009 г. УВД ПК совместно с Приморской краевой общественной организацией ветеранов боевых действий «Контингент» провело ряд мероприятий по увековечиванию памяти сотрудников, погибших при исполнении служебных обязанностей на Северном Кавказе. Был открыт мемориал Памяти приморцам, погибшим в ходе локальных войн; в общеобразовательных учреждениях установлены мемориальные доски погибшим в локальных войнах сотрудникам, проходившим в них обучение (милиционеру-бойцу отряда милиции особого назначения старшине милиции Р.В. Мицайю (гимназия №1), майору милиции А.Л. Рыбаку (СОШ № 25) (Приложение 37), лейтенанту милиции С.А. Закржевскому (СОШ № 78), старшему лейтенанту милиции Елисееву М.В.(СОШ № 27), капитану милиции В.П. Холину (СОШ № 33), капитану милиции О.А. Куртияну (СОШ № 58), капитану милиции О.А. Копылову (СОШ № 22 пос. Кневичи), капитану милиции В.В. Власову (СОШ № 3, г. Артем)) [9].

Авторами памятника приморцам, погибшим в ходе локальных войн и военных конфликтов, стали В.Н. Ненаживин и С.Ф. Шевелев. Он представляет собой скульптурный ансамбль. На фоне четырехметровой стены, на которой по всему периметру выгравированы выдержки из писем погибших героев и их родных, а также цитаты из официальных документов, расположена фигура сидящего война, только что вышедшего из боя, выжившего, но потерявшего своих товарищей. И как символ этой невосполнимой утраты в руках у него – жетоны смерти, личные номера, принадлежащие реальным военнослужащим и солдатам

правопорядка. Прообразом выжившего солдата стал старшина контрактной службы Уссурийской отдельной бригады спецназа Дальневосточного военного округа, Роман Вдовин, который десять раз побывал в специальных командировках на Северном Кавказе. На противоположной от центральной скульптуры стороне – тумба, на которой запечатлена цитата из «афганской» песни А. Розенбаума: «Молча – третий за тех, кто новый день не встретит».

История создания и установки памятника, к сожалению, была сродни боевым действиям: начиная с того сколько усилий инициаторам проекта (члены Приморская краевой общественной организации ветеранов боевых действий «Контингент») пришлось потратить на то, чтобы участники военного конфликта в Чечне получили статус ветеранов военных действий, и заканчивая перипетиями процесса согласования вопроса о реконструкции сквера у Дома молодежи, где планировалось возвести скульптурный комплекс. Благодаря поддержке администрации г. Владивостока, ветеранов боевых действий, УВД ПК, родственников военнослужащих и сотрудников ОВД, погибших в ходе военных конфликтов, неравнодушных жителей города и края, 22 сентября 2007 года состоялось торжественное открытие мемориала.

8 декабря 2009 года также состоялась церемония презентации третьего тома «Книги памяти Приморского края», выход которого был приурочен к 15-летней годовщине начала боевых действий в Чечне. Первый выпуск данного издания, посвященного сбережению памяти о приморцам, погибших на Северном Кавказе, увидел свет еще в 1999 году. Активную поддержку авторам-составителям брошюр оказывала Администрация г. Владивостока, Совет ветеранов г. Владивостока, УВД ПК, редакция газеты «Владивосток» и др. Все тома «Книги памяти Приморского края» в обязательном порядке направлялись в органы и подразделения внутренних дел края, школьные библиотеки.

14. Всего к 2010 году на территории Приморского края были установлены 21 мемориальная доска, 2 мемориальных комплекса, 2 стелы, 3 памятника сотрудникам ОВД Приморского края, погибшим при исполнении служебного долга. Именами сотрудников названы 1 школа (имени Героя России Алексея Рыбака) и 2 спасательных буксира («Юрий Орленко», «Сергей Тельнов») [9].

15. Сотрудниками органов и подразделений края, курсантами и слушателями ВФ ДВЮИ МВД России на постоянной основе осуществлялось шефство за всеми местами захоронений сотрудников, погибших при исполнении служебного долга, а также местами их памяти [4;6;7].

16. Особое воспитательное значение имело ежегодное проведение спартакиад, спортивных игр и соревнований, посвященных памяти погибших сотрудников. Эти мероприятия как форма почитания памяти героев, средство повышения профессионального мастерства личного состава и его патриотического воспитания (в том числе и молодежи Приморского края) на героических традициях органов внутренних дел были знаковыми событиями не только для сотрудников, но и для всего населения края. Победителей соревнований в обязательном порядке чествовали ветераны, родные и близкие погибших сотрудников, напутствовали перед отъездом для участия в первенствах России. И именно в тех видах соревнований, по которым проходили именные спартакиады, представители края становились победителями и призерами первенств МВД России (служебное двоеборье, стрельба из боевого оружия, стрельба и кросс) [6; 7].

В 1994 и 1995 годах УВД ПК были впервые организованы соответственно краевой чемпионат [5. Оп.3. Д. 81. Л. 1-3] и спартакиада [5. Оп. 3. Д. 123. Л. 118-119] по служебно-прикладным видам спорта, посвященные памяти погибших сотрудников. С 1996 года данные спортивные состязания стали носить именной характер. В их числе – чемпионат УВД ПК по мини футболу, посвященный памяти В.А. Гриченко [5. Оп. 22. Д. 18. Л. 182-185; Оп. 4. Д. 9. Л. 120-123; Оп. 27. Д. 17. Л. 213-214; Оп. 31. Д. 22. Л. 26-30; Оп. 36. Д. 17. Л. 225-226], чемпионат по стрельбе из стрелкового оружия в честь С.С. Хамзина [5. Оп. 3. Д. 182. Л. 106-109; Оп. 3. Д. 214. Л. 144-145; Оп. 22. Д. 21. Л. 82-83; Оп. 25. Д. 13. Л. 210-214; Оп. 27. Д. 16. Л. 4-9; Оп. 31. Д. 17. Л. 178-183; Оп. 36. Д. 36. Л. 2-3.], краевая спартакиада в честь Героя России В.И. Марченко [5. Оп. 3. Д. 158. Л. 127-128; Оп. 3. Д. 187. Л. 149-150; Оп. 3. Д. 221. Л. 81-82; Оп. 22. Д. 27. Л. 51-52; Оп. 25. Д. 20 Л. 155-156; Оп. 27. Д. 23. Л. 3-7; Оп. 31. Д. 26. Л. 55-56], соревнования по гиревому спорту памяти В.П. Холина [5. Оп. 36. Д. 21. Л. 161-164; Оп. 22. Д. 31. Л. 128-129; Оп. 33. Д. 16. Л. 42-43].

17. С 2003 года в память о заместителе начальника УВД ПК полковнике милиции Ю.Г. Орленко УВД ПК ежегодно проводило открытое первенство команд силовых структур ДФО среди снайперских пар. В соревнованиях принимали участие до 35 команд МВД, ФСБ, МО, наркоконтроля, в том числе не только городов ДФО, но и Москвы, Омска, Кемерово, Новосибирска, Республики Татарстан и других [5. Оп. 19. Д. 32. Л. 57-58; Оп. 25. Д. 22. Л. 25-27; Оп. 27. Д. 19. Л. 157-164; Оп. 33. Д. 10. Л. 243-244; Оп. 33. Д. 28. Л. 152-153; Оп. 36. Д. 17. Л. 2-4; Оп. 22. Д. 23. Л. 241-244]. Команда сотрудников ОВД ПК постоянно принимала участие в открытом чемпионате Приморской краевой федерации кик-боксинга, посвященном

памяти сотрудников силовых структур, погибших при исполнении служебных обязанностей. По ходатайству УВД ПК с 2008 года чемпионат стал носить имя полковника милиции Ю.Г Орленко [9].

18. В 2007 году Владивостокский филиал ДВЮИ МВД России проводил открытое первенство по стрельбе из боевого оружия, посвященное памяти героя России, подполковника В.И. Марченко, в котором приняли участие не только курсанты и слушатели института, но и сборная команда УВД ПК [5. Оп. 31. Д. 11. Л. 58].

19. В 2009 году в рамках проведения Дней Приморской милиции были организованы соревнования по стрельбе из пистолета Макарова среди строевых и специальных подразделений гарнизона г. Владивосток, посвященные памяти полковника милиции В.А. Фесюна [5 Оп. 36. Д. 19. Л. 67-69].

20. Проведение именных спортивных соревнований традиционно сопровождали празднование Дня образования российской милиции и Дня защитника Отечества [5. Оп. 4. Д. 3. Л. 84; Оп. 22. Д. 29. Л. 166-168; Оп. 22. Д. 30. Л. 43-45; Оп. 25. Д. 2. Л. 226-228; Оп. 25. Д. 3. Л. 15-16; Оп. 22. Д. 10. Л. 101, 131; 9]. Данные мероприятия, как и состязания, посвященные памяти погибших сотрудников, носили полифункциональный характер. Например, турнир по греко-римской борьбе среди юношей, посвященный памяти Героя Советского Союза Якова Павловича Степченко, был направлен не только на реализацию героико-патриотического воспитания, но и на усиление работы с подростками в плане профилактики правонарушений и пропаганды здорового образа жизни [5. Оп. 22. Д. 29. Л. 162-164].

21. Особую роль в деле формирования сопричастности личного состава героическим традициям органов внутренних дел играло участие сотрудников органов и подразделений внутренних дел ПК во всероссийских и региональных конкурсах МВД России на лучшее освещение данной темы в электронных и печатных средствах массовой информации.

22. Так, в 2005 году ОИОС УВД по ПК был создан фильм «Мой папка самый любимый» – о судьбе сотрудника приморского СОБРа, вернувшегося из командировки в Чеченскую Республику и сумевшего выжить после тяжелых ранений. Эта работа заняла призовое место на всероссийском конкурсе «Щит и перо», а также получила Гран-при конкурса МВД России [8].

23. В 2006 году сотрудники УВД по ПК приняли участие в фотоконкурсе МВД России в номинации «Горячая точка». Сотрудником ОИОС УВД по ПК В.М. Садовым был подготовлен и направлен фотоальбом о службе приморских милиционеров в Чеченской республике. В 2007 г сотрудница ОИОС УВД по Приморскому краю майор милиции О.С. Климакова заняла 3 место на литературно-поэтическом конкурсе МВД России за стихотворение патриотической направленности «У войны неженское лицо» [9].

Выводы

История – это память и благодарность. Бережное сохранение и воспевание благородных подвигов героев создают условия для зарождения, столь необходимого сегодня, чувства любви и уважения к Родине.

Выбрав коммеморацию в качестве ключевого направления патриотического воспитания сотрудников и поддерживая его актуальность на протяжении ни одного десятилетия, органы внутренних дел Приморского края смогли в кризисный, переломный период к. XX – н. XXI вв. сохранить преемственность традиций, сформировать основы корпоративной идентичности и создать эффективную систему кадрового обеспечения своей деятельности.

Разработка и поддержание торжественных ритуалов Памяти, разносторонняя мемориальная работа, социальная поддержка семей погибших героев, организация и проведение памятных спортивных и творческих мероприятий, издание книг Памяти – основные формы, обеспечившие результативность патриотического воспитания личного состава приморской милиции.

Каждая акция, освященное именем сотрудника, погибшего при охране жизни и покоя граждан, приобщала новое поколение солдат правопорядка к нерушимой заповеди российского патриотизма: «Русские своих не бросают и не забывают, ни до, ни после смерти. Наши герои навечно с нами в строю».

Список источников

1. Книга памяти Приморского края Северный Кавказ: декабрь 1994 – декабрь 2014 / Новая газета во Владивостоке, [Организация ветеранов боевых действий Контингент; авт.-сост. С. Кондратенко, А. Островский]. 4-е изд. Владивосток: [б. и.], 2014. 175 с. ил.

2. Текущий архив Культурного центра УМВД России по Приморскому краю, г. Владивосток. Благодарственное письмо заместителя руководителя ГУОШ МВД России на территории Республики Дагестан и Ставропольского края, генерал-майора милиции В.У. Тимошина, 1.11.1995 (Вх. №395); Благодарственное письмо руководителя ГУОШ МВД России, полковника милиции А.В. Никитина, 1.11.1995 г.; Благодарственное письмо члена Государственного совета Республики Дагестан, главы Администрации Нагайского района А. Аджиева, от 09.12.1995 г. (Вх. № 426).

3. Органы МВД Приморья: 160 лет на страже порядка: в трех книгах / ред. кол.: В.И. Яшин и др. Люди долга: страницы жизни и творческие материалы. Владивосток: Русский Остров, 2018, 2018. 293, [2] с.

4. Нарративное интервью с В.И. Яшиным, председателем Совета ветеранов ОВД и ВВ Приморского края, полковником внутренней службы в отставке от 30.05.2024.

5. Отдел специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий Информационного центра УМВД России по Приморскому краю. Ф 12 (Приказы общие).

6. Нарративное интервью с А.Н. Костюковым, полковником милиции в отставке от 28.05.2024.

7. Нарративное интервью с Р.Г. Гришуковой, методистом Культурного центра УМВД России по Приморскому краю, подполковником внутренней службы в отставке от 13.03.2025.

8. Текущий архив Культурного центра УМВД России по Приморскому краю, г. Владивосток. Итоговый доклад о выполнении Плана мероприятий МВД России по реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы» в УВД по Приморскому краю.

9. Текущий архив Культурного центра УМВД России по Приморскому краю, г. Владивосток. Итоговый доклад о выполнении Плана мероприятий МВД России по реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы» в УВД по Приморскому краю.

10. Текущий архив ВФ ФГКОУ ВО «ДВЮИ МВД России имени И.Ф. Шилова». Справки о ходе выполнения Плана мероприятий МВД России по реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы» во Владивостокском филиале Дальневосточного юридического института МВД России в 2008, 2009, 2010 гг.).

11. Текущий архив ВФ ФГКОУ ВО «ДВЮИ МВД России имени И.Ф. Шилова». Справка о ходе выполнения Плана мероприятий МВД России по реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы» во Владивостокском филиале Дальневосточного юридического института МВД России в 2009 году.

References

1. Book of Memory of Primorsky Krai North Caucasus: December 1994 – December 2014. Novaya Gazeta in Vladivostok, [Organization of Combat Veterans Contingent; author-compiled by S. Kondratenko, A. Ostrovsky]. 4th ed. Vladivostok: [no record], 2014. 175 p. ill.

2. Current archive of the Cultural Center of the UMVD of Russia for Primorsky Krai, Vladivostok. Letter of thanks from the Deputy Head of the Main Directorate of the General Staff of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Republic of Dagestan and Stavropol Krai, Major General of Police V.U. Timoshin, 1.11.1995 (Incoming No. 395); Letter of thanks from the Head of the Main Directorate of the General Staff of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Colonel A.V. Nikitin, 1.11.1995; Letter of thanks from A. Adzhiev, member of the State Council of the Republic of Dagestan and head of the Nagai District Administration, dated December 9, 1995 (Incoming Document No. 426).

3. Primorsky Krai Ministry of Internal Affairs Agencies: 160 Years Guarding Order: in Three Books / Editorial Board: V.I. Yashin et al. People of Duty: Pages of Life and Creative Materials. Vladivostok: Russky Ostrov, 2018, 2018. 293, [2] p.

4. Narrative interview with V.I. Yashin, Chairman of the Council of Veterans of the Internal Affairs Directorates and Internal Troops of Primorsky Krai, retired Colonel of the Internal Service, dated May 30, 2024.

5. Department of Special Funds and Rehabilitation of Victims of Political Repression, Information Center of the Russian Ministry of Internal Affairs for Primorsky Krai. Form 12 (General Orders).

6. Narrative interview with A.N. Kostyukov, retired police colonel, May 28, 2024.

7. Narrative interview with R.G. Grishukova, methodologist at the Cultural Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Primorsky Krai, retired lieutenant colonel of the internal service, March 13, 2025.

8. Current archive of the Cultural Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Primorsky Krai, Vladivostok. Final report on the implementation of the Action Plan of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the implementation of the state program "Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 2001-2005" at the Ministry of Internal Affairs of Russia for Primorsky Krai.

9. Current archive of the Cultural Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Primorsky Krai, Vladivostok. Final report on the implementation of the Action Plan of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the implementation of the state program "Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 2006-2010" at the Primorsky Krai Directorate of Internal Affairs.

10. Current archive of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov. Reports on the progress of the implementation of the Action Plan of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the implementation of the state program "Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 2006-2010" at the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2008, 2009, and 2010.

11. Current archive of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov. Information on the progress of the implementation of the Action Plan of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the implementation of the state program "Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2006-2010" in the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2009.

Информация об авторе

Позднякова В.И., старший преподаватель, Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, Приморский край, г. Владивосток, ул. Котельникова, 21, anitnelav1711@mail.ru

© Позднякова В.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.85
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-172-178

Соборное уложение 1649 года как фундамент светского кодифицированного уголовного права России

[1] Середа С.П.,
[1] Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Аннотация: цель исследования в настоящей научной статье – обосновать положение о том, что Соборное уложение 1649 г. явилось фундаментом светского кодифицированного уголовного права России, в котором религиозное начало было инкорпорировано в государственно-правовую систему, а не противопоставлено ей. С учетом современных научных исследований в данной области и на основе текста самого памятника проанализированы кодификационная техника, структурная логика, система преступлений и наказаний, а также институты Общей и Особенной части уголовного права. Установлено, что Соборное уложение впервые в отечественной истории осуществило систематизацию уголовных норм по объектам посягательства и обеспечило их единообразное применение посредством печатного воспроизведения. Автором обосновывается тезис о том, что светский характер документа заключается не в разрыве с православием, а в подчинении церковных деликтов публично-правовому регулированию. Особое внимание уделено дискуссии о мере «кодифицированности» Соборного уложения и его влиянии на последующее законодательство вплоть до Свода законов 1832 г. Практическая значимость работы состоит в возможности её использования при чтении общих и специальных курсов по истории государства и права России, уголовного права.

Ключевые слова: Соборное уложение 1649 года, история уголовного права, кодификация, светское право, система наказаний, государственные преступления, православие и право

Для цитирования: *Середа С.П. Соборное уложение 1649 года как фундамент светского кодифицированного уголовного права России // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 172 – 178. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-172-178*

Поступила в редакцию: 9 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

The Cathedral Code of 1649 as the foundation of the secular codified criminal law of Russia

[1] Sereda S.P.,
[1] Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

Abstract: the purpose of the research in this scientific article is to substantiate the position that the Cathedral Code of 1649 was the foundation of the secular codified criminal law of Russia, in which the religious principle was incorporated into the state legal system, and not opposed to it. Taking into account modern scientific research in this field and based on the text of the monument itself, codification techniques, structural logic, the system of crimes and punishments, as well as institutions of General and Special criminal law are analyzed. It is established that for the first time in Russian history, the Cathedral Code systematized criminal norms on objects of encroachment and ensured their uniform application through printed reproduction. The author substantiates the thesis that

the secular nature of the document does not consist in breaking with Orthodoxy, but in subordinating church torts to public law regulation. Special attention is paid to the discussion of the extent of the "codification" of the Cathedral Code and its impact on subsequent legislation up to the Code of Laws of 1832. The practical significance of the work lies in the possibility of its use in reading general and special courses on the history of the state and law of Russia, criminal law.

Keywords: Cathedral Code of 1649, history of criminal law, codification, secular law, system of punishments, state crimes, Orthodoxy and law

For citation: *Sereda S.P. The Cathedral Code of 1649 as the foundation of the secular codified criminal law of Russia. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 172 – 178. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-172-178*

The article was submitted: April 9, 2026; Approved after reviewing: May 6, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Соборное уложение 1649 г. (далее - Уложение) по праву занимает исключительное место в истории отечественного права. Оно не только подвело итог предшествовавшему законодательному развитию, но и заложило основы, определившие облик российского уголовного закона на два последующих столетия. Актуальность избранной темы обусловлена необходимостью переосмысления устоявшихся историографических схем, согласно которым Соборное уложение трактуется либо как памятник феодально-сословного права, лишённый внутренней отраслевой логики, либо, напротив, как компиляция, механически соединившая светские и церковные нормы. Цель настоящего исследования - показать, что именно в 1649 г. в России сформировался фундамент светского кодифицированного уголовного права, в котором религиозное начало не было устранено, но последовательно инкорпорировано в государственно-правовую систему. Достижение поставленной цели предполагает решение трёх взаимосвязанных задач: во-первых, проанализировать кодификационную технику Уложения и его системно-структурные особенности; во-вторых, раскрыть содержание и эволюцию ключевых уголовно-правовых институтов (понятие преступления, формы вины, стадии преступной деятельности, система наказаний); в-третьих, оценить степень преемственности между Соборным уложением 1649 г. и последующим уголовным законодательством вплоть до кодификаций XIX столетия. Методологическая опора на широкий круг новейших исследований [1-16] позволяет вписать полученные выводы в актуальный историографический контекст и одновременно показать, что современная наука далеко ушла от однозначных оценок, предложенных государственной школой XIX в. Практическая значимость работы состоит в возможности использования её материалов при подготовке лекционных курсов по истории государства и права России, уголовного права, а также при разработке специальных дисциплин историко-правового цикла.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили текст Соборного уложения 1649 г. и современные научные исследования, посвящённые различным аспектам памятника. В их числе – труды, затрагивающие вопросы систематизации и кодификации [1; 2; 6; 11], уголовно-правовой охраны личности и государства [4; 5; 10; 15], эволюции пенитенциарной системы [9; 10], влияния византийского и библейского законодательства [3; 8], а также современные переоценки отраслевой природы документа [1; 13; 16]. Привлекались также учебно-методические издания, отражающие устоявшийся в науке взгляд на структуру и содержание Уложения [12]. Особое внимание уделено работам, содержащим результаты количественного анализа статей [16] и вводящим в оборот данные, иллюстрирующие реальное применение уголовных норм [15].

Методологический инструментарий включает историко-правовой метод, системно-структурный метод; сравнительно-исторический метод, герменевтический подход, приёмы статистического наблюдения.

Результаты и обсуждения

Говоря о кодификационной природе Соборного уложения, следует отметить, что уже современники видели в нем не просто собрание указов, а объёмный фундаментальный универсальный гражданско-уголовный нормативный правовой акт [1, с. 32; 9, с. 56]. В отличие от Судебников 1497 и 1550 гг., где нормы материального уголовного права были поглощены процессуальными предписаниями, Уложение сделало значительный шаг к предметной группировке статей по объекту посягательства [5; 13]. По замечанию В.А. Томсинова, текст разбит на главы с заглавиями, материал подвергнут целенаправленной группировке,

что превращает памятник в продукт развитой юриспруденции [11]. Эту же мысль последовательно проводит А.Н. Федорова, указывая, что расположение глав по объектам преступного посягательства знаменует промежуточный этап на пути формирования отраслей права [13].

Показательно, что деление на главы подчиняется иерархии охраняемых государством ценностей: от преступлений против веры и государя – к посягательствам на порядок управления, личность и имущество. Вопреки мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, относившего главы I-IX к «государственному праву», ряд современных авторов [1; 5; 13] справедливо усматривают в них преимущественно уголовно-правовой массив, содержащий конкретные составы преступлений и санкции. Действительно, глава II «О государьской чести…» представляет собой, по выражению И.В. Упорова, первый в истории русского законодательства кодекс государственных преступлений [5, с. 145], в котором детально проработаны состав, субъективная и объективная стороны, а также обстоятельства, исключающие ответственность.

Не менее важен тот факт, что Уложение стало первым печатным законодательным актом, что исключало возможность злоупотреблений воеводами и приказными чинами [6] и обеспечивало единообразие судебной практики. Масштаб кодификационных работ подчёркивает Е.В. Мишина, по мнению которой впервые законодателем была предпринята попытка сгруппировать представленные нормы по отраслям и институтам [6, с. 15], а сама техника исполнения позволяет назвать Уложение образцом высокой юридической техники, не имевшим аналогов в ведущих европейских государствах того времени [6, с. 16]. Подобная оценка, заметим, требует осторожности: Литовский статут и Прохирон, бесспорно, повлияли на структуру памятника [8; 11], однако именно творческая переработка иноземных образцов придала Уложению характер национального правового фундамента.

Таким образом, есть все основания вслед за Н.П. Карпиченко утверждать, что Уложение явилось своеобразным фундаментом, на котором развивалась и дополнялась правовая система Российского государства на протяжении последующих двух столетий [3]. Кодификационный характер этого фундамента проявляется в единстве материальных и процессуальных норм, подчинённых задаче охраны публичного правопорядка.

Светский характер уголовного права не исключает соотношения государственного и религиозного начал. Принципиальное значение для темы имеет вопрос о том, в какой мере уголовное право Уложения может считаться светским. С одной стороны, глава I «О богохульниках и о церковных мятежниках» помещена на первом месте, а многие составы сформулированы через категорию греха («забвение страха божьего»). А.В. Шеслер прямо утверждает, что в Соборном Уложении 1649 г. юридическая и религиозная оценка преступления совпадали, а наказание воспринималось как воздаяние за грех по образцу ветхозаветных установлений [4]. Сходной позиции придерживается О.Ю. Ельчанинова, подчёркивающая влияние «буквы и духа» церковных текстов на толкование норм [2, с. 256].

С другой стороны, многочисленные факты свидетельствуют о том, что это «совпадение» было не следствием клерикализации, а результатом сознательной этатизации религиозной сферы. Государство само определило, какие деяния против веры преступны, и установило за них сугубо светские наказания - от сожжения до кнута и каторжных работ. Как проницательно замечает И.В. Упоров, религиозные преступления приобретают политический смысл [5], а Е.В. Мишина особо отмечает, что убийство детей родителями, ранее подсудное церковным судам, именно с 1649 г. получило законодательное закрепление в светском кодексе [6, с. 16]. Учреждение Монастырского приказа, ограничившего судебные привилегии духовенства, также указывает на последовательное наступление светской власти на церковную юрисдикцию [12].

Диалектика двух начал наиболее рельефно отражена в языковой ткани документа. В.А. Томсинов обратил внимание на то, что составители Уложения намеренно переводили нормы мирского содержания на деловой русский язык, оставляя церковнославянский лишь там, где излагались вероучительные истины [10]. Такой сознательный выбор языкового регистра свидетельствует о разделении сфер сакрального и мирского в правосознании эпохи и о стремлении создателей Уложения подчеркнуть государственную природу уголовного запрета.

В этой связи нельзя не отметить вывод В.Д. Ярыш, согласно которому причиной создания Уложения стала сдача позиций основным источником права прежних периодов - обычаем и замена его писаным правом, исходящим от государства и выполнявшим функции, нужные, прежде всего, государству [12, с. 139]. Помещение главы о вере на первое место отражало не подчинение права церкви, а, напротив, стремление государства обеспечить охрану веры как важнейшей идеологической опоры именно силами светского закона. Таким образом, не умаляя положительного значения православия в развитии уголовно-правовой доктрины, следует признать, что Соборное уложение 1649 г. утвердило приоритет государственной воли в сфере уголовной репрессии, в том числе и за религиозные деликты.

Следует обратить внимание на развитие институтов Общей и Особенной части. Уложение не содержит обособленной Общей части в современном понимании, однако его текст содержит зачатки ключевых уголовно-правовых институтов. Как подчёркивает И.В. Упоров, законодатель отличает вину умышленную и неосторожную, совершение преступления в соучастии, смягчающие и отягчающие обстоятельства [1, 5, 7]. Глава XXII, посвящённая преступлениям против личности, дифференцирует убийства на «хитростные» (умышленные), совершённые «насильством, скопом и заговором», и «бесхитростные» – неумышленные и случайные [14]. Особую значимость имеет разграничение стадий преступления: умысел на жизнь государя (ст. 1 гл. II) карался смертью даже при отсутствии какого-либо действия, что свидетельствует о высокой степени абстрагирования общественной опасности [5; 15].

Институт соучастия в Соборном уложении 1649 г. разработан достаточно детально: помимо главных виновников, к ответственности привлекались и пособники, причём мера наказания варьировалась в зависимости от роли в преступном замысле [13, с. 103]. В Уложении чётко закреплена необходимая оборона, причём пределы её шире, нежели в Литовском статуте: дозволялось убийство вора не только в момент нападения, но и при преследовании, что отражало утилитарный, государственный взгляд на защиту имущества и жизни [13, с. 105]. Одновременно оговаривалось, что превышение пределов обороны наказуемо.

Система наказаний, по Соборному уложению, подробно проанализирована П.А. Чирковым, предложившим семичленную классификацию: лишение жизни, телесные наказания, членовредительство, тюремное заключение, имущественные взыскания, неимущественные (опала) и неопределённые санкции «по государеву указу» [15]. Автор справедливо полемизирует с С.В. Юшковым и В.В. Захаровым относительно количества статей, предусматривающих смертную казнь, и предостерегает против приписывания Уложению таких видов казни, как колесование и четвертование, которые появятся лишь в Воинском артикуле 1715 г. [15]. Цель наказания - устрашение - сформулирована в самом тексте: «чтобы на то смотря и иным неповадно было» [11, с. 37]. Вместе с тем, как верно замечает И.В. Упоров, здесь впервые отчётливо проступают фискальные мотивы: осуждённых направляли на работы «в кайдалах» - прообраз каторжных работ, что знаменует зарождение уголовно-исполнительных норм светского типа [7].

Особого внимания заслуживает трансформация понятийного аппарата. Термин «воровство» постепенно приобретает обобщённое значение «преступления вообще», постепенно вытесняя узкие термины «татьба» и «разбой», что убедительно показано О.Ю. Ельчаниновой [2, с. 256] и В.А. Томсиновым [10]. Разработка составов преступлений против личности, осуществлённая А.Н. Федоровой, демонстрирует, что «обида», «бесчестье», «поклёп» (клевета) впервые оформляются как уголовно-правовые категории с дифференцированными штрафами в пользу потерпевших, причём «поклёп» трактуется одновременно и как преступление, и как основание гражданского иска [13, с. 106]. Такое разграничение публично-правовой и частноправовой сфер красноречиво свидетельствует о зрелости законодательной мысли.

Необходимо отметить преемственность и фундаментальность Уложения. Фундаментальный характер памятника подтверждается не только его внутренними качествами, но и длительностью действия. Формально Уложение оставалось основным законодательным актом вплоть до Свода законов 1832 г., а отдельные его нормы, по свидетельству Н.С. Таганцева, «использовались даже при составлении Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.» [8; 9; 14]. Исследование Т.Ю. Сухондяевой и А.Л. Санташова показывает, что на протяжении всего XVIII и первой четверти XIX в. предпринимались многократные попытки согласовать новоуложенные статьи с Соборным уложением, для чего создавались специальные «уложенные комиссии» [16]. Сам факт, что даже в петровскую эпоху Уложение не было отменено, а продолжало рассматриваться как базовый кодекс, вокруг которого надстраивались военные и морские артикулы, говорит о его исключительной роли в качестве системообразующего ядра российского уголовного права.

В историко-правовой литературе приводится и яркий пример рецепции: глава XXI «О разбойных и татиных делах», по существу, представляла собой переработанную Уставную книгу Разбойного приказа, а впоследствии сама стала источником для составления полицейских и уголовных уставов XIX в. [2, с. 253-254]. К.Д. Николаев и Е.В. Косьяненко на материале конфискации имущества доказывают, что Соборное уложение подвело итог длительному развитию русского права, опиралось на все законодательные акты предшествующего периода и отличалось довольно прогрессивной для своего времени юридической техникой [8, с. 111].

Дискуссионной остаётся степень «кодифицированности» Соборного уложения. Н.П. Карпиченко прямо называет его «первым кодексом норм российского права» [3]; М.С. Суханов подчёркивает, что главная особенность документа - регулирование не отдельных групп общественных отношений, а всех сфер жизни России того времени [11, с. 5]; Е.В. Мишина ведёт речь об обширных кодификационных работах [6, с. 15].

С другой стороны, в литературе высказывается мнение, что казуистичность изложения многих составов (например, детальное описание бытовых ситуаций убийств) не позволяет считать Уложение кодексом в строго пандектном смысле. Однако применительно к середине XVII столетия сам термин «кодификация» должен пониматься исторически: как создание единого, систематизированного и внутренне согласованного письменного свода, обладающего верховенством над иными источниками права. С этих позиций Соборное уложение 1649 г., бесспорно, является первым в истории России светским кодифицированным уголовным законом, заложившим основы отраслевого регулирования и определившим вектор развития уголовного права вплоть до Судебной реформы 1864 г.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Во-первых, Соборное уложение 1649 г. представляет собой качественно новый этап в истории русского права: в нём впервые осуществлена систематизация уголовно-правовых норм по объектам посягательства, а сам документ облечён в форму печатного кодекса, обязательного для всех подданных. Во-вторых, уголовное право Уложения при сохранении православной нравственной основы утвердило примат государственной воли: преступление трактовалось как «непослушание царской воле», а церковные деликты получили публично-правовую охрану и светские санкции. В-третьих, в тексте памятника содержатся зачатки институтов Общей части - вины, соучастия, стадий преступного деяния, необходимой обороны, а также разветвлённая система наказаний, включающая элементы уголовно-исполнительного регулирования. В-четвёртых, Уложение являлось действующим фундаментом уголовного законодательства на протяжении почти двух веков, предопределив преемственность правового развития от позднесредневековых судебников до кодификаций XIX столетия. В-пятых, положительная роль православия в становлении уголовно-правовой доктрины выразилась не в подчинении права церкви, а в инкорпорации христианских моральных императивов в светскую правовую систему, что придало российскому уголовному закону своеобразие и нравственную глубину.

Список источников

1. Упоров И.В. Соборное уложение 1649 года: особенности регулирования уголовно-правовых отношений // Социосфера. 2025. № 2. С. 32 – 38.

2. Ельчанинова О.Ю. «Буква закона» и «дух права»: к вопросу об особенностях толкования Соборного уложения 1649 года // Образование и право. 2026. № 2. С. 252 – 260.

3. Карпиченко Н.П. Соборное уложение 1649 года // Право и образование. 2019. № 8. С. 152 – 158.

4. Шеслер А.В. Влияние Священного Писания на Соборное уложение 1649 года // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер пробации, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества: сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции, приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России. Рязань, 2024. С. 410 – 414.

5. Упоров И.В. Соборное уложение 1649 г. как правовая основа легальной деятельности Московского государства по противодействию преступности // Евразийское научное объединение. 2015. Т. 2. № 11 (11). С. 144 – 147.

6. Мишина Е.В. Соборное уложение – первый единый свод законов Российского государства и его влияние на дальнейшее развитие отечественного законодательства (к 370-летию Соборного уложения 1649 года) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2019. № 4 (45). С. 15 – 20.

7. Упоров И.В. Соборное уложение 1649 г. и его значение в правовом развитии института наказания в виде лишения свободы // Развитие современной науки : теоретические и прикладные аспекты: сборник статей студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей (29 марта, 2016 г.). Пермь, 2016. С. 202 – 205.

8. Николаев К.Д., Косьяненко Е.В. Регламентация конфискации имущества в уголовном законодательстве России: Соборное уложение 1649 г. и Артикул воинский 1715 г. с кратким толкованием // Алтайский юридический вестник. 2016. № 3 (15). С. 108 – 111.

9. Федорова А.Н. Соборное уложение 1649 г. в системе источников права // Вестник Самарского юридического института. 2014. № 3 (14). С. 56 – 60.

10. Томсинов В.А. Соборное уложение 1649 г. как памятник русской юриспруденции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 1 (270). С. 162 – 188.

11. Суханов М.С. Соборное уложение 1649 года: практикум. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. 200 с.

12. Ярыш В.Д. Современная оценка Соборного уложения 1649 г. как источника права // Общество и право. 2021. № 1 (75). С. 137 – 141.

13. Федорова А.Н. Система преступлений против личности по Соборному уложению 1649 г. // Право и государство: теория и практика. 2012. № 7 (91). С. 103 – 106.

14. Епифанова Е.В. Действие норм Соборного уложения 1649 г. и Воинского артикула 1715 г. о преступлении на примере материалов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов // Психология. Экономика. Право. 2013. № 1. С. 128 – 134.

15. Чирков П.А. К вопросу о системе наказаний по Соборному уложению 1649 г. // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона: Сборник материалов X Международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ. Ярославль, 2024. С. 344 – 349.

16. Сухондяева Т.Ю., Санташов А.Л. Проблемы унификации военно-уголовного и процессуального законодательства XIX – начала XX вв. // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14. № 1 (49). С. 75 – 81.

References

1. Uporov I.V. Cathedral Code of 1649: Features of Regulation of Criminal-Law Relations. Sociosphere. 2025. No. 2. P. 32 – 38.

2. Elchaninova O.Yu. “The Letter of the Law” and the “Spirit of the Law”: On the Issue of the Features of Interpretation of the Cathedral Code of 1649. Education and Law. 2026. No. 2. P. 252 – 260.

3. Karpichenko N.P. Cathedral Code of 1649. Law and Education. 2019. No. 8. P. 152 – 158.

4. Shesler A.V. The Influence of the Holy Scripture on the Cathedral Code of 1649. The criminal-executive system of the Russian Federation: issues of execution of criminal penalties, implementation of probation measures, interaction with public authorities and civil society institutions: a collection of abstracts of speeches and reports of participants in the International scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the foundation of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. Ryazan, 2024. P. 410 – 414.

5. Uporov I.V. The Cathedral Code of 1649 as a legal basis for the legal activities of the Moscow state to combat crime. Eurasian Scientific Association. 2015. Vol. 2. No. 11 (11). P. 144 – 147.

6. Mishina E.V. The Cathedral Code – the first unified set of laws of the Russian state and its influence on the further development of domestic legislation (on the 370th anniversary of the Cathedral Code of 1649). Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2019. No. 4 (45). P. 15 – 20.

7. Uporov I.V. The Cathedral Code of 1649 and its significance in the legal development of the institution of punishment in the form of imprisonment. The development of modern science: theoretical and applied aspects: a collection of articles by students, master's degree students, graduate students, young scientists and teachers (March 29, 2016). Perm, 2016. P. 202 – 205.

8. Nikolaev K.D., Kosyanenko E.V. Regulation of Confiscation of Property in the Criminal Legislation of Russia: the Cathedral Code of 1649 and the Military Article of 1715 with a Brief Interpretation. Altai Legal Bulletin. 2016. No. 3 (15). P. 108 – 111.

9. Fedorova A.N. Cathedral Code of 1649 in the System of Legal Sources. Bulletin of the Samara Law Institute. 2014. No. 3 (14). P. 56 – 60.

10. Tomsinov V.A. Cathedral Code of 1649 as a Monument of Russian Jurisprudence. News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 2007. No. 1 (270). P. 162 – 188.

11. Sukhanov M.S. The Cathedral Code of 1649: A Practical Guide. Arzamas: Arzamas Branch of Nizhny Novgorod State University, 2019. 200 p.

12. Yarysh V.D. Modern Assessment of the Cathedral Code of 1649 as a Source of Law. Society and Law. 2021. No. 1 (75). P. 137 – 141.

13. Fedorova A.N. The System of Crimes against the Person under the Cathedral Code of 1649. Law and State: Theory and Practice. 2012. No. 7 (91). P. 103 – 106.

14. Epifanova E.V. The Effect of the Norms of the Cathedral Code of 1649 and the Military Articles of 1715 on Crime Based on Materials Stored in the Russian State Archive of Ancient Acts. Psychology. Economics. Law. 2013. No. 1. P. 128 – 134.

15. Chirkov P.A. On the Punishment System under the Cathedral Code of 1649. Intellectual Potential of an Educational Organization and Socioeconomic Development of a Region: Collection of Materials of the X International Scientific and Practical Conference of the MUBINT Academy. Yaroslavl, 2024. P. 344 – 349.

16. Sukhondyaeva T.Yu., Santashov A.L. Problems of Unification of Military Criminal and Procedural Legislation of the 19th – Early 20th Centuries. Penitentiary Science. 2020. Vol. 14. No. 1 (49). P. 75 – 81.

Информация об авторе

Середа С.П., кандидат юридических наук, доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, sta-sereda2006@yandex.ru

© Середа С.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-179-186

Рецепция немецкой науки в российском гражданском праве второй половины XIX века: учебники, профессура и судебная практика

[1] Шавлохова Е.С.,
[1] Ставицкая В.Г.,
[1] Арутюнян Д.А.,
[1] Климов Д.М.,
[2] Кузнецов А.А.,
[1] Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина,
[2] Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия

Аннотация: статья посвящена анализу влияния немецкой правовой доктрины на развитие российского гражданского права во второй половине XIX в. Механизм рецепции немецкой науки исследуется через 3 основных канала: университетские учебники, деятельность профессуры и судебную практику. Показано, что немецкая пандектная школа стала основой для формирования российской науки после судебной реформы 1864 г. Университетские кафедры, особенно зарождающиеся юридические факультеты, стали плацдармом для внедрения новых идей. Переводные издания немецких учебников и монографий, а также активное участие российских ученых в немецких научных обществах способствовали проникновению пандектных начал в российскую правовую мысль. Деятельность профессуры играла ключевую роль, как в адаптации, так и в популяризации немецких правовых концепций. Ученые, получившие образование в Германии или тесно взаимодействовавшие с ними, такие как: Д.И. Мейер, К.П. Победоносцев, Г.Ф. Шершеневич, привносили в российскую науку новые подходы к пониманию частного права. Они не просто переводили, но и комментировали, критиковали и трансформировали немецкие идеи, приспосабливая их к российским реалиям. Таким образом, анализ влияния немецкой правовой доктрины на российское гражданское право во второй половине XIX в. демонстрирует сложный и многогранный процесс рецепции. Актуальность работы заключается в необходимости переосмысления исторического опыта заимствования правовых институтов для современной российской науки.

Ключевые слова: рецепция права, гражданское право XIX в., судебная реформа 1864 г., правовая доктрина

Для цитирования: *Шавлохова Е.С., Ставицкая В.Г., Арутюнян Д.А., Климов Д.М., Кузнецов А.А. Рецепция немецкой науки в российском гражданском праве второй половины XIX века: учебники, профессура и судебная практика // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 179 – 186. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-179-186*

Поступила в редакцию: 9 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

Reception of German science in Russian civil law of the second half of the 19th century: textbooks, professors and judicial practice

[1] Shavlokhova E.S.,
[1] Stavitskaya V.G.,
[1] Arutyunyan D.A.,
[1] Klimov D.M.,
[2] Kuznetsov A.A.,
[1] Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin,
[2] North Caucasus Branch, Russian State University of Justice

Abstract: this article analyzes the influence of German legal doctrine on the development of Russian civil law in the second half of the 19th century. The reception of German scholarship is examined through three main channels: university textbooks, the activities of professors, and judicial practice. It is shown that the German pandect school formed the basis for the development of Russian scholarship after the judicial reform of 1864. University departments, particularly the nascent law faculties, became a springboard for the introduction of new ideas. Translated editions of German textbooks and monographs, as well as the active participation of Russian scholars in German scientific societies, facilitated the penetration of pandectic principles into Russian legal thought. The work of professors played a key role in both the adaptation and popularization of German legal concepts. Scholars educated in Germany or closely associated with them, such as D.I. Meyer, K.P. Pobedonostsev, and G.F. Shershenevich, brought new approaches to understanding private law to Russian scholarship. They not only translated but also commented on, criticized, and transformed German ideas, adapting them to Russian realities. Thus, an analysis of the influence of German legal doctrine on Russian civil law in the second half of the 19th century demonstrates a complex and multifaceted process of reception. The relevance of this work lies in the need to rethink the historical experience of adopting legal institutions for contemporary Russian scholarship.

Keywords: Reception of law, civil law of the 19th century, judicial reform of 1864, legal doctrine

For citation: *Shavlokhova E.S., Stavitskaya V.G., Arutyunyan D.A., Klimov D.M., Kuznetsov A.A. Reception of German science in Russian civil law of the second half of the 19th century: textbooks, professors and judicial practice. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 179 – 186. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-179-186*

The article was submitted: April 9, 2026; Approved after reviewing: May 7, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Вторая половина XIX в. стала переломным периодом для российской правовой системы. Судебная реформа 1864 г. создала предпосылки для формирования профессионального юридического сообщества и развития правовой науки [1, с. 158] До этого момента российское гражданское право существовало преимущественно в виде разрозненных норм Свода законов Российской империи. Потребность в научном осмыслении гражданского права совпала с расцветом немецкой пандектной школы, которая в середине XIX в. достигла своей вершины. Она предлагала не просто набор правовых норм, но и стройную методологическую систему, которая была основана на римском праве, а также на философии Гегеля [2, с. 90] Эта система обладала универсальным характером и могла быть адаптирована к различным национальным правопорядкам.

Материалы и методы исследований

Рецепция немецкой науки проходила не механически, а через сложный процесс переосмысления и адаптации. Российские ученые столкнулись с необходимостью решения таких специфических задач, как:

1. Создать научную систему гражданского права при отсутствии упорядоченного законодательства
2. Адаптировать немецкие правовые конструкции к российскому правопорядку
3. Подготовить новое поколение квалифицированных юристов, владеющих более современными методами.
4. Современные исследователи отмечают, что процесс заимствования иностранного правового опыта требует учёта национальных особенностей правовой системы и механизмов адаптации зарубежных институтов [3, с. 208]. Именно это понимание характеризовало лучших представителей российской цивилистики второй половины XIX в.

Первым проникновением немецкой мысли в российскую юридическую науку стали университетские курсы гражданского права. Большое значение имел курс лекций Дмитрия Ивановича Мейера, прочитанный в Казанском университете в 1840-1850-х годах и изданный посмертно в 1858 году. Мейер был первым, кто заимствовал немецкую пандектную науку у Фридриха Карла фон Савиньи [4, с. 408].

Система Мейера строилась на следующих принципах:

1. Выделение общей части, содержащей универсальные понятия и конструкции гражданского права
2. Структурирование особенной части по объектам правоотношений (вещные, обязательственные, наследственные права)
3. Использование абстрактных юридических категорий, выработанных не только римским правом, но и германской доктриной
4. Приоритет научной систематизации над позитивным законодательством

Влияние немецкой школы особенно заметно в трактовке Мейером понятия субъективного права как «юридической власти» – концепции, разработанной Бернхардом Виндшейдом. Российский цивилист адаптировал эту категорию к условиям отечественного правопорядка, где формально-юридическое равенство субъектов сосуществовало с сословными ограничениями.

Константин Петрович Победоносцев в «Курсе гражданского права» (1868-1880 гг.) продемонстрировал иной подход к рецепции. Будучи консервативно настроенным государственным деятелем, он критически относился к абстрактным построениям германской пандектистики, но активно использовал немецкую методологию для систематизации российского законодательства [5, с. 305]. Победоносцев стремился создать практически ориентированную науку, которая служила бы инструментом применения действующего права.

Габриэль Феликсович Шершеневич в «Учебнике русского гражданского права» (первое издание вышло в 1894 г.) представил наиболее зрелый синтез германской доктрины и российской правовой практики. Он заимствовал у немецких юристов:

1. Строгость понятийного аппарата и логическую систему изложения
2. Разграничение вещных и обязательственных прав
3. Концепцию юридической сделки как основания возникновения правоотношений
4. Учение о правоспособности и дееспособности как элементах правосубъектности

При этом Шершеневич подчёркивал самобытность российского права и необходимость учитывать национальные особенности при разработке правовых институтов. Он критиковал механическое перенесение иностранных конструкций без анализа их соответствия отечественным условиям [6, с. 58].

Результаты и обсуждения

Анализ университетских учебников показывает постепенную эволюцию от прямого заимствования немецких схем к их творческой переработке и созданию оригинальной российской цивилистической доктрины на методологической основе германской школы.

Университетская профессура играла ключевую роль не только в создании учебной литературы, но и в формировании профессионального юридического мышления. Многие российские цивилисты второй половины XIX в. получили образование в немецких университетах или проходили там научные стажировки. Это обеспечивало прямой контакт с источником правовых идей и методологических подходов.

Казанская, Московская и Санкт-Петербургская школы цивилистики развивались под сильным влиянием различных направлений германской пандектистики. Казанская школа, основанная Д.И. Мейером, тяготела к историко-философскому осмыслению права в духе исторической школы Савиньи. Московская школа, представленная С.А. Муромцевым, восприняла идеи юриспруденции интересов Рудольфа фон Иеринга и стремилась к социологическому анализу правовых институтов [7, с. 504]

Профессора не ограничивались преподаванием. Они активно участвовали в подготовке законопроектов, выступали экспертами в судебных процессах, публиковали статьи в юридических журналах. Эта многогранная деятельность обеспечивала трансляцию немецких правовых идей в российскую юридическую практику.

Особое значение имела деятельность профессуры в качестве научных консультантов при разработке проекта Гражданского уложения Российской империи. Редакционная комиссия под руководством А.Х. Гольмстена активно использовала опыт германского законодательства и доктрины. Проект, хотя и не был принят до революции 1917 г., но все же продемонстрировал высокий уровень российской цивилистической науки, достигнутый во многом благодаря освоению достижений немецкой школы.

Университетские кафедры гражданского права стали центрами формирования научных школ, где немецкая методология сочеталась с изучением национального законодательства и правоприменительной практики. Этот синтез обеспечил создание оригинальной российской цивилистической традиции, которая не была простым подражанием германским образцам.

Судебная реформа 1864 г. создала новую систему судов, которые получили заметно значительную степень независимости и были наделены полномочиями толкования права. В условиях отсутствия детального кодифицированного законодательства суды вынуждены были обращаться к правовой доктрине для восполнения пробелов и разрешения коллизий [8, с. 54].

Немецкая цивилистическая наука предоставляла методологический инструментарий для такой деятельности, а именно:

1. Концепцию аналогии закона и аналогии права
2. Учение о толковании юридических норм
3. Систему общих принципов гражданского права
4. Разработанную догматику отдельных институтов (собственность, обязательства, наследование)

Сенат Российской империи, осуществлявший функции высшей судебной инстанции, в своих разъяснениях регулярно ссылался на германскую доктрину. Особенно это касалось вопросов, которые были недостаточно урегулированы в Своде законов. Например, при формировании практики по договорам купли-продажи, найма, подряда Сенат использовал конструкции, разработанные немецкими цивилистами.

Практикующие юристы, такие как адвокаты и судьи получали образование по учебникам, насыщенным германской доктриной. Это формировало единообразный понятийный аппарат и методологию юридического мышления. В судебных прениях ссылки на авторитет немецких правоведов: Савиньи, Виндшейда, Иеринга, Пухты – стали обычной практикой [9, с. 23].

Вместе с тем судебная практика способствовала и критическому переосмыслению германских конструкций. Российские суды сталкивались с правовыми проблемами, не имевшими аналогов в германском праве:

1. Особенности вещных прав в условиях сохранения общинного землевладения
2. Специфика семейных отношений, регулируемых церковным правом
3. Сословные ограничения правоспособности
4. Сосуществование различных правовых систем на окраинах империи

Это требовало адаптации немецких правовых моделей и создания оригинальных решений на основе синтеза заимствованной методологии и национальной правовой традиции. Судебная практика становилась проверкой жизнеспособности теоретических конструкций, а также стимулом для дальнейшего развития цивилистической науки [10, с. 230].

Современные исследователи подчёркивают, что успешная правовая рецепция возможна только при наличии развитых механизмов адаптации заимствованных институтов к национальным условиям. Российская судебная практика второй половины XIX в. демонстрирует именно такой подход, что позволило избежать механического копирования иностранных образцов.

К концу XIX в. российская цивилистика достигла уровня, позволявшего не только воспринимать немецкую доктрину, но и критически её переосмысливать. Появились оригинальные теоретические разработки, внёсшие вклад в мировую цивилистическую науку.

Сергей Андреевич Муромцев, испытавший влияние социологической юриспруденции Иеринга, разработал концепцию права как правопорядка – системы правоотношений, защищаемых организованной властью. Эта теория выходила за рамки немецкого позитивизма и предвосхищала современные подходы к пониманию права.

Иосиф Алексеевич Покровский в работе «Основные проблемы гражданского права» (1917 г.) предложил критический анализ германской пандектистики, указав на её чрезмерный формализм и оторванность от социальных реалий. Он обосновывал необходимость морализации гражданского права и учёта нравственных начал в правовом регулировании.

Людвиг Иосифович Петражицкий создал оригинальную психологическую теорию права, которая радикально отличалась от германского нормативизма. Хотя Петражицкий получил образование в Германии, его концепция представляла самостоятельное направление правовой мысли.

Российская цивилистика конца XIX – начала XX в. характеризовалась методологическим плюрализмом:

1. Сохранялась традиция пандектного анализа
2. Развивалось социологическое направление
3. Формировалась философия права, основанная на русской религиозной философии
4. Возникали попытки синтеза различных подходов

Этот плюрализм свидетельствовал о зрелости российской правовой науки, которая усвоила достижения германской школы, но не ограничилась ими. Российские цивилисты стали равноправными участниками общеевропейской научной дискуссии.

Выводы

Процесс рецепции немецкой науки сопровождался формированием национальной правовой идентичности. Российские правоведы осознавали необходимость учёта культурных, социальных и политических особенностей страны при разработке правовых институтов. Это понимание остаётся актуальным и для современной России, которая продолжает решать задачу гармонизации национальной правовой традиции с мировыми стандартами.

Рецепция немецкой цивилистической науки в российском гражданском праве второй половины XIX в. представляет собой сложный процесс творческого освоения иностранного правового опыта. Три основных канала: университетские учебники, деятельность профессуры и судебная практика обеспечили системное проникновение немецкой правовой доктрины в российскую юридическую культуру.

Немецкая пандектистика предоставила методологическую основу для формирования российской цивилистической науки, структурирования правового материала и создания понятийного аппарата, однако российские правоведы не ограничились механическим заимствованием, они адаптировали немецкие конструкции к национальным особенностям правопорядка, критически переосмысливали теоретические положения и создавали оригинальные концепции.

К началу XX в. российская цивилистика представляла собой самостоятельную научную школу, признанную в европейском академическом сообществе. Опыт рецепции немецкого права демонстрирует, что успешное заимствование иностранных правовых институтов возможно при наличии развитой национальной науки, способной критически оценивать и адаптировать внешние влияния.

Для современной России, продолжающей процесс модернизации правовой системы, исторический опыт второй половины XIX в. сохраняет актуальность. Он показывает важность баланса между открытостью мировому правовому опыту и сохранением национальной правовой идентичности, между научной строгостью и практической применимостью правовых конструкций.

Список источников

1. Антонов М.В. Рецепция германской правовой мысли в России во второй половине XIX – начале XX века // Правоведение. 2023. Т. 67. № 2. С. 156 – 178.
2. Бирюкова Л.А., Веселкова Е.Е. Влияние немецкой юридической школы на формирование российской цивилистики // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 5. С. 84 – 96.
3. Давыденко Д.Л. Судебная реформа 1864 года и развитие российской правовой науки. М.: Юрлитинформ, 2023. 312 с.
4. Мейер Д.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2023. 848 с.
5. Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли X-XVIII века. М.: Зерцало, 2023. 464 с.
6. Цыбуленко З.И. Правовая рецепция как механизм модернизации национального законодательства // Государство и право. 2024. № 3. С. 45 – 58.
7. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2024. 656 с.
8. Томсинов В. А. История русской юриспруденции. X-XIX вв. М.: Зерцало, 2011. 168 с.
9. Новицкая А.А. Влияние германской гражданско-правовой доктрины на проект Гражданского уложения Российской империи. М.: Статут, 2018. 196 с.
10. Рудоквас А.Д., Покровский И.А. Очерки по истории рецепции римского права. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. 419 с.

References

1. Antonov M.V. Reception of German Legal Thought in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Jurisprudence. 2023. Vol. 67. No. 2. P. 156 – 178.
2. Biryukova L.A., Veselkova E.E. The Influence of the German Law School on the Formation of Russian Civilistics. Actual Problems of Russian Law. 2024. Vol. 19. No. 5. P. 84 – 96.
3. Davydenko D.L. The Judicial Reform of 1864 and the Development of Russian Legal Science. Moscow: Yurlitinform, 2023. 312 p.
4. Meyer D.I. Russian Civil Law. Moscow: Statut, 2023. 848 p.
5. Tomsinov V.A. History of Russian Political and Legal Thought of the 10th–18th Centuries. Moscow: Zertsalo, 2023. 464 p.
6. Tsybulenko Z.I. Legal Reception as a Mechanism for Modernizing National Legislation. State and Law. 2024. No. 3. P. 45 – 58.
7. Shershevich G.F. Textbook of Russian Civil Law. Moscow: Statut, 2024. 656 p.
8. Tomsinov V.A. History of Russian Jurisprudence. 10th-19th Centuries. Moscow: Zertsalo, 2011. 168 p.
9. Novitskaya A.A. The Influence of German Civil Law Doctrine on the Draft Civil Code of the Russian Empire. Moscow: Statut, 2018. 196 p.
10. Rudokvas A.D., Pokrovsky I.A. Essays on the history of reception of Roman law. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, 2010. 419 p.

Информация об авторах

Шавлохова Е.С., доктор исторических наук профессор, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, 520637@mail.ru

Ставицкая В.Г., Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, stavitskayav08@mail.ru

Арутюнян Д.А., Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, darinalipa@mail.ru

Климов Д.М., Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, K-limon4k@ya.ru

Кузнецов А.А., кандидат юридических наук, доцент, Северо-Кавказского филиал Российского государственного университета правосудия, altexru@mail.ru

© Шавлохова Е.С., Ставицкая В.Г., Арутюнян Д.А., Климов Д.М., Кузнецов А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 930.85
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-187-194

Музыка как форма традиционного искусства и социальной идентичности народа эве: от истории к современности

[1, 2] Медушевский Н.А.,
[1] Савельева О.А.,
[1] Российский государственный гуманитарный университет,
[2] Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Аннотация: статья посвящена рассмотрению музыкальной традиции народа эве (Гана, Того, Бенин) в ее историческом развитии. Авторы констатируют, что музыкальная традиция народа эве является одной их основ этнической культуры и в условиях разделенности народа, а также позднего (19 в.) возникновения письменности, исторически выступала языком универсального общения. Единство пространства этнической музыки формируется общностью традиционных ритмов, единым набором музыкальных инструментов и сходными практиками исполнения типичных музыкальных композиций. Музыка народа эве объединяет не только разрозненные традиционные общины, но является связующим элементом различных измерений культуры, в т.ч. ритуальных практик, досуга, социальных и политических церемоний. Несмотря на разнообразие сфер, охваченных музыкальной традицией, все они относятся к духовному пространству и сакрализированы. Статья представляет читателю богатый этнографический материал, собранный многими исследователями региона начиная с середины XX в. Представленный материал не только обобщается, но и верифицируется на основе результатов полевых исследований, проведенных автором статьи Н.А. Медушевским в ходе полевых исследований в Гане и Того в 2024 г.

Ключевые слова: музыкальная традиция, народ эве, музыкальные инструменты, ритуальные практики, культура народов Африки

Для цитирования: *Медушевский Н.А., Савельева О.А. Музыка как форма традиционного искусства и социальной идентичности народа эве: от истории к современности // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 187 – 194. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-187-194*

Поступила в редакцию: 9 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

Music as a form of traditional art and social identity of the Ewe people: from history to the present

[1, 2] Medushevsky N.A.,
[1] Savelyeva O.A.,
[1] Russian State University for the Humanities,
[1] Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: this article examines the musical tradition of the Ewe people (Ghana, Togo, Benin) in its historical development. The authors state that the musical tradition of the Ewe people is one of the foundations of their ethnic culture and, despite the division of the people and the late (19th century) emergence of writing, has historically

served as a language of universal communication. The unity of the space of ethnic music is formed by the commonality of traditional rhythms, a single set of musical instruments, and similar practices for performing typical musical compositions. The music of the Ewe people not only unites disparate traditional communities but also serves as a connecting element of various dimensions of culture, including ritual practices, leisure, and social and political ceremonies. Despite the diversity of spheres covered by the musical tradition, they all relate to the spiritual space and are sacred. The article presents the reader with rich ethnographic material collected by many researchers of the region since the mid-20th century. The presented material is not only summarized but also verified based on the results of fieldwork conducted by the author, N.A. Medushevsky, during fieldwork in Ghana and Togo in 2024.

Keywords: musical tradition, Ewe people, musical instruments, ritual practices, African culture

For citation: *Medushevsky N.A., Savelyeva O.A. Music as a form of traditional art and social identity of the Ewe people: from history to the present. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 187 – 194. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-187-194*

The article was submitted: April 9, 2026; Approved after reviewing: May 7, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Народ эве относится к числу обществ с устойчивой традиционной социальной организацией, представляя собой уникальный материал для изучения эволюции социума в исторической ретроспективе. Эве представляют собой пример традиционного африканского народа, на развитие которого значительно повлиял период колонизации и деколонизации. Европейское влияние, межэтнические конфликты, индустриализация и модернизация привели к трансформации обычаев, религии и культуры в целом, однако, при этом, традиционная культура эве не была разрушена и ассимилирована, и до сих пор сохраняется в традиционных общинах в Гане, Того и Бенине.

В контексте изучения традиционной культуры эве в ее исторической трансформации, отдельный исследовательский интерес представляет традиционная музыка, где ритм и игра на барабанах выполняют не просто художественную, но системообразующую социальную функцию.

С учетом того, что речь идет не об искусстве в целом, а именно о традиционном искусстве, следует обозначить его неразрывную связь с комплексом существующих в обществе традиций социального поведения, неразрывно связанных с ритуальными практиками. В данном случае следует пояснить, что ритуал – это совокупность действий, сопровождающих религиозный акт или выработанный обычаем установленный порядок совершения чего-либо [1]. Ритуал предполагает формализацию практики церемонии и использование атрибутики, которая отражает его явные и скрытые смыслы через символизм. Таким образом можно говорить о том, что традиционное искусство в большинстве проявлений типично и соответствует исторически сформированному канону. Данный набор характеристик традиционного искусства делает его мощным инструментом социогенеза и этногенеза, так как в различных социальных и этнических подгруппах, при реализации типичных ритуалов, церемоний и обрядов оказываются востребованы объекты традиционной культуры, в т.ч. материальные – музыкальные инструменты, одежда, посуда и нематериальные, например, танец, песня, молитва, ритм и др. При анализе данной вариативности направлений традиционного искусства в рамках этнической культурной традиции, нельзя не учитывать многообразия форм традиционного искусства, которые, будучи рассмотрены вместе, способны сформировать комплексную объемную картину культурной жизни этнического сообщества, представленную в ее многообразии и отразить историческую преемственность традиции.

Материалы и методы исследований

Среди видов искусства, музыка занимает особое место. Являясь неотъемлемой частью культурного комплекса, она тесно связана с духовными, этическими и интеллектуальными аспектами жизни социума и служит одним из наиболее репрезентативных индикаторов этнической специфики, а также является способом коммуникации между различными культами и даже конфессиями.

Работы Р. Хилла [9], А. Неера [11], М. Спайкера [12], Н. Фиагбедзи [8] уникальны, так как написаны на достаточно «редкие» темы и позволяют взглянуть на музыкальную традицию эве с различных исторических точек зрения и периодов изучения (начиная с 1960 г). Не уменьшая их теоретической значимости стоит отметить недостаточную степень изученностью данного феномена в современных условиях. Ввиду отсутствия релевантных современных комплексных исследований, обращение к данной проблематике пред-

ставляется не только обоснованным, но и насущным с точки зрения изучения этнической идентичности народа эве и других родственных народов Западной Африки. В решении данной проблемы, авторы статьи опираются на применение синтетического подхода к изучению этнической идентичности, комбинирующего как примордиальные (базовые) установки, так и конструктивистский взгляд на трансформацию культуры и социальных практик [4, 5].

В описании музыкальных практик и традиций авторы опираются не только на работы по проблематике исследования, но и на массив этнографического материала, собранный Н.А. Медушевским в ходе полевых исследований в Гане и Того в 2024 г.

Музыка в культуре народа эве

Музыка для эве, равно как и для других народов Западной Африки, является ключевым элементом социализации. Изначально музыка, производимая традиционными музыкальными инструментами, и прежде всего, барабанами, выступала основой любого ритуального действия, создавая своего рода фон. Считается, что духи лучше всего воспринимают аудиальную информацию, поэтому любое обращение к ним связано со звуками музыки, молитвенных песнопений, заговора.

В рамках ритуалов все ключевые роли сакрализированы, т.е. у каждого человека, выполняющего ритуальную функцию есть связь с богами и духами. Считается, что такая связь есть и у мастера-барабанщика, на котором лежит основная задача установления коммуникации с миром духов. Мастер-барабанщик является ведущим церемонии. Он управляет танцем, пением и вызывает духов посредством «барабанной связи».

Эве верят, что духи наделяют мастера-барабанщика способностью хорошо играть на барабанах, и если духи благоволят, то барабанщик не собьется с ритма. В противном случае он не сможет сыграть, будет сбиваться и делать ошибки.

Для установления контакта с духами у барабанщиков есть свои ритуалы. Так, например, барабаны и палки можно благословить, совершая возлияния духам и приносят в жертву, например, птицу [12]. Также возможно совмещение ролей и в отдельных случаях (необязательно) мастер-барабанщик может выступать помощником жреца или его учеником. В таких случаях мастер-барабанщик не только «наполняет» церемонию ритмами, но может и руководить ею.

Общение с богами посредством игры на барабанах – это основа сакральной коммуникации, которая укоренена и в традиции, и в особенностях языка эве. В данном случае мы говорим об игре на барабанах в речевом режиме, когда каждый ритм воспроизводит имя духа. Возможность такого рода музыкального послания обусловлена тем, что язык эве, как и большинство других языков региона, является тональным и использует три уровня тона: низкий, высокий и средний. Как следствие, слова и целые фразы легко раскладываются в 8-тональные удары главного барабана. «Игра на барабанах в речевом режиме представляет собой продуманную систему построения игры вокруг ее коммуникативной цели. Одна из конечных целей – вызывать духов и удерживать их на церемонии, заставляя их слушать» [12].

Наряду с игрой в речевом режиме существует игра, именуемая «барабанным текстом». Отличие заключается в том, что игра интерпретируется в песне. Такой формат ориентирован уже не на духов, а на людей, и нужен для их самовыражения. «Барабанный текст» медленнее по своему темпу, чем «речевой режим». Это нужно для того, чтобы певцы успевали выполнять свою функцию, а до слушателей доходила не столько эмоциональная экспрессия, сколько озвучиваемый смысл.

Результаты и обсуждения

Исходя из анализа повседневной жизни племени мы можем отметить высокий уровень бытовой сакрализации. При этом музыка является не только неотъемлемой частью повседневной жизни, но и формой ритуального самовыражения. Даже если человек не является профессиональным барабанщиком, которого приглашают для музыкального сопровождения всех типов мероприятий от свадьбы до похорон, человек, мужчина или женщина, выражает свое участие пением, отбиванием ритма и/или ритмичным танцем.

Повседневный характер музыкального сопровождения связан также с его выходом за формальные границы ритуала. Так, например, люди поют во время работы в полях, во время отдыха, в дороге, молодежь проводит свободное время, обучаясь игре на музыкальных инструментах. Это выводит спектр использования музыки за границы ритуала, хотя ее ритмы и содержание песен остаются тематически формализованными – типичными.

Следует отметить, что барабанная музыка в XX в. перешла и в христианское служение. В большинстве храмов региона церковное пение реализуется под традиционные музыкальные инструменты и связано с традиционными музыкальными мотивами. В христианской практике также существует традиция освяще-

ния барабанов пастырем. За освящением музыкального инструмента часто обращаются и обычные музыканты, так как в обществе существует комплексное восприятие музыки и духовного мира: барабан – это средство общения с Богом даже у местных христиан. В практиках «духовных» церквей [2] роль традиционной музыки еще выше, и часто она служит для достижения прихожанами состояния легкого транса и высокой степени внушаемости.

Если говорить о ритуальных практиках, то музыка применяется для того, чтобы создать у присутствующих особый настрой, способный привести к религиозному экстазу, у традиционалистов – состоянию одержимости духом.

Вне зависимости от того, ориентирован ли тот или иной культ на достижение одержимости у адептов, музыка используется как инструмент для сплочения сообщества. Исключением не являются и «духовные» христианские церкви.

Считается, что мастер-барабанщик может вызывать своей музыкой (имеющей мистический характер) духов, разговаривать с богами и людьми на универсальном языке барабанов, а духам, как уже отмечалось, нравятся звуки музыки. В данной связи музыке приписывают магические свойства, считается, что она способна отпугивать зло и исцелять.

В применении музыки в ритуальных целях есть несколько психологических мотивов. Так, например, один удар барабана содержит множество разных частот. Они передаются по разным нервным путям в головном мозге. Следовательно, звук барабана стимулирует обширную область мозга, чего нельзя добиться применением других, например, щипковых инструментов. Кроме того, барабанный бой содержит много низких частот, которые хорошо воспринимаются человеческим ухом (лучше, чем высокие). Так увеличивается поток аудиальной информации, воспринимаемой слушателем, повышается его включенность в процесс [9].

«В экспериментах Эндрю Неера по звуковому вождению [11] средняя частота волн человеческого мозга составляет от восьми до тринадцати циклов в секунду, он обнаружил высокий отклик в этом диапазоне. При более низких частотах более медленные ритмы показали высокие результаты. В анализе культа брекете, проведенном Ричардом Хиллом, медленные ритмы оцениваются в 7,5 ударов в секунду, а высокие – до 10,5 ударов в секунду, при среднем значении около девяти ударов в секунду. Часто музыка начинается медленно и в процессе звучания набирает темп, параллельно с изменениями частоты мозговых волн человека. Переход от медленной музыки Брекете к быстрой коррелирует с открытиями Неера о возникновении симптомов транса у лабораторных испытуемых. Неер также экспериментировал с ритмической стимуляцией с помощью световых вспышек. Он обнаружил, что по мере смещения ритма света ритм мозга меняется параллельно новому ритму. Его выводы заключались в том, что благодаря связи со стимуляцией сенсорных областей ритмическая стимуляция влияет на многие части мозга, которые обычно не затрагиваются» [12].

Таким образом, ритмичная и барабанная музыка в случае концентрации на ней способна изменять состояния сознания и вводить человека в транс. Особенное влияние оказывают такие факторы, как полиритмия, низкие тона звука в сочетании с высокой громкостью.

Общества эве воспитывают профессиональных барабанщиков, создавая четкую иерархию в условных ансамблях, которая существовала исторически и не менялась столетиями. Руководство осуществляется мастером-барабанщиком, который задает основные ритмы. Их поддерживает основной состав ансамбля, который может доходить до 2-3 десятков человек. Во второстепенных партиях активное внимание принимают дети и подростки, но основная часть музыкального сопровождения ритуалов реализуется профессиональными музыкантами. В данной логике можно усмотреть и элементы определенной инициации молодых людей, которых допускают к культовым церемониям после получения ими определенной квалификации [9].

Чтобы получить признание в качестве барабанщика, молодому музыканту требуется выстоять в своего рода дуэли с музыкальным коллективом. В этой дуэли новичок не должен допустить подавления своего ритма чужими, хотя другие будут его намеренно сбивать.

«Тесты могут состоять из многих вещей, таких как: сохранение устойчивого ритма при быстром темпе и его смене, правильное начало песни и сохранение силы, когда мастер намеренно играет с ритмами» [12].

Таким образом, барабанщик, допущенный до игры на церемонии, должен быть опытен и не допускать ошибок. Если музыкант относится к «ядру» коллектива или является его лидером, он должен знать все песни церемонии и их последовательность, чтобы постоянно сохранять правильный музыкальный фон. Если роль барабанщика вспомогательная, то он должен знать место своих партий в общей схеме церемонии, чтобы вовремя «подыгрывать» ведущему музыканту.

Так как церемония строится вокруг музыки, лидирующие роли исполняют главный музыкант и ведущий певец. Это требует обширных знаний музыки, а число выученных традиционных песен может достигать нескольких сотен [9]. При этом важно, что исполнители должны не просто знать песни, но и понимать их смысл и производимый ими эффект, так как через музыку происходит управление эмоциональным состоянием присутствующих, и если одни песни могут подвести людей к состоянию транса, то другие должны максимально долго это состояние поддерживать, а третьи обеспечить «разрядку».

Кроме того, данная логика имеет сакральное обоснование. Транс – это одержимость конкретным духом, поэтому музыкант и певец должны призвать именно его и обеспечить ему комфортное нахождение в теле человека через аудиальный ряд. В случаях, когда одержимый сам начинает петь, его также требуется поддержать определенными ритмами. Достижение обозначенной цели происходит за счет выверенной подборки песен и ритмов, повышающих интенсивность звучания до критической отметки.

Несмотря на универсальное значение музыки для культов эве, в различных культах она используется по разным схемам, но при этом всегда доминирует. Общая особенность заключается в том, что барабанщиками могут быть только мужчины, а певцом, в том числе и ведущим, может быть женщина.

В культе эве ведущим церемонии может быть и мастер-барабанщик, и певец. Причем уклон идет именно в сторону пения, что можно объяснить традицией культа и его консерватизмом. При этом в эве есть только один мастер-барабанщик, играющий на вуге или мастер-барабане.

В культе брекете, который сформировался только в середине XX века, акцент делается на главном барабанщике, но при этом играть на культовых барабанах брекете могут одновременно до пяти человек. Старший из них, именуемый авуку, контролирует ритм и последовательность исполнения [9], однако в процессе исполнения он может передать роль лидера другому участнику группы.

«Барабанщики брекете стоят/сидят прямо, перекинув ремень через левое плечо, балансируя барабан на левом бедре. Традиционная техника (рис. 1) [7] состоит в том, чтобы вытянуть правую руку, сомкнув локоть, и ударить палкой по барабану, преимущественно движением запястья. Руку можно слегка согнуть и использовать для ударов для увеличения громкости. Левая рука используется для заполнения пространства легкими постукиваниями пальцами, придающими перекатывающийся звук. Рука также помогает сохранять темп или время ритмов» [12].

Важное значение в музыкальном сопровождении церемоний брекете играет импровизация. В той или иной степени она присутствует во всех культах, однако в традиционных старых культах, например эве, она минимальна, поскольку музыка в них – это, скорее, инструмент в рамках устойчивой церемонии.

В молодых культах, например брекете, импровизации гораздо больше, так как музыка – это основа церемонии, а пение и танцы вторичны по отношению к ней. Это привносит возможность значительных вариаций в рамках игры на инструменте. Так, например, в брекете: «главный барабан, расположенный горизонтально на земле, опирается по бокам на несколько камней. Исполнитель наклоняется над передней частью барабана, иногда поддерживая его ногой. На барабане можно играть одной или двумя палочками, на практике чаще пользуются одной. Левая рука используется для игры на басах, а правая держит палочку и играет более высокие ноты. Барабан имеет очень сильные низкие тона, и внутрь можно налить воду, чтобы еще больше усилить бас» [12].

Вариативность культа брекете и других современных культов, распространенных преимущественно в крупных городах, ведет к его отдалению от традиционных форм исполнения и снижению квалификации исполнителей (в ее классическом понимании).

Так, например, Ричард Хилл в 1981 году отмечал, что первоначально использовалось всего около 10 паттернов, но с течением времени появились и другие влияния. Такие инструменты, как дондон, были адаптированы в качестве основных и вспомогательных барабанов, а количество песен и ритмов меняется по мере появления новых инструментов. Темп также превратился из более медленного в очень быстрый [9].

Музыкальные инструменты

Здесь следует сказать отдельно и об инструментах исполнения музыки [8]. У эве существует более 10 разных типов барабанов, большинство из которых прямо или косвенно были заимствованы у других народов региона и адаптированы. Так, например, главный барабан брекете, называемый аналогичным образом, пришел с севера и был адаптирован под влиянием времени и имеющихся ресурсов. Если изначально он имел деревянный корпус, то сегодня все чаще при его изготовлении используется металл. Мембраны делаются одна из коровьей, а другая из козьей шкур, по которым, соответственно бьют рукой и специальной загнутой палочкой. Мембраны притягиваются к корпусу веревкой [10].

Наряду с основным барабаном брекете в церемониях используются вспомогательные барабаны традиционного набора агбадза создаваемые подгруппой эве – анло [10].

Традиционные барабаны отличаются от современных долбленых барабанов. Они состоят из деревянных панелей, соединенных вместе и поддерживаемых тремя металлическими полосами, как бочка, но с той же формой. Система настройки состоит из примерно из дюжины деревянных колышков, которые удерживают кожу над краем барабана. Для создания барабанов обычно применяется шкура антилопы (редко шкура козы). Каган снизу открыт, остальные закрыты, за счет чего каган издает высокие звуки, а киди и сого относительно низкие.

Кроме барабанов широко распространены металлические колокольчики атоке, имеющие форму банана, по которым ударяют металлической колотушкой. Также используются погремушки, сделанные из тыквы и покрытые сеткой деревянных бус, которые называются аксаце. На церемонии может быть много аксаце, их количество не регламентировано. На церемонии похорон, которую наблюдал автор (Н.А. Медушевский), присутствовало около 30 женщин с погремушками и около 10 барабанщиков. В некоторых случаях это приводит к тому, что шум погремушек заглушает певцов, особенно когда усиливается за счет хлопанья в ладоши. Тем не менее это не воспринимается как негатив, так как считается, что духи любят громкие звуки [10].

Еще один тип барабана – это аде(о)ву, происходящий из региона Северной Вольты. В некоторых культах он используется вместо или вместе с барабанами типов киди или каган [10]. В церемониях брекете также встречается «северный дон-дон» [10], который может даже применятся как основной барабан, хотя это отступление от традиции и в большинстве случаев они используются как вспомогательные.

В культе эве вспомогательные инструменты схожи с культом брекете, хотя основной барабан отличается. Главный барабан эве называется вуга, его мембрана делается из шкуры антилопы и настраивается с помощью системы колков. Играют на таком инструменте палками и руками. Музыканты эве также используют различные колокольчики, называемые гакогуи, которые представляют собой два спаренных колокольчика с высоким и низким звуком соответственно [10]. Также применяется адодо – двухсторонний колокольчик или аналогичная погремушка, который держат посередине и встряхивают, и прочие инструменты [10].

Выводы

Обобщая результаты анализа музыкальной культуры, в том числе в исторической ретроспективе, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, музыкальная культура народа эве является традиционной и исторической. В легендах, в том числе об исходе из Нотси, относимой к XVII в., говорится о том, что именно игра на барабанах позволила отвлечь внимание охраны города, когда народ эве бежал через пролом в стене [3]. Кроме того, во всем регионе Западной Африки барабан является традиционным музыкальным инструментом, что подтверждают и археологические изыскания и многие исторические исследования [6]. Музыкальная традиция связана с влиянием сопредельных обществ, у которых эве заимствовали разные типы барабанов и иные музыкальные инструменты, а также исполняемые ритмы, что привело к диверсификации музыкальной традиции изучаемого народа и сформировало системную включенность музыкальных направлений у эве в общерегиональное развитие.

Во-вторых, музыкальная культура эве с XVII в. в развитии своем синхронизировалась с развитием религиозных культов и их ритуальных практик, и сегодня может быть разделена на более архаичную и традиционную, представленную, например, практиками культа эве, и более современную. Они представлены культами, оформившимися уже в XX в. в контексте усиления внешнего культурного заимствования, например брекете, гороводу, Тигаре и др., а также христианскими практиками, которые продолжают возникать буквально ежегодно.

В-третьих, музыкальная традиция в значительной степени носит ритуальный характер, что обеспечивает высокий уровень ее консерватизма, хотя, чем более современным является культ, тем больше новых элементов включает конкретная музыкальная традиция.

В-четвертых, музыкальная традиция привязана к традиционным музыкальным инструментам, что способствует контекстной преемственности и снижает интенсивность трансформации.

В-пятых, музыка является универсальным средством коммуникации между сообществами, несмотря на вариативность культурной традиции и религиозную диверсификацию. Люди-эве понимают культурные практики различных сообществ через ритмы, создающие определенное восприятие контекста и его динамики. Это, в свою очередь, снижает и барьер между традиционными культами и христианскими церковными службами, так как в обоих случаях используется схожее музыкальное сопровождение.

Таким образом музыка, а именно барабаны, играют одну из ключевых ролей для народов эве и брекете в духовной и социальной жизни. Интересен тот факт, что и инструменты, и сами музыканты подвержены

влиянию духов, что свидетельствует о музыке как о результате взаимодействия естественного и сверхъестественного.

Барабаны являются традиционными инструментами, что позволяет сохранять народам самоидентичность и традиции. Стоит отметить, что при различиях в ритмах, количестве инструментов и музыкантов, мелодия является универсальным инструментом коммуникации между культами и коренными народами Африки.

Список источников

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. 1534 с.

2. Медушевский Н.А. Фактор христианизации и миссионерской деятельности в интеграции этнической идентичности эве // Вестник РГГУ. Серия “Политология. История. Международные отношения”. 2024. № 5. С. 111 – 124.

3. Медушевский Н.А. Миф об «исходе народа эве из Нотси» как исторический источник // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2025. № 6. С. 26 – 39.

4. Медушевский Н.А. На стыке примордиализма и конструктивизма: осмысливая понятие "этнос". Часть 1 // Власть. 2025. Т. 33. № 1. С. 228 – 233.

5. Медушевский Н.А. На стыке примордиализма и конструктивизма: осмысливая понятие "этнос". Часть 2 // Власть. 2025. Т. 33. № 2. С. 196 – 208.

6. Aranzadi I. A Drums Trans-Atlantic Journey from Africa to the Americas and Back after the end of Slavery: Annobonese and Fernandino musical cultures // African Sociological Review / Revue Africaine de Sociologie. 2010. Vol. 14. № 1. P. 20 – 47.

7. Brekete Drumming From Ghana [Video] // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=-Azv3qe5PXI (дата обращения: 28.02.2026)

8. Fiagbedzi N.S. Sogbadzi Songs: A Study of Yeve Music. Thesis in African Music. Accra: University of Ghana, 1966. 75 p.

9. Hill R.T. Possession/Trance and the Music of the Blekete Cult of south-eastern Ghana. MA/M-PHIL Dissertation in African Studies. Accra: University of Ghana, 1981. 340 p.

10. Ghana Archives – Ghana Goods [Электронный ресурс]. URL: https://ghanagoods.co.uk/category/ghana/ (дата обращения: 28.03.2026)

11. Neher A. A Physiological Explanation of Unusual Behaviors in Ceremonies Involving Drums // Human Biology. 1962. Vol. 34. P. 151 – 160.

12. Spiker M.C. Descending Through Drums: A Field Based Study of the Yeve and Brekete Religions and their Music // African Diaspora ISPs. 1998. № 19. 41 p. URL: https://digitalcollections.sit.edu/african_diaspora_isp/19 (дата обращения: 18.03.2026)

References

1. The Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language. Ed. S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 2008. 1534 p.

2. Medushevsky N.A. The Factor of Christianization and Missionary Activity in the Integration of the Ewe Ethnic Identity. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. International Relations. 2024. No. 5. P. 111 – 124.

3. Medushevsky N.A. The Myth of the "Exodus of the Ewe People from Notsi" as a Historical Source. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations. 2025. No. 6. P. 26 – 39.

4. Medushevsky N.A. At the Crossroads of Primordialist and Constructivist: Understanding the Concept of "Ethnos". Part 1. Power. 2025. Vol. 33. No. 1. P. 228 – 233.

5. Medushevsky N.A. At the Crossroads of Primordialism and Constructivism: Understanding the Concept of "Ethnos". Part 2. Vlast. 2025. Vol. 33. No. 2. P. 196 – 208.

6. Aranzadi I. A Drums Trans-Atlantic Journey from Africa to the Americas and Back after the End of Slavery: Annobonese and Fernandino Musical Cultures. African Sociological Review. Revue Africaine de Sociologie. 2010. Vol. 14. No. 1. P. 20 – 47.

7. Brekete Drumming From Ghana [Video]. YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=-Azv3qe5PXI (date of access: 28.03.2026)

8. Fiagbedzi N.S. Sogbadzi Songs: A Study of Even Music. Thesis in African Music. Accra: University of Ghana, 1966. 75 p.

9. Hill R.T. Possession/Trance and the Music of the Blekete Cult of south-eastern Ghana. MA/M-PHIL Dissertation in African Studies. Accra: University of Ghana, 1981. 340 p.

10. Ghana Archives – Ghana Goods [Electronic resource]. URL: https://ghanagoods.co.uk/category/ghana/ (date of access: 28.03.2026)

11. Neher A. A Physiological Explanation of Unusual Behaviors in Ceremonies Involving Drums. Human Biology. 1962. Vol. 34. P. 151 – 160.

12. Spiker M.C. Descending Through Drums: A Field Based Study of the Evening and Brekete Religions and their Music. African Diaspora ISPs. 1998. No. 19. 41 p. URL: https://digitalcollections.sit.edu/african_diaspora_isp/19 (date of access: 18.03.2026)

Информация об авторах

Медушевский Н.А., доктор политических наук, профессор, 125057, г. Москва, Миусская пл. 6, Российский государственный гуманитарный университет; профессор, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая 6, Lucky5659@yandex.ru

Савельева О.А., Российский государственный гуманитарный университет, 125057, г. Москва, Миусская пл. 6, olika.03@mail.ru

© Медушевский Н.А., Савельева О.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.1
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-195-200

От квоты к конкуренции: эволюция участия российских профсоюзов в выборах (1989-1990-е гг.)

[1] Струкова Е.Н.,
[2] Шершуков А.В.,
[1] Российский государственный социальный университет,
[2] Московский педагогический государственный университет

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы квоты и конкуренции участии российских профсоюзов в выборах (1989-1990-е гг.). Проанализирован переход от системы гарантированных квот в высшие органы власти в конце 1980-х годов к вовлечению профсоюзных структур в полноценную, но зачастую конкурентно сложную избирательную борьбу в постсоветский период. Рассмотрена взаимосвязь процессов формирования профсоюзных объединений с результатами их участия в выборах. Выявлены причины низкой эффективности профсоюзных блоков. Рассмотрена роль отдельных трудовых коллективов и их лидеров в политическом процессе 1989-1990-е гг. В качестве источников и материалов для исследования выступили архивные материалы, периодическая печать и листовки. Сделан вывод о том, что отсутствие адресной агитации и размытость идеологических платформ стали ключевыми факторами, препятствовавшими консолидации влияния профсоюзов в парламенте страны.

Ключевые слова: российский профсоюз, предвыборная платформа, Съезд народных депутатов, социальная напряженность, избирательная кампания, внешняя конкурентная борьба

Для цитирования: *Струкова Е.Н., Шершуков А.В. От квоты к конкуренции: эволюция участия российских профсоюзов в выборах (1989-1990-е гг.) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 195 – 200. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-195-200*

Поступила в редакцию: 10 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

From quota to competition: the evolution of Russian trade union participation in elections (1989-1990s)

[1] Strukova E.N.,
[2] Shershukov A.V.,
[1] Russian State Social University,
[2] Moscow Pedagogical State University

Abstract: this article examines the issues of quotas and competition in Russian trade union participation in elections (1989-1990). It analyzes the transition from a system of guaranteed quotas for top government bodies in the late 1980s to the involvement of trade union structures in full-fledged, but often competitive, electoral struggles in the post-Soviet period. The relationship between the formation of trade union associations and the results of their participation in elections is examined. The reasons for the low effectiveness of trade union blocs are identified. The role of individual work collectives and their leaders in the political process from 1989 to 1990 is examined. Ar-

chival materials, periodicals, and leaflets served as sources and materials for the study. It is concluded that the lack of targeted campaigning and the vagueness of ideological platforms were key factors hindering the consolidation of trade union influence in the country's parliament.

Keywords: Russian trade union, election platform, Congress of People's Deputies, social tension, election campaign, external competition

For citation: *Strukova E.N., Shershukov A.V. From quota to competition: the evolution of Russian trade union participation in elections (1989-1990s). Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 195 – 200. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-195-200*

The article was submitted: April 10, 2026; Approved after reviewing: May 8, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Перестройка в СССР изменила общественно-политическое устройство и советские (а затем – российские) профсоюзы прошли этот путь вместе со страной. Некогда могущественный ВЦСПС прекращает существование, на смену ему в России приходит Федерация независимых профсоюзов России, которой фактически «с нуля» приходится доказывать свою необходимость и прав на существование. Одним из своеобразных «барометров» этой ситуации стали выборы в высший законодательный орган власти страны.

Российские профсоюзы неоднократно становились объектом исследований, в частности, в работах Д.А. Левчика и В.Г. Рупца [1; 14]. Участие профсоюзов в политическом процессе в России рассматривалось, например, в диссертациях Е.А. Максимова и А.А. Барабанова [1; 2], Большой объем информации содержится в научных исследованиях, анализирующих социологические аспекты деятельности профсоюзов, в первую очередь, в диссертации доктора социологических наук А.Н. Крестьянинова «Роль профсоюзов в регулировании общественных отношений в условиях социальной напряженности» [8], и работах А.С. Кудрина и О.А. Побегайлова [9; 12].

Однако можно с уверенностью утверждать, что взаимосвязь процессов становления крупнейшего национального профсоюзного объединения с результатами его участия в борьбе за депутатские мандаты фактически не рассматривалась. Частично, этот вопрос затрагивался в исследованиях В.А. Пасынковой и Д.В. Гревцовой [3; 11], однако эти работы носят политологический характер посвящены взаимоотношениям российских профсоюзов с политическими партиями и организациями.

Данная работа не претендует на всеобъемлющее исследование причин результатов избирательных кампаний для профсоюзов, в первую очередь – ФНПР, главная цель – показать, насколько взаимосвязаны в российской политической жизни периода Перестройки процессы становления организации с результатами их участия в избирательных кампаниях.

Материалы и методы исследований

Основными источниками для подготовки исследования стали материалы периодической печати, в том числе журнала информационного агентства «КАС-КОР» «Рабочая политика», издание которого приходилось на 1995-1997 годы и газеты Московской федерации профсоюзов «Солидарность». Здесь авторы «по горячим следам» подводят итог избирательной кампании 1995 года. В процессе исследования привлекались также материалы коллекции нетрадиционной печати ГПИБ России, где собран богатый фонд листовок. Кроме того, в качестве источника авторы используют материалы стенографических отчетов пленумов ВЦСПС, учредительного съезда ФНПР, Советов ФНПР, которые, к сожалению, практически не введены в научный оборот (место хранения – Архив Федерации независимых профсоюзов России).

Результаты и обсуждения

Первая рассматриваемая кампания – выборы народных депутатов 1989 года. Собственно, для ВЦСПС в реальной внешней конкурентной борьбе за депутатские мандаты не участвовала. Места на Съезде народных депутатов представителям советских профсоюзов были гарантированы, согласно статье первой «Закона о выборах народных депутатов» [5]. При этом размер квоты ВЦСПС был равен квоте КПСС – 100 человек, которые профсоюзы должны были выбрать самостоятельно. Необходимо отметить, что внутри профсоюзной структуры был высокий уровень конкурентности. Выступая на IV Пленуме ВЦСПС в январе 1989 года председатель Степан Шалаев привел следующие данные: состоялось более 66 тысяч профсоюзных собраний, на которых было выдвинуто 18 400 кандидатов. После отбора Президиум ВЦСПС предложил

116 кандидатов на 100 мест. В сообщении ТАСС, опубликованном в газете «Московская правда» указано 114 кандидатов (Пленум ВЦСПС). Однако в предыдущем выпуске газеты указана цифра – 116 (От имени трудящихся). Голосование проходило – в открытой форме и за каждую кандидатуру отдельно. В результате, были, в частности, забаллотированы кандидатуры Галины Замыцкой – председателя ЦК профсоюза работников госторговли и потребкооперации, Татьяна Заславская – директор ВЦИОМ (социологический центр, учрежденный ВЦСПС). Также было рассмотрено и отклонено предложение выдвинуть кандидатом в депутаты СССР Гарри Каспарова (внесен Министерством юстиции РФ в Реестр иностранных агентов 299 мая 2022 года.).

Выступивший на Пленуме Иосиф Кобзон, выдвинутый кандидатом в депутаты СССР, пообещал, что «если меня изберут, то буду петь, а не подпевать». Кандидатом в депутаты была выдвинута Элла Памфилова – председатель профкома Центрального ремонтно-механического завода «Мосэнерго».

В число утвержденных кандидатов входило 74 представителя трудовых коллективов (в т.ч. 45 рабочих и колхозников, 12 работников науки, здравоохранения, образования и культуры, 11 председателей профкомов и т.д.). Таким образом, можно утверждать, что 2/3 квоты принадлежало не «функционерам», а непосредственно представителям народа, в прямом смысле этого слова.

В результате было решено, что непосредственно выдвижение кандидатов в депутаты состоится на следующем Пленуме, а также утверждена предвыборная платформа профсоюзов «БОРОТЬСЯ ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ, ЗА ИНТЕРЕСЫ ТРУДЯЩИХСЯ». Суть платформы заключалась в тезисах о необходимости расширения числа социальных гарантий. Среди немногочисленных конкретных шагов говорилось в частности о необходимости сокращения рабочей недели до 40 часов (на тот момент 41 час, решение о 40-часовой рабочей неделе было принято Законом РСФСР «О повышении социальных гарантий для трудящихся» в 1991 году).

V расширенный Пленум ВЦСПС в марте 1989 года тайным голосованием утвердил список из 100 народных депутатов (из 116 кандидатов). Также Пленум принял «Наказы народным депутатам СССР от профессиональных союзов СССР». Среди того, что следовало добиваться депутатам нужно отметить, в частности, повышение нижнего уровня зарплат до уровня прожиточного минимума (на практике реализовано в XXI веке), а также введение дифференцированной системы налогообложения (снижение налогов для «низкодоходных», прогрессивная шкала для «лиц с высокими доходами»), сокращения рабочей недели до 40 часов и отказа от «черных суббот», определение минимального отпуска в 18 дней (вместо 15), дополнительные отпуска для женщин с детьми [13].

Однако непосредственно деятельность депутатов на съезде была малозаметной. Отчитываясь на Шестом Пленуме ВЦСПС в сентябре 1989 года секретарь ВЦСПС Г. Янаев утверждал, отвечая на упреки относительно принципов формирования депутатской квоты: «Кто может упрекнуть профсоюзы за то, что они, избирая непосредственно своих представителей в высший орган государственной власти, отдали явное предпочтение рабочим и колхозникам?» [17]. Общая пассивность избранных депутатов вызывала регулярные упреки в их адрес на официальных профсоюзных заседаниях.

Таким образом, делегаты от ВЦСПС не участвовали в активной полемике по защите прав трудящихся на съезде, что, возможно сказалось на последующих событиях.

В тоже время, в работе Съезда народных депутатов СССР принимает активное участие, избранный по одномандатному округу Т.Г. Авалиани, который с августа 1989 по январь 1990 года возглавлял Совет рабочих комитетов Кузбасса.

В следующей избирательной кампании – по выборам народных депутатов РСФСР уже нет квот для организаций. ВЦСПС вступает в сложный период распада [16].

Однако избирательная кампания 1990 года в региональные парламенты все же отмечена некоторым участием кандидатов - будущих профсоюзных лидеров. Так, например, в Моссовет по 298 округу баллотировался А.К. Исаев [6], вскоре возглавивший газету «Солидарность».

Следует также отметить достаточно успешную кампанию региональной политической организации – Союз трудящихся Кузбасса. Народными депутатами РСФСР были избраны активисты шахтерского движения Михаил Кислюк, Александр Бир, Юрий Герольд и др. [15].

В 1993 году на первых выборах в российских парламент российские профсоюзы не выступают как единая организация. Это было связано с тем, что во время политического кризиса осени 1993 года ФНПР заняла оппозиционную позицию по отношению к руководству России во главе с Б.Н. Ельциным, что привело к отставке ее председателя Игоря Клочкова и избранию руководителем Михаила Шмакова. В результате организация в целом дистанцировалась непосредственного от участия в политическом процессе, однако постановила, что ее членские организации могут поддерживать близкие им политические силы.

Отраслевой профсоюз работников агропромышленного комплекса содействует избирательной кампании Аграрной партии России. В частности, был подготовлен специальный выпуск газеты профсоюза «Земля и труд» в поддержку списка партии. Аграрная партия России: земля и созидание, справедливость и законность! [Выпуск газеты профсоюза работников АПК России «Земля и труд» N 48 (147) за 30 ноября – 6 декабря 1993 года, содержащий агитационные материалы АПР]: [газета].

Некоторую активность демонстрировали небольшие профсоюзные объединения. Старейший нелегальный профсоюз СМОТ призывал к бойкоту выборов, например, «Только последний идиот наступает на одну и ту же швабру два раза подряд! Земляки! Новой России нужны новые люди! Правда, листовка вышла небольшим тиражом, СМОТ был создан для защиты прав трудящихся в советское время, как подпольное, объединение, альтернативное ВЦСПС. В 1993 году деятельность этой организации была малозаметной, и в исследовательской литературе СМОТ вопрос о принадлежности СМОТ к профсоюзу является спорным.

Для альтернативных профсоюзов стало важным событием то, что председатель исполнительного комитета республиканского объединения независимых рабочих профсоюзов «Защита» Юрий Леонов получил депутатский мандат и в Государственной Думе первого созыва участвует в работе фракции КПРФ. Основное отличие «Защиты» от ряда других профсоюзных организаций – последовательное отстаивание марксистской идеологии. Руководство «Защиты» выступало против «работодателей-капиталистов». Профсоюз, с некоторыми структурными изменениями существует и в настоящее время.

Пик активности ФНПР приходится на 1995 год. В парламентских выборах участвовал блок «Профсоюзы и промышленники России – Союз Труда», сформированный ФНПР и Российским союзом промышленников и предпринимателей. Основной лозунг избирательной кампании «Зарплата, занятость законность» [6]. В целом программа блока была сформулирована как «остановить инфляцию с помощью профессионального руководства и добросовестного труда». Однако одновременная защита интересов работодателей и наемных рабочих не нашла отклика у избирателей. Блок не преодолел 5% барьер и не был представлен в Государственной думе РФ.

Однако несколько представителей профсоюзов были избраны в парламент. Их оказалось всего 9 от различных избирательных блоков.

По списку объединения «Яблоко» прошли три кандидата, в том числе будущий партийный деятель и руководитель центрального аппарата партии Борис Мисник (на 1995 год – председатель Горно-металлургического профсоюза России).

Четыре профсоюзных лидера получают депутатские мандаты от КПРФ. В их числе – политик и публицист левого толка, на 1995 год самый молодой депутат Государственной Думы РФ, студентка МГУ им. М.В. Ломоносова Дарья Митина. Она выдвигалась от профсоюза «Студенческая защита».

Два представителя «Союза труда» были избраны по одномандатным округам. За них проголосовали жители города Шахты Ростовской области и города Армавир Краснодарского края [4].

По итогам избирательной кампании ФНПР инициировало создание ОПД «Союз труда», который впоследствии станет частью политической организации «Отечество», ориентированной на Юрия Лужкова.

Выводы

ФНПР и другие независимые профсоюзы в девяностые годы проходили сложный путь становления, что отразилось на результатах избирательных кампаний. Успешными были кампании отдельных представителей, но не организаций в целом. Безусловно, причинами неудач были и недостаточное разъяснение позиций, и отсутствие адресной агитации, обращенной к рядовым членам профсоюзов.

В числе причин также назывались непонятный избирателям странный союз труда и капитала, недостаточная активную мобилизация членов профсоюзов и т.д. [2].

Интерес для исследователей также представляет сюжет о лидерах организаций трудящихся, для которых профсоюзный активизм стал стартовой площадкой в политическую деятельность.

Список источников

1. Барабанов С.А. Профсоюзы России в условиях современной политической системы: автореф. дис. ... канд. политич. наук / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. СПб.: 2013. 24 с.

2. Букетов К. Никульников А. Профсоюзы России в предвыборной кампании 1995 года // Рабочая политика. 1996. № 1. С. 13 – 16.

3. Гревцова Д.В. Участие профсоюзов в политическом процессе современной России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. 2014. № 2. С. 69 – 74.

4. Депутаты – представители профсоюзов, избранные в государственную Думу Федерального собрания в декабре 1995 г. // Рабочая политика. 1996. № 1. С. 52 – 54.

5. Закон СССР от 01.12.1988 «О выборах народных депутатов СССР» // Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (дата обращения: 21.03.2026)

6. Коллекция листовок избирательных объединений СССР и РФ // Отдел специальных коллекций ГПИБ России.НП4-274, НП4-422.

7. Левчик Д.А. Бастующая Россия. Шахтерские забастовочные комитеты и профсоюзы 1988-1995 гг.: монография. М.: Берлин: Директ-Медиа (DirectMedia), 2020. 201 с.

8. Крестьянинов А.Н. Роль профсоюзов в регулировании общественных отношений в условиях социальной напряженности: дис ... докт. социол. наук. М., 2004. 355 с.

9. Кудрин А.С. О становлении объединений профсоюзов в России: исторический аспект и современные вопросы // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1 (85). С. 34 – 39.

10. Максимов Е.А. Роль профсоюзов в политическом процессе современной России: автореф. дис. ... канд. политич. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1998. 24 с.

11. Пасынкова В.А. Политические стратегии российских профсоюзов в 1989-2003 гг. // Политекс. 2006. Т. 2. № 2. С. 234 – 245.

12. Побегайлов О.А. Профсоюзы в политической и экономической жизни России конца XX – начала XXI века // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 8. Самара. 2020. С. 124 – 133.

13. Пятый, расширенный Пленум Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов (22 марта 1989 года). М.: Профиздат, 1989. 68 с.

14. Рупец В.Г. Мифы и реалии профсоюзного движения современной России. М.: Профиздат, 1996. 1431 с.

15. Список народных депутатов РСФСР, избранных в Кемеровской области // Рабочее движение Кузбасса: Документы и материалы. С. 267 – 268.

16. Шершуков А.В. Учреждение Федерации независимых профсоюзов России (1990 г.): институциональный разрыв и его последствия // Исторический бюллетень. 2026. Т. 9. № 1. С. 293 – 299.

17. Шестой пленум Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов (5-6 сентября 1989 года) / ВЦСПС. Пленум (6; 1989, сентябрь). М.: Профиздат, 1989. 251 с.

References

1. Barabanov S.A. Trade Unions of Russia in the Context of the Modern Political System: Abstract of Cand. Sci. (Political Science) Dissertation. Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. St. Petersburg: 2013. 24 p.

2. Buketov K. Nikulnikov A. Trade Unions of Russia in the 1995 Election Campaign. Rabochaya Politika. 1996. No. 1. P. 13 – 16.

3. Grevtsova D.V. Participation of Trade Unions in the Political Process of Modern Russia. Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East. 2014. 2014. No. 2. P. 69 – 74.

4. Deputies – Representatives of Trade Unions, Elected to the State Duma of the Federal Assembly in December 1995. Rabochaya Politika. 1996. No. 1. P. 52 – 54.

5. USSR Law of 01.12.1988 "On Elections of People's Deputies of the USSR". Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi (date of accessed: 21.03.2026)

6. Collection of leaflets of electoral associations of the USSR and the Russian Federation. Department of Special Collections of the State Historical Public Library of Russia. NP4-274, NP4-422.

7. Levchik D.A. Striking Russia. Miners' Strike Committees and Trade Unions 1988-1995: Monograph. Moscow: Berlin: Direct-Media, 2020. 201 p.

8. Krestyaninov A.N. The Role of Trade Unions in Regulating Public Relations in Conditions of Social Tension: diss. ... doctor of sociological sciences. Moscow, 2004. 355 p.

9. Kudrin A.S. On the Formation of Trade Union Associations in Russia: Historical Aspect and Current Issues. Bulletin of the Kama Social Institute. 2020. No. 1 (85). P. 34 – 39.

10. Maksimov E.A. The Role of Trade Unions in the Political Process of Modern Russia: author's abstract. diss. ... candidate of political sciences. Lomonosov Moscow State University. Moscow, 1998. 24 p.

11. Pasynkova V.A. Political Strategies of Russian Trade Unions in 1989-2003. Politex. 2006. Vol. 2. No. 2. P. 234 – 245.

12. Pobegaylov O. A. Trade Unions in the Political and Economic Life of Russia in the Late 20th – Early 21st Century. The 20th Century and Russia: Society, Reforms, Revolutions. Issue 8. Samara. 2020. P. 124 – 133.

13. Fifth, Expanded Plenum of the All-Union Central Council of Trade Unions (March 22, 1989). Moscow: Profizdat, 1989. 68 p.

14. Rupets V. G. Myths and Realities of the Trade Union Movement in Contemporary Russia. Moscow: Profizdat, 1996. 1431 p.

15. List of People's Deputies of the RSFSR Elected in the Kemerovo Region. The Kuzbass Labor Movement: Documents and Materials. P. 267 – 268.

16. Shershukov A.V. Establishment of the Federation of Independent Trade Unions of Russia (1990): Institutional Gap and Its Consequences. Historical Bulletin. 2026. Vol. 9. No. 1. P. 293 – 299.

17. Sixth Plenum of the All-Union Central Council of Trade Unions (September 5-6, 1989). All-Union Central Council of Trade Unions. Plenum (6; 1989, September). Moscow: Profizdat, 1989. 251 p.

Информация об авторах

Струкова Е.Н., кандидат исторических наук, Российский государственный социальный университет, StrukovaEN@rgsu.net

Шершуков А.В., соискатель кафедры «Отечественная история», Московский педагогический государственный университет, asher2@yandex.ru

© Струкова Е.Н., Шершуков А.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-201-211

Вторая мировая война как глобальная бифуркация: крах старого многополярного мира и создание биполярной системы

[1] Тедеева У.Ш.
[2] Гантамиров Т.Т.,
[3] Джазаева И.А.А.,
[1] Северо-Осетинская государственная медицинская академия Минздрава России,
[2] Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова,
[3] Северо-Кавказская государственная академия

Аннотация: в статье исследуется Вторая мировая война как глобальная бифуркация – точка необратимой смены структурной организации международной системы, где малые изменения в предшествующих условиях приводят к качественно различным траекториям последующего развития. Показано, что довоенный многополярный мир, характеризовавшийся равновесием нескольких великих держав (Великобритания, Франция, Германия, Италия, Япония, СССР и США), обладал внутренней нестабильностью, обусловленной неравномерностью экономического развития, затяжными последствиями мирового экономического кризиса 1929-1933 годов и нарастанием ревизионистских устремлений стран, не удовлетворённых итогами Первой мировой войны. Война выступила механизмом разрешения этих противоречий ценой беспрецедентных человеческих жертв и материальных разрушений, приведя к исчезновению или радикальному ослаблению большинства прежних центров силы. В результате сформировалась биполярная система, в которой доминировали две сверхдержавы – СССР и США, обладавшие ядерным оружием и занимавшиеся глобальным геополитическим противостоянием в условиях холодной войны. Особое внимание уделяется анализу бифуркационных механизмов: кумулятивному эффекту военных решений (открытие второго фронта, капитуляция Германии и Японии), преобразованию европейских колониальных империй и формированию двух лагерей – социалистического и капиталистического, закреплённому идеологически и институционально (Организация Варшавского договора, Совет экономической взаимопомощи, НАТО, план Маршалла, бреттон-вудские институты).

Ключевые слова: Вторая мировая война, бифуркация, биполярная система, многополярный мир, международные отношения

Для цитирования: *Тедеева У.Ш., Гантамиров Т.Т., Джазаева И.А.-А. Вторая мировая война как глобальная бифуркация: крах старого многополярного мира и создание биполярной системы // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 201 – 211. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-201-211*

Поступила в редакцию: 10 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

World war II as a global bifurcation: the collapse of the old multipolar world and the creation of a bipolar system

[1] Tedeeva U.Sh.,
[2] Gantamirov T.T.,
[3] Dzhazaeva I.A.-A.,
[1] North Ossetian State Medical Academy of the Ministry of Health of the Russian Federation,
[2] Kadyrov Chechen State University,
[3] North Caucasus State Academy

Abstract: the article examines the Second World War as a global bifurcation, a point of irreversible change in the structural organization of the international system, where small changes in previous conditions lead to qualitatively different trajectories of subsequent development. It is shown that the pre-war multipolar world, characterized by the equilibrium of several great powers (Great Britain, France, Germany, Italy, Japan, the USSR and the USA), had internal instability caused by uneven economic development, the protracted consequences of the world economic crisis of 1929-1933 and the growing revisionist aspirations of countries dissatisfied with the results of the First World War. The war acted as a mechanism for resolving these contradictions at the cost of unprecedented human sacrifice and material destruction, leading to the disappearance or radical weakening of most of the former centers of power. As a result, a bipolar system was formed, dominated by two superpowers – the USSR and the United States, which possessed nuclear weapons and engaged in global geopolitical confrontation during the Cold War. Special attention is paid to the analysis of bifurcation mechanisms: the cumulative effect of military decisions (the opening of a second front, the surrender of Germany and Japan), the transformation of European colonial empires and the formation of two camps – socialist and capitalist, fixed ideologically and institutionally (the Warsaw Pact Organization, the Council for Mutual Economic Assistance, NATO, the Marshall Plan, the Bretton Woods Institutions).

Keywords: World War II, bifurcation, bipolar system, multipolar world, international relations

***For citation**: Tedeeva U.Sh., Gantamirov T.T., Dzhazaeva I.A.-A. World war ii as a global bifurcation: the collapse of the old multipolar world and the creation of a bipolar system. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 201 – 211. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-201-211*

The article was submitted: April 10, 2026; Approved after reviewing: May 8, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Проблема структурной трансформации международной системы в результате масштабных военных конфликтов остаётся одной из центральных в исторической и политической науке, однако до недавнего времени анализ этой трансформации ограничивался преимущественно историческим описанием и не привлекал концептуального аппарата теории сложных систем и синергетики. В настоящей статье предлагается рассматривать Вторую мировую войну как глобальную бифуркацию – особую точку в развитии международной системы, где под воздействием накопленных противоречий и внешних шоков система теряет устойчивость и делает необратимый выбор одной из нескольких возможных траекторий дальнейшего развития, причём выбор этот в значительной степени случаен по отношению к предшествующему состоянию системы и не может быть однозначно предсказан на основе анализа предшествующих условий.

Довоенная международная система, сложившаяся после Первой мировой войны и закреплённая Версальско-Вашингтонской системой, представляла собой многополярную структуру, включавшую несколько великих держав – Великобританию, Францию, Германию, Италию, Японию, а также СССР и США, которые хотя и не были полноправными участниками Версальской системы, представляли собой самостоятельные центры силы. Эта система характеризовалась высокой степенью нестабильности, обусловленной жёсткостью версальских решений (особенно репарационных претензий к Германии), исключением России и Германии из числа победителей, слабостью Лиги Наций как механизма коллективного регулирования конфликтов, а также глубокими экономическими диспропорциями, усугублёнными мировым экономическим кризисом.

Социально-экономические условия, предшествовавшие Второй мировой войне, включали в себя не только экономическую депрессию, но и глубокий идеологический раскол между либеральными демократиями, фашистскими и нацистскими режимами, а также коммунистическим проектом, что делало любую форму многостороннего сотрудничества крайне затруднительной. В этой многополярной, но глубоко фрагментированной системе любые малые изменения (например, приход национал-социалистов к власти в Германии, агрессия Японии в Маньчжурии, аншлюс Австрии, мюнхенский сговор, пакт Молотова-Риббентропа) приводили к лавинообразной эскалации конфликта, что является характерной чертой систем, находящихся в предбифуркационном состоянии – они чрезвычайно чувствительны к внешним воздействиям и демонстрируют нелинейную реакцию на, казалось бы, локальные события.

Цель настоящей статьи – показать, что Вторая мировая война как целостный исторический процесс представляла собой глобальную бифуркацию, в ходе которой многополярная структура международной системы, существовавшая веками, разрушилась и сменилась принципиально новой биполярной конфигурацией, просуществовавшей до конца XX века.

Материалы и методы исследований

Теоретическая значимость исследования заключается в применении категорий синергетики и теории сложных систем к анализу международных отношений, что расширяет методологический аппарат исторической науки и позволяет по-новому взглянуть на хорошо изученные события. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных выводов для анализа современных бифуркационных процессов в международной системе, включая текущий переход от постбиполярной структуры к новому возможному типу мироустройства с элементами многополярности, полицентричности и возврата к конфронтации. Особое внимание уделяется тому обстоятельству, что сегодняшнее состояние международных отношений, если рассматривать его через бифуркационную оптику, может оказаться столь же критически чувствительным к локальным событиям, как и период накануне Второй мировой войны.

Понятие бифуркации (от латинского bifurcus – раздвоенный) было введено в научный оборот в рамках теории динамических систем и синергетики для обозначения точки ветвления траектории развития системы, где под воздействием малых флуктуаций происходит качественный скачок, и система переходит в новое состояние, причём направление этого перехода не может быть однозначно предсказано на основе анализа начальных условий. Применительно к истории, и особенно к истории международных отношений, бифуркация означает такой момент, когда накопление противоречий и нестабильности делает систему чрезвычайно чувствительной к внешним воздействиям, и даже незначительное событие может запустить цепную реакцию, ведущую к смене структурной организации всей системы.

Для исторической науки синергетический подход представляет собой альтернативу как линейному детерминизму марксистского толка (с его идеей неизбежности определённого пути развития, предопределённого развитием производительных сил), так и субъективистской трактовке истории как результата свободной воли отдельных акторов. Синергетика утверждает, что в периоды между бифуркациями система подчиняется детерминистским законам, и предсказание её поведения в целом возможно (это периоды стабильного эволюционного развития). В точке бифуркации, однако, детерминизм уступает место вероятностным закономерностям – система стоит перед несколькими возможными путями развития, и выбор конкретного пути определяется множеством малых факторов, включая внешние воздействия, случайности и даже индивидуальные решения ключевых фигур, но после того как выбор сделан, система вновь входит в детерминистскую фазу, и следствия сделанного выбора разворачиваются как бы автоматически.

Применительно к Второй мировой войне можно выделить несколько уровней бифуркационных процессов. Первый уровень – глобальная бифуркация всей международной системы, результатом которой стала смена многополярности биполярностью. Второй уровень – множественные локальные бифуркации в ходе самой войны: битва за Британию (1940 год, когда Германия впервые потерпела стратегическое поражение, сорвав план вторжения в Англию), нападение Германии на СССР (22 июня 1941 года, когда стратегия блицкрига вошла в фазу гигантской сухопутной войны на два фронта), вступление в войну США после нападения Японии на Перл-Харбор (декабрь 1941 года, когда война приобрела подлинно глобальный характер с участием ведущей экономической державы мира), Сталинградская битва (зима 1942-43 годов, после которой стратегическая инициатива окончательно перешла к антигитлеровской коалиции), высадка союзников в Нормандии (июнь 1944 года, которая определила послевоенное разделение Европы на западную и восточную зоны влияния), атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки (август 1945 года, после которых баланс военной мощи радикально изменился в пользу обладателя ядерного оружия). Каждая из этих бифуркаций не была полностью предопределена – в каждой из них существовала альтернативная возмож-

ность, реализация которой привела бы к иному ходу войны и, вероятно, к иному послевоенному устройству.

Ключевой аспект синергетического подхода – признание того, что в точке бифуркации малые причины могут порождать большие следствия. Классический пример из физики: капля воды на наклонной поверхности, достигнув развилки, может скатиться как в одну, так и в другую сторону от ничтожно малого толчка – направления, по которому стекут последующие миллиарды капель, будут совершенно разными в зависимости от этого первого микроскопического отклонения. В истории Второй мировой войны такими «малыми причинами» могли быть решения, принимавшиеся в ограниченное время при неполной информации: решение Гитлера не вторгаться в Великобританию в 1940 году, а повернуть на восток; решение Сталина не верить разведданным о дате начала войны; решение Рузвельта разместить эмбарго на поставки нефти в Японию; решение Трумэна применить атомную бомбу. Каждое из этих решений могло быть иным, и, возможно, иным был бы и весь ход послевоенного развития.

Особое значение для понимания бифуркационной природы Второй мировой войны имеет концепция исторического времени. В периоды стабильности историческое время течёт равномерно и медленно, накопление изменений происходит постепенно. В точке бифуркации время как бы ускоряется, сжимается – решения, принимаемые в течение нескольких дней или даже часов, определяют судьбы целых народов на десятилетия вперёд. Именно это «сжатие неопределённости» характерно для войны: накануне битвы никто не может точно сказать, кто победит, в которой из нескольких возможных точек система пройдёт ветвление, но сразу после битвы и принятия новых конфигураций войск и сил становится ясно, что система сделала выбор, и возврат к прежнему состоянию невозможен.

Важно отметить, что применение синергетического подхода к истории международных отношений не означает отрицания роли объективных факторов. Экономические возможности воюющих стран, их демографический и ресурсный потенциал, технологический уровень, географическое положение и многие другие факторы создают коридор возможных траекторий развития, то есть определяют не единственный исход, а множество допустимых исходов. Например, победа нацистской Германии в войне не была полностью детерминирована, но она и не была абсолютно вероятна – возможности Германии были ограничены её ресурсной базой и логистикой, в отличие от возможностей США и СССР. В то же время, реализация Советским Союзом всех его потенциальных возможностей требовала определённых решений и действий, которые нельзя было автоматически предсказать на основе исходных условий 1941 года.

Особая методологическая проблема заключается в том, что историк, анализирующий бифуркации прошлого, всегда находится в привилегированной позиции «знающего исход», тогда как акторы в момент бифуркации действовали в условиях неопределённости. Синергетический подход требует от исследователя реконструировать это поле возможностей, которые были открыты перед участниками в каждый момент времени, а не просто описывать единственную реализовавшуюся траекторию. Это означает, что необходимо рассматривать альтернативные сценарии не как праздные спекуляции или альтернативную историю в литературном смысле, а как часть объяснения того, почему система выбрала именно тот путь, который она выбрала, – выбор становится понятным только при сопоставлении с несостоявшимися альтернативами.

Результаты и обсуждения

Международная система, сложившаяся после Первой мировой войны, не была устойчивой ни в структурном, ни в институциональном, ни в идеологическом отношении. Структурная неустойчивость проявлялась в дисбалансе между формальным и реальным распределением силы. Версальский договор (1919 год) и дополнившие его Вашингтонские соглашения (1921-22 годы) зафиксировали победу стран Антанты – Великобритании, Франции, Италии, Японии и США (последний не ратифицировал Версальский договор, но участвовал в Вашингтонской конференции), но при этом исключили из круга победителей два важнейших фактора: Россию (которая вышла из войны в 1917 году после большевистской революции) и Германию (которая была поставлена в положение побеждённой, но не была уничтожена как государство или полностью оккупирована). Таким образом, система включала в себя два мощных ревизионистских центра – Германию в центре Европы и Советский Союз на её восточных окраинах, – которые были не удовлетворены существующим положением и стремились его изменить, но при этом были исключены из механизмов управления системой.

Версальско-Вашингтонская система была многополярной, но только номинально. Великобритания сохраняла огромную колониальную империю, но её экономическая мощь после войны была подорвана. Франция обладала сильнейшей сухопутной армией в Европе, но была истощена войной и демографически ослаблена. Италия и Япония чувствовали себя обделёнными при разделе колониальных владений. США,

напротив, обладали доминирующей экономической мощью, но проводили изоляционистскую внешнюю политику и не были готовы взять на себя функции системного лидера, оставшиеся вакантными после ослабления Европы. В этой системе отсутствовал явный гегемон, способный навязывать правила игры всем остальным, но также отсутствовал и эффективный механизм коллективного принятия решений – Лига Наций оказалась недееспособной из-за отсутствия собственных вооружённых сил, а также из-за того, что ключевые державы (США, СССР, Германия) в ней не участвовали или участвовали эпизодически.

Идеологическая фрагментация усугубляла нестабильность. После Первой мировой войны в Европе сосуществовали три конкурирующие идеологические модели: либеральная демократия (Великобритания, Франция, США), коммунизм (СССР, а также возникшие после войны и быстро павшие советские республики в Венгрии и Баварии, а затем, по иронии судьбы, итальянский и германский фашизм как третья идеологическая сила, возникшая в прямой оппозиции как либеральной демократии, так и коммунизму. Фашизм и нацизм предложили агрессивную, империалистическую и расистскую альтернативу, основанную на культе силы, отрицании демократических институтов и, в случае нацизма, на идее расового превосходства и жизненного пространства. С появлением трёх несовместимых идеологических лагерей любая форма международного сотрудничества (экономического, политического, военного) сразу же приобретала идеологическую окраску, а компромиссы между лагерями становились затруднительными.

Мировой экономический кризис 1929-1933 годов стал тем внешним шоком, который перевёл систему из состояния латентной нестабильности в состояние активного кризиса. Экономический кризис поразил все без исключения капиталистические страны, но с разной степенью тяжести и с разными политическими последствиями. В США кризис привёл к Новому курсу Рузвельта – масштабной государственной интервенции в экономику, но демократические институты были сохранены. В Великобритании и Франции кризис привёл к политической нестабильности, частой смене правительств, но также и к сохранению демократии. В Германии, однако, кризис стал катализатором прихода нацистов к власти в 1933 году, поскольку массовая безработица (достигшая 30 процентов) и крах традиционных политических партий создали условия для радикального ответа. Япония, также сильно пострадавшая от кризиса, ответила ещё раньше – в 1931 году она вторглась в Маньчжурию, положив начало своей экспансии в Азии и фактически развязав первую стадию войны на Тихом океане.

К концу 1930-х годов международная система вошла в фазу явной дестабилизации, которая легко описывается в категориях синергетики. Система стала чрезвычайно чувствительной к локальным воздействиям – каждое новое действие ревизионистских держав (реймилитаризация Рейнской области в 1936 году, аншлюс Австрии в 1938 году, мюнхенский сговор в том же году, захват Чехословакии в 1939 году) не только не устраняло нестабильность, но, напротив, умножали её, создавая прецеденты агрессии и демонстрируя бессилие держав [8]. Система демонстрировала свойство нелинейности – малые изменения (например, мюнхенский сговор, который его участники воспринимали как акт умиротворения) привели к огромному эффекту – резкому усилению нацистской Германии и осознанию СССР невозможности коллективной безопасности, что подтолкнуло его к пакту с Германией (23 августа 1939 года). Этот пакт стал последней бифуркацией на пороге войны, поскольку он снял угрозу войны на два фронта для Германии и развязал ей руки для нападения на Польшу, что и произошло 1 сентября 1939 года, после чего международная система пересекла точку невозврата и вступила в фазу глобального военного конфликта [9].

Важно подчеркнуть, что в предбифуркационном состоянии международная система обладала всеми свойствами сложной и неустойчивой системы. Она была далека от равновесия, поскольку содержала в себе глубокие экономические диспропорции, идеологические антагонизмы и структурные противоречия между формальным и реальным распределением власти. Она была чрезвычайно чувствительна к начальным условиям – например, к тому, кто именно из ревизионистов предпримет агрессивные действия первым и против кого именно. Она демонстрировала эмерджентность – возникновение новых свойств, не присущих отдельным элементам (например, никто из лидеров демократических стран в 1933 году не предвидел, что приход Гитлера к власти приведёт к глобальной войне, холокосту и ядерной бомбе). И она, наконец, вступила в фазу критического обострения, когда даже малые флуктуации могли привести к коллапсу существовавшей структуры и переходу в новое качество, каковым стала Вторая мировая война.

Вторая мировая война не была однородным процессом событий, разворачивающихся по единственной предопределённой траектории, а представляла собой серию последовательных и иногда синхронных бифуркаций, каждая из которых сужала веер возможных исходов и приближала послевоенную структуру международной системы. Можно выделить не менее десяти критических точек ветвления, в которых война могла пойти по совершенно иному пути, но для краткости в настоящей работе будут проанализированы пять наиболее значимых.

Первая бифуркация: «Странная война» и блицкриг против Запада (сентябрь 1939 – май 1940). После нападения на Польшу и вступления в войну Великобритании и Франции наступил восьмимесячный период относительного затишья, получивший название «Странная война», когда союзники не предпринимали активных наступательных действий против Германии на западе. Историки до сих пор спорят, была ли у Франции и Великобритании возможность нанести упреждающий удар по Германии осенью 1939 года, когда основные силы вермахта были заняты в Польше [7]. Если бы такой удар был нанесён и имел успех, война могла бы закончиться в 1940 году разгромом нацистского режима, послевоенная Европа была бы полностью под контролем западных держав, а СССР оставался бы изолированным и, вероятно, не получил бы своего послевоенного расширения на запад [10]. Однако французское и британское командование предпочло оборонительную стратегию, полагаясь на линию Мажино и надеясь на блокадное удушение Германии, что оказалось фатальной ошибкой, когда 10 мая 1940 года Германия начала наступление на западе, прорвав линию фронта в Арденнах и разгромив французские и британские войска за шесть недель. После капитуляции Франции в июне 1940 года веер возможных исходов резко сузился: Германия стала доминирующей державой на европейском континенте, оставалась не завоёванной лишь Великобритания, чьё положение, однако, было крайне тяжёлым.

Вторая бифуркация: решение Гитлера не вторгаться в Великобританию и повернуть на восток (лето 1940 года). После разгрома Франции Гитлер столкнулся с выбором: сосредоточить усилия на завоевании Великобритании (операция «Морской лев», требовавшая завоевания господства в воздухе и высадки десанта) либо бросить основные силы против СССР, союзником и фактическим партнёром которого Германия была по пакту 1939 года. Гитлер выбрал восточный вариант по нескольким причинам: во-первых, он считал СССР идеологическим врагом и целью всей своей политики; во-вторых, он полагал, что разгром Советского Союза лишит Великобританию последней надежды на победу и заставит её капитулировать; в-третьих, блицкриг во Франции создал иллюзию быстрой победы на любом театре военных действий. Эта бифуркация была, вероятно, самой важной в ходе всей войны, поскольку решение напасть на СССР привело к тому, что Германия оказалась втянута в затяжную изнурительную войну на два фронта (с учётом продолжавшейся войны с Великобританией и американскими поставками по ленд-лизу). Альтернативный выбор – сосредоточение на битве за Британию – мог привести либо к победе Германии на западе (что означало бы германскую гегемонию в Европе и, вероятно, последующее нападение на СССР ещё более сильной Германией), либо к истощению Германии в длительной воздушной войне и возможному ослаблению, но определённо – к отсрочке войны с СССР на неопределённый срок.

Третья бифуркация: вступление США в войну после нападения Японии на Перл-Харбор (декабрь 1941 года). США вели нарастающую экономическую и военно-техническую помощь Великобритании и СССР (ленд-лиз, начатый ещё до формального вступления в войну), но оставались нейтральными в военном отношении. Вступление Японии в войну как союзника Германии (Тройственный пакт 1940 года) создало возможность для одновременной войны на двух океанах. Нападение на Перл-Харбор (7 декабря 1941 года) и последовавшее объявление войны Германией и Италией США (11 декабря 1941 года) привели к вступлению в войну американской военной машины. Эта бифуркация по-разному трактовалась историками: одни считают решение Японии начать войну против США практически самоубийственным, учитывая колоссальное экономическое и промышленное превосходство Америки; другие указывают, что в условиях американского нефтяного эмбарго и требований о выводе войск из Китая Япония оказалась перед выбором между отступлением и войной и выбрала последнее. Каковы бы ни были причины, вступление США предопределило конечный разгром Германии и Японии, поскольку американская промышленность к 1944 году производила военной продукции больше, чем все страны оси вместе взятые. Без вступления США победа над Германией была бы возможна, но, вероятно, заняла бы больше времени и потребовала бы ещё больших жертв от СССР, а послевоенный мир был бы ещё более разделённым.

Четвёртая бифуркация: высадка союзников в Нормандии (июнь 1944 года) и раздел Европы на зоны влияния. К началу 1944 года советские войска находились на подступах к границам Восточной Европы, освободив Украину, Белоруссию и Прибалтику. Западные союзники разрабатывали операцию «Оверлорд» – высадку во Франции, которая открыла бы второй фронт в Западной Европе [6]. Дата и место высадки были предметом интенсивных дебатов между советским руководством (которое требовало скорейшего открытия второго фронта) и американским и британским командованием (которое откладывало решение). Высадка 6 июня 1944 года в Нормандии стала точкой невозврата для судьбы послевоенной Европы. Если бы высадка была отложена на более поздний срок, советские войска могли бы дойти не только до Эльбы, но и дальше на запад, возможно, освободив Францию и даже часть Германии раньше западных союзников, что привело бы к ещё большему расширению советской сферы влияния. Если бы высадка произошла раньше

(например, в 1943 году), она могла бы быть менее успешной и не привела к быстрому освобождению Франции, но также и изменила бы ход войны на востоке. Сам факт высадки в 1944 году привёл к тому, что Красная армия и западные союзники встретились на Эльбе 25 апреля 1945 года, разделив Европу примерно пополам, что и стало основой послевоенной биполярной структуры. Важно подчеркнуть, что раздел Европы не был заранее спланированным проектом – он сложился как результат боевых действий, географической удалённости и решений, принимавшихся в ходе войны, включая Ялтинскую конференцию (февраль 1945 года), где были подтверждены оккупационные зоны и зоны влияния.

Пятая бифуркация: атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки (август 1945 года) и послевоенный баланс ядерных сил. К лету 1945 года Германия капитулировала, а война с Японией продолжалась, причём ожидалось, что вторжение на Японские острова приведёт к огромным потерям с обеих сторон. США, завершившие Манхэттенский проект, имели атомную бомбу и встали перед выбором: применить её против Японии, чтобы вынудить её к безоговорочной капитуляции, либо воздержаться от применения, ограничившись обычной бомбардировкой и морской блокадой. Президент Трумэн принял решение применить бомбы, которое было продиктовано стремлением как можно быстрее закончить войну, избежав миллионных потерь при планировавшейся высадке, а также желанием продемонстрировать Советскому Союзу мощь американского оружия. После атомных взрывов 6 и 9 августа 1945 года Япония капитулировала 2 сентября 1945 года. Эта бифуркация имела долгосрочные последствия для биполярной системы: США стали единственной ядерной державой и обладали абсолютным военным превосходством в течение четырёх лет, до того как в 1949 году СССР испытал собственную атомную бомбу. Альтернативный вариант – отказ от применения бомб и затягивание войны в Тихом океане – привёл бы к возможному, но более позднему и, вероятно, более сложному советскому вступлению в войну против Японии (СССР объявил войну Японии 8 августа 1945 года), а также к тому, что послевоенный мир мог бы быть установлен без такого яркого демонстрационного эффекта атомной силы, что могло бы отсрочить гонку ядерных вооружений или изменить её конфигурацию.

К концу Второй мировой войны многополярная международная система, существовавшая веками, перестала существовать, и это разрушение не было постепенным процессом, а произошло в результате одновременного и взаимосвязанного удаления из числа великих держав нескольких традиционных центров силы. Германия, являвшаяся главной угрозой для европейского порядка на протяжении почти века, была не просто побеждена, но разделена на четыре оккупационные зоны, лишена государственного суверенитета, её территория была сокращена, а элиты были подвергнуты денацификации и судебным процессам.

Франция, которая веком ранее была ведущей европейской державой, к 1945 году была истощена четырёхлетней оккупацией, экономически разрушена и политически расколота между Свободной Францией де Голля и теми, кто сотрудничал с режимом Виши. Великобритания, хозяйка морей и сердце крупнейшей колониальной империи, формально входила в число победителей, но её экономика была подорвана до основания: огромные долги США, потеря значительной части торгового флота, разрушение городов в результате бомбардировок и, что самое главное, невозможность содержать империю в прежних масштабах. Япония, другая держава оси, была оккупирована американскими войсками, лишена вооружённых сил, её император был лишён божественного статуса, а страна была превращена в плацдарм американского присутствия в Азии.

Италия, перешедшая на сторону союзников в 1943 году, была среди победителей, но её международный статус кардинально снизился. Она потеряла все колониальные владения, была кратковременно оккупирована, а в послевоенные годы оказалась внутри западного блока, но не в качестве самостоятельного центра силы. Китай, воевавший с Японией с 1937 года и формально входивший в число крупнейших победителей, на деле был разорён войной, раздираем гражданской войной между коммунистами и гоминьданом, экономически отсталым и политически нестабильным, поэтому он не мог претендовать на роль самостоятельного полюса биполярной системы, хотя его огромная территория и население делали его важным фактором.

Таким образом, из восьми держав, которые можно было считать великими в 1939 году (Великобритания, Франция, Германия, Италия, Япония, СССР, США, Китай), к 1945 году только две сохранили и даже усилили свой статус – СССР и США. При этом СССР понёс колоссальные человеческие и материальные потери (около 27 миллионов человек погибших, тысячи разрушенных городов и десятки тысяч сёл), но вышел из войны с огромной армией, занимавшей почти всю Восточную Европу, и с авторитетом главной силы, разгромившей нацизм. США, напротив, не имели разрушений на своей территории, потеряли сравнительно мало (около 400 тысяч человек), накопили огромный военно-промышленный и экономический потенциал, владели ядерным оружием и превратились в кредитора большей части мира (план Маршалла, бреттон-вудская система). Не случайно в 1945 году на долю США приходилось около 50 процентов мирового вало-

вого продукта, тогда как доля Великобритании упала до 7 процентов, а Германии и Японии – почти до нуля. Такого беспрецедентного перераспределения глобальной экономической мощи история ещё не знала.

Крушение старых колониальных империй стало не менее значимым аспектом разрушения многополярного мира. До войны огромные территории Африки, Азии, Карибского бассейна и Океании находились под контролем европейских держав – Великобритании, Франции, Нидерландов, Бельгии, Португалии. Колониальная система была неотъемлемой частью мироустройства, где ресурсы и население колоний служили источником силы для метрополий. Война разрушила эту систему по нескольким причинам [5]. Во-первых, японская оккупация Юго-Восточной Азии показала азиатским народам, что белые колонизаторы не являются непобедимыми, что европейские армии могут быть разгромлены, а колониальные империи – уязвимы. Во-вторых, война истощила экономики метрополий до такой степени, что они уже не могли позволить себе содержание армий и администрации на огромных колониальных территориях. В-третьих, нацистская пропаганда и нацистская практика расовой иерархии дискредитировали саму идею расового превосходства, на которой во многом держалась колониальная система. В-четвёртых, в ходе войны союзники, особенно США, оказывали давление на своих европейских партнёров с требованием провозгласить после войны независимость колоний (например, Атлантическая хартия 1941 года, хотя она была адресована прежде всего европейским территориям). В результате Индия обрела независимость в 1947 году, Индонезия – в 1945-49 годах, Индокитай начал свою войну за независимость уже в 1945 году, и к концу 1950-х годов колониальная система фактически перестала существовать, заменившись десятками формально независимых государств, многие из которых вступили в движение неприсоединения, а другие оказались в орбитах влияния двух сверхдержав.

Окончательным крахом старого многополярного мира стало разрушение системы европейского баланса сил – того самого концерта держав, который сложился после наполеоновских войн и на протяжении XIX века поддерживал относительную стабильность на континенте. Эта система основывалась на том, что несколько европейских держав примерно равной силы постоянно соперничали и блокировались друг с другом, не допуская слишком сильного усиления одной из них. После 1945 года в Европе остались две военные сверхдержавы – одна из них (СССР) была европейской только частично (её территория и население в основном находились в Азии), другая (США) была вообще заокеанской и имела доминирующее военное присутствие на континенте не на основе баланса, а на основе оккупации и системе союзов. Европейские державы больше не играли самостоятельной роли в определении судеб Европы – этот вопрос решался в Москве и Вашингтоне, а также, в меньшей степени, в Лондоне (который пытался позиционировать себя как третий полюс, но быстро понял тщетность этого). Отныне любые конфликты в Европе, от Греции до Берлина, сразу же обретали глобальное измерение как противостояние между социалистическим и капиталистическим лагерем.

Формирование биполярной системы после Второй мировой войны не было единовременным актом, а представляло собой кумулятивный процесс, занявший примерно пять лет (1945-1950 годы), в ходе которого две сверхдержавы закрепляли и расширяли свои зоны влияния, строили союзные системы, создавали идеологические контуры двух лагерей и, наконец, институционализировали раздел мира в виде военно-политических блоков. Этот процесс разворачивался в несколько этапов, которые в синергетическом смысле представляют собой переход от неопределённости послевоенного устройства к стабильной биполярной конфигурации.

Первый этап (1945-1947 годы) характеризовался неопределённостью и ограниченным сотрудничеством. Потсдамская конференция (июль-август 1945 года) подтвердила создание оккупационных зон в Германии и её разделение на три (а затем четыре) зоны, но не определила окончательно судьбу Германии и её будущий статус. Создание Организации Объединённых Наций (апрель-июнь 1945 года) отражало надежду на коллективную безопасность и сотрудничество великих держав, однако право вето постоянных членов Совета Безопасности (СССР, США, Великобритания, Франция, Китай) изначально делало ООН не столько инструментом коллективного управления, сколько ареной дипломатического противоборства, где любая из постоянных держав могла заблокировать неугодные ей решения. В это время ещё существовала надежда на послевоенное сотрудничество: США продолжали поставки по ленд-лизу в рамках расчётов и кредитов, советские и американские войска совместно управляли оккупацией Германии и Австрии, обсуждались планы помощи послевоенному восстановлению Европы с участием СССР (план Маршалла первоначально предлагался и Советскому Союзу, и странам Восточной Европы).

Однако уже в 1946-1947 годах эти надежды рухнули. Речь Черчилля в Фултоне (5 марта 1946 года) с провозглашением «железного занавеса» ознаменовала переход к конфронтационной риторике на западе. Отказ СССР от участия в плане Маршалла (июль 1947 года) и принуждение стран Восточной Европы сде-

лать то же самое обозначили раскол Европы на две зоны – западную, получающую американскую помощь и интегрирующуюся в капиталистическую экономическую систему, и восточную, находящуюся под советским контролем и отрезанную от этой помощи. Создание Коммунистического информационного бюро (Коминформ) в сентябре 1947 года как координационного центра мирового коммунистического движения, а также доктрина Трумэна (март 1947 года), обещавшая американскую помощь любой стране, сопротивляющейся коммунистическому давлению, завершили формальное размежевание.

Второй этап (1947-1949 годы) стал этапом кристаллизации двух лагерей. В Западной Европе была развёрнута программа восстановления (план Маршалла, 1948-1952 годы), которая поставила европейские страны в экономическую зависимость от США и одновременно способствовала их экономической интеграции (предтеча ЕС). На востоке был создан Совет экономической взаимопомощи (январь 1949 года) как ответ на план Маршалла и инструмент экономической координации и интеграции стран социалистического лагеря, хотя реальная отдача от СЭВ в послевоенный период была ниже, чем эффект от плана Маршалла [2]. Кульминацией этого этапа стал Берлинский кризис 1948-1949 годов, когда СССР блокировал все наземные коммуникации в Западный Берлин (июнь 1948 года), полагая, что сможет вынудить западные державы оставить сектор в советской зоне оккупации [3]. В ответ США и Великобритания организовали «воздушный мост» – снабжение города по воздуху в течение почти года, что стало политическим и технологическим триумфом Запада. Кризис привёл к созданию двух германских государств – Федеративной Республики Германии (май 1949 года) на основе трёх западных зон и Германской Демократической Республики (октябрь 1949 года) на основе советской зоны. Раздел Германии стал легитимным и закреплённым de facto разделом Европы.

Третий этап (1949-1955 годы) завершил институциональное оформление биполярной системы. Создание НАТО (апрель 1949 года) – военно-политического союза США, Канады и десяти западноевропейских стран – создало формальные обязательства коллективной обороны, означавшие, что нападение на одного союзника рассматривается как нападение на всех, и гарантировали американское ядерное обеспечивание защиты Европы. Создание Организации Варшавского договора (май 1955 года) – военного союза СССР и семи восточноевропейских стран – стало прямым ответом на принятие ФРГ в НАТО и завершило формирование симметричных военных блоков. Между этими двумя событиями произошло приобретение СССР ядерного оружия (август 1949 года), что разрушило американскую монополию и превратило биполярную систему в систему ядерного взаимного сдерживания – ситуацию, когда ни одна из сторон не рискнёт начать прямую войну, поскольку это приведёт к взаимному гарантированному уничтожению. Корейская война (1950-1953 годы) стала первым «горячим» конфликтом холодной войны, в котором, однако, СССР и США избегали прямого военного столкновения, поддерживая разные стороны.

Биполярная система оказалась чрезвычайно стабильной по сравнению с предшествующей многополярной системой. Эта стабильность достигалась за счёт нескольких факторов: ядерного сдерживания (которое делало прямую войну между сверхдержавами немыслимой), чёткого разделения сфер влияния (через которое каждая из сторон признавала доминирование другой в определённых регионах – например, США не вмешивались в Венгрию в 1956 году, а СССР не вмешивался в Кубинский кризис 1962 года, хотя оба конфликта были критическими), идеологической поляризации (которая сводила все конфликты к единому глобальному противостоянию и препятствовала образованию новых самостоятельных центров силы), а также институциональной упаковки (система союзов с формальными обязательствами и военной координацией).

Выводы

Проведённый анализ позволяет утверждать, что Вторая мировая война представляла собой классическую глобальную бифуркацию в развитии международной системы, то есть такую точку необратимой смены структурной организации, в которой под воздействием накопленных противоречий и внешних шоков система теряет устойчивость, а малые изменения в предшествующих условиях или случайные факторы приводят к качественно различным траекториям последующего развития [1]. Довоенная многополярная система, несмотря на её внешнюю устойчивость и длительное существование, обладала всеми признаками предбифуркационного состояния: она была далека от равновесия, содержала в себе глубокие экономические диспропорции, идеологические антагонизмы между либеральной демократией, фашизмом и коммунизмом, а также структурные противоречия между формальным и реальным распределением власти. Мировой экономический кризис 1929-1933 годов выступил тем катализатором, который перевёл систему из состояния латентной нестабильности в состояние активного кризиса, после чего каждое новое действие ревизионистских держав не устраняло противоречия, а умножало их, пока система не пересекла точку невозврата 1 сентября 1939 года.

Сама война не была единым детерминированным процессом, а представляла собой серию последовательных бифуркаций – критических точек ветвления, где принимались решения (нападение на СССР, вступление США в войну, открытие второго фронта, применение атомной бомбы), которые сужали веер возможных исходов и приближали послевоенную биполярную конфигурацию. В каждой из этих точек существовала альтернативная возможность – победа нацистской Германии на востоке или на западе, затяжная война без явного победителя, более раннее или более позднее появление ядерного оружия у одной из сторон, – реализация которой привела бы к иному послевоенному устройству, возможно, не биполярному, а гегемонистскому или возврату к многополярности. Однако в силу стечения исторических обстоятельств, военных решений, технологических прорывов и индивидуальных действий ключевых фигур система сделала выбор в пользу биполярной траектории.

Результатом этой бифуркации стало разрушение многополярного мира, существовавшего веками. Германия и Япония были оккупированы и лишены суверенитета. Великобритания и Франция, хотя и входили в число победителей, были истощены экономически и политически и уже не могли играть роль самостоятельных центров силы; их колониальные империи распались в течение последующих пятнадцати лет. Китай, разорённый войной и раздираемый гражданской войной, не мог претендовать на статус великой державы, хотя его численность и территория делали его важным фактором. Из восьми держав, которые можно было считать великими в 1939 году, к 1945 году только две – США и СССР – сохранили статус и даже усилили его, став сверхдержавами. При этом СССР понёс колоссальные человеческие и материальные потери, но вышел из войны с огромной армией и авторитетом освободителя Европы, а США, не имевшие разрушений на своей территории, обладали ядерной монополией, экономическим превосходством и превратились в кредитора и гаранта послевоенного восстановления западного мира.

Список источников

1. Алексеев В.П., Кара-Мурза С.В. Бифуркации мировой истории: синергетический подход к анализу международных отношений. Москва: Академический проект, 2019. 480 с.

2. Бжезинский З.К. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы: пер. с англ. Москва: Международные отношения, 2018. 320 с.

3. Васильев Л.С., Данилов А.А. Всеобщая история: от Первой мировой войны до современности. Москва: Издательство Московского университета, 2020. 560 с.

4. Верт Н. История Советского государства, 1900-1991: пер. с франц. Москва: Прогресс-Академия, 2019. 544 с.

5. Гаджиев К.С. Геополитика современного мира: от биполярности к многополярности. Москва: Логос, 2021. 430 с.

6. Данилов А.А., Волобуев О.В. Вторая мировая война как историческая бифуркация // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 34 – 52.

7. Дюллен С. Укрощение гигантов: внешняя политика США от Рузвельта до Трумэна: пер. с англ. Москва: Весь мир, 2019. 380 с.

8. Зубок В.М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачёва: пер. с англ. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2018. 672 с.

9. Кеннан Дж.Ф. Истоки холодной войны: статьи и выступления 1944-1947 годов: пер. с англ. Москва: Издательство Института Гайдара, 2020. 280 с.

10. Киссинджер Г. Дипломатия: пер. с англ. Москва: Ладомир, 2019. 848 с.

References

1. Alekseev V.P., Kara-Murza S.V. Bifurcations of World History: A Synergetic Approach to the Analysis of International Relations. Moscow: Academicheskiy Proekt, 2019. 480 p.

2. Brzezinski Z.K. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives: Translated from English. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2018. 320 p.

3. Vasiliev L.S., Danilov A.A. General History: From World War I to the Present. Moscow: Moscow University Press, 2020. 560 p.

4. Werth N. History of the Soviet State, 1900-1991: Translated from French. Moscow: Progress-Akademiya, 2019. 544 p.

5. Gadzhiev K.S. Geopolitics of the Modern World: From Bipolarity to Multipolarity. Moscow: Logos, 2021. 430 p.

6. Danilov A.A., Volobuyev O.V. The Second World War as a Historical Bifurcation. New and Contemporary History. 2020. No. 4. P. 34 – 52.
7. Dullin S. Taming the Giants: US Foreign Policy from Roosevelt to Truman: trans. from English. Moscow: Ves' Mir, 2019. 380 p.
8. Zubok V.M. Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev: trans. from English. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2018. 672 p.
9. Kennan J.F. The origins of the Cold War: articles and speeches of 1944-1947: trans. from English Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2020. 280 p.
10. Kissinger G. Diplomacy: trans. from English Moscow: Ladomir, 2019. 848 p.

Информация об авторах

Тедеева У.Ш., кандидат исторических наук, доцент, Северо-Осетинская государственная медицинская академия Минздрава России

Гантамиров Т.Т., доцент, Медицинский институт, Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова

Джазаева И.А.-А., кандидат исторических наук, доцент, Северо-Кавказская государственная академия

© Тедеева У.Ш., Гантамиров Т.Т., Джазаева И.А-А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-212-218

Кризис «снарядного голода» и системный дефицит вооружений в России в годы Первой мировой войны: причины, методы преодоления и социально-политические последствия

[1] Чжао Фань,
[1] Педагогический университет Центрального Китая

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу кризиса материально-технического снабжения русской армии в период 1914-1917 гг. Автор исследует причины «снарядного голода», вызванного просчетами в предвоенном планировании и структурной слабостью имперской индустрии. В работе подробно рассматриваются меры по мобилизации тыла, включая деятельность Особого совещания по обороне и военно-промышленных комитетов. Особое внимание уделяется тому, как нехватка вооружения трансформировалась из военно-технической проблемы в катализатор социально-политической дестабилизации, падения морального духа армии и подготовки почвы для Февральской революции 1917 года.

Ключевые слова: Первая мировая война, снарядный голод, военно-промышленный комплекс, Февральская революция, мобилизация промышленности

Для цитирования: *Чжао Фань Кризис «снарядного голода» и системный дефицит вооружений в России в годы Первой мировой войны: причины, методы преодоления и социально-политические последствия // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 212 – 218. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-212-218*

Поступила в редакцию: 10 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

The crisis of the "shell shortage" and systemic deficit of armaments in Russia during the First World War: causes, mitigation methods, and socio-political consequences

[1] Zhao Fan,
[1] Central China Normal University

Abstract: the article provides a comprehensive analysis of the material and technical supply crisis of the Russian army between 1914 and 1917. The author examines the causes of the "shell shortage," stemming from miscalculations in pre-war planning and the structural weaknesses of the Imperial industry. The study details home-front mobilization measures, including the activities of the Special Council on Defense and War Industry Committees. Particular attention is paid to how the arms deficit transformed from a military-technical issue into a catalyst for socio-political destabilization, the erosion of army morale, and the eventual onset of the February Revolution of 1917.

Keywords: First World War, shell shortage, military-industrial complex, February Revolution, industrial mobilization

For citation: *Zhao Fan The crisis of the "shell shortage" and systemic deficit of armaments in Russia during the First world war: causes, mitigation methods, and socio-political consequences. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 212 – 218. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-212-218*

The article was submitted: April 10, 2026; Approved after reviewing: May 8, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Начальный этап участия Российской империи в Первой мировой войне наглядно продемонстрировал глубокий разрыв между доминировавшей в штабах консервативной доктриной и жесткими требованиями «войны на истощение». Несмотря на форсированную модернизацию армии в предвоенные годы, стратегическая мысль того времени оставалась в плену иллюзий о скоротечном характере будущих сражений. В результате уже к исходу 1914 года промышленный комплекс столкнулся с параличом снабжения: темпы расхода боеприпасов в условиях позиционного тупика на порядки превзошли любые кабинетные расчеты Генерального штаба. Ставка на маневренную войну XIX столетия обернулась стратегическим просчетом, обнажив неготовность имперской бюрократии к тотальной мобилизации тыловых ресурсов и технологическим вызовам новой артиллерийской эпохи [10, с. 210].

Проблема «снарядного голода», охватившая фронт в 1915 году, стала не просто локальным техническим сбоем или логистической ошибкой, а проявлением глубокого системного кризиса государственного управления, обнажившим фундаментальные структурные слабости российской индустриальной модели. Острая зависимость России от импортных поставок сложного станочного оборудования, химических компонентов и высокотехнологичных видов вооружения в сочетании с инертностью бюрократического аппарата парализовали военные усилия страны. Неспособность частного сектора экономики оперативно и гибко перестроиться на выполнение военных заказов в первые, самые критические месяцы войны создала предпосылки для затяжного и болезненного кризиса снабжения действующей армии [5, с. 112]. В современной исторической науке данный период справедливо интерпретируется как точка вынужденного политического компромисса, когда государство, признав неэффективность казенной промышленности, было вынуждено делегировать часть своих полномочий общественным организациям и частному капиталу ради спасения оборонного потенциала империи.

Актуальность данной темы в контексте военно-политической истории обусловлена тем, что хроническая нехватка вооружения и боеприпасов в период 1915-1916 гг. имела масштабные деструктивные последствия, далеко выходящие за рамки чисто оперативных поражений на театре военных действий. Материальный дефицит превратился в мощнейший психологический катализатор дестабилизации морального духа воюющей армии и стремительного распространения пораженческих настроений среди всех слоев комбатантов. Именно осознание «технической неполноценности» русской армии, вынужденной отвечать на ураганный огонь противника лишь редкими выстрелами, стало ключевым фактором глубокого психологического надлома солдатских масс. Это трагическое неравенство в средствах ведения боя трансформировало первоначальный патриотический подъем в гнетущее чувство безнадежного самопожертвования и обиды на государственную власть, которая не смогла обеспечить солдата необходимым оружием [9, с. 154].

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили опубликованные статистические и мемуарные источники, труды по истории российской армии, военно-промышленного комплекса и общественных организаций периода Первой мировой войны. В работе использованы историко-системный, проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы, позволяющие рассмотреть «снарядный голод» как военно-техническое, социально-экономическое и политическое явление.

Результаты и обсуждения

Коренная причина кризиса снабжения в 1914-1915 гг. крылась в ошибочной установке на краткосрочный характер войны. Военное ведомство установило нормы мобилизационных запасов, исходя из прогноза кампании длительностью не более полугода. В реальности Главное артиллерийское управление (ГАУ) планировало расход снарядов в объеме 1000 выстрелов на легкое орудие за всю войну, что было исчерпано в первые же месяцы активных боев [18, с. 342].

Накануне войны потенциал казенного сектора оказался скован жесткими рамками бюджетного планирования мирного времени, что исключало наличие каких-либо мобилизационных резервов мощности. Промышленный авангард империи – Обуховский и Путиловский заводы – функционировал на пределе технического износа, а переход к форсированному выпуску продукции требовал не косметических мер, а фундаментальной ломки всей индустриальной модели [7, с. 118]. Символом управленческого коллапса стал «винтовочный голод»: к середине 1915 года дефицит стрелкового вооружения приобрел характер национальной катастрофы, когда миллионные массы пополнения фактически оставались невооруженными. Положение довершила необдуманная мобилизация 1914 года, вымывшая из цехов наиболее квалифицированные кадры в угоду сиюминутным нуждам фронта [3, с. 210].

Остроту военно-технического кризиса усугубляла критическая зависимость империи от импорта станков и ключевых узлов вооружения. Отсутствие в национальной промышленности замкнутых циклов производства – прежде всего в сегменте тяжелой артиллерии – лишило армию возможности оперативного восполнения потерь. Ситуация переросла в стратегический тупик с началом блокады черноморских проливов и параличом балтийских коммуникаций, что фактически изолировало Россию от ресурсной базы союзников по Антанте [22, с. 190].

Параллельно с этим вскрылась фатальная неразвитость отечественной химической отрасли. Парадокс заключался в том, что производство взрывчатых веществ в России десятилетиями базировалось на германском сырье, поток которого закономерно иссяк с началом боевых действий. Дефицит бензола и толуола превратился в непреодолимый барьер для Главного артиллерийского управления (ГАУ): даже при налаженном выпуске снарядных гильз, фронт оставался на «голодном пайке» из-за отсутствия снаряжательных мощностей [20, с. 388].

Весна 1915 года стала точкой невозврата, заставившей имперскую власть пойти на радикальную ревизию методов руководства оборонным сектором. Центральным звеном этой перестройки стало учреждение Особого совещания по обороне государства – надведомственного органа, наделенного исключительными прерогативами в области распределения мобилизационных заказов и секвестра частных предприятий. Создание этой структуры позволило, по крайней мере декларативно, консолидировать усилия бюрократического аппарата, генералитета и крупного капитала для купирования ресурсного коллапса [18, с. 366-368].

На фоне государственного дирижизма развернулась беспрецедентная общественная самоорганизация в лице Военно-промышленных комитетов (ВПК). Стратегический замысел их создания заключался в децентрализации военного заказа и вовлечении в производственный оборот среднего и мелкого предпринимательства, что должно было снять избыточную нагрузку с казенных заводов-гигантов. Несмотря на перманентные политические трения с правительственным лагерем, ВПК превратились в значимый инструмент координации тыловых ресурсов и распределения лимитированного сырья в условиях дефицита [15, с. 12].

Ощутимый вклад в бесперебойное снабжение фронта внесли объединенные структуры Земского и Городского союзов (Земгор). В условиях хронической неповоротливости официальных интендантских служб, Земгор превратился в альтернативную логистическую сеть, сфокусированную на мобилизации кустарного сектора, ремонте техники и развертывании сети фронтовых мастерских [19, с. 14]. По сути, мы наблюдаем уникальный феномен «сращивания» институтов земского самоуправления с военным аппаратом, что позволило оперативно закрывать каверны в государственном обеспечении армии [1, с. 84; 6].

Параллельно с внутренней мобилизацией, правительство было вынуждено форсировать военно-технический импорт. Координация масштабных транзакций в США, Великобритании и Франции легла на специальные закупочные комиссии, среди которых ключевую роль играла миссия генерала А. В. Гермониуса. Иностранные заказы стали тем «страховочным тросом», который обеспечил армию винтовками союзных образцов, порохами и, что наиболее критично, тяжелой артиллерией, производство которой внутри страны оставалось крайне лимитированным [12, с. 412].

К 1916 году принятые меры дали ощутимый результат, известный в историографии как «перелом в снабжении». Благодаря вводу в строй новых производственных мощностей и милитаризации гражданской индустрии, выпуск снарядов и патронов вырос в несколько раз по сравнению с началом войны. Этот индустриальный рывок позволил русской армии полностью преодолеть острый дефицит боеприпасов к началу Брусиловского прорыва [20, с. 387-389].

Статистические показатели работы промышленности к 1916 году свидетельствуют о беспрецедентном росте производства. Благодаря усилиям Особого совещания и милитаризации частного сектора, ежемесячное производство 3-дюймовых полевых пушек выросло по сравнению с 1914 годом в десять раз, а

выпуск снарядов к ним – более чем в двадцать раз. К началу кампании 1917 года русская армия была обеспечена боеприпасами лучше, чем когда-либо за все время войны, что позволило создать колоссальные запасы для планируемого весеннего наступления [9, с. 154].

Однако эффективность мер по борьбе с дефицитом серьезно подрывалась бесконтрольным ростом прибылей частных заводчиков и повсеместной спекуляцией. Работа через посредничество Военно-промышленных комитетов приводила к тому, что цены на продукцию частных предприятий (например, на те же снаряды) были в 2-3 раза выше, чем на казенных заводах. Эта «вакханалия лихоимства» не только истощала государственный бюджет, но и вызывала острое раздражение в министерских кругах, усиливая конфликт между бюрократией и «общественностью» [17, с. 240].

Несмотря на впечатляющую динамику валовых показателей, система снабжения оставалась заложницей глубоких структурных диспропорций. Парадокс «снарядного перелома» заключался в том, что успехи в производстве легкой артиллерии лишь резче оттеняли хронический дефицит высокотехнологичных сегментов: авиамоторов, средств связи и тяжелых орудий. Гипертрофированное развитие оборонного сектора происходило за счет деградации смежных отраслей, что в конечном итоге спровоцировало паралич транспортной системы. Железнодорожная сеть, перегруженная военным транзитом, оказалась неспособна обеспечить связность тыла, фактически принося продовольственную безопасность страны в жертву фронтовым нуждам [20, с. 395].

Особого внимания заслуживает качественная сторона этого промышленного рывка. Погоня частного капитала за валовыми объемами в рамках системы ВПК неизбежно вела к эрозии технологических стандартов. «Суррогатная» индустриализация породила феномен массового брака: по ряду оценок, до четверти боеприпасов, выпущенных полукустарными мастерскими, имели критические дефекты взрывателей или отклонения в калибре. Это создавало опасную статистическую иллюзию ресурсного благополучия, которая в боевых условиях оборачивалась техническими отказами и неоправданными потерями [9, с. 172].

Социальные издержки милитаризации экономики стали детонатором системного кризиса империи. Замораживание реальных доходов на фоне галопирующей инфляции и введение жесткого трудового режима на заводах сформировали протестный потенциал, вылившийся в волну стачек 1916 года. В этом контексте преодоление «снарядного голода» имело двойственное значение: решив техническую задачу снабжения, власть одновременно спровоцировала «голод продовольственный». Промышленные центры из опоры режима превратились в очаги революционной дестабилизации, где социальное недовольство смыкалось с антивоенной агитацией [14, с. 142].

Дефицит вооружений оказал фатальное влияние на саму логику ведения войны. Невозможность дать адекватный артиллерийский ответ в кампании 1915 года навязала командованию тактику «Великого отступления», обернувшегося не только утратой обширных территорий, но и чудовищными жертвами. В условиях технического доминирования противника фронт трансформировался в «мясорубку», где острый недостаток металла систематически компенсировался человеческим ресурсом. Этот трагический размен заложил фундамент глубокого разочарования армии в самой системе стратегического планирования [13, с. 115].

Материальный голод стал катализатором стремительной делегитимизации верховной власти в глазах офицерского корпуса. Неспособность государства обеспечить армию базовыми средствами ведения боя трансформировала профессиональное недовольство в политический протест. Слухи об «измене» и некомпетентности министерской верхушки перестали быть маргинальными, сформировав в среде генералитета убеждение в необходимости радикальных перемен. В конечном итоге именно этот «технический пессимизм» подтолкнул высшее командование к поддержке идеи отречения монарха в феврале 1917 года под лозунгом «спасения армии» [2, с. 145].

Психологическая деградация солдатских масс под воздействием «снарядного голода» прошла путь от жертвенного патриотизма до глухого озлобления. Солдаты, ежедневно наблюдавшие бессилие собственной артиллерии перед немецкими батареями, остро ощущали себя «преданными тылом». Сформировавшийся «технический комплекс неполноценности» стал идеальной питательной средой для пораженческих настроений. Фронтовик, лишенный огневой поддержки, закономерно превращался из защитника отечества в активного адепта революционного переустройства [4, с. 182].

На политической арене хронические неудачи снабжения превратились в главный козырь либеральной оппозиции. Консолидация «Прогрессивного блока» в Государственной думе произошла именно на почве критики военно-технической беспомощности режима. Требование «министерства общественного доверия» не было лишь административным лозунгом; оно манифестировало прямую атаку на самодержавную

прерогативу управления страной, связывая эффективность тыла с радикальной политической реформой [8, с. 162].

Технологический дефицит выступил своего рода «фокусом» системного кризиса империи. Он сцементировал в единый дестабилизирующий поток экономическую дезорганизацию, военные поражения и глубокое социальное недовольство. С этой точки зрения, Февральская революция 1917 года представляется закономерным итогом неспособности имперской системы адаптироваться к императивам тотальной войны, где ресурсное обеспечение и логистика приобрели не меньшее значение, чем доблесть войск [16, с. 185].

Фундаментальным последствием снарядного голода стала качественная деградация офицерского корпуса. Колоссальные потери 1915 года, ставшие платой за артиллерийское бессилие, привели к выбиванию кадрового костяка армии. Его место заняли «прапорщики военного времени» – представители интеллигенции и разночинства, принесшие на фронт критический склад умышления. Этот новый офицерский слой перестал быть безусловной опорой престола; его лояльность была подорвана осознанием того, что власть оказалась неспособна обеспечить армию элементарными средствами защиты, превратив войну в бессмысленное самоистребление [11, с. 45].

В конечном счете, дефицит вооружения породил феномен «индустриального пораженчества» – убежденности в том, что технически отсталая Россия не может победить Германию вне зависимости от таланта полководцев. Эта установка пронизывала как окопы, так и тыловые гарнизоны, становясь связующим звеном между неудачами на фронте и радикальными требованиями Петроградского совета. К февралю 1917 года материальный фактор окончательно перерос в духовный кризис, когда армия отказалась защищать режим, который, по ее мнению, не смог обеспечить ей право на современную войну [21, с. 120].

Выводы

Подводя итог анализу проблемы нехватки вооружения в России в годы Первой мировой войны, можно сделать вывод, что этот фактор стал не только военно-технической, но и глубокой социально-политической детерминантой крушения имперского строя. Ошибка в первоначальном планировании, недооценка индустриального характера войны и затяжной характер «снарядного голода» 1915 года создали кумулятивный эффект, который не удалось полностью нейтрализовать даже после успешной мобилизации промышленности в 1916 году. Исследование показало, что технический рывок предреволюционного года, хотя и насытил фронт боеприпасами, был достигнут ценой критического перенапряжения национальной экономики, разрыва хозяйственных связей и углубления социальных противоречий.

Комплекс мер, реализованных государственным аппаратом и общественными кругами, выявил значительный, но запоздалый адаптивный потенциал российской индустрии. В отсутствие внутриполитического консенсуса вопрос снабжения армии превратился из технической задачи в острое орудие межэлитной борьбы за власть. Последствия «снарядного голода» вышли далеко за рамки оперативных сводок: они трансформировались в экзистенциальный кризис легитимности самодержавия. Армия, пропустившая через себя трагедию 1915 года без должного артиллерийского прикрытия, утратила волевой импульс к продолжению борьбы. Этот психологический надлом сделал фронтовую массу крайне восприимчивой к радикальной пропаганде, превратив вчерашних защитников в движущую силу дестабилизации.

Опыт Российской империи в Первой мировой войне служит классической иллюстрацией того, что в реалиях индустриальной эпохи разрыв между военно-техническими потребностями и социально-экономическими возможностями тыла неизбежно ведет к краху государственности. Хронический дефицит вооружения стал тем фатальным триггером, который детонировал социальный протест, доказав: материальное обеспечение в условиях тотального конфликта является не вспомогательным элементом, а фундаментом устойчивости всей имперской системы.

Список источников

1. Абрамов В.Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. Москва: Ника, 1996. 165 с.
2. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914-1917). Москва: Кучково поле, 2014-2015. 1400 с.
3. Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900-1917 гг.). Москва: Воениздат Министерства вооруженных сил СССР, 1948-1949. 1000 с.
4. Брусилов А.А. Мои воспоминания. Посмертное издание. Москва; Ленинград: Государственное издательство, Отдел военной литературы, 1929. 249 с.

5. Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства / Академия наук СССР, Институт истории. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1962. 483 с.

6. Воронин В.Е. Земство в годы Первой мировой войны и революций 1917 года // Православный образовательный портал «Слово». URL: https://portal-slovo.ru/history/39994.php (дата обращения: 22.03.2026)

7. Воронкова С.В. Заводское строительство в России в годы Первой мировой войны (к проблеме развития промышленного потенциала) // Экономический журнал. 2002. № 5. С. 110 – 135.

8. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.) / отв. ред. Л.Г. Захарова. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2003. 432 с.

9. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж: Товарищество объединенных издателей, 1939. 411 с.

10. Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне 1914-1915 гг. Берлин: Слово, 1924. 396 с.

11. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии: февраль-сентябрь 1917. Paris: Povolozky, 1921. 183 с.

12. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю: воспоминания русского военного дипломата. Москва: Правда, 1989. Т. 1. 588 с.

13. Керсновский А.А. История русской армии: в 4-х т. Москва: Голос, 1992-1994. 1200 с.

14. Кирьянов Ю.И. Рабочие Юга России. 1914 – февраль 1917 г. / Академия наук СССР, Институт истории СССР. Москва: Наука, 1971. 307 с.

15. Кюнг П.А. Военно-промышленные комитеты в России в годы Первой мировой войны: историко-архивоведческое исследование: автореф. дис. … канд. историч. наук. Москва, 2007. 24 с.

16. Лейберов И.П. На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 – март 1917 г.). Москва: Мысль, 1979. 311 с.

17. Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны / Академия наук СССР, Институт экономики. Москва: Госполитиздат, 1957. 391 с.

18. Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну / перераб. и доп. Е.З. Барсуков. 3-е изд. Москва: Государственное военное издательство, 1937. 718 с.

19. Нагорная М.С. Земское самоуправление на Южном Урале накануне и в годы Первой мировой войны (1913 – февраль 1917 г.): автореф. дис. … канд. историч. наук. Курган, 1999. 22 с.

20. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны / Академия наук СССР, Институт истории СССР. Москва: Наука, 1973. 655 с.

21. Чернов В.М. Рождение революционной России (февральская революция). Париж: Юбилейный комитет по изданию трудов В. М. Чернова, 1934. 446 с.

22. Шацилло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России, конец XIX в. – 1914 г. / Российская академия наук, Институт российской истории. Москва: Наука, 1992. 268 с.

References

1. Abramov V.F. Russian Zemstvo: Economy, Finance, and Culture. Moscow: Nika, 1996. 165 p.

2. Airapetov O.R. Participation of the Russian Empire in the First World War (1914-1917). Moscow: Kuchkovo Pole, 2014-2015. 1400 p.

3. Barsukov E.Z. Artillery of the Russian Army (1900-1917). Moscow: Voenizdat of the Ministry of Armed Forces of the USSR, 1948-1949. 1000 p.

4. Brusilov A.A. My Memories. Posthumous Edition. Moscow; Leningrad: State Publishing House, Department of Military Literature, 1929. 249 p.

5. Volobuyev P.V. Economic Policy of the Provisional Government. USSR Academy of Sciences, Institute of History. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1962. 483 p.

6. Voronin V.E. Zemstvo during the First World War and the Revolutions of 1917. The Orthodox Educational Portal “Slovo.” URL: https://portal-slovo.ru/history/39994.php (date of access: 22.03.2026)

7. Voronkova S.V. Factory Construction in Russia during the First World War (on the Problem of Developing Industrial Potential). Economic Journal. 2002. No. 5. P. 110 – 135.

8. Gaida F.A. Liberal Opposition on the Path to Power (1914 – Spring 1917). Ed. L.G. Zakharova. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2003. 432 p.

9. Golovin N.N. Russia's Military Efforts in the World War. Paris: Association of United Publishers, 1939. 411 p.

10. Danilov Yu.N. Russia in the World War 1914-1915. Berlin: Slovo, 1924. 396 p.

11. Denikin A.I. Essays on the Russian Time of Troubles. The Collapse of Power and the Army: February-September 1917. Paris: Povolozky, 1921. 183 p.
12. Ignatiev A.A. Fifty Years in the Service: Memories of a Russian Military Diplomat. Moscow: Pravda, 1989. Vol. 1. 588 p.
13. Kersnovsky A.A. History of the Russian Army: in 4 volumes. Moscow: Golos, 1992-1994. 1200 p.
14. Kiryanov Yu.I. Workers of the South of Russia. 1914 – February 1917. USSR Academy of Sciences, Institute of History of the USSR. Moscow: Nauka, 1971. 307 p.
15. Kyung P.A. Military-Industrial Committees in Russia during the First World War: Historical and Archival Research: Abstract of a Cand. Sci. (History) Dissertation. Moscow, 2007. 24 p.
16. Leiberov I.P. Storming the Autocracy: The Petrograd Proletariat during the First World War and the February Revolution (July 1914 – March 1917). Moscow: Mysl, 1979. 311 p.
17. Maevsky I.V. Economy of Russian Industry during the First World War. USSR Academy of Sciences, Institute of Economics. Moscow: Gospolitizdat, 1957. 391 p.
18. Manikovsky A.A. Combat Supply of the Russian Army during the World War. revised and enlarged by E. Z. Barsukov. 3rd ed. Moscow: State Military Publishing House, 1937. 718 p.
19. Nagornaya M.S. Zemstvo Self-Government in the Southern Urals on the Eve of and During the First World War (1913 – February 1917): Abstract of a Cand. Sci. (History) Dissertation. Kurgan, 1999. 22 p.
20. Sidorov A.L. Economic Situation of Russia During the First World War. USSR Academy of Sciences, Institute of History of the USSR. Moscow: Nauka, 1973. 655 p.
21. Chernov V.M. The Birth of Revolutionary Russia (the February Revolution). Paris: Jubilee Committee for the Publication of the Works of V.M. Chernov, 1934. 446 p.
22. Shatsillo K.F. The State and Monopolies in the Military Industry of Russia, Late 19th Century – 1914. Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History. Moscow: Nauka, 1992. 268 p.

Информация об авторе

Чжао Фань, аспирант, Педагогический университет Центрального Китая, zfdorh@163.com

© Чжао Фань, 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94 (571.5)
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-219-226

Правовое регулирование реализации старообрядцами прав по отправлению духовных треб в 1880-1890-е гг. (по материалам Симбирской губернии)

[1] Ильин И.А.,
[1] Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова

Аннотация: целью данного исследования является освещение особенностей взаимодействия старообрядцев, с одной стороны, представителей светской и духовной власти, представителей православной части общества, с другой стороны, в сфере, которая имела для староверов наибольшее значение: осуществлении ими религиозных потребностей, – в связи с Высочайшим утверждением 3 мая 1886 г. Мнения Государственного Совета «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб». Материалы Государственного архива Ульяновской области демонстрируют реализацию на практике этого закона и связанных с ним других нормативных актов в различных местностях Симбирской губернии (ныне составляющих, собственно, Ульяновскую область и другие субъекты Российской Федерации). Информация о том, как реализовывались в 1880-е и 1890-е гг. в разных случаях старообрядцами предоставленные им законодательно возможности и препятствия какого характера при этом возникали, позволяет лучше понимать настроения обеих сторон и причины их возникновения. Причем, было отмечено особо, что настроения серьезно влияли на степень эффективности осуществления обновленного при Александре Третьем законодательства; она, в свою очередь, влияла на степень устойчивости социального мира между староверами и православными.

Ключевые слова: старообрядчество, православие, Симбирская губерния, молитвенный дом, религиозные потребности, гражданское согласие

Для цитирования: *Ильин И.А. Правовое регулирование реализации старообрядцами прав по отправлению духовных треб в 1880-1890-е гг. (по материалам Симбирской губернии) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 219 – 226. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-219-226*

Поступила в редакцию: 10 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

Legal regulation of the implementation of rights by Old Believers to perform spiritual services in the 1880s-1890s (based on materials from the Simbirsk Governorate)

[1] Ilyin I.A.,
[1] Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov

Abstract: the purpose of this study is to highlight the peculiarities of interaction between Old Believers, on the one hand, representatives of secular and spiritual authorities, representatives of the Orthodox part of society, on the other hand, in the area that was of the greatest importance for the Old Believers: the fulfillment of their religious needs, in connection with the Supreme approval of May 3, 1886, the Opinions of the State Council "On the Granting of Certain Civil Rights and the Performance of Spiritual Ceremonies to Schismatics". Materials from the State Archives of the Ulyanovsk Region demonstrate the practical implementation of this law and other related regula-

tions in various localities of the Simbirsk Governorate (now comprising the Ulyanovsk Region and other constituent entities of the Russian Federation). Information on how Old Believers utilized the opportunities afforded them by law in various instances in the 1880s and 1890s, as well as the obstacles they encountered, allows for a better understanding of the sentiments of both sides and the reasons behind them. Moreover, it has been specifically noted that these sentiments significantly influenced the effectiveness of the legislation updated under Alexander III; this, in turn, influenced the stability of social peace between the Old Believers and the Orthodox.

Keywords: Old Believers, Orthodoxy, Simbirsk Governorate, prayer house, religious needs, civil consent

For citation: *Ilyin I.A. Legal regulation of the implementation of rights by Old Believers to perform spiritual services in the 1880s-1890s (based on materials from the Simbirsk Governorate). Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 219 – 226. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-219-226*

The article was submitted: April 10, 2026; Approved after reviewing: May 8, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Прежде всего, необходимо отметить многогранное значение темы исследования. Если рассматривать ее с точки зрения поддержания гражданского согласия в наши дни, нужно обозначить, что регулирование реализации религиозных потребностей, в принципе, имеет серьезное воздействие, так как охватывает множество других сфер жизни общества. Если подходить к теме с «краеведческой» точки зрения, нельзя не заметить, что Симбирская губерния, в частности, и Среднее Поволжье, в целом, – значимый для старообрядчества регион. Одни староверы находили надежное укрытие от преследований и сохранение самобытности (например, в Карсунском уезде), другие – получали доступ к торговым путям, а с ним и возможность сообщения между собой (Сызранский уезд). При подходе с точки зрения возрастающего интереса к традиционным вероисповеданиям России важно подчеркнуть: вследствие событий XX в. истории религиозных течений, некогда оказывавших видное влияние в различных местностях и занимавших серьезное положение, в т. ч. старообрядческих общин, приходится восстанавливать практически по крупицам. Все обозначенные точки зрения, в совокупности, делают тему исследования актуальной.

Высочайшее утверждение Императором Александром III Мнения Государственного Совета «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб» (далее – Мнение Государственного Совета от 3 мая 1883 г.) способствовало укреплению положения старообрядчества в обществе и большей, назревшей, к нему терпимости. Но сами новые положения отличались «неясностью, недосказанностью» [16, с. 771], как отмечали уже дореволюционные исследователи, именно в сфере реализации прав старообрядцев по отправлению духовных треб, имевшей для них большее значение. Весьма суровым оставался подход к староверам уголовного законодательства в части осуществления религиозных потребностей, поскольку в этом осуществлении законодатель усматривал одну из возможностей распространения старообрядцами своих религиозных убеждений среди православных. Все это склонило старообрядцев к критическому восприятию нового закона.

Материалы и методы исследований

В качестве общенаучных методов исследования применены анализ, синтез, индукция и дедукция. Основным же методом исторического исследования являлся ретроспективный метод. Существенную помощь при исследовании темы оказывают сохранившиеся в весьма значительном количестве дореволюционные делопроизводственные документы, хотя они, в силу скрытности староверов, предубеждений православных, особенно представителей власти, и частичной утраты, не отличаются полнотой сведений. В Государственном архиве Ульяновской области (далее – ГАУО) такие документы, включая уголовные дела и материалы предварительных следствий по «преступлениям по расколу» [21, с. 148], переписки властных органов и официальных лиц разных уровней (включавшие в себя и статистические данные), прошения самих старообрядцев, можно обнаружить в фондах 1 (Симбирский Окружной суд), 76 (Канцелярия Симбирского губернатора), 88 (Симбирское Губернское правление), 108 (Прокурор Симбирского Окружного суда), 134 (Симбирская Духовная консистория) и других фондах. Причем эти материалы также содержат сведения о территориях Симбирской губернии, составляющих ныне другие субъекты России.

Результаты и обсуждения

Законодательные положения и правовая позиция государственных органов

Согласно секретному Циркуляру от 21 июля 1883 г. за № 525 за подписью министра внутренних дел, с которым ознакомились и губернские, и епархиальные власти, закон имел цель установить «на твердых основаниях» [9, л. 2] и общественную, и религиозную правоспособность староверов, прежде зависевшую «исключительно» от административных распоряжений. Важно было вместе с тем, разъяснялось также в Циркуляре, чтобы действия официальных лиц не производили впечатления, что «учениям, отклоняющимся от догматов Православной Церкви» [9, л. 2] как таковым дается послабление или оказывается покровительство.

Для старообрядческой общины молитвенный дом имел даже не огромное, а особенное [18, с. 121] значение: он служил не просто местом удовлетворения религиозных нужд в соответствии со старопечатными книгами, но также центром, поддерживавшим самобытное и независимое положение староверов определённых направлений. Для органов светской и духовной власти же, которые организовывали споры о догматических обоснованиях такой самобытности в официальные диспуты – собеседования, – сама по себе такая моленная считалась длительное время одним из содействующих «публичному оказательству раскола» [15, с. 45] факторов. И её обнаружение служило основанием для запуска уголовного преследования.

Мнение Государственного Совета от 3 мая 1883 г. регламентировало реализацию предоставленных староверам возможностей чинить и возобновлять молитвенные здания, обращать в них существующие строения. Первые две возможности осуществлялись с разрешения губернатора. Осуществление третьей возможности, – как сказано в пункте 8 Мнения, при отсутствии молелен в местностях со значительным старообрядческим населением – требовало уже разрешения министра внутренних дел и мнения губернатора. Право староверов на публичное богослужение в официально разрешенных для этого сооружениях предоставляло властям возможность не оставлять эту часть уклада староверов без надзора (признавалось, что никакие преследования, никакие запреты ни в какой степени строгости не смогут пресечь его существование [9, л. 2]).

Формально, на ответ влияли сведения от полицейских чинов и волостных правлений о численности старообрядцев на местах и об обстоятельствах, которые могут усилить влияние староверов на местное православное население; при разрешении ходатайств значительным был вес мнения приходского священника. Само наличие официально признанного молитвенного здания предоставляло старообрядческим общинам не только возможность легально совершать в нём общественные богослужения, но даже ставить над входом в моленную небольшие наддверные иконы и кресты, без риска оказаться под уголовным преследованием. Важным ограничением при этом был запрет на внешнее сходство здания с православным храмом.

Предполагалось также «во избежание недоразумений» [9, л. 3], установить отличия между официальными староверческими молитвенными домами и частными помещениями, в которых проходят молитвенные собрания (разделение на эти категории закреплено пунктом 5 Мнения Государственного Совета от 3 мая 1883 г.). Право на требы и богослужения в частных домах было лишь за старообрядческими семействами, которые в этих конкретных домах проживали [5, л. 21], и без изменения прямого назначения зданий. Представители светской и духовной власти также внимательно следили за тем, чтобы староверы не устраивали часовни во вновь выстроенных зданиях, не возводили постройки специально для устройства таковых – они обращали внимание, что Мнение Государственного совета этого не разрешало [1, л. 13].

Важно отметить еще одну установку, которую разделяли официальные лица Симбирской губернии и Симбирской епархии [4, л. 18]: «В строго официальном смысле слова раскольников нет» – есть подлежащие «по закону духовному увещеванию... совратившиеся в раскол» (при разборе ходатайств староверов, можно обнаружить, что многие из них действительно начинались с признания самих ходатаев, что они покинули Православную Церковь какое-то время назад). Поэтому старообрядческие молитвенные дома, даже – и тем более – официально разрешенные, по мнению представителей духовенства (с которым вполне соглашались представители светского начальства [6, л. 7]), могли не только затруднить обращение староверов в православие, но и, «скорее всего, утвердить их в мысли о правоте раскола» [6, л. 8].

При устроении же нелегальных молелен старообрядцами духовные консистории имели право, предусмотренное статьей 1006 Устава уголовного судопроизводства (при наличии признаков «совращения из православия» [19, с. 124]), обратиться к прокурорам окружных судов для начала предварительного расследования в отношении подозреваемых по статье 206 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (далее – Уложения о наказаниях). Она предполагала наказание в виде тюремного заключения от 3 до 8 месяцев, в т. ч. при наличии следующих условий:

- Исправление или возобновление приходящего в ветхость молитвенного здания (включая покрытие крыши новым тесом) без разрешения губернатора или начальника области;
- В перестройке молитвенного здания, изменяющей его наружный вид, без разрешения на таковую министра внутренних дел;
- В построении нового молитвенного здания или обращение в таковое существующего строения без разрешения министра внутренних дел.

Причем, сложившейся судебной практикой предполагалось, что наказанию староверы подлежали независимо от наличия фактов проведения в устроенной моленной служб, а также в случае приспособления выстроенной во дворе избы к публичному богослужению [21, с. 159] по их обрядам. Возможности приверженцев старообрядческих толков по осуществлению предоставленных им прав, осознанию их пределов и честному исполнению возложенных при этом ограничений нередко затруднялись отсутствием должного толкования от представителей местной власти (вопреки предписанию властей вышестоящих [9, л. 3]), что приводило к вольным и невольным нарушениям законодательства. Эти возможности зависели также от настроений местной власти [17] в отношении староверов. Тем самым, можно обнаружить, что в области осуществления религиозных потребностей приверженцы старообрядчества особенно ощущали свое по-прежнему подвешенное социальное состояние, что подтверждается приводимыми далее практическими случаями.

Практическая реализация норм религиозного законодательства

Следует отметить, что ходатайства старообрядцев в данном направлении предполагали, прежде всего, или легализацию фактически действовавших молелен, или обращение в них зданий и помещений обеспеченных староверов.

Сызранский мещанин Иван Матвеевич Ковалев, проживавший в селе Шереметьевке Сызранского уезда (ныне – село Свирино Новоспасского района Ульяновской области) и состоявший в Поморском Толке старообрядцев-беспоповцев с семьей в течение 23 лет, ходатайствовал с июня 1885 г. о разрешении построить молитвенный дом для местной общины. Во втором своем по счету ходатайстве на имя губернатора проситель пояснял, что богомоления община совершала в простой крестьянской избе, ставшей слишком ветхой для этого. И взамен ее выстроена такая же изба, и ее наружный вид в точности повторяет прежнюю, и на новом здании не будет крестов и колоколов. То есть, ходатай полагал, что поморы села Шереметьевки формально соблюдают требования пунктов 6-8 Мнения Государственного Совета от 3 мая 1883 г., и необходимо лишь разрешение уполномоченной власти на совершение общественных молитв в доме. От имени общины Иван Матвеевич даже попросил поручить слежение за «ненарушением общего правила благочиния общественного порядка... местной полиции» [5, л. 6].

По выяснении всех обстоятельств: дом был построен весной на огороде зятя Ковалева, Михаила Тучина, вне черты построек села, «на случай отделения кого-либо из имеющихся у него... сыновей женатых» [5, л. 9], – ходатайство было препровождено в Министерство Внутренних Дел. Оттуда поступило Отношение от 30 ноября 1885 г., в котором содержался отказ, в силу того же запрета возводить новые здания для устройства молелен. Но вместе с тем – и предоставление права поморской общине выбрать для обращения в молитвенный дом одно из жилых строений, приложив к новому прошению его соответствующие нормам план и фасад.

Впоследствии выяснилось, что здание на огороде Михаила Тучина изначально возводилось как молитвенное, – и за процессом строительства внимательно наблюдала вся Шереметьевка, не исключая ее православных священно- и церковнослужителей. При этом Иван Матвеевич Ковалев безуспешно пытался отговорить свою общину от осуществления задумки, искренне убежденный, что для постройки моленной старообрядцам необходимо разрешение правительства. А подобные прецеденты действительно имели место: например, незадолго до Высочайшего утверждения Мнения Государственного Совета от 3 мая 1883 г. министр внутренних дел позволил возвести каменную [18, с. 120] такую постройку приверженцам поповского Австрийского Толка в уездном городе Егорьевске Рязанской губернии.

Именно пренебрежение официальных лиц, особенно пристава 2-го стана, обязанностью разъяснить общине ее законные права, в принципе, довело ситуацию до уголовного разбирательства в Симбирском Окружном суде на основании статьи 206 Уложения о наказаниях. Из-за направленных прежде ходатайств, а также информации из Рапорта сызранского уездного исправника от 20 августа 1885 г. за № 1100, что члены общины «просили Ковалева [5, л. 9] уступить им вновь выстроенную избу под молитвенный дом», Иван Матвеевич Ковалев стал обвиняемым. Суд, впрочем, оправдал его – в том числе, потому что подсудимый не принимал никакого участия ни в найме, ни в вознаграждении строителей моленной [14, с. 27-28].

Далее можно привести два близких по характеру случая, имевших место в селах Жигули и Аскулы Сызранского уезда (ныне входят в Ставропольский район Самарской области).

Относительно первого случая будет нелишним упомянуть имевшее место в Жигулях в декабре 1883 г. собеседование с миссионером относительно таинства крещения. Были затронуты два вопроса. Первый касался перекрещивания переходящих к поморам православных (незаконного, как прямо было сказано во время диспута [10, л. 3]). Староверческая община Жигулей не отрицала, что ее приверженцы видят в приверженцах Православной Церкви еретиков 1-го чина, прием которых канонически требует совершения таинства (незаконного, с точки зрения и духовной власти, толковавшей в лице миссионеров понятие ересей 1-го чина по-своему, и уголовного законодательства – положений статьи 196 Уложения о наказаниях). Второй вопрос касался права мирян осуществлять крещение; на выдержку из старопечатной книги о повелении Христа крестить апостолам, не имевшим священства, контраргументом православной стороны стала выдержка из полемического сочинения старообрядца поповского направления.

Собственно, население Жигулей, в большинстве своем, не было расположено [14, с. 33] к местным поморцам. Местный православный священник (одновременно занимавший должность окружного благочинного), пользуясь этим обстоятельством и, что важнее, понимая, насколько трудно доказать эпизоды причинения староверами «вреда господствующей Церкви», организовал для подтверждения таких эпизодов своих прихожан. Что и позволило во время Великого поста 1887 г. обнаружить молитвенный дом местной поморской общины, сохранявшей конспирацию в течение почти десяти лет. Располагался он во дворе крестьянина Василия Михайловича Айдочкина и был построен его умершим дедом с тем, чтобы в одной из половин избы, отделенной от другой сенями, совершались службы.

После обнаружения моленной (и после того, как 28 апреля был объявлен законный отказ на прошение о строительстве нового здания [4, л. 7]), 20 мая община направила ходатайство на имя губернатора – в надежде получить разрешение официально использовать этот дом как молитвенный. Приложенный к прошению чертеж даже получил положительное мнение Симбирского Губернского правления [13, с. 115-116], а начальник губернии направил в Министерство Внутренних Дел свое представление, все необходимые для рассмотрения ходатайства сведения и документы. Однако пока прошение староверов достигало Симбирска, молитвенный дом был опечатан. Губернатор также согласился с выводами Сызранского уездного полицейского управления [4, л. 20], что помещение «служит исключительно для моления и сборища сектантов поморцев; внутри молельни ничего такого нет, чтобы показывало жилую избу...»

Василия Михайловича Айдочкина пытались привлечь к ответственности по статье 206 Уложения о наказаниях. Но Симбирский Окружной суд пришел к выводу о невиновности подсудимого, поскольку молитвенный дом был устроен его дедом как отдельное помещение от дома и двора и был завещан им не внуку, а обществу староверов («молитвенная половина») [2, л. 70] и «бедным» («жилая половина»). Примечательная деталь: во время предварительного следствия, 12 октября 1887 г., судебный следователь 3-го участка Сызранского уезда Н. Рождественский отметил, что данное дело не имело движения в течение месяца: в связи нахождением у него в производстве 33-х дел (по шесть – об убийствах и поджогах, по одному – о старых кражах и подделке серебряной монеты, и три дела – о растратах [2, л. 15]).

В селе Аскулах в 1892 г. было проведено предварительное следствие в связи с осуществлением несколькими годами ранее самовольной («не на планном месте» [8, л. 3]) постройки крестьянином Федором Ефимовичем Юдиным, покинувшим Православную Церковь старовером Спасова Согласия, деревянного крытого соломой дома с печью и сенями при ней на своем огороде позади двора. Полицейский урядник 2-го участка 1-го стана в своем акте от 12 апреля полагал, что строительство было осуществлено специально, «чтобы в данном доме собирались раскольники для моления, так как Юдин считается у раскольников за главного начетчика...» (Спасово Согласие также относится к беспоповскому направлению старообрядчества); обвинял он хозяина участка и в совершении «соблазнений православных в раскол». Обо всём этом в селе ходили упорные слухи, которые, скорее всего, сообщил уряднику местный священник. Утверждалось, что собрания проходят по большим праздникам параллельно богослужениям в православном храме.

Сам Юдин утверждал, что в летнее время изба «заменяет ему караулку сада – и более ничего, что постоянно находится на запоре, никем не обитается, что для богомоления никто в эту избу не заходит». Внешне изба не отличалась от крестьянских домов (особо отмечалось отсутствие над ней креста). Урядник и полицейский сотник из крестьян села Аскулы смогли в один из праздничных дней застать там самого Юдина и несколько его родственников за чтением, показавшимся старшему чину подозрительным – что и послужило формальным поводом для дознания и следствия. Гости Юдина, нужно сказать, смогли уйти из здания, когда официальные лица, заперев его снаружи, «ушли по другим делам». Никаких принадлежностей богослужения обнаружено не было (полицейский урядник показал лишь, что заметил две-три иконы в углу са-

мовольно построенной избы). Полицейский сотник (кроме того, что не видел «раскольничьих изображений») утверждал, что подозреваемый «живет по летам» в той самой «караулке» – которую обозначал в своих показаниях как «келью» [8, л. 9]. Установить точно, устроила ли община Спасова Согласия села Аскул незаконный молитвенный дом (тем более, установить эпизоды «соблазнения православных в раскол»), предварительное следствие так и не смогло. Судебный следователь только заметил несомненность собраний староверов в частной избе, обозначив их как «собеседования» [8, л. 10], которые не запрещались законом.

Весьма сходный с упомянутыми ранее случаями эпизод имел место в 1897 г. в деревне Сорокино Карсунского уезда (ныне – Живайкинское сельское поселение Барышского района Ульяновской области). В августе управляющий Х Кузоватовского удельного имения запретил местной крестьянской общины осуществлять захоронения на земле удельной дачи. Представители общества при объявлении им запрета сообщили, что это совершалось только местными староверами.

Конкретный толк не был указан в документах по возникшему вопросу (и под понятие «раскол» попадали также молокане, хлысты, скопцы и некоторые другие движения). Однако в Карсунском уезде, в целом, преобладали старообрядцы Спасова Согласия (57,97 % официальных и фактических староверов на 1904 г. [12, с. 27], и число приверженцев второго крупного толка в уезде, беспоповцев-федосеевцев, равнялось уже 15,5 %). Кроме того, сохранились сведения об избрании в 1886 г. на должность полицейского десятского крестьянина этой деревни (относившейся к Жадовской волости), приверженца именно Спасова Согласия [3, л. 46-47] Николая Павловича Ефимова. Дореволюционным исследователям старообрядчества был известен и обычай, принятый в этом толке, хоронить братьев и сестер по вере «где-нибудь в уединенном месте: лесу, овраге, – но ни в каком случае не на кладбище» [11, с. 21].

Дмитрий и Кирилл Грибовы (сын и отец, соответственно), скорее всего, тоже приверженцы Спасова Согласия, выразили перед сходом крестьянской общины деревни Сорокино желание отвести свою выкупленную землю под новое кладбище для последователей своего толка. Сход общества, ранее обязавшийся отвести для староверов землю под особое кладбище, не возражал и вынес специальный приговор, чтобы просители могли обратиться к властям; пристав 1-го стана Карсунского уезда также не высказал возражений, поскольку выделяемая земля была на законном расстоянии от селения. Возражение и отказ поступили из Симбирского Губернского Правления в ноябре 1897 г., которое вынесло резолюцию, что при организации «раскольничьих кладбищ» [7, л. 7] надлежит руководствоваться не общими положениями, а статьей 49 Устава о предупреждении и пресечении преступлений. В редакции 1890 г. она, вместе с пунктом 9 Мнения Государственного Совета от 3 мая 1883 г., предполагала [20, с. 81] отводить на общем, православном, кладбище отдельные места для умерших староверов. Сохранялось при этом за приверженцами одного с покойными направления право совершать молитвы по принятым у них обрядам (с пением, но без церковных облачений) и нести перед усопшим икону.

Выводы

Таким образом, можно заметить, исследуя материалы, оставшиеся от органов власти Симбирской губернии, что законодательная установка центральной власти, по которой религиозная и общественная правоспособность старообрядцев, определявшаяся прежде «исключительно административными распоряжениями», впредь должна иметь «твердые основания» [9, л. 2], не осуществлялась в должной степени. Степень благоприятного к староверам применения обновленных правовых положений и степень понимания староверами предоставленных им прав и наложенных ограничений, во многом, по-прежнему зависели от настроений представителей светских и духовных властей, а также представителей местного православного населения (настроения эти, в свою очередь, нередко зависели и от действий представителей старообрядческих общин, иной раз даже не пытавшихся соблюдать формальные требования законодательства).

Вместе с тем нельзя не отметить, что и сами обновленные правовые положения именно в сфере отправления старообрядцами духовных треб действительно отличались «неясностью, недосказанностью», отмеченной еще дореволюционными исследователями (уголовное право и вовсе оставалось суровым). Это сохранило в законодательстве дух предубеждения, настороженности к староверам, а также их подвешенное социальное положение. Но приведенные в данном исследовании сведения только подтверждают, что поддержание гражданского согласия, в т. ч. в религиозной сфере, требует учета множества факторов, а также взаимных стараний государства и общества уже в наше время.

Список источников

1. ГАУО. Ф. 1. Оп. 68. Д. 5.
2. ГАУО. Ф. 1. Оп. 69. Д. 5. Фонд Канцелярии симбирского губернатора.
3. ГАУО. Ф. 76. Оп. 3. Д. 68
4. ГАУО. Ф. 76. Оп. 3. Д. 74.
5. ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 126.
6. ГАУО. Ф. 76. Оп. 5. Д. 167. Фонд Симбирского Губернского Правления.
7. ГАУО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 1454. Фонд Прокурора Симбирского Окружного суда.
8. ГАУО. Ф. 108. Оп. 23. Д. 84. Фонд Симбирской Духовной консистории.
9. ГАУО. Ф. 134. Оп. 7. Д. 381
10. ГАУО. Ф. 134. Оп. 7. Д. 386
11. Введенский С.И. Исторический очерк раскола старообрядчества и сектантства в Симбирской губернии с приложением сведений о состоянии их в настоящее время. Симбирск: Типо-литография А.Т. Токарева, 1907. [2], II, 159 с.
12. Виноградов А.А. Старообрядцы Симбирско-Ульяновского Поволжья середины XIX – первой трети XX в.: Монография. Ульяновск: УВАУ ГА (И), 2009. 186 с.
13. Ильин И.А. Положение старообрядцев Симбирского края в рамках религиозной ситуации в Российской Империи // Интеллигенция и мир. 2025. № 1. С. 104 – 127.
14. Ильин И.А. Староверы Симбирской губернии: особенности взаимодействия с обществом в свете религиозной политики Александра III // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2025. № 1 (43). С. 15 – 42.
15. Ильин В.Н., Зеленин Ю.А. Государственно-правовое регламентирование функционирования староверческих молитвенных домов на территории Томской губ. в XIX – начале XX в. // Известия АлтГУ. 2018. № 5 (103). С. 44 – 49.
16. Кувайцев Н.Г. Новые законы о раскольниках // Юридический вестник, 1886. № 4 (Т. XXI, кн. 4). С. 770 – 780.
17. Кудрявцева Л. Даровать ли раскольникам некоторые права? // Портал «Русская вера». 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://ruvera.ru/articles/darovatj_li_rasoljnikam_prava (дата обращения 15.12.2025)
18. Савинцев В.А. Старообрядчество Рязанской губернии в контексте государственной конфессиональной политики в середине XIX – начале XX в.: дис. … канд. ист. наук (на правах рукописи): 5.6.1. Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2021. 207 с.
19. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. [Б. м. : Б. и., 1864]. 455 с. разд. паг.
20. Сборник законов о расколе и сектантах, разъясненных решениями Правительствующего Сената и Святейшего Синода / сост. Д.В. Чичинадзе. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Типография Д.В. Чичинадзе, 1899. [2], VI, 165 с.
21. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / сост. Н.С. Таганцев. 5-е изд., доп. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1886. [4], 774 с.

References

1. GAUO. F. 1. Op. 68. D. 5.
2. GAUO. F. 1. Op. 69. D. 5. Fund of the Office of the Simbirsk Governor.
3. GAUO. F. 76. Op. 3. D. 68
4. GAUO. F. 76. Op. 3. D. 74.
5. GAUO. F. 76. Op. 5. D. 126.
6. GAUO. F. 76. Op. 5. D. 167. Fund of the Simbirsk Provincial Government.
7. GAUO. F. 88. Op. 2. D. 1454. Fund of the Prosecutor of the Simbirsk District Court.
8. GAUO. F. 108. Op. 23. D. 84. Simbirsk Spiritual Consistory Fund.
9. GAUO. F. 134. Op. 7. D. 381
10. GAUO. F. 134. Op. 7. D. 386
11. Vvedensky S.I. Historical essay on the schism of Old Believers and sectarianism in Simbirsk province with appended information on their current status. Simbirsk: Typo-lithography of A.T. Tokarev, 1907. [2], II, 159 p.
12. Vinogradov A.A. Old Believers of the Simbirsk-Ulyanovsk Volga Region in the mid-19th – first third of the 20th century: Monograph. Ulyanovsk: UVAU GA (I), 2009. 186 p.

13. Ilyin I.A. The Position of the Old Believers of the Simbirsk Region in the Context of the Religious Situation in the Russian Empire. Intelligentsia and the World. 2025. No. 1. P. 104 – 127.

14. Ilyin I.A. Old Believers of the Simbirsk Province: Features of Interaction with Society in Light of the Religious Policy of Alexander III. State, Religion, and Church in Russia and Abroad. 2025. No. 1 (43). P. 15 – 42.

15. Ilyin V.N., Zelenin Yu.A. State and Legal Regulation of the Functioning of Old Believer Prayer Houses in the Territory of Tomsk Province in the 19th – Early 20th Centuries. Izvestiya of Altai State University. 2018. No. 5 (103). P. 44 – 49.

16. Kuvaitsev N.G. New Laws on Schismatics. Legal Bulletin, 1886. No. 4 (Vol. XXI, Book 4). P. 770 – 780.

17. Kudryavtseva L. Should Schismatics Be Granted Certain Rights? Portal "Russian Faith". 2022. [Electronic resource]. URL: https://ruvera.ru/articles/darovatj_li_rasoljnikam_prava (date of access: 12.15.2025)

18. Savintsev V.A. Old Believers of the Ryazan Province in the Context of State Confessional Policy in the Mid-19th – Early 20th Centuries: Diss. … Cand. of History (manuscript): 5.6.1. Ryazan: Ryazan State University named after S.A. Yesenin, 2021. 207 p.

19. Judicial Statutes of November 20, 1864. [B. m.: B. i., 1864]. 455 p. sec. pag.

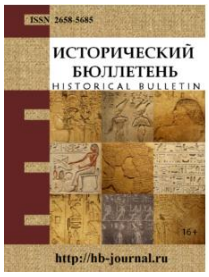
20. Collection of Laws on Schism and Sectarians, Explained by Decisions of the Governing Senate and the Holy Synod. compiled by D. V. Chichinadze. 2nd ed., corr. and add. St. Petersburg: D.V. Chichinadze Printing House, 1899. [2], VI, 165 p.

21. Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885. compiled by N.S. Tagantsev. 5th ed., add. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Printing House, 1886. [4], 774 p.

Информация об авторе

Ильин И.А., аспирант, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-4986-5123, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, il.ivan2015@yandex.ru

© Ильин И.А., 2026



Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(470.324)
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-227-233

Развитие высших учебных заведений Воронежской губернии в 1900-1925 годах и их роль в формировании профессиональной интеллигенции региона

[1] *Петросян М.А.,*
[1] *Центральный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева*

Аннотация: в статье представлен историко-правовой и историко-генетический анализ развития сети высших учебных заведений на территории Воронежской губернии в первой четверти XX столетия и их вклада в формирование региональной профессиональной интеллигенции. Хронологические рамки 1900-1925 годов охватывают позднеимперский этап функционирования учительских институтов и сельскохозяйственного института, переломный момент эвакуации Юрьевского университета в феврале 1918 года и его институционализации как Воронежского государственного университета, а также реформу высшей школы 1921-1923 годов, осуществлявшуюся в логике Положения о высших учебных заведениях РСФСР. Эмпирическую основу исследования составили опубликованные делопроизводственные источники (протоколы Совета Воронежского государственного университета, отчёты Наркомпроса РСФСР, материалы губернских органов народного образования), статистические сборники и материалы региональной периодической печати. Применение элементов просопографического анализа применительно к профессорско-преподавательскому составу позволило выявить миграционные траектории академического сообщества и реконструировать сетевую структуру межуниверситетских связей. Показано, что параллельность формирования различных типов вузов – университета, сельскохозяйственного и медицинского институтов – определяется не только институциональной логикой, но и социокультурными факторами, включая пространственное размещение учебных заведений в городской среде. Обосновано, что качественный аспект подготовки специалистов остаётся наименее изученным сегментом региональной образовательной истории, а механизмы горизонтальной мобильности выпускников между губернией и сопредельными регионами требуют дальнейшего изучения средствами биографического и сетевого анализа.

Ключевые слова: высшее образование, Воронежская губерния, профессиональная интеллигенция, Воронежский государственный университет, Юрьевский университет, реформа высшей школы, просопография, история образования

Для цитирования: *Петросян М.А. Развитие высших учебных заведений Воронежской губернии в 1900-1925 годах и их роль в формировании профессиональной интеллигенции региона // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 227 – 233. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-227-233*

Поступила в редакцию: 11 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

The development of higher education institutions of the Voronezh governorate in 1900-1925 and their role in the formation of the regional professional intelligentsia

[1] Petrosyan M.A.,
[1] Central branch of the V.M. Lebedev Russian State University of Justice

Abstract: the article presents a historical-legal and historical-genetic analysis of the development of the network of higher education institutions on the territory of the Voronezh governorate in the first quarter of the twentieth century and their contribution to the formation of the regional professional intelligentsia. The chronological framework of 1900-1925 covers the late imperial stage of the functioning of teachers' institutes and the agricultural institute, the turning point of the evacuation of Yuryev University in February 1918 and its institutionalization as Voronezh State University, as well as the reform of higher education of 1921-1923, carried out within the logic of the Regulation on Higher Education Institutions of the RSFSR. The empirical basis of the study comprises published office-records sources (minutes of the Council of Voronezh State University, reports of the People's Commissariat of Education of the RSFSR, materials of provincial public education bodies), statistical compendiums, and materials of the regional periodical press. The application of elements of prosopographic analysis to the teaching staff has made it possible to identify the migration trajectories of the academic community and to reconstruct the network structure of inter-university connections. It is shown that the parallelism of the formation of various types of higher education institutions – the university, the agricultural institute, and the medical institute – is determined not only by institutional logic, but also by sociocultural factors, including the spatial placement of educational institutions in the urban environment. It is substantiated that the qualitative aspect of specialist training remains the least studied segment of regional educational history, and the mechanisms of the horizontal mobility of graduates between the governorate and adjacent regions require further study by means of biographical and network analysis.

Keywords: higher education, Voronezh governorate, professional intelligentsia, Voronezh State University, Yuryev University, reform of higher education, prosopography, history of education

For citation: *Petrosyan M.A. The development of higher education institutions of the Voronezh governorate in 1900-1925 and their role in the formation of the regional professional intelligentsia. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 227 – 233. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-227-233*

The article was submitted: April 11, 2026; Approved after reviewing: May 9, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Формирование сети высших учебных заведений на территории Воронежской губернии в первой четверти XX столетия протекало в условиях, которые – при ретроспективном анализе – обнаруживают внутреннюю противоречивость между декларируемыми образовательными задачами и реальными институциональными возможностями провинциального региона. Университетский вопрос для Воронежа оставался нерешённым на протяжении всего дореволюционного периода, несмотря на неоднократные ходатайства городской думы и земских собраний; эвакуация Юрьевского (бывшего Дерптского) университета в 1918 г. радикально изменила конфигурацию образовательного пространства губернии, однако обстоятельства этой трансформации, детерминированные военно-политической конъюнктурой, а не планомерной образовательной политикой, наложили специфический отпечаток на весь последующий процесс институционализации высшей школы в регионе [7]. В специализированной литературе отсутствует консенсус относительно того, в какой мере эвакуационное происхождение воронежского университета предопределило кадровый состав, академические традиции и – шире – габитус формировавшейся профессиональной интеллигенции. Ряд исследователей (в частности, А.Н. Акиньшин) акцентирует преемственность юрьевских научных школ, тогда как другие – среди них С.И. Филоненко – полагают разрыв более существенным, нежели принято считать.

Дискуссионным остаётся и вопрос о хронологических рамках собственно «учредительного» периода воронежской высшей школы. Если ограничивать его 1918 г., за пределами анализа оказываются попытки создания сельскохозяйственного института, предпринимавшиеся ещё в 1912-1913 гг. при содействии губернского агронома и при поддержке Воронежского общества сельского хозяйства; усечение же верхней грани-

цы 1921 г. элиминирует из рассмотрения реформу 1923-1924 гг., когда произошло организационное размежевание факультетов и выделение самостоятельных институтов – процесс, имевший далеко идущие последствия для профессиональной стратификации региональной интеллигенции [3]. Предложенная конструкция хронологических рамок (1900-1925) нуждается в дополнительной апробации на материале архивных источников, поскольку известные публикации опираются преимущественно на делопроизводственную документацию губернского уровня, оставляя практически неисследованным массив ведомственной переписки Наркомпроса РСФСР за 1920-1925 гг. Расхождения в толковании самого понятия «профессиональная интеллигенция» между историками и социологами – где первые, вслед за В.Р. Лейкиной-Свирской, делают акцент на образовательном цензе, а вторые используют категорию социальной функции – дополнительно осложняют концептуализацию проблемы.

Материалы и методы исследований

Исследование опирается на историко-правовой и историко-генетический методы, дополненные элементами просопографического анализа (в части реконструкции профессорского корпуса), сравнительно-исторического сопоставления образовательных моделей дореволюционного и раннесоветского периодов, а также контент-анализа нормативных актов Наркомпроса РСФСР, регулировавших деятельность высших учебных заведений в 1918-1925 гг. Формально-юридический метод применён для разбора положений Университетского устава 1884 г., декрета СНК РСФСР «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учёных и высших учебных заведений Российской Республики» от 1 октября 1918 г. и последующих подзаконных актов, определявших правовой статус, структуру управления и порядок комплектования вузов [1].

Эмпирическую основу составили опубликованные делопроизводственные источники – протоколы заседаний Совета Воронежского государственного университета за 1918-1924 гг., отчёты ректора, ведомости о численности студентов и преподавателей, а также материалы периодической печати («Воронежская коммуна», «Известия Воронежского губисполкома»). Привлечены статистические данные Центрального статистического управления РСФСР о сети высших учебных заведений за 1920-1925 гг., позволяющие контекстуализировать воронежский случай на фоне общероссийских тенденций. Временной горизонт анализа охватывает период 1900-1925 гг., при этом основной массив источников относится к 1918-1925 гг.; дореволюционные материалы (земские ходатайства, журналы заседаний городской думы) привлекаются для демонстрации предыстории и генезиса университетского проекта [5].

Результаты и обсуждения

Дореволюционный период развития высшего образования в Воронежской губернии характеризуется парадоксальным сочетанием устойчивого общественного запроса на университет и столь же устойчивого отказа центральной власти этот запрос удовлетворить. Ходатайства Воронежской городской думы – в 1902 г., повторно в 1909 г., затем (уже в условиях военного времени) в 1915 г. – наталкивались на бюрократические препятствия, обусловленные не только финансовыми соображениями, но и имплицитной логикой Университетского устава 1884 г., концентрировавшего ресурсы в пределах существующей университетской сети. Воронеж не вошёл в число городов, для которых III Государственная дума рассматривала университетские проекты. Между тем к 1913 г. губерния располагала достаточно развитой инфраструктурой средних специальных учебных заведений – кадетский корпус, духовная семинария, учительский институт, реальное училище, – формировавших абитуриентский контингент, который вынужденно мигрировал в Харьков, Москву, Казань [4]. Этот отток, фиксируемый в земской статистике, косвенно свидетельствует о потенциале, остававшемся нереализованным вплоть до 1918 г.

Решающим событием стала эвакуация Юрьевского университета, предпринятая в феврале 1918 г. ввиду германской оккупации Эстляндии и оформленная декретом СНК РСФСР от 1 октября 1918 г. о преобразовании Юрьевского университета в Воронежский государственный университет. Формально-юридическая сторона этого акта заслуживает внимания: декрет не учреждал новый университет, а переименовывал и перемещал существующий, сохраняя правопреемство в отношении имущества, библиотечных фондов, учебных коллекций. Профессорско-преподавательский состав, прибывший из Юрьева, насчитывал – по данным, приводимым А.Н. Акиньшиным, – около 39 профессоров и доцентов; однако к осени 1918 г. значительная часть из них не добралась до Воронежа или задержалась в пути (некоторые остались в Прибалтике, другие оказались в Москве). Реальная численность юрьевских преподавателей, приступивших к работе в первом семестре, по всей видимости, не превышала двух десятков. Этот кадровый дефицит обусловливал привлечение местных специалистов – врачей губернской земской больницы, преподавателей учительского инсти-

тута, юристов окружного суда, – формируя гетерогенный по происхождению и академическим традициям преподавательский корпус.

Институциональная структура университета в первые годы существования претерпевала стремительные трансформации, детерминированные как внутренней логикой академического строительства, так и внешними директивами Наркомпроса. В 1918-1919 гг. функционировали четыре факультета – историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский. Гражданская война, однако, внесла радикальные коррективы. Занятие Воронежа войсками генерала Шкуро в сентябре-октябре 1919 г. привело к эвакуации части профессуры и студентов; после освобождения города учебный процесс возобновился в условиях разрушенной материальной базы, дефицита отопления и продовольствия [8]. Протоколы заседаний Совета университета за январь-март 1920 г. фиксируют обсуждение вопроса о прекращении занятий ввиду невозможности обогрева аудиторий, причём ректор Н.Н. Бурденко (впоследствии – основоположник советской нейрохирургии) настаивал на продолжении работы в сокращённом формате. Этот эпизод иллюстрирует характерную для раннесоветского периода коллизию между нормативными требованиями к организации учебного процесса и фактическими условиями его осуществления.

Параллельно университету в Воронеже формировались иные высшие учебные заведения – и эта параллельность заслуживает отдельного рассмотрения. Сельскохозяйственный институт, проект которого обсуждался ещё в дореволюционный период, был официально учреждён в 1913 г. как Воронежский сельскохозяйственный институт имени Петра Великого, однако полноценно приступил к работе лишь в 1917 г.; в 1920 г. он вошёл в состав университета на правах агрономического факультета, а в 1923 г. вновь обрёл самостоятельность. Эта институциональная пульсация – выделение, поглощение, повторное выделение – характерна не только для Воронежа; аналогичные процессы протекали в Саратове, Самаре, Перми [10]. Вместе с тем воронежский случай имеет специфику: сельскохозяйственный институт опирался на разветвлённую сеть опытных полей и станций, созданных земством, и в этом смысле обладал эмпирической базой, которой университет в целом был лишён. Преподавательский состав агрономического факультета формировался преимущественно из выпускников Московского сельскохозяйственного института (Петровской академии), привнося иную академическую культуру, нежели юрьевская. Данное обстоятельство, вероятно, детерминировало известную автономность агрономов внутри университетской корпорации и облегчило последующее организационное обособление.

Реформа высшей школы 1921-1923 гг. – инициированная Положением о высших учебных заведениях РСФСР, утверждённым декретом СНК от 2 сентября 1921 г. – преобразовала систему управления вузами, ликвидировав выборность ректора и передав значительные полномочия правлению, формируемому при участии Наркомпроса и профсоюзных организаций. Для Воронежского университета это означало, в частности, утрату профессорской корпорацией контроля над кадровой политикой; решения о замещении кафедр стали приниматься с учётом «классового состава» кандидатов, хотя на практике – ввиду острого дефицита квалифицированных специалистов – социальное происхождение нередко отступало на второй план перед профессиональной компетентностью [2]. Здесь обнаруживается расхождение между нормативной моделью, закреплённой в актах Наркомпроса, и реальной кадровой практикой, документированной в протоколах факультетских заседаний. Исследование Е.Ю. Прокофьевой на материале личных дел преподавателей ВГУ за 1920-1925 гг. корроборирует этот тезис: из 47 профессоров и доцентов, работавших в университете в 1924 г., лишь четверо имели пролетарское или крестьянское происхождение – остальные принадлежали к дворянству, духовенству или мещанству.

Роль высших учебных заведений Воронежской губернии в формировании профессиональной интеллигенции региона не сводится к количественным параметрам выпуска специалистов – хотя и они показательны. Первый полноценный выпуск ВГУ состоялся в 1922 г.; к 1925 г. университет и выделившиеся из него институты подготовили, по разным оценкам, от 800 до 1 100 специалистов с высшим образованием – врачей, агрономов, педагогов, юристов [6]. Расхождение оценок объясняется различиями в критериях: одни авторы учитывают только лиц, получивших диплом установленного образца, другие включают «практикантов», прошедших сокращённый курс обучения на рабочих факультетах. Рабфак при ВГУ, открытый в 1920 г., заслуживает специального упоминания: он выполнял не столько образовательную, сколько социально-мобилизационную функцию, обеспечивая доступ к высшему образованию выходцам из рабочей и крестьянской среды, не имевшим аттестата зрелости. К 1924 г. рабфаковцы составляли, по данным отчёта ректора, около трети студенческого контингента – пропорция, существенно менявшая социальный профиль формируемой интеллигенции по сравнению с дореволюционными проектами.

Качественный аспект подготовки специалистов, между тем, остаётся наименее изученным. Программы обучения на медицинском факультете ВГУ в 1918-1921 гг. воспроизводили юрьевскую модель, ориентиро-

ванную на немецкую академическую традицию; переход к советским учебным планам в 1923-1924 гг. сопровождался сокращением курсов латинского языка и введением обществоведческих дисциплин, однако клиническая подготовка – благодаря доступу к базе губернской больницы – сохранялась на уровне, позволявшем выпускникам практиковать самостоятельно. Иная картина складывалась на юридическом факультете, ликвидированном в 1919 г. и преобразованном в факультет общественных наук (ФОН): здесь разрыв с дореволюционной традицией преподавания гражданского и уголовного права оказался значительно глубже, а новая программа, включавшая политическую экономию и исторический материализм, формировала специалиста принципиально иного профиля. Этот контраст – между относительной устойчивостью естественнонаучных и медицинских дисциплин и радикальной трансформацией гуманитарных и правовых – составляет, по всей видимости, одну из ключевых характеристик периода, хотя в литературе он анализируется преимущественно на столичном материале, а воронежский случай привлекается лишь эпизодически [9].

Отдельного внимания заслуживает проблема пространственного размещения вузов и его влияния на городскую среду. Университет занял здания бывшего Михайловского кадетского корпуса на улице Большой Дворянской – выбор, продиктованный не педагогической целесообразностью, а наличием пригодных помещений. Сельскохозяйственный институт располагался на окраине, вблизи опытных полей. Рассредоточение учебных площадок порождало логистические трудности – студенты-медики, посещавшие занятия в анатомическом театре на территории губернской больницы, тратили значительное время на перемещение; библиотечные фонды, эвакуированные из Юрьева, хранились в неприспособленных помещениях и частично были утрачены в ходе событий 1919 г. Материальный контекст образовательного процесса, обычно выносимый за скобки институциональной истории, представляет не лишённый оснований предмет для отдельного исследования – тем более что именно он, а не академические программы, нередко определял практическую эффективность подготовки специалистов.

Выводы

Не вполне очевидным, но существенным итогом проведённого анализа выступает обнаружение структурной неоднородности процессов формирования высшей школы в губернии – неоднородности, прослеживаемой одновременно по нескольким осям: кадровой (юрьевские профессора versus местные специалисты-практики), институциональной (университет как единый центр versus сеть специализированных институтов) и дисциплинарной, где траектории естественнонаучных и гуманитарных факультетов разошлись уже к 1921-1922 гг. Именно это расхождение, а не количественные параметры выпуска, предопределило неоднородность самой профессиональной интеллигенции, складывавшейся в регионе. Врачебное сообщество сохраняло связь с дореволюционными клиническими традициями – в силу преемственности базовых практик. Агрономы формировались в относительной автономии от университетской корпорации. Юристы же фактически утратили преемственность, получив образование в рамках радикально переформатированных программ.

Вместе с тем сохраняется лакуна, которую настоящее исследование лишь обозначает: механизмы горизонтальной мобильности выпускников воронежских вузов – их распределение по уездам губернии, миграция в соседние регионы, возвращение (или невозвращение) в сельскую местность – остаются практически неизученными из-за фрагментарности источниковой базы. Проблема не решена. Доступные протоколы распределительных комиссий за 1923-1925 гг. покрывают лишь медицинский факультет; для остальных специальностей вопрос о том, где именно и в каком качестве работали первые поколения воронежской интеллигенции – в губернском центре или в провинциальной глубинке, в государственных учреждениях или в кооперации, – требует архивного поиска, выходящего за пределы использованного корпуса источников (отметим попутно, что аналогичная проблема существует и для саратовского, и для пермского случаев, где университеты возникли примерно в тот же период).

Финансирование

Исследование выполнено в рамках работы по теме «Развитие высших учебных заведений Воронежской губернии в 1900-1925 годах и их роль в формировании профессиональной интеллигенции региона»

Список источников

1. Жегульская Т.Ю. Организация народных университетов в России в начале XX века (на материалах Воронежской губернии) // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 88-2. С. 101 – 104.

2. Карпачев М.Д. Из истории высшего образования в Воронежской губернии в начале 1920-х годов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2025. № 2. С. 104 – 111.

3. Григорова В.А. Из истории ремесленного образования в Воронежской губернии в конце XIX – начале XX вв // Современная научная мысль. 2024. № 5. С. 84 – 88.

4. Горбенко Н.И., Золкина С.А., Мухортова М.Е. К 145-летию филиала Ростовского государственного университета путей сообщения в г. Воронеже // Техник транспорта: образование и практика. 2023. Т. 4. № 4. С. 434 – 440.

5. Зверков Е.А., Савицкий Н.М. Образовательная подготовка милиционеров Центрального Черноземья в начале 1920-х гг // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 6. С. 1553 – 1567.

6. Кабытова Н.Н., Мистрюгов П.А. Социокультурные практики адаптации медицинской интеллигенции в годы Гражданской войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2025. Т. 31. № 1. С. 68 – 79.

7. Хабибрахманова О.А. Советские дома ученых: практики освоения советского культурного пространства вузовской интеллигенцией 1920-1930-х годов // Вестник Чувашского университета. 2021. № 4. С. 158 – 164.

8. Хабибрахманова О.А. Революционное наступление на "свободу образования", или пролетарское прочтение общественных дисциплин в 1920-е годы: от замыслов до реализации // Вестник Чувашского университета. 2021. № 2. С. 212 – 219.

9. Короткова М.С. Советская студенческая интеллигенция и общественный договор: проблемы принятия и участия (1917-1929 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2024. № 3. С. 35 – 46.

10. Лобанова О.Б., Шмульская Л.С., Плеханова Е.М., Цыганкова В.А. Просветительские практики преподавателей советской вышей школы и их вклад в развитие регионального образовательного пространства // Преподаватель XXI век. 2025. № 2-2. С. 227 – 239.

References

1. Zhegulskaya T.Yu. Organization of People's Universities in Russia at the Beginning of the 20th Century (Based on the Voronezh Province). Trends in the Development of Science and Education. 2022. No. 88-2. P. 101 – 104.

2. Karpachev M.D. From the History of Higher Education in the Voronezh Province in the Early 1920s. Bulletin of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education. 2025. No. 2. P. 104 – 111.

3. Grigorova V.A. From the History of Vocational Education in the Voronezh Province in the Late 19th – Early 20th Centuries. Modern Scientific Thought. 2024. No. 5. P. 84 – 88.

4. Gorbenko N.I., Zolkina S.A., Mukhortova M.E. On the 145th Anniversary of the Voronezh Branch of the Rostov State Transport University. Transport Technician: Education and Practice. 2023. Vol. 4. No. 4. P. 434 – 440.

5. Zverkov E.A., Savitsky N.M. Educational Training of Police Officers in the Central Black Earth Region in the Early 1920s. Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2023. Vol. 28. No. 6. P. 1553 – 1567.

6. Kabytova N.N., Mistryugov P.A. Sociocultural Practices of Adaptation of the Medical Intelligentsia During the Civil War. Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology. 2025. Vol. 31. No. 1. P. 68 – 79.

7. Khabibrakhmanova O.A. Soviet Houses of Scientists: Practices of Mastering the Soviet Cultural Space by the University Intelligentsia in the 1920s-1930s. Bulletin of the Chuvash University. 2021. No. 4. P. 158 – 164.

8. Khabibrakhmanova O.A. Revolutionary Offensive on the "Freedom of Education," or a Proletarian Reading of Social Disciplines in the 1920s: From Plans to Implementation. Bulletin of the Chuvash University. 2021. No. 2. P. 212 – 219.

9. Korotkova M.S. Soviet student intelligentsia and the social contract: problems of acceptance and participation (1917-1929). Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Philosophy. Sociology. Art Criticism. 2024. No. 3. P. 35 – 46.

10. Lobanova O.B., Shmulskaya L.S., Plekhanova E.M., Tsygankova V.A. Educational practices of Soviet higher education teachers and their contribution to the development of the regional educational space. Teacher of the 21st century. 2025. No. 2-2. P. 227 – 239.

Информация об авторе

Петросян М.А., преподаватель, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, petrosyan.margarita2015@yandex.ru

© Петросян М.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(47).083
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-234-240

Кризис самодержавной системы и трансформация государственного устройства России в годы Первой мировой войны и революционных потрясений (1914-1918)

[1] Шкурат П.А.,
[1] Липецкий казачий институт технологий и управления, филиал Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

Аннотация: в статье представлен комплексный историко-правовой анализ воздействия Первой мировой войны на кризис самодержавной системы и трансформацию государственного устройства Российской империи в 1914-1918 годах. Хронологические рамки исследования охватывают период от объявления общей мобилизации в июле 1914 года до принятия Конституции РСФСР в июле 1918 года, что позволяет проследить полный цикл трансформации – от попыток адаптации самодержавия к условиям современной индустриальной войны через Февральскую революцию и период двоевластия к радикальной смене государственно-правовой парадигмы после октябрьских событий 1917 года. Источниковую базу составили опубликованные документальные комплексы, отражающие деятельность Государственной думы, Совета министров, Ставки Верховного главнокомандующего и Прогрессивного блока, материалы периодической печати военных лет, а также эпистолярное наследие и мемуары участников событий. Методологическую основу составляют историко-генетический и историко-сравнительный методы, дополненные элементами просопографического анализа и проблемно-хронологическим построением материала. Военный фактор рассматривается как катализатор накопленных социально-экономических, национально-территориальных и социокультурных противоречий, а не как самостоятельная первопричина крушения империи. Реконструирована динамика правовой трансформации – от Основных государственных законов 1906 года через распорядительные документы Временного правительства к Конституции РСФСР, заложившей принципиально иную модель государственного устройства, основанную на классовом принципе и системе советов.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, самодержавие, кризис государственного управления, Февральская революция, Прогрессивный блок, Временное правительство, Октябрьская революция, Конституция РСФСР 1918 года, государственно-правовая трансформация

Для цитирования: *Шкурат П.А. Кризис самодержавной системы и трансформация государственного устройства России в годы Первой мировой войны и революционных потрясений (1914-1918) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 234 – 240. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-234-240*

Поступила в редакцию: 11 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

The crisis of the autocratic system and the transformation of the state structure of Russia during the First World War and the revolutionary upheavals (1914-1918)

[1] Shkurat P.A.,
[1] Lipetsk Cossack Institute of Technology and Management (branch) of K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (the First Cossack University)

Abstract: the article presents a comprehensive historical-legal analysis of the impact of the First World War on the crisis of the autocratic system and the transformation of the state structure of the Russian Empire in 1914-1918. The chronological framework of the study covers the period from the declaration of general mobilization in July 1914 to the adoption of the RSFSR Constitution in July 1918, which makes it possible to trace the full cycle of transformation – from attempts of the autocracy to adapt to the conditions of modern industrial warfare through the February Revolution and the period of dual power to the radical shift of the state-legal paradigm after the October events of 1917. The source base comprises published documentary corpora reflecting the activities of the State Duma, the Council of Ministers, the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief, and the Progressive Bloc, materials of the wartime periodical press, and the epistolary legacy and memoirs of participants in the events. The methodological basis comprises the historical-genetic and historical-comparative methods, supplemented by elements of prosopographic analysis and the problem-chronological structuring of the material. The military factor is considered as a catalyst of accumulated socio-economic, national-territorial, and sociocultural contradictions, rather than as an independent root cause of the collapse of the empire. The dynamics of the legal transformation is reconstructed – from the Fundamental State Laws of 1906 through the regulatory documents of the Provisional Government to the RSFSR Constitution, which laid the foundation for a fundamentally different model of state structure based on the class principle and the system of soviets.

Keywords: First World War, Russian Empire, autocracy, crisis of public administration, February Revolution, Progressive Bloc, Provisional Government, October Revolution, RSFSR Constitution of 1918, state and legal transformation

For citation: *Shkurat P.A. The crisis of the autocratic system and the transformation of the state structure of Russia during the First World War and the revolutionary upheavals (1914-1918). Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 234 – 240. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-234-240*

The article was submitted: April 11, 2026; Approved after reviewing: May 9, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Первая мировая война стала одним из наиболее значимых событий начала XX столетия, радикально изменившим политический ландшафт Европы и приведшим к крушению нескольких многовековых империй. Для Российской империи участие в этом глобальном вооружённом конфликте обернулось не только колоссальными человеческими и материальными потерями, но и обнажило глубинные противоречия самодержавной модели управления, накопившиеся за предшествующие десятилетия [4]. Военная катастрофа стала катализатором тех процессов, которые подспудно развивались в обществе с конца XIX века и которые ранее правящая элита пыталась купировать половинчатыми реформами и репрессивными мерами. Понимание механизмов этой трансформации требует обращения к комплексному анализу политических, социально-экономических и культурных факторов, действовавших в военные годы.

К началу мирового конфликта Российская империя находилась в сложном состоянии: с одной стороны, наблюдался экономический рост, проходила столыпинская аграрная реформа, развивалась промышленность; с другой – сохранялись острые социальные противоречия, нерешённый аграрный вопрос, межнациональные напряжения и принципиальный конфликт между требованиями модернизации общественной жизни и архаичной формой верховной власти [2]. Опыт революции 1905–1907 годов показал, что самодержавная система демонстрирует исчерпание адаптивных возможностей, а созданный по итогам тех событий механизм взаимодействия монарха и представительных учреждений оставался во многом декоративным. Манифест 17 октября 1905 года и Основные государственные законы 1906 года формально закрепили начала конституционализма, однако реальная политическая практика свидетельствовала о стремлении сохранить прежний порядок управления в существенных его чертах [7].

Война обнажила несоответствие военно-административных, хозяйственных и мобилизационных возможностей империи задачам современного индустриального противостояния. Затяжной характер конфликта, переход экономик воюющих держав на тотальные рельсы и трансформация общественных настроений превратили войну в проверку устойчивости политических систем. Перед российской властью встал вопрос не только о победе на фронте, но и о способности государства реорганизовать собственные институты под требования новой эпохи. Неудачи на полях сражений, кризисы снабжения, инфляция и нарастающее недовольство широких слоёв населения подрывали легитимность правящей династии быстрее, чем любая революционная пропаганда довоенных лет [9]. Вместе с тем именно эти процессы породили альтернативные центры власти – общественные организации, военно-промышленные комитеты, земские и городские союзы, – которые впоследствии стали основой нового государственного устройства.

Изучение взаимосвязи военного фактора и кризиса монархии открывает возможность для более глубокого осмысления закономерностей крушения традиционных политических систем под воздействием экстремальных внешних обстоятельств. Историографическая традиция, сложившаяся за столетие после описываемых событий, накопила значительный массив интерпретаций – от концепций «обречённости» самодержавия до представлений о случайностном характере его падения [1]. Современный исследовательский подход требует выхода за рамки этой дихотомии и обращения к структурному анализу институтов, элит и массовых настроений военного периода. Особый интерес представляет последовательность преобразований государственного устройства, начавшаяся в феврале-марте 1917 года и продолжавшаяся вплоть до завершения Гражданской войны, поскольку именно в этот период закладывались основы той политической конфигурации, которая определит развитие России на десятилетия вперёд.

Материалы и методы исследований

Источниковую базу составили опубликованные документальные комплексы, отражающие деятельность высших органов государственной власти Российской империи в военный период, включая журналы заседаний Совета министров, материалы Государственной думы IV созыва, документы Особых совещаний по обороне, перевозкам, топливу и продовольствию, а также делопроизводственная документация Ставки Верховного главнокомандующего [5]. Существенное значение имели опубликованные дневники и воспоминания государственных деятелей рассматриваемого периода – С.Д. Сазонова, А.И. Гучкова, П.Н. Милюкова, В.Н. Коковцова, М.В. Родзянко, – позволяющие реконструировать внутреннюю динамику принятия политических решений [8].

Привлекались материалы периодической печати военных лет, отражающие эволюцию общественного мнения и информационной политики правительства, а также агитационные издания различных политических партий. Особую группу источников образуют законодательные акты, изданные Временным правительством в период с марта по октябрь 1917 года, и нормативные документы первых лет советской власти, фиксирующие радикальную трансформацию государственного устройства. К работе привлекалось около пятнадцати специальных научных публикаций отечественных и зарубежных авторов, в том числе работы по политической истории, исторической социологии и истории государственных институтов.

Методологическую основу составил историко-генетический метод, позволяющий проследить причинно-следственные связи между военными неудачами и политическими сдвигами, а также структурно-функциональный анализ, применённый к изучению механизмов взаимодействия монархии, представительных учреждений и общественных организаций. Сравнительно-исторический подход обеспечил сопоставление российского опыта с процессами, происходившими в Германской и Австро-Венгерской империях. Проблемно-хронологическое построение материала обусловлено логикой развёртывания событий от вступления России в войну до завершения формирования принципиально новой системы государственного управления.

Результаты и обсуждения

Состояние Российской империи накануне войны характеризовалось противоречивым сочетанием динамики хозяйственного развития и архаизмом политической системы. Промышленный рост 1909–1913 годов, увеличение производства зерна, расширение железнодорожной сети создавали иллюзию устойчивости, однако структурные параметры экономики обнажали зависимость от иностранного капитала, технологий и заёмных средств. В политической сфере деятельность Государственной думы свидетельствовала о начатках парламентаризма, ограниченных, однако, как избирательным законом 3 июня 1907 года, так и сохранением за императором всей полноты исполнительной власти и значительной части

законодательной инициативы [3]. Подобная конфигурация делала государственный механизм уязвимым перед любым серьёзным кризисом, поскольку отсутствие развитой обратной связи между обществом и властью лишало систему гибкости реагирования.

Вступление России в войну в июле 1914 года первоначально вызвало волну патриотического подъёма, что создавало впечатление консолидации общества вокруг престола. Манифестации в столицах, переименование Санкт-Петербурга в Петроград, единогласное голосование Думы за военные кредиты создавали в краткосрочной перспективе впечатление, что война способна выступить инструментом сплочения нации и легитимации монархического режима. Этот период, однако, оказался непродолжительным, и уже к весне 1915 года, по мере того как поражения на фронтах стали систематическими, в обществе начался стремительный поворот настроений [10]. Так называемое «великое отступление» русской армии, оставление Польши, части Прибалтики и Западной Белоруссии, разразившийся «снарядный голод» – всё это создало почву для критики правительства со стороны не только оппозиционных, но и вполне лояльных монархии политических сил.

Военные неудачи 1915 года имели не только военно-стратегические, но и фундаментальные политические последствия. Решение Николая II принять на себя обязанности верховного главнокомандующего, принятое в августе 1915 года вопреки настоятельным возражениям большинства министров, означало персональное связывание судьбы династии с исходом войны. Отныне каждое поражение на фронте проецировалось на фигуру монарха, лишая его того символического капитала, который традиционно поддерживал самодержавную власть [6]. Одновременно длительные отъезды императора в Ставку оставляли столицу под фактическим управлением императрицы Александры Фёдоровны, что в условиях нарастающего недоверия общества к окружению престола порождало многочисленные слухи и подрывало авторитет верховной власти.

Параллельно с углублением правительственного кризиса в стране формировались альтернативные центры самоорганизации общества. Земский и городской союзы, объединившиеся в Земгор, военно-промышленные комитеты, общественные организации помощи раненым и беженцам брали на себя те функции, с которыми государственный аппарат не справлялся. Эти структуры, объединявшие либерально настроенную интеллигенцию, предпринимателей и местных деятелей, накапливали управленческий опыт и формировали кадровый резерв, который впоследствии сыграл существенную роль в формировании новых органов власти. Государственное руководство относилось к этой общественной активности с подозрением, что лишь усугубляло отчуждение между правящим слоем и образованным обществом.

Образование в августе 1915 года Прогрессивного блока в Государственной думе стало важной вехой в политическом кризисе. Объединение представителей шести фракций – от прогрессивных националистов до кадетов – на платформе требования «министерства доверия» свидетельствовало о том, что значительная часть политической элиты, ранее лояльной престолу, утратила веру в способность существующей системы управления выиграть войну [4]. Программа блока носила умеренный характер, не покушаясь на основы монархии, но требовала кадровых перемен и согласованной политики правительства с законодательными учреждениями. Отказ Николая II пойти навстречу этим требованиям ускорил радикализацию оппозиции и фактически блокировал последнюю возможность эволюционной трансформации режима.

Экономическая ситуация в стране постепенно ухудшалась, хотя темпы военного производства возросли. К концу 1916 года инфляция привела к существенному падению реальных доходов, особенно в городах, обострились проблемы продовольственного снабжения. Транспортный кризис, связанный с перегрузкой железнодорожной сети военными перевозками, затруднял подвоз продовольствия в крупные промышленные центры. Введение продовольственной развёрстки в декабре 1916 года стало признанием невозможности обеспечить армию и города рыночными методами и предвосхитило радикальные хозяйственные эксперименты последующего периода. Очереди за хлебом, ставшие неотъемлемой чертой петроградского быта зимы 1916-1917 годов, оказались тем зримым проявлением государственного кризиса, который непосредственно подвёл общество к взрыву.

Кадровая чехарда последних месяцев существования монархии – так называемая «министерская чехарда» – окончательно подорвала остатки доверия к правительству. Смена за короткий срок четырёх председателей Совета министров, пяти министров внутренних дел, трёх военных министров, очевидное возвышение лиц, не пользовавшихся авторитетом в политических кругах, создавали впечатление утраты управляемости [8]. Убийство Г.Е. Распутина в декабре 1916 года, совершённое группой представителей высшего общества и членов императорской фамилии, стало симптоматичным проявлением того, что даже в придворных кругах сложилось понимание необходимости радикальных перемен.

Февральская революция 1917 года развернулась стремительно и в значительной мере неожиданно для самих участников событий. Стачки и манифестации в Петрограде, начавшиеся 23 февраля, в течение нескольких дней переросли во всеобщее восстание, охватившее столичный гарнизон. Отсутствие у правительства лояльных сил, способных подавить выступления, продемонстрировало степень изоляции верховной власти. Отречение Николая II 2 марта 1917 года и последующий отказ великого князя Михаила Александровича от престола в пользу решения Учредительного собрания означали фактическую ликвидацию монархической формы правления в России [1]. Стремительность этого процесса свидетельствовала о том, что самодержавный режим к началу 1917 года утратил не только военно-политическую, но и социально-психологическую опору.

Формирование Временного правительства из числа лидеров Прогрессивного блока обозначило начало нового этапа государственного строительства. Уже первые акты нового правительства – декларация от 3 марта, постановления об амнистии, отмене сословных, вероисповедных и национальных ограничений, демократизации местного самоуправления – означали радикальный разрыв с прежней политико-правовой традицией [7]. Россия за несколько недель превратилась в страну с одним из наиболее либеральных в Европе режимов: свобода печати, слова, собраний, политической деятельности достигла беспрецедентного уровня. Одновременно отсутствие легитимных механизмов формирования новой власти – Временное правительство являлось самопровозглашённым органом, чья легитимность зависела от ожидаемого созыва Учредительного собрания, – создавало структурную слабость нового режима.

Возникновение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов уже в первые дни революции означало формирование альтернативного центра власти, опиравшегося на радикализированные массы. Феномен «двоевластия», описанный современниками и закрепившийся в историографии, отражал глубинный социокультурный раскол российского общества, который война и революция вывели на поверхность [9]. Знаменитый «приказ № 1» Петросовета, фактически разрушивший прежнюю систему армейской дисциплины, продемонстрировал, насколько быстро революционные процессы выходили за рамки замыслов умеренных лидеров. Армия, оставаясь главным институтом государства в условиях продолжающейся войны, превращалась в политически активную массу, всё менее способную выполнять свои непосредственные функции.

Эволюция государственного устройства в течение восьми месяцев существования Временного правительства проходила под давлением нарастающего кризиса. Состав правительства неоднократно менялся, переходя от первоначального либерально-октябристского к коалиционному с социалистами, что отражало смещение политического центра тяжести влево [2]. Прокламирование России республикой 1 сентября 1917 года формально закрепило ту трансформацию, которая фактически произошла ещё в марте. Однако ни кадровые перестановки, ни декларативные акты не могли преодолеть структурных проблем: затягивание созыва Учредительного собрания, нежелание решать аграрный вопрос до его созыва, продолжение участия в войне разрушали социальную базу нового режима.

Октябрьские события 1917 года и приход к власти большевиков означали радикальное изменение траектории государственного строительства. Декреты II Всероссийского съезда Советов о мире и о земле обращались к тем требованиям масс, которые предшествующая власть откладывала, а провозглашение Российской Советской Республики обозначило формирование принципиально иной модели государственности, основанной на классовом принципе и системе советов. Разгон Учредительного собрания в январе 1918 года окончательно закрыл возможность реализации проекта парламентской демократии и обозначил выбор в пользу диктатуры пролетариата как формы переходного государства.

Конституция РСФСР, принятая в июле 1918 года, юридически закрепила новое государственное устройство. Она устанавливала федеративный принцип, систему советов как основу государственной власти, лишала избирательных прав так называемые «эксплуататорские классы», провозглашала отделение церкви от государства и школы от церкви [5]. Этот документ стал первой советской конституцией и заложил основы той политико-правовой конструкции, которая с модификациями сохранится на протяжении большей части XX века. Введение принципа всевластия советов в сочетании с руководящей ролью партии создавало специфическую двойственность институциональной структуры, во многом определившую последующее развитие.

Гражданская война, начавшаяся весной 1918 года, стала продолжением и углублением революционных процессов, запущенных мировой войной. Военный коммунизм, продразвёрстка, национализация промышленности и банковской системы, всеобщая трудовая повинность означали не просто чрезвычайные меры, но формирование особого типа социально-экономических отношений, во многом унаследовавшего практики мобилизационной экономики военных лет. Парадоксальным образом институциональный опыт

военного регулирования, накопленный царским и Временным правительствами, оказался востребован новой властью и творчески переосмыслен в её хозяйственной политике.

Историческая преемственность процессов от мобилизационных усилий военной поры к формированию советской государственности прослеживается не только в экономической, но и в институциональной сфере. Опыт Особых совещаний, военно-промышленных комитетов, чрезвычайных продовольственных полномочий, аппарат армейских комиссаров – все эти элементы военного управления нашли отражение в практиках советского строительства. Это позволяет говорить о войне не просто как о внешнем шоке, разрушившем устоявшуюся систему, но как о факторе, существенно повлиявшем на содержание и формы новой государственности [3]. Самодержавная модель управления оказалась неспособной к адекватному ответу на вызовы тотальной войны, и крушение её предопределило не возврат к довоенным практикам, а форсированный поиск принципиально новых организационных решений.

Выводы

Анализ воздействия Первой мировой войны на кризис самодержавной системы в России позволяет рассматривать военный фактор как мощный катализатор трансформационных процессов, разворачивавшихся в недрах российского общества и государства на протяжении нескольких предшествующих десятилетий. Война не создала противоречий, лежавших в основе кризиса монархического строя, но придала им такую остроту и динамику, при которой эволюционное разрешение оказалось невозможным. Сочетание военных неудач, экономических трудностей, кадровых провалов и нарастающего отчуждения общества от верховной власти превратило Российскую империю в наиболее уязвимое звено системы воюющих держав, что и предопределило её распад первым в ряду имперских образований, прекративших существование по итогам мирового конфликта.

Правовая динамика этого периода демонстрирует поразительную интенсивность нормотворческой работы. От Основных государственных законов 1906 года, закреплявших трансформированную, но всё ещё в основе своей монархическую модель, через декларации и постановления Временного правительства, провозгласившие беспрецедентный объём политических свобод, к Конституции РСФСР 1918 года, закрепившей принципиально новый тип государственности, – российское государство за неполные четыре года прошло путь, на который другим европейским странам потребовались десятилетия и даже века. Этот ускоренный характер преобразований обусловил их незавершённость, противоречивость и значительные издержки реализации, что вписало в политическую культуру длительные традиции мобилизационного управления и чрезвычайных полномочий.

Изучение опыта тех лет сохраняет существенное значение для понимания закономерностей кризиса традиционных политических систем под воздействием экстремальных внешних обстоятельств. Российский случай демонстрирует, что неспособность правящей элиты своевременно адаптировать институты управления к меняющимся условиям, отказ от диалога с реформистски настроенной частью общества, чрезмерная персонализация власти и недостаточная её легитимация в массовом сознании создают условия, при которых даже относительно успешные хозяйственные показатели не гарантируют устойчивости режима. Война, выступая своеобразным историческим экзаменатором, выявляет накопленные структурные дефекты быстрее и беспощаднее, чем любые внутренние процессы.

Дальнейшая разработка темы предполагает углублённое изучение региональных аспектов кризиса, специфики поведения отдельных социальных групп, роли национальных движений в распаде имперской государственности и формировании новых политических конструкций. Сравнительное исследование судеб континентальных империй, прекративших существование по итогам мировой войны, позволит точнее определить как уникальные черты российского пути, так и общие закономерности эпохи. Историческое осмысление этих сюжетов остаётся живой исследовательской задачей, обращённой не только к прошлому, но и к пониманию механизмов современного политического развития.

Список источников

1. Ситников К.А., Попов В.И. Государственно-правовое устройство России в период Первой мировой войны: трансформация и кризис // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 3 (35). С. 323 – 335.

2. Зубов В.Е. Система государственного управления России в годы Первой мировой войны // Сибирь гуманитарная. 2024. № 3 (7). С. 9 – 19.

3. Шапкин И.Н. Изменение системы управления и формирование военно-мобилизационной экономической модели России в годы Первой мировой войны // Мир новой экономики. 2023. Т. 17. № 1. С. 31 – 44.

4. Булдаков В.П. Первая мировая война: геополитика и массы // Российская история. 2022. № 3. С. 95 – 108.

5. Изаксон Р.А. Правовые решения органов власти России по преодолению кризиса трудовых ресурсов в условиях военной экономики в период Первой мировой войны (на примере Дальнего Востока и Восточной Сибири) // Образование и право. 2022. № 2. С. 353 – 356.

6. Биркина А.А., Макаев А.Р., Евсеев В.О. Маркеры оценки эффективности политической системы России в условиях Первой и Второй мировых войн // Social Phenomena and Processes. 2023. № 2 (5). С. 64 – 78.

7. Удальцов И.С., Удальцова М.И. С.В. Тютюкин. Первая мировая война и революционный процесс в России // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2021. № 9-2. С. 134 – 135.

8. Любимов А.П., Михайлов Ю.Г. XX век. Подготовка к Первой мировой войне // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2022. № 2-3 (17-18). С. 66 – 97.

9. Михайлов Ю.Г. В преддверии Первой мировой войны // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2022. № 2-3 (17-18). С. 126 – 137.

10. Ильченко Я. Причины и предпосылки Первой мировой войны // Международный аспект. 2021. Т. 2. № 4 (6). С. 4 – 23.

References

1. Sitnikov K.A., Popov V.I. The state and legal structure of Russia during the First World War: transformation and crisis. Actual problems of the state and law. 2025. Vol. 9. No. 3 (35). P. 323 – 335.

2. Zubov V.E. The system of public administration in Russia during the First World War. Siberia Humanitarian. 2024. No. 3 (7). P. 9 – 19.

3. Shapkin I.N. Changes in the management system and the formation of the military-mobilization economic model of Russia during the First World War. The World of the New Economy. 2023. Vol. 17. No. 1. P. 31 – 44.

4. Buldakov V.P. The First World War: geopolitics and the masses. Russian history. 2022. No. 3. P. 95 – 108.

5. Izakson R.A. Legal Decisions of Russian Authorities to Overcome the Labor Crisis in the Context of the War Economy during the First World War (using the Far East and Eastern Siberia as an Example). Education and Law. 2022. No. 2. P. 353 – 356.

6. Birkina A.A., Makaev A.R., Evseev V.O. Markers for Assessing the Effectiveness of Russia's Political System during the First and Second World Wars. Social Phenomena and Processes. 2023. No. 2 (5). P. 64 – 78.

7. Udaltsov I.S., Udaltsova M.I. S.V. Tyutyukin. The First World War and the Revolutionary Process in Russia. The 20th Century and Russia: Society, Reforms, Revolutions. 2021. No. 9-2. P. 134 – 135.

8. Lyubimov A.P., Mikhailov Yu.G. The 20th Century. Preparation for the First World War. Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. International Law. 2022. No. 2-3 (17-18). P. 66 – 97.

9. Mikhailov Yu.G. On the Eve of the First World War. Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. International Law. 2022. No. 2-3 (17-18). P. 126 – 137.

10. Ilchenko Ya. Causes and Prerequisites of the First World War. International Aspect. 2021. Vol. 2. No. 4 (6). P. 4 – 23.

Информация об авторе

Шкурат П.А., кандидат исторических наук, доцент, Липецкий казачий институт технологий и управления, филиал Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), petr_shkurat@mail.ru

© Шкурат П.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 93/94
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-241-247

Две модели реформации: Саксония и Бранденбург в первой половине XVI века

[1] Тулупов А.Л.,
[1] Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Аннотация: в статье проводится сравнительный анализ реформационных процессов в Саксонии и Бранденбурге в эпоху Реформации. Рассматриваются особенности распространения лютеранства в двух курфюршествах, обусловленные различиями в политических стратегиях, религиозных установках и социальной динамике. Отмечается, что в Саксонии Реформация носила более радикальный и идейно насыщенный характер, будучи тесно связанной с деятельностью Мартина Лютера и поддержкой со стороны Фридриха Мудрого, а также активным участием городского и университетского сообщества. В то же время в Бранденбурге преобразования проходили более умеренно и прагматично, определяясь политическими расчётами династии Гогенцоллернов, главным образом, при Иоахиме II. Автор выявляет как общие черты реформационных процессов – усиление светской власти, секуляризацию церковных владений и формирование территориальных церквей, – так и различия в темпах, формах и мотивах реформ. Делается вывод о существовании двух моделей Реформации: «саксонской», ориентированной на идейную трансформацию и поддержку «снизу», и «бранденбургской», характеризующейся княжеской поддержкой «сверху», а также осторожным синтезом протестантских и католических элементов.

Ключевые слова: Реформация, Священная Римская империя, Саксония, Бранденбург, Мартин Лютер, Фридрих Мудрый, Иоахим II Гектор, лютеранство, секуляризация, религиозная политика

Для цитирования: *Тулупов А.Л. Две модели реформации: Саксония и Бранденбург в первой половине XVI века // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 241 – 247. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-241-247*

Поступила в редакцию: 11 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

Two models of the reformation: Saxony and Brandenburg in the first half of the XVI century

[1] Tulupov A.L.,
[1] Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: the article presents a comparative analysis of the Reformation processes in Saxony and Brandenburg during the era of the Reformation. It examines the specific features of the spread of Lutheranism in the two electorates, shaped by differences in political strategies, religious attitudes, and social dynamics. It is noted that in Saxony the Reformation assumed a more radical and ideologically driven character, being closely associated with the activities of Martin Luther, supported by Frederick the Wise, and reinforced by active participation from urban and university communities. In contrast, in Brandenburg the transformations proceeded in a more moderate and pragmatic manner, largely determined by the political calculations of the Hohenzollern dynasty, particularly under Joachim II. The author identifies both common features of the Reformation processes – such as the strengthening of

secular authority, the secularization of church property, and the formation of territorial churches – and differences in the pace, forms, and motivations of reform. The conclusion highlights the existence of two models of the Reformation: the "Saxon" model, oriented toward ideological transformation and "bottom–up" support, and the "Brandenburg" model, characterized by princely "top–down" support and a cautious synthesis of Protestant and Catholic elements.

Keywords: Reformation, Holy Roman Empire, Saxony, Brandenburg, Martin Luther, Frederick the Wise, Joachim II Hector, Lutheranism, secularization, religious policy

For citation: *Tulupov A.L. Two models of the reformation: Saxony and Brandenburg in the first half of the XVI century. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 241 – 247. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-241-247*

The article was submitted: April 11, 2026; Approved after reviewing: May 9, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Реформация в германских землях оказала значительное влияние на Священную Римскую империю и навсегда трансформировала политический и религиозный ландшафт Германии в раннее Новое время. Важно отметить, что сама Реформация, несмотря на наличие вдохновителей и ключевых идеологов, была процессом децентрализованным, а её восприятие и интерпретация в каждом из регионов исходили, главным образом, из совокупности политических, социальных и династических интересов и условий. Дальнейшее дробление среди сторонников Лютера на кальвинистов, анабаптистов и приверженцев Ульриха Цвингли лишь усугубило этот комплексный процесс.

В этой связи, особый интерес представляют реформационные процессы в Бранденбурге и Саксонии – двух важных курфюршествах Священной Римской империи, соперничающих друг с другом за влияние в северной Германии. Несмотря на принадлежность к общему политическому, юридическому и культурному пространству, а также участие в одних и тех же общеимперских процессах, Реформация в этих регионах развивалась по разным сценариям, обусловленным совокупностью конкретных исторических условий. В Саксонии Реформация была тесно связана с деятельностью Мартина Лютера и Виттенбергского университета, а потому приобрела ярко выраженный идейный характер, сочетая княжеское покровительство Фридриха Мудрого с активной поддержкой «снизу», главным образом, со стороны университетской и городской среды. В Бранденбурге же преобразования носили более осторожный и прагматичный характер, определяясь в значительной степени политическими расчётами правителей из династии Гогенцоллернов.

Анализ сходств и различий между двумя курфюршествами позволяет не только воссоздать комплексную картину реформационных преобразований в регионе, но и также выявить как общие для обеих княжеств черты – такие как усиление роли светской власти, секуляризация церковных владений и формирование территориальных церквей, так и существенные различия в темпах, мотивах и формах проведения Реформации.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специально–исторических методов. Ключевым из них является сравнительно–исторический метод, позволяющий выявить как сходства, так и различия реформационных процессов в Саксонии и Бранденбурге. Исследование также опирается на принцип историзма, предполагающий анализ Реформации в контексте конкретных политических, социальных и религиозных условий Священной Римской империи XVI века и учет динамики изменений в конфессиональной политике. Дополнительно применяется структурно-функциональный подход, позволяющий рассматривать Реформацию как систему взаимосвязанных элементов и выявлять роль светской власти, церкви и социальных групп в процессе преобразований.

Комплексное использование данных подходов позволяет определить, как общие закономерности Реформации, так и особенности её развития в рассматриваемых регионах.

Результаты и обсуждения

Курфюршество Саксония стало первым и ключевым форпостом Реформации в регионе. Её курфюрст, Фридрих III Мудрый, был набожным католиком, отличавшимся благочестием и мудростью, за что и получил свое прозвище [3]. Он собирал реликвии и в 1492 году совершил паломничество в Иерусалим, однако вместе с этим Фридрих также покровительствовал гуманистам и свободным наукам.

В 1502 году в городке Виттенберг при поддержке курфюрста был основан Виттенбергский университет [2, с. 145], который также стал первым в Германии университетом, основанным без папского одобрения [1, с. 103]. Среди его преподавателей существовал дух независимости или, по крайней мере, чувство локальной идентичности. Мартин Лютер был одновременно профессором теологии и городским проповедником (последнюю должность он получил от городского совета), в то время как Филипп Меланхтон, один из ведущих лингвистов Германии, был назначен на кафедру греческого языка в 1518 году и впоследствии оказал пожизненную интеллектуальную и духовную поддержку как Лютеру, так и Реформации.

С началом событий Реформации и публикации Лютером 95 тезисов, реформатор получил всецелую поддержку и защиту от Фридриха III, действовавшего как из политических, так и из правовых оснований. Как правитель Саксонии, курфюрст стремился защитить суверенитет своих земель от вмешательства внешних сил, которыми он считал папскую власть и самого императора Карла V. Он также настаивал на справедливом суде для Лютера в рамках имперского, а не церковного права, добившись его выступления на Вормсском рейхстаге, а после осуждения реформатора, курфюрст организовал его «похищение» и укрыл в замке Вартбург, фактически спасая ему жизнь [4, с. 63]. Изначально Фридрих не был сторонником идей Лютера, но считал, что его нельзя просто объявить еретиком без честного разбирательства. Вместе с этим, курфюрст действовал и из политического расчёта, понимая, что поддержка популярного Лютера укрепит его и без того весомые позиции среди князей Священной Римской империи.

Деятельность университета и лояльное отношение со стороны Фридриха Мудрого привело к стремительному формированию низового движения, представленного бюргерами, проповедниками, студентами и преподавателями университета. Движение это, впоследствии получившее название «Виттенбергского», возглавили августинский монах Габриэль Цвиллинг и профессор Андреас Карлшдат. Они критиковали монастырский уклад жизни, призывали упростить богослужение, ликвидировать индивидуальную исповедь и мессу, занимавшую ключевое место в католическом богослужении. Осенью 1521 года ситуация обострилась. Участники движения стали радикализироваться и активно выражать антиклерикальные настроения: нападали на монахов, срывали богослужения и проповеди. Напряжение достигло пика 6 декабря, когда вооружённые студенты и представители знати прошли по улицам города, а группа горожан ворвалась в ратушу и предъявила городскому совету список религиозных требований [1, с. 104]. Под давлением общественности власть была вынуждена согласиться, и уже 24 января 1522 года в Виттенберге был введён новый церковный устав. Тем самым, Саксонская реформация в целом и события в Виттенберге в частности, станут следствием не столько княжеской инициативы «сверху», сколько примером первой победы городской Реформации «снизу».

Только вмешательство Лютера и Фридриха Мудрого позволили остановить деятельность Виттенбергского движения и снизить радикализм реформаторов, однако эти события показали тот мощный революционный потенциал, что уже сформировался среди сторонников реформации, а также превратили «низовое» реформационное движение в важный фактор политического развития. Всё это в совокупности не только обозначит начало лютеранской конфессионализации, но и станет прологом к разрушительной крестьянской войне 1524-1525, которая, в том числе, затронет и Саксонию.

Несмотря на то, что Лютер был прежде всего теологом, а не политиком, тесное переплетение религиозной и политической жизни привело к тому, что идеи реформатора стали восприниматься, как и важный аспект общественно-политической жизни вокруг которого или против которого начали объединяться правящие элиты Германии.

Несмотря на то, что Фридрих III поддерживал Лютера и не препятствовал распространению реформационного движения, почти до самой смерти он оставался приверженцем Католицизма, приняв причастие в обоих видах лишь перед самой своей смертью в 1525 году [3]. Его преемником стал брат, Иоганн Твёрдый, который в том же году принял Реформацию на официальном уровне и провел ряд реформ.

Реформы в Саксонии были поддержаны низовым движением и осуществлялись при поддержке самого Лютера, что придало им более радикальный и смелый характер. В светской жизни это выражалось внедрением принципа summus episcopus (светский правитель как верховный епископ), созданием консисторий, секуляризация и формирование территориально единой лютеранской церкви. Католическое духовенство было отстранено и заменено евангелическими проповедниками; церковные богатства, включая фондовые имущества, были переданы государству, а сложная система территориального церковного управления постепенно заменила епархиальную структуру [1, с. 122]. Вместе с этим, вводилась практика визитации (инспекции) церквей [4, с. 67]. Команда из четырёх человек – двое по финансовым вопросам и

двое по религиозным – должна была посещать приходы с целью выяснения реального положения дел в церквях. В феврале 1527 года визитация началась. Филипп Меланхтон, близкий и более умеренный соратник Лютера, написал «Инструкции для визитаторов приходских пасторов в курфюршестве Саксония» [5]. Лютер одобрил этот текст, но позже внёс в него свои изменения. Инициатива проводившийся реформы исходила прежде всего от самого Лютера и была вызвана конфликтом с саксонскими епископами, отказывавшимися поддерживать Реформацию и выполнять обязанности по инспектированию церквей [3].

Как итог, назначение служителей стало обязанностью курфюрста, а инспекции церквей продолжались под присмотром интендантов и консисторий, объединившихся в высшие церковные советы под руководством правителя как архиепископа [3]. В политическом отношении, это было выгодно обеим сторонам: курфюрст получал возможность укрепить и централизовать собственную власть в княжестве, тогда как Лютера и реформаторов более не беспокоило укоренившееся католическое духовенство.

В духовной жизни реформы Мартина Лютера проявились в отказе от культа святых, упрощении церемоний и обрядов, а также сокращении числа таинств. Традиционную католическую мессу заменило лютеранское богослужение, проводившиеся на немецком языке вместо латинского. Кроме того, было введено причастие в обоих видах – хлебом и вином для всех верующих. Эти изменения хотя и сделали религиозную практику более понятной и доступной для мирян, одновременно с этим бросили вызов многовековым традициям католической церкви и авторитету папства, что не могло не вызвать ожесточение со стороны значительной части духовенства.

Проведённые реформы и принятие протестантизма были вызваны справедливыми опасениями курфюрстов Иоганна Твёрдого, а позже и его сына Иоганна Фридриха Великодушного, возможным вмешательством императора, способного лишить князя власти и вернуть всю собственность церкви. Официальное принятие протестантизма и поддержка Лютера позволили Саксонии опередить события, бросив вызов императору. В дальнейшем это приведёт к формированию Шмалькальденской лиги протестантских князей с Саксонией и Гессеном во главе и последующей войне между двумя сторонами.

В то время как в Саксонии реформационное движение Лютера добивалось значимых успехов, а сам реформатор пользовался поддержкой и покровительством самого курфюрста, в Бранденбурге правил Иоахим I, ярый католик, выступавший с резкой критикой Лютера [6, с. 5-11]. Он запретил продажу и распространение трудов Мартина Лютера (включая его перевод Библии) [1, с. 119], тем самым, соблюдая предписания Вормсского эдикта, объявившего Лютера еретиком и запретив публикацию его работ [7]. За это династия Гогенцоллернов и курфюрст в частности пользовались уважением и расположением как императора Карла V, так и Папы Климента VII, который охарактеризовал Иоахима как «человека которого коснулось дыхание Бога» [6, с. 10]

Оба княжества, будучи в равном положении и разделяя общие границы, активно соперничали друг с другом за влияние в северной Германии. Поводом для соперничества между двумя династиями стало Магдебургское епископство, находившиеся между двумя княжествами, каждое из которых стремилось поставить во главе епископства ставленника своей династии.

Победу в этом противостоянии одержал Бранденбург. Магдебург стал вотчиной Альбрехта Бранденбургского, младшего брата Иоахима I. Однако вскрывшиеся коррупционные подробности сделки между Альбрехтом и папой Львом X вызвали негодование как со стороны Фридриха Мудрого, так и со стороны Мартина Лютера, который жёстко раскритиковал Альбрехта. Это надолго отдалило реформатора от династии Гогенцоллернов, воспринявших нападки Лютера как акт открытой вражды [6, с. 6].

После смерти Иоахима I Нестора в 1535 году, к власти пришёл его сын, Иоахим II Гектор, который занял более нейтральную позицию по отношению к Реформации. Ещё в молодости Иоахим II неоднократно встречался с Мартином Лютером и интересовался его учением. Будучи образованным, Иоахим II иногда обращался к Лютеру с богословскими вопросами. Например, в 1532 году он писал инициатору Реформации, спрашивая о том, можно ли причащаться по католическому обычаю (в одном виде), на что тот ответил, что это противоречит Божьим заповедям [2, с. 12]. Эта переписка длилась год, но прекратилась, когда Лютер обострил конфликт с дядей Иоахима – кардиналом Альбрехтом.

Придя к власти, бранденбургский курфюрст столкнулся с непростым выбором. С одной стороны, Иоахим II сочувствовал протестантам и хотел сохранить дружественные отношения с перешедшими на сторону реформаторов немецкими князьями. С другой стороны, курфюрст не желал идти на конфронтацию с Римом и поддерживал усилия императора по восстановлению порядка в империи.

Между тем, идеи Лютера стремительно распространялись по всему княжеству. Даже брат курфюрста Иоахима II, маркграф Иоганн фон Кюстрин, присоединился к Шмалькалденскому союзу и ввёл протестантскую реформу в Ноймарке, Кроссене и Котбусе в 1540 году [8, с. 278].

Иоахим, не желая конфликтовать с императором, всё ещё надеялся на общецерковный собор, который мог бы примирить католиков и протестантов, но, когда идея потерпела крах, и война между Шмалькальденским союзом и Карлом V стала неизбежной, курфюрст приступил к умеренным реформам.

Поскольку Лютер оставался непопулярен при дворе и был практически исключён из церковной политики из-за конфликта с кардиналом Альбрехтом, главным идейным вдохновителем умеренной бранденбургской Реформации станет приглашенный курфюрстом Филипп Меланхтон, виденье которого окажет ключевое влияние на церковную реформу. В 1540 году с его одобрения Иоахим II принимает новый церковный устав [9], весьма консервативный по своей форме [6, с. 21]. С одной стороны, его реформа отменяла частные мессы, культ святых и целибат. Однако, вместе с этим сохранялись: вознесение даров, богатое облачение духовенства, церковное искусство и алтари, епископство и архидиаконство, крестные ходы и процессии, литургические драмы и праздники, частная исповедь (но не публичная), практики экзорцизма и миропомазания при крещении. Более того, большинство богослужений продолжали проводиться на латинском языке. Даже в обрядах для больных сохранялись старые формы – причастие приносилось с огнём, колокольчиком и в специальной мантии, как это делалось в Католицизме.

Хотя Иоахим и вводил протестантские элементы, его личная набожность оставалась глубоко традиционной. Он не стремился к радикальному разрыву, а занимал нейтральную позицию, желая остаться посредником между Римом и Виттенбергом. В письме к своему католическому тестю – польскому королю Сигизмунду – в сентябре 1539 года Иоахим объяснил, что долго надеялся на проведение общецерковного или хотя бы национального собора. Но поскольку этого не произошло, он решил действовать самостоятельно [6, с. 18]. Иоахим II подчёркивал, что не принимает лютеранского учения, а хочет лишь положить конец спорам и смущению народа. Эти же идеи он повторил во введении к церковному уставу 1540 года. Курфюрст писал, что его цель – устранить злоупотребления, но при этом максимально сохранить обряды и традиции, поскольку они способствуют дисциплине и благочестию, пусть и не необходимы для спасения [6, с. 18].

Сподвижником курфюрста, помимо Меланхтона, станет также Иоганн Агрикола, бывший соратник Лютера, который после ссоры с реформатором переехал в Берлин и стал проповедником при бранденбургском дворе. Впоследствии Иоахим II сделает попытку примирить двоих оппонентов, но Лютер в своем письме от 2 мая 1545 года [10] отказался от встречи с Агриколой.

Внутренняя осторожность курфюрста отражалась и на внешней политике. Так, в период Шмалькальденской войны Бранденбург сохранял нейтралитет, поддерживая добрососедские отношения как с членами союза, так и с императором Карлом V [2, с. 318]. Иоахим II продолжал принимать папских нунциев [6, с. 32] и был единственным курфюрстом, кто поддержал императора в вопросе внедрения interreligio imperialis или Аугсбургского интерима (1548) [8, с. 287-291], временного религиозного компромисса, призванного вернуть единство империи путём ограниченных уступок протестантам [11]. Значительный вклад в разработку компромисса сделал и сам Иоганн Агрикола.

Карл V призвал католические сословия продолжать следовать постановлениям вселенской церкви, а тех, кто ввёл религиозные новшества, – либо вернуться к старой вере, либо строго соблюдать Интерим. Император также обещал содействовать проведению собора и устранению религиозного раскола. Кроме того, он намеревался заранее устранить злоупотребления в церкви, подготовив отдельный документ с реформами. Тем не менее, компромиссная формула вызвала широкое негодование с обеих сторон и, по итогу, провалилась, уступив место более выгодному протестантам Аугсбургскому религиозному миру [12].

В последующие годы Гогенцоллерны смогли установить контроль над церковными структурами и епископствами, завершив процесс секуляризации и укрепления своей власти. И даже после этого, как император, так и Папа Римский продолжали считать Иоахима II доверенным лицом и своим союзником в северной Германии. Тем не менее, Иоахим II ставил династические интересы превыше всего и, сохраняя умеренность как в реформах, так и во внешней политике, укрепил свою власть в княжестве, провёл секуляризацию церковного имущества и консолидировал семейные интересы Гогенцоллернов, при этом сохранив дружественные отношения как с протестантами, так и с католиками. К середине XVI века Реформация окончательно закрепилась в Бранденбурге, но в особой форме – как «умеренная» или «консервативная» Реформация.

В результате религиозная политика курфюрста Иоахима II Гогенцоллерна в эпоху Реформации представляет собой уникальный пример осторожного и прагматичного внедрения Реформации в рамках традиционной политической культуры Священной Римской империи. В отличие от более радикальных реформаторов, курфюрст Бранденбургский стремился к сохранению стабильности, единства и преемственности. Он активно формировал новую систему духовного образования, поддерживал лояльных пастырей и усиливал

контроль над религиозной сферой со стороны государства, сочетая элементы старой церковной практики с новыми протестантскими идеалами. Как итог, Иоахиму II удалось заложить основы евангелической церкви в Бранденбурге, пусть и в умеренной, консервативной форме.

Выводы

Реформационные процессы в Саксонии и Бранденбурге демонстрируют как общую логику конфессиональных преобразований в германских землях XVI века, так и принципиальные различия в темпах, характере и политической направленности реформ. В обоих княжествах Реформация стала не только религиозным, но и глубоко политическим явлением, тесно связанным с вопросами суверенитета и укрепления княжеской власти. Однако способы реализации этих целей существенно различались.

Саксония выступила главным центром ранней Реформации, где идеи Мартина Лютера получили как интеллектуальную базу, так и политическую защиту. Важную роль сыграла позиция Фридриха III Мудрого, который, несмотря на личную приверженность католицизму, обеспечил реформатору безопасность и тем самым создал условия для распространения нового учения. Характерной чертой саксонской Реформации стало сочетание инициативы «снизу» – со стороны городских слоёв, университетской среды и проповедников – с последующей институционализацией «сверху». Это привело к относительно быстрому и радикальному разрыву с католической традицией: упрощению богослужения, секуляризации церковных владений, формированию территориальной церкви и утверждению принципа верховенства светской власти в церковных делах. В итоге Саксония стала оплотом лютеранства и одним из лидеров протестантского лагеря в империи.

В противоположность этому, Реформация в Бранденбурге развивалась более осторожно и противоречиво. При Иоахиме I княжество оставалось оплотом католицизма, а любые проявления лютеранства подавлялись. Лишь с приходом к власти Иоахима II Гектора начался постепенный переход к реформам, однако они носили компромиссный и умеренный характер. В отличие от Саксонии, здесь отсутствовало мощное низовое движение, а сами преобразования проводились преимущественно по инициативе правителя, стремившегося избежать конфликта как с императором Карлом V, так и с католической церковью. Значительное влияние на характер реформ оказал Филипп Меланхтон, чьи более умеренные взгляды способствовали сохранению многих традиционных обрядов и элементов церковной структуры. В результате в Бранденбурге сложилась своеобразная «консервативная Реформация», сочетавшая протестантские догматы с католическими практиками.

Несмотря на различия, оба княжества использовали Реформацию как инструмент укрепления государственной власти. Секуляризация церковных земель, подчинение духовенства и создание централизованных церковных институтов способствовали усилению позиций правителей. При этом, если Саксония открыто противостояла императорской политике и стала ядром протестантского сопротивления, то Бранденбург предпочёл путь баланса и компромисса, вплоть до поддержки таких инициатив, как Аугсбургский интерим.

Таким образом, сходство между Саксонией и Бранденбургом заключалось в использовании реформационных преобразований для консолидации власти и адаптации к новым религиозным реалиям, тогда как ключевое различие проявлялось в степени радикализма и источниках реформ: от динамичной, во многом «снизу» инициированной и идеологически чёткой саксонской модели до осторожной, компромиссной и ориентированной на политический баланс бранденбургской.

Список источников

1. C. Scott Dixon. The Reformation in Germany. Oxford: Blackwell Publishing, 2002. 240 p.

2. Whaley J. Germany and the Holy Roman Empire. Vol. I. Oxford: Oxford University Press, 2011. 620 p.

3. Филип Шафф История христианской церкви: пер. О.А. Рыбакова Санкт-Петербург: Библия для всех, 2007. Т. 7: Современное христианство. Реформация в Германии. 2009. 463 с. [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/istorija-hristianskoj-tserkvi-tom-7/2_78 (дата обращения: 23.03.2026)

4. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Реформация и политическая жизнь в XVI и XVII вв. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2015. 560 с. (История Европы: эпохи)

5. Instructions for the Visitors of Parish Pastors in Electoral Saxony (1528). [Электронный ресурс] URL: https://s3.amazonaws.com/media.cloversites.com/9e/9e3df4ed-c01e-43ae-91be-9eb5f4b746ee/documents/L10_Saxon_Visitation.pdf (дата обращения: 24.03.2026)

6. Elert H. Prince, People, and Confession: The Second Reformation in Brandenburg. Philadelphia: Fortress Press, 1994. 384 p.

7. Edict of Worms. [Электронный ресурс] URL: https://germanhistorydocs.org/en/from-the-reformations-to-the-thirty-years-war-1500-1648/luther-and-emperor-charles-v-at-the-diet-of-worms-1521 (дата обращения: 23.03.2026)

8. Heidemann J. Die Reformation in der Mark Brandenburg. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2016. 386 p.

9. Brandenburg-Nürnbergische Kirchenordnung. [Электронный ресурс] URL: https://neu.hiko-berlin.de/fileadmin/redakteur/02_Mediathek/100Quellen/5–05_Kirchenordnung-1540/Kirchenordnung-1540.pdf (дата обращения: 26.03.2026)

10. Мартин Лютер. Письмо к Иоахиму II, маркграфу Бранденбургскому. Виттенберг, 1545 год. [Электронный ресурс]. URL: https://www.flickr.com/photos/leninka/30890323814?ysclid=moj2aqw0n2489359613/ (дата обращения: 28.03.2026)

11. Augsburger Interim (15. Mai / 30. Juni 1548). [Электронный ресурс]. URL: https://tueditions.ulb.tu–darmstadt.de/v/pa000008-0130 (дата обращения: 28.03.2026)

12. The Religious Peace of Augsburg, 1555. German History in Documents and Images [Электронный ресурс]. URL: https://germanhistorydocs.org/en/from-the-reformations-to-the-thirty-years-war-1500-1648/the–religious-peace-of-augsburg-september-25-1555 (дата обращения: 28.03.2026)

References

1. C. Scott Dixon. The Reformation in Germany. Oxford: Blackwell Publishing, 2002. 240 p.

2. Whaley J. Germany and the Holy Roman Empire. Vol. I. Oxford: Oxford University Press, 2011. 620 p.

3. Philip Schaff. History of the Christian Church: trans. by O. A. Rybakova. St. Petersburg: Bible for Everyone, 2007. Vol. 7: Contemporary Christianity. Reformation in Germany. 2009. 463 p. [Electronic resource] URL: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/istorija-hristianskoj-tserkvi-tom-7/2_78 (date of access: 23.03.2026)

4. Kareev N.I. History of Western Europe in Modern Times. Development of Cultural and Social Relations. The Reformation and Political Life in the 16th and 17th Centuries. Moscow: Academicheskiy Proekt; Gaudeamus, 2015. 560 p. (History of Europe: Epochs)

5. Instructions for the Visitors of Parish Pastors in Electoral Saxony (1528). [Electronic resource] URL: https://s3.amazonaws.com/media.cloversites.com/9e/9e3df4ed-c01e-43ae-91be-9eb5f4b746ee/documents/L10_Saxon_Visitation.pdf (date of access: 24.03.2026)

6. Elert H. Prince, People, and Confession: The Second Reformation in Brandenburg. Philadelphia: Fortress Press, 1994. 384 p.

7. Edict of Worms. [Electronic resource] URL: https://germanhistorydocs.org/en/from-the-reformations-to-the-thirty-years-war-1500-1648/luther-and-emperor-charles-v-at-the-diet-of-worms-1521 (accessed: 23.03.2026)

8. Heidemann J. Die Reformation in der Mark Brandenburg. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2016. 386 p.

9. Brandenburg-Nürnbergische Kirchenordnung. [Electronic resource] URL: https://neu.hiko-berlin.de/fileadmin/redakteur/02_Mediathek/100Quellen/5–05_Kirchenordnung-1540/Kirchenordnung-1540.pdf (date of access: 26.03.2026)

10. Martin Luther. Letter to Joachim II, Margrave of Brandenburg. Wittenberg, 1545. [Electronic resource]. URL: https://www.flickr.com/photos/leninka/30890323814?ysclid=moj2aqw0n2489359613/ (date of access: 28.03.2026)

11. Augsburger Interim (15. May. 30. June 1548). [Electronic resource]. URL: https://tueditions.ulb.tu–darmstadt.de/v/pa000008-0130 (date of access: 28.03.2026)

12. The Religious Peace of Augsburg, 1555. German History in Documents and Images [Electronic resource]. URL: https://germanhistorydocs.org/en/from-the-reformations-to-the-thirty-years-war-1500-1648/the–religious-peace-of-augsburg-september-25-1555 (date of access: 28.03.2026)

Информация об авторе

Тулупов А.Л., аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

© Тулупов А.Л., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
УДК 94 (47).084.6
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-248-258

Политика по реституции культурных ценностей как элемент «мягкой силы» в контексте внешней политики Франции в отношении африканских стран

[1] Валеева-Хакимова Р.Р.,
[1] Никифоров А.С.,
[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: внешнеполитические отношения бывших колониальных держав и стран Африки меняются все больше с течением XXI века. Одной из первых на этот путь встала Франция. В данной главе рассматривается, как Франция стала одним из первых европейских государств, внедривших реституцию культурных ценностей как инструмент мягкой силы в отношении бывших колоний. Изучается, как Франция, используя исторический международно-правовой опыт реституции культурных ценностей, видоизменяет двустороннюю политику с африканскими странами, разворачиваясь от неоколониального подхода к более равностороннему и партнерскому.

Ключевые слова: внешняя политика, реституция, сохранение культурного наследия, Э.Макрон, доклад Сарра-Савуа

Для цитирования: *Валеева-Хакимова Р.Р., Никифоров А.С. Политика по реституции культурных ценностей как элемент «мягкой силы» в контексте внешней политики Франции в отношении африканских стран // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 248 – 258. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-248-258*

Поступила в редакцию: 12 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

The policy of restitution of cultural property as an element of "soft power" in the context of France's foreign policy towards African countries

[1] Valeeva-Khakimova R.R.,
[1] Nikiforov A.S.,
[1] Kazan (Volga region) Federal University

Abstract: the foreign policy relations between former colonial powers and African countries are undergoing significant transformation as the 21st century progresses. France was among the first to embark on this path. This chapter examines how France became one of the first European states to implement the restitution of cultural property as a soft power tool toward its former colonies. It explores how France, leveraging historical international legal experience in the restitution of cultural heritage, modifies its bilateral policy with African nations, shifting from a neocolonial approach toward a more equitable and partnership-oriented model.

Keywords: foreign policy, restitution, cultural heritage preservation, E. Macron, Sarr-Savoy report

For citation: *Valeeva-Khakimova R.R., Nikiforov A.S. The policy of restitution of cultural property as an element of "soft power" in the context of France's foreign policy towards African countries. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 248 – 258. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-248-258*

The article was submitted: April 12, 2026; Approved after reviewing: May 10, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Колониальная история европейских держав – одна из самых противоречивых страниц современной истории, сопровождавшаяся войнами, грабежами и насилием в самом широком его смысле. Не обошел этот процесс стороной и культурное наследие африканских народов.

Когда речь заходит о возвращении незаконно полученных культурных объектов, то есть реституции, в голове сразу же возникает несколько хрестоматийных и известных примеров: похищенные во время наполеоновских походов картины Питера Рубенса; множество украденных по всей Европе предметов искусства в период нацисткой оккупации; скульптурные фрагменты греческого Парфенона, более известные как «Мраморы Элгина», по сей день находящиеся в Британском музее.

Однако история разграбления африканского искусства разительно отличается от вышеперечисленных примеров. После военной победы над Францией и Германией, реституция похищенных предметов искусства была напрямую включена в мирные договоры, европейские страны получили назад большую часть своего культурного наследия. Для Греции же, прямой прародительницы сегодняшней европейской культуры, вопрос возвращения «Мрамора Элгина» – скорее идеологический, нежели экзистенциальный для построения национальной самоидентичности. В случае же африканских государств ситуация складывается иначе.

Согласно докладу Бенедикт Савуа и Фельвина Сарра – документу, ставшему основополагающим для современной европейской политики реституции, – более 90% предметов искусства народов государств южнее Сахары находится за пределами африканского континента [30, с. 30]. В частности, в парижском музее на набережной Бранли, специализирующемся на истории коренных народов Африки, Азии, Океании и Америки, находится порядка 70000 предметов из стран Африки южнее Сахары [30, с. 15]. Таким образом, африканские народы, в отличие от европейских, до сих пор лишены доступа к своему собственному наследию. Франция с приходом к власти Эмманюэля Макрона коренным образом меняет этот подход сначала для своей страны, а затем и для других бывших колониальных империй, ставя вопрос о необходимости возвращения неправомерно полученных десятки лет назад культурных объектов.

Материалы и методы исследований

В качестве методологии был использован набор традиционных исторических методов. В частности, историко-генетический метод позволил проследить динамику и закономерность вопроса реституции, начиная с международно-правовых попыток урегулирования проблемы возврата незаконно полученных культурных ценностей в XX веке и заканчивая национальной политикой Франции уже во второе и третье десятилетия XXI века. С помощью историко-системного метода политика возвращения артефактов проанализирована как многоаспектный элемент «мягкой силы» Парижа, неразрывно связанный с общей трансформацией французской внешнеполитической стратегии на африканском континенте в условиях уменьшения военного присутствия и растущей геополитической конкуренции со стороны России и Китая. В основе источниковой базы исследования лежат как международно-правовые документы таких организаций как ООН, ЮНЕСКО и УНИДРУА, так и французские национальные официальные документы: нормативно-правовые акты, отчеты и законопроекты парламента.

Результаты и обсуждения

Вопрос реституции африканских культурных объектов, то есть возврата первоначальному владельцу предметов искусства, неправомерно изъятых и вывезенных во время европейской колониальной оккупации, ставится на международной повестке дня не впервые. Говоря об этой проблеме, необходимо принять во внимание международно-правовые документы, посвященные вопросам незаконного вывоза культурных ценностей и защиты культурного наследия в целом, чтобы понять, почему данный вопрос решается скорее именно на двустороннем уровне, а первые значительные подвижки в нем начались только в первой четверти XXI века.

Первой универсальной конвенцией, исключительно защищающей культурное наследие, стала Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта, подписанная под эгидой ЮНЕСКО в 1954 году. Конвенция, согласно 4 статье главы I, запрещает «любые акты кражи, грабежа или незаконного присвоения культурных ценностей в какой бы то ни было форме» [1]. Тем самым, Конвенция 1954 года стала одним из первых универсальных международных документов, объявившим нелегальным разграбление как таковое во время вооруженного конфликта. Первый протокол к Конвенции идет еще дальше, обязуя подписавшие стороны не только не вывозить, но и «по прекращении военных действий вернуть культурные ценности, находящиеся на ее территории, компетентным властям ранее оккупированной территории, если эти ценности были ввезены» в нарушении принципов протокола [1], становясь прямой предтечей будущих международных документов.

Безусловно, став важной вехой в мировой защите культурного наследия, Конвенция и Первый протокол, тем не менее, не смогли стать решающим фактором в прекращении противоправных действий в отношение культурного наследия. Так, сама Конвенция не имеет никаких реальных инструментов воздействия на нарушителей, будь то экономических либо политических. Первый протокол, будучи отдельным документом, не распространяется на страны, не подписавшие его, уменьшая таким образом влиятельность документа – Первый протокол был подписан меньшим количеством государств: из 136 государств, ратифицировавших Конвенцию, лишь 112 стали одновременно участниками и Первого протокола [32]. Также, и Конвенция, и Первый протокол не имеют обратной силы, то есть будут действовать только в отношении неправомерных действий, имевших место после вступления документа в силу 7 августа 1956 года. Это значительно уменьшает масштаб документа и не позволяет привести к ответственности государства, доказанно совершившие акты незаконного присвоения в период, предшествующий принятию конвенции.

С ускорением процесса деколонизации после окончания Второй мировой войны и возникновением все большего количества новых стран, стало очевидным – исключительно рамочной конвенции в отношении защиты культурного наследия недостаточно. Молодые государства были обеспокоены не только ростом черного рынка предметов искусства. Их также заботило построение собственной национальной идентичности, основанное в том числе на их традициях, а вместе с ними и культурном наследии предков. Именно на этом фоне в 1970 году ЮНЕСКО принимает Конвенцию о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности.

Согласно подпункту (ii) пункта (b) 7 статьи, государства-участники Конвенции обязуются «по требованию государства-участника предпринимать соответствующие шаги для обнаружения и возвращения любой подобной [похищенной] культурной ценности, ввезенной после вступления настоящей Конвенции в силу в обоих заинтересованных государствах» [2]. В пункте (b) статьи 13 Конвенции государства-участники обязуются «принимать меры к тому, чтобы их компетентные службы сотрудничали в целях по возможности наиболее быстрого возвращения законным собственникам незаконно вывезенных культурных ценностей» [2]. Интересно отметить, что в англоязычном и франкоязычном текстах Конвенции 1970 года в статье 13 на месте слова «возвращение» используется именно термин “restitution” (рус. «реституция»), а не просто “return” (рус. «возвращение»), тем самым добавляя именно контекст неправомерного заполучения и как следствие возвращения предметов искусства.

Итак, Конвенция 1970 года значительно расширила контекст разграблений, не ограничивая себя исключительно вооруженными конфликтами. Под эгидой Конвенции и сегодня множество ценных артефактов возвращается первоначальным владельцам. Однако, как и у Конвенции 1954 года, у данного документа есть два существенных недостатка – отсутствие обратной силы и нераспространение на государства, не являющиеся участниками Конвенции. Конвенции по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям 1995 года, созданной под эгидой УНИДРУА как продолжение и дополнение Конвенции 1970 года, также не удалось избежать этих изъянов.

Чтобы нейтрализовать эти слабые места, под эгидой ЮНЕСКО в 1978 году был создан Межправительственный комитет по содействию возвращению культурных ценностей странам их происхождения или их реституции в случае незаконного присвоения – консультативный орган, в задачи которого входят упрощение двусторонних переговоров и посредничество между государствами для разрешения спорных случаев реституции, не подпадающих под действие Конвенции 1970 года [27]. Несмотря на частичный успех и наличие нескольких удачных кейсов по содействию в возвращении культурных ценностей, – например, возвращение обратно в Танзанию в 2010 году маски Маконде из коллекции швейцарского музея Барбье-Мюллер [28], – деятельность комитета можно назвать ограниченной. Так, согласно ученому и одному из бывших представителей Комитета от Польши Анджею Якубовскому, «общее количество дел, урегулиро-

ванных благодаря рекомендациям Комитета, не впечатляет», ввиду формально-юридического подхода и политической сложности рассматриваемых случаев [13, с. 462].

Один из самых ярких примеров – уже ранее упомянутые мраморные скульптурные фрагменты Парфенона. Греция еще в 1984 году подала официальный запрос в Комитет о реституции скульптурной группы из Британского музея, однако несмотря на усилия Комитета, призывы к мирному разрешению спора, привлечению Генерального секретаря ЮНЕСКО, британское правительство и руководство музея отклонили любые попытки в возвращении культурных объектов [13, с. 462]. Таким образом, ввиду отсутствия у Комитета инструментов принуждения, любой случай возврата незаконно полученных предметов искусства зависит от воли и согласия стороны, у которой в неправомерном владении находится этот объект.

Итак, несмотря на наличие международных инструментов – Конвенций 1954, 1970 и 1995 годов – и даже отдельных органов под эгидой ЮНЕСКО, таких как Межправительственный комитет, страны Африки бессильны в отношении возвращения своего искусства, похищенного в колониальные времена. Отсутствие ретроактивного действия – главное препятствие на пути к реституции. Важно отметить, что противниками включения данного критерия в текст Конвенций являются в первую очередь бывшие колониальные державы. Например, при обсуждении в 1964 году на полях ЮНЕСКО «Рекомендаций о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на культурные объекты» – документа, являвшегося предтечей Конвенции 1970 года, – представителем Великобритании был направлен отдельный комментарий, в котором подчеркивалась важность «непринятия обязательной конвенции, применение которой имело бы обратную силу» [18, с. 23]. Следовательно, финальное принятие решения о возвращении тех или иных культурных объектов зависит практически исключительно от доброй воли бывших европейских колониальных державах.

Среди европейских стран Францию можно назвать одной из передовых в области реституции культурных ценностей в страны их происхождения.

Соответствующее принципиальное решение в пользу реституции африканских культурных ценностей было принято Францией в 2017 года, во многом благодаря личной позиции президента Пятой республики Эмманюэля Макрона. «Я не могу согласиться с тем, что значительная часть культурного наследия нескольких африканских стран хранится во Франции. Этому есть исторические объяснения, но нет веского, долговременного и безусловного оправдания. <…> Я хочу, чтобы в течение пяти лет были созданы условия для временного или постоянного возвращения африканского наследия в Африку» [7], – заявил французский президент в своей программной речи в Университете Уагадугу 28 ноября 2017 года. В своей речи Э. Макрон называет культуру «лекарством» [7], способным перестроить будущие взаимоотношения Франции и всего африканского континента. Из этого следует, что французский президент, инициируя новую политику страны, опирался на два основных фактора:

- реституция как этическая и моральная, нежели юридически необходимая мера;
- реституция как способ построения новых взаимоотношений с африканскими странами.

В последствии французский парламент при подготовке первых законодательных проектов по реституции некоторых культурных объектов также прокомментировал необходимость и неизбежность новой политики. Согласно одному из отчетов парламентариев, у Франции «не оставалось другого выхода, кроме как заняться вопросом» реституции, ввиду увеличившегося количества реституционных запросов из африканских стран, а также «усиливающейся изоляции Франции в рамках ЮНЕСКО по данным вопросам» [22, с. 6].

Действительно, в течение второй половины XX века и первого десятилетия XXI века французское государство выступало против реституции как таковой. При голосовании в Генеральной ассамблее по резолюциям, посвященным реституции, Франция регулярно «воздерживалась» [29]. Париж ратифицировал Конвенцию 1970 года лишь в 1997 году, а Конвенцию УНИДРУА 1995 года не ратифицирована вовсе. Вплоть до прихода к власти Э. Макрона Франция регулярно отклоняла любые просьбы по реституции, тем самым, по сути, игнорируя инициативы и международные документы на уровне ЮНЕСКО. Так руководство страны поступило и в 2016 году, отклонив просьбу Бенина о возвращении произведений искусства, сославшись на принцип неотчуждаемости французских предметов искусства, находящихся во владении французских музеев [20, с. 356].

Однако за все эти годы необходимость реституции начала укрепляться в общественном сознании – все больше людей требует более этического подхода к управлению музейными коллекциями [22, с. 9] не только от Франции, но и от других бывших колониальных держав. При этом французские парламентарии подчеркивают – общеевропейское решение проблемы возвращения культурных ценностей невозможно, по-

скольку «дипломатические последствия реституции столь значительны, из-за чего каждое государство предпочитает решать подобные вопросы на двустороннем уровне» [22, с. 10].

Францию же можно назвать локомотивом этого процесса, когда благодаря личной позиции президента Эмманюэля Макрона, а также продолжающемуся международному дискурсу, французское государство сделало официальный поворот в сторону реституции.

Как поясняют парламентарии, реституция обладает двойной целью. Во-первых, возвращение культурных ценностей их первоначальным владельцам позволит «африканской молодежи получить доступ к своему собственному наследию» [24, с. 6]. Здесь сенаторы ссылаются на реституцию культурных ценностей как инструмент восстановительного правосудия (“justice réparatrice”) – возвращение культурного наследия в те страны, откуда оно было похищено, для восстановления их памяти и культурной идентичности. Восстановительное правосудие давно стало консенсусом в стенах ЮНЕСКО, начиная свой отсчет со знаменитого призыва Генерального директора ЮНЕСКО Амаду Махтара М’Боу в 1978 году. «Народы, ставшие жертвами этих разграблений, <…> были лишены не только невосполнимых шедевров, но и памяти. <…> Преобладание принципа fait accompli – пережиток варварских времен и источник негодования и разногласий» [4, с. 58], — заявлял Генеральный директор в своем обращении «За возвращение незаменимого культурного наследия тем, кто его создал». Провозгласив главной целью возврат культурных ценностей как ключевого элемента национальной идентичности народов своих бывших колоний, Франция тем самым не только подтверждает стремление к гармонизации национальной политики с принципами, провозглашаемыми ЮНЕСКО, но и частично отказывается от всеобъемлющего принципа неотчуждаемости, того самого «свершившегося факта» в виде колониализма.

Однако, существует тонкий момент, связанный с признанием колониальной эпохи жестоким и извинениями за действия колониальных властей. Э.Макрон в период своей избирательной кампании 2017 г. осуждал колониальное прошлое Франции и призывал французских политиков извиниться за военные преступления в бывших колониях, за что был подвергнут критике как со стороны многих видных политиков, так и избирателей. Однако, в последующем став президентом он отказался приносить официальные извинения бывшим колониям. Тем не менее, в рамках нескольких отдельных кейсов Э.Макрон признал случаи нарушений и военных преступлений в бывших колониях, как, скажем, в отношении Камеруна, когда по итогам работы совместной франко-камерунской комиссии в 2025 г. были обнародованы факты жестокого подавления французскими колониальными властями движения за независимость и разнообразных «форм насильственных репрессий» и после 1960 г. [23], а также Алжира – с признанием участия французских военных в убийстве национального героя этой страны – адвоката и борца за независимость Али Буменджаля в 1957 г. [12] Таким образом, в действиях Э. Макрона прослеживаются попытки поиска компромисса между личной позицией в рамках тренда на восстановление исторической правды в отношении колониального прошлого Франции с сопротивлением общественности и политических элит принесению официальных извинений, в результате которого прослеживается принятие неких «срединных» решений в каждом отдельном случае. При этом, пусть и небольшими шагами, но постепенно это может привести к изменению в общественном сознании, ввиду имеющегося в западном обществе, по мнению доцента МГИМО А. Тэвдой-Булмули, «тренда на этические запросы» [3], и закрепить необходимость пересмотра отношения к колониальному прошлому, признанию его ошибок для их учета в выстраивании отношений со странами Африки в будущем. В этом ключе, реституция может стать для Франции инструментом положительного сдвига как в понимании народами бывших колоний своего наследия, возвращения исторической памяти, так и принятия ответственности и переосмысления колониального прошлого бывшей метрополией для выстраивания концептуально нового вида взаимоотношений между Парижем и странами Африки.

Во-вторых, возврат культурных ценностей направлен на «укрепление культурного взаимодействия между Францией и африканским континентом» через «сильный и символичный жест» [24, с. 7] реституции. Тем самым, французское государство подчеркивает свое намерение к новому, «мягкому» взаимодействию с африканскими странами.

Однако реституция со стороны Франции – это не только политическая воля Э.Макрона, она обусловлена также рядом геополитических причин. С одной стороны, это ухудшение отношений с африканскими странами. С другой стороны, Париж столкнулся с нарастающей конкуренцией с другими странами за влияние в регионе, в том числе РФ и КНР, активно развивающих данный вектор своей внешней политики посредством расширения экономического и политического сотрудничества в формате форумов «Россия-Африка» и в рамках инициативы «Один пояс – один путь» соответственно.

Во внешней политике Франции в Африке при президентстве Эммануэля Макрона ключевыми направлениями стали переориентация традиционных франко-африканских связей на более прагматичное партнёр-

ство с акцентом на экономическое сотрудничество, уважение суверенитета африканских государств и многостороннее взаимодействие. Париж предпринял попытки дистанцироваться от наследия неоколониальной по своей сути политики «FranceAfrique», используя дипломатические и культурные инициативы, а также сокращая прямое военное присутствие в странах Сахеля и Западной Африки в пользу консультационных и совместных программ с ЕС, ООН и региональными организациями. Одновременно сохранялась поддержка стратегических союзников, что демонстрируется укреплением экономических и инфраструктурных связей, например, с Габоном, где были заключены новые соглашения по развитию транспорта и горнорудной отрасли.

Тем не менее, эта политика столкнулась с серьёзными провалами. Во-первых, вывод французских контингентов и прекращение операции «Бархан» в Сахеле сопровождались утратой влияния и усилением антифранцузских настроений, что привело к выходу Мали, Нигера и Буркина-Фасо из традиционных зон сотрудничества и их сближению с новыми внешними акторами. Во-вторых, экономические позиции Франции ослабли: снижение занятости на рынках и сокращение доли торговли, в частности продовольствия, создало пространство для наращивания влияния других игроков, таких как Россия и Китай. Эти неудачи обусловлены сочетанием политических и исторических факторов – слабым учётом растущей африканской независимости, реакцией на колониальное прошлое и конкуренцией со стороны глобальных и региональных игроков.

Вместе с тем, определённые успехи достигнуты в переосмыслении двусторонних отношений и смещении фокуса с военного доминирования на экономическое сотрудничество и уважение суверенитета. Такая адаптация стратегии позволила Парижу поддерживать диалог с рядом государств и формировать новые форматы партнерства, хотя и с ограничениями из-за уменьшения влияния в традиционных франкофонных странах и сохраняющейся критики со стороны части африканских лидеров.

Таким образом, в условиях поиска путей улучшения отношений с бывшими африканскими колониями, а также нового формата взаимодействия, реституция становится одним из активных инструментов, применяемых правительством Э.Макрона, и имеющих целью улучшение имиджа страны в государствах Африки. Франция перезапустила политический тренд, выведя вопрос реституции из застывшего во времени status quo. Пятая республика стала первой из бывших европейских колониальных держав, напрямую заявивших о реституции на национальном уровне. Другие европейские страны, – Германия, Бельгия, Нидерланды, Великобритания, – в некоторых аспектах, например, принятия рамочного законодательства о реституции или объемах возвращаемого наследия, быстро обогнали Францию. Однако все они начали свою национальную политику только после речи Э. Макрона в Уагадугу.

Доклад «Реституция африканского культурного наследия. К новой реляционной этике», подготовленный в 2018 году учеными Бенедикт Савуа и Фельвином Сарром именно по поручению Эмманюэля Макрона, вызвал резонанс по всей Европе. Для одних доклад, призывающий к реституции полученных в колониальную эпоху культурных ценностей, был естественным продолжением международной и национальной политики. Для других – угрозой, которая может привести к опустошению европейских музеев, защищавших африканское искусство, как высказываются самые консервативные спикеры, от «невежества, термитов и религиозных сожжений» [19] на родине. Тем не менее, именно с подачи французского президента научная дискуссия приняла общеевропейский характер.

В ноябре 2019 года Сенегалу был торжественно возвращен первый объект – сабля Омара Эль-Хаджа [31]. Спустя четыре года после речи в Буркина-Фасо Франция осуществила первую масштабную реституцию – в ноябре 2021 года 26 объектов вернулись в Бенин [14]. А в июле 2025 года Кот-д'Ивуару был возвращен «говорящий барабан» Джиджи Айокве, обещанный Э. Макроном еще в 2021 году [16]. Каждой из реституций предшествовали долгие обсуждения в парламенте и принятие отдельных законов. Согласно статье L451-5 Кодекса национального достояния, все французское имущество, являющееся частью публичных музейных коллекций, считается «неотчуждаемыми». То есть права собственности на него не могут быть полностью «переданы каким-либо образом, добровольно или принудительно, за вознаграждение или безвозмездно» другому государству [26], а значит каждый раз требуется отдельное разрешение со стороны парламента.

Выйти из данного юридического тупика поможет рамочное законодательство, однако и его принятие затягивается. Изначально закон должен был поступить на обсуждение в парламент в 2024 году, однако чтение было отложено в связи с комментарием Государственного Совета, посчитавшим «ведение международных отношений и культурное сотрудничество» недостаточно веским основанием для отхода от принципа неотчуждаемости [15]. Обновленный законопроект будет обсуждаться в Сенате в течение 2026 года.

Несмотря на отсутствие рамочного законодательства, реституция культурных ценностей дала некоторые положительные плоды в двусторонних отношениях. Бенинские политические и культурные деятели отреагировали на возвращение артефактов исключительно положительно. «В истории страны бывают моменты, которые меняют ход событий. Этот момент, который мы переживаем сейчас, навсегда останется в нашей памяти», – заявил министр иностранных дел Орельен Агбенонси (2016-2023) [8].

Положительно была встречена новость не только чиновниками, но и простыми жителями Бенина. Сотни людей с самого утра собрались на улице, чтобы встретить кортеж с возвращенными предметами искусства. Проезд священных статуй сопровождал звук музыкальных инструментов, а сами бенинцы были одеты в праздничную церемониальную и традиционную одежду [5]. Пожалуй, прибытие реликвий в Бенин можно сравнить с праздником. После возвращения предметы искусства были временно выставлены в президентском дворце в Котону, чтобы желающие могли увидеть их вживую. Экспозицию ждал успех – в течение 66 дней ее посетило больше 220 000 человек [21], что говорит о крайне высоком спросе бенинцев на искусство своих предков.

Беря во внимание крайний успех реституции, можно с уверенностью сказать, что возвращение предметов искусства дало значительный импульс отношениям Франции и Бенина. Французский посол в Бенине Марк Визи после церемонии возвращения отметил, что реституция – «это целая программа работы», «партнерство, [которое] будет продолжаться» и в других совместных проектах: создание Музея Абомеи, подготовка и обучение кураторов и гидов [25].

Подобные «мягкие» действия влияют значительным образом не только непосредственно на безусловно выделяющееся культурное взаимодействие двух стран, но и на другие аспекты двусторонних отношений. Реституция показывает, что Франция рассматривает отношения с Бенином на равных, приближая их к более к партнерским. В течение нескольких лет после возвращения культурных объектов отношения между Францией и Бенином продолжают развиваться в положительном ключе: Французское агентство по развитию финансирует строительство в Бенине первой солнечной электростанции [9]; в 2022 году были созданы две двусторонние рабочие группы, нацеленные на создание полноценного партнерства в приоритетных областях экономики [6]; продолжается взаимоотношение и в военной сфере, ознаменовавшееся заходом десантного вертолетоносца Tonnerre в порт Бенина в ноябре 2025 года для проведения совместных учений [10].

Однако попытки включения «мягкой силы» в арсенал французской политики – скорее дополнение для укрепления общего двустороннего сотрудничества. Так, в ноябре 2019 года, за несколько дней до передачи сабли Сенегалу, министр вооруженных сил Сенегала и французская судостроительная компания Piriou подписали контракт на продажу военно-морским силам Сенегала трех 62-метровых многоцелевых патрульных кораблей OPV 58 S [17]. Реституция в данном случае может служить как дополнительный инструмент влияния, символический знак признания продолжающемуся военному сотрудничеству двух стран в турбулентном для Франции регионе.

Действительно, Франция сейчас переживает для себя, пожалуй, одну из самых значительных перемен в отношениях с бывшими колониями. Желая покончить с политикой FranceAfrique, Эммануэль Макрон в течение своего второго президентского срока значительно сократил военное присутствие на африканском континенте. В течение нескольких лет с 2022 по 2025 года Франция вывела свои войска и передала военные базы национальным правительствам Центральной Африканской Республики, Чада, Кот-д’Ивуара и Сенегала, оставив лишь военную группу в Габоне и военную базу в Джибути [11]. Окончание военного присутствия – важный шаг Франции к более равноправному партнерству с африканскими государствами, отход от неоколониальных практик. Продолжающаяся рука в руку с этим политика по реституции может служить дополнительным стимулом к укреплению двусторонних отношений, показателем доброжелательности намерений французского государства.

Здесь стоит отметить, однако, что инструменты «мягкой силы» применимы только к странам, изначально настроенным на нейтральное или положительное взаимодействие с Францией. Мали, Нигер и Буркина Фасо, в первой половине 2020-х годов сформировавших свой собственный антифранцузский альянс после череды военных переворотов, явно не будут ждать возвращения культурных артефактов. Нестабильная обстановка в данных странах сама по себе не благоприятствует возвращению в них ценных культурных объектов. А значит «мягкая сила» применительно к восстановлению двусторонних отношений будет бессильна.

Выводы

Перезапустив реституцию африканских культурных ценностей в реалиях XXI века, Франция смогла привнести на весь европейских континент новое направление для взаимоотношений с Африкой. Реституция для Франции – не только попытка восстановления исторической справедливости, декларируемое с трибун ЮНЕСКО с 1970-х годов. Это еще и новый, «мягкий» инструмент влияния. Франция, путем реституции культурных ценностей в африканские страны укрепляет двусторонние связи, продвигает выгодные для себя условия сотрудничества, а также создает основу для перезагрузки отношений на новых, более партнерских условиях, тем самым создавая образ Франции-друга взамен Франции-неоколонизатора. В условиях постоянного риска вооруженных переворотов, а также противостояния с Китаем и Россией за влияние на африканском континенте в экономической и военно-промышленной сферах соответственно, Франции важно сохранить имеющихся союзников в данном регионе, для чего в ход идут разные средства, включая культурные.

Список источников

1. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: Логос, 1993.
2. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: Логос, 1993.
3. Моисеев Д. Франция покаялась перед бывшей колонией // Независимая газета. 2021. URL: https://www.ng.ru/world/2021-03-03/6_8094_france.html (дата обращения: 30.03.2026)
4. A Plea for the return of an irreplaceable cultural heritage to those who created it // Museum. 1979. Vol. XXXI. № 1. С. 58.
5. Benin celebrates return of stolen heritage 130 years on // Justiceinfo.net. URL: https://www.justiceinfo.net/en/84292-benin-celebrates-return-stolen-heritage-130-years-on.html (дата обращения: 30.03.2026)
6. Bénin. Relations bilatérales // France Diplomatie. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/benin/relations-bilaterales/ (дата обращения: 30.03.2026)
7. Emmanuel Macron’s speech at the University of Ouagadougou // Élysée. URL: https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2017/11/28/emmanuel-macrons-speech-at-the-university-of-ouagadougou (дата обращения: 30.03.2026)
8. Émus, les Béninois célèbrent le retour à Cotonou des 26 trésors pillés par la France // France24. URL: https://www.france24.com/fr/afrique/20211110-la-france (дата обращения: 30.03.2026)
9. Énergie // Ambassade de France au Bénin. URL: https://bj.diplomatie.gouv.fr/relations-bilaterales/energie (дата обращения: 30.03.2026)
10. Escale du Porte-Hélicoptères Amphibie (PHA) Tonnerre au Bénin // Ambassade de France au Bénin. URL: https://bj.diplomatie.gouv.fr/escale-du-porte-helicopteres-amphibie-pha-tonnerre-au-benin (дата обращения: 30.03.2026)
11. Former colonial ruler France hands over its last military bases in Senegal // Al Jazeera. URL: https://www.aljazeera.com/news/2025/7/17/former-colonial-ruler-france-hands-over-its-last-military-bases-in-senegal (дата обращения: 30.03.2026)
12. Guerre d’Algérie: Macron reconnaît l’assassinat d’Ali Boumendjel // Le point. 2021. URL: https://www.lepoint.fr/monde/guerre-d-algerie-macron-reconnait-l-assassinat-d-ali-boumendjel-03-03-2021-2416139_24.php (дата обращения: 30.03.2026)
13. Jakubowski A. Intergovernmental Committee for Promoting the Return of Cultural Property to Its Countries of Origin or Its Restitution in Case of Illicit Appropriation (ICPRCP) // The 1970 UNESCO and 1995 UNIDROIT Conventions on Stolen or Illegally Transferred Cultural Property. A Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2024. P. 450 – 473.
14. La France restitue solennellement 26 trésors pillés au Bénin // Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2021/11/09/la-france-restitue-solennellement-26-tresors-pilles-au-benin_6101476_3212.html (дата обращения: 30.03.2026)
15. Le Conseil d’Etat relève un frein aux restitutions d’œuvres d’art acquises par la France dans des conditions abusives // Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/culture/article/2024/03/26/le-conseil-d-etat-releve-un-frein-aux-restitutions-d-uvres-d-art-acquises-par-la-france-dans-des-conditions-abusives_6224262_3246.html (дата обращения: 30.03.2026)

16. Le Parlement autorise la restitution du tambour parleur « Djidji Ayôkwé » à la Côte d'Ivoire // Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2025/07/07/le-parlement-autorise-la-restitution-du-tambour-parleur-djidji-ayokwe-a-la-cote-d-ivoire_6619670_3212.html (дата обращения: 30.03.2026)

17. Le Sénégal signe avec Piriou l'acquisition de 3 OPV 62m // Piriou. URL: https://www.piriou.com/le-senegal-signe-avec-piriou-lacquisition-de-3-opv-62m/ (дата обращения: 30.03.2026)

18. Means of prohibiting the illicit export, import and sale of cultural property : final report, CUA123 + ADD.1, WS/0364.53. Annex I. UNESCO, 1963. 26 с.

19. Oswald M. The 'Restitution Report': First Reactions in Academia, Museums, and Politics // CARMAH. URL: https://www.carmah.berlin/reflections/restitution-report_first-reactions/ (дата обращения: 30.03.2026)

20. Perrot X. Colonial Booty and Its Restitution – Current Developments and New Perspectives for French Legislation in This Field // Santander Art and Culture Law Review. 2022. № 2 (8). С. 355 – 370.

21. Pourquoi les trésors royaux restitués au Bénin ont été remis en caisses // Justiceinfo.net. URL: https://www.justiceinfo.net/fr/115173-pourquoi-tresors-royaux-restitues-benin-remis-en-caisses.html (дата обращения: 30.03.2026)

22. Rapport d'information n° 239 (2020-2021) / Sénat. Paris, 2020. 52 с.

23. Rapport du Volet. Recherche de la Commission France – Cameroun: la commission mixte franco-camerounaise pluridisciplinaire. 2025. URL: https://www.vie-publique.fr/rapport/297054-rapport-du-volet-recherche-de-la-commission-france-cameroun (дата обращения: 30.03.2026)

24. Rapport n° 91 (2020-2021) / Sénat. Paris, 2020. 59 с.

25. Restitution des 26 œuvres culturelles: Marc Vizy dévoile la suite du partenariat avec le Bénin // La Nouvelle Tribune. URL: https://lanouvelletribune.info/2021/11/restitution-des-26-oeuvres-culturelles-marc-vizy-devoile-la-suite-du-partenariat-avec-le-benin/ (дата обращения: 30.03.2026)

26. Restitution des biens culturels: une nouvelle politique de coopération patrimoniale entre la France et l'Afrique // France Diplomatie. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/afrique/culture/restitution-des-biens-culturels/ (дата обращения: 30.03.2026)

27. "Return & Restitution" Intergovernmental Committee // UNESCO. URL: https://www.unesco.org/en/fight-illicit-trafficking/return-and-restitution?hub=416 (дата обращения: 30.03.2026)

28. Return and Restitution under the aegis of the ICPRCP // UNESCO. URL: https://www.unesco.org/en/fight-illicit-trafficking/return-and-restitution-under-icprcp (дата обращения: 30.03.2026)

29. Return or restitution of cultural property to the countries of origin : resolution / adopted by the General Assembly // UN Digital Library. 1983. URL: https://digitallibrary.un.org/record/278644 (дата обращения: 30.03.2026)

30. Sarr F., Savoy B. The Restitution of African Cultural Heritage. Toward a New Relational Ethics. Paris : Ministère de la Culture, 2018.

31. Simonis F. « La première œuvre qui est "restituée" à l'Afrique est un objet européen » // Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2019/11/24/la-premiere-uvre-qui-est-restituee-a-l-afrique-est-un-objet-europeen_6020342_3212.html (дата обращения: 30.03.2026)

32. States Parties to the 1954 Hague Convention and its two (1954&1999) Protocols // UNESCO. URL: https://www.unesco.org/en/heritage-armed-conflicts/states-parties?hub=180145 (дата обращения: 30.03.2026)

References

1. Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict. International Standards of UNESCO. Moscow: Logos, 1993.

2. Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property. International Standards of UNESCO. Moscow: Logos, 1993.

3. Moiseyev, D. "France Repented Before Its Former Colony". Nezavisimaya Gazeta. 2021. URL: https://www.ng.ru/world/2021-03-03/6_8094_france.html (date of access: 30.03.2026)

4. A Plea for the Return of an Irplaceable Cultural Heritage to Those Who Created It. Museum. 1979. Vol. XXXI. No. 1. P. 58.

5. Benin celebrates return of stolen heritage 130 years on. Justiceinfo.net. URL: https://www.justiceinfo.net/en/84292-benin-celebrates-return-stolen-heritage-130-years-on.html (date of access: 30.03.2026)

6. Bénin. Relations bilaterales. France Diplomatie. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/benin/relations-bilaterales/ (date of access: 30.03.2026)

7. Emmanuel Macron's speech at the University of Ouagadougou. Élysée. URL: https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2017/11/28/emmanuel-macrons-speech-at-the-university-of-ouagadougou (date of access: 30.03.2026)

8. Émus, les Beninois célèbrent le retour à Cotonou des 26 trésors pillés par la France. France24. URL: https://www.france24.com/fr/afrique/20211110-la-france (date of access: 30.03.2026)

9. Énergie. Ambassade de France au Bénin. URL: https://bj.diplomatie.gouv.fr/relations-bilaterales/energie (date of access: 30.03.2026)

10. Escale du Porte-Hélicoptères Amphibie (PHA) Tonnerre au Bénin. Ambassade de France au Bénin. URL: https://bj.diplomatie.gouv.fr/escale-du-porte-helicopteres-amphibie-pha-tonnerre-au-benin (date of access: 30.03.2026)

11. Former colonial ruler France hands over its last military bases in Senegal. Al Jazeera. URL: https://www.aljazeera.com/news/2025/7/17/former-colonial-ruler-france-hands-over-its-last-military-bases-in-senegal (date of access: 30.03.2026)

12. Guerre d'Algérie: Macron reconnaît l'assassinat d'Ali Boumendjel. Le point. 2021. URL: https://www.lepoint.fr/monde/guerre-d-algerie-macron-reconnait-l-assassinat-d-ali-boumendjel-03-03-2021-2416139_24.php (date of access: 30.03.2026)

13. Jakubowski A. Intergovernmental Committee for Promoting the Return of Cultural Property to Its Countries of Origin or Its Restitution in Case of Illicit Appropriation (ICPRCP). The 1970 UNESCO and 1995 UNIDROIT Conventions on Stolen or Illegally Transferred Cultural Property. A Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2024. P. 450 – 473.

14. La France restitue solennellement 26 trésors pillés au Bénin. Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2021/11/09/la-france-restitue-solennellement-26-tresors-pilles-au-benin_6101476_3212.html (date of access: 30.03.2026)

15. Le Conseil d'Etat relève un frein aux restitutions d'œuvres d'art acquises par la France dans des conditions abusives. Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/culture/article/2024/03/26/le-conseil-d-etat-releve-un-frein-aux-restitutions-d-uvres-d-art-acquises-par-la-france-dans-des-conditions-abusives_6224262_3246.html (date of access: 30.03.2026)

16. Le Parlement autorise la restitution du tambour parleur "Djidji Ayôkwé" à la Côte d'Ivoire. Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2025/07/07/le-parlement-autorise-la-restitution-du-tambour-parleur-djidji-ayokwe-a-la-cote-d-ivoire_6619670_3212.html (date of access: 30.03.2026)

17. Le Sénégal signe avec Piriou l'acquisition de 3 OPV 62m. Piriou. URL: https://www.piriou.com/le-senegal-signe-avec-piriou-lacquisition-de-3-opv-62m/ (date of access: 30.03.2026)

18. Means of prohibiting the illicit export, import and sale of cultural property: final report, CUA123 + ADD.1, WS/0364.53. Annex I. UNESCO, 1963. 26 p.

19. Oswald M. The 'Restitution Report': First Reactions in Academia, Museums, and Politics. CARMAH. URL: https://www.carmah.berlin/reflections/restitution-report_first-reactions/ (date of access: 30.03.2026)

20. Perrot X. Colonial Booty and Its Restitution – Current Developments and New Perspectives for French Legislation in This Field. Santander Art and Culture Law Review. 2022. No. 2 (8). P. 355 – 370.

21. Pourquoi les trésors royaux restitués au Bénin ont été remis en caisses. Justiceinfo.net. URL: https://www.justiceinfo.net/fr/115173-pourquoi-tresors-royaux-restitues-benin-remis-en-caisses.html (date of access: 30.03.2026)

22. Rapport d'information n° 239 (2020-2021). Senat. Paris, 2020. 52 pp.

23. Rapport du Volet. Recherche de la Commission France – Cameroun: la commission mixte franco-camerounaise pluridisciplinaire. 2025. URL: https://www.vie-publique.fr/rapport/297054-rapport-du-volet-recherche-de-la-commission-france-cameroun (date of access: 30.03.2026)

24. Rapport n° 91 (2020-2021). Senat. Paris, 2020. 59 p.

25. Restitution des 26 œuvres culturelles: Marc Vizy dévoile la suite du partenariat avec le Bénin. La Nouvelle Tribune. URL: https://lanouvelletribune.info/2021/11/restitution-des-26-oeuvres-culturelles-marc-vizy-devoile-la-suite-du-partenariat-avec-le-benin/ (date of access: 30.03.2026)

26. Restitution des biens culturels: une nouvelle politique de coopération patrimoniale entre la France et l'Afrique. France Diplomatie. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/afrique/culture/restitution-des-biens-culturels/ (date of access: 30.03.2026)

27. "Return & Restitution" Intergovernmental Committee. UNESCO. URL: https://www.unesco.org/en/fight-illicit-trafficking/return-and-restitution?hub=416 (date of access: 30.03.2026)

28. Return and Restitution under the aegis of the ICPRCP. UNESCO. URL: https://www.unesco.org/en/fight-illicit-trafficking/return-and-restitution-under-icprcp (date of access: 30.03.2026)

29. Return or restitution of cultural property to the countries of origin: resolution. adopted by the General Assembly. UN Digital Library. 1983. URL: https://digitallibrary.un.org/record/278644 (date of access: 30.03.2026)

30. Sarr F., Savoy B. The Restitution of African Cultural Heritage. Toward a New Relational Ethics. Paris: Ministère de la Culture, 2018.

31. Simonis F. “La première œuvre qui est “restituée” à l’Afrique est un objet européen”. Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2019/11/24/la-premiere-uvre-qui-est-restituee-a-l-afrique-est-un-objet-europeen_6020342_3212.html (date of access: 30.03.2026)

32. States Parties to the 1954 Hague Convention and its two (1954&1999) Protocols. UNESCO. URL: https://www.unesco.org/en/heritage-armed-conflicts/states-parties?hub=180145 (date of access: 30.03.2026)

Информация об авторах

Валеева-Хакимова Р.Р., кандидат исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Никифоров А.С., аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет

© Валеева-Хакимова Р.Р., Никифоров А.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(53)
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-259-266

Влияние социокультурных особенностей арабских племен Южной Аравии на колониальную политику Британской империи в Адене и на территории Аденских протекторатов

[1] Гусев А.А.,
[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: культура общества оказывает большое влияние на экономическое развитие и государственное строительство.

Культура общества – совокупность норм, традиций, ценностей и обычаев, которые определяют взаимодействие между людьми в обществе и с государственными институтами власти.

Государственные институты стабильны, когда они не конфликтуют с культурой общества.

По мнению американского ученого Самюэля Хантингтона, при взаимодействии разных культур неизбежны конфликты, поэтому представляет интерес, каким образом Британской империи удалось осуществлять свою колониальную политику в Адене, избегая серьезного противостояния с арабским населением.

В статье утверждается, что Британской империи удавалось достигнуть стабильности в Южной Аравии в течение более чем ста лет благодаря тому, что их колониальная политика не входила в конфликт с культурой арабских племен.

Для оценки культурных особенностей арабских племен Аденских протекторов в настоящей статье использовалась социологическая методика, которую предложил нидерландский социолог Герт Хофстед.

В статье выделено четыре исторических периода колониального управления Британской империей Южной Аравией. Проведен анализ успешности политики Британии в зависимости от степени вмешательства империи во внутренний уклад арабских племен.

Статья может представлять интерес для студентов исторических и политэкономических факультетов.

Ключевые слова: Аден, Британская империя, Южная Аравия, протектораты, менталитет, Герт Хофтстед

Для цитирования: *Гусев А.А. Влияние социокультурных особенностей арабских племен Южной Аравии на колониальную политику Британской империи в Адене и на территории Аденских протекторатов // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 259 – 266. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-259-266*

Поступила в редакцию: 12 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

The influence of the socio-cultural characteristics of the Arab tribes of South Arabia on the colonial policy of the British Empire in Aden and on the territory of the Aden Protectorates

[1] Gusev A.A.,
[1] Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: the culture of a society greatly influences economic development and state building.

The culture of a society is the set of norms, traditions, values, and customs that define interactions between people in society and with state institutions.

State institutions are stable when they do not conflict with the culture of a society.

According to the American scholar Samuel Huntington, conflicts are inevitable when different cultures interact, so it is of interest to understand how the British Empire managed to implement its colonial policy in Aden without serious confrontation with the Arab population.

This article argues that the British Empire achieved stability in South Arabia for over a hundred years because its colonial policy did not conflict with the culture of the Arab tribes.

To assess the cultural characteristics of the Arab tribes of the Aden Protectors, this article uses a sociological approach proposed by the Dutch sociologist Geert Hofstede.

The article identifies four historical periods of the British Empire's colonial rule over South Arabia. An analysis of the success of British policy was conducted based on the degree of imperial intervention in the internal affairs of Arab tribes.

The article may be of interest to students of history and political economy.

Keywords: Aden, British Empire, South Arabia, protectorates, mentality, Geert Hoftstede

For citation: *Gusev A.A. The influence of the socio-cultural characteristics of the Arab tribes of South Arabia on the colonial policy of the British Empire in Aden and on the territory of the Aden Protectorates. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 259 – 266. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-259-266*

The article was submitted: April 12, 2026; Approved after reviewing: May 10, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Начиная с середины XIX века по конец шестидесятых годов XX века, Британская империя осуществляла колониальный контроль над Аденом и обширной территорией, впоследствии именуемой Аденскими протекторатами или Южным Йеменом. Большую часть времени управления этой территорией Великобритании удавалось осуществлять колониальный контроль минимальными военными и административными средствами.

В начале изучения этого феномена создается иллюзия, что вековая стабильность была достигнута благодаря исключительно британской политике «Умной силы», то есть сочетанию культурно-экономического влияния («Мягкой и силы») и ограниченного военного насилия. (Понятие «умной силы» (smart power) ввел американский политолог Джозеф Най-младший.)

Подробное описание британской политики «Умной силы» в Адене и Аденских протекторатах изложено мною в статье «Методы жёсткой и мягкой силы, применяемые Британской империей при колонизации Адена и создании протекторатов Южной Аравии» [5, с. 141-146].

Другие причины длительной политической стабильности в Адене становятся ясными при сравнении колонизации Британской империй Южного Йемена и Османской империей Северного Йемена [7, с. 148].

Османская империя, осуществляя свою повторную колонизацию значительно позднее Британской империи, во многом копировала политику Британии в этом регионе, однако, Османская империя не смогла достигнуть стабильности на контролируемой территории на протяжении всего колониального периода.

В статье проверяется гипотеза, что успехи Британии в колонизации Южной Аравии связаны с тем, что британская политика практически не оказывала влияния на образ жизни арабских племен, сложившийся под влиянием истории, религии, языка и других факторов.

Целью настоящей статьи является доказательство данной гипотезы. С этой целью было исследовано выстраивание отношений между британской колониальной администрацией и арабскими племенами на протяжении четырех исторических периодов.

Материалы и методы исследований

Для изучения вопроса в настоящей работе будет использован социокультурный и диахронный методы исторического исследования, которые позволят проследить причины возникновения, трансформации и упадка колониальной политики Британской империи в Южной Аравии.

Используемый метод связан с французской исторической школой «Анналов» – «новой исторической наукой», сделавшей понятие «ментальность» («менталитет») предметом исторического анализа. Для понятия «ментальность» у историков французской школы «Анналов» нет единого определения. Мне ближе определение этого термина, предложенное французским историком Жаком Луи Ле Гоффом: «Ментальность любого исторического индивида, сколь бы значимым он ни был, представляет собой то общее, что этот индивид разделяет с другими людьми своего времени».

Менталитет является частью внутреннего мира человека, сознательного и бессознательного, логического и эмоционального; его чувств, убеждений, воли, верований и установок; моделей и стереотипов поведения. Менталитет объединяет людей в некоторую общность.

Данное определение максимально близко к социологическому термину культурный код, методику оценки которого предложил нидерландский социолог Герт Хофстед.

Для оценки социокультурных особенностей арабских племен Южной Аравии будут использованы усредненные индикаторы модели Герта Хофстеда для Йемена. Эти индикаторы близки к усредненным индикаторам других арабских стран.

Под культурным кодом в настоящей работе будут подразумеваться ценности и поведенческие установки, разделяемые определенным сообществом и медленно меняющиеся во времени [1, с. 8].

Культура общества порождает неформальные институты, служащие фундаментом для формальных институтов. Неформальные институты нации крайне устойчивы, и определяют формальные институты [6, с. 9].

Культурный портрет арабских племен будет построен по методике нидерландского социолога Герта Хофстеда. Индикаторы, используемые в своей методике Хофстедом, менялись по ходу ее совершенствования [9, с. 290].

В начале использовались четыре индикатора, которые были выявлены на основании соцопросов, затем добавлен пятый индикатор – долгосрочная ориентация, а в конце жизни Хофстед добавил шестой – терпение [2, с. 52].

Результаты и обсуждения

После определения культурного кода арабских племен было выбрано несколько исторических периодов колонизации и сделаны выводы о том, что успешные периоды колонизации были связаны с отсутствием вмешательства во внутренний уклад арабских племен, а крах колониальной системы в Южной Аравии – с отказом Британии от политики невмешательства.

Параметры индикаторов культурных особенностей арабских племен из сравнительной гистограммы Герта Хофстеда для Йемена (https://geerthofstede.com/) [11].

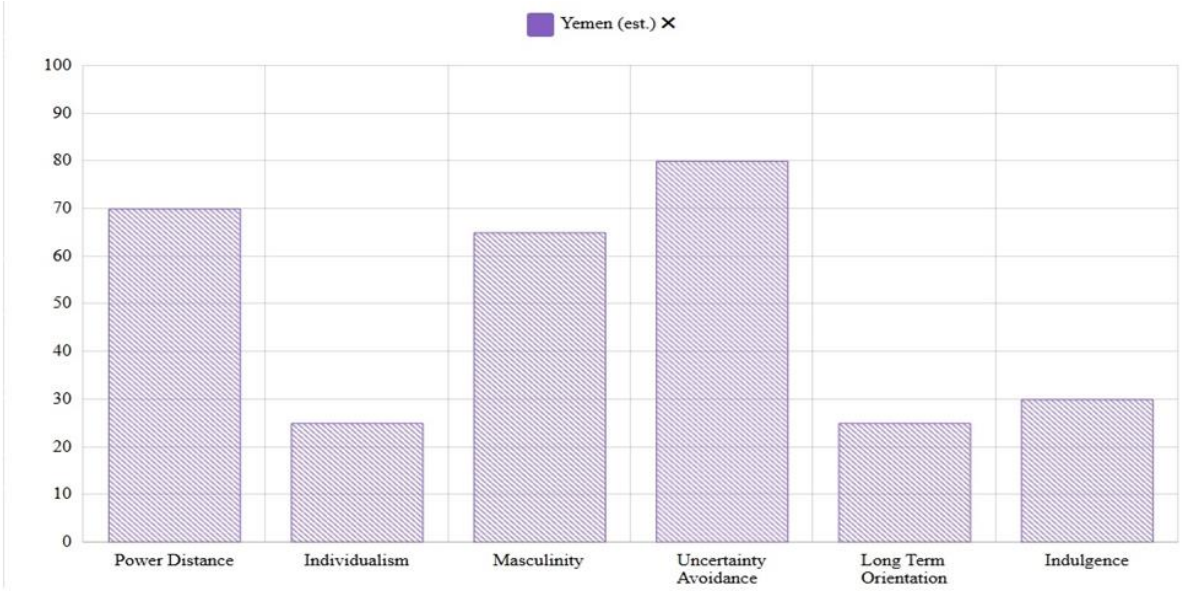


Рис. 1. Характеристики особенностей культуры населения Южной Аравии. Источник: https://geerthofstede.com/country-comparison-bar-charts.
Fig. 1. Characteristics of the cultural features of the population of South Arabia. Source: https://geerthofstede.com/country-comparison-bar-charts.

Индикаторы Йемена близки к параметрам соседней Саудовской Аравии, которые приведены в статье Лапшиной А.А. «Кросс-культурный анализ России и Саудовской Аравии по методике г. Хофстеда, как критерий управления персоналом» [8, с. 91-92]. Указанные выше параметры Йемена близки к данным для девяти арабских стран, приведенных в работе Ахмеда Дриучи «Культурные индикаторы Хофстеда, экономика знаний и предпринимательство в арабских странах» [13, с. 12].

Приведенные на графике выше параметры Йемена можно проинтерпретировать следующим образом:

1. «Индивидуализм-коллективизм» (Individualism-Collectivism). Показывает приоритет групповых или индивидуальных интересов в обществе. Индикатор характеризует, насколько в обществе люди обособлены. Низкий индивидуализм арабских племен в южной Аравии говорит о том, что в первую очередь важны интересы племени, а индивидуальные потребности игнорируется.
2. «Маскулинность-феминность» (Masculinity-Femininity). Этот индикатор характеризует соотношение между конкурентным достижением успеха и сохранением хороших отношений. Маскулинные паттерны в обществе поддерживают ориентацию индивидов на достижение целей. Феминные паттерны направлены на перераспределение благ от сильного к слабому [3, с.47]. Высокий параметр «маскулинность-феминность» йеменцев показывает сильную дифференциацию ролей в семье, ценность самоуважения и статуса, как показателя успешности.
3. «Дистанция от власти» (Power Distance). Индикатор показывает, насколько общество поддерживает неравномерность распределения власти. В обществах с высоким индикатором власть воспринимается как важная часть жизни, ее критика отсутствует. Племена современного Йемена имеют высокий индекс дистанции от власти, что превращает власть в важную самостоятельную ценность и при отсутствии у власти долговременных целей, мешает изменениям в обществе.
4. «Избегание неопределенности» (Uncertainty Avoidance). Этот индикатор показывает страх общества перед неопределенным будущим и желание сделать его более предсказуемым. Высокое избегание неопределенности арабских племен показывает отказ общества от модернизации, готовность сохранять традиционную структуру общества.
5. Индикатор «Долгосрочная ориентация» (Long Term Orientation), характеризует готовность общества к жертвам сиюминутными выгодами в интересах будущего. Племена арабов имеют низкую долгосрочную ориентацию, что характеризует их приверженность традициям.
6. «Снисхождение» (Indulgence) – характеризует меру личных свобод индивидуумов в удовлетворении своих потребностей. Низкое «Снисхождение» характеризует арабские племена как общество с большими ограничениями для ее членов, серьезной регламентацией повседневной жизни.

Анализируя эти индикаторы, мы видим, что арабские племена представляли собой закрытый социум, не готовый к каким-либо изменениям, имеющий высокий культурный барьер. Столкновение с западноевропейской культурой должно было вызывать сильный конфликт.

В большинстве ранее опубликованных исследований по колониальной политике Великобритании в Адене успехи Британской империи связывают с политикой, названной позднее «умной силой».

При изучении мною более 70 договоров между Британской колониальной администрацией и арабскими племенами у меня возникла гипотеза о том, что успехи длительного господства Британии в Южной Аравии связаны с невмешательством Британии во внутренний уклад племен [7, с. 152].

В настоящей работе выделяется четыре периода в колониальной политике Британии на территории Аденских протекторатов:

1. с начала захвата Адена британцами в 1839 году до начала 60-х годов XIX века;
2. с начала 60-х годов до Первой мировой войны – создание Аденских протекторатов;
3. период между мировыми войнами – этап относительной стабильности;
4. крах колониальной политики Британии после Второй мировой войны.

Британская колониальная политика только на последнем этапе вступила в противоречие с ментальностью арабских племен, что привело к краху Британии в Южной Аравии, это будет показано при обсуждении упомянутых выше этапов.

Особенности колониальной политики Британии в первоначальном периоде колонизации.

Интересы Великобритании в Южной Аравии ограничивались исключительно Аденом, который рассматривался как пункт бункеровки судов с углем на пути в Индию и удобная бухта для базирования военных кораблей на входе в Красное море.

Аден располагался на полуострове и был отделен от Южной Аравии тонким горным перешейком, таким образом, будущая колония была хорошо укреплена. Практически сразу после захвата Адена, британские войска создали линию укреплений на перешейке, которая изолировала Аден от территорий, населяемых арабскими племенами. На относительно небольшой территории Адена британцы могли контролировать этнический состав населении. За счет ввоза рабочей силы и привлечения мигрантов арабское население было сильно размыто индусами, евреями, сомалийцами и европейцами [14, с. 21-22]. В Адене было создано поселение с сильно европеизированным, мультикультурным, лояльным населением. Тем самым был заложен культурный фундамент колонии.

Поселение Аден и остальная Южная Аравия оказались изолированы друг от друга, и культурное проникновение между ними было минимальным. Единственной проблемой долгое время оставалось то, что любой европеец подвергался серьезному риску за пределами Адена. В течение последующих десяти лет, после нескольких неудачных попыток арабов отбить Аден, накал противостояния между британцами и племенами уменьшился.

В качестве дополнительной меры умиротворения арабов британцы проводили политику подкупа и мягкого влияния на верхушку соседних племен.

Колониальная политика Британской империи с начала шестидесятых годов XIX века до начала Первой мировой войны

В шестидесятые годы XIX века Британская империя столкнулась с новыми вызовами. После открытия Суэцкого канала началось колониальное расширение Османской империи в сторону Адена.

В случае выхода Османской империи к Адену появилась бы реальная угроза его существованию в качестве колонии. Для полноценного противостояния Британской империи в Южной Аравии пришлось бы сосредоточить значительные военные силы.

Британцы решили возникшую проблему путем создания буфера из арабских племен, связанных с Аденом договорами о протекции. Заключение британо-арабских договоров можно разделить на три этапа. Первоначальные – договора о дружбе, которые заключались до конца шестидесятых годов XIX века. Договора декларировали мирное существование между сторонами, невмешательство во внутреннюю жизнь сторон. Часто договора регламентировали денежные премии со стороны британцев вождям арабских племен.

Второй этап, закончившийся к концу семидесятых, это договора, гарантирующие британцам свободу передвижения и транзит грузов по территориям арабских племен. В рамках этих соглашений арабские племена взяли на себя обеспечение безопасности на дорогах. Со своей стороны британцы расширили экономическую поддержку племен.

Третий этап, закончившийся к концу девяностых годов XIX века, это договора о протекторате над племенами, в которых племена отказывались от сотрудничества с другими иностранными силами и от размещения иностранных войск. Британцы со своей стороны обязывались оказывать военную поддержку.

Всего до конца XIX века между британцами и арабами было заключено около семидесяти договоров. Договора обеспечили Аден необходимыми для существования ресурсами и дали относительную свободу перемещения британцев по югу Аравии. Договора не затрагивали внутреннюю жизнь арабских племен, их структуру власти и правосудие, британское культурное влияние было ограничено.

Жизнь племен протекторатов в конце XIX века практически ничем не отличалась от их жизни в начале века, британцы практически не вмешивались во внутренние дела племен. Политика Великобритании в Йемене полностью соответствовала культуре южных йеменцев, их готовности сохранять традиционную структуру общества и власти.

В отличие от британцев османы создали на севере Йемена турецкую провинцию со своей администрацией, судопроизводством и налоговой системой, турки столкнулись с постоянными восстаниями и необходимостью серьезного военного присутствия.

Колониальная политика Британской империи в Южной Аравии в период между мировыми войнами

В период между мировыми войнами колониальная политика Британской империи была обуславливлена тем, что Британия достигла своего пика могущества, контролируя огромные территории земного шара. Империя не имела необходимых военных сил для контроля колоний. Выходом из сложившейся ситуации стала проводимая Великобританией политика «Воздушного контроля». Суть этой политики заключалась в передаче функций защиты Адена Королевским военно-воздушным силам. Британская авиация осуществляла наблюдение за территорией протекторатов, а в случае возникновения проблемных для Британии ситуаций проводила карательные операции.

Пример эффективности этой политики – военная операция британских ВВС в 1928 году против войск королевства Йемена. Британская авиация осуществляла бомбардировку городов Северного Йемена и авиационную поддержку наступающих войск племен протекторатов. В союзные британцам племена были направлены советники и корректировщики авиации с рациями. Операция закончилась полной победой британского альянса. Проводимая политика позволила вместо переброски нескольких сухопутных дивизий и траты более шести миллионов фунтов потратить около восьми тысяч фунтов на авиатопливо и бомбы [15, с. 42].

Возможность мирного существования британцев с арабскими племенами протекторатов обуславливалась тем, что с одной стороны, племена сохранили определенную независимость, и не было вмешательства британцев во внутреннюю жизнь племен, с другой стороны, арабы нуждались в поддержке Великобритании в противостоянии с королевством Северный Йемен.

Экспансия Северного Йемена, в случае своего успеха, вызвала бы серьезную трансформацию структуры власти и жизненного уклада племен южного Йемена, поэтому племена протектората при поддержке Великобритании оказали серьезное сопротивление Северному Йемену.

Колониальная политика Британской империи в Адене в период после Второй мировой войны

В сороковых годах XX века британская администрация совершила крупную ошибку, с которой началась дестабилизация колониального режима.

Племенам были навязаны консультативные договора, по которым при правителях были размешены консультанты-резиденты [4, с. 44]. Этим британская администрация Адена поставила в полную зависимость племенных вождей. Началось активное вмешательство во внутреннюю политику племен. Такая политика Британии, с одной стороны, придала импульс антиколониальному движению в протекторатах, а с другой стороны, полностью дискредитировала власть вождей племен, лояльных британцам.

В дополнение к появившимся проблемам послевоенные финансовые трудности Великобритании породили проект объединения племен протекторатов и непосредственно Адена в объединенную колонию – Федерация Южной Аравии. Планировалось, что единое государство будет содержать себя и будет барьером для распространения арабского национализма.

Основная ошибка колониальной администрации состояла в том, что создание единой колонии влекло создание государственных органов над племенными формами управления и отказ от традиционных форм управления как в Адене, так и в протекторатах. Привязанность к племенной форме управления вызывала сильное противодействие арабских племен.

Ситуацию усугубляло то, что вместе с протекторатами в единое государство объединялся и Аден. Культура аденцев сильно отличалось от культуры арабских племен протекторатов. Аден после Второй мировой войны был многонациональным, мультикультурным городом с большим процентом образованного населения [12, с. 11]. Аденские элиты не готовы были подчиняться правительству из вождей племен [10, с. 153].

В результате в конце пятидесятых годов произошел всплеск создания антиправительственных организаций и череда вооруженных восстаний.

Нестабильной ситуацией в Адене воспользовались внешние силы – арабские страны и социалистический блок, которые стали подпитывать восставших.

В 1965 году Великобритания отстранила местное правительство, и ввела прямое управление, но вернуть ситуацию под контроль Британия уже не могла. В 1967 году, не имея возможности военным путем подавить антиколониальную революцию, британцы предоставили Адену и Аденским протекторатам независимость.

Ограничения исследования. Для оценки менталитета арабских племен использовался современные индикаторы для Йемена, культурный код арабов XIX века мог незначительно отличаться.

Выводы

Британская колониальная политика в Южной Аравии была длительное время успешной, благодаря невмешательству в культурные уклады и сложившуюся структуру общества.

Британское культурное влияние не выходило за пределы города Адена и не сталкивалось с традиционной арабской культурой.

Британская попытка создать государство на новых принципах управление, смешав различные культуры, вызвала сильную дестабилизацию, в обществе, которая благодаря вмешательству внешних сил, привела к крушению колониального режима Британии.

Для стабильности формальных институтов власти необходимо, чтобы они соответствовали культуре населения. Фатальной ошибкой Британской империи стала попытка создания государственного образования, которое противоречило менталитету арабского населения.

Список источников

1. Аузан А.А., Никишина Е.Н. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру: курс лекций. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021. С. 8.

2. Аузан А.А. Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: Издательство АСТ, 2022. С. 52.

3. Волков А. Д., Аверьянов А. О., Рослякова Н. А., Тишков С. В. Измерение социокультурных характеристик по шести показателям модели Хофстеде: апробация инструментария для расчета значений на индивидуальном уровне // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 1. С. 47.

4. Герасимов О.Г. Новейшая история Йемена. 1917-1982 гг. Наука, 1984. С. 44.

5. Гусев А.А. Методы жёсткой и мягкой силы, применяемые Британской империей при колонизации Адена и создании протекторатов Южной Аравии // Исторический бюллетень. 2023. Т. 6. № 6. С. 141 – 146.

6. Заостровцев А.П. Эффект колеи, культура и «критические моменты» в институциональной истории // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 7 – 21.

7. Куделин А.А., Гусев А.А. Политика Великобритании и Османской империи в Южной Аравии во второй половине XIX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Выпуск 2 С. 148. URL: https://history.jes.su/s207987840034800-9-1/ DOI: 10.18254/S207987840034800-9

8. Лапшина А.А. Кросс-культурный анализ России и Саудовской Аравии по методике Г. Хофстеде как критерий управления персоналом // Вестник Российского нового университета Серия «Человек и общество», 2023. Вып. 1. С. 91 – 92.

9. Минков М., Соколов Б., Ломакин И., Эволюция модели культурных измерений Хофстеде: параллели между объективной и субъективной культурой// Социологическое обозрение. 2023. Т. 23. № 3. С. 290.

10. Румянцев В.П. «Хвост, виляющий собакой»: колония Аден и трансформация британской политики в Южной Аравии, 1959-1964 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 82. С. 151 – 157. doi: 10.17223/19988613/82/18.

11. Сравнительные гистограммы стран по Герту Хофстед // Герт Хофстед: URL: https://geerthofstede.com/country-comparison-bar-charts (дата обращения: 30.09.2025)

12. Colonial Office Annual Report on Aden 1947, Published by His Majesty’s Stationery Office, 1949. P. 11.

13. Driouchi Ahmed, Gamar Alae. Hofstede’s Cultural Indicators, Knowledge Economy, and Entrepreneurship in Arab Countries. Institute of Economic Analysis & Prospective Studies (IEAPS) // Al Akhawayn University, Ifrane, Morocco. Munich Personal RePEc Archive 2019. P. 14.

14. Kour Z.H. The history of Aden,1839-72. London: Cass, 1981. P. 20 – 21.

15. Sebastian Ritchie. The RAF, Small Wars, and Insurgencies in the Middle East, 1919-1939. Centre for Air Power Studies, 2011. P. 42.

References

1. Auzan A.A., Nikishina E.N. Sociocultural Economics: How Culture Affects the Economy, and the Economy Affects Culture: A Lecture Course. Moscow: Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 2021. P. 8.
2. Auzan A.A. Cultural Codes of the Economy: How Values Affect Competition, Democracy, and the Well-Being of the People. Moscow: AST Publishing House, 2022. P. 52.
3. Volkov A.D., Averyanov A.O., Roslyakova N.A., Tishkov S.V. Measuring Sociocultural Characteristics Using Six Indicators of the Hofstede Model: Testing a Toolkit for Calculating Values at the Individual Level. Bulletin of the Institute of Sociology. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 47.
4. Gerasimov O.G. The Modern History of Yemen. 1917-1982. Nauka, 1984. P. 44.
5. Gusev A.A. Methods of Hard and Soft Power Used by the British Empire in the Colonization of Aden and the Creation of Protectorates in South Arabia. Historical Bulletin. 2023. Vol. 6. No. 6. P. 141 – 146.
6. Zaostrovtsev A.P. Path Dependence, Culture, and “Critical Moments” in Institutional History. Voprosy Teoreticheskoi Ekonomiki. 2023. No. 3. P. 7 – 21.
7. Kudelin A.A., Gusev A.A. The Policy of Great Britain and the Ottoman Empire in South Arabia in the Second Half of the 19th Century. Electronic Scientific and Educational Journal “History”. 2025. Vol. 16. Issue 2. P. 148. URL: https://history.jes.su/s207987840034800-9-1/ DOI: 10.18254/S207987840034800-9
8. Lapshina A.A. Cross-cultural analysis of Russia and Saudi Arabia using G. Hofstede's methodology as a criterion for personnel management. Bulletin of the Russian New University, Man and Society Series, 2023. Issue 1. P. 91 – 92.
9. Minkov M., Sokolov B., Lomakin I., Evolution of Hofstede's cultural dimensions model: parallels between objective and subjective culture. Sociological Review. 2023. Vol. 23. No. 3. P. 290.
10. Rumyantsev V.P. "The Tail Wagging the Dog": The Colony of Aden and the Transformation of British Policy in South Arabia, 1959-1964. Bulletin of Tomsk State University. History. 2023. No. 82. P. 151 – 157. doi: 10.17223/19988613/82/18
11. Geert Hofstede's Country Comparison Bar Charts. Geert Hofstede: URL: https://geerthofstede.com/country-comparison-bar-charts (date of access: 30.09.2025)
12. Colonial Office Annual Report on Aden 1947, Published by His Majesty's Stationery Office, 1949. P. 11.
13. Driouchi Ahmed, Gamar Alae. Hofstede's Cultural Indicators, Knowledge Economy, and Entrepreneurship in Arab Countries. Institute of Economic Analysis & Prospective Studies (IEAPS). Al Akhawayn University, Ifrane, Morocco. Munich Personal RePEc Archive 2019. P. 14.
14. Kour Z.H. The history of Aden, 1839-72. London: Cass, 1981. P. 20 – 21.
15. Sebastian Ritchie. The RAF, Small Wars, and Insurgencies in the Middle East, 1919-1939. Center for Air Power Studies, 2011. P. 42.

Информация об авторе

Гусев А.А., аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

© Гусев А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94+373.31
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-267-272

Деятельность «Общества попечения о начальном образовании г. Красноярска» в области женского образования в последней четверти XIX – начале XX вв.

[1] Карагулян К.Г.,
[1] Сибирский федеральный университет

Аннотация: в статье анализируется вклад «Общества попечения о начальном образовании г. Красноярска» развитие женского начального образования в последней четверти XIX – начале XX в. Рассматривается процесс создания сети учебных заведений для девочек, динамика контингента и причины высокого отсева учениц. Показано, что высокий спрос сочетался с массовым выбытием обучающихся, вызванным социально-экономическими барьерами и гендерными стереотипами. Сравнительный анализ деятельности обществ попечения в других сибирских городах показывает, что масштаб работы зависел от демографического и экономического потенциала, а также от активности местной интеллигенции. Делается вывод о том, что общественная инициатива эффективна на этапе учреждения учебных заведений, но без системной государственной поддержки не может обеспечить их долгосрочное устойчивое функционирование. Опыт сибирских городов подтверждает необходимость сочетания гражданского энтузиазма с институциональной стабильностью.

Ключевые слова: Общество попечения о начальном образовании, женское начальное образование, Красноярск, общественная инициатива, гендерный подход, Сибирь

Для цитирования: *Карагулян К.Г. Деятельность «Общества попечения о начальном образовании г. Красноярска» в области женского образования в последней четверти XIX – начале XX вв. // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 267 – 272. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-267-272*

Поступила в редакцию: 12 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

Activities of the "Society for the Care of Primary Education of the City of Krasnoyarsk" in the field of female education in the last quarter of the 19th – early 20th centuries

[1] Karagulyan K.G.,
[1] Siberian Federal University

Abstract: this article analyzes the contribution of the Krasnoyarsk Society for the Care of Primary Education to the development of female primary education in the last quarter of the 19th and early 20th centuries. It examines the creation of a network of educational institutions for girls, the dynamics of enrollment, and the reasons for the high dropout rate. It demonstrates that high demand was combined with a massive dropout rate due to socioeconomic barriers and gender stereotypes. A comparative analysis of the activities of care societies in other Siberian cities reveals that the scale of their work depended on demographic and economic potential, as well as the activity of the local intelligentsia. It concludes that public initiative is effective at the establishment stage of educational

institutions, but without systemic state support, it cannot ensure their long-term sustainability. The experience of Siberian cities confirms the need to combine civic enthusiasm with institutional stability.

Keywords: Primary Education Care Society, female primary education, Krasnoyarsk, public initiative, gender approach, Siberia

For citation: *Karagulyan K.G. Activities of the "Society for the Care of Primary Education of the City of Krasnoyarsk" in the field of female education in the last quarter of the 19th – early 20th centuries. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 267 – 272. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-267-272*

The article was submitted: April 12, 2026; Approved after reviewing: May 10, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что комплексная просветительская деятельность «Общества попечения о начальном образовании г. Красноярска» представляет собой раннюю модель средового подхода к просвещению, которая может служить ориентиром для современных общественных организаций, работающих в сфере образования и культуры. В контексте современного поиска оптимального баланса между государственным финансированием и общественно-частным партнёрством в образовании исторический кейс Красноярска показывает, что общественная инициатива способна создавать устойчивые структуры, но без системной государственной поддержки не может полностью решить проблему народного образования. Это подчёркивает необходимость сочетания энтузиазма с институциональной стабильностью.

Цель исследования заключается в комплексной оценке вклада общественной инициативы в формирование и развитие сети учебных заведений для женского пола в Красноярске в последней четверти XIX – начале XX вв. и в определении объективных пределов её воздействия на образовательную систему города.

Материалы и методы исследований

Основой источниковой базы исследования стали отчеты «Общества попечения о начальном образовании» Красноярска и других сибирских городов за изучаемый период. Эти документы представляют собой комплекс делопроизводственных материалов, включающих ежегодные отчеты Совета общества, финансовые ведомости и сведения о деятельности школ. Данный массив источников позволяет реконструировать организационную структуру общества, его численный и социальный состав, проследить динамику открытия новых школ и изменения контингента учащихся, выявить финансовые кризисы, которые переживало общество, оценить востребованность женского образования.

Методологической базой исследования является институциональный подход, дополненный элементами системно-функционального анализа. Институциональный подход позволяет рассмотреть «Общество попечения о начальном образовании г. Красноярска» как формальный социальный институт, анализируя: а) его правовое закрепление; б) организационную структуру; в) механизмы финансирования; г) взаимодействие с другими институтами. Такой подход позволяет не только описать деятельность Общества, но и выявить внутренние противоречия, возникавшие между его уставными целями и реальными возможностями в условиях отсутствия земств.

В исследовании использован историко-генетический метод, позволивший проследить зарождение, расцвет и кризис общественной инициативы. Также методология включает гендерный подход, который дополняет институциональную оптику, позволяет выявить гендерную асимметрию в доступе к образованию. Это особенно актуально для изучения женского образования в позднеимперский период, когда модернизационные процессы сталкивались с традиционными устоями.

Работа построена с позиций принципов историзма, объективности, а также при помощи сравнительно-исторического метода.

Результаты и обсуждения

В Сибири, в отличие от европейской части России, отсутствовали земские учреждения, которые выступали базой местного самоуправления. Вследствие этого задачи организации начального обучения и культурного просвещения населения распределились между государственными структурами (Министерством народного просвещения и духовным ведомством), городскими думами и просветительскими обществами, созданными местной интеллигенцией. Первое в Сибири «Общество попечения о начальном образовании» было учреждено в Томске в 1882 г., а в течение 80-х гг. такая практика распространилась по всей ее терри-

тории. В Красноярске оно было создано в 1884 г. Именно это положило начало становлению сети городских начальных учебных заведений, в которых могли обучаться девочки.

Целью красноярского Общества являлось содействие материальными средствами городскому общественному управлению в улучшении положения приходских училищ, помощь беднейшим и способным ученикам и ученицам приходских городских школ, оказывать пособия лицам, которые откроют и будут содержать частные первоначальные школы [9, с. 3]. Председателем общества был Н.А. Шепетковский. Например, в 1887 г. в состав общества входило 24 почетных члена, среди которых такие люди как: И.Г. Гадалов, А.Ф. Кузнецова, Т.К. Матонин, О.А. Данилов, Ф.И. Базилевский, Н.И. Раевский, И.М. Сибиряков, Г.В. Юдин и др. Также в составе насчитывалось 170 действительных членов [3, с. 1-2].

Так, преследуя цель увеличения числа городских начальных училищ, ввиду ежегодно возрастающей потребности населения в начальном образовании детей и отказа в нем многим из-за недостатка вакантных мест в существующих училищах, в 1888 г. Обществом было открыто V смешанное училище, которое к 1898 г. было преобразовано в женское. За десятилетие школа демонстрировала устойчивый рост контингента: с 25 девочек и 17 мальчиков в 1893 г. до 46 учениц в 1898 г. и 52 – в 1902 г. [6, с. 8]. Положительная динамика свидетельствует о растущем спросе на женское образование, что подтверждается и 15 отказами в приёме (1898 г.) из-за нехватки мест [5, с. 13]. Однако за этими цифрами скрывается более сложная картина. В том же 1898 г. при 16 вновь поступивших полный курс завершили лишь 7 девушек, а 13 выбыли досрочно, этот показатель нельзя объяснить только академической неуспеваемостью.

Так статистика поступающих фиксирует общественный запрос на женское образование как на ценность, но с другой стороны, массовый отсев обнажает реальные социально-экономические барьеры: материальная необеспеченность семей, необходимость раннего вовлечения девочек в домашний труд и работу. Таким образом, происходило столкновение просветительской и экономической потребностей. Эффективность образования в таком контексте не может измеряться исключительно числом выпускников. V училище удовлетворяло разнообразные потребности городского социума: давало элементарные навыки грамоты, выполняло функцию социализации и присмотра, формировало у семей сам запрос на образование.

В 1889 г. было обнаружено, что в городе не менее 700 детей школьного возраста не обучаются грамоте из-за недостатка школ. Большая их часть приходилась на девочек, так как для их обучения город располагал только тремя начальными школами: одной школой, учрежденной мещанским обществом, школой при Владимирском детском приюте и смешанной школой Общества [7, с. 9].

В этой связи в 1889 г. была открыта воскресная женская школа в даровом помещении - доме Высоцкой, по улице Большой. Прежде всего, обращает на себя внимание педагогический состав школы: преподавание велось на безвозмездных началах учителями мужской и женской гимназий, учительской семинарии, начальных и ремесленного училищ, а также лицами непедагогических профессий. Этот факт свидетельствует о высоком общественном энтузиазме и понимании интеллигенцией важности просвещения женщин. Участие в работе школы известных в городе педагогов и священников (В.Е. Захаров, И.В. Покровский, В.Ф. Кокорева и др.) обеспечивало высокий уровень преподавания и доверие со стороны населения.

Динамика численности учениц показывает востребованность такого учреждения: за первые полгода число учащихся выросло с 32 до 81, а к 1894 г. стабилизировалось на уровне 82 человек [7, с. 10]. Это говорит о том, что школа закрывала важную потребность, предоставив возможность получения образования тем женщинам и девушкам, которые по разным причинам не могли посещать обычные школы.

Социальный состав школы показателен для понимания того, кто нуждался в женском образовании в Красноярске. Например, к 1893 г. в нем преобладали крестьянки (49 чел.) и мещанки (36 чел.). По роду занятий подавляющее большинство занимались домашним хозяйством, также в составе учениц были прислуги, прачки и швеи – то есть работающие в найме женщины. По семейному положению абсолютное большинство составляли незамужние девицы (82), и только 2 замужние женщины. Эта диспропорция отражает гендерную особенность в позднеимперский период: незамужние девушки имели относительную свободу для самообразования, тогда как замужние женщины были поглощены семьей и домашним хозяйством. Образование после замужества воспринималось как ненужная роскошь – даже если женщина была неграмотной. В связи с разным уровнем грамотности поступающих (31 неграмотная, 29 малограмотных и 24 грамотные) в обучении требовался дифференцированный подход, и школа его обеспечивала делением на группы по возрасту и подготовке [4, с. 9-10].

Учебная программа включала как общеобразовательные предметы (Закон Божий, русский язык, арифметика, чтение), так и практические навыки (кройка и шитье), что позволяло женщинам овладеть трудовыми компетенциями. Важно, что школа не ограничивалась только уроками: рождественские вечера, организо-

ванные на средства преподавательниц, с выступлениями учениц, играми и подарками, создавали особую атмосферу, способствовали социализации и культурному развитию [6, с. 30-32].

Таким образом, воскресная женская школа в Красноярске была уникальным общественным проектом, который решал сразу несколько задач: давал элементарное образование женщинам из различных слоев населения, позволял овладеть практическими навыками для заработка, приобщал их к культуре, создавал пространство социализации и развития. Школа стала важным дополнением к системе начального образования и обеспечивала им тех женщин, которые не могли учиться ежедневно ввиду социально-экономических обстоятельств.

Также в конце 1892 г. советом Общества был организован рукодельный класс для бедных девушек Красноярска, размещавшийся в квартире V народного училища. Обучением в этом классе занималась А.А. Кускова. *Хотя рукодельный класс, на первый взгляд, воспроизводил традиционные гендерные стереотипы (обучение «женским» ремеслам), в реальности он давал бедным девушкам* экономическую независимость – *возможность заработать на жизнь. Таким образом, профессионально-прикладное образование становилось для женщин инструментом эмансипации, пусть и в узких рамках.* Набор 20 учениц в первый же год свидетельствует о востребованности такого рода занятий среди девушек, которые не имели возможности получить даже начальное образование и нуждались в практических навыках для заработка. Занятия, проводимые два раза в неделю, позволяли совмещать учебу с работой или помощью по дому, что было критически важно для беднейших слоев.

Особого внимания заслуживает характер финансирования: класс содержался исключительно за счет частных пожертвований, причем жертвователи были не только из числа состоятельных купцов, но и обычные горожане, например, Е.К. Грязнова и М.Я. Круглова внесли по 3 рубля, а С.А. Козлова пожертвовала швейную машину [4, с. 11].

В 1896 г. было открыто VII училище для девочек, в здании I народного училища, в котором занятия проходили после обучения мальчиков (с 13:00 до 17:25), что позволило увеличить охват девочек обучением в условиях острого дефицита помещений. Высокий спрос на образование подтверждается 26 отказами в приеме при 52 обучавшихся в 1898 г. [5, с. 15]. Однако проблема отсева оставалась актуальной, отражая социально-экономические барьеры [6, с. 9].

Деятельность общества не ограничивалась только учебными заведениями, также были организованы сад для учащейся молодежи, книжный склад для продажи дешевых народных изданий [4, с. 12], подвижной педагогический музей, устраивались народные чтения для детей и взрослых по географии, истории и др., эти собрания иногда сопровождались присутствием хора, а максимальное присутствие достигало 350 зрителей [5, с. 24]. В 1896 г. была открыта бесплатная народная библиотека-читальня на улице Благовещенской, ввиду увеличения числа учебных заведений и грамотных людей в городе.

Помимо этого, Обществом проводились новогодние праздники-елки для школьников [7, с. 11]. Для изыскания средств к финансированию училищ оно проводило театральные и музыкально-литературные вечера, которые также давали возможность беднейшей части населения удовлетворить свои культурные потребности [6, с. 5]. Так мы видим, что деятельность «Общества попечения о начальном образовании» формировала целостную просветительскую среду в Красноярске.

К концу XIX в. обществом было организовано 6 народных училищ, 3 воскресные школы, рукодельный класс (из числа этих учреждений в 4 могли обучаться лица женского пола), требующих материальной поддержки и внимания, поэтому оно было вынуждено на время отказаться от инициативы открытия новых учреждений. Несмотря на то, что к 1902 г. в обществе числилось 335 действительных членов [6, с. 5], в этом году часть школ была передана в ведение городского общественного управления вследствие отсутствия средств у организации в достаточном размере. Само общество перешло от активного инициирования создания новых школ на формат оказания помощи уже существующим образовательным учреждениям, но на нее влияли сопутствующие военные и революционные условия.

Сравнивая деятельность подобных организаций в других сибирских городах, нужно отметить, что в Енисейске на содержании Общества находилось 5 начальных училищ и женская воскресная школа [2, с. 16]. Из них девочки обучались в 3 учреждениях: в 3-ем приходском смешанном училище, в приходском женском училище и в женской воскресной школе [2, с. 16-21]. В Минусинске на содержании Общества находилось всего два учреждения первоначальная женская школа и детский приют им. Н.М. Мартьянова [8, с. 5]. Эти различия связаны как численностью городского населения и его социальным составом, так и с географическим положением сибирских городов. В Красноярске деятельность была эффективнее ввиду экономического роста города и его роли как транспортного узла, которые создавали прочную финансовую основу для благотворительности. В исследовании Т.А. Кискидосовой, посвященном анализу отношения

региональной прессы к деятельности Обществ, выявлено, что эти объединения пользовались популярностью, но во всех городах они работали с одинаковой эффективностью [1, с. 38].

Стоит отметить, что общества попечения о начальном образовании в Сибирских городах одним из главных направлений было женское образование: в Томске, в Красноярске, в Енисейске, Минусинске и др., что свидетельствует о спросе населения на него.

Выводы

Деятельность «Общества попечения о начальном образовании г. Красноярска» стала определяющим фактором в становлении и развитии женского начального образования в городе во второй половине XIX – начале XX вв. В условиях отсутствия земских учреждений и минимальной государственной поддержки Сибири, Общество фактически приняло на себя функции главного двигателя просвещения, создав с нуля сеть учебных заведений, позволяющих получить женщинам элементарное образование. Вклад Общества в женское образование носил комплексный и многоуровневый характер. Благодаря этим инициативам оно стало доступно различным категориям женского населения: от девочек из мещанских и крестьянских семей до взрослых женщин, обремененных семьей и работой. Общество не только заложило материальную базу женского начального образования, но и сформировало культурную среду, в которой ценность женской грамотности стала осознаваться широкими слоями населения, так как специально построенная образовательная среда способна стимулировать личностное развитие у населения.

Однако передача части школ городскому общественному управлению в 1902 г. свидетельствует о принципиальном пределе общественной благотворительной инициативы: она эффективна на этапе учреждения и начального развития образовательных структур, но не может гарантировать их долгосрочное функционирование без системной государственной поддержки. Таким образом, добровольные пожертвования и членские взносы, даже при массовом участии горожан, не заменяют регулярного бюджетного финансирования. Опыт Красноярска подтверждает, что устойчивость начального образования требует не только энтузиазма, но и институциональной стабильности, которую способны обеспечить только государственные органы.

Список источников

1. Кискидосова Т.А. Общества попечения о начальном образовании в городах Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. (по материалам региональной прессы) // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2023. № 2 (50). С. 35 – 45.

2. Отчет Совета Общества попечения о начальном образовании в городе Енисейске за 1898 г. Енисейск: Типография А.Е. Грязнова, 1899. 80 с.

3. Отчет Совета Общества попечения о начальном образовании в г. Красноярске за 1887 г. Красноярск: Типография А.Д. Жилина, 1888. 22 с.

4. Отчет Совета Общества попечения о начальном образовании в г. Красноярске за 1893 г. Красноярск: Типография А.Д. Жилина, 1894. 55 с.

5. Отчет Совета Общества попечения о начальном образовании в г. Красноярске за 1896 г. Красноярск: Типография А.Д. Жилина, 1897. 65 с.

6. Отчет Совета Общества попечения о начальном образовании в г. Красноярске за 1902 г. Красноярск: Типография А.Д. Жилина, 1903. 80 с.

7. Отчет Совета Общества попечения о начальном образовании в г. Красноярске за трехлетие 1907-1909 гг. Красноярск: Типография М.И. Абалакова, 1912. 81 с.

8. Отчет Совета Общества попечения о начальном образовании в городе Минусинске за 1911 г. Минусинск: Типография В.В. Федорова, 1912. 15 с.

9. Устав Общества попечения о начальном образовании в г. Красноярске: утверждено 7 июля 1884 г. Красноярск: Типография А.Д. Жилина, 1895. 13 с.

References

1. Kiskidosova T.A. Societies for the Care of Primary Education in the Cities of the Yenisei Province in the Late 19th – Early 20th Centuries (Based on Materials from the Regional Press). Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Historical Sciences. 2023. No. 2 (50). P. 35 – 45.

2. Report of the Council of the Society for the Care of Primary Education in the City of Yeniseisk for 1898. Yeniseisk: A.E. Gryaznov Printing House, 1899. 80 p.

3. Report of the Council of the Society for the Care of Primary Education in the City of Krasnoyarsk for 1887. Krasnoyarsk: A.D. Zhilin Printing House, 1888. 22 p.

4. Report of the Council of the Society for the Care of Primary Education in the City of Krasnoyarsk for 1893. Krasnoyarsk: A.D. Zhilina, 1894. 55 p.

5. Report of the Council of the Society for the Care of Primary Education in the City of Krasnoyarsk for 1896. Krasnoyarsk: A.D. Zhilina Printing House, 1897. 65 p.

6. Report of the Council of the Society for the Care of Primary Education in the City of Krasnoyarsk for 1902. Krasnoyarsk: A.D. Zhilina Printing House, 1903. 80 p.

7. Report of the Council of the Society for the Care of Primary Education in the City of Krasnoyarsk for the three years 1907-1909. Krasnoyarsk: M.I. Abalakov Printing House, 1912. 81 p.

8. Report of the Council of the Society for the Care of Primary Education in the City of Minusinsk for 1911. Minusinsk: V.V. Fedorov Printing House, 1912. 15 p.

9. Charter of the Society for the Care of Primary Education in the City of Krasnoyarsk: approved on July 7, 1884. Krasnoyarsk: Printing House of A.D. Zhilin, 1895. 13 p.

Информация об авторе

Карагулян К.Г., аспирант, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-3721-1405, Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет, kafedraistoriirossii@yandex.ru, kristinakaragulyan@yandex.ru

© Карагулян К.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(495.5)"13/15":711.4
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-273-281

Мнемотопия власти фронтирного центра эпохи позднего средневековья (на материалах о столице «Королевства Кандии» (Крит) XIII-XV веков)

[1] Потапов Е.А.,
[1] Тюменский государственный университет

Аннотация: цель исследования – определение характерных принципов конструирования городского пространства Кандии (совр. г. Ираклион, о. Крит, Греция), подражания образцу метрополии и отличия от него как отражения интенций властности и идентичности кандиотов в условиях фронтирного сосуществования доминирующего латинского (венецианского) меньшинства и греческого (кандийского) большинства в эпоху премодерна. В статье исследуется влияние архитектурных образцов публичных зданий Венеции на менявшийся архитектурный облик позднесредневековой Кандии, когда формировались новые модели коллективной памяти и идентичности главного критского города как венецианской колонии, но с очень явно выраженным греческим колоритом. Научная новизна исследования состоит в том, что Кандия впервые представлена в нем не как простая копия Венеции, а как центр, сохранявший самобытную градостроительную специфику. В результате исследования установлена сложная, «палимпсестная», то есть многослойная, природа мнемотопии власти Кандии. Если административные здания (дворец дуки / венецианского наместника, лоджия) были актом сознательного импорта символов властности для репрезентации гегемонии метрополии, то военная архитектура Кандии, в частности её монументальные бастионные укрепления, создавали особую локальную «память места». В отличие от мнемотопии безопасности и уникальности, присущей защищённой лагуной Венеции, мнемотопия Кандии была основана на ощущении перманентной угрозы, осады и фронтира.

Ключевые слова: Stato da Mar, венецианский Крит, колониальная архитектура, репрезентация власти, мнемотопия городского пространства Кандии

Для цитирования: *Потапов Е.А. Мнемотопия власти фронтирного центра эпохи позднего средневековья (на материалах о столице «Королевства Кандии» (Крит) XIII-XV веков) // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 273 – 281. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-273-281*

Поступила в редакцию: 12 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

Mnemotopy of the power of the frontier center of the late Middle Ages (based on materials about the capital of the “Kingdom of Candia” (Crete) of the XIII-XV centuries)

[1] Potapov E.A.,
[1] University of Tyumen

Abstract: the aim of this study is to identify the characteristic principles of urban spatial construction in Candia as a reflection of the intentions of power and identity in the context of the frontier coexistence of a dominant Latin (Venetian) minority and a Greek (Cretan) majority in the premodern era. This article examines the influence of ar-

chitectural models of Venice's public buildings on the changing architectural appearance of late medieval Candia, when new models of collective memory and identity were being formed for the main Cretan city as a Venetian colony, albeit with a distinctly Greek flavor. The scientific novelty of this study lies in the fact that for the first time, Candia is presented not as a simple copy of Venice, but as a center that retained its own distinctive urban identity. The study establishes the complex, "palimpsest" nature of Candia's power mnemotopy. While administrative buildings (the Duke's Palace, the Loggia) were a conscious importation of symbols of power to represent the hegemony of the metropolis, the military architecture of Candia, particularly its monumental bastion fortifications, created a unique local "memory of place." Unlike the mnemotopy of security and uniqueness inherent in Venice's sheltered lagoon, Candia's mnemotopy was based on a sense of permanent threat, siege, and frontier.

Keywords: Stato da Mar, Venetian Crete, colonial architecture, representation of power, mnemotopy of Candia's urban space

For citation: *Potapov E.A. Mnemotopy of the power of the frontier center of the late Middle Ages (based on materials about the capital of the "Kingdom of Candia" (Crete) of the XIII-XV centuries). Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 273 – 281. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-273-281*

The article was submitted: April 12, 2026; Approved after reviewing: May 10, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Актуальность данного исследования объясняется состоянием современной медиевистики, в которой продолжают сохраняться стереотипы о совершенстве политической организации Венецианской республики, или Светлейшей (Serenissima), как она сама себя величала. На протяжении веков республика выстраивала свою морскую империю (Stato da Mar) не только силой флота, но и посредством тонких механизмов культурной и идеологической проекции. Важнейшим инструментом утверждения власти было формирование городского пространства заморских владений по образу и подобию метрополии. Наиболее показательным примером этого процесса стала Кандия, столица «Королевства Кандии» (Крит), самой значимой и долго удерживаемой венецианской колонии.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью пересмотра традиционных подходов к изучению колониального пространства эпохи позднего средневековья. В современной медиевистике градостроительная политика Венецианской республики на заморских территориях (Stato da Mar) зачастую рассматривается как односторонний процесс прямого копирования архитектурных форм метрополии [9]. Научная проблема заключается в том, что при таком подходе игнорируется специфика фронтирного сосуществования победителей и побеждённых, а также влияние постоянной военной угрозы на формирование городской среды. Изучение Кандии (столицы венецианского Крита) сквозь призму концепции «мнемотопии» позволяет решить эту проблему, продемонстрировав, как архитектура и публичные пространства адаптировались к враждебному окружению, превращаясь из простых декораций в сложный инструмент имперского контроля и формирования уникальной пограничной идентичности.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

проанализировать архитектурные параллели между административными центрами Венеции и Кандии;

выявить специфику военной архитектуры Кандии и её влияние на городскую идентичность;

исследовать роль публичных ритуалов в легитимации власти и взаимодействии культур.

Материалы для исследования составили исторические источники следующих типов: канонические акты (буллы великих понтификов) [6], публично-правовые документы (решения сената Венеции, акты дуки Кандии) [14], картографические источники [5], визуальные и архитектурные памятники [9], а также обширная историография по истории Кандии эпохи премодерна [2].

Теоретическую базу исследования составляют труды специалистов по культуре и искусству Венеции и Крита позднего Средневековья. Из них на первое место надлежит поставить классические работы Помпео Мольменти (1852-1928), президента Венецианского института науки, литературы и искусства [15], в которых описываются функции и символизм зданий в самой Венеции. Особое значение приобретают также публикации Джузеппе Джеролы (1877-1938), возглавлявшего региональное управление по охране памятников истории и культуры в Тренто. В самом своём известном труде «Венецианские памятники на острове Крит» он детально зафиксировал совпадения в структуре центров Кандии и Венеции: расположение кандийских собора Св. Павла, дворца дуки, лоджии и венецианских собора Св. Марка, дворца дожа, лоджетты

Сансовино. Однако он интерпретировал сходства как прямое копирование без учёта культурного контекста [9].

Нельзя не сказать и о книгах Фредерика Лейна (1900-1984), профессора департамента медиевистики Университета Джона Хопкинса [13], и Фредди Тирье (1921-1986), профессора кафедры медиевистики Страсбургского университета [17]. В них были раскрыты административная и экономическая структуры Stato da Mar, позволившие понять функциональную логику переноса венецианских институтов в Кандию.

Значимо также исследование Беньямина Арбеля «Торговые нации» (Trading Nations) [4], профессора школы исторических наук Тель-Авивского университета, углубляющее понимание экономических механизмов Кандии, рассматривающее ключевую роль еврейских общин и их торговых сетей в связывании венецианских владений с Востоком, что вносит важный вклад в изучение мультикультурной и экономической составляющей мнемотопии города.

Особого внимания заслуживает монография Эдварда Мьюира, руководителя департамента медиевистики и культуры Возрождения Северо-Западного университета, о гражданском ритуале в Венеции [16], показавшая, как площадь Сан-Марко функционировала в качестве «сцены власти».

Знаменательны труды Салли Макки, профессора департамента истории Калифорнийского университета в Дэвисе [14], и Молли Грин, профессора департамента истории Принстонского университета [11], ставшие ключевыми для понимания социального и культурного контекста венецианского Крита. Они исследовали отношения между венецианцами и греками, а также положение Кандии как пограничной территории христианского мира, что напрямую влияло на городскую морфологию.

Исследование Драгоша Космеску [7], посвящённое венецианским ренессансным фортификациям в Средиземноморье, представляет собой глубокий анализ военной архитектуры Кандии, раскрывающий роль монументальных бастионных укреплений в ходе длительной осады города и их значение для формирования локальной оборонительной идентичности.

Мария Георгопулу, директор Геннадиевской библиотеки Американской школы классических исследований в Афинах, в книге «Средиземноморские колонии Венеции: архитектура и урбанизм» [8] ввела понятия «стратегии» и «тактики» в реализации политики памяти и оспорила мысль об односторонности венецианского влияния. Она же выделила роль церемоний (например, шествий в дни Св. Марка и Св. Тита) как практик поддержания идентичности.

Материалы и методы исследований

Главную особенность настоящего исследования составляет привлечение методов мнемотопии. Само это понятие, «место памяти», или «память места», было предложено Пьером Нора (1931-2025), профессором Высшей школы социальных наук. Оно включало в себя как духовные, так и материальные объекты; к первым относились коллективные действия людей, декламации, песнопения, а ко вторым – пространственные локусы, здания, предметы [3, с. 72]. Но и те, и другие символически выражали память определённой национальной общности. В разработку методов мнемотопии внёс весомый вклад Ян Ассман (1938-2024), профессор департамента египтологии Гейдельбергского университета, который, по сути, диаметрально перевернул оптику memory studies с материальных «мест памяти» на духовную природу «памяти мест», показав, как исторический опыт, идеология и власть материализуются в физическом ландшафте города [1, с. 63]. Исследование механизмов формирования городского пространства как текста культуры позволяет глубже понять природу отношений между западным (латинским) и восточным (греческим) культурными мирами и способы конструирования идентичности в пограничных зонах (фронтирах).

Практическая значимость исследования состоит в возможности проецирования его результатов на более широкое поле кросс-культурного и фронтирного взаимодействия между Западом и Востоком накануне Нового времени, включая пространство русской культуры, его духовного центра, где также в эпоху премодерна имело место сопряжение латинских (итальянских) и греческих (русских) традиций в конструировании мнемотопии Кремля.

Результаты и обсуждения

Городской ландшафт Венеции являлся мощнейшим мнемотопом, воплощавшим миф о «Светлейшей Республике», государстве справедливости, стабильности и морского могущества. Площадь Сан-Марко и прилегавшие к ней территории являлись декорациями в режиссуре театра власти. Дворец дожей (Palazzo Ducale), сочетавший функции правительства, суда и резиденции главы государства, своей ажурной готической архитектурой транслировал идею не тиранической, а «прозрачной» и справедливой власти, открытой и доступной для народа. Лоджия Сансовино у подножия Кампанилы служила местом встреч нобилитета,

визуально воплощая правящее сословие. Как показал Э. Мьюир, всё пространство площади было сценой для тщательно продуманных гражданских ритуалов, которые постоянно воспроизводили и укрепляли венецианский миф [16, с. 15].

Если площадь Сан-Марко была публичным лицом власти, то Арсенал – её скрытым индустриальным сердцем. Этот гигантский производственный комплекс, невидимый для большинства глаз, был местом рождения флота и символом технологического превосходства Венеции [13, с. 191], её государственной мощи и социальной мобилизованности. При этом сама Венеция практически не имела сухопутных укреплений. Её главной защитой была лагуна, естественная преграда, формировавшая уникальную мнемотопию безопасности, богоизбранности и островной неприступности.

В Кандии венецианцы стремились воспроизвести привычные символы власти, однако локальный контекст кардинально изменил их значение. Центр Кандии был сознательно перестроен по венецианскому образцу. Дворец дуки Крита был функциональной и архитектурной репликой дворца дожей, являясь главным местом репрезентации имперской власти. Роскошная лоджия, перестроенная в XVI в., служила элитарным клубом для венецианских нобилей, зримо отделяя их от местного греческого населения [12, с. 36]. Эти здания формировали мнемотоп «восточной Венеции», но их основная функция изменилась: если в метрополии они работали на внутреннюю легитимность среди равных, то в колонии они стали инструментом утверждения гегемонии венецианцев над покорённым населением.

Существуют также параллели между базиликой Св. Марка в Кандии и собором в Венеции. Хотя внешне они сильно различались – в Венеции в соборном здании проявлялся византийский стиль с перестроенным фасадом в готическо-венецианской форме, в Кандии же изначально была сделана готически-византийская базилика, – их идеологические и функциональные параллели поразительны. Базилика в Кандии была сознательным идеологическим отражением своей «старшей сестры» в метрополии. Строительство храмов в честь Св. Марка в венецианских колониях встречается нечасто, но нам известно о возведении такового в Кандии по сохранившемуся письму папы римского Григория IX (1227-1241) [6, т. 2, с. 9]:

«Григорий, епископ, раб рабов Божиих, досточтимому брату, епископу Иерапетренскому, приветствие и апостольское благословение. Как нам было сообщено от имени благородного мужа, дожа Венеции (Пьетро Дзиани (1205-1229 – Е.П.) и возлюбленных сыновей, рыцарей Крита, эти же рыцари намереваются построить церковь в своём владении в честь Бога и Святого Марка Евангелиста в городе, называемом Кандией, расположенном на острове Крит, и предложили её учреждение Римской Церкви. Мы, склонившись перед мольбами этого дожа и тех же рыцарей, принимаем её в право и собственность Апостольского Престола и постановляем, чтобы упомянутая церковь навечно принадлежала Римской Церкви. Поэтому мы повелеваем твоей братии апостольскими письмами, чтобы ты, нашей властью, не откладывал закладку в её основание первого камня. Дано в Латеране, третьего дня до июльских календ, в тринадцатом году нашего понтификата» (пер. с лат. наш – Е.П.).

Обоснованием постройки церкви могут служить доводы из того же письма [6, т. 2, с. 9]: «В этой же церкви Святого Марка нужно учредить должность примицерия, на которую подобает избирать из числа критской знати, чтобы, как в светском управлении, так и в церковных делах город Кандия, бывший митрополией королевства и столицей острова, во всём уподоблялся городу Венеции, которому он подчинялся» (пер. с лат. наш – Е.П.). Это даёт объяснение не только строительству собора, но и всей мнемотопии Кандии.

В Венеции церковь Сан-Марко не была кафедральным собором города до 1807 г. Это была частная капелла дожа, церковь дожеского дворца, что символизировало слияние духовной и светской власти в руках государства. В Кандии точно так же базилика Сан-Марко не была соборным храмом (им был Собор Св. Тита). Она была официальной государственной церковью дуки Кандии (венецианского наместника) и располагалась прямо напротив его дворца; обе базилики были не средоточием епископского авторитета, а центром государственной власти Венеции [8, с. 108].

Площадь Сан-Марко была местом для важнейших государственных церемоний: коронации дожей, благословения адмиралов перед походом, празднования военных побед. В Кандии площадь у базилики выполняла абсолютно те же функции, но на колониальном уровне. Здесь проходили официальные церемонии вступления в должность дуки Кандии и других венецианских чиновников, а также публичные молебны в честь побед Республики [8, с. 84].

Посвящение главной государственной церкви покровителю Венеции Св. Марку было очевидной презентацией государственной мощи, что визуально и духовно «привязывало» столицу колонии к метрополии [3, с. 40]. Крылатый лев Св. Марка, символ Венеции, был повсюду, визуально доминируя над городским пространством Кандии и выступая маркером имперского присутствия (рис. 1).

Рис. 1. Крылатый лев Святого Марка, символ Венецианской республики, возвышающийся над Критом [5, л. 1].

Fig. 1. The winged lion of St. Mark, the symbol of the Venetian Republic, towering over Crete [5, p. 1].

Важно было и расположение в городском пространстве: в Венеции собор формировал главную площадь (Piazza San Marco) вместе с дворцом дожей и кампанилой. В Кандии базилика располагалась на главной площади города, рядом с лоджией и дворцом дуки. Эта градостроительная схема – церковь, дворец и площадь – являлась важнейшим мнемотопом венецианского правления, что наглядно отражено на исторических планах города (рис. 2).

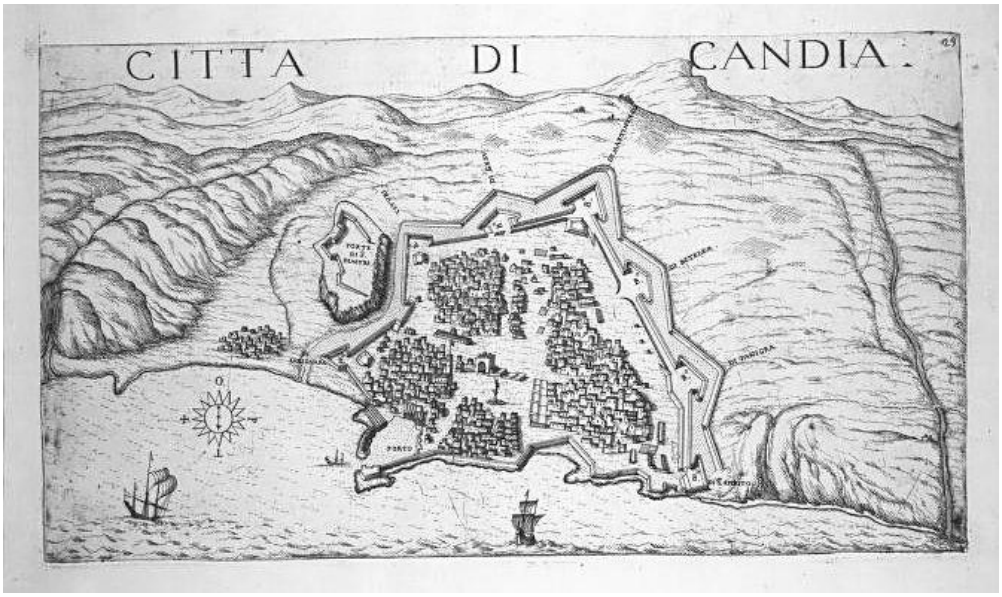


Рис. 2. План города Кандии [5, л. 22].

Fig. 2. Plan of the city of Candia [5, p. 22].

Однако в военной архитектуре проявлялось существенное различие между мнемотопией Венеции и Кандии. Кандия, находившаяся под постоянной угрозой османского вторжения и внутренних восстаний, нуждалась в особой защите и контроле. В XV в. Кандия была опоясана одним из самых совершенных в Европе комплексов бастионных укреплений. Стены протяжённостью более 4 км с семью монументальными бастионами (Мартиненго, Вифлеем, Саббьонара) превратили город в неприступную цитадель [9]. Стены Кандии, построенные венецианцами, имели дуальную функциональность: они защищали город от иноzем-

ного османского врага и одновременно служили обороной от потенциально нелояльного населения внутри острова. Таким образом, в Кандии родилась уникальная мнемотопия осады. Каждый бастион, каждый равелин был материальным воплощением памяти о постоянной опасности. Эта подготовка к вторжению, дремавшая десятилетиями, была трагически актуализирована во время 21-летней осады Кандии (1648-1669), которая стала апофеозом и финалом героической идентичности города [7, с. 115].

Присутствует и различие в военно-экономических комплексах: Венецианский Арсенал был более масштабным и по-другому организованным. Он занимал 24 га, в нём функционировала система специализированных мастерских, осуществлялась конвейерная сборка судов, что являлось инновационной технологией для того времени. Отличалось и его градостроительное положение – он был изолирован, находился на периферии города в сестьере Кастелло, но был связан с центром системой каналов.

О мощи порта Кандии выразительно говорят 19 верфей, объединённых в три группы по образцу венецианского прототипа: древние, старые и новые арсеналы (Arsenali Antichi, Arsenali Vechi и Arsenali Nuovi) [10, с. 146]. В них могли проводиться строительство, ремонт, просушка и зимовка как торговых судов, так и малых и даже средних вооружённых кораблей, необходимых для патрулирования морских маршрутов. Крупные военные галеры в Кандии не строились. Верфи были адаптированы к местным условиям, их укреплённые стены и башни были интегрированы в общую систему городской фортификации. Несколько снижала их статус ориентация на ремонт, а не строительство новых судов. В то же время верфи Кандии занимали центральное градостроительное положение: город строился вокруг порта и был скорее дополнением к нему [10, с. 147].

Однако утверждение венецианского суверенитета опиралось не только на военно-экономическую мощь порта и городскую фортификацию, но и на символический контроль над обществом. С самого начала венецианского господства религиозный ритуал был превращён в инструмент государственной идеологии. Согласно указу дожа Пьетро Дзиани, даровавшего остров венецианским колонистам: «Подобает петь Laudes нам и нашим преемникам... четыре раза в год: в Рождество Господне, в Пасху Воскресения, в праздник Святого Марка и в праздник главного храма Крита» [6, т. 2, с. 4].

Важным элементом идеологии была церемония «Лаудес» (букв. «хвалы»), представлявшая собой утреннее торжественное богослужение, в ходе которого возносились аккламации (хвалебные возгласы) в честь светских и духовных правителей. Включение дня Св. Марка (25 апреля) [6, т. 2, с. 4] в число обязательных для проведения «Лаудес» неслучайно. Культ евангелиста Марка был центральным для государственной мифологии Венецианской республики, и его введение на Крите символизировало перенос суверенитета метрополии на колониальную территорию.

Политическая семантика этих церемоний подкреплялась визуальной иерархией, подчёркивавшей первую роль католического клира и второе положение греческого священства. Нормативные акты предписывали, что во время совместных процессий, собиравших духовенство католического и православного обряда, «латиняне всегда шли впереди» греков, выступая ведущими, а последние – ведомыми. Здесь важно то, что греки не исключались из публичных действий, а участвовали в них вместе с латинянами. Этот принцип процессуального старшинства был зримым воплощением колониального порядка, где латинская община, несмотря на свою малочисленность, занимала доминирующее положение. Участие в этих шествиях военных и гражданских магистратов ещё больше подчёркивало слияние церковной и государственной власти в единой демонстрации венецианского могущества [6, т. 2, с. 30].

Венецианская власть на Крите столкнулась с глубоко укоренившимся почитанием Св. Тита, ученика апостола Павла и первого епископа острова. Именно ему был посвящён главный храм Кандии [8, с. 36]. Полное игнорирование или подавление этого культа было бы нецелесообразным и могло привести к народным волнениям. Вместо этого венецианская администрация прибегла к более тонкой стратегии инкорпорации местного святого в свою официальную ритуальную систему. Указ Дзиани свидетельствовал, что день Св. Тита был одним из трёх главных праздников, когда в кафедральном соборе собирались «все магистраты и огромное множество знати и простого народа» [6, т. 2, с. 30] вместе с греческим и латинским клиром. Более того, день Св. Тита был включён в число четырёх дат, когда пелись «Лаудес» в честь венецианских дожей и критских дук, наравне с Рождеством, Пасхой и днём Св. Марка.

Наиболее показательным является литургический чин самих «Лаудес» в честь латинского архиепископа. После хвалебных возгласов в адрес иерарха («здравие, честь, жизнь и вечная слава победы») и антифона «Христос побеждает, Христос царствует, Христос повелевает», следовал поразительный элемент: певчие возглашали «Святой Тит» (Sancte Tite), а хор отвечал «Ты нам помоги» (Tu nos adiuva) [8, с. 118]. Таким образом, в рамках церемонии, утверждавшей власть назначенного Венецией и Римом архиепископа, звучало прямое обращение за помощью к главному православному святому Крита. Это не было актом сопротив-

ления со стороны греков; это был санкционированный ритуал, который ставил местного покровителя на службу легитимации колониальной церковной власти. Святой Тит как бы «благословлял» латинского архиерея, тем самым символически примиряя местное население с существующим порядком.

Сосуществование двух обрядов требовало и практических решений. Как указано в региональном соборном положении, латинянам было дано папское разрешение «отмечать торжества как подвижных, так и неподвижных праздников вместе с греками» [6, т. 2, с. 31], которые придерживались старого календаря. Это свидетельствует о прагматизме венецианской администрации, понимавшей необходимость координации общественной жизни в городе со смешанным населением.

Однако этот прагматизм всегда был обрамлён жёсткой иерархией. Структура совместных церемоний, будь то пышная процессия в Страстную пятницу или торжественные «Лаудес», была выстроена таким образом, чтобы демонстрировать единство, но под латинским верховенством. Совместное участие создавало иллюзию гармонии и общего благочестия, что было выгодно властям для поддержания стабильности. В то же время каждый элемент ритуала – от порядка шествия (латиняне всегда шли впереди) до содержания молитв (просьба к Св. Титу помочь латинскому архиепископу) – работал на утверждение венецианского доминирования.

Выводы

Анализ показал, что венецианцы целенаправленно воспроизводили в Кандии ключевые мнемотопы власти, характерные для Венеции. Административный и сакральный центр города, сформированный вокруг дворца дуки, лоджии и базилики Св. Марка, являлся сознательной репликой ансамбля площади Сан-Марко. Этот архитектурный перенос служил мощным инструментом идеологической проекции, визуально закрепляя принадлежность Кандии к Светлейшей республике и легитимируя власть метрополии. Однако функция этих пространств кардинально изменилась: если в Венеции они служили сценой для репрезентации республиканской власти перед собственными гражданами, то в Кандии они стали инструментом утверждения гегемонии над покорённым греческим населением.

Наиболее фундаментальное отличие кандийской мнемотопии проявилось в военной и военно-экономической сферах. В отличие от Венеции, чьей главной защитой была лагуна, породившая мнемотоп безопасности, Кандия была опоясана передовыми бастионными укреплениями. Эти стены служили как для сдерживания османской угрозы, так и для контроля над островом. Они определили уникальную «мнемотопию осады», материализованную память о постоянной опасности и пограничном статусе города. Аналогично, арсенал Кандии, в отличие от производственного гиганта Венеции, был адаптирован к локальным нуждам ремонта и обороны, будучи интегрированным в систему городских укреплений.

Исследование церемониальной жизни продемонстрировало, что венецианская власть прибегала не только к прямому насаждению своих ритуалов (церемония «Лаудес», процессионное старшинство латинян), но и к тонкой стратегии инкорпорации. Включение местного Св. Тита в официальный пантеон и литургическую практику было не признаком равноправия, а прагматичным способом легитимации колониального порядка через символическое «благословение» со стороны автохтонного покровителя.

Таким образом, мнемотопия Кандии представляет собой сложную многослойную систему, где имперская модель адаптировалась к реалиям колониального фронтира, порождая собственную уникальную мнемотопию. Пространство столицы «Королевства Кандия» было обращено на Венецию, но говорило на собственном языке гарнизонного города, христианского форпоста и центра гегемонии. Проведённое исследование показывает, что изучение городского пространства через призму «памяти места» позволяет выйти за рамки простого архитектурного копирования и вскрыть глубинные механизмы функционирования власти, формирования коллективной идентичности и адаптации имперских моделей на заморских территориях.

В качестве перспектив дальнейшего исследования представляется расширение анализа феномена мнемотопии власти на другие центры фронтирного взаимодействия между Востоком и Западом.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках проекта, финансируемого Российским научным фондом (грант РНФ № 26-18-01103)

Список источников

1. Ассман Ян Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности: пер. с нем. Марии Михайловны Сокольской. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Карпов С.П. Латинская Романия. Санкт-Петербург: Алетейя, 2024. 322 с.
3. Нора Пьер Франция-память: пер. с фр. Дины Хапаевой. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. 328 с.
4. Arbel Benjamin Trading Nations: Jews and Venetians in the Early Modern Eastern Mediterranean. Leiden: Brill, 1995. 254 p. (The Medieval Mediterranean; Vol. 14).
5. Boschini Marco Il regno tutto di Candia, delineato à parte, à parte, et intagliato da Marco Boschini Venetiana. Venezia: [s. n.], 1651. 80 л.
6. Corner, Flaminio (Cornelius, Flaminius). Creta Sacra, sive, De episcopis utriusque ritus Graeci et Latini in insula Cretae. Venetiis: Typis J.B. Pasquali, 1755. Vol. I. 443 p.; Vol. II. 423 p.
7. Cosmescu Dragos Venetian Renaissance Fortifications in the Mediterranean. Jefferson, NC: McFarland, 2015. 244 p.
8. Georgopoulou Maria Venice's Mediterranean Colonies: Architecture and Urbanism. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 383 p.
9. Gerola Giuseppe Monumenti veneti nell'isola di Creta. Venezia: Istituto veneto di scienze, lettere ed arti, 1905. 4 vol. Vol. 1. 312 p.; Vol. 2. 298 p.; Vol. 3. 276 p.; Vol. 4. 254 p.
10. Gertwagen Ruthi The Venetian port of Candia, Crete (1299-1363): Construction and maintenance // Mediterranean cities: historical perspectives / ed. by Irad Malkin and Robert Hohlfelder. Abingdon: Routledge, 1988. P. 141 – 158.
11. Greene Molly A Shared World: Christians and Muslims in the Early Modern Mediterranean. Princeton: Princeton University Press, 2000. 228 p.
12. Holton David (ed.). Literature and Society in Renaissance Crete. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 525 p.
13. Lane Frederic Chapin. Venetian Ships and Shipbuilders of the Renaissance. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1934. 285 p.
14. McKee Sally Uncommon Dominion: Venetian Crete and the Myth of Ethnic Purity. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2000. 288 p.
15. Molmenti Pompeo Venice: Its Individual Growth from the Earliest Beginnings to the Fall of the Republic / trans. by Horatio Forbes Brown. Chicago: A.C. McClurg & Co., 1906-1908. Vol. 1. 312 p.; Vol. 2. 298 p.; Vol. 3. 287 p.; Vol. 4. 301 p.; Vol. 5. 315 p.; Vol. 6. 289 p.
16. Muir Edward Civic Ritual in Renaissance Venice. Princeton: Princeton University Press, 1981. 356 p.
17. Thiriet Freddy La Romanie vénitienne au Moyen Âge: Le développement et l'exploitation du domaine colonial vénitien (XIIe-XVe siècles). Paris: E. de Boccard, 1959. 471 p.

References

1. Assmann Jan Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity: Translated from German by Maria Mikhailovna Sokolskaya. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 368 p.
2. Karpov S.P. Latinskaya Romania. St. Petersburg: Aletheia, 2024. 322 p.
3. Nora Pierre France-Memory: Translated from French by Dina Khapaeva. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 1999. 328 p.
4. Arbel Benjamin Trading Nations: Jews and Venetians in the Early Modern Eastern Mediterranean. Lei-den: Brill, 1995. 254 p. (The Medieval Mediterranean; Vol. 14).
5. Boschini Marco Il regno tutto di Candia, delineato à parte, à parte, et intagliato da Marco Boschini Venetiana. Venezia: [s. n.], 1651. 80 l.
6. Corner, Flaminio (Cornelius, Flaminius). Creta Sacra, sive, De episcopis utriusque ritus Graeci et Latini in insula Cretae. Venetiis: Typis J.B. Pasquali, 1755. Vol. I. 443 p.; Vol. II. 423 p.
7. Cosmescu Dragos Venetian Renaissance Fortifications in the Mediterranean. Jefferson, NC: McFarland, 2015. 244 p.
8. Georgopoulou Maria Venice's Mediterranean Colonies: Architecture and Urbanism. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 383 p.

9. Gerola Giuseppe Monumenti veneti nell'isola di Creta. Venezia: Istituto veneto di scienze, lettere ed arti, 1905. 4 vol. Vol. 1. 312 p.; Vol. 2.298 p.; Vol. 3. 276 p.; Vol. 4.254 p.

10. Gertwagen Ruthi The Venetian port of Candia, Crete (1299-1363): Construction and maintenance. Mediterranean cities: historical perspectives. ed. by Irad Malkin and Robert Hohlfelder. Abingdon: Routledge, 1988. P. 141 – 158.

11. Greene Molly A Shared World: Christians and Muslims in the Early Modern Mediterranean. Princeton: Princeton University Press, 2000. 228 p.

12. Holton David (ed.). Literature and Society in Renaissance Crete. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 525 p.

13. Lane Frederic Chapin. Venetian Ships and Shipbuilders of the Renaissance. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1934. 285 p.

14. McKee Sally Uncommon Dominion: Venetian Crete and the Myth of Ethnic Purity. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2000. 288 p.

15. Molmenti Pompeo Venice: Its Individual Growth from the Earliest Beginnings to the Fall of the Re-public. trans. by Horatio Forbes Brown. Chicago: A.C. McClurg & Co., 1906-1908. Vol. 1. 312 p.; Vol. 2.298 p.; Vol. 3.287 p.; Vol. 4.301 p.; Vol. 5. 315 p.; Vol. 6.289 p.

16. Muir Edward Civic Ritual in Renaissance Venice. Princeton: Princeton University Press, 1981. 356 p.

17. Thiriet Freddy La Romanie vénitienne au Moyen Âge: Le développement et l'exploitation du domaine colonial vénitien (XIIe-XVe siècles). Paris: E. de Boccard, 1959. 471 p.

Информация об авторе

Потапов Е.А., аспирант, ассистент кафедры истории, AuthorID: 1254993, SPIN-код: 2144-5108, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-1451-0441, Тюменский государственный университет, e.a.potapov@utmn.ru

© Потапов Е.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.85
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-282-289

Развитие сети драматических театров Западной Сибири в 1930-е – 1940-е годы

[1] Раздобреев О.В.,
[1] Сургутский государственный университет

Аннотация: статья посвящена изучению процесса развития сети драматических театров Западной Сибири. Целью работы стало выявление этапов и определение источников ее формирования в 1930-1940-е гг. При проведении исследования автор опирался на труды ученых, занимающихся различными аспектами генезиса культурного пространства региона. Использование опубликованных документов органов управления культурой, а также материалов, хранящихся в центральных и местных архивах, позволило выделить ряд ключевых моментов, определявших изменение государственной политики в отношении театров, в первую очередь, влияние на количество театрально-зрелищных учреждений наличия или отсутствия государственных дотаций. Проведение триединой политики индустриализации, коллективизации и культурной революции обусловило финансовую поддержку театров со стороны государства и инициировало появление их новых видов. Источниками формирования современных драматических театров, действующих в городах Западной Сибири, стали преимущественно стационарные и передвижные театры, сформированные в 1930-е гг. В годы Великой Отечественной войны западно-сибирские театры чаще всего уступали место эвакуированным театрам европейской части страны, но затем большинство из них вернулось на свои сцены. Послевоенное постановление 1948 г., сокращавшее государственные дотации театрам, привело к уменьшению их количества, но сложившийся тогда костяк драматических театров Западной Сибири действует о сих пор. Исследование вносит свой вклад в изучение развития театрального потенциала Сибири, определяя возможности применения исторического опыта для формирования современной культурной политики.

Ключевые слова: драматические театры, колхозно-совхозные театры, управление культурой, Западная Сибирь, государственная политика, стационирование, дотации

Для цитирования: *Раздобреев О.В. Развитие сети драматических театров Западной Сибири в 1930-е – 1940-е годы // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 282 – 289. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-282-289*

Поступила в редакцию: 12 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

Development of the network of dramatic theaters in Western Siberia in the 1930s and 1940s

[1] Razdobreev O.V.,
[1] Surgut State University

Abstract: the article is devoted to the study of the process of development of the network of dramatic theaters in Western Siberia. The purpose of the work was to identify the stages and sources of its formation in the 1930s and 1940s. When conducting the research, the author relied on the works of scientists who study various aspects of the genesis of the cultural space of the region. The use of published documents from cultural authorities, as well as ma-

terials stored in central and local archives, allowed us to identify a number of key points that determined the change in state policy towards theaters, primarily the impact of the presence or absence of state subsidies on the number of theaters and entertainment venues. The implementation of the triune policy of industrialization, collectivization, and the Cultural Revolution led to financial support for theaters from the government and the emergence of new types of theaters. The sources of modern drama theaters in the cities of Western Siberia were primarily stationary and traveling theaters established in the 1930s. During the Great Patriotic War, theaters in Western Siberia were often replaced by evacuated theaters from the European part of the country, but most of them returned to their original locations. The post-war decree of 1948, which reduced state subsidies for theaters, led to a decrease in their number, but the existing core of dramatic theaters in Western Siberia is still active. This study contributes to the study of the development of Siberia's theatrical potential by identifying opportunities for applying historical experience to shape modern cultural policies.

Keywords: drama theaters, collective and state farms, cultural management, Western Siberia, state policy, stationing, subsidies

For citation: *Razdobreev O.V. Development of the network of dramatic theaters in Western Siberia in the 1930s and 1940s. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 282 – 289. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-282-289*

The article was submitted: April 12, 2026; Approved after reviewing: May 10, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

История развития сети драматических театров Западной Сибири уходит своими корнями в дореволюционный период, когда в ряде крупных городов были построены здания театров, на сцене которых выступали любительские театральные кружки или профессиональные гастролирующие коллективы.

С установлением советской власти были изменены принципы функционирования театра и определены его задачи в формировании новой государственно-политической системы. Декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 26.08.1919 г. «Об объединении театрального дела» все здания театров и их реквизит национализировались, а для руководства театральным делом был утвержден Центральный Комитет (Центротеатр) при Народном Комиссариате по Просвещению. Все театры были разделены на государственные и ведомственные. Театры, признанные «полезными и художественными», субсидировались государством, «согласно представляемой смете, в размерах, дающих им возможность функционировать при утвержденных государством ставках за труд и ценах на места» [1].

Первые документы Советской власти определили роль театра в культурной революции как государственного учреждения, призванного проводить в массы новые идеологические установки. Реализация поставленных задач определила основные черты развивавшейся в 1930-1940-е гг. сети драматических театров Западной Сибири.

Материалы и методы исследований

Отдельные аспекты рассматриваемой темы на протяжении последних десятилетий неизменно привлекали внимание исследователей. В трудах сибирских ученых нашли свое отражение вопросы развития колхозно-совхозных театров в крае (Зяблицева С.В., Шлегель (Чикирева) Н.О.), генезиса всех видов театров в 1920-1930-е гг. и в предвоенное десятилетие (Зяблицева С.В., Прохорова Л.Д.), истории отдельных театров региона (Бураченко А. И., Суздальский В. И.)

Ключевым методом исследования для выявления основных этапов государственной политики в отношении театра стал метод анализа нормативных актов. К числу основных документов такого рода могут быть отнесены Постановление СНК РСФСР от 7 октября 1930 г. «Об улучшении театрального дела», постановление Народного комиссариата просвещения РСФСР от 15 марта 1934 г. «О развитии колхозно-совхозных театров», Постановление Совета Министров СССР от 12 марта 1948 г. «О сокращении государственной дотации театрам и мерах по улучшению их финансовой деятельности» и др.

Значительное количество информации о состоянии театральной сети в рассматриваемый период было извлечено из фонда 962 (Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР) Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) и фондов архивохранилищ областей и краев Западной Сибири.

Результаты и обсуждения

Вторая половина 1920-х гг. в СССР была отмечена переходом к политике индустриализации и коллективизации. Третьей составляющей нового курса была культурная революция. При этом сложившаяся на тот момент, система театров, равно как и их деятельность, по мнению власти, не соответствовали масштабу решаемых задач. В Постановлении СНК РСФСР от 7 октября 1930 г. «Об улучшении театрального дела» прямо отмечалось, что «современное состояние театрального дела не удовлетворяет возросших политических и культурных запросов трудящихся масс. Театры далеки от конкретных задач социалистического строительства и недостаточно еще выполняют свое назначение – служить орудием совершающейся в стране культурной революции». В силу этого театрам предлагалось решительно изменить сложившуюся практику своей работы, направив ее «на наиболее полное обслуживание рабочих районов в городах и промышленных центрах, а также обобществленного сектора сельского хозяйства» [2].

Реализация указанного постановления способствовала заметному росту числа театров в стране. К 1933 г. в СССР было уже более 550 театров, а к концу второй пятилетки их количество увеличилось еще на 200 с лишним единиц [3, с. 256]. Все эти процессы затронули и Западную Сибирь.

В научной литературе отмечается, что к началу 1930-х гг. в Западной Сибири работало лишь 5 постоянно действующих профессиональных коллективов, в числе которых были Томский театр драмы и комедии им. А.В. Луначарского, Барнаульский краевой драматический театр, Омский музыкально-драматический и Бийский драматический театры [4, с. 182]. Однако наряду с ними в крае действовало большое количество любительских или полупрофессиональных трупп, нередко имевших очень краткие сроки своего существования. И если в таких городах, как Омск или Томск, театры существовали и ранее, то в местах новых ударных строек их нужно было открывать впервые.

Поэтому, например, когда в начале 1930-х гг. шло ударное развитие Кузнецкого угольного бассейна, перед руководством на местах была поставлена задача открытия профессионального театра в Кузбассе. В 1933 г. в Сталинске (ныне – Новокузнецк) был создан стационарный драматический театр, получивший в мае 1938 года имя Серго Орджоникидзе. Кроме того, были открыты театры в небольших городах региона – Анжеро-Судженске и Прокопьевске [5, с. 86-89].

Ключевым моментом, определившим появление в стране стабильно действующих драматических театров, имеющих собственный штат и материально-техническую базу, стало принятие в 1937 г. постановления Комитета по делам искусств СНК СССР «О стационировании периферийных театров, переводе их на работу с постоянными актёрскими труппами». По сути, именно тогда театры стали приобретать ту форму, в которой существуют и до сих пор.

Постановление 1937 г. утвердило наличие тех тенденций, которые уже сложились в городах Сибири. Так, стационирование, например, Омского драматического театра началось на несколько лет раньше указанного постановления. Похожая ситуация сложилась и в Тюмени, где с постройкой в 1935 г. нового здания театра, была создана стабильная труппа [6, с. 7]. В 1936 г. закрепил свою стационарность театр в г. Барнауле, что было подтверждено решением Оргкомитета ВЦИК по Алтайскому краю от 20 ноября 1939 г. № 4027 «Об утверждении строительства нового здания краевого драматического театра в Барнауле» [7, л. 1]. В 1939 г. местными органами власти были предприняты усилия по стационированию Кемеровского театра, что выразилось в оказанной ему материальной поддержке и предоставлении квартир штатным сотрудникам [5, с. 74-75].

Исследователь Зяблицева С.В. тоже рассматривает стационирование сибирских театров уже с 1930 г., относя к стационированным «Синтетический театр» Омска (1931), «Красный факел» (1932), Сталинский театр им. С. Орджоникидзе (1933), городской драматический театр в Кемерове и Алтайский краевой театр (1936). По ее мнению, в середине 1930-х гг. в регионе на постоянной основе работали 11 драматических коллективов, тогда как в 1920 г. их было только 5 [4, с. 185].

Помимо стационарных театров в 1930-е гг. складывается своеобразная сеть передвижных колхозно-совхозных театров, возникновение которых стало формой осуществления культурной революции в деревне.

В принятом 5 декабря 1934 г. постановлении СНК РСФСР № 1165 «О колхозных театрах» отмечалось, что рост культурных запросов жителей села требует развития в деревне театрального искусства. В связи с этим в постановлении утверждался план развертывания сети колхозных театров до 120 к 1935 г. и предусматривалось выделение им 7 млн. руб. бюджетных дотаций. Колхозные театры получали статус передвижных театров с базированием преимущественно в сельской местности [8].

Результатом введения нового элемента реализации государственной культурной политики на селе стало резкое увеличение количества колхозно-совхозных театров во всех регионах страны, в том числе и в Запад-

ной Сибири. Согласно Справке Управления театрально-зрелищными предприятиями о работе колхозно-совхозных театров Запсибкрая, в 1935 г. их действовало 5 (Новосибирский, Барнаульский, Венгеровский, Каменский и Латгальский) [9, л. 49-51]. В дальнейшем их число возрастало, но малый срок существования целого ряда подобных коллективов, отсутствие у них прочной материальной базы, стационарной площадки и профессионального состава не дают возможность произвести точный подсчет их количества.

В исследовательских работах и архивных документах встречаются упоминания о таких колхозно-совхозных театрах, как Омский, Тюкалинский, Барнаульский, Новосибирский, Сталинский, Ордынский, Венгеровский, Каменский, Знаменский, Ойротский, Латгальский, Томский, Ишимский, Ялуторовский, Черепановский, Остяко-Вогульский, Кемеровский, Бийский, Кировск-Омский, передвижной театр при Тюменском городском театре [10, 11, 12, 13], т.е. их число составляло не менее 20, вероятнее всего, неодновременно функционирующих коллективов. При этом такие театры Омской области, как, например, Северный (Тавда-Северный) и Остяко-Вогульский, существовали менее одного года [11, с. 88; 14, с. 94].

Некоторые из колхозно-совхозных театров имели национальный характер. В Западной Сибири таковыми были Латгальский, Остяко-Вогульский и Ойротский театры. Однако, как указывалось ранее, Остяко-Вогульский действовал очень недолго, Латгальский межколхозный театр был закрыт после ареста большей части труппы в 1937 г. [15, с. 28-33], поэтому единственным длительно существовавшим национальным театром в Западной Сибири был Ойротский колхозно-совхозный театр, впоследствии получивший название Горно-Алтайский областной национальный театр.

В результате проводимой государством политики к концу 1930-х гг. количество драматических театров всех видов в Западной Сибири заметно возросло. Так, только в Алтайском крае в 1937 г. действовали Алтайский краевой драматический театр, Алтайский, Бийский, Рубцовский, Каменский колхозно-совхозные передвижные театры, Ойротский национальный театр [7, л. 2]. При всей относительной аморфности такого вида театров, как колхозно-совхозные, некоторые из них стали базой для создания стационарных театров, как это произошло, например, в Бийске и Рубцовске [16, л. 5-6].

Впрочем, как указывалось ранее, не все театры имели долгий срок существования. Например, Ленинск-Кузнецкий (Прокопьевский) и Анжеро-Судженский театры действовали всего 1-2 года. В результате в Кузбассе к концу 1930-х гг. осталось только два профессиональных драматических театра – в Сталинске и в Кемерове [4, с. 186].

Новым этапом в формировании сети драматических театров Западной Сибири стал период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Произошедшие в театре перемены были связаны с огромными изменениями, происходившими в жизни страны. Многие актеры, режиссеры, другие работники театров ушли на фронт. На базе сибирских театров были созданы мобильные творческие группы, выступавшие в госпиталях, воинских частях, перед тружениками тыла.

Другим важным фактором, определившим дальнейшее развитие драматических театров Западной Сибири, стала эвакуация за Урал большого количества театров европейской части страны. Только в Новосибирскую область было эвакуировано 10 сценических коллективов [17, с. 66].

Так, например, в Омск был эвакуирован театр им. Е. Вахтангова из Москвы, с которым омская труппа в 1941-1943 гг. в прямом смысле делила сцену, выступая поочередно. Однако то, что Омский драматический театр продолжил работу на своей площадке, стало скорее исключением из правил. Большинство театров, располагавшихся в крупных городах Западной Сибири, были переведены в небольшие города, освобождая сцену для приезжих трупп.

С началом войны большинство колхозно-совхозных театров по решению властей были закрыты «в целях экономии материальных и людских ресурсов» [18, с. 31]. В частности, в 1941 г. была прекращена работа Томского передвижного колхозно-совхозного театра [17, с. 58-59]. Однако ряд колхозно-совхозных театров в годы войны даже повысил свой статус, перейдя в разряд городских или областных. Так, Новосибирский областной колхозно-совхозный театр был возвращен в разряд передвижных и с 1943 г. стал называться Новосибирский областной драматический театр [19, л. 35]. Рубцовский колхозно-совхозный театр в 1943 году решением СНК РСФСР был переименован в Рубцовский городской драматический театр [7, л. 4].

В целом, по данным Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, в связи с войной сеть театров страны значительно сократилась: если в довоенный период их было 846, то на 1 января 1942 г. – 415, из них драматических театров – 304 [20, л. 1-44].

В послевоенный период страна приступила к восстановлению разрушенного народного хозяйства. Театры Западной Сибири, сменившие площадки в годы войны, вернулись на свои сцены. В небольших городах края открывались собственные театры. Страна возвращалась на мирные рельсы. Но необходимость

направления средств преимущественно в область промышленности определила сокращение бюджетных расходов на социальную сферу.

Принятым в марте 1948 г. Постановлением Совета Министров СССР «О сокращении государственной дотации театрам и мерах по улучшению их финансовой деятельности» театрам предписывалось улучшить работу для перехода на самоокупаемость, а государственное дотирование всех видов театров, в том числе и драматических, было радикально уменьшено [21]. Результатом принятого решения стало резкое сокращение количества театров в стране, а такой их вид, как колхозно-совхозные театры, практически полностью прекратил свое существование [18, с. 31].

По данным Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, на 1 января 1948 г. в РСФСР работало 379 театров, в том числе 253 драматических. Подавляющее большинство театров получало государственную дотацию по первоначальному плану 1948 года в размере 253,3 млн рублей. После перевода театров на бездотационную работу, Постановлением Совета министров СССР от марта 1948 помощь театрам была уменьшена на 91 млн рублей, с 15 марта 321 театр был снят с дотаций [22, л. 1-6].

В целях обеспечения выполнения постановления правительства, Комитетом по делам искусств в 1948 году была «уплотнена» работа театров, заключавшаяся в увеличении количества показанных спектаклей на 23 % относительно 1947 г. и росте числа новых постановок более чем на 18 %. Одновременно театрам предписывалось «ликвидировать излишества», сократить расходы и фонд заработной платы [22, л. 1-6]. Комитетом по делам искусств при Совете Министров СССР ответственность за исполнение принятых на государственном уровне постановлений фактически была возложена на республиканские и региональные органы управления культурой, а также на сами театры. В результате в 1948 году в стране были закрыты, реорганизованы и слиты с другими 39 театров [22, л. 6].

Сокращение количества театров в регионах Западной Сибири можно проследить на примере Алтайского края, где на 1948 г. в числе драматических театров, подведомственных краевому отделу по делам искусств, числились Барнаульский краевой, Бийский городской, Рубцовский городской, Горно-Алтайский областной национальный с двумя труппами: русской и национальной, Передвижной колхозно-совхозный театр в г. Камне. Из них 4 театра (Рубцовский, Бийский, Горно-Алтайский и Каменский) работали с большими убытками [7, л. 1, 111].

В результате пересмотра сети театров, на уровне руководства РСФСР было ликвидировано или намечено к объединению 12 театров, в том числе Русская труппа Горно-Алтайского областного театра и колхозный театр с базой в городе Камень-на-Оби [22, л. 1-6]. Поэтому решением Исполкома Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся от 9 марта 1949 г. № 166 «О работе театров края за 1948 год и мерах по улучшению их финансовой деятельности» была пересмотрена театральная сеть края и закрыты с 1 марта 1949 г., «как не оправдавшие себя в финансово-хозяйственном отношении» Каменский колхозно-совхозный театр и Русская труппа Горно-Алтайского национального драматического театра [7, л. 73-74]. Распоряжением Совета Министров СССР № 9612-р от 29 июня 1950 года Горно-Алтайский областной национальный колхозный театр был полностью ликвидирован как нерентабельный [7, л. 131].

В итоге сокращения сети театров страны на 1951 г. в РСФСР, согласно данным официальной статистики, действовало 263 театра. Из них в Алтайском крае работали драматические театры в Барнауле, Бийске и Рубцовске, в Кемеровской области – в Кемерово, Сталинске и Прокопьевске, в Курганской области – в Кургане и Шадринске, в Тюменской области – в Тюмени и Тобольске, в Новосибирской области – «Красный Факел» и передвижной драматический театр (оба в г. Новосибирске), в Омской области – областной драматический театр в г. Омске, в Томской области – областной драматический театр имени Чкалова в г. Томске [23, л. 1-40].

Таким образом, в начале 1950-х гг. в Западной Сибири сложилась сеть драматических театров, в основных чертах действующая и ныне. Общее количество театров составило 14, они работали во всех областных и краевых центрах, а также в ряде городов, входивших в состав краев и областей.

Выводы

Таким образом, подводя общие итоги рассмотрению вопроса о формировании сети драматических театров Западной Сибири в 1930-1940-е гг., можно сделать вывод о существовании нескольких этапов этого процесса, связанных с изменением направлений государственной политики в отношении театра.

Бурный рост количества театров в 1930-е гг. был определен эпохой культурной революции. Театры стали дотироваться для проведения работы на стройках пятилетки, создается новый вид театров – колхозно-совхозные театры для работы в деревне.

Переход к стационаризации театров в 1930-е гг. определил основы их существования на последующие десятилетия: драматический театр стал пониматься в единстве стабильно действующего и официально оформленного коллектива в привязке к стационарному помещению. При этом сохранилась практика передвижных театров, осуществлявших гастрольную деятельность без наличия базовой площадки.

В период Великой Отечественной войны количество театров было сокращено, многие сибирские театры были перемещены в небольшие города региона, уступая место эвакуированным театрам. Но с 1943 г. начался процесс возвращения театров на собственные сцены.

Послевоенное постановление о переводе театров на бездотационную работу серьезно повлияло на сокращение количества театров, поскольку не все они могли существовать на принципах нулевого государственного финансирования и самоокупаемости. Именно в этот период и складывается в основных чертах сеть драматических театров Западной Сибири, действующая и ныне.

Список источников

1. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 26.08.1919 «Об объединении театрального дела». URL: https://www.kino-teatr.ru/teatr/history/8/1279/?ysclid=mpjgo0y7e9823054790 (дата обращения: 10.03.2026)

2. Постановление СНК РСФСР от 7 октября 1930 г. «Об улучшении театрального дела». URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/389286-ob-uluchshenii-teatralnogo-dela-post-snk-ot-7-oktyabrya-1930-g?ysclid=mpodcypm1x816876913#mode/inspect/page/2/zoom/4 (дата обращения: 10.03.2026)

3. Шлегель (Чикирева) Н.О. Организация зрительской аудитории колхозно-совхозными театрами Западной Сибири (1933-1941 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4 (88). С. 256 – 259.

4. Зяблицева С.В. Театральный потенциал Западной Сибири в предвоенное десятилетие // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2015. № 3. С. 181 – 187.

5. Бураченко А.И. Феномен театральной критики в провинции. Кемеровский театр драмы в отражении областной газеты «Кузбасс» (1930-1980-е годы). Кемерово: Изд-во КемГУКИ, 2012. 248 с.

6. От «благородного театра» к театру драмы и комедии (к 140-летию Тюменского театра) / Сост.: Т.И. Бакулина, М.А. Смирнова. Тюмень: Издание управления по делам архивов администрации Тюменской области, 1998. 63 с.

7. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-1445. Оп. 1. Д. 82.

8. Постановление СНК РСФСР от 05.12.1934 № 1165 «О колхозных театрах» // Справочно-правовая система Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req (дата обращения 10.02.2026)

9. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-896. Оп. 1. Д. 366.

10. Прохорова Л.Д. Формирование театральной сети в Западной Сибири (20-30-е гг. XX в.) // Омский научный вестник. 2005. № 1 (30). С. 18 – 22.

11. Шлегель Н.О. Принципы формирования репертуара колхозно-совхозных театров Западно-Сибирского края // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 1 (20). С. 87 – 89.

12. Шлегель Н.О. Создание материально-технической базы колхозно-совхозных театров Западно-Сибирского края в годы первых пятилеток // Омский научный вестник. 2012. № 2 (106). С. 29 – 32.

13. Шлегель Н.О. Кадровое обеспечение колхозно-совхозных театров Западной Сибири (1933-1941 гг.) // СибСкрипт. 2015. № 3-1 (63). С. 77 – 81.

14. Зяблицева С.В. Колхозно-совхозные театры как социокультурный феномен // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. С. 91 – 95.

15. Колоткин М.Н. Латгальские поселенцы в Сибири / Отв. ред. А.В. Андронов, Л. Лейкума. 2-е изд., испр. Ачинск: Региональная общественная организация «Центр латгальской культуры» Красноярского края; Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 69 с.

16. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 970. Оп. 20. Д. 114.

17. Суздальский В.И. Театр уж полон... : из истории Томского драматического. 2-е изд. Томск, 2016. 112 с.

18. Раздобреев О.В. Колхозно-совхозные театры Западной Сибири в контексте реализации государственной культурной политики в 1930-е гг // Зыряновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «XXII Зыряновские чтения», Курган, 05-06 декабря 2024 года. Курган: Курганский государственный университет, 2024. С. 30 – 32.

19. ГАНО. Ф. Р-1376. Оп. 1. Д. 67.

20. РГАЛИ. Ф. 970. Оп. 11. Д. 363.

21. О сокращении государственной дотации театрам и мерах по улучшению их финансовой деятельности. Постановление Совета Министров РСФСР 12 марта 1948 г. № 269. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/372121-o-sokraschenii-gosudarstvennoy-dotatsii-teatram-i-merah-po-uluchsheniyu-ih-finansovoy-deyatelnosti-postanovlenie-soveta-ministrov-rsfsr-12-marta-1948-g-locale-nil-269?ysclid=mpnlrxzivq393945155 (дата обращения 10.02.2026)

22. РГАЛИ. Ф. 970. Оп. 11. Д. 364.

23. РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 11. Д. 369.

References

1. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of August 26, 1919, "On the Unification of Theatre Business." Available at: https://www.kino-teatr.ru/teatr/history/8/1279/?ysclid=mpjgo0y7e9823054790 (accessed February 10, 2026)

2. Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR of October 7, 1930, "On the Improvement of Theatre Business." URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/389286-ob-uluchshenii-teatralnogo-dela-post-snk-ot-7-oktyabrya-1930-g?ysclid=mpodcypm1x816876913#mode/inspect/page/2/zoom/4 (date of access: 10.02.2026)

3. Schlegel (Chikireva) N.O. Organization of the audience by collective and state farm theaters of Western Siberia (1933-1941). Bulletin of the Altai State University. 2015. No. 4 (88). P. 256 – 259.

4. Zyablitseva S.V. Theatrical potential of Western Siberia in the pre-war decade. Bulletin of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 2015. No. 3. P. 181 – 187.

5. Burachenko A.I. The Phenomenon of Provincial Theatre Criticism. Kemerovo Drama Theatre as Reflected in the Regional Newspaper “Kuzbass” (1930-1980s). Kemerovo: Kemerovo State University of Culture and Arts Publishing House, 2012. 248 p.

6. From the “Noble Theatre” to the Theatre of Drama and Comedy (on the 140th Anniversary of the Tyumen Theatre). Comp. by T.I. Bakulina, M.A. Smirnova. Tyumen: Publishing House of the Archives Department of the Tyumen Region Administration, 1998. 63 p.

7. State Archives of the Altai Territory (GAAK). F. R-1445. Op. 1. D. 82.

8. Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR of 05.12.1934 No. 1165 "On Collective Farm Theaters". Consultant Plus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req (accessed 10.02.2026)

9. State Archives of the Novosibirsk Region (GANO). F. R-896. Op. 1. D. 366.

10. Prokhorova L.D. Formation of the Theater Network in Western Siberia (1920s-30s). Omsk Scientific Bulletin. 2005. No. 1 (30). P. 18 – 22.

11. Schlegel N.O. Principles of Formation of the Repertoire of Collective and State Farm Theaters of the West Siberian Territory. International Research Journal. 2014. No. 1 (20). P. 87 – 89.

12. Schlegel N.O. Creation of the Material and Technical Base of Collective and State Farm Theaters of the West Siberian Territory during the First Five-Year Plans. Omsk Scientific Bulletin. 2012. No. 2 (106). P. 29 – 32.

13. Schlegel N.O. Personnel Provision of Collective and State Farm Theaters of Western Siberia (1933-1941). SibScript. 2015. No. 3-1 (63). P. 77 – 81.

14. Zyablitseva S.V. Kolkhoz and sovkhoz theaters as a sociocultural phenomenon. Bulletin of Tyumen State University. 2012. No. 2. P. 91 – 95.

15. Kolotkin, M.N. Latgalian settlers in Siberia. Eds. A.V. Andronov, L. Leikuma. 2nd ed., corrected. Achinsk: Regional public organization "Latgalian culture center" of Krasnoyarsk territory; St. Petersburg: Philological faculty of St. Petersburg state university, 2012. 69 p.

16. Russian state archive of literature and art (RGALI). Fund 970, Op. 20, D. 114.

17. Suzdalsky, V.I. The theater is already full...: from the history of Tomsk Drama Theater. 2nd ed. Tomsk, 2016. 112 p.

18. Razdobreev, O.V. Kolkhoz and sovkhoz theaters of Western Siberia in the context of the implementation of state cultural policy in the 1930s. Zyryanovskie Readings: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation "XXII Zyryanovskie Readings", Kurgan, December 5-6, 2024. Kurgan: Kurgan State University, 2024. P. 30 – 32.

19. GANO. F. R-1376. Op. 1. D. 67.

20. RGALI. F. 970. Op. 11. D. 363.

21. On the reduction of state subsidies to theaters and measures to improve their financial activities. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of March 12, 1948, No. 269. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/372121-o-sokraschenii-gosudarstvennoy-dotatsii-teatram-i-merah-po-uluchsheniyu-ih-finansovoy-deyatelnosti-postanovlenie-soveta-ministrov-rsfsr-12-marta-1948-g-locale-nil-269?ysclid=mpnlrxzivq393945155 (accessed February 10, 2026)
22. RGALI. F. 970. Op. 11. D. 364.
23. RGALI. F. 962. Op. 11. D. 369.

Информация об авторе

Раздобреев О.В., Сургутский государственный университет

© Раздобреев О.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.85
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-290-297

Культурная революция в отражении эстрадного творчества в годы военного коммунизма 1918-1921

[1, 2] Ролдугина В.Н.,
[1] Московский городской педагогический университет,
[2] Московская финансово юридическая академия

Аннотация: актуальность обращения к эстраде периода военного коммунизма обусловлена потребностью в осмыслении исторических прецедентов, когда массовая культура становилась инструментом идеологического воздействия. Анализ взаимодействия власти и художественных практик в кризисные 1918-1921 годы раскрывает универсальные механизмы, сохраняющие значение для изучения культурных процессов вплоть до настоящего времени.

Несмотря на значительный корпус исследований о культурной революции, роль повседневных эстрадных практик как эффективного канала пропаганды остаётся недостаточно изученной. Историография часто акцентирует институциональные аспекты культурной политики, упуская из виду то, как идеология воплощалась в локальных, «низовых» формах искусства. Такой пробел приводит к упрощённому пониманию механизмов внедрения большевистских ценностей, где эстрада рассматривается лишь как второстепенный элемент агитационного аппарата.

Цель работы- определить роль и функции эстрадного жанра в системе культурнореволюционного процесса периода военного коммунизма; выявить агитационно-воспитательный потенциал эстрадного творчества, его влияние на формирование мировоззрения населения страны.

Задачи исследования: проанализировать культурно-исторический контекст развития эстрады периода военного коммунизма, выявить и систематизировать наиболее актуальные для задач культурной революции эстрадные жанры периода, означенного в исследованиях; опираясь на работы авторов исследователей и анализ текстов произведений эстрады, определить обоснованность эстрадного творчества как средства, влияющего на формирование коммунистических идейных установок у населения.

Ключевые слова: культурная революция, эстрада, творчество, военный коммунизм, идеология, идентичность

Для цитирования: *Ролдугина В.Н. Культурная революция в отражении эстрадного творчества в годы военного коммунизма 1918-1921 // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 290 – 297. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-290-297*

Поступила в редакцию: 13 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

The Cultural Revolution in the reflection of pop art during the years of War Communism 1918-1921

[1, 2] *Roldugina V.N.,*
[1] *Moscow City Pedagogical University,*
[2] *Moscow Academy of Finance and Law*

Abstract: the relevance of turning to the stage during the period of war communism is due to the need to understand historical precedents when mass culture became an instrument of ideological influence. The analysis of the interaction of power and artistic practices in the crisis years 1918-1921 reveals universal mechanisms that remain important for the study of cultural processes up to the present. Despite a significant body of research on the cultural revolution, the role of everyday pop practices as an effective propaganda channel remains poorly understood. Historiography often focuses on the institutional aspects of cultural policy, losing sight of how ideology was embodied in local, "grassroots" art forms. Such a gap leads to a simplified understanding of the mechanisms of the introduction of Bolshevik values, where the bandstand is considered only as a secondary element of the propaganda apparatus. The purpose of the work is to determine the role and functions of the pop genre in the system of the cultural revolutionary process of the period of war communism; to identify the propaganda and educational potential of pop art, its influence on the formation of the worldview of the population of the country. Research objectives: to analyze the cultural and historical context of the development of pop music during the period of war communism, to identify and systematize the pop genres of the period indicated in the research that are most relevant to the tasks of the cultural revolution; based on the work of the authors of the research and the analysis of texts of pop music, to determine the validity of pop art as a means influencing the formation of communist ideological attitudes among the population.

Keywords: cultural revolution, pop, creativity, war communism, ideology, identity

For citation: *Roldugina V.N. The Cultural Revolution in the reflection of pop art during the years of War Communism 1918-1921. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 290 – 297. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-290-297*

The article was submitted: April 13, 2026; Approved after reviewing: May 11, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Эстрадное творчество периода военного коммунизма оказалось на пересечении агитационных задач и традиционных форм массового досуга, приобретая особый идеологический вес. Оно стало не просто отражением эпохи, но активным участником формирования коллективных ценностей, продвигаемых культурной революцией. В условиях военного коммунизма эстрада превратилась в площадку для пропаганды новых символов и ритуалов. Вместе с тем, как отмечают авторы «рядом с песнями патриотического содержания, отвечающих социальному заказу и несущих в себе определенное идеологическое наполнение, существовало множество жанров, сложившихся еще в дореволюционное время и продолжающих свою жизнь в новых, весьма непростых, а часто очень неблагоприятных условиях» [10].

Эволюция эстрады от развлекательного искусства к инструменту идеологического воздействия происходила через переосмысление её жанровых возможностей. Сатирические обозрения, частушки и театральные миниатюры наполнялись образами классовой борьбы, создавая упрощённые, но эмоционально заряженные картины реальности. Такая трансформация отвечала потребности власти в оперативном реагировании на текущие события, используя краткость и доступность эстрадных форм для мгновенного воздействия на аудиторию. Механизмы влияния эстрады строились на сочетании агитационной прямоты и художественной условности, где даже традиционные сюжеты перекраивались под новые идеологические шаблоны. Песни о «светлом будущем» соседствовали с карикатурами на «буржуазные пережитки», формируя чёрно-белую картину мира. Этот дуализм не только отражал радикализм эпохи, но и конструировал новые поведенческие модели, превращая зрителя в соучастника революционного действа.

Материалы и методы исследований

В качестве основных источников использовались документы советского времени, включая государственные нормативные акты, программы воспитания и пропаганды, а также периодическая печать и художественные произведения эпохи (эстрадные песни, статьи, отчеты). Особое внимание уделялось материалам, отражающим механизмы формирования массового сознания и системы государственного воспитания в годы военного коммунизма (1918-1921).

В исследовании применялись методы исторического анализа, включающие систематизацию и сравнение источников для выявления механизмов управления массовым сознанием и формы его стандартизации. Использовался контент-анализ художественных и пропагандистских материалов для определения их роли в системе культурной политики. Также применялись методы историко-культурного анализа и интерпретации, что позволяло выявить долгосрочные последствия огосударствления художественного творчества. В ходе работы использовалась концептуальный подход, ориентированный на выявление связей между государственными идеологическими институтами и формой художественного выражения в указанный период.

Результаты и обсуждения

Культурная революция в отечественной истории - широкое понятие, определяющее смену социокультурной парадигмы, направленную на приобщение народных масс к новой коммунистической идеологии. Понятие «культурная революция» возникло в ходе Октябрьской революции 1917 г. [11].

На сегодняшний день не существует единства в определении временных границ данного процесса, однако на наш взгляд наиболее справедливым является определение его начала от 1917 года – года учреждения Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса). Задачи Наркомпроса были весьма обширными. К числу основных можно отнести внедрение массового образования, приобщение народных масс к коммунистической идеологии, а также создание и распространение пролетарской культуры. Обе задачи, по сути, служили к созиданию нового социокультурного кода для населения, к формированию советской идентичности. Время военного коммунизма стало наиболее противоречивым периодом в решении этой задачи.

Первоначально термин «военный коммунизм» появился в трудах А.А Богданова [2]. Свое теоретическое оформление идеи «военного коммунизма» находят также в книге Н.И. Бухарина «Экономика переходного периода» [4]. Методологическую основу управленческих подходов военного коммунизма составили следующие исходные положения: русская традиция мобилизационной экономики, где главную роль в управлении экономическими процессами играет государственный аппарат; социалистическая теория, которая предусматривала создание государства – коммуны без рынка и товарно-денежных отношений, а также внедрение системы планово-распределения; концепция военного коммунизма как теоретической и практической модели; а также идея диктатуры пролетариата. Культурная революция этого периода разворачивалась в русле данных трендов. При этом происходил процесс переосмысления роли и задач эстрадного творчества и его интенсивного включения в культурно-политическую жизнь страны.

Период военного коммунизма (1918-1921) стал временем радикальной трансформации всех сфер общественной жизни, где культурная революция выступала важнейшим инструментом консолидации новой идеологии. Гражданская война, экономическая разруха и социальные противоречия создали уникальные условия для переосмысления роли искусства в обществе.

Эстрада, вмещающая в себя синтез разнообразных творческих направлений, буквально стала рупором искусства в данный период. Позже в Большой советской энциклопедии появится соответствующее определение, данное эстраде: где к числу наиболее характерных для эстрады особенностей авторы относят «портативность номера, который может в виду небольшого количества реквизита и декораций обходиться без специальной площадки, разнохарактерность программы и быстрый отклик на политическую, общественную и бытовую злобу дня» [3].

Мобильность, относительная дешевизна, синтетический характер эстрадного номера создает предпосылки для внедрения эстрады как технологического элемента в системе коммуникаций новой власти с народными массами. Будучи приближена к народу, эстрада вызывала больше понимания, нежели чем академические жанры искусства.

Годы военного коммунизма ознаменовались глубоким экономическим кризисом, вызванным Первой мировой и Гражданской войнами. Разруха промышленности, транспортный коллапс и продовольственный дефицит привели к катастрофическому падению уровня жизни населения. В условиях тотальной нехватки ресурсов культурные институты оказались на грани выживания, что потребовало их радикальной реорганизации. Эстрадное искусство, ранее существовавшее преимущественно как коммерческое предприятие, столкнулось с необходимостью адаптации к новым реалиям. Значимым сектором финансирования эстрад-

ного творчества становятся государственные институты. Следовательно государство становится так же и основным заказчиком тематики проводимых мероприятий.

Политика военного коммунизма с её централизацией управления и тотальным огосударствлением затронула все сферы общественной жизни, включая культуру. В одном из первых декретов, посвященных культурно революционному процессу «О Московской и Петроградской консерваториях» от 12 июля 1918 г было применено определение «государственное музыкальное строительство» [6]. В соответствии с принятыми декретами советского правительства, ключевые музыкальные учреждения страны, а также консерватории, издательства, выпускающие нотную продукцию, и предприятия по производству музыкальных инструментов перешли под государственное управление.

Введение продразвёрстки, натурализация хозяйства и трудовая повинность создали модель мобилизационного общества. В этих условиях искусство было подчинено логике чрезвычайного положения, что выразилось в создании специализированных органов контроля над репертуаром. Ключевым институтом, регулировавшим театрально-эстрадную деятельность, стало ТЕО Наркомпроса, осуществлявшее цензуру и идеологическое руководство. Централизация управления культурой позволила направлять творческие коллективы на обслуживание нужд фронта и тыла. Система государственных заказов и репертуарных предписаний трансформировала эстраду в инструмент формирования нового мировоззрения.

Организационные изменения закрепили новый статус эстрады как идеологического ресурса. Национализация театров и концертных площадок позволила централизованно управлять репертуаром. Создание профессиональных коллективов при политотделах армии и учреждениях культуры обеспечило системное производство агитационных программ. Коммерческие антрепризы уступили место государственно-финансируемым труппам, работавшим по социальному заказу.

Эстетика эстрадных представлений подверглась пересмотру в соответствии с идеологическими установками. Требование «искусства для масс» выразилось в упрощении форм, акценте на злободневности и дидактической направленности. Революционная пропаганда стала доминирующим содержанием номеров, оттеснив развлекательные жанры на периферию. Пролетарское сознание формировалось через тиражирование образов классовой борьбы и светлого социалистического будущего. К числу эстрадных песен на эту тематику, популярных на период 1918 можно выделить:

- «*Интернационал*» (международный пролетарский гимн). Эта песня стала первым государственным гимном Советской России. В ней звучат ключевые мотивы светлого будущего: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим: кто был ничем, тот станет всем». Здесь будущее предстает как результат активного разрушения старого мира и строительства нового, справедливого общества.

- «*Рабочая Марсельеза*» Популярная революционная песня, которая некоторое время выполняла функцию гимна. В ней также присутствуют образы грядущего:

«И взойдет за кровавой зарею солнце правды и братской любви, хоть купили мы страшной ценою – кровью нашею – счастье земли».

Эта песня интересна тем, что соединяет трагизм настоящего (кровавая заря, страшная цена) с оптимистичным образом будущего (солнце правды, счастье земли).

- «*Смело, товарищи, в ногу*» – еще одна революционная песня, где будущее представлено как цель, достижимая через борьбу:

«В царство свободы дорогу грудью проложим себе... И водрузим над землею красное знамя труда»

- «*Наш паровоз*» (1918) – пожалуй, самый яркий пример песни о светлом будущем периода военного коммунизма:

«Наш паровоз, вперед лети! В коммуне остановка. Иного нет у нас пути – в руках у нас винтовка»

Эта песня, созданная в киевских железнодорожных мастерских, стала настоящим гимном комсомольцев. Образ летящего паровоза символизировал стремительное движение в светлое будущее — коммуну, которая мыслилась как конечная остановка на пути революции.

- «*Красное знамя*». В этой песне будущее связывается с освобожденным трудом:

«Мы путь земле укажем новый, владыкой мира будет труд»

Формальные эксперименты также служили задачам идеологического воспитания. Традиционные куплеты и водевили трансформировались в агитационные скетчи, где сатира направлялась против «врагов революции». Пожалуй, наиболее ярким примером такого композиционного перехода становится переложение текста песни «Дубинушка» с бурлацкой на революционную. Вместо песен о тяжелой доле появились призывы к борьбе. «*Дубинушка*» стала гимном протеста и борьбы с угнетателями.

Хоровые декламации и плакатная образность усиливали эмоциональное воздействие.

Распространенным эстрадным жанром были выступления с короткими куплетами и частушками. Краткость и простота создания данных жанров позволяла эстрадному творчеству более оперативно реагировать на злободневные события политической и культурной жизни страны. Тексты отражали идеи революции, несправедливости существующего строя, проблемы неграмотности. Привычность, понятность и доступность жанра для малограмотного населения позволяла идеям, транслируемым со сцены быстро проникать в сознание населения. Частушки хорошо запоминались и передавались из уст в уста.

В эстрадных куплетах клишированные образы визуализировали классового врага. Белогвардейцы и кулаки изображались как предатели, лишенные человеческих черт и связи с народом. Частушки типа «Белая свора воет за окном, красный орёл её разгонит кнутом» акцентировали их историческую обречённость. Подобная редукция сложных социальных процессов до бинарной системы «герой-антигерой» упрощала картину мира, подкрепляя идеологическую дихотомию «свой-чужой». Эстрада таким образом участвовала в формировании коллективной идентичности, основанной на отрицании старого строя.

Значимую роль в продвижении ценностей культурной революции играл сатирический эстрадный жанр. Эстрадная сатира концентрировалась на критике контрреволюционных элементов и бытовых пережитков старого режима. С помощью гротеска и пародии эти представления разоблачали «буржуазные предрассудки» и социальные пороки. Высмеивались не только представители буржуазии, кулаки и церковные деятели, но также и малограмотные, несознательные граждане, спекулянты. Эмоциональная сценическая подача формировала из этих персонажей образ коллективного врага внутри страны. Юмористическая форма усиливала коллективное доверие к продвигаемым большевиками ценностям.

В противовес образа врага конструировался мифологизированный образ красногвардейца и комиссара как революционных идеалов. В текстах песен *«Мы – красные солдаты», «Марш Буденного»* подчеркивается готовность трагического героя к самопожертвованию во славу революционных ценностей.

Песня становится, пожалуй, наиболее популярным эстрадным жанром, служившим к формированию коммунистического мировоззрения. При создании новых «революционных» песен использовались привычные народные мотивы. В песнях отражались проблемы классовой борьбы и интернационализма. К числу распространенных можно отнести песни «Варшавянка», «Смело товарищи в ногу» и мн. др. Анализ текстов этих песенных произведений отражает их соответствие политическим установкам большевиков, что подтверждает значение эстрады как инструмента продвижения коммунистических ценностей.

Исследования, посвященные изучению воздействия эстрадных выступлений на массовое сознание позволили выявить влияние музыки на рост производительности труда. О востребованности этой идеи в СССР свидетельствует популярность переводной работы К. Бюхера 1923 года «Работа и ритм» [5].

Пожалуй наиболее метко идея трудовой полезности музыки отражена в выступлении председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина: «А почему народ музыкален? Потому, что музыка есть один из могучих факторов увеличения производительности труда. Возьмите народные напевы, – все они связаны с трудом» [8].

При оформлении эстрадной сцены широко применялось новое плакатное искусство. Плакаты в противовес сложным и дорогим декорациям позволяли достичь максимальной выразительности с помощью минимальных средств. Со сцены звучали плакатные лозунги. Эти лозунги выполняли функцию оперативного воздействия в условиях острой нехватки ресурсов и времени. Их лаконичная форма («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Земля – крестьянам, фабрики – рабочим!») позволяла мгновенно доносить смыслы до аудитории. Технология тиражирования через плакаты, транспаранты и устное воспроизведение превращала лозунги в элемент повседневного коммуникативного пространства. В условиях гражданской войны лозунги адаптировались под текущие задачи: мобилизацию в Красную армию («Социалистическое отечество в опасности!») или борьбу с разрухой («Кто не работает, тот не ест»). «За одну ночь создавались и размножались вручную десятки плакатов, а утром на улицах в витринах пустующих магазинов уже висели «Окна РОСТА», в наглядной и остроумной форме рассказывающие о последних новостях [12].

Проникновение новых большевистских идей в регионы обеспечивали Агитационные поезда и пароходы. Многочисленные эстрадно-агитационные коллективы курсировали по всей стране. Среди наиболее популярных эстрадных агит-поездов можно выделить: «*Великорусский*» – обслуживал центральные губернии Республики; «*Урало-Сибирский*» – курсировал по Дальнему Востоку, Уралу и Сибири; «*Северный*» – маршрут пролегал по Олонецкой, Вологодской, Архангельской, Вятской и Псковской губерниям.; «*Южный*» – охватывал Черноморскую область, Дон, Кубань, Кавказ и Крым; «*Восточный*» – обслуживал Туркестан, Бухару, Хиву; «*Октябрьская революция*» – с 29 апреля 1919 по 12 декабря 1920 совершил 12 поездок по европейским и сибирским губерниям РСФСР (во главе – председатель ВЦИК М. Калинин); «*Красный Восток*» – с 23 января 1920 по 9 марта 1921 совершил две поездки в Туркестан; «*Советский Кавказ*» – с

июля по октябрь 1920 совершил поездки на Сев. Кавказ и в Азербайджан; «*Красный Казак*» – с апреля по июль 1920 совершил поездку на Дон и Кубань; «*Красная Звезда*» – с июля 1920 по осень 1921 совершил три поездки по Каме и Волге.

«По большей части агитационная деятельность поездов и пароходов была направлена на политический контекст времени: борьбу большевиков с белогвардейцами, привлечение на сторону Советской власти трудящихся, пропаганду ее идей … в деятельности агитационных поездов и пароходов присутствовала антирелигиозная просветительско-воспитательная работа, в которой большевики успешно использовали лозунги, антирелигиозные документальные фильмы, литературу, художественные росписи, плакатное искусство, карикатуры»[9].

Отчёты агитпоездов и протоколы заседаний культурно-просветительных отделов фиксируют систематическое использование эстрады для разъяснения политики военного коммунизма. Эти документы свидетельствуют о целенаправленном включении эстрадных номеров в программу митингов и собраний, что усиливало их пропагандистский эффект. Периодические издания того периода, такие как «Вестник театра» и «Жизнь искусства», содержат многочисленные примеры интеграции эстрадных форм в повседневную агитационную работу.

Активно реконструировали ключевые революционные события массовые театрально-эстрадные постановки. Здесь зрители превращались в соучастников исторического действа. Под открытым небом разыгрывались масштабные инсценировки штурма Зимнего дворца или октябрьских уличных боёв, где граница между актёрами и публикой сознательно размывалась. Такие спектакли создавали эффект коллективного переживания, эмоционально связывая аудиторию с революционной мифологией. Театральная условность позволяла героизировать недавнее прошлое, закрепляя в массовом сознании образы победного пролетарского восстания. Особую роль в формировании коллективного опыта играли агитационные спектакли типа «*Мистерии-Буфф*» В. Маяковского, где библейские сюжеты переосмысливались через призму классовой борьбы.

В начальный период военного коммунизма эстрадный репертуар характеризовался стихийной агитацией, отражавшей революционный энтузиазм масс. Импровизированные выступления на улицах и в рабочих клубах оперативно реагировали на текущие политические события, формируя эмоциональную связь с аудиторией. Постепенно хаотичные формы уступили место более структурированным программам, где доминировали лозунги классовой борьбы.

К 1921 году произошла систематизация тематики, направленная на внедрение большевистских доктрин. Такие жанры, как агитобозрения и политические частушки, превратились в стандартизированные носители идеологии. Этот переход ознаменовал интеграцию эстрады в общегосударственный аппарат культурного просвещения.

Результатом данного процесса стало включение эстрадных музыкальных произведений помимо массовых и камерных выступлений в музыкальный репертуар школьной образовательной программы. Особое внимание уделялось хоровому пению. «Хоровое пение должно гармонировать со всей трудовой жизнью школы» [7], – значится в программе Единой трудовой школы.

Уже в 1918 году эстрадные произведения включены в музыкальный репертуар школьной программы. Руководство процессом создания сборника революционных песен для школьников было поручено композитору Ю.Д. Энгелю. Сборник вышел с названием «Под красным знаменем. Песни борьбы и свободы». В нее вошли «Интернационал», «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу» и другие песни. В этот же период в Петрограде большим тиражом была издана «Школьная марсельеза». Постепенно эти песни стали входить в школьную образовательную практику [1].

Выводы

Эстрадное творчество в годы военного коммунизма становится одним из основных инструментов продвижения ценностей Культурной революции. Процесс трансформации эстрады от сугубо развлекательного жанра в инструмент пропаганды, воспитания и формирования нового мировоззрения сопровождался бурным расцветом и популяризацией данного направления творчества. Среди причин роста популярности эстрады в этот период можно отметить заинтересованность власти в простых и доступных средствах связи с народными массами, простоту восприятия ее форм самим народом. По сути эстрада становится мягкой силой Культурной революции.

Значение эстрадного сценического искусства для государства подтверждается усилиями властей по интеграции эстрады в систему государственного управления, а также формированием собственных эстрадных

коллективов, в том числе финансировании агитационных поездов, чей репертуар полностью отражал политический заказ.

Ключевым механизмом доставки новых идеологических ценностей эстрадными средствами становится формирование бинарной картины мира, основанной на дихотомии «свой-чужой», где «своими» становятся приверженники партии, красноармейцы, революционеры, а чужими- реакционеры, представители высших сословий дореволюционного периода, церковные деятели, необразованные люди.

Основой эстрадного номера становится синтез привычных для массового зрителя народных традиционных жанров таких как частушки и куплеты с использованием современной для того периода музыки, декорациями, а также с новой политической злободневной тематикой. Эстрада периода военного коммунизма приобретает новые черты, вбирая в себя установки на коллективность и массовость, что отражается в массовых эстрадных инсценировках и спектаклях.

Наиболее эффективным и распространенным жанром эстрады становится песенное творчество. Популярные эстрадные песенные произведения встраиваются в школьную программу, что усиливает роль эстрады в продвижении ценностей Культурной революции.

Таким образом, эстрада в годы военного коммунизма стала не просто зеркалом Культурной революции, но и активным созидателем новой социальной реальности. Она обеспечивала единство эмоционального и рационального, развлечения и агитации, традиционных форм и нового содержания. Этот опыт показал, как в экстремальных условиях дефицита ресурсов и жёсткой идеологической мобилизации искусство может быть превращено в эффективный канал управления массовым сознанием, а его формы – стандартизированы и интегрированы в систему государственного воспитания. Изучение этого периода даёт ценный материал для понимания механизмов культурной революции и долгосрочных последствий огосударствления художественного творчества.

Список источников

1. Адищев В.И. Музыка в школе: учебно-методическое обеспечение (из практики первых послеоктябрьских лет) // Историко-педагогический журнал. 2019. № 4. С. 127 – 138.

2. Богданов А.А. (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. М.: [Издательство], 1995. 197 с.

3. БСЭ. Т. LXIV. Электрофор – Эфедрин // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / редкол. А.М. Прохоров и др. М.: Советская участия, 1933. Т. 64. С. 721 – 722.

4. Бухарин Н.И. Экономика переходного периода: (Общая теория трансформационного процесса). М.: Государственное издательство, 1920. 220 с.

5. Гаврилюк Т.В. Социология музыки в СССР в 1920-х гг.: концептуальные и идеологические основания // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 112 – 121.

6. Декреты советской власти. М.: [Издательство], 1964. Т. 3. 27 с.

7. Единая трудовая школа: положение о единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М.: Изд-во Всероссийского центра исполнительного комитета, 1918. 24 с.

8. Калинин М. И. Речь при вручении орденов Ленинградской консерватории // Калинин М.И. Избранные произв.: в 4 т. Т. 3. 1933-1941. М.: [Издательство], 1962. С. 298 – 301.

9. Карлявина А.И. Роль агитационных поездов и пароходов в анти-религиозной пропаганде большевиков в годы Гражданской войны // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 3. С. 111 – 119.

10. Политковская К.В. Бытовая вокальная лирика и её исполнители в становлении отечественной музыкальной эстрады (1917-1929 годы) // Современная система образования: опыт прошлого, взгляд в будущее. 2016. № 5. С. 96 – 101.

11. Прохоров А.М. Социалистическая индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, культурная революция: в 30-ти т. Т. 24. Кн. 2. СССР / редкол. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1977. С. 139 – 145.

12. Рябов А.В. Из истории советского политического плаката // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2017. № 1. С. 1 – 5.

References

1. Adishchev V.I. Music in School: Teaching Aid (From the Practice of the First Post-October Years). Historical and Pedagogical Journal. 2019. No. 4. P. 127 – 138.
2. Bogdanov A.A. (Malinovsky). Articles, Reports, Letters, and Memories. Moscow: [Publisher], 1995. 197 p.
3. Great Soviet Encyclopedia. Vol. LXIV. Electrophorus – Ephedrine. Great Soviet Encyclopedia: in 30 volumes. editorial board A.M. Prokhorov et al. Moscow: Soviet Participation, 1933. Vol. 64. P. 721 – 722.
4. Bukharin N.I. Economy of the Transition Period: (General Theory of the Transformation Process). Moscow: State Publishing House, 1920. 220 p.
5. Gavrilyuk T.V. Sociology of Music in the USSR in the 1920s: Conceptual and Ideological Foundations. Sociological Studies. 2018. No. 10. P. 112 – 121.
6. Decrees of the Soviet Government. Moscow: [Publisher], 1964. Vol. 3. 27 p.
7. Unified Labor School: Regulations on the Unified Labor School of the Russian Socialist Federative Soviet Republic. Moscow: Publishing House of the All-Russian Executive Committee Center, 1918. 24 p.
8. Kalinin M.I. Speech at the Presentation of Orders of the Leningrad Conservatory. Kalinin M.I. Selected Works: in 4 volumes. Vol. 3. 1933-1941. M.: [Publisher], 1962. P. 298 – 301.
9. Karlyavina A.I. The Role of Propaganda Trains and Steamships in the Anti-Religious Propaganda of the Bolsheviks During the Civil War. Historical Journal: Scientific Research. 2018. No. 3. P. 111 – 119.
10. Politkovskaya K.V. Everyday Vocal Lyrics and Its Performers in the Development of the Russian Music Stage (1917-1929). The Modern Education System: Experience of the Past, A Look into the Future. 2016. No. 5. P. 96 – 101.
11. Prokhorov A.M. Socialist Industrialization of the Country, Collectivization of Agriculture, Cultural Revolution: in 30 volumes. Vol. 24. Book 2. USSR. editorial board. A.M. Prokhorov. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1977. P. 139 – 145.
12. Ryabov A.V. From the History of Soviet Political Posters. The World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies. 2017. No. 1. P. 1 – 5.

Информация об авторе

Ролдугина В.Н., аспирант, Московский городской педагогический университет; старший преподаватель Московская финансово юридическая академия, very-good@inbox.ru

© Ролдугина В.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-298-306

Аксумско-химьяритский конфликт 525 г. в контексте восточной политики императора Юстина I

[1] Фомин М.В.,
[1] Таран В.С.,
[1]Севастопольский государственный университет

Аннотация: данное исследование является попыткой определить роль императора Юстина I и Византийской империи в целом в Аксумско-химьяритском конфликте 525 г. В нём были использованы византийские источники по истории начала VI в., агиографические материалы о мученичестве Святого Арефы и Награнских мучениках, а также материалы Книги Химьяритов. Для реализации поставленной цели были использованы методы сравнительного анализа источников и историко-системный методы. В результате работы было установлена активная роль и деятельное участие императора Юстина I в Аксумско-Химьяритском конфликте 525 г., а также важность данных событий для политического и экономического развития Византийской империи в VI в.

Ключевые слова: император Юстин I, Византия, Аксум, Химьяр, морская торговля, Аксумско-Химьярский конфликт 525 г.

Для цитирования: *Фомин М.В., Таран В.С. Аксумско-химьяритский конфликт 525 г. в контексте восточной политики императора Юстина I // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 298 – 306. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-298-306*

Поступила в редакцию: 13 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

The Aksumite-Himyarite conflict of 525 in the context of Emperor Justin I's Eastern Policy

[1] Fomin M.V.,
[1] Taran V.S.,
[1]Sevastopol State University

Abstract: this study is an attempt to determine the role of Emperor Justin I and the Byzantine Empire as a whole in the Aksumite-Himyarite conflict of 525. It used Byzantine sources on the history of the early sixth century, hagiographic materials about the martyrdom of Saint Aref and the martyrs of Nagran, as well as materials from the Book of Himyarites. To achieve this goal, methods of comparative analysis of sources and historical and systematic methods were used. As a result of the work, the active role and active participation of Emperor Justin I in the Aksumite-Himyarite conflict of 525 was established, as well as the importance of these events for the political and economic development of the Byzantine Empire in the sixth century.

Keywords: Emperor Justin I, Byzantium, Aksum, Himyar, maritime trade, Aksum-Himyar conflict 525

For citation: *Fomin M.V., Taran V.S. The Aksumite-Himyarite conflict of 525 in the context of Emperor Justin I's Eastern Policy. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 298 – 306. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-298-306*

The article was submitted: April 13, 2026; Approved after reviewing: May 11, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

В исторической науке одним из наиболее ярких эпизодов истории Византийской империи принято считать период правления императора Юстиниана I (527-562 гг.). Юстинианова эпоха традиционно рассматривается как время наивысшего расцвета Империи – культурного, политического, экономического. Собственно, тезис о том, что император Юстиниан кардинально изменил геополитическую обстановку Большого Средиземноморья вполне заслужен. Однако в его тени скрывается фигура предшественника – Юстина I (518-527 гг.), оказавшего большое влияние и на становление племянника как будущего императора.

Император Юстин I уже в работах византийских историков пренебрежительно отодвигается на второй план. Так, Прокопий Кессарийский даёт ему характеристику неграмотного и невежественного крестьянина и немощного старика, фактически заявляя о том, что уже в период его правления реальным управлением государственными делами занимался его молодой племянник Юстиниан, выбранный дядей в качестве приемника. В последующей историографической традиции тенденция рассматривать период правления Юстина как пролог к Юстинианову веку или даже его начальную стадию сохраняется. Лишь в конце прошлого столетия исследователи заговорили о недооценённой роли императора Юстина в истории Византии. Дискуссия по данному вопросу сохраняется и сегодня, что подчеркивает актуальность исследования десятилетнего правления императора Юстина.

Одним из важнейших элементов политики Империи в этот период было сохранение своих позиций на юге Ближневосточного региона. Именно здесь проходила морская часть «Великого Шелкового пути», дружественные империи арабские племена прикрывали Византийское порубежье, присутствие в караванных городах и портах Персидского залива и Красного моря способствовали поддержанию торговли и поставкам столь востребованных товаров.

В рамках данного исследования рассмотрен аксумско-химьяритский конфликт 525 г. в контексте восточной политики Юстина I. Это масштабное событие, затронуло весь Красноморский регион и оказало влияние на последующую восточную политику империи.

Материалы и методы исследований

В отечественной исторической традиции правление императора Юстина I в большинстве случаев рассматривается как пролог к эпохе его великого племянника. Такова тенденция, заложенная ещё монументальными трудами отечественных классиков истории Византии: Ф.И. Успенского [22, с. 269-271], Шарля Диля [23, с. 30] и др. Эта традиция была продолжена и в работах советских историков под редакцией С.Д. Сказкина, в которых императору Юстину и его периоду правления посвящено всего несколько строк. Буквально одной строчкой в «Истории Византии» упоминается бурная политическая деятельность императора на Востоке: «*Он вёл активную дипломатическую игру на Востоке, стремясь к усилению Византии в Аравии*» с ссылкой на американского византиниста-арабиста Ирфана Шахида [20, с. 211]. Ещё сильнее нивелируют значение юстиновского десятилетия Г.Л. Курбатов в своём труде «История Византии: от античности к феодализму», в котором и вовсе опускает период правления Юстина I [11, с. 50-51], и югославский византинист русского происхождения Г.А. Острогорский, который в своей «Истории Византийского государства» прямо пишет: «*фактически Юстиниан направлял имперскую политику уже при своём дяде Юстине I*» [13, с. 113].

В иностранной историографии подобная точка зрения была также рано сформулирована и закрепилась благодаря монументальному труду французского историка Шарля Диля, писавшего: «…с 518 по 527 г. он [Юстиниан – прим. автора] фактически правил от имени Юстина в ожидании самостоятельного правления, которое длилось с 527 по 565 г.» [23, с. 30]. Однако, в отличие от отечественной историографии, продолжающей игнорировать роль юстиновского десятилетия на судьбу империи и её будущего правителя Юстинана в частности, западные исследователи с конца прошлого столетия склонны пересматривать её оценку. Так, достаточно подробное описание царствования Юстина I и анализ деятельности Юстиниана Iв этот период дают британские историки Питер Саррис [16, с. 47-92] и Фиона Хаарер [28, с. 12-18]. Последняя также сообщает о ревизии взглядов зарубежных историков последних на Юстина I, который рассматривают его как более энергичного и самостоятельного правителя [27, с. 13-56].

Среди важных работ по исследуемой проблематике стоит также назвать классический труд российско-американского византиниста А.А. Васильева «Юстин I. Введение в эпоху Юстиниана Великого» [«Justin the First : An Introduction to the Epoch of Justinian the Great»] [33]. Работа, однако, рассматривает, как видно из одного названия, юстиновскую эпоху как пролог к правлению Юстиниана.

Для реконструкции биографии императора Юстина важное значение имеют труды Е.П. Глушанина «Военная знать ранней Византии» [3] и Дж.Р. Мартиндела «Просопография ранней Византии» [The Prosopography of the Later Roman Empire] [29, с. 646-647].

Что касается непосредственно политики на юге Ближнего Востока, то здесь в первую очередь стоит указать работы Ю.М. Кобищанова «Аравия в III – первой трети VII в.» [8, с. 532-573] и его же «Аксум» [9]. В них приводиться анализ геополитической ситуации на границах Империи. Также большое значение имеет труд Н.В. Пигулевской «Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV-VI вв.» [14].

Источники по истории начала VI в. существуют в достаточном количестве, однако среди них не так много сочинений, подробно описывающих исследуемый аксумско-химяритский конфликт 525 г. Среди них стоит упомянуть мученичество святого Арефы [21], книга Химьяритов [2] и послание Симеона Берташамского [15, с. 83-87], подробно изученные ещё Н.В. Пигулевской.

Среди общих трудов по истории начала VI в. можно назвать «Тайную историю» [17] приписываемую Прокопию Кессарийскому, подробно описывающую период правления Юстиниана и затрагивающую юстиновы годы. Период правления Юстина I также раскрыт в «Хронике» [12, с. 82-85] Марцеллина Комита и «Хронография» Иоанна Малалы [6, с. 109-125], дающих, однако, весьма скудные сведения. Анализ литературы и источников по исследуемой проблематике позволяют сделать вывод о наличии достаточной источниковой базы для проведения исследования.

Результаты и обсуждения

Согласно сохранившимся свидетельствам Юстин имел крестьянское происхождение. По наиболее распространённой версии, он был фракийцем или иллирийцем и был родом из провинции Иллирик [24, с. 9-17]. В романтической историографии XIX в. была выдвинута также гипотеза о славянском происхождении семьи. Согласно ей сестру Юстина, мать Юстиниана звали Бегленица, а самого Юстинианан – Управд [1; 23, с. 31]. Однако, на сегодняшний день гипотеза не имеет весомых аргументов в свою пользу.

Юстин родился в бедной крестьянской семье в 450-452 гг. и около 470 г. отправился в столицу, чтобы нанялся на военную службу. Молодому и крайне бедному провинциалу, каким его рисует Прокопий Кессарийский, удалось поступить на столичную службу. Во многом этому способствовала кадровая политика императора Льва I (457-474 гг.), создавшего новый отряд гвардейцев при дворе. Главным критерием отбора туда была не принадлежность к определённой этнической группе, а физические данные кандидатов. Таким образом, Лев I стремился сократить влияние готов, представляющих серьёзную внутреннюю проблему для империи во второй половине V в.

Карьера Юстина была стремительной и успешной. Устроившись в элитный гвардейский корпус эскувиторов (excubiti, дворцовая стража, охранявшая императора и его покои) Юстин достаточно быстро продвигался по службе. Уже в период правления Анастасия I (491-518) он имел высокое офицерское звание и участвовал в войнах с Персией [26, с. 308]. Он также отличился в подавление восстания Виталиана. К концу правления Анастасия Юстин стал сенатором и в звание комита, возглавлял отряд эскувиторов. В этот период Юстин помогает переехать в столицу своим племянникам, среди которых наиболее выдающимся и способным оказывается Юстиниан.

Приход к власти Юстина (518-527) после смерти Анастасия во многом неожиданный для многих в Константинополе, привёл к значительным переменам, особенно в армии и религиозной политике Империи.

Изменения в военной сфере диктовались простейшей логикой выживания и здравым смыслом нового августа. После смерти императора Анастасия его племянники Проб, Помпей и Ипатий, отвергнутые населением столицы из-за нехалкидонских взглядов, но имеющие в своём распоряжении военную силу, представляли угрозу стабильности в государстве. Для удержания власти необходимо было своевременно отстранить политических оппонентов от управления армией и заместить их лояльными людьми. Так как связи нового императора с высшим военным руководством были слабыми, он делал упор на надёжных родственников, поэтому пост командующего войсками во Фракии (magister militum per Thraciae) был передан племяннику Герману, а Юстиниан стал начальником корпуса дворцовой стражи доместиков (comes domesticorum). Также он сделал ставку на противников Анастасия. Были возвращены ряд оппозиционеров, в частности, сослуживец Юстина по Персидской компании Флавий Апион [3, с. 176-178].

Одновременно с заменой военной верхушки происходит и разворот в религиозной политике империи [16, с. 68-72; 26, с. 334-335]. Юстин I пришёл к власти, поддерживаемый сторонниками халкидонитского учения. Следствием стал разворот в сторону халкидонской партии.

Важную роль новый религиозный курс играл и во внешней политике императора. Так, после отказа от «Энотикона» и курса императора Анастасия I, Юстину I удалось наладить отношения с Папой Римским Гормизидом. В восточном же векторе политики Империи, соседствующей с рядом христианских народов, придерживающихся нехалкидонитского учения, Юстин I стремился избегать конфликтов. Вообще стоит отметить активную и весьма гибкую политику, которую ему приходилось вести на Востоке, где в началеVI в. протекали сложные политические и социокультурные процессы, затронувшие весь ближневосточный регион в этот период.

Ситуация на Востоке в конце V – начале VI вв. была достаточно сложной. Здесь проходила граница двух равновеликих противников – Персидской и Византийской империй. Каждая из них стремилась к усилению своих позиций за счёт вовлечения в сферу своей политики племён, народов и государств, находившихся в регионе.

Противостояние имело древние корни. Ещё после выхода Римской империи в начале II в. при императоре Траяне (98-117 гг.) на границы Парфии и захвата Месопотамии, между двумя державами началась борьба за контроль над торговыми маршрутами западной оконечности Великого Шёлкового пути, свою посредническую роль на котором усиленно удерживала Парфия и её геополитический наследник Персия. Одним из геополитических стремлений Парфяно-Персидского государства было восстановление территории в границах времён рассвета Империи Ахеменидов. Начиная с 230-х гг. между сверхдержавами шли череды войн, главным полем которых стали Месопотамия, Армения и территория Великой Сирии.

Для Восточно-Римской империи наибольшее стратегическое значение имели торговые маршруты, идущие в обход Сасанидского Ирана – Северо-Кавказский и Морской Шёлковый путь. В начале VI в. Северо-Кавказский путь ещё не функционировал в полной мере из-за сложной геополитической ситуации в Северном Причерноморье и Центральной Азии [5; 32]. Соответственно, основным вектором восточной экспансии Ромейской державы в концеV – начале VI вв. был морской путь, проходивший через порты Красного моря [14, с. 30-36], Персидского залива,а также сухопутные дороги и караванные города Аравийского полуострова.

Именно эти системы транспортных коммуникаций стали частью противостояния Персии и Византии. Ключевую роль в нём играли народы, проживавшие в регионе. Именно от них зависела караванная торговля: её интенсивность и безопасность для крупных держав, поэтому обе стремились укрепить своё влияние на Ближнем Востоке, как и путём прямой военной экспансии, так и создания системы буферных варварских государств, с которыми поддерживались тесные дипломатические отношения. Для Византии такими союзниками выступали многочисленные племена кочевых арабов на северо-западе Аравийского полуострова, а также Химьяритское (территория современного Йемена) и Аксумское (территория современной Эфиопии) царства на восточном и западном побережье Красного моря. Неустойчивые племенные союзы арабов Северной и Центральной Аравии ромеи стремились использовать в качестве восточных федератов. Аксумское и Химьяритское государство представляли интерес для Византии как политические и экономические партнёры, несмотря на некоторые религиозные противоречия – в Аксуме было распространено монофизитсво, а Химьяре христианство сосуществовало с иудаизмом и язычеством. Выгода от морской торговли и общие политические интересы особенно сближали Аксум и Византию.

В первой половине 520-ых гг. на Ближнем Востоке между Византией и Сасанидским Ираном ещё действовало двадцатилетнее перемирие, заключенной после так называемой «Анастасиевой» войны 502-506 гг. Она привела к некоторому укреплению Византийских границ в Армении и Северной Месопатамии. После подписания «перемирия» противостояние перешло в сферу борьбы между племенами и религиозными группами на Аравийском полуострове. И Византия, и Иран стремились наращивать свою сферу влияния в регионе за счёт увеличения числа союзников. Главным инструментом для этого служила поддержка близких религиозных групп – христианских ромеями, зороастрийских и иудейских персами.

Иудеи появились в Аравии после ряда восстаний на территории Палестины в I-IIвв., когда из региона начался активный отток населения. Одним из направлений миграции становятся караванные города Аравийского полуострова, где начали расти и усиливаться иудейские общины [8, с. 532-573].

Параллельно с иудеями на полуостров пришли и христиане. Центрами христианства стали города и оазисы, где формировались церковно-административные единицы – представители региона принимали участие в уже в Первом Вселенском соборе. В пустынных местах появились отшельники. Однако из-за удаленности от центров на Аравийском полуострове распространялись и сосуществовали различные течения

христианства, как ортодоксального, так и неортодоксального – в том числе группы несториан и монофизитов.

В V-VI вв. христианство активно распространялось среди арабских племен [10]. Этой ситуацией пользовались и персы и византийцы, на ней спекулировали и местные князьки. Вряд ли многие из них глубоко вникали в суть исповедуемых течений. Скорее они использовали их для обретения своей политической выгоды, с одной стороны демонстрируя приверженность христианству как религии Империи Ромеев, что давало им привилегии, почётные титулы, богатые дары и положение среди других арабских лидеров, но специфического, не совсем такого, как в столице, для сохранения своей автономности. С одной стороны это не добавляло доверия к местным лидерам со стороны византийской администрации, но с другой – иных союзников не было, а слабость положения в регионе и необходимость присутствия в зоне торговых путей делало такие союзы неизбежными. Ради мира на границах долгое время византийские императоры даже были готовы мириться с сохранением язычества в пределах Империи [33, с. 287].

Кроме разрозненных арабских племён христианство также было распространено в упомянутых ранее государствах Аксуме в Восточной Африке и Химьяре на юге Аравийского полуострова. Царство Аксум достигло расцвета в III-IV вв., став вторым после Восточно-Римской империи по влиянию и площади в Северо-Восточной Африке [9, с. 27-36]. В этот же период они принимают христианство и начинают экспансию в Южную и Восточную Аравию, подчиняя себе Химьяр (государство конгломерата арабских племён химьяритов на территории современного южного Йемена). Страна представляла собой сеть городов-оазисов, между которыми кочевали племена арабов. После военной экспансии аксумитов на территории Химьярав городах появились аксумитские гарнизоны и начали расти христианские общины. Одной из них была община Награна, одного из крупных караванных центров, оазис с одноименным городом (современный Наджран, юго-запад Саудовской Аравии на границе с Йеменом). Здесь производился ладан и смирна. Центр был важной частью «пути благовоний», который связывал юг Аравийского полуострова с городами Средиземноморья и Месопотамии. Однако полноценного контроля добиться не удалось. В конце V – начале VI в. в Химьяре распространяется иудаизм, что становится одной из ключевых причин последующего аксумско-химьяритского конфликта.

Ситуация в Химьяере стала отражением противостояния местных элит. Часть из них приняв христианство была ориентирована на Византию и Аксум, другая часть – принадлежала иудаизму и была настроена на поддержку Персии. Лидером последних был Йосеф Асар Ясар нередко упоминаемый как Юсуф Зу-Нувас (он же Финхас в Книге Химьяритов, Дунаан или Дамиан в поздних латинизированных списках и Масрук в арабской традиции).Его приход к власти через убийство предыдущего правителя относиться к началу VI в. Источники сходятся на том, что он был иудеем по рождению и проводил в стране антихристианскую политику. Из-за вмешательства аксумитов в конце 518 – начале 519 гг. он вынужден был бежать в горы. На химьяритском престоле оказался проаксумский правитель Маадикариб Яафур. После его смерти летом 522 г. Юсуф Зу-Навас снова захватил власть, приняв титул «царь всех общин».

Вернувшись к власти, он активизировал политику репрессий против своих противников, в первую очередь христиан. В столице Зафаре он сжёг церковь и пятьсот находившихся в ней аксумитов, направил войска на красноморское побережье, где в ходе карательной операции была сожжена церковь в портовом г. Моха. Общее число убитых превысило двенадцать тысяч, одиннадцать тысяч человек было взято в плен. Преследованиям подверглись также христиане в г.Мариба, но особо сильными были гонения на христиан оазиса Награн.

Сегодня сохранился ряд источников описывающих события в оазисе. Большинство из них агиографического характера и связаны с памятью святых мучеников Награнских и почитанием святого Арефы, который был правителем Нагарнского оазиса (этнархом и филархом).

Когда началась война с Аксумом, правитель Химьяра потребовал прислать ополчение из Награна. Отряд был собран и отправлен, но в скорости вернулся, получив известие об истреблении христиан в Химьяре. Юсуф расценил это как мятеж и двинул на оазис войска. Наджран был осажден, но, несмотря на все усилия, активно и эффективно сопротивлялся.

Царь предложил жителям снять осаду за огромный выкуп в 130 талантов золота [31, с. 723, 727]. Когда те выполнили его требование, он выдвинул новое: отдать ему все оставшееся у них золото и серебро. «Потому что Масрук тайно узнал, что [в Наджране] есть люди из других земель; он сел и выспрашивал относительно каждого из них... как его имя, откуда он и откуда происходит его род. И он узнал относительно Моше и Елии – священников, которые были из Хирты Наамановой, и о Саргисе-священнике, и Хенанедьяконе, которые были ромеями, и об Аврааме-священнике, который был персом об Ионе-дьяконе, который был кушитом» [14, с. 284-285; 30]

Жители выполнили все условия, но уже после фактической капитуляции Юсуф потребовал отказ от христианства. Начались пытки, грабежи и убийства. Имущество казнённых досталось царю и его подручным. Арефа вместе с порядка пятью тысячами награнцев был отведён в одно из вади (пересохшее русло реки), где они были казнены [21].

Известия о расправе достаточно быстро распространились и вызвали негодование в христианском мире. Согласно преданию, житель Награна прибыл ко двору аксумитского царя Эллы Ацбчи (эфиопская традиция; также упоминается в разных источниках как Эллатцбаас, Эллестхей, Элласбоас, Калеб в греческой традиции и как Эль-Боас в арабской [33, с. 291], в славянской агиографической литературе - Эллевзой) и поведал о притеснении христиан в Химьяре. Элласбоас в свою очередь обратился за помощью к византийскому императору Юстину, которому в качестве доказательства послал обугленную Библию. Византия и Аксум выступили против узурпатора. Флот союзников состоял из 70 кораблей, в большинстве своем византийских [7].

К сожалению, сохранившиеся источники не содержат информацию о командующем византийским флотом, а также об их непосредственных действиях в кампании 525 г. Основным действующим лицом со стороны христиан является аксумитский царь Эласбоас, победивший Зу-Нуваса и оставивший наместника-христианина в Химьяре [21]. Но о важности участия Византии в войне говорит подчёркиваемая источниками ключевая роль флота: в ожидании нападения химьяриты перегородили вход в бухту Гурайра железной цепью. Но союзный флот высадил десант в стороне. Решающая битва произошла там же, на берегу моря. Итогом сражения стал полный разгром химьяритов. По основной версии, Юсуф Зу-Нувас бросился на лошади в море и утонул; согласно Нашвану аль-Химьяри (Книге Химьяритов), он погиб на суше и его тело было брошено без погребения на растерзание лисицам.

Итогом войны стал полный разгром Химьяра. Государство на пол столетия попало под контроль Аксума, которому выплачивало дань [33, с. 299]. Вопрос о степени зависимости Химьяра от Аксума в последующий период неоднозначен. Последующие Химьяритские правители проводили независимую от Аксума политику, а Византии не удалось создать на юге Аравии централизованного провизантийского христианского государства, что явно просматривалось среди интересов Византии в кампании 525 г.

Тем не менее, нельзя отрицать и определённый успех – победа над Зу-Навасом и остановка притеснения христиан, обеспечение безопасности ромейским и аксумитским купцам, помогли стабилизировать ситуацию в регионе. Торговые пути в Индию и Китай были восстановлены, что привело к росту товарооборота в регионе.

Аксумско-химьяритский конфликт 525 г. имел для Византии решающее значение. Его нельзя рассматривать только в локальных рамках противостояния двух красноморских держав. Как уже подчёркивалось, Ближний Восток был ареной политического и экономического противостояния Восточно-Римской империи и Персии. К середине 520-ых гг. срок заключенного между ромеями и персами перемирия неуклонно истекал, и не за горами была Иберийская война на Кавказе. В условиях роста напряжения ромейско-персидских отношений закономерно обе стороны рассматривали разные сценарии будущего противостояния, камнем преткновения в котором была торговля с Восточной Африкой, Индией и через неё с Китаем. И так как для Византии решающую роль играла именно морская торговля, то многократно возрастала необходимость контроля над Красным морем и особенно выходом из него – Беб-эль-Мандебским проливом, ведь заблокировав его, химьяриты могли бы отрезать ромейских и аксумских купцов от торговли с Востоком. Это нанесло бы удар по экономике империи.

Важным элементом политики в регионе было стремление Восточной Римской империи создать на границах с Сасанидским Ираном буферную зону из федератов или вассальных государств. Однако большинство племенных союзов на ромейско-персидских границах, включая Гассанидов и Лахмидов (крупнейшие из арабских племенных образований в началеVI в.) были далеки от централизованных государств. Учитывая также южное происхождение Гассанидов (лояльных ромеям и принявших христианство), можно предположить, что Византия рассматривала вариант создания на территории Химьяра христианского арабского государства под властью Гассанидов, которое объединило бы разрозненные племена, стабилизировало политическую обстановку на Аравийском полуострове и обеспечило безопасность торговых маршрутов [28, с. 16-17].

В этой связи необходимо подчеркнуть роль Юстина I, который понимал необходимость вмешательства в дела Химьяра и поддерживал активный диалог с Аксумом. Предоставление флота стало решающим в победе над иудейским царём Зу-Нувасом и восстановлении византийской восточной морской торговли. Об осведомлённости Юстина I в аксумско-химьярских делах и влиянии на красноморский регион свидетельствуют источники, упоминающие его в отличие племянника. Так, например, в книге Химьяритов содер-

жится описание встречи императора Юстина с царём Эласбоасом, которые поделили мир на две сферы влияния – аксумскую и ромейскую [33, с. 301]. Само событие, конечно, весьма сомнительно, однако его приписывание Юстину, говорит об активном и деятельном участии императора в восточных делах империи, оставившим след в исторической памяти современников.

Выводы

Император Юстин I сыграл значительную роль в Аксумско-химьяритском конфликте 525 года, что подтверждается активными действиями, предпринимаемыми для борьбы с иудейским царём Химьяра Зу-Нувасом. Его поддержка Аксума и предоставление флота стали решающими факторами победы ромейско-аксумской коалиции.

Юстин I осознавал экономическую важность контроля над торговыми маршрутами в Красном море и стремился предотвратить угрозу, исходящую от проперсидского Химьяра, который мог заблокировать эти ключевые пути. В результате его действий была восстановлена безопасность для ромейских и аксумитских купцов, что способствовало росту товарооборота в регионе. Хотя Византии не удалось создать крепкое христианское государство в Химьяре, активная политика Юстина I позволила стабилизировать ситуацию на восточных границах империи и укрепить ее позиции в этом стратегически важном районе.

Список источников

1. Васильев А.А. Вопрос о славянском происхождении Юстиниана // Византийский временник. СПб.: 1894. Т. 1. С. 469 – 492; Чилингиров А. За автентичността на Anecdotaот Прокоп. София: BulgaMedia. 2008. 55 с.

2. Войны Аксума в первой четверти VI в. н. э.: Книга химьяритов / Введ., пер., коммент.: Г.М. Бауэр // История Африки: Хрестоматия. 1902. С. 205, 210 – 222. //https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Aksum/Inschriften_2/buch_chimjarit.phtml?id=6624

3. Глушанин Е. П. Военная знать ранней Византии. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1991. 246 с.

4. Дашков С.Б. Императоры Византии. Юстиниан I Великий. https://sedmitza.ru/lib/text/434367/

5. Иерусалимская А.А.Мощевая балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 384 с.

6. Иоанн Малала Хронография. Книги XIII-XVIII / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: НИУ «БелГУ», 2014. 200 с. / Мир поздней Античности. Документы и материалы. Выпуск 2. 200 с.

7. История жителей Награна и мученичество святого Хирута и его сотоварищей, которое произошло в 5-й год правления царя Юстина и от Адама до того времени – 6033 года, а от Александра до него – 8 <3> 5 лет / Восточная литература. URL :https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Aksum/Inschriften_2/istor_zit_nagrana.phtml?id=6625

8. Кобищанов Ю.М. Аравия в III- первой трети VII в. // Очерки истории христианских цивилизаций: в двух томах. Т. 1: От зарождения до арабских завоеваний: в 3-х кн. Книга 1. Части 1-3. Москва: Политическая энциклопедия, 2019. С. 532 – 573.

9. Кобищанов Ю.М. Аксум. Москва: Наука, 1966. 166 с.

10. Кирилл Скифопольский. Житие иже во святых отца нашего Евфимия Великого / Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Skifopolskij/zhitie-izhe-vo-svjatyh-ottsa-nashego-evfimija-velikogo/#source

11. Курбатов Г.Л. История Византии. От античности к феодализму. М.: Высшая школа, 1984. 207 с.

12. Марцеллин Комит. Хроника: пер. Н.Н. Болгова и Д.И. Суровенкова. Белгород: Типография БелГУ, 2010. – 230 с.

13. Острогорский Г.А. История Византийского государства: пер. с нем.: М.В. Грацианский; ред.: П.В. Кузенков. М.: Сибирская Благозвонница, 2011. 895 с.

14. Пигулевская Н. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV-VI вв. М.Л.: Издательство Академии наук СССР. 1951. 451 с.

15. Пигулевская Н.В. Первоисточники истории кушито-химьяритских войн (К истории торговли и дипломатии Византии на Востоке) // Византийский временник, Том 2 (27). 1949. С. 74 – 93.

16. Питер Саррис. Юстиниан. Византийский император, римский полководец, святой: пер. О.Г. Постникова; ред. Белов Н. М.: Азбука, 2025. 500 с.

17. Прокопий Кессарийский. Тайная история. М.: Веста, 1991. 96 с.

18. Святой Иустиниан I Управда, Византийский, император // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского / 12 книг. Москва: «Ковчег», 2010. // https://ortox.ru/sv/svyatoy-iustinian-i-upravda-vizantiyskiy-imperator/

19. Святой Иустиниáн I Управда, Византийский, император. https://azbyka.ru/days/sv-iustinian-i-upravda

20. Сказкин С.Д. История Византии в трёх томах. Т. 1. М.: Наука, 1967. 537 с.

21. Страдание святого мученика Арефы / Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/930

22. Успенский Ф.И. История Византийской империи. Периоды I-III. М.: Академический проект, 2018. 588 с.

23. Шарль Диль История Византийской империи: пер. А.Е. Рогинская; ред. Горянов Б.Т. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1948. 167 с.

24. Anthony Kaldellis. Leo I, Ethnic politics and the beginning of Justin I's career. Зборникрадова Византолошкого института LV, 2018. P. 9 – 17.

25. Boeck E.N. The Bronze Horseman of Justinian in Constantinople. The Cross-Cultural Biography of a Mediterranean Monument. Cambridge University Press, 2021. P. 15.

26. Bury J.B. A history of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.). Dublin: Macmillan and Co, 1889. 579 p.

27. Croke B. Justinian under Justin: Reconfiguring a reign. ByzantinischeZeitschrift. № 100 (1). P. 13 – 56.

28. Fiona K. Haarer. Justinian: Empire and Society in the Sixth Century – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022. 224 p.

29. Martindale. J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2. P. 395 – 527, London: Cambridge University Press, 1980. P. 1385.

30. Moberg.A. The Book of the Himyarites. Fragments of a hitherto unknown syriac work. London: Oxford University Press, 1924. 243 p.

31. Martyrium sancli Are thaeetsociorum in civitate Ncgran / Acta sanctorum. Octobris. T. X. Bruxelles, 1861. P. 723, 727 etnotac.

32. SenTansen Invaiting of the Maritime Silk Roads // Modern Asian Studies. 57. P. 1059 – 1104.

33. Vasiliev A.A. Justin the First: An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Cambridge:Harvard University Press. 1950. 453 p.

References

1. Vasiliev A.A. The Question of Justinian's Slavic Origin. Byzantine Timeline. SPb.: 1894. Vol. 1. P. 469 – 492; Chilingirov A. For the Authenticity of Prokop's Anecdota. Sofia: BulgaMedia. 2008. 55 p.

2. The Wars of Aksum in the First Quarter of the 6th Century AD: The Book of the Himyarites. Introduction, Translation, and Commentary: G.M. Bauer. History of Africa: Anthology. 1902. P. 205, 210 – 222. //https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Aksum/Inschriften_2/buch_chimjarit.phtml?id=6624

3. Glushanin E.P. The Military Nobility of Early Byzantium. Barnaul: Altai Book Publishing House, 1991. 246 p.

4. Dashkov S.B. Emperors of Byzantium. Justinian I the Great. https://sedmitza.ru/lib/text/434367/

5. Ierusalimskaya A.A. Moshchevaya Balka: An Unusual Archaeological Monument on the North Caucasian Silk Road. State Hermitage Museum. St. Petersburg: State Hermitage Museum Publishing House, 2012. 384 p.

6. John Malalas. Chronography. Books XIII-XVIII. ed. N.N. Bolgov. Belgorod: National Research University "BelSU", 2014. 200 p. The World of Late Antiquity. Documents and Materials. Issue 2. 200 p.

7. The History of the Inhabitants of Nagran and the Martyrdom of Saint Hirut and His Companions, Which Occurred in the 5th Year of the Reign of King Justin, and from Adam to that Time – 6033 Years, and from Alexander to Him – 8 <3> 5 Years. Eastern Literature. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Aethiopien/Aksum/Inschriften_2/istor_zit_nagrana.phtml?id=6625

8. Kobishchanov Yu. M. Arabia in the 3rd – First Third of the 7th Century. Essays on the History of Christian Civilizations: in two volumes. Volume 1: From the Origins to the Arab Conquests: in 3 books. Book 1. Parts 1-3. Moscow: Political Encyclopedia, 2019. P. 532 – 573.

9. Kobishchanov Yu.M. Aksum. Moscow: Nauka, 1966. 166 p.

10. Cyril of Scythopolis. The Life of Our Holy Father Euthymius the Great. ABC of Faith. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Skifopolskij/zhitie-izhe-vo-svjatyh-ottsa-nashego-evfimija-velikogo/#source

11. Kurbatov G.L. History of Byzantium. From Antiquity to Feudalism. Moscow: Vysshaya Shkola, 1984. 207 p.

12. Marcellinus Comit. Chronicle: translated by N.N. Bolgov and D.I. Surovenkov. Belgorod: BelSU Printing House, 2010. 230 p.

13. Ostrogorsky G.A. History of the Byzantine State: translated from German by M.V. Gratsiansky; ed. by P.V. Kuzenkov. Moscow: Sibirskaya Blagozvonnitsa, 2011. 895 p.

14. Pigulevskaya N. Byzantium on the Routes to India. From the History of Byzantine Trade with the East in the 4th-6th Centuries. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1951. 451 p.

15. Pigulevskaya N.V. Primary Sources for the History of the Kushite-Himyarite Wars (On the History of Byzantine Trade and Diplomacy in the East). Byzantine Timeline, Vol. 2 (27). 1949. P. 74 – 93.

16. Peter Sarris. Justinian. Byzantine Emperor, Roman General, Saint: trans. by O.G. Postnikov; ed. by N. Belov. Moscow: Azbuka, 2025. 500 p.

17. Procopius of Caesarea. Secret History. Moscow: Vesta, 1991. 96 p.

18. Saint Justinian I Upravda, Byzantine Emperor. Lives of the Saints in Russian, set out according to the Chetyi-Minei of Saint Demetrius of Rostov. 12 books. Moscow: Kovcheg, 2010. https://ortox.ru/sv/svyatoy-iustinian-i-upravda-vizantiyskiy-imperator/

19. Saint Justinian I Upravda, Byzantine Emperor // https://azbyka.ru/days/sv-iustinian-i-upravda

20. Skazkin S.D. History of Byzantium in three volumes. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1967. 537 p.

21. The Suffering of the Holy Martyr Arethas. ABC of Faith. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/930

22. Uspensky F.I. History of the Byzantine Empire. Periods I-III. Moscow: Academicheskiy Proekt, 2018. 588 p.

23. Charles Diehl. History of the Byzantine Empire: trans. A.E. Roginskaya; ed. Goryanov B.T. Moscow: State Publishing House of Foreign Literature, 1948. 167 p.

24. Anthony Kaldellis. Leo I, Ethnic Politics and the Beginning of Justin I's Career. Collection of the Byzantine Institute of the LV, 2018. P. 9 – 17.

25. Boeck E.N. The Bronze Horseman of Justinian in Constantinople. The Cross-Cultural Biography of a Mediterranean Monument. Cambridge University Press, 2021. P. 15.

26. Bury J.B. A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.). Dub-lin: Macmillan and Co, 1889. 579 p.

27. Croke B. Justinian under Justin: Reconfiguring a reign. ByzantinischeZeitschrift. No. 100 (1). P. 13 – 56.

28. Fiona K. Haarer. Justinian: Empire and Society in the Sixth Century – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022. 224 p.

29. Martindale. J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2. P. 395 – 527, London: Cambridge University Press, 1980. P. 1385.

30. Moberg.A. The Book of the Himyarites. Fragments of a hitherto unknown syriac work. London: Oxford University Press, 1924. 243 p.

31. Martyrium sancli Are thaeetsociorum in civitate Ncgran. Acta sanctorum. Octobris. T. X. Bruxelles, 1861. P. 723, 727 etnotac.

32. Sentansen Invaiting of the Maritime Silk Roads. Modern Asian Studies. 57. P. 1059 – 1104.

33. Vasiliev A.A. Justin the First: An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Cambridge: Harvard University Press. 1950. 453 p.

Информация об авторах

Фомин М.В., кандидат исторических наук, доцент, Севастопольский государственный университет

Таран В.С., преподаватель, Севастопольский государственный университет

© Фомин М.В., Таран В.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
УДК 930.24
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-307-312

Создатели Храма Благовещения Пресвятой Богородицы в п. Красная Горка Нижегородской области

[1] Грязнова Е.В.,
[1] Потатина Л.П.,
[1] Потатин А.Г.,
[1] Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Аннотация: целью статьи является исследование исторических фактов о создателях Храма Благовещения Пресвятой Богородицы п. Красная Горка Нижегородской области. В данной статье на основе использования методов исторического подхода, анализа архивных документов и научной литературы установлены факты участия в строительстве и развитии Храма Благовещения Пресвятой Богородицы п. Красная Горка Нижегородской области таких известных благотворителей прошлого как Тульчаниновы и Бугровы.

Актуальность данного исследования обоснована необходимостью сохранения историко-культурного наследия Нижегородского края, в особенности православных храмов, удаленных от Нижнего Новгорода, находящиеся в областных регионах, документы и архивы о которых мало известны исторической науке.

В ходе исследования авторы показали, что Тульчаниновы и Бугровы на собственные средства строили Храм, поддерживали его содержание, а также способствовали сохранению православной традиции и культуры в благочинии, на территории которого стоял храм. Сегодня данный храм восстановлен и представляет собой объект культурно-исторических исследований. Собранные материалы станут частью исторического контента для краеведческого музея и книги, посвященной истории Храма Благовещения Пресвятой Богородицы п. Красная Горка Нижегородской области.

Архивные документы, на основе которых были установлены исторические факты, изучены и представлены впервые, что является научной новизной работы.

Ключевые слова: православный храм, исторический архив, нижегородское купечество, А.А. Турчанинов (отец), А.А. Турчанинов (сын), Н.А. Бугров

Для цитирования: *Грязнова Е.В., Потатина Л.П., Потатин А.Г. Создатели Храма Благовещения Пресвятой Богородицы в п. Красная Горка Нижегородской области // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 307 – 312. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-307-312*

Поступила в редакцию: 14 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

The creators of the Church of the Annunciation of the Blessed Virgin Mary in Krasnaya Gorka, Nizhny Novgorod region

[1] Gryaznova E.V.,
[1] Potatina L.P.,
[1] Potatin A.G.,
[1] Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin

Abstract: the purpose of the article is to study historical facts about the construction of the Church of the Annunciation of the Blessed Virgin Mary in Krasnaya Gorka, Nizhny Novgorod region. In this article, based on the use of historical approach methods, analysis of archival documents and scientific literature, the facts of the participation of such famous benefactors of the past as Tulchaninov and Bugrov in the construction and development of the Church of the Annunciation of the Blessed Virgin Mary in Krasnaya Gorka, Nizhny Novgorod region, are established.

The relevance of this study is justified by the need to preserve the historical and cultural heritage of the Nizhny Novgorod region, especially Orthodox churches located far from Nizhny Novgorod, located in regional regions, documents and archives about which are little known to historical science.

In the course of the study, the authors showed that the Tulchaninovs and Bugrovs used their own funds to build a Temple, support its maintenance, and also contribute to the preservation of Orthodox tradition and culture in the deanery on whose territory the temple stood. Today, this temple has been restored and is an object of cultural and historical research. The collected materials will become part of the historical content for the Museum of local lore and a book dedicated to the history of the Church of the Annunciation of the Blessed Virgin Mary in Krasnaya Gorka village of the Nizhny Novgorod region.

The archival documents on the basis of which historical facts were established were studied and presented for the first time, which is a scientific novelty of the work.

Keywords: Orthodox church, historical archive, Nizhny Novgorod clergy, A.A. Turchaninov (father), A.A. Turchaninov (son), N.A. Bugrov

For citation: *Gryaznova E.V., Potatina L.P., Potatin A.G. The creators of the Church of the Annunciation of the Pre-Holy Theotokos in Krasnaya Gorka, Nizhny Novgorod region. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 307 – 312. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-307-312*

The article was submitted: April 14, 2026; Approved after reviewing: May 12, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Сегодня в условиях духовного кризиса в стране возникает необходимость обращения к православным истокам России [5]. Восстановление исторических фактов о строительстве православных храмов крайне важно в современных условиях, т.к. многие из них остаются неизученными и не доступными для широкого круга читателей. О крупных меценатах Нижегородского края имеются научные публикации. Однако в них не в полной мере отражены обстоятельства их участия в создании православного Благовещения Пресвятой Богородицы п. Красная Горка Нижегородской области.

Нижегородская Епархия существует с 1672 г. В конце XVIII столетия она была введена в границы Нижегородской губернии, в настоящее время границы которой простираются с севера на юг на 400 км, с запада на восток – на 300 км. Публикаций о создании православных храмов на территории Нижегородского края появляется все больше [1, 2, 4]. Тем не менее факты участия известных благотворителей Турчаниновых и Бугровых в строительстве православных храмов Нижегородского края освещены недостаточно [3, 11].

Целью данной работы является изучение и описание исторических фактов об участии благотворителей в строительстве и жизнедеятельности православного Храма Благовещения Пресвятой Богородицы п. Красная Горка в Нижегородской области, который сегодня является объектом историко-культурного наследия России.

Материалы и методы исследований

Основными источниками для проведения исследования стали Клировые ежегодные сведения о Храмах, Прошения разного рода на имя Преосвященнейших Епископов, деловая переписка и годовые отчеты о состоянии церквей и приходов, направленная в Нижегородскую Духовную Консисторию, доклады духовных лиц по разным вопросам, заявления церковно-священно-служителей и протоколы собрания прихожан о назначениях, протоколы заседания съезда духовенства и мирян Балахнинского Епархиального округа, отчеты благочиннейших по округам, описи имуществ Храмов.

Так же в качестве источников, позволившим восстановить историю основания и строительства Храма Благовещения Пресвятой Богородицы стало комплексное изучение фондов 570, 1016 Нижегородской духовной консистории, хранящегося в Государственном архиве Нижегородской области.

Основным методом научного исследования стал метод аналитического обзора научных публикаций, посвященных истории Нижегородского края.

Результаты и обсуждения

Церковь Благовещение Пресвятой Богородицы в п. Красные Горки в начале XX века входили во второй благочинный округ Балахнинского уезда. Деревянное здание Благовещенской церкви села Селищи-Мысы (ныне п. Красная Горка) началась строиться с 1816 г. «тщанием господ Турчаниновых». Ее строителями и попечителями были два поколения рода Турчаниновых – владельцев уральских металлургических заводов, так как она была разрушена великим половодьем и отстраивалась заново до 1870-х годов. Придел Церкви в честь Святителя Николая Чудотворца и оба иконостаса были построены на средства купца Николая Бугрова в 1881 году [6]. В церкви два престола – главный теплый - во имя Благовещения, и холодный в приделе на втором этаже – во имя святителя и чудотворца Святителя Чудотворца Николая. Это очень редкий тип однокупольного двухэтажного Храма с колокольней и приделом в едином ансамбле.

Турчаниновы – один из крупнейших предпринимательских родов Урала и России. Разветвленный род Турчаниновых владел уральскими металлургическими заводами более 180 лет: с 1731 года до 1912-го. За это время сменилось два поколения рода М.Ф. Турчанинова и шесть поколений рода А.Ф. Турчанинова [10].

В далеком прошлом вся Нижегородская губерния была расчленена на большие и маленькие поместья. Поместьями в тысячи десятин земли владели дворяне, князья, графы, бароны, в том числе и Турчаниновы. Одним из крупных землевладельцев (но не самым крупным) в Нижегородской губернии был лейб-гвардии поручик Кирасирского Псковского Его Величества полка Александр Александрович Турчанинов. Ему принадлежали более 15 тысяч десятин земли в Горбатовском, Нижегородском, Семеновском и Балахнинском уездах, имел более 2000 крепостных душ. Часть земель, лугов, лесов, деревень помещик имел в Мысовской области, где находилась его усадьба, жилые дома, дачи, скотные дворы и т.д. [8]. Турчанинов выкупил земли в конце XVIII века у наследников графа Потемкина после его смерти. В 1814 г. поступил в Нижегородское военное ополчение как истинный патриот. После военных боевых операций был уволен со службы. Тогда же он решил первым строить Красногорский Благовещенский Храм. Это был глубоко духовный человек, он явился основателем и строителем первого деревянного здания Церкви на кирпичном фундаменте, который решил построить как благодарение Божией Матери и Святителю Николаю за заступничество и покровительство над ним в годы Отечественной войны

В 1856 г. А.А. Турчанинов умер, оставив троих сыновей, один из которых Алексей Александрович Турчанинов (25.12.1821-1874 г) стал владельцем по наследству земли в Мысовской волости. По данным 1856 г., в его владениях было 10 деревень Жеравитово, Чернуха, Щелканово, Мысы, Охлопково, Ластаново, Локтеве, Озерное, Леоново), Передел Навишки с 218 дворами (762 лиц мужского пола и 861 женского). Дворовых за Тур¬чаниновым не числилось. Но он имел право взимать с крестьян арендную плату за пастьбу скота.

В 1860 году он окончательно вышел в отставку в чине штабс-ротмистра и поселился в Нижегородской губернии, где имел, судя по тому же формулярному списку, 3710 душ крепостных, «родовое имение» и дом в Горбатове и «три деревянных дома» в самом Нижнем Новгороде.

После освобождения помещичьих крестьян в 1861 году потомок уральского магната Алексей Турчанинов, бывший в то время нижегородским предводителем дворянства, тяготея, как и все помещики, лишившиеся дармового крестьянского труда, залез в большие долги и перебрался на жительство в Нижний Новгород. Свои земли и имения на речке Сейме Турчанинов за долги променял Бугровым.

Отметим еще одну знаменательную награду – «знак отличия», полученный «в память» успешного введения в действие Положения о крестьянах 19 февраля 1861 года». Кстати сохранилась подлинная грамота,

по которой А.А. Турчанинов отпускал на волю своих крепостных. Здесь же уместно вспомнить, что жители села Катунки, включая крестьян, все годы пользовались «безвозмездно» медицинскими средствами «из аптеки г. Турчанинова», при которой постоянно находился фельдшер.

Самый заметный след в восстановлении Красногорского Храма оставил купец Николай Бугров, так как помещики Турчаниновы из-за постоянных долгов в казну не могли быть попечителями Храма. Николай Бугров преумножил не только капитал своего деда Петра Егоровича Бугрова и отца Александра Петровича Бугрова, но и многократно расширил сеть милосердия и заботы о нуждающихся.

Николай Александрович считался богатейшим человеком губернии. Он был удостоен звания почетного гражданина Нижнего Новгорода, имел высокие деловые звания мануфактур-советника и коммерции-советника, многократно удостаивался царских приемов у Александра III и Николая II, дружил с такими влиятельными министрами, как К.П. Победоносцев и С.Ю. Витте, входил в правления нескольких центральных и местных банков.

К концу XIX века Николай Александрович стал крупнейшим предпринимателем-мукомолом Нижегородской губернии и одним из ведущих в Поволжье. Ему принадлежало шесть паровых мельниц из девяти, работавших тогда в Нижегородской губернии, владел шестью буксирными пароходами и 40 баржами, удостоился высшей награды - права ставить на свою мучную продукцию самый авторитетный товарный знак – государственный герб. А император Николай II даровал Николаю Александровичу почетное право поставщика муки и крупы в российскую армию [9].

Первая русская революция не затронула Н.А. Бугрова. Даже в 1906 году, когда пришлось остановить мельницы из-за нехватки зерна, волнений среди рабочих не было. А ведь рабочих на двух мельницах было более тысячи человек. Сам Н.А. Бугров был глубоко религиозным человеком. Он и к своему труду относился, как верующий в бога, в его внутреннюю силу, что помогало ему поддерживать огромную трудоспособность, быть деятельным и жизнелюбивым.

Н.А. Бугровым, в память и во имя покойного родителя А.П. Бугрова, устроен его иждивением каменный трехэтажный корпус, со всеми специальными приспособлениями и обстановкой, для бесплатного ночлежного приюта на 900 человек [7]. Имел много царских наград и благодарностей за особые труды на благо России. Дача Николая Бугрова на станции Сейма располагалась всего в 3-х километрах от Красногорского Благовещенского Храма с приделом святителю Николаю. Николай Бугров почитал своего святого покровителя святителя Николая Чудотворца, в связи с чем и выделил всю необходимую сумму для отделки придела в честь святого в Красногорском Благовещенском Храме. Кроме всех строительно-отделочных работ в здании Церкви на его средства был изготовлен красивый иконостас для всего Храма. В течение своей жизни он много времени проводил на Сейме и был внимательным и щедрым попечителем Храма.

Выводы

Таким образом, строителями и создателями Благовещенской Красногорской Церкви первоначально были помещики Турчаниновы: основание деревянного здания Церкви было заложено в 1816 г. отцом Александром Александровичем Турчаниновым (1794-1826 гг.) как благодарение за свое заступничество Божией Матерью и Святителем Николаем в годы Отечественной войны 1812 г. После возвращение его в родовое имение в этой Церкви в октябре 1816 г. было совершено таинство венчания с его женой Ольгой, к моменту которого церковь стала действующей. После разрушительного половодья 1850 г. и почти полного разрушения деревянной части Храма и ее бездействия, к восстановлению Храма подключился его сын Алексей Александрович Турчанинов (1821-1874 гг), который после тяжкой болезни в 1844г. был уволен со службы, вышел в отставку и поселился в 4-х верстах от Храма в своем родовом имении. Он так же был глубоко духовным человеком, много сил и средств положил на строительство каменного здания Храма, восстановления ее.

С 1870 гг. основным попечителем Храма становится Николай Александрович Бугров (1837-1911 гг.). Во все годы жизни купцы Бугровы пытались сблизиться с Церковью официальной и оказывали помощь православным Храмам, в том числе и Красногорскому Благовещенскому Храму. Верхний предел в честь Святителя Николая Чудотворца, а также иконостасы всей Церкви были сооружены на средства купца Николая Бугрова, который чтил своего небесного покровителя и который несомненно, своими делами веры, любви к Богу и любви к ближним был несомненно православным христианином, отклонял все попытки сближения с ним вероотступников, призывал всех своих приверженцев-старообрядцев к полному церковному единству.

Собранный и изученный материал об участии известных благотворителей в строительстве Храма войдет в исторический контент краеведческого музея и будет представлять собой раздел книги «История создания и развития Храма Благовещения Пресвятой Богородицы п. Красная Горка Нижегородской области».

Список источников

1. Аверкиев А.Д. Источники по истории монастырей Нижегородской епархии в XVIII веке: типы и характеристика информационных потенциалов // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 74-81. DOI 10.25206/2542-0488-2024-9-2-74-81
2. Бец С.А. Развитие Нижегородской епархии и типы храмов каменного строительства // Инновационный потенциал развития науки в современном мире: достижения и инновации : Сборник научных статей по материалам XII Международной научно-практической конференции, Уфа, 23 июня 2023 года. Том Часть 2. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2023. С. 167 – 170.
3. Бодрова И.М., Шумилкина Т.В. Архитектурное наследие Николая Александровича Бугрова в Нижнем Новгороде и области // II Всероссийская конференция Нижегородского фестиваля науки с международным участием: Сборник тезисов докладов, Нижний Новгород, 22-24 октября 2025 года. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2025. С. 205 – 206.
4. Варенцова Л.Ю. Храм иконы Казанской Божьей Матери в селе Рожново – в преданиях и истории Нижегородского края XVII-XXI вв // Карповские чтения: Сборник статей участников X Всероссийской научно-практической конференции, Арзамас, 20-21 октября 2022 года / Отв. ред. Ю.А. Курдин. Арзамас: Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", 2022. С. 339 – 347.
5. Ворохобов А.В. Глобализация как вызов современности: критерии оценки в парадигме православной социальной этики // Вестник Мининского университета. 2026. Т. 14. № 1 (54). DOI 10.26795/2307-1281-2026-14-1-15
6. Добровольский М.В. Краткое описание Нижегородских церквей, монастырей и часовень / Сост. свящ. Нижегор. кафедр. собора М. Добровольский. Нижний Новгород: тип. Губ. правл., 1895. 80 с.
7. Леднев А.П. Купечество Нижегородской губернии в пореформенный период XIX века: сословно-социальный портрет и роль в общественно-экономическом развитии региона: автореф. дис. ... канд. историч. наук / ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»]. Нижний Новгород, 2022. 31 с.
8. Н. Новгород и Нижегородская губерния // Справочная книжка и адрес-календарь Нижегородской губернии на 1914 г. Ч. 1-2 / 26. Нижний Новгород: Губ. стат. ком., 1914-1915, 1914. 584 с.
9. Мельников А.П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки, 1817-1917: к 200-летию Нижегородской ярмарки. Нижний Новгород: Кварц, 2017. 238 с.
10. Письмо в адрес приходских Советов Нижегородской губернии от председателя Предсоборной комиссии Архиепископа Иоанна от 08.03.1923г., ГАНО, Ф. 1016. Оп. 2. Д. 182. С. 10 – 11
11. Романова О.А. Нижегородская ветвь рода уральских купцов Турчаниновых в сравнении с купеческим родом Рукавишниковых. Вклад династий в развитие Нижнего Новгорода // Актуальные вопросы локальной и региональной истории : Сборник статей по материалам II Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Нижний Новгород, 12 апреля 2024 года. Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, 2024. С. 160 – 1680.

References

1. Averkiev A.D. Sources on the history of monasteries of the Nizhny Novgorod diocese in the 18th century: types and characteristics of information potentials. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9. No. 2. P. 74 – 81. DOI 10.25206/2542-0488-2024-9-2-74-81
2. Bets S.A. Development of the Nizhny Novgorod diocese and types of stone churches. Innovative potential for science development in the modern world: achievements and innovations: Collection of scientific articles based on the materials of the XII International scientific and practical conference, Ufa, June 23, 2023. Volume Part 2. Ufa: Limited Liability Company "Scientific Publishing Center "Vestnik Nauki", 2023. P. 167 – 170.
3. Bodrova I.M., Shumilkina T.V. Architectural Heritage of Nikolai Aleksandrovich Bugrov in Nizhny Novgorod and the Region. II All-Russian Conference of the Nizhny Novgorod Science Festival with International Participation: Collection of Abstracts of Reports, Nizhny Novgorod, October 22-24, 2025. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, 2025. P. 205 – 206.

4. Varentsova L.Yu. Church of the Kazan Icon of the Mother of God in the Village of Rozhnovo – in the Legends and History of the Nizhny Novgorod Region in the 17th–21st Centuries. Karpov Readings: Collection of Articles by Participants of the 10th All-Russian Scientific and Practical Conference, Arzamas, October 20-21, 2022. Ed. Yu.A. Kurdin. Arzamas: Arzamas branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", 2022. P. 339 – 347.

5. Vorokhobov A.V. Globalization as a Challenge of Modernity: Evaluation Criteria in the Paradigm of Orthodox Social Ethics. Bulletin of Minin University. 2026. Vol. 14. No. 1 (54). DOI 10.26795/2307-1281-2026-14-1-15

6. Dobrovolsky M.V. Brief Description of Nizhny Novgorod Churches, Monasteries, and Chapels. Comp. Priest of the Nizhny Novgorod Cathedral M. Dobrovolsky. Nizhny Novgorod: Provincial Government Press, 1895. 80 p.

7. Lednev A.P. Merchants of the Nizhny Novgorod Province in the Post-Reform Period of the 19th Century: Estate and Social Portrait and Role in the Socio-Economic Development of the Region: [Abstract of Cand. Sci. (History). Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky"]. Nizhny Novgorod, 2022. 31 p.

8. Nizhny Novgorod and Nizhny Novgorod Province. Reference book and address calendar of the Nizhny Novgorod Province for 1914. Part 1-2. 26. Nizhny Novgorod: Provincial Statistical Committee, 1914-1915, 1914. 584 p.

9. Melnikov A.P. Essays on the Everyday History of the Nizhny Novgorod Fair, 1817-1917: on the 200th Anniversary of the Nizhny Novgorod Fair. Nizhny Novgorod: Quartz, 2017. 238 p.

10. Letter to the Parish Councils of the Nizhny Novgorod Province from Chairman of the Pre-Council Commission Archbishop John dated March 8, 1923, GANO, F. 1016. Op. 2. D. 182. P. 10 – 11

11. Romanova O.A. Nizhny Novgorod branch of the Ural merchant family Turchaninov in comparison with the merchant family Rukavishnikov. The contribution of dynasties to the development of Nizhny Novgorod. Current issues in local and regional history: Collection of articles based on the materials of the II All-Russian student scientific and practical conference, Nizhny Novgorod, April 12, 2024. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin, 2024. P. 160 – 1680.

Информация об авторах

Грязнова Е.В., доктор философских наук, профессор, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3093-2602, https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=304930, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, egik37@yandex.ru, 89601732908

Потатина Л.П., Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, plan.52@bk.ru

Потатин А.Г., Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, plan.52@bk.ru

© Грязнова Е.В., Потатина Л.П., Потатин А.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(98)
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-313-324

Иконописный промысел Троице-Сергиевой Лавры в 1875-1917 гг. в условиях экономической трансформации: исследовательский статус проблемы

[1] Иванов А.А.,
[1] Государственный университет просвещения

Аннотация: статья посвящена исследовательскому статусу проблемы иконописного промысла Троице-Сергиевой лавры в 1875-1917 гг. в контексте экономической трансформации монастырского хозяйства на рынке Российской империи. Иконописный промысел рассматривается не только как производство рукописных икон, но и как сложный художественно-производственный комплекс, включавший мастерские, училище иконописания, систему заказов, лавочную и паломническую торговлю, а также смежные формы визуальной продукции – литографию, печатные изображения и фотографию. В статье охарактеризованы основные направления историографии: дореволюционная церковно-историческая традиция, музейно-искусствоведческие исследования, работы по истории лаврского училища иконописания, исследования монастырской экономики и современные подходы к изучению кустарных промыслов. Определена источниковая база: архивные учетные документы в собрании РГАДА, музейные каталоги, электронные реестры и публикации, позволяющие реконструировать ассортимент, каналы реализации и хозяйственную роль лаврской художественной продукции. Делается вывод о необходимости комплексного подхода, соединяющего экономическую историю, искусствоведческую атрибуцию, институциональный анализ и цифровые методы учета объектов и указываются перспективные направления исследования.

Ключевые слова: Троице-Сергиева лавра, иконописный промысел, иконописная школа, монастырская экономика, лаврские мастерские, паломническая торговля, литография

Для цитирования: *Иванов А.А. Иконописный промысел Троице-Сергиевой Лавры в 1875-1917 гг. в условиях экономической трансформации: исследовательский статус проблемы // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 313 – 324. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-313-324*

Поступила в редакцию: 14 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

The icon-painting industry of the Trinity-Sergius Lavra in 1875-1917 in the context of economic transformation: the state of research on the problem

[1] Ivanov A.A.,
[1] Federal State University of Education

Abstract: the article examines the current state of research on the icon-painting industry of the Trinity-Sergius Lavra in 1875-1917 within the context of the economic transformation of the monastic economy in the market of the Russian Empire. The icon-painting industry is considered not only as the production of hand-painted icons, but also as a complex artistic and production system that included workshops, an icon-painting school, a system of commissions, shop and pilgrimage trade, as well as related forms of visual production, such as lithography, printed images, and pho-

tography. The article characterizes the main areas of historiography: the pre-revolutionary ecclesiastical-historical tradition, museum-based and art-historical studies, works on the history of the Lavra's icon-painting school, studies of monastic economy, and contemporary approaches to the study of cottage industries and handicrafts. The source base is also defined: archival accounting documents held in the Russian State Archive of Ancient Acts, museum catalogues, electronic registers, and publications that make it possible to reconstruct the assortment, distribution channels, and economic role of the Lavra's artistic production. The article concludes that a comprehensive approach is needed, one that combines economic history, art-historical attribution, institutional analysis, and digital methods of object registration; it also outlines promising directions for further research.

Keywords: Trinity-Sergius Lavra, icon-painting industry, icon-painting school, monastic economy, Lavra workshops, pilgrimage trade, lithography

For citation: *Ivanov A.A. The icon-painting industry of the Trinity-Sergius Lavra in 1875-1917 in the context of economic transformation: the state of research on the problem. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 313 – 324. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-313-324*

The article was submitted: April 14, 2026; Approved after reviewing: May 12, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Под иконописным промыслом в данной статье понимается не только изготовление икон, но и весь связанный с ним производственно-институциональный комплекс Троице-Сергиевой лавры конца XIX – начала XX в., а именно: а) изготовление рукописных икон – как заказных храмовых иконостасных работ, так и стандартной продукции, предназначенной для лавочной и паломнической торговли; б) организационные структуры, обеспечивавшие это производство, – мастерская, училище иконописания (и предшествующая ему живописная школа), а также система надзора, обучения и разделения труда; в) хозяйственно-экономическая инфраструктура, в рамках которой осуществлялись снабжение материалами, учет доходов и расходов, торговля через лавки, часовни и иные пункты реализации, а также обеспечение паломнического потока религиозной продукцией; г) смежная визуальная среда – литография, печатная и фотографическая продукция, – которая не была тождественна собственно иконописанию, но принадлежала к общему иконному рынку, конкурировала с рукописной иконой и одновременно дополняла ее в торговой системе лавры.

Материалы и методы исследований

Выбор периода 1875-1917 гг. в качестве хронологических рамок настоящего очерка обусловлен следующими соображениями. Опубликованные к 1870-м гг. экономические описания и архивные материалы позволяют уверенно говорить о включенности хозяйства Троице-Сергиевой лавры, в том числе связанного с иконописным делом, в сферу торговли, арендных отношений, обслуживания паломников и заказного производства. Рубежное значение имеет работа Д.И. Ростиславова «Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей» (СПб., 1876). Для этого времени очевидно, что существенную роль в доходах обители играли продажа свечей, просфор, образов, книг, литографий и фотографий, а также арендная плата, плата за гостиничные номера и за работы, выполнявшиеся в мастерских. Показательно, что смотритель живописной мастерской «принимал заказы от частных лиц и лаврских лавок на написание икон» [28, с. 123]. 1917 г. может быть принят как последний полный дореволюционный год финансовой отчетности лавры: отчет именно за этот год использовался исследователями для реконструкции ее доходов и расходов [16]. Вместе с тем данная дата обозначает прежде всего верхнюю границу дореволюционной отчетности, а не окончательное прекращение самого иконописного дела, поскольку в исследованиях по истории лаврской иконописной школы верхняя граница последнего периода нередко относится к 1918 г.

Историографию иконописного промысла Троице-Сергиевой лавры последней четверти XIX – начала XX века целесообразно рассматривать как совокупность нескольких взаимосвязанных направлений.

Первое направление представлено дореволюционной церковно-исторической и описательной традицией. Ее опорной публикацией является работа иеромонаха Арсения (Лобовикова) «Исторические сведения об иконописании в Троице-Сергиевой Лавре» (1873), которая охватывает период от времени преподобного Сергия до середины XIX века и до сих пор служит исходным трудом для изучения лаврского иконописания [6, с. 119-133]. К этому же направлению относятся статья А.П. Голубцова «О начале, первых деятелях (1744-1759 гг.) и направлении иконописной школы Троице-Сергиевой лавры» (1903), посвященная раннему этапу существования лаврской иконописной школы, и работа Л.Д. Воронцовой (Григорьевой)

«Троицкие иконописцы и их отношение к Москве» (1906) [13, 9]. Более широкий фон данного направления образуют исторические описания и путеводители по лавре, в частности труд Е.Е. Голубинского «Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра» (1909) [12], продолживший более раннюю традицию, восходящую к «Краткому историческому описанию Свято-Троицкой Сергиевой Лавры…». Однако для этих работ в целом характерно преимущественное внимание к истории обители, персоналиям, художественным особенностям лаврского иконописания, тогда как хозяйственно-экономические аспекты промысла остаются в них на периферии анализа.

Второе направление в историографии – музейно-искусствоведческое. В работах сотрудников Сергиево-Посадского музея-заповедника, в частности Л.А. Шитовой, О.И. Зарицкой, Г.П. Черкашиной, Л.М. Воронцовой и других исследователей, лаврское иконописание рассматривается в широком контексте художественных производств Троице-Сергиевой лавры и музейных коллекций, что особенно важно для изучения стилистики, атрибуции, круга мастеров и характеристики мастерских. Вместе с тем школа как самостоятельная учебная структура, равно как и экономические механизмы иконописного промысла, обычно не становятся в этих работах центральным предметом анализа. В этом отношении следует выделить исследования Л.А. Армеевой, специально посвященное истории училища иконописания в стенах Троице-Сергиевой лавры в конце XIX – начале XX века.

Третье направление и составляют исследования лаврского училища иконописания конца XIX – начала XX века в контексте возрождения традиционного иконописания. К нему относятся работы Л.А. Армеевой: статьи «Училище иконописания в стенах Троице-Сергиевой Лавры в конце XIX – начале XX века» (2010) [4] и «Училище иконописания при Троице-Сергиевой лавре в 1885-1918 гг.: попытка возрождения традиционного иконописания» (2011) [5], а также диссертация «Иконописная школа Троице-Сергиевой лавры в контексте возрождения традиционного иконописания: середина XVIII – начало XXI вв.» (2013) [3]. В них предложена периодизация истории лаврской иконописной школы, в том числе выделен этап 1885-1918 гг.; рассмотрены структура училища, социальный состав учащихся, проекты реформ и попытки возрождения иконописной традиции в Лавре.

Четвертое направление представляет собой экономическую историю монастырского хозяйства. Одной из ключевых работ здесь является статья В.А. Ткаченко «Хозяйство Троице-Сергиевой Лавры на рубеже XIX-XX вв.» (1998), основанная на годовых отчетах о приходе и расходе неокладных сумм, хозяйственных докладах и других документах лаврского архива [28]. Это исследование показывает, что на рубеже XIX-XX вв. важнейшими источниками дохода лавры были торговля свечами, просфорами и образами, а также сдача недвижимости в аренду. Так, для 1894 г. автор устанавливает, что доля дохода от продажи образов в общем доходе лавры составляла 11%; кроме того, живописная мастерская названа среди отдельных отраслей хозяйственного управления лавры. Тем самым работа Ткаченко позволяет рассматривать иконописный промысел не только как художественное, но и как значимое хозяйственное явление в экономике монастыря.

Наконец, пятое направление составляют контекстуальные исследования кустарных промыслов и позднеимперской модернизации. В этом отношении методологически особенно показательна диссертация М.В. Карташовой «Кустарные промыслы и их государственная поддержка в Российской империи (1872-1917 гг.)» (2025) [22]. В ней кустарные промыслы рассматриваются как феномен социально-экономических отношений Российской империи, а предметом исследования становятся формы их государственной поддержки в связи со структурой, доходностью и размещением. Существенно, что автор использует междисциплинарный подход, включая картографический (пространственно-статистический) анализ, методы количественной обработки материала и специально созданную базу данных по кустарным промыслам Российской империи последней трети XIX – начала XX века. Это исследование предлагает аналитическую модель для изучения ремесленно-промысловой среды, которая может быть использована и в работе с материалом, характеризующим хозяйство Троице-Сергиевой лавры.

Бесспорно, наиболее перспективной программой действий представляется интеграция различных исследовательских подходов, предполагающая синтетический анализ архивно-хозяйственных данных о доходах, заказах и организации мастерских в сочетании с искусствоведческим изучением атрибуции, стилистики и учебной практики в максимально широком историко-культурном и экономическом контексте.

Экономический контекст иконного дела в историографии обычно реконструируется через структуру монастырских доходов и место мастерских в хозяйстве обители. Показателен в этом отношении пример Троице-Сергиевой лавры на рубеже XIX-XX вв., где обслуживание богомольцев входило в число основных функций монастырского хозяйства, а продажа предметов церковного обихода была встроена в более широкую систему доходов обители [28, с. 119]. В 1900 г. церковный приход лавры формировался прежде

всего за счет продажи свечей, образов и просфор: от продажи свечей было выручено 96 919 руб. 55 коп. (36% церковного прихода), от продажи образов – 60 341 руб. 94 коп. (22%), от продажи просфор – 55 100 руб. (20%). В совокупности эти статьи давали 78% церковного прихода и 45% общего годового дохода Лавры [28, с. 126-127]. Сходная структура наблюдалась и ранее: в 1875 г. доходы от продажи свечей, просфор и образов (16%) составляли 71% церковной выручки, а в 1894 г. – 60,2% [28, с.126]. Эти данные позволяют рассматривать торговлю образами не как периферийную сторону монастырской жизни, а как существенный элемент экономики лавры, тесно связанный с паломничеством и устойчивым спросом на предметы благочестия.

Результаты и обсуждения

История училища иконописания в конце XIX – начале XX в. показывает, что церковные и монастырские власти стремились воздействовать на подготовку мастеров через административные и учебные преобразования. Однако применительно к переводу Московского епархиального училища иконописания в Троице-Сергиеву лавру в 1885 г. точнее говорить не о прямом ответе на рыночные изменения, а о сочетании хозяйственных, административных и образовательных мотивов. В донесении митрополита Иоаникия подчеркивалось, что за десять лет существования училища в Москве от ученических работ было выручено лишь до 3 000 руб., тогда как на его содержание израсходовали более 150 000 руб.; при этом из числа окончивших курс только немногие продолжили заниматься иконописанием. На этом фоне перевод училища в лавру обосновывался тем, что там уже действовали иконописная и другие мастерские, позволявшие включить учеников в более развитую производственно-учебную среду, а также использовать ремесленные мастерские для тех, кто оказывался неспособен к иконописи. Одновременно перевод решал и административную задачу перераспределения учебных помещений. Впрочем, как отмечает Л.А. Армеева, сам по себе переезд не привел к заметному повышению уровня преподавания; более того, в последующее десятилетие состояние учебного процесса даже ухудшилось [5, с. 376-377].

На рубеже XIX-XX вв. реформаторская логика наиболее отчетливо проявилась в кадровой и учебной политике училища. В 1897 г. для преподавания живописи был приглашен художник В.К. Болдырев, которому было назначено жалованье 1000 руб. в год «при своем столе и квартире» [30, с. 369-380]. В начале XX в. в лавре наметился постепенный отход от прежней живописной подготовки в пользу собственно иконописной специализации. Этот поворот обозначился уже в 1905 г., когда для преподавания иконописи был приглашен Н.П. Клыков, а в 1908 г., после введения должностей доличника и личника, обучение живописи как отдельной дисциплине было свернуто [5, с. 388-389]. При этом само училище не прекратило существования, а учащимся, уже прошедшим несколько лет живописной подготовки, позволили завершить обучение по прежней программе [5, с. 389]. В исследовании Г.П. Черкашиной высказывается предположение, что в этот период одним из художественных ориентиров для мастерской могли служить иконы «васнецовского типа» [30].

Экономический смысл этих изменений был двояким. С одной стороны, они вписывались в более широкий контекст кризиса традиционного иконописного промысла и его конкуренции с массовой печатной продукцией: как показывают исследователи, Комитет попечительства о русской иконописи стремился поддержать традиционные центры, организуя школы в местах, сохранивших «дух древнего иконописания», и одновременно рассматривал машинное производство и дешевые печатные образа как угрозу развитию иконописания на древней основе [24, с. 74-75]. С другой стороны, для самой Лавры поддержание качества продукции имело и прямое хозяйственное значение, поэтому забота о качестве основывалась не только на стремлении сохранить художественную репутацию монастыря, но и на необходимости поддерживать важную статью его дохода [28, с. 127].

Хотя литография не совпадает в узком смысле с иконописным промыслом, исследователи относят ее к значимым формам церковной визуальной культуры XIX века, связанным с паломническим потреблением и распространением религиозных изображений. Лаврская литографская мастерская работала в 1843-1910 гг. и со временем превратилась в отдельное производственно-издательское подразделение с собственным персоналом, отчетностью и устойчивым кругом изданий. Ее продукция распространялась в самой лавре и связанных с нею монастырских пунктах, а также изготавливалась по внешним заказам. В наиболее успешные десятилетия, в 1850–1870-е гг., продажа таких изображений и выполнение заказов приносили обители до 5 000 рублей серебром, что было ощутимым вкладом в монастырский бюджет [20, с. 412-413].

Материальные свидетельства этой продукции представлены и в музейных собраниях. Так, в электронном каталоге Исторического музея зафиксирован лист «Преподобный Сергий исцеляет бесноватого», датированный 1886 г. и атрибутированный литографии Троице-Сергиевой лавры. Подобные памятники важны

не только как вещественные следы тиражной религиозной продукции, но и как материал для дальнейшего изучения ассортимента лаврской мастерской – по датировкам, иконографическим сюжетам, техникам исполнения и форматам.

Вместе с тем при сопоставлении этих материалов с данными о лаврской торговле «образами» требуется осторожность. Как уже было отмечено выше, исследование хозяйства Троице-Сергиевой лавры показывает, что продажа образов действительно составляла значительную часть церковного прихода и общего дохода монастыря. Однако опубликованные материалы не позволяют с полной определенностью соотнести эту статью с литографской продукцией. У Ткаченко «образа» фигурируют как одна из доходных позиций церковного прихода наряду с книгами, литографиями и фотографиями, но самостоятельные показатели по продаже литографий в статье не приведены. Поэтому существующие публикации позволяют ставить вопрос о соотношении рукописной иконы, образов и тиражной религиозной графики в экономике лавры, но не дают возможности без дополнительной архивной проработки точно разграничить их по доходным показателям [28, с. 125-126].

Для изучения иконописного промысла Троице-Сергиевой лавры в 1875-1917 гг. существует достаточно репрезентативная источниковая база. В первую очередь это архивно-учетная документация, позволяющая реконструировать хозяйственную сторону промысла: объемы производства и закупок, стоимость икон, ассортимент, оплату труда мастеров, организацию учебной и производственной деятельности, а также, отчасти, каналы распространения лаврской иконописной продукции. Основной комплекс таких материалов сосредоточен в фонде 1204 «Троице-Сергиева лавра» РГАДА. По наблюдению Л.А. Армеевой, документы, связанные с иконописной школой, отдельными мастерами, заказами и приобретением материалов, распределены по разным частям описи 1; особое значение для изучения конца XIX – начала XX в. имеют дела Московского епархиального училища иконописания, административно связанного с лаврской школой. В этих материалах отражены не только учебные вопросы, но и хозяйственно-бытовая сторона существования училища: ремонт помещений, закупка материалов, распорядок дня учеников, переписка с преподавателями и проекты преобразования учебного процесса [3, с. 7; 4, с. 390-391]. Архивные описания фонда 1204 РГАДА фиксируют не только книги прихода и расхода «неокладной» суммы и ведомости по ней, но и специализированные учетные материалы, связанные с реализацией лаврской художественной продукции: книги и тетради учета денег, полученных от продажи икон, литографированных икон и литографированных картин. Отдельный круг источников составляют сведения о численности братии и рабочих.

Значение этих документов особенно велико потому, что они позволяют рассматривать иконописание при лавре не только как художественную традицию, но и как организованный промысел, включенный в экономику монастыря и паломническую культуру Сергиева Посада. Материалы РГАДА дают возможность проследить, как в последние десятилетия перед революцией сочетались учебная, ремесленная и коммерческая функции лаврской иконописной мастерской. Дополнительную ценность имеют опубликованные исследования Г.П. Черкашиной, Л.А. Армеевой и О.В. Немовой: они помогают сопоставить архивные сведения с историко-искусствоведческим анализом лаврского иконописания, вопросами обучения мастеров, закупок, цен, поставок и продажи икон.

Еще одну группу источников составляют музейные каталоги и цифровые описания предметов, которые могут рассматриваться как своего рода «материальные первоисточники» для изучения ассортимента, техники исполнения и сюжетного репертуара лаврской художественной продукции. В отличие от архивно-учетной документации, фиксирующей прежде всего хозяйственную сторону промысла, музейные описания позволяют работать с самими предметами: уточнять датировки, технику, размеры, авторские или издательские обозначения, а также выявлять повторяющиеся иконографические темы. Показательным примером является электронный каталог Государственного исторического музея, где представлены литографированные изображения, связанные с Троице-Сергиевой лаврой. Дополнительное значение имеют музейные каталоги и научные издания Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника, включая каталоги выставок и публикации, связанные с историей художественных собраний Троице-Сергиевой лавры [11]. Например, каталог выставки «Троице-Сергиева лавра и русские государи: реликвии и художественные сокровища» содержит не только репродукционный и каталожный материал, но и разделы, посвященные произведениям, созданным или вложенным в монастырь в разные исторические периоды, в том числе в XIX в. [25].

Перспективная исследовательская программа, выстроенная вокруг комплекса «экономика – институты – художественная продукция», может развиваться в нескольких направлениях. Первое из них связано с созданием базы данных, в которой сопоставлялись бы заказ, конкретное изделие, форма оплаты и канал реализации. Основой для такой работы может служить внутренняя учетная документация Троице-Сергиевой

лавры и Московского епархиального училища иконописания. Особое значение здесь имеют книги прихода и расхода икон по Свечной палате, записные тетради денег, полученных от продажи икон, а также отдельные книги и тетради, фиксирующие оборот литографированных икон, картин, киотов и расходы по самому училищу иконописания.

Такой корпус источников позволяет перейти от общей характеристики лаврского иконописного промысла к более точному анализу его экономической структуры. На его основе можно выстраивать сопоставимые ряды по доходам от продажи образов, расходам на училище и мастерские, а также, при достаточной сохранности документов, по оплате труда мастеров и учеников. Отдельной задачей остается разграничение заказных работ и продукции, предназначенной для лавочной продажи. Этот показатель не зафиксирован в источниках в готовом виде: его необходимо реконструировать путем сопоставления торговых книг, дел о заказах в Лаврской иконописной школе и приходно-расходной документации училища. При этом необходимо учитывать возможные лакуны в документации.

Второе направление связано с реконструкцией «экономики ассортимента». На уровне рабочей гипотезы, требующей проверки по торгово-учетным книгам и делам о заказах, можно предположить, что в конце XIX – начале XX в. у лаврского иконописного производства и связанной с ним торговли было как минимум два основных контура. Первый контур был ориентирован на более дорогие и индивидуализированные заказы: храмовые образы, иконостасы, крупноформатные иконы и специальные комплексы для церквей и монастырей. Второй контур был связан с массовым паломническим спросом, который обслуживался не только рукописными образами, но и тиражной визуальной продукцией. В этом отношении особый интерес представляет литографская мастерская Троице-Сергиевой лавры. Она действовала как самостоятельное заведение, обладала собственным штатом, системой отчетности и издательским планом; ее продукция продавалась в лаврских лавках и часовнях, а также выполнялась по монастырским заказам.

Раздельный учет видов продукции позволяет поставить вопрос о внутренней сегментации лаврского рынка икон. В архивных описаниях фонда 1204 РГАДА отдельно фиксируются документы по продаже икон, литографированных икон, литографированных картин, фотографических картин и киотов. Это не доказывает автоматически существование устойчивых ценовых сегментов, но показывает, что различие между видами продукции было значимо уже на уровне внутренней бухгалтерии лавры. Исследователи Комитета попечительства о русской иконописи прямо указывают, что изделия иконописных мастерских должны были конкурировать с «печатной» иконой. Д. Вальчак, в свою очередь, рассматривает печатную икону как характерное явление русского религиозного рынка рубежа веков.

Третье направление – институционально-экономическая сторона существования училища. Перевод Московского епархиального училища иконописания в Троице-Сергиеву лавру в 1885 г. можно рассматривать не только как административное перемещение, но и как попытку встроить учебное заведение в уже сложившуюся художественно-производственную среду монастыря. В пользу такого понимания говорит само обоснование перевода: в лавре к этому времени действовали иконописная и ремесленные мастерские, а также фотографическая мастерская, что позволяло распределять учащихся в соответствии с их способностями и практическими результатами обучения [4, с. 376].

Экономический аргумент также возникает в материалах о переводе. Московский этап существования училища оценивался как малорезультативный: за десять лет из 118 учащихся курс окончили 67 человек, но только 7, по сведениям Совета училища, продолжали заниматься иконописанием; доход от ученических работ составил до 3 000 руб., тогда как расходы на содержание училища превысили 150 000 руб [4, с. 376-377].

Эти данные не доказывают сами по себе неэффективность художественной подготовки, но показывают, что уже современники ставили вопрос о соотношении затрат, учебного результата и дальнейшей профессиональной судьбы воспитанников.

По-видимому, училище пытались включить в хозяйственный и кадровый контур лаврского иконописного дела, одновременно повысив практическую отдачу обучения. Для проверки этой гипотезы необходимо сопоставить сметы, приходо-расходные ведомости, переписку об организации училища, сведения о составе преподавателей и учащихся, дела о наборе учеников, наградах, пособиях и содержании училища, а также материалы о выставках ученических работ и заказах, выполнявшихся через училище. Особенно показателен в этом отношении проект Фартусова. В нём предполагалось, что ученики высшего класса, уже подготовленные к самостоятельной работе, смогут писать иконы по заказам, поступавшим в училище. Такая практика должна была приносить средства самому заведению и одновременно давать небольшое вознаграждение ученикам. В том же контексте упоминались ежегодные выставки ученических работ и система поощрений за лучшие результаты. Следовательно, училище мыслилось не только как учебное учреждение,

но и как регулируемое пространство профессионального отбора, практики и включения учеников в иконописное производство.

Четвертое направление – пространственный анализ распространения лаврской художественной продукции. В этом случае продуктивными могут быть методы, близкие к исследованиям кустарных и художественных промыслов: выявление мест продажи, заказчиков, устойчивых каналов реализации и регионов, где фиксируются отдельные типы изделий. Однако применительно к Троице-Сергиевой лавре такой анализ должен опираться не только на сохранившиеся предметы в музейных собраниях, но прежде всего на документы, связанные с производством, продажей и заказами.

Особенно показательна в этом отношении деятельность лаврской литографской мастерской. По данным О.И. Зарицкой, она существовала с 1843 по 1910 г. как самостоятельное производственно-издательское подразделение, имевшее собственный штат, отчетность и определенную издательскую программу [19, с. 20]. Продукция мастерской была рассчитана не только на внутренние нужды монастыря: она продавалась паломникам в лаврских торговых точках, распространялась через связанные с лаврой места почитания и выполнялась по заказам других монастырей. Это позволяет рассматривать литографию не только как художественный материал, но и как источник для изучения каналов обращения лаврских образов. При этом важно учитывать хронологические ограничения. Наиболее активный период деятельности литографской мастерской пришелся на 1850-1870-е гг., тогда как к концу XIX в. ее издательская активность постепенно сокращалась.

Музейные и электронные каталоги в таком исследовании могут использоваться как вспомогательный источник для выявления сюжетов, датировки произведений и учет сохранившихся экземпляры. Однако они непосредственно не дают карты первоначального спроса: современное музейное местонахождение предмета может быть результатом позднейшего собирания, передачи или музейной закупки.

Речь может идти не о полной реконструкции рынка лаврской продукции, а о поэтапном картировании разных уровней ее обращения. Первый уровень – место производства, т.е. сама лавра и ее мастерские. Второй – места продажи и непосредственного паломнического спроса. Третий – монастыри и церковные учреждения, заказывавшие литографии или иконографические материалы. Четвертый – современная музейная география сохранившихся произведений.

Пятое направление – интеграция архивных, музейных и реестровых данных в единый сводный реестр произведений, связанных с Троице-Сергиевой лаврой. Практически это означает создание базы объектов на основе музейных каталогов, Государственного каталога музейного фонда и архивных описей с последующим сопоставлением этих записей с делами о заказах, продаже, движении икон и деятельности лаврского училища.

В качестве основных идентификаторов целесообразно использовать музейные инвентарные номера, номера Государственного каталога, внутренние номера музейных учетных систем, а также устойчивый набор описательных признаков: название, сюжет, датировку, материал, технику, размеры, изготовителя или издателя, место хранения и сведения о происхождении предмета. Такой подход позволяет не только объединять разрозненные произведения из разных собраний, но и выявлять серии лаврской печатной продукции.

Архивные материалы РГАДА дополнят музейный ряд хозяйственной и учетной документацией. В фонде 1204 Троице-Сергиевой лавры зафиксированы дела о заказах в лаврской иконописной школе от разных мест и лиц, книги прихода и расхода икон по Свечной палате, записные тетради денег, полученных от продажи икон, литографированных картин, книг и других предметов, а также книги прихода и расхода денег по училищу иконописания. Именно соединение этих архивных комплексов с музейными описаниями делает возможным переход от простого перечня сохранившихся произведений к анализу производства, продажи и движения лаврской продукции.

При этом реконструкцию необходимо строить поэтапно. Для тиражной литографированной продукции такая работа наиболее реалистична уже на уровне опубликованных и электронных каталогов: здесь чаще повторяются сюжеты, техника, издательские формулы и учетные признаки. Для рукописных икон, заказных образов и особенно иконостасных комплексов задача сложнее: потребуется сверять архивные описания заказов с музейными атрибуциями, размерами, сюжетами, датировками, сведениями о происхождении и позднейшей истории предмета. Поэтому сводный реестр следует рассматривать не как готовую карту всех лаврских произведений, а как инструмент поэтапной проверки связей между архивным документом, музейным предметом и историей его бытования.

Выводы

Иконописный промысел Троице-Сергиевой лавры конца XIX – начала XX в. следует рассматривать как самостоятельный исследовательский объект, оказывающийся на пересечении истории искусства, церковной истории, экономической истории и истории ремесленно-промысловой культуры. Его изучение позволяет точнее понять не только художественную жизнь лавры, но и механизмы адаптации традиционного церковного производства к условиям рынка Российской империи рубежа веков, массового паломничества, институциональных реформ и конкуренции с печатной религиозной продукцией.

Список источников

1. Антонов Д.И., Доронин Д. Ю. Советские иконы и деревенские святыни // Шаги/Steps. 2023. № 1. С. 320 – 332. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-ikony-i-derevenskie-svyatyni (дата обращения: 30.03.2026)

2. Антонов Д.И. Фольговые иконы XIX в.: к вопросу о стратегиях мастеров // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2025. № 4. С. 55 – 69. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/folgovye-ikony-xix-v-k-voprosu-o-strategiyah-masterov

3. Армеева Л.А. Иконописная школа Троице-Сергиевой лавры в контексте возрождения традиционного иконописания: середина XVIII – начало XXI вв.: дис. ... канд. искусствоведения. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2013. 228 с.

4. Армеева Л.А. Училище иконописания в стенах Троице-Сергиевой Лавры в конце XIX – начале XX века // Богословский вестник. 2010. № 11-12. С. 360 – 395

5. Армеева Л.А. Училище иконописания при Троице-Сергиевой лавре в 1885-1918 гг.: попытка возрождения традиционного иконописания // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2011. Вып. 2 (5). С. 193 – 206

6. Арсений [Лобовиков], иером. Исторические сведения об иконописании в Троицкой Сергиевой Лавре // Сборник на 1873 г., изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М.: Универс. тип., 1873. С. 119 – 133.

7. Вальчак Д. Как изобретение печатной машины повлияло на русскую иконопись? Печатные иконы в России конца XIX – начала XX вв. // Studia Humanitatis. 2021. № 2. URL: https://st-hum.ru/content/valchak-d-kak-izobretenie-pechatnoy-mashiny-povliyalo-na-russkuyu-ikonopis-pechatnye-ikony-v

8. Вальчак Д. «Под старину: подделка древних икон в России XIX – начала XX вв. // Studia Humanitatis. 2023. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pod-starinu-poddelka-drevnih-ikon-v-rossii-xix-nachala-xx-vv (дата обращения: 30.03.2026)

9. Воронцова (Григорьева) Л.Д. Троицкие иконописцы и их отношение к Москве // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия III. СПб., 1906. № 5. С. 27 – 43.

10. Воронцова Л.М. Иконы Сергиево-Посадского музея-заповедника. Новые поступления и открытия реставрации. Альбом-каталог. Сергиев Посад: Сергиево-Посадский гос. ист.-худ. музей-заповедник, 1996. 142 с.

11. Воронцова Л.М., Шитова Л.А., Зарицкая О.И, Преподобный Сергий Радонежский в произведениях русского искусства XV–XIX веков. Каталог. М.: Руссар, 1992. 111 с.

12. Голубинский Е.Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра: жизнеописание преподобного Сергия и путеводитель по Лавре. 2-е изд., испр. и доп. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1909. 465 с.

13. Голубцов А.П. О начале, первых деятелях (1744-1759 гг.) и направлении иконописной школы Троице-Сергиевой Лавры: [реферат на заседании X Археологического съезда в Риге] // Богословский вестник. 1903. Т. 2. № 6 (июнь). С. 237 – 258 (2-я пагин.).

14. Губарева О.В. Икона как искусство: Эстетические традиции русской иконописи и современная визуальная культура. СПб.: Аргус СПб, 2022. 356 с., ил.

15. Давыдов И.П., Сухова М.С. Фолежные оклады брянской работы: к «материальному повороту» в современном российском религиоведении // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 249 – 272. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/folezhnye-oklady-bryanskoy-raboty-k-materialnomu-povorotu-v-sovremennom-rossiyskom-religiovedenii

16. Дервиз В.Д. К вопросу об экономическом положении б. Троице-Сергиевой лавры: (Доходы и расходы лавры за 1917 год). Сергиев: Гос. Сергиев. ист.-худ. музей, 1926. 40 с.

17. Доронин Д.Ю. Массовая крестьянская икона в России: история критики и семиотические идеологии // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2024. № 2. С. 35 – 60. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/massovaya-krestyanskaya-ikona-v-rossii-istoriya-kritiki-i-semioticheskie-ideologii

18. Доронин Д.Ю. Сияющие святыни: промысел расхожей иконы и его аффордансы в XIX-XX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 100 – 135. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/siyayuschie-svyatyni-promysel-rashozhey-ikony-i-ego-affordansy-v-xix-xx-vv

19. Зарицкая О. Литографское заведение Троице-Сергиевой лавры // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2005. № 24. С. 20.

20. Зарицкая О.И. Литографская мастерская Троице-Сергиевой Лавры и ее значение для творческой деятельности монастыря в XIX веке // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России: материалы международной конференции 29 сентября – 1 октября 1998 г. / Сост. Т.Н. Манушина, С.В Николаева. Сергиев Посад: Подкова, 2000. С. 412 – 428.

21. Зарицкая О.И. Серия литографий «Житие и чудеса преподобного Сергия Радонежского» мастерской Троице-Сергиевой лавры // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения 2005. М.: Индрик, 2006. С. 240 – 251.

22. Карташова М.В. Кустарные промыслы и их государственная поддержка в Российской империи (1872-1917 гг.): дис. … д-ра ист. наук. Нижний Новгород: НИНГУ им. Н.И. Лобачевского, 2025. 605 с.

23. Кирьянова О.Г. Сохранение художественного наследия в музеях Русской Православной Церкви // Художественное наследие. Исследования. Реставрация. Хранение. Art Heritage. Research. Storage. Conservation. 2026. № 1. С. 42 – 47. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-hudozhestvennogo-naslediya-v-muzeyah-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi

24. Ковалева М.Д., Шипунова М.В. Комитет попечительства о русской иконописи (1901-1918): история и деятельность // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2014. № 17 (139). С. 70 – 80.

25. Манушина Т.Н., Николаева С.В., Шитова Л.А. Троице-Сергиева лавра и русские государи: реликвии и художественные сокровища. М.: Брейгель и Алекс, 2002. 240 с.; 153 цв. ил.

26. Немова О.В. Иконное дело Троице-Сергиевой лавры и холуйские иконописцы в последней трети XVIII века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2017. № 12(86). Ч. 4. С. 111 – 113.

27. Романенко Е.В. Иконописное собрание Ниловой пустыни // Словесность и история. 2025. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ikonopisnoe-sobranie-nilovoy-pustyni

28. Ткаченко В.А. Хозяйство Троице-Сергиевой Лавры на рубеже XIX-XX вв. // Труды по истории Троице-Сергиевой Лавры / Отв. ред. Т.Н. Макушина, сост. С.В. Николаев. Сергиев Посад: Подкова, 1998. С. 119 – 129.

29. Труевцева О.Н., Булгаева Г.Д. Паломнические реликвии Святой земли конца XIX – начала XX В. как объекты художественного наследия (по материалам собраний православных храмов и частных коллекций жителей Сибири) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2025. № 57. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/palomnicheskie-relikvii-svyatoy-zemli-kontsa-xix-nachala-hh-v-kak-obekty-hudozhestvennogo-naslediya-po-materialam-sobraniy

30. Черкашина Г.П. Иконописное дело Троице-Сергиевой Лавры 1764-1917 гг. (Общая характеристика деятельности иконописной мастерской) // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России: материалы международной конференции 29 сентября – 1 октября 1998 г. / Сост. Т.Н. Манушина, С.В Николаева. Сергиев Посад: Подкова, 2000. С. 369 – 384.

31. Черкашина Г.П. Иконы Троице-Сергиева монастыря – свидетели и участники военных событий XVIII – начала XX в. (к проблеме ассортимента иконописной мастерской Троице-Сергиева монастыря) // Троице-Сергиева Лавра в истории, культуре и духовной жизни России: Сборник материалов II Международной конференции. Сергиев Посад: Весь Сергиев Посад, 2002. С. 470 – 482.

32. Четырина Н.А. Иеромонах Арсений – первый исследователь истории Сергиевского Посада. Реконструкция биографии // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 102. С. 37 – 48; DOI: 10.15382/sturII2021102.37-48

33. Шитова Л.А. Живописная школа Троице-Сергиева монастыря в XVIII веке // Русская поздняя икона от XVII до начала XX столетия. Сборник статей / Ред.-сост. М.М. Красилин. М.: ГосНИИР, 2001. С. 87 – 99.

34. Шитова Л.А. Русские иконы в драгоценных окладах. Конец XVII – начало XX в. = Russian Icons in Precious Frameworks. Late 17th to Early 20th Centuries. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра; Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник; Продюсерский дом Айдис, 2005. 224 с.; 304 цв.ил.

References

1. Antonov D.I., Doronin D. Yu. Soviet icons and village shrines. Steps. 2023. No. 1. P. 320 – 332. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskie-ikony-i-derevenskie-svyatyni (date of access: 30.03.2026)

2. Antonov D.I. Foil icons of the 19th century: on the issue of masters' strategies. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary studies. Linguistics. Cultural studies. 2025. No. 4. P. 55 – 69. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/folgovye-ikony-xix-v-k-voprosu-o-strategiyah-masterov

3. Armeeva L.A. The icon-painting school of the Trinity Lavra of St. Sergius in the context of the revival of traditional icon painting: mid-18th – early 21st centuries: Diss. ... Cand. of Art History. Cherepovets: Cherepovets State University, 2013. 228 p.

4. Armeeva L.A. The icon-painting school within the walls of the Trinity Lavra of St. Sergius in the late 19th – early 20th centuries. Theological Bulletin. 2010. No. 11-12. P. 360 – 395

5. Armeeva L.A. The School of Icon Painting at the Trinity Lavra of St. Sergius in 1885-1918: An Attempt to Revive Traditional Icon Painting. Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series V: Questions of the History and Theory of Christian Art. 2011. Issue 2 (5). P. 193 – 206

6. Arseny [Lobovikov], Hieromonk. Historical Information on Icon Painting in the Trinity Lavra of St. Sergius. Collection for 1873, published by the Society of Old Russian Art at the Moscow Public Museum. Moscow: Universal Type, 1873. P. 119 – 133.

7. Valchak, D. How Did the Invention of the Printing Press Influence Russian Icon Painting? Printed Icons in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries. Studia Humanitatis. 2021. No. 2. URL: https://st-hum.ru/content/valchak-d-kak-izobretenie-pechatnoy-mashiny-povliyalo-na-russkuyu-ikonopis-pechatnye-ikony-v

8. Valchak D. "Pod Stariu: Forgery of Ancient Icons in Russia in the 19th – Early 20th Centuries". Studia Humanitatis. 2023. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pod-starinu-poddelka-drevnih-ikon-v-rossii-xix-nachala-xx-vv (date of access: 30.03.2026)

9. Vorontsova (Grigoryeva) L.D. Trinity Icon Painters and Their Attitude to Moscow. Journal of the Ministry of Public Education. New Series III. St. Petersburg, 1906. No. 5. P. 27 – 43.

10. Vorontsova, L.M. Icons of the Sergiev Posad Museum-Reserve. New Acquisitions and Restoration Discoveries. Album-Catalog. Sergiev Posad: Sergiev Posad State History and Art Museum-Reserve, 1996. 142 p.

11. Vorontsova, L.M., Shitova, L.A., Zaritskaya, O.I., St. Sergius of Radonezh in Works of Russian Art of the 15th–19th Centuries. Catalog. Moscow: Russar, 1992. 111 p.

12. Golubinsky, E.E. St. Sergius of Radonezh and the Trinity Lavra He Founded: A Life of St. Sergius and a Guide to the Lavra. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University, 1909. 465 p.

13. Golubtsov A.P. On the Beginning, Early Figures (1744-1759), and Direction of the Icon-Painting School of the Trinity Lavra of St. Sergius: [paper presented at the 10th Archaeological Congress in Riga]. Theological Herald. 1903. Vol. 2. No. 6 (June). P. 237 – 258 (2nd pagination).

14. Gubareva O.V. Icon as Art: Aesthetic Traditions of Russian Icon Painting and Contemporary Visual Culture. St. Petersburg: Argus St. Petersburg, 2022. 356 p., ill.

15. Davydov I.P., Sukhova M.S. Foil covers of the Bryansk work: towards a "material turn" in modern Russian religious studies. State, religion, church in Russia and abroad. 2024. No. 3. P. 249 – 272. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/folezhnye-oklady-bryanskoy-raboty-k-materialnomu-povorotu-v-sovremennom-rossiyskom-religiovedenii

16. Derviz V.D. On the issue of the economic situation of the former Trinity Lavra of St. Sergius: (Income and expenses of the Lavra for 1917). Sergiev: State. Sergiev. hist.-art. Museum, 1926. 40 p.

17. Doronin D. Yu. Mass Peasant Icons in Russia: History of Criticism and Semiotic Ideologies. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Criticism. Linguistics. Cultural Studies. 2024. No. 2. P. 35 – 60. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/massovaya-krestyanskaya-ikona-v-rossii-istoriya-kritiki-i-semioticheskie-ideologii

18. Doronin D. Yu. Shining Shrines: The Craft of Popular Icons and Their Affordances in the 19th–20th Centuries. State, Religion, and Church in Russia and Abroad. 2024. No. 3. P. 100 – 135. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/siyayuschie-svyatyni-promysel-rashozhey-ikony-i-ego-affordansy-v-xix-xx-vv

19. Zaritskaya O. Lithographic establishment of the Trinity Lavra of St. Sergius. Antiques, art objects and collectibles. 2005. No. 24. P. 20.

20. Zaritskaya O.I. Lithographic workshop of the Trinity Lavra of St. Sergius and its significance for the creative activity of the monastery in the 19th century. Trinity Lavra of St. Sergius in the history, culture and spiritual life of Russia: materials of the international conference, September 29 – October 1, 1998. Comp. T.N. Manushina, S.V. Nikolaeva. Sergiev Posad: Podkova, 2000. P. 412 – 428.

21. Zaritskaya, O.I. Series of lithographs “The Life and Miracles of St. Sergius of Radonezh” by the Trinity Lavra of St. Sergius workshop. Sergiev Posad Museum-Reserve. Communications of 2005. Moscow: Indrik, 2006. P. 240 – 251.

22. Kartashova M.V. Handicrafts and Their State Support in the Russian Empire (1872-1917): Dis. … Doctor of History. Nizhny Novgorod: NINGU named after N.I. Lobachevsky, 2025. 605 p.

23. Kiryanova O.G. Preservation of Artistic Heritage in Museums of the Russian Orthodox Church. Art Heritage. Research. Restoration. Storage. Art Heritage. Research. Storage. Conservation. 2026. No. 1. P. 42 – 47. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-hudozhestvennogo-naslediya-v-muzeyah-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi

24. Kovaleva M.D., Shipunova M.V. The Committee for the Guardianship of Russian Icon Painting (1901-1918): History and Activities. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies. 2014. No. 17 (139). P. 70 – 80.

25. Manushina T.N., Nikolaeva S.V., Shitova L.A. Trinity Lavra of St. Sergius and Russian Sovereigns: Relics and Artistic Treasures. Moscow: Bruegel and Alex, 2002. 240 p.; 153 color ill.

26. Nemova O.V. Icon Painting of the Trinity Lavra of St. Sergius and the Kholuy Icon Painters in the Last Third of the 18th Century. Historical, Philosophical, Political, and Legal Sciences, Cultural Studies, and Art Criticism. 2017. No. 12 (86). Part 4. P. 111 – 113.

27. Romanenko E.V. Icon Collection of the Nilov Hermitage. Literature and History. 2025. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ikonopisnoe-sobranie-nilovoy-pustyni

28. Tkachenko V.A. Economy of the Trinity Lavra of St. Sergius at the Turn of the 19th–20th Centuries. Works on the History of the Trinity Lavra of St. Sergius. Ed. T.N. Makushina, compiled by S.V. Nikolaev. Sergiev Posad: Podkova, 1998. P. 119 – 129.

29. Truevtseva O.N., Bulgaeva G.D. Pilgrimage Relics of the Holy Land of the Late 19th – Early 20th Centuries as Objects of Artistic Heritage (Based on Materials from Collections of Orthodox Churches and Private Collections of Siberian Residents). Vestn. Tomsk. state University. Cultural Studies and Art Criticism. 2025. No. 57. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/palomnicheskie-relikvii-svyatoy-zemli-kontsa-xix-nachala-hh-v-kak-obekty-hudozhestvennogo-naslediya-po-materialam-sobraniy

30. Cherkashina G.P. Icon Painting of the Trinity Lavra of St. Sergius in 1764-1917. (General characteristics of the icon-painting workshop activities). Trinity Lavra of St. Sergius in the history, culture, and spiritual life of Russia: Proceedings of the international conference, September 29 – October 1, 1998. Comp. T.N. Manushina, S.V. Nikolaeva. Sergiev Posad: Podkova, 2000. P. 369 – 384.

31. Cherkashina G.P. Icons of the Trinity Lavra of St. Sergius – witnesses and participants in the military events of the 18th – early 20th centuries (to the problem of the assortment of the icon-painting workshop of the Trinity Lavra of St. Sergius). Trinity Lavra of St. Sergius in the history, culture, and spiritual life of Russia: Collection of materials from the II International Conference. Sergiev Posad: Ves Sergiev Posad, 2002. P. 470 – 482.

32. Chetyrina N. A. Hieromonk Arseny – the first researcher of the history of Sergiev Posad. Reconstruction of the biography. Bulletin of PSTGU. Series II: History. History of the Russian Orthodox Church. 2021. Issue 102. Pp. 37–48; DOI: 10.15382/sturII2021102.37-48

33. Shitova, L.A. The painting school of the Trinity-Sergius Monastery in the 18th century. Russian late icon from the 17th to the early 20th century. Collection of articles. Ed. M.M. Krasilin. Moscow: GosNIIR, 2001. P. 87 – 99.

34. Shitova, L.A. Russian icons in precious settings. Late 17th – early 20th centuries. = Russian Icons in Precious Frameworks. Late 17th to Early 20th Centuries. Sergiev Posad: Holy Trinity Lavra of St. Sergius; Sergiev Posad State Historical and Art Museum-Reserve; Aidis Production House, 2005. 224 p.; 304 color ill.

Информация об авторе

Иванов А.А., Государственный университет просвещения, ivanov_artem_74@mail.ru

© Иванов А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(47).081
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-325-330

Противоречивая политика правительства Александра II в отношении евреев и обострение дискуссии по еврейскому вопросу в российском обществе во второй половине XIX века

[1] Чжао Цзиньнань,
[1] Центральный педагогический университет Китая, Китай

Аннотация: политика Александра II в еврейском вопросе не поддаётся однозначной оценке, поскольку в ней сочетались реформаторские меры и последующее усиление ограничительного курса. В первые годы правления были отменены наиболее жёсткие практики николаевского периода, расширены права отдельных категорий еврейского населения на проживание вне черты оседлости и доступ к образованию. Однако после польского восстания 1863 года, усиления националистической риторики и распространения антисемитских интерпретаций правительственная линия стала значительно более противоречивой. Цель статьи — выявить логику изменения политики Александра II в отношении евреев и показать, как непоследовательность власти усилила общественную дискуссию по еврейскому вопросу. Исследование опирается на историко-сравнительный анализ законодательства, публицистики, историографических работ и материалов, характеризующих общественные настроения второй половины XIX века. Показано, что александровская политика не была ни последовательно либеральной, ни последовательно ограничительной: её определяла логика дифференцированной полезности, при которой права предоставлялись отдельным группам и одновременно сохранялась система общих ограничений. Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать его результаты при изучении национальной политики Российской империи, истории российского еврейства и общественно-политической мысли XIX века.

Ключевые слова: Александр II, еврейский вопрос, еврейская политика, черта оседлости, антисемитизм, российское общество, интеллектуальная дискуссия

Для цитирования: *Чжао Цзиньнань Противоречивая политика правительства Александра II в отношении евреев и обострение дискуссии по еврейскому вопросу в российском обществе во второй половине XIX века // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 325 – 330. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-325-330*

Поступила в редакцию: 15 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

The contradictory policy of Alexander II's government towards the jews and the intensification of debate on the jewish question in Russian society in the second half of the 19th century

[1] *Zhao Jinnan,*
[1] *Central China Normal University, China*

Abstract: the Jewish policy of Alexander II cannot be characterised in a simple and linear way, since it combined reformist measures with a subsequent strengthening of restrictions. In the early years of his reign, the government abolished the most severe practices of the Nicholas I period, expanded the rights of some categories of Jews to live outside the Pale of Settlement, and opened broader access to education and professional activity. After the Polish uprising of 1863, the spread of nationalist rhetoric and the influence of antisemitic interpretations, the official course became more restrictive and inconsistent. The purpose of the article is to identify the logic of changes in Alexander II's policy towards Jews and to show how the inconsistency of the authorities intensified public debate on the Jewish question. The study is based on historical-comparative analysis of legislation, publicistic texts, historiography and materials reflecting public attitudes in the second half of the nineteenth century. The results show that the policy of Alexander II was neither consistently liberal nor consistently restrictive. It was shaped by the logic of differentiated usefulness, in which rights were granted to certain groups while general restrictions remained in force. The findings may be used in courses on the national policy of the Russian Empire, the history of Russian Jewry and nineteenth-century social thought.

Keywords: Alexander II, Jewish question, Jewish policy, Pale of Settlement, antisemitism, Russian society, intellectual debate

For citation: *Zhao Jinnan The contradictory policy of Alexander II's government towards the jews and the intensification of debate on the jewish question in Russian society in the second half of the 19th century. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 325 – 330. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-325-330*

The article was submitted: April 15, 2026; Approved after reviewing: May 13, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

Русско-еврейский вопрос второй половины XIX века не вписывается ни в схему последовательного освобождения, ни в представление о неизменном угнетении. Его специфика состояла в принципиальной нелинейности государственной политики. Александр II получил в наследство систему, при которой значительная часть еврейского населения проживала в черте оседлости, была ограничена в праве передвижения, образования и государственной службы, а рекрутская практика николаевского времени воспринималась как инструмент принудительной ассимиляции [12]. К середине XIX века численность евреев в Российской империи существенно возросла, что делало вопрос об их правовом положении не частной административной проблемой, а одним из заметных направлений национальной политики [3].

Реформаторский импульс первых лет царствования Александра II создавал впечатление, что власть готова пересмотреть прежние подходы. Однако либеральные меры 1850-1860-х годов не привели к формированию единого принципа равноправия. Они сочетали частичное расширение прав с сохранением сословных, конфессиональных и территориальных ограничений. Уже в 1860-1870-е годы этот курс стал меняться под влиянием политических кризисов, националистической мобилизации и антисемитской публицистики [8; 11].

Актуальность исследования определяется тем, что политика Александра II в отношении евреев позволяет увидеть более широкий механизм имперского управления национальными меньшинствами. Через еврейский вопрос проявлялось противоречие между модернизацией правового пространства и стремлением сохранить иерархическую структуру империи. Это противоречие активно обсуждалось в российском обществе, где еврейский вопрос постепенно превратился в предмет интеллектуальной, публицистической и политической полемики [7; 9].

Цель статьи – проследить изменение политики Александра II в отношении еврейского населения, выявить механизмы этих изменений и показать, каким образом правительственная непоследовательность стала условием для обострения дискуссий в российском обществе. Для достижения цели решаются следующие

задачи: охарактеризовать исходные ограничения, унаследованные от николаевской эпохи; проанализировать либеральные меры первых лет царствования Александра II; выявить факторы последующего ограничения прав; определить значение общественной дискуссии для понимания национальной политики Российской империи.

Материалы и методы исследований

Исследование выполнено в рамках историко-политического анализа национальной политики Российской империи. Источниковую базу составили законодательные и справочные материалы по правовому положению евреев, публицистические тексты XIX века, исторические исследования по русско-еврейской проблематике и труды, посвящённые политике Российской империи в отношении еврейского населения.

К первой группе материалов относятся справочные и нормативные публикации, позволяющие реконструировать правовые ограничения, действовавшие в отношении евреев. Особое значение имеет «Свод указаний о евреях», составленный Е. Б. Левиным, поскольку он отражает юридическую систематизацию ограничений и исключений, определявших практическое положение еврейского населения [5]. К этой же группе относятся материалы о положении евреев в России XIX века, важные для понимания общественного восприятия правительственных мер [4].

Ко второй группе относятся историографические работы, в которых политика Александра II рассматривается в длительной перспективе. Труды С. Барона, Г. Роггера, Дж. Клира, Дж. Франкела, М. Станиславского и С. Зипперштейна позволяют сопоставить российские решения с более широким контекстом имперской модернизации, национализма, еврейской общественной активности и городской истории [1; 8; 9]. Работы А.А. Гольденвейзера, Б.Ц. Динура и очерки под редакцией С. Эттингера дают возможность связать правовой, демографический и общинный аспекты проблемы [2; 3; 7].

Методологическую основу исследования составляют историко-сравнительный метод, проблемно-хронологический анализ, анализ правовых норм и историографическая интерпретация. Историко-сравнительный метод используется для сопоставления либеральных и ограничительных этапов политики. Проблемно-хронологический подход позволяет показать, как события 1860-1870-х годов изменяли содержание еврейского вопроса. Анализ правовых норм необходим для выявления расхождения между декларациями реформ и практикой ограничений. Историографический анализ позволяет определить, как различные исследователи объясняли причины непоследовательности александровского курса.

Результаты и обсуждения

Анализ показывает, что первые годы царствования Александра II действительно были связаны с расширением прав отдельных категорий еврейского населения. Одним из наиболее значимых шагов стала отмена практик, связанных с насильственным вовлечением еврейских детей в военную систему николаевского периода. Это решение имело не только административное, но и символическое значение, поскольку затрагивало наиболее болезненный элемент прежней политики [12]. В восприятии еврейской общины такие меры создавали надежду на дальнейшую интеграцию и постепенное ослабление черты оседлости [1].

Важным направлением либерального периода стало поэтапное расширение права на проживание вне черты оседлости. Право выхода за её пределы предоставлялось не всему еврейскому населению, а отдельным социально и профессионально определённым группам: купцам первой гильдии, лицам с высшим образованием, некоторым категориям ремесленников и торговцев. Такая политика свидетельствует о том, что правительство исходило не из принципа гражданского равенства, а из представления о государственной и хозяйственной полезности отдельных групп [2]. Именно эта логика стала одним из оснований дальнейшей непоследовательности.

Расширение доступа к образованию также имело двойственный характер. С одной стороны, университетское образование открывало части еврейской молодёжи путь к профессиональной и интеллектуальной интеграции. С другой стороны, образовательные права оставались зависимыми от места проживания, сословного положения и административных ограничений. Позднейшие нормы, зафиксированные в юридических сводах, показывают, что формально предоставленные возможности могли существенно сужаться в зависимости от правового статуса семьи и территории проживания [5].

Реакция еврейского населения на первые реформы была во многом позитивной. Публикации XIX века фиксируют благодарственные и лоялистские настроения, связанные с ожиданием дальнейшего смягчения режима [4]. Однако эти ожидания были завышенными. Государство не демонтировало систему исключений, а лишь перераспределило права внутри неё. В результате возникла сложная модель, в которой отдель-

ные евреи могли получать новые возможности, тогда как большинство населения сохраняло прежние ограничения.

Польское восстание 1863 года стало важным рубежом. После него реформы, затрагивавшие нерусские и неправославные группы, всё чаще воспринимались как потенциальный политический риск. Еврейское население, несмотря на отсутствие единой политической линии и значимого участия в восстании как общности, оказалось включено в логику подозрения. В этой ситуации усилилось значение антисемитской аргументации, которая изображала евреев как корпоративно замкнутую и потенциально нелояльную группу [8; 11].

Особую роль в изменении общественного климата сыграла антисемитская публицистика, в том числе тексты, представлявшие еврейское общинное самоуправление как скрытую систему власти. Подобные интерпретации были удобны для части бюрократии и общественных кругов, поскольку объясняли трудности интеграции не слабостью государственной политики, а якобы внутренней обособленностью евреев. В результате ответственность за противоречия реформ переносилась с государства на саму еврейскую общину [7; 10].

Ограничительный поворот проявился в военной, образовательной и административной сферах. После введения всеобщей воинской повинности евреи включались в систему обязанностей, но их продвижение по службе ограничивалось. Они могли нести тяготы военной службы, однако доступ к офицерским и ряду специализированных должностей блокировался. Это создавало характерную для имперской политики асимметрию: обязанности распространялись шире, чем права [2; 5].

Сходная логика проявлялась в сфере городского самоуправления и государственной службы. Формальное участие евреев в городских думах допускалось, но ограничивалось квотами. Доступ к ряду административных должностей также сужался. Подобные решения не отменяли интеграцию полностью, но делали её частичной, условной и зависимой от политической конъюнктуры. В этом смысле политика Александра II была не последовательной программой, а набором ситуативных мер, которые менялись под воздействием кризисов [7; 11].

Общественная дискуссия по еврейскому вопросу стала прямым следствием такой неопределённости. В российской интеллектуальной среде сформировались несколько направлений. Одни авторы видели в правовых ограничениях причину еврейской обособленности и настаивали на необходимости последовательного равноправия. Н. С. Лесков, несмотря на внутреннюю неоднозначность своей позиции, подчёркивал, что дискриминация не преодолевает замкнутость, а воспроизводит её [6]. Другие авторы, напротив, интерпретировали еврейское население как социальную и культурную угрозу, что усиливало аргументацию в пользу ограничений.

Третья линия дискуссии была связана с попыткой рассматривать еврейский вопрос как проблему имперской интеграции. В этой перспективе важным становился не только вопрос о евреях, но и вопрос о том, может ли Российская империя создать общее правовое пространство для разных этноконфессиональных групп. Исследования Дж. Франкела и Дж. Клира показывают, что именно во второй половине XIX века еврейский вопрос стал частью более широкой дискуссии о гражданстве, национальности, социализме, имперском праве и общественной мобилизации [9; 11].

Отдельное значение имели городские конфликты и насилие. Одесский погром 1871 года стал одним из заметных проявлений антисемитской мобилизации. Его нельзя рассматривать только как локальный эпизод: он показал, что неустойчивость государственной линии создавала пространство для общественной агрессии и для конкурирующих интерпретаций еврейского присутствия в городской среде [13]. Власть оказывалась неспособной одновременно гарантировать безопасность еврейского населения и сохранить поддержку националистически настроенных групп.

Таким образом, основным результатом исследования является вывод о внутренней противоречивости александровской политики. Она не была ни прямым продолжением николаевских практик, ни полноценной программой гражданской интеграции. Реформы расширяли возможности части еврейского населения, но не отменяли принцип исключительности. Последующие ограничения не уничтожали все результаты реформ, но показывали их непрочность. Именно это сочетание расширения и ограничения прав сделало еврейский вопрос одной из наиболее острых тем общественной мысли второй половины XIX века.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что политика Александра II в отношении еврейского населения имела внутренне противоречивый характер. В первые годы царствования были предприняты реальные шаги по смягчению наиболее жёстких ограничений: отменялись практики николаевского пе-

риода, расширялись права отдельных категорий евреев на проживание вне черты оседлости, образование и профессиональную деятельность. Однако эти меры не основывались на принципе равноправия, а предоставлялись избирательно, в зависимости от социальной, имущественной и профессиональной полезности конкретных групп.

Вторая половина 1860-х и 1870-е годы показали ограниченность либерального импульса. Политические кризисы, польское восстание, рост националистической риторики и распространение антисемитской публицистики способствовали усилению подозрительности по отношению к еврейскому населению. В результате расширение прав сменилось системой новых ограничений, особенно в военной, образовательной и административной сферах. Это не означало полного отказа от реформ, но делало их результаты нестабильными и зависимыми от политической ситуации.

Непоследовательность власти стала важным фактором общественной дискуссии. В условиях самодержавной системы, где воля монарха воспринималась как основной политический ориентир, отсутствие ясной линии стимулировало полемику в печати и интеллектуальной среде. Либеральные авторы связывали интеграцию с устранением правовой дискриминации; консервативные и националистические публицисты видели в евреях угрозу социальному порядку; более аналитически ориентированные исследователи рассматривали еврейский вопрос как частный случай более общей проблемы имперского гражданства.

Практическая значимость полученных выводов состоит в том, что они позволяют точнее понимать природу национальной политики Российской империи второй половины XIX века. Еврейский вопрос был не периферийным сюжетом, а показательным примером конфликта между модернизацией, сословно-конфессиональными ограничениями и националистической легитимацией власти. Перспективы дальнейших исследований связаны с сопоставлением еврейской политики Александра II с политикой в отношении других национальных и конфессиональных меньшинств Российской империи.

Список источников

1. Baron S.W. The Russian Jew under Tsars and Soviets. New York: Schocken Books, 1987. 496 с.
2. Гольденвейзер А.А. Правовое положение евреев в России // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. М.: Мосты культуры, 2002. С. 115 – 158.
3. Динур Б.Ц. Религиозно-национальный облик русского еврейства // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. М.: Мосты культуры, 2002. С. 315 – 326.
4. Евреи в России: XIX век. М., 1883. 420 с.
5. Левин Е.Б. (сост.) Свод указаний о евреях. М., 1885. 612 с.
6. Лесков Н.С. Еврей в России: несколько замечаний по еврейскому вопросу. М., 1883. 110 с.
7. Очерки истории еврейского народа / под ред. С. Эттингера. М.: Мир, 1994. 680 с.
8. Rogger H. Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia. Berkeley: University of California Press, 1986. 289 с.
9. Frankel J. Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism, and the Russian Jews, 1862-1917. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 708 p.
10. Klier J.D. Russia Gathers Her Jews: The Origins of the «Jewish Question» in Russia, 1772-1825. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1986. 236 p.
11. Klier J.D. Imperial Russia's Jewish Question, 1855-1881. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 512 с.
12. Stanislawski M. Tsar Nicholas I and the Jews: The Transformation of Jewish Society in Russia, 1825-1855. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1983. 246 с.
13. Zipperstein S.J. The Jews of Odessa: A Cultural History, 1794-1881. Stanford: Stanford University Press, 1985. 212 с.

References

1. Baron S.W. The Russian Jew under Tsars and Soviets. New York: Schocken Books, 1987. 496 p.
2. Goldenweiser A.A. Legal Status of Jews in Russia. A Book on Russian Jewry from the 1860s to the Revolution of 1917. Moscow: Mosty Kultury, 2002. P. 115–158.
3. Dinur B.Ts. The Religious and National Image of Russian Jewry. A Book on Russian Jewry from the 1860s to the Revolution of 1917. Moscow: Mosty Kultury, 2002. pp. 315–326.
4. Jews in Russia: the 19th Century. Moscow, 1883. 420 p.
5. Levin E.B. (compiled) A Collection of Instructions on Jews. Moscow, 1885. 612 p.
6. Leskov N.S. The Jew in Russia: Some Observations on the Jewish Question. Moscow, 1883. 110 p.

7. Essays on the History of the Jewish People. edited by S. Ettinger. Moscow: Mir, 1994. 680 p.
8. Rogger H. Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia. Berkeley: University of California Press, 1986. 289 p.
9. Frankel J. Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism, and the Russian Jews, 1862-1917. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 708 p.
10. Klier J.D. Russia Gathers Her Jews: The Origins of the "Jewish Question" in Russia, 1772-1825. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1986. 236 p.
11. Klier J.D. Imperial Russia's Jewish Question, 1855-1881. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 512 pp.
12. Stanislawski M. Tsar Nicholas I and the Jews: The Transformation of Jewish Society in Russia, 1825-1855. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1983. 246 pp.
13. Zipperstein S.J. The Jews of Odessa: A Cultural History, 1794-1881. Stanford: Stanford University Press, 1985. 212 pp.

Информация об авторе

Чжао Цзиньнань, аспирант, Центральный педагогический университет Китая, Ухань, Китай, zjinnan0@gmail.com

© Чжао Цзиньнань, 2026

Научно-исследовательский журнал «**Исторический бюллетень / Historical Bulletin**»
https://hb-journal.ru
2026, Том 9, № 4 / 2026, Vol. 9, Iss. 4 https:// hb-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
УДК (94(485).06 : 327(44))
DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-331-345

Французские субсидии и французское политическое влияние в Швеции в первой половине XVIII века и до конца Семилетней войны

[1, 2] Хуснутдинов М.И.,
[1] Санкт-Петербургский государственный университет,
[2] Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины

Аннотация: в статье рассматривается роль французских денежных субсидий как ключевого инструмента внешнеполитического влияния Версаля на Стокгольм в период с начала XVIII века до окончания Семилетней войны (1763). Автор анализирует эволюцию франко-шведского союза от эпохи Людовика XIV через посредничество Франции при заключении Ништадтского мира 1721 года и присоединение Швеции к Ганноверскому союзу 1727 года к договору 1738 года, обеспечившему Стокгольму финансовую поддержку для войны против России 1741-1743 годов. Особое внимание уделяется финансово-политическому механизму воздействия французской дипломатии на внутриполитическую жизнь Швеции эпохи «эры свобод», в частности на противоборство партий «шляп» и «колпаков», а также на формирование пророссийской и профранцузской ориентаций в риксдаге. В работе реконструируется специфика франко-шведских отношений в годы Семилетней войны: длительные переговоры о вступлении Швеции в антипрусскую коалицию, ход Померанской кампании 1757–1762 годов, а также устойчивое недоверие шведского командования к российскому союзнику. Делается вывод о том, что политика субсидий в Швеции отражала внутреннюю противоречивость Восточного барьера, вынужденной одновременно поддерживать антипрусский фронт и реагировать на усиление Российской империи в Балтийском регионе.

Ключевые слова: Французские субсидии, Восточный барьер, Швеция, эра свобод, партия «шляп», франко-шведский союз, Семилетняя война, Померанская кампания, франко-русские отношения

Для цитирования: *Хуснутдинов М.И. Французские субсидии и французское политическое влияние в Швеции в первой половине XVIII века и до конца Семилетней войны // Исторический бюллетень. 2026. Том 9. № 4. С. 331 – 345. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-331-345*

Поступила в редакцию: 16 апреля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 мая, 2026 г.; Принята к публикации: 15 июня 2026 г.

French subsidies and French political influence in Sweden in the first half of the 18th century and until the end of the Seven Years' War

[1,2] Khusnutdinov M.I.,
[1] St. Petersburg State University,
[2] St. Petersburg State University of Veterinary Medicine

Abstract: the article examines the role of French monetary subsidies as a key instrument of Versailles' foreign policy influence on Stockholm from the beginning of the 18th century until the end of the Seven Years' War (1763). The author analyses the evolution of the Franco-Swedish alliance from the era of Louis XIV through France's mediation in the conclusion of the Treaty of Nystad of 1721 and Sweden's accession to the Hanover Alli-

ance of 1727 to the treaty of 1738, which provided Stockholm with financial support for the war against Russia of 1741–1743. Particular attention is given to the financial and political mechanism by which French diplomacy exerted influence on the domestic politics of Sweden during the Age of Liberty, specifically on the rivalry between the Hats and the Caps parties, as well as on the formation of pro-Russian and pro-French orientations within the Riksdag. The study reconstructs the specific features of Franco-Swedish relations during the Seven Years' War: the protracted negotiations concerning Sweden's entry into the anti-Prussian coalition, the course of the Pomeranian campaign of 1757–1762, and the persistent distrust of the Swedish command towards its Russian ally. The author concludes that the policy of subsidies in Sweden reflected the inherent contradictions of the Eastern Barrier doctrine, which was compelled simultaneously to sustain the anti-Prussian front and to restrain the growing power of the Russian Empire in the Baltic region.

Keywords: French subsidies, Eastern Barrier, Sweden, Age of Liberty, Hats Party, Franco-Swedish alliance, Seven Years' War, Pomeranian campaign, Franco-Russian relations

For citation: *Khusnutdinov M.I. French subsidies and French political influence in Sweden in the first half of the 18th century and until the end of the Seven Years' War. Historical Bulletin. 2026. 9 (4). P. 331 – 345. DOI:10.58224/2658-5685-2026-9-4-331-345*

The article was submitted: April 16, 2026; Approved after reviewing: May 14, 2026; Accepted for publication: June 15, 2026.

Введение

В течение XVIII века Швеция получала субсидии от Франции в течение двух более длительных и трех более коротких периодов. Два более длительных периода пришлись на период с 1739 по 1766 год, когда у власти была партия Шляп, и на период с 1772 по 1789 год, когда закончилась Эпоха свободы и при поддержке Франции, была восстановлена абсолютистская королевская власть [17, с. 42].

Цель данного исследования оценить эффективность и значение французского субсидирования для реализации планов Франции на севере Европы, а также определить, насколько финансовая зависимость Швеции влияла на её военную автономию и достижение её собственных национальных интересов в ходе конфликта. Предмет данного исследования механизмы, условия и роль французских денежных субсидий как финансового и дипломатического инструмента, с помощью которого Версаль вовлекал Швецию в войну против Пруссии и направлял военные усилиям Стокгольма. Объект данного исследования внешняя политика и дипломатия Франции и Швеции в период Семилетней войны (1756-1763 гг.), а также система межгосударственных союзнических обязательств того времени.

Когда Швеция присоединилась Ганноверскому союзу в 1727 году, в секретных статьях договора было предусмотрено, что Франция и Великобритания будут выплачивать 50 000 фунтов стерлингов (около 220 000 риксдалеров) в год в обмен на предоставление Швецией 7000 пехотинцев и 3000 кавалеристов в случае необходимости [13].

В 1730-х годах Швеция была вновь втянута в европейскую высокую политику, отчасти из-за того, что Великобритания фактически разорвала Ганноверский союз в 1731 году, заключив соглашение с Австрией, которое значительно изменило баланс сил, а отчасти из-за того, что в Речи Посполитой вновь назревали выборы.

Говоря о субсидиях, невозможно не привести пример, Великобритании, которая также, как и Франция часто предоставляла субсидии другим странам. В частности, в классической работе Джона Брюэра, «Нити власти: Война, деньги и английское государство, 1688-1783», автор касается этого сюжета субсидий. Если в общем говорить о работе, то следует подчеркнуть, что Брюэр объясняет, как Великобритания смогла позволить себе огромные выплаты союзникам благодаря созданию эффективной системы налогообложения и государственного долга. Роль субсидий для Лондона мы можем подчеркнуть у Брюэра. Он пишет, что во всех крупных войнах XVIII века правительство тратило значительные суммы на субсидирование других войск, которые сражались от его имени. Во время Войны за испанское наследство более 7 миллионов фунтов стерлингов, или почти 25 процентов всех средств, выделенных на нужды армии, было выделено на иностранные субсидии [5, с. 25].

В ходе исследования важным методом стал системный метод. Он позволил изучать шведско-французские отношения как часть Восточного барьера Франции. Историко-генетический метод в рамках исследования отслеживание динамики изменения объемов субсидий и их политических условий. Сравнительный метод позволил сравнить позиции профранцузской партии шляп и пророссийской/проанглийской партии колпаков. Статистический метод – расчет доли французского золота в государственном бюджете Швеции.

Материалы и методы исследований

В ходе исследования важным методом стал системный метод. Он позволил изучать шведско-французские отношения как часть Восточного барьера Франции. Историко-генетический метод в рамках исследования отслеживание динамики изменения объемов субсидий и их политических условий. Сравнительный метод позволил сравнить позиции профранцузской партии шляп и пророссийской/проанглийской партии колпаков. Статистический метод – расчет доли французского золота в государственном бюджете Швеции.

Результаты и обсуждения

Колониальная война также не вытеснила европейскую борьбу в качестве приоритета для тех, кто определял британскую внешнюю политику. Во время войн Британия была активно вовлечена в военные действия на континенте. Брюэр уточняет политика Картерета 1740-х годов, которая привела в Европу значительную британскую армию впервые со времен войны за испанское наследство, вряд ли могла носить более континентальный характер [5, с. 141]. Джон Картерет, лорд Картерет, с 1744 года, 2-й граф Гренвилл. В 1742 году Картерет был назначен государственным секретарём Северного департамента (министром иностранных дел) и во время войны за австрийское наследство был главным руководителем британской политики и неформальным главой правительства, которое вошло в историю как Кабинет графа Картерета. Его податливость ганноверской политике Георга сделала его непопулярным; он вышел из кабинета, сохранив расположение короля, который назначил его президентом Тайного совета. Это было частью его грандиозного, но безуспешного замысла сделать Британию арбитром в Европе.

Характерная стратегия британцев состояла в том, чтобы занять в основном оборонительную позицию против основных сил противника и полагаться на союзы, комбинированные операции и экономическое давление для достижения удовлетворительного результата. Весь этот подход пронизывало ощущение длительной борьбы, в которой экономически эффективная стратегия и неослабевающий коммерческий и производственный потенциал в итоге помогли бы Британии победить. Не было никакой концепции подавления Франции на суше или даже постоянного ослабления ее в военном отношении, за исключением, возможно, экономического давления [4].

Швеция и Речь Посполитая были связаны политикой Восточного барьера, который формировался Францией. Андре-Эркюль де Флёри находясь на посту Первого министра Франции в 1726-1743 (и фактического правителя страны) пытался укрепить Восточный барьер [2, с. 96].

Французы вынашивали идею франко-шведского союза в противовес Англии, в то время как обе страны были заинтересованы в дальнейшей судьбе польской короны, и кто станет преемником Августа II Сильного, умершего в 1733 году. Оба государства поддерживали Станислава Лещинского, который правил Польшей как шведская марионетка между 1704 и 1709 годами.

Шведы надеялись, что, если он взойдет на трон, они получат больший контроль над своим крупнейшим соседом на юге. Для Франции это тоже был вопрос контроля, как и всегда, но теперь это в равной степени стало вопросом чести. Лещинский был тестем Людовика XV, отцом королевы Марии, и как для ее престижа, так и для престижа династии Бурбонов было бы лучше, если бы ее отец смог вернуть себе утраченный трон [23]. Для Франции это был также вопрос создания Восточного барьера против России путем заключения союзов с Османской империей, Польшей и Швецией, одновременно препятствуя усилению влияния Священной Римской империи.

В 1734-1735 годах, когда проходили переговоры, после изначального успеха франко-сардинских войск Австрии удалось переломить ход кампании в Северной Италии, что вызвало беспокойство в Версале. В этот период французские политики активно пытались склонить шведов к более активному вмешательству в Войну за польское наследство, которая уже переросла в открытое противостояние. План состоял в том, что Швеция и Франция окажут Станиславу Лещинскому военную поддержку, но из этого ничего не вышло, поскольку у Швеции не было ресурсов, необходимых для силового вмешательства. Французские Бурбоны сосредоточила свои силы в долине Рейна и северной Италии для борьбы с Габсбургами, в то время как Испанские Бурбоны боролись против Габсбургов в Неаполе и Сицилии, а сторонники Станислава Лещинского оставались практически наедине с русской армией [2, с. 147-148].

Швеция проявляла нерешительность, поскольку её политическая элита была расколота по вопросу внешней политики. В то время как одна группа выступала за укрепление связей с Францией, другая была обеспокоена возможным негативным восприятием в России и выступала за политику, которая не будет провоцировать их российских соседей. В какой-то степени французское лоббирование было успешным,

поскольку в 1735 году был заключён договор о субсидиях. Однако из-за колебаний шведов и общего нежелания ставить под угрозу мир с Россией Людовик XV отказался его ратифицировать.

В 1738 году, когда Война за польское наследство закончилась и Станислав Лещинский, будучи избранным во второй раз, был вынужден отречься от престола, был подписан франко-шведский договор о дружбе сроком на десять лет (с возможностью продления), который гарантировал Швеции субсидии в размере 450 000 экю/риксдалеров в год в течение трех лет.

Необходимо отметить, что для шведского правительства было важно держаться союза с Францией, в надежде вернуть, утраченные по итогам Северной войны (1700-1721), владения. Они были уверены в том, что Россия находилась в состоянии войны с Османской империей в 1735-1739 годах. Французы опасались, что очередная русско-турецкая война закончится, и Швеция окажется в опасности, поскольку Россия обратит свой взор на запад. Существовало также подозрение, вероятно, необоснованное, что Британия также собиралась предложить Швеции субсидии. Французы опасались, что очередная русско-турецкая война закончится, и Швеция окажется в опасности, поскольку Россия обратит свой взор на запад. Существовало также подозрение, вероятно, необоснованное, что Британия также собиралась предложить Швеции субсидии. Единственное, в чем можно было быть уверенным, так это в том, что Швеция нуждалась в финансовой поддержке, и именно ее Франция должным образом предложила. Заключенный союз требовал, чтобы ни одна из сторон не вступала в союз с другой страной без согласия другой стороны [13]. На самом деле это считалось менее обязательным для Франции, чем для Швеции, как признавал Секретный комитет при парламенте, который курировал внешнюю политику [15, с. 280]. Таким образом, Швеция была связана с Францией на десять лет вперед.

Если это и не самый длительный период, когда одна страна предоставляла субсидии другой стране, то, безусловно, одна из самых продолжительных серий субсидий в истории Европы [17, с. 44]. Это был новый уровень детализации, которого не было в предыдущих договорах. Сумма, которую Франция должна была выплачивать, составляла 133 333 экю в год [17].

Договор 1738 года оказался решающим в русско-шведской 1738-1743 войне. Однако надежды на слабость русской армии или нерешительность русского правительства оказались несбыточными. Попытки Версаля нанести двойной удар по России со стороны Швеции и Османской империей обернулись неудачей. Русские войска под командованием генерал-фельдмаршала Миниха в сражении под Ставучанами 17 (28) августа 1739 наголову разгромили большую османскую армию, что привело к сдаче и отступлению гарнизона Хотина. В то же время поражения австрийской армии серьезно омрачили ситуацию. В итоге Россия сохранила за собой Азов и Таганрог без крепостей [1, с. 28].

Несмотря на не очень удачный мир, России удалось завершить конфликт. Война России со Швецией в 1741-1743 гг., привела к поражению последней. Влияние французской дипломатии и связи маркиза де ла Шатерди с «Патриотической партии» и Елизаветой Петровной не привели к желаемым результатам. Версалю не удалось склонить новое правительство Елизаветы Петровны на мир в пользу Швеции и действовать в фарватере Франции.

Подводя итог, Швеция внезапно оказалась совершенно без союзников в войне со всей мощью России и вооружалась только на французские субсидии. По договору в Або в 1743 году Швеция потеряла часть Финляндии и была вынуждена признать, что Россия будет диктовать, кто станет наследником шведской короны. И по настоянию Елизаветы Петровны ее племянник Адольф Фридрих Гольштейн-Готторпский был выбран в качестве наследника бездетного вдовца Фредрика. В частности, в тексте договора особым образом прописывалось, что Его Величество король Швеции этим еще раз подтверждает, как для него самого, так и для наследников престола и Королевства Швеции, что для Ея Императорского Величества Елизаветы, а также для наследников престола и Российской империи, владения переданные в 1721 году по соответствующей статье договора, которое были переданы России Королевством Швеция остаются переданными в безотзывное владение [25].

Последующие годы не изобилуют новыми договоренностями Швеции и Франции. В 1749 г. маркиз де Ланмари умирает, и Версаль немедленно назначает нового посла Луи де Кардевака д'Авринкура. Первую инструкцию, полученную послом в 1749 г., можно назвать в большей степени формальной, она не содержала явных политических целей и ограничивалась осторожными рекомендациями поддержки отношений со всеми послами.

Произошедшая так называемая дипломатическая революция 1756 года, изменившая прежние отношения между крупнейшими европейскими державами: Великобритания и Пруссия заключили союз, который убедил заклятых врагов Францию и Австрию сначала сблизиться, а затем заключить свой собственный союз, в который позже вошла Россия.

В августе 1756 произошло нападение Пруссии на Саксонию и это вызвало активизацию дипломатической деятельности при дворах Европы. Вена пыталась укрепить свои позиции внутри Священной Римский империи против Пруссии. Поскольку шведская Померания была номинально частью Священной Римской империей австрийцы предложили шведам присоединиться к войне против Пруссии.

Следует проанализировать то, как непосредственно Великобритания осуществляла субсидирование других стран. Одной из стран, которые получала субсидии Великобритании XVIII века, была Швеция. Говоря, о англо-шведских отношениях, следует упомянуть, что к 1756, началу Семилетней войны, в Стокгольме уже в 8 лет не было постоянного дипломатического представителя. Лондон довольствовался временно поверенным в делах.

Через год или два после восшествия Адольфа Фредрика (годы правления 1751-1771) на престол отношения между королем и министрами стали невыносимо напряженными. В 1756 году разразился жестокий кризис: монархию обвинили в подготовке государственного переворота; восемь ее сторонников были отправлены на эшафот; король и королева были лично унижены и могли считать, что им повезло избежать низложения; власть короны еще больше ослабла. Теперь шляпы могли выступать в роли спасителей национальных свобод; остатки «старых колпаков», чья репутация едва восстановилась после их компрометирующих связей с Россией, вновь оказались заклейменными как союзники тех, кто стремился подорвать конституцию, – обвинение гораздо менее весомое, чем предыдущее. Теперь они представляли собой дезорганизованные остатки, измученные судебными исками и, конечно же, неспособные обеспечить Англии надежную опору в Швеции, даже если бы такая опора была желанной. Министры в Лондоне могли поздравить себя с тем, что они вежливо отклонили срочный призыв о финансовой помощи, который Луиза Ульрика направила им через ван Мартевиля накануне попытки государственного переворота [14].

Какие же тогда отношения были у Англии со Швецией на следующий день после кризиса 1756 года? Дипломатическая революция и начало войны в Европе, безусловно, изменили ситуацию. Англии больше не нужно было беспокоиться о возможности нападения Швеции на Россию, как это было в 1741 году, поскольку Швеция и Россия теперь были в союзе с Францией: таким образом, отпала одна из причин британского вмешательства в Стокгольме. Но соображения аналогичного рода теперь относились и к новому союзнику Англии, Пруссии. Безусловно, в интересах Великобритании было защитить Фридриха от удара в спину со стороны шведской Померании, и к началу августа 1757 года британское правительство располагало определенной информацией о готовящемся нападении Швеции на Пруссию. Лорду Холдернессу пришло в голову, что, возможно, еще можно было бы предотвратить это, если бы в Стокгольм немедленно отправили министра, британском дипломате Холдернессе, можно почитать, например Шуманна. Его посланник должен был прибыть как частное лицо, с инструкциями сообщить, что он аккредитован, только в том случае, если окажется, что шведы будут готовы его принять. Для этой деликатной миссии Холдернесс выбрал некоего подполковника Роберта Кэмпбелла [14, с. 10]. Кэмпбелл не имел дипломатического опыта, но у него был отец, который жил в Швеции и у которого можно было найти предлог для визита; он сам родился в этой стране и провел там часть своей юности; его сестра была фавориткой Луизы Ульрики, и Холдернесс, похоже, рассчитывал на то, что она приедет. влияние королевы обеспечило Кэмпбеллу прием. 16 августа 1757 года Кэмпбелл получил инструкции; 8 сентября он прибыл в Стокгольм; незадолго до Рождества он отбыл, так и не рискнув предъявить свои верительные грамоты; 27 февраля он вернулся в Лондон. Его миссия потерпела фиаско. Если бы Кэмпбелл подал свои верительные грамоты, ему было бы отказано на том основании, что и он сам, и его отец были шведскими подданными. Однако достоверность этого утверждения была под сомнением, и это, безусловно, было лишь предлогом.

Теперь Хёпкен сказал Карлу он Гедде, что, по его мнению, все это предприятие было интригой королевы, которая хотела, чтобы английский посланник находился в Стокгольме для ее собственных гнусных целей. Таким образом, Холдернессу удалось произвести именно такое впечатление, которого ему следовало всячески избегать. Он скомпрометировал свои цели, связав их с единственным человеком в Швеции, чья добрая воля была порочащей в глазах шведского министерства; он поставил свою страну в положение, когда она должна была принять чью-либо сторону в семейной ссоре, которая ее не касалась; и он относился к своим шведским агентам с небрежностью, которая вряд ли могла побудить их к усердию на службе. Что касается прекращения войны, Кэмпбелл не пробыл в Швеции и двух недель, как начались военные действия в Померании.

Стоит упомянуть о той роли, которую Карл Гедда играл в дипломатической и разведывательной практике Великобритании. Гедда был младшим сыном бывшего шведского дипломата Николаса фон Гедды, который в тот момент жил на пенсии в Англии. Карл фон Гедда вращался в высшем обществе Стокгольма, но всегда был беден. Он стремился найти постоянную дипломатическую работу, не важно, в какой стране,

своей или чужой. Опыт показал, что он был трудолюбивым, умным и достаточно благоразумным пенсионером. В общем, он обладал всеми качествами, которые могли бы быть полезны британскому секретному агенту [14, с. 5].

Гайдикенс завербовал его еще в 1746 году, а когда он два года спустя покинул Швецию, рекомендовал оставить его на службе на постоянной основе. Подполковник Мельхиор Гай Диккенс (1696-1775) был британским дипломатом в Пруссии и Швеции и послом в России [9]. Рекомендация была принята: Карла фон Гедде снабдили шифром, дали убедительный английский псевдоним «Уилкинсон» и пообещали ежегодное жалованье в размере 200 фунтов стерлингов, которое выплачивалось по каналам связи сменявшим друг друга голландским министрам в Швеции, которые также любезно взяли на себя заботу о переписке Гедды. Один из этих голландских министров, ван Мартевиль, был гораздо большим, чем просто казначей и почтмейстер. Дело в том, что ван Мартевиль вмешивался в шведскую политику; он сам был платным агентом британского правительства и в обмен на свою пенсию отправлял отчеты в Лондон за свой счет. Это яркий пример того, как британское правительство вербовало приближенных к государственным и дипломатическим кругам в Швеции.

Тем не менее, у Британии все еще, может быть, возможность оказать добрые услуги прусскому королю в Стокгольме. Английский министр мог бы убедить шведов передумать и отменить кампанию. Он мог бы предоставить им удобный канал для установления мира, если бы война закончилась для них неудачно. Фридриху, безусловно, было бы полезно иметь надежного наблюдателя в Стокгольме, который мог бы сообщать о передвижениях шведских войск, предоставлять информацию о состоянии шведских финансов, фиксировать любые возможные изменения к лучшему в политическом климате и обеспечивать дополнительную связь между ним и Луизой Ульрикой. При существующем состоянии англо-прусского союза стоило попробовать все, что могло бы послужить смягчающим средством, поскольку отношения между двумя странами стали крайне напряженными. Фридрих потребовал английских подкреплений в Германии, и Питт отказался предоставить военно-морскую эскадру на Балтике, в свою очередь Фридрих отказывался подписывать, обязывающую его не заключать сепаратный мир; Питт настаивал на том, что это должно быть платой за британские субсидии, и подозревал (совершенно ошибочно), что сэр Эндрю Митчелл, его отец. министр в Берлине поощрял непримиримость Фридриха. Поэтому он решил направить специального посланника в Берлин в надежде образумить Фридриха.

Таким образом, в Лондон поступало множество информации о состоянии шведской политики – возможно, даже больше, чем британские министры имели время или желание переварить, – хотя не все источники были надежными. Гедда, безусловно, был одним из лучших [10]. Он предоставил огромное количество материалов, многие из которых обладали неоспоримым преимуществом – точностью изложения. Чтобы получить эти сведения, он выдавал себя за преданного сторонника французской системы внешней политики. И, вероятно, сыграл свою роль весьма убедительно, поскольку без труда добивался доступа к министрам и дипломатам, которые, казалось, свободно делились с ним своими мыслями. Более того, на каждом заседании сейма он составлял и отправлял в Лондон обширный «Журнал парламента», в котором изо дня в день публиковались отчеты о парламентских заседаниях и краткое изложение дебатов.

После того, как отношения Англии и Франции ухудшались снова в 1731 году, основной интерес Англии в Швеции заключался в том, чтобы не допустить превращения этой страны в сателлита Франции; и в конце 1730-х и начале 1740-х годов Стокгольм был одним из второстепенных дипломатических полей сражений в многолетней борьбе между двумя странами. Враги Арвида Хорна, подающие надежды молодые политики, которые должны были основать партию Шляп на руинах системы Хорна, обратились за помощью к Франции и одержали победу благодаря французским деньгам. Поэтому было вполне естественно, что их противники, побежденные в 1739 году, которые со временем также были вынуждены объединиться в партию – партию кэпов – обратились за помощью к врагу Франции, Англии: ориентация, которая была для них менее трудной после дружбы с Англией, это было важным элементом государственной деятельности Хорна.

Следует, однако, вернуться к вопросу о вступлении войны, надо сказать, что осенью 1756 года Государственный совет Швеции отреагировал на эти просьбы с большой осторожностью. Было очевидно, что он стремится избежать принятия какой-либо определенной позиции в этом конфликте. Эти нейтральные заявления соответствовали как инструкции, данной совету влиятельным секретным комитетом сейма в конце собрания сословий в 1755-1766 годах, так и соглашению о вооруженном нейтралитете, подписанному между Данией и Швецией в июле того же года. Однако инструкция секретного комитета также включала раздел об использовании преимуществ существующей и будущей международной конъюнктуры для укрепления чести, роста и интересов королевства. Этот раздел был довольно расплывчатым, но он предоставил со-

вету некоторую политическую маневренность и открыл возможность для более активного участия в дипломатических переговорах после нападения Пруссии на Саксонию.

Тем не менее, не французское правительство первым обратилось к Швеции с просьбой занять более активную и антипрусскую позицию в конфликте с Пруссией. Вместо этого именно Венский двор в октябре 1756 года обратился к Франции и Швеции с просьбой выполнить свою роль гарантов Вестфальского мира и восстановить порядок в Священной Римской империи после нападения Пруссии. Что в целом соответствовало французской дипломатии, мы можем сделать такой вывод исходя из последующей инструкции от 1757 года. В ней говорится о торжественном заявлении шведской и французской короны перед имперским рейхстагом. В ней подчеркивается, что Швеция и Франция подтверждают свой статус гарантов Вестфальских договоров. Подобный шаг по мнению Версаля должен успокоить Германию, избавить от опасений и объединения протестантов в Германии против католиков. Французская и шведская стороны стремились вдохновить государства Империи обеспечить государствам, захваченным королем Пруссии, возмещение, соразмерное понесенному ими ущербу [12, с. 383-383]. В этом отношении роль Швеции больше была политической и дипломатической нежели военной, в то же время противопоставляется политика полного нейтралитета и заявлениями Швеции в Регенсбурге. Очень важно, что Швеция была протестантским (лютеранским если быть точнее) государством. Таким образом, «католические гиганты Европы» – Австрийская и французские монархии давали понять протестантам, что их назревающий союз не угроза протестантам Европы (Германии в первую очередь), наоборот исходя из Вестфальских договоров, Вена, Версаль и Стокгольм стремятся «восстановить спокойствие и мир» и остановить агрессора – короля Пруссии.

Однако главный вопрос об активном участии Швеции в коалиции против Пруссии так и не был решен. В апреле 1757 года Швеция получила от Франции новую просьбу поддержать декларацию военными средствами. Эта просьба вызвала длительные дебаты в совете. Все члены совета согласились с тем, что армия должна быть готова к войне и что войска должны быть отправлены в Шведскую Померанию, но возникли разногласия по поводу численности войскового контингента, сроков отправки войск и того, что они должны делать по прибытии [26]. Необходимо отметить, что в уже упоминаемой нами инструкции к французскому послу в Стокгольме несмотря на (пока) довольствование Версалем заявлениями Швеции, осуждающими действия Пруссии, французская сторона уже рассматривала шведское военное вмешательство. намекалось на возможность присоединения Швеции к войне против Пруссии. В этой связи интересно то, что присутствует в инструкции к послу «…долг, уважение и дружба должны побуждать Швецию поддерживать усилия объединённых армий, политика и интересы требуют от неё ещё большего, если это возможно. И посол короля будет хорошо осведомлён об этом…» – исходя их этого, мы можем сказать, что Версаль планировал вступление в конфликт Швеции [12, с. 386]. Вкратце описывался план военных действий, которые Швеция могла предпринять. Говорилось о том, что Швеции может быть передана вся Померания. И что это зависит от того, насколько успешным будет штурм Штеттина.

В это же время в Государственном совете Швеции, а точнее в его Секретном комитете развернулись переговоры. Инструкция секретного комитета включала раздел об использовании преимуществ существующей и будущей международной конъюнктуры в целях содействия чести, развития и интересов королевства. Этот раздел был довольно расплывчатым, но он предоставил совету некоторую политическую маневренность и открыл возможность для более активного участия в дипломатических переговорах после нападения Пруссии на Саксонию. Указание на то, что, например, глава канцелярии и ведущий член совета Андерс Йохан фон Хёпкен хотели проводить более активную политику, можно увидеть в инструкции, которая была дана послу Швеции во Франции, Ульрику Схефферу.

Фон Хёпкен в то же время пытался смягчить настойчивость части представителей секретного комитета, заявив, что такие агрессивные требования встревожат не только Пруссию, но и Данию и Россию. Вместо этого следует приказать шведскому послу в Париже попытаться неофициально убедить французский двор в важности поддержки восстановления позиций Швеции в Германии. Одновременно послу следует также обратиться за дополнительной финансовой поддержкой к Франции. Это предложение было поддержано другими членами совета [26]. Как было сказано выше, Швеция боялась конфликта с Россией. В инструкции к французскому послу д’Авринкуру было сказано, что в Петербурге были разговоры по поводу Прусской Померании, и они были встречены там благосклонно, более того, в инструкции подчеркивается «есть даже все основания льстить себе, что российская императрица не только благосклонно отнесется к этому расширению Швеции, но и охотно будет этому способствовать» [12, с. 386].

Андерс Йохан фон Хёпкен - шведский политический и государственный деятель, сын Даниеля Никласа фон Хёпкена, одного из главных оппонентов Арвида Горна, и основателя партии шляп. Арвид Горн (1684-1741) – был государственным и политическим деятелем и одним из лидеров партии колпаков. Когда в 1738

году к власти пришла партия шляп, младший Хёпкен занял место в секретном комитете риксдага, и во время русско-шведской войны 1741-1743 годов был одним из двух утверждённых переговорщиков с Российской империей. Наибольшего влияния достиг в 1746-1747 годах. Во многом благодаря его усилиям была принята «национальная декларация», в которой выражался протест против попыток русского посла подчинить своему влиянию кронпринца Адольфа Фредрика и правительство. Эта декларация восстановила престиж партии шляп, а также укрепила антирусские силы в Швеции. В 1746 году Андерс фон Хёпкен стал членом риксрода. В 1751 году он сменил Карла Густава Тессина на посту президента королевской канцелярии и контролировал шведскую внешнюю политику на протяжении последующих 9 лет [8, с. 684].

В инструкции фон Хёпкен указал, что Швеция прежде всего должна стараться поддерживать мир и развивать свою международную торговлю, но предупредил, что воюющие государства могут сделать предложения, от которых невозможно отказаться, не потеряв статус страны как надежной и авторитетной европейской державы. Он признал, что также весьма вероятно, что Швеция получит проекты, которые можно будет согласовать без слишком большого риска. Поэтому посол должен четко заявить, что Швеция готова к переговорам и использовать политическую ситуацию в своих интересах, если условия будут благоприятными. Фон Хёпкен также подчеркнул важность участия в будущем мирном урегулировании, чтобы извлечь выгоду из поражения Пруссии. В качестве очевидных возможностей, если Швеция будет играть более активную роль, упоминались пересмотр мирного договора 1720 года между Швецией и Пруссией и приобретение острова в Карибском море, который мог бы стать базой для шведской торговли в регионе. Фон Хёпкен обратил особое внимание на спорный остров Тобаго, который, по его мнению, мог стать шведской колонией. Поэтому Схефферу было приказано собрать информацию об острове и тайно выяснить, как французское правительство отнесется к захвату власти Швецией [20].

Таким образом, финансовые и политические условия для участия в войне и ее цели во многом определялись переговорами с Францией. Даже самый оптимистично настроенный член совета понимал, что поддержка Франции необходима и что Швеция не обладает военным потенциалом для самостоятельных действий против Пруссии. Франция не могла диктовать Швеции свои действия, но никакие военные действия не были бы начаты без австрийского и французского требований. Это означало, что военные операции проводились главным образом для того, чтобы показать дворам в Версале и Вене, что Швеция является частью коалиции. Этот военно-политический акцент можно увидеть в инструкции, которая была дана командующему войсками фельдмаршала в Западной Померании Матиасу Александру фон Унгерн-Штернбергу. Главной задачей шведской армии было проявлять активность и проводить операции на чужой территории [26].

Во время Семилетней войны британскими войсками было гораздо меньше непосредственного участия в боевых действиях на континенте. Но, как и в предыдущую войну, союзникам Англии были предоставлены беспрецедентные субсидии [3, с. 295-302].

Решением Имперского двора над от 17 января 1757 года Шведская Померания была вновь обязана принять австрийские войска и шведско-поморский контингент. После получения гарантий военной поддержки со стороны Франции на Имперском рейхсрате Швеция 21 марта 1757 года согласилась выступить гарантом Вестфальского мира в качестве державы-покровительницы.

В исследовании Роберта Олдаха, посвященному шведскому военному присутствию в Померании раскрывается интересная деталь. Дело в том, что Шведская Померания имела двойной статус, с одной стороны, это территория под контролем шведов, с другой, это герцогство, где король Швеции являлся сюзереном в качестве герцога Померании и был формально связан со Священной Римской империей. По этой причине встал вопрос о том, должен ли король Швеции, как герцог Померании, выполнить свое феодальное обязательство или Швеция должна вступить в войну в качестве равноправной части антипрусской коалиции [11, С. 57]. В этой связи субсидии оказали влияние большое влияние на решение Швеции. В исследовании Олдаха также подчеркивается, что субсидии стали важным фактором. Автор подчеркивает, что обещания субсидий, окружение Пруссии путем мобилизации армий Франции, России и Австрии, а также территориальные уступки (возвращение территорий, потерянных Пруссии в 1720 году) укрепили партию войны в Рейхсрате. Надеясь, что сможет без особых усилий принять участие в скорой победе над Пруссией, Рейхсрат 22 июня 1757 года принял решение о вступлении в войну [11, с. 57].

Постановлением о войне Рейхсрат нарушил § 6 конституции (то есть соглашений) 1720 г., согласно которому решение о войне и мире принималось только четырьмя имперскими сословиями, собравшимися в Рейхстаге. Однако без созыва Рейхстага сбор военных налогов также был невозможен. С точки зрения Рейхсрата, обещанные французские субсидии могли помочь свести к минимуму расходы на ожидаемую

короткую кампанию [21]. Таким образом, можно сделать выводы, что шведская сторона не церемонилась «юридической стороной вопроса», надеясь на помощь французов и быструю, победоносную войну.

Для Стокгольма было важно показать союзникам, что Швеция является серьезным и заслуживающим доверия союзником, который будет активно участвовать в восстановлении мира в Германии. Эта деятельность также считалась необходимой с финансовой точки зрения – даже при наличии французских субсидий шведское государство просто не могло содержать войска в шведской Померании. Из-за этих соображений фельдмаршалу было приказано переправиться в прусскую Померанию и искать там места для проживания. Ему также посоветовали вступить в бой с прусскими войсками, в то время как основная часть прусской армии была занята в другом месте. Была выражена надежда, что быстрая победа может привести к захвату Штеттина. Кроме этого упоминания о Штеттине, взятие которого было названо довольно надуманным, и важности проведения военных операций на территории Пруссии, о конкретных целях войны больше ничего не упоминалось [26].

Итак, несмотря на проблемы, шведская армия начала продвигаться на юг, вглубь территории Пруссии. Они встретили лишь ограниченное сопротивление, поскольку северную границу королевства защищали всего около 5000 регулярных войск и 5000 наспех набранных ополченцев. Шведская армия установила контроль над островами Узедом и Волин, а также над городами Деммин, Анклам, Иккермюнде и Пазевальк, где они собирали военные налоги и сено. Основные силы численностью в 11 000 человек находились в Анкламе [13].

Примерно в то же время фон Унгерн Штернберг получил приказ от Королевского совета, который критиковал его за отступление из Фердинандсхофа и приказывал ему снова двигаться на юг, на территорию Пруссии, чтобы он мог сотрудничать с французской армией и угрожать Берлину [26]. Советники в Стокгольме опасались, что австрийское и французское правительства поставят под сомнение искренность шведских военных действий и способность Швеции напасть на Пруссию. В конечном счете это может привести к проверке эффективности предоставления субсидий шведскому государству. Таким образом, действия совета основывались в первую очередь на дипломатических и финансовых соображениях, а не на анализе военной ситуации.

Решение фон Унгерна Штернберга искать зимние квартиры в шведской Померании было подвергнуто резкой критике со стороны совета, и впоследствии он был освобожден от своих обязанностей. Новым главнокомандующим в Померании был назначен советник Густав Фредрик фон Розен. Когда он прибыл в Штральзунд в 1758 году, армия состояла из 16 691 солдата тех, кто мог служить, и около 3500 больных. Пруссаки взяли в плен 527 человек, в то время как число дезертиров и погибших составило 971 человек. Прусская армия Левальдта искала зимние квартиры в шведской Померании, что означало, что она контролировала большую часть провинции, за исключением Штральзунда и Рюгена, и что она могла требовать контрибуции от населения. Как следствие, шведскую армию приходилось снабжать в основном из Швеции [11].

В 1758 году был заключен еще один договор о субсидиях, но на этот раз только между Францией и Швецией. Для проведения боевых действий в Германии остро требовалось в большем количестве солдат, поскольку ожидаемые франко-шведские успехи на поле боя еще не были достигнуты. Согласно новому договору, Швеция должна была прислать еще 6000 пехотинцев и 4000 кавалеристов, в результате чего общее количество составило бы 22 000 пехотинцев и 8000 кавалеристов. Взамен будет выплачена субсидия на общую сумму 6 000 000 ливров с момента прибытия шведских войск на место.

А что же сама Пруссия, известно, что Фридрих Великий получал деньги от Лондона. Английский госсекретарь Южного департамента Уильям Питт, по сообщениям русского посланника в Лондоне князя А. М. Голицына, проявлял готовность оказать Фридриху II необходимую помощь. 6февраля 1757 г. Питт в Палате общин предложил выдать Пруссии субсидии для ведения войны в Европе, и парламентарии поддержали его. Теперь у Пруссии был союзник, собиравшийся оказать ей помощь.

Уильям Питт, выдающийся английский государственный деятель, действительно ранее был против участия Англии в германских делах, но теперь он увидел возможность посредством Пруссии сковать силы французов в Европе и тем самым получить перевес англичан. Питт добился выделения парламентом 200 тысяч фунтов стерлингов для ганноверской армии, и, как сообщил Голицын, «слух носится, [что] и в Балтическое море эскадра отправится» [1, с. 633].

Что касается Пруссии, то известно, что Фридрих Великий получал финансовую поддержку из Лондона. Как сообщал русский посланник в Лондоне князь А.М. Голицын, Уильям Питт, английский госсекретарь Южного департамента, был готов оказать необходимую помощь Фридриху II. 6 февраля 1757 года в Палате общин Питт предложил предоставить Пруссии субсидии для ведения войны в Европе, и парламентарии

поддержали его предложение. Таким образом, у Пруссии появился союзник, готовый оказать ей поддержку. Уильям Питт, известный английский государственный деятель, ранее выступал против участия Англии в германских делах. Однако теперь он увидел возможность с помощью Пруссии сковать силы французов в Европе и тем самым получить перевес для англичан. Питт добился выделения парламентом 200 тысяч фунтов стерлингов для ганноверской армии. По словам Голицына, «ходит слух, что и в Балтийское море отправится эскадра».

В своей работе с 1758 года Швайзер также упоминает о субсидиях Фридриху Великому, так автор пишет, что король Пруссии Он получал более 600 000 фунтов стерлингов в год - сумму, большую, чем когда-либо предоставлялось любому другому союзнику. В то же время автор подчеркивает, что англо-прусский союз подвергался критике внутри Британии: «Разве ему платили, как утверждали некоторые, только за то, чтобы он вел свои собственные битвы, в то время как Англия – через войска принца Фердинанда - защищала его без малейшей взаимности с его стороны»?

Данные о субсидиях Англии мы можем найти и в книге Франца А. Сабо [24, с. 99]. Конкретные выгоды, которые Фридрих извлек из британской доброй воли, были еще более существенными. Питт благосклонно относился к крупномасштабным субсидиям Пруссии даже в период своего первого министерства; во время второго они вскоре превзошли по размеру любые субсидии, которые Британия когда-либо предоставляла своему союзнику в военное время. После поражения британцев при Хастенбеке, и особенно после того, как английские шпионы обнаружили тайные переговоры Фридриха с Ришелье в сентябре, Питт рассматривал субсидии Пруссии как способ удержать Фридриха в союзе с Англией и помешать ему заключить сепаратный мир [7, с. 163]. Король Пруссии направил запрос о возможной британской субсидии еще в июне и, должно быть, был удовлетворен положительным ответом. Вскоре после этого Холдернесс поручил своему посланнику при короле сэру Эндрю Митчеллу точно выяснить, сколько хочет Фридрих, указав при этом, что Британия готова выплачивать Пруссии 3 миллиона талеров (или почти 500 000 фунтов стерлингов) в год, что вдвое превышает субсидию, которую она выплачивала Австрии во время войны за австрийское наследство. Цена Фридриха была еще выше. Он без зазрения совести потребовал 4 миллиона талеров (670 000 фунтов стерлингов), что, казалось, получило предварительное одобрение британского кабинета министров почти без возражений [24, с. 99]. Сабо также указывает, что итоги битвы при Россбахе ускорили англо-прусское сотрудничество.

Однако, что значило 200 000 или 600 000 ил даже 670 000 фунтов стерлингов и как мы можем сравнить курсы фунтов стерлингов и ливры, в которых представлены французские субсидии Швеции? В работе Джона Маккаскера мы можем получить ответ в том числе и на этот вопрос. Однако прежде, чем ответить на поставленный выше вопрос, следует сказать пару слов о финансовой систему Франции, и сравнить ее с Англией [18]. Ведь отчасти эффективность субсидий определялось и этим. Французская финансовая система, отмечает автор отличается значительной неразберихой, вызванной денежным хаосом семнадцатого и начала восемнадцатого веков, особенно с 1681 по 1725 год. Перед лицом неминуемого национального банкротства, наследия дворцов Людовика XIV и войн, французское правительство обесценило свою монету. Перечеканка монет за перечеканкой настолько изменила стоимость реальных денег во Франции, что вызвала серьезные экономические трудности внутри страны и за рубежом и способствовала хаосу, вызванному Джоном Лоу. Только с «великой денежной реформой и консолидацией» 1726 года эта эпоха закончилась и для Франции началась эпоха стабильности, длившаяся более пятидесяти лет. Итак, переходя непосредственно к обменному курсу, исходя из материалов, которые мы можем найти в таблице TABLE 2.25 (Continued): London on Paris (Pence Sterling per Ecu). Поскольку в таблице информация представлена в пенсах и экю, необходимо перевести данные таблицы в фунты и ливры, что Маккаскер описывает на с. 31 по поводу соотношения пенсов к фунту, в одном фунте 240 пенсов, а в одном ливре турнуа (livres tournois) 3 экю, с. 81 [18, с. 31, с. 81]. Таким образом, субсидийный договор Пруссии и Великобритании составлял почти 14 миллионов ливра турнуа (!).

Еще одной особенностей более эффективной системы субсидирования британцев было более эффективная система субсидирования. Как отмечает, Питер Джордж Мьюир Диксон существовали другие способы финансирования войны, которые могли быть испробованы (и были испробованы другими державами), такие как взвинчивание курса национальной валюты или списание накопленных долгов, по определению были обречены на провал во всем, кроме краткосрочной перспективы [6]. Таким образом, справедливо сделать вывод, что богатство нации на этой начальной стадии ее развития может быть использовано с максимальным эффектом для военных целей только при наличии хорошо организованной системы долгосрочных государственных займов, существование которой компенсировало бы недостатки налогообложения и позволило бы удерживать налоги на более низком уровне, чем они были бы на самом деле. иначе было бы

иначе. С другой стороны, плохо организованная система заимствований передаст государство в руки финансовых клик, дискредитирует его в глазах граждан и потребует дальнейшего ужесточения налогообложения. Именно это произошло во Франции XVIII века, и нет никаких оснований сомневаться в финансовой некомпетентности французской монархии.

Однако следует вернуться к боевым действиям Пруссии и Швеции. Пруссаки покинули свои зимние квартиры в шведской Померании в июне 1758 года. Перед началом военных действий шведской армии в этом сезоне Густав Фредрик фон Розен сложил с себя командование в пользу фельдмаршала Густава Дэвида Гамильтона. Однако это изменение не изменило ситуацию в армии. Число заболевших солдат-пехотинцев возросло примерно до 5100 человек, что означало, что в наличии имелось всего 8760 человек. Таким образом, новому командующему пришлось ждать подкреплений из Швеции, прежде чем он смог начать кампанию 1758 года. Когда в течение лета они начали прибывать, шведская армия продвинулась на юг, вглубь территории Пруссии. Командующие в очередной раз получили из Стокгольма лишь самые общие инструкции относительно того, какой должна быть цель кампании. Инструкции в основном повторяли то, что было заявлено в сентябре 1757 года: армия должна быть активной и проводить свои операции на чужой территории [16]. Андерс Йохан фон Хопкен написал в полевой штаб, предлагая армии продолжить наступление на Берлин, поскольку это облегчило бы сбор пожертвований и повысило репутацию шведской армии [13]. Однако эти инструкции по-прежнему носили довольно расплывчатый характер и были в первую очередь направлены на то, чтобы показать союзникам Швеции, что Швеция участвует в войне.

Тем не менее, после нескольких совещаний генералы решили продолжить наступление на Ной-Руппин и Фербеллин, которые находились всего в 50 километрах от прусской столицы. Части шведской армии удерживали Фербеллин, отражая нападение пруссаков. Несмотря на успех, шведские генералы не стремились следовать за прусскими войсками к Берлину или оставаться в Фербеллине и Ной-Руппине на зиму. Поэтому они решили снова отступить на север. Причинами этого решения были, в основном, неопределенность в отношении сотрудничества и поддержки армий союзников и сложная ситуация со снабжением в окрестностях Фербеллина [26, с. 18]. Таким образом, даже в непосредственных военных действиях роль союзников (Версаля и Вену) для Швеции была высока.

В декабре 1758 года совет назначил Якоба Альбрехта Лантингсхаузена новым главнокомандующим шведскими войсками в Померании. Пространство для маневра было ограничено, поскольку армия снова разместила свои зимние квартиры в шведской Померании, которую она пыталась защитить от пруссаков. Однако прусские войска вынудили шведскую армию отступить в Штральзунд и Рюген. Следовательно, пруссаки могли снова потребовать контрибуции от населения шведской Померании в течение зимы и весны, в то время как шведские войска должны были получать припасы из Швеции [19, с. 215].

В течение зимы во всех европейских столицах были разработаны планы кампании на 1759 год. В то же время плохие результаты антипрусского альянса имели политические последствия. Особенно во Франции, чьи армии действовали из рук вон плохо, когда герцог де Шуазель получил фактический контроль над военной политикой Франции, стало ясно, что политика меняется. Он добивался сокращения расходов за счет сокращения субсидий союзникам и смещения акцента с войны против Пруссии на войну с Великобританией. Один из способов добиться таких изменений и поставить под угрозу позиции Великобритании означало попытаться втянуть Россию и Швецию в англо-французскую войну. Более конкретный план Шуазеля – «grand projet» – заключался в том, чтобы направить объединенные силы для вторжения в Шотландию [26, с. 19]. Шуазель представил свой план шведским чиновникам, которые отнеслись к его предложению весьма скептически. В пересмотренном плане Шуазель предположил, что Швеции не нужно было объявлять войну, а только действовать в качестве вспомогательной державы в усилиях Франции. Взамен Швеция должна была получить карибский остров Тобаго в конце войны [26, с. 19].

Хотя план Шуазеля не осуществился, было ясно, что французский министр был хорошо осведомлен о желании Швеции создать колонию в Карибском бассейне и что он пытался использовать это для расширения войны против Великобритании. Он также знал, что шведское государство зависит от финансовой поддержки Франции, из-за чего ведущим чиновникам Швеции было трудно игнорировать пожелания министра иностранных дел Франции. Однако серьезная финансовая ситуация во Франции помешала Шуазелю пообещать продолжение субсидий, что, в свою очередь, уменьшило влияние Франции на переговорах. Со шведской стороны было ясно, что никто не хотел рисковать войной с Великобританией, учитывая ужасные экономические последствия таких действий и тяжесть ведение особенно морской, даже если колония на Карибах была желаемым призом.

Для Швеции исход этой войны оказался неудачным, её участие в Семилетней войне не оправдало ожиданий. Пруссия продемонстрировала значительно большую стойкость, чем ожидалось, а шведские войска

оказались не столь эффективными по сравнению с прусскими, особенно в условиях реальных сражений. Кроме того, война обошлась гораздо дороже, чем ожидалось. Эта печальная история привела к серьёзным последствиям для шведского режима как внутри страны, так и за её пределами.

Неспособность Франции поддерживать согласованный уровень субсидий вкупе с собственными финансовыми проблемами шведского государства привели к задержке кампании 1759 года. Прусские войска покинули шведскую Померанию в мае 1759 года, но только в августе 1759 года шведская армия, которая в то время состояла из 10 770 пехотинцев, 3984 кавалеристов и 1221 артиллериста, вторглась на вражескую территорию. Часть этих сил сосредоточила свои действия на установлении контроля над островами и районом залива в устье реки Одер. Свинемюнде был взят в плен, а позже небольшая прусская флотилия маломерных галер была захвачена после сражения с подразделением шведского галерного флота [16, с. 289-293]. Шведы теперь полностью контролировали район вокруг устья реки Одер. Основная шведская армия тем временем медленно продвигалась к Пасевалку и Пренцлау, где она могла найти припасы.

Однако пруссаки направили контингент численностью 4500 человек под командованием Генриха фон Мантейфеля, чтобы помешать шведам беспрепятственно проживать за пределами этой территории. В конце октября Лантингсхаузен решил снова двинуться на север, чтобы найти зимние квартиры в шведской Померании, поскольку он полагал, что там войска можно будет лучше всего содержать. Впервые это решение было одобрено и советом в Стокгольме.

Прусские войска последовали за шведской армией и решили воспользоваться холодной зимой и тем фактом, что водные пути замерзли, чтобы в январе 1760 года напасть на шведские зимние квартиры. Целью было оттеснить шведскую армию в Штральзунд и на Рюген и использовать шведскую Померанию для снабжения. Лантингсхаузен решил сконцентрировать шведскую армию, чтобы загнать пруссаков обратно на прусскую территорию. Пруссаки отступили, а шведская армия последовала за ними в Анклам. Таким образом, шведская армия контролировала всю Шведскую Померанию [19, с. 384].

В августе 1760 года Лантингсхаузен повторил прошлогоднюю операцию, продвинувшись на юг и живя за счет ресурсов прусских провинций, а затем снова двинувшись на север в поисках зимних квартир в шведской Померании. Эта схема, которая была узаконена ситуацией с безопасностью и снабжением, вновь повторилась в 1761 году, когда шведской армией командовал генерал-лейтенант Августин Эренсвард. В результате летом и осенью армия на несколько месяцев углубилась на территорию Пруссии, чтобы лишить пруссаков их запасов, а затем на зиму отступила в шведскую Померанию. Зимой прусские войска беспокоили пограничные позиции Швеции, но эти незначительные атаки были отражен.

Военные действия Швеции против пруссаков следует охарактеризовать как военные действия низкой интенсивности, которые не включали в себя каких-либо крупных сражений или решительных действий. Борьба на местах была в основном сосредоточена на обеспечении снабжения и попытках жить за счет территории противника, насколько это возможно. Боеспособность шведской армии со временем постепенно повышалась, и она часто сталкивалась с гораздо меньшими силами противника, но этот факт не использовался для контроля значительных территорий Пруссии в течение длительного времени. Отчасти эта невозможность, несомненно, была вызвана нехваткой лошадей и другого снаряжения недоработки. Однако такие государства, как Франция и Россия, временами также сталкивались с аналогичными проблемами, которые указывают на то, что отчасти бездействие можно объяснить неспособностью союзников координировать военные действия, когда все надеялись, что кто-то другой предпримет первый активный шаг. Тем не менее, можно утверждать, что контроль над прусской частью Западной Померании не был главной целью армии. Тот факт, что не было предпринято никаких попыток осадить стратегически важный город Штеттин на реке Одер, является очевидным доказательством указание на это. Следовательно, у шведской армии не было четкой цели территориальной войны, в отличие от австрийцев, которые сосредоточились на возвращении Силезии. Вместо этого действия шведской армии были в первую очередь направлены на то, чтобы показать союзникам, что Швеция проявляет военную активность, чтобы получить награду на будущей мирной конференции. Таким образом, главная цель шведской войны была дипломатической и политической по своей природе, а не военной.

Когда в январе 1762 года умерла российская императрица Елизавета Петровна и ей наследовал сторонник союза с Пруссией Петр III, казалось шведы с тревогой должны были осознать, что Россия может перейти на другую сторону и стать врагом Швеции. Однако Шведские власти отнеслись к известиям о новом российском императоре спокойно, все-таки он был двоюродным племянником их короля (как, к слову, и супруга Петра III Екатерина Алексеевна). Известие о смерти Елизаветы Петровны и восшествии на престол Петра III больше впечатлили датчан, чем шведов. По крайней мере, посланник в Стокгольме граф И. А. Остерман сообщал только о «немалом изумлении» именно датского двора, тут же начавшего тайно и спеш-

но вооружаться. К 1762 году правительство Швеции ставило своих союзников в известность о невозможности проведения боевых действий и опустении казны, шведская сторона просила о проведении скорейших переговоров в Аугсбурге.

Выводы

Таким образом, субсидии, которые Франция выплачивала Швеции и другим странам, были лишь одним из многих методов, используемых для того, чтобы сблизить их, повлиять на их политические элиты, дестабилизировать их или заставить подчиниться. Мы можем сказать, что были две веские причины, по которым Франция хотела видеть Швецию в качестве союзника. Первая, которая прослеживалась в договорах, о которых идет речь, заключалась в очевидной потребности в союзнике в Северной Европе. Вторая причина это попытка не допустить укрепления Австрийской монархии или России, или Пруссии, если мы говорим о Семилетней войне.

Именно на фоне этого более широкого контекста международных отношений следует рассматривать франко-шведские отношения в XVIII веке. Именно заинтересованность Франции в максимально возможной нейтрализации правления Габсбургов породила у нее потребность в союзниках на Севере и привела к тому, что Швеция стала многообещающим направлением французской политики экспансии в XVIII веке. На востоке Османская империя была интересным партнером, поскольку она вторгалась в сферу влияния Габсбургов на востоке и в сферу влияния России на юге.

Список источников

1. Анисимов М.Ю. Российская дипломатия и Семилетняя война (1756-1763). Москва: Издательство «Академический проект», 2020. 885 с.
2. Нелипович С.Г. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII века. Москва: Издательство «Квадрига», 2010. 405 с.
3. Ballantyne Archibald Lord Carteret: a political biography, 1690-1763. London: Richard Bentley & Son, 1887. 428 p.
4. Baugh Daniel British Naval Administration in the Age of Walpole. Princeton: Princeton University Press, 1965. 557 p.
5. Brewer John The Sinews of Power: War, Money and the English State, 1688-1783. London; Boston; Sydney; Wellington: Unwin Hyman, 1989. 289 p.
6. Dickson Peter George Muir. The Financial Revolution in England: A Study in the Development of Public Credit, 1688-756. London: Routledge, 1993. 580 p.
7. Doran Patrick Andrew Mitchell and Anglo-Prussian Diplomatic Relations during the Seven Years War / Patrick Doran. New York; London: Garland Publishing, 1986. 408 p.
8. Höpken Anders Johan Höpken, Anders Johan, Count von // Encyclopædia Britannica / edited by Hugh Chisholm. 11th edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1910. Vol. 13: Harmony to Hurstmonceaux. P. 959 – 960.
9. Gale Frederick Richard Colonel Melchior Guy Dickens // Notes and Queries. 1932. Vol. CLXII, Issue 1. P. 5 – 77.
10. Olsson Gunnar Hattar och mössor: studier över partiväsendet i Sverige 1751-1762. Göteborg: Akademiförlaget-Gumperts, 1963. 221 p. (Studia historica Gothoburgensia; 1).
11. Oldach Robert Stadt und Festung Stralsund: die schwedische Militärpräsenz in Schwedisch-Pommern 1721-1807. Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2018. 441 p.
12. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. T. 2: Suède / introduction par Alfred Rambaud. Paris: Félix Alcan, 1890. 561 p.
13. Riksarkivet Dossier-akt Konvention angående Sveriges deltagande i kriget mot Preussen [Электронный ресурс]. URL: riksarkivet.se (дата обращения: 06.05.2024)
14. Roberts Michael British Diplomacy and Swedish Politics, 1758-1773. London: Macmillan, 1980. 528 p. (Problems in Focus Series).
15. Malmström Carl Gustaf Sveriges politiska historia från konung Karl XII:s död till statshvälfningen 1772. Stockholm: Norstedt & Söners Förlag, 1895. Vol. 2. 455 p.
16. Nikula Oscar Augustin Ehrensvärd. Helsingfors: Svenska literatursällskapet i Finland; Åbo: Åbo tidnings och tryckeri aktiebolag, 1960. 580 p.
17. Norrhem Svante Mercenary Swedes: French subsidies to Sweden 1631-1796 / translated by Charlotte Merton. Lund: Nordic Academic Press, 2019. 320 p.

18. McCusker, John James Money and exchange in Europe and America, 1600-1775: a handbook. Williamsburg : Institute of Early American History and Culture, 1978. 367 p.

19. Säve Teodor Sveriges deltagande i sjuåriga kriget åren 1757-1762. Stockholm: Beijers Bokförlagsaktiebolag, 1915. 644 p.

20. Scheffer Ulric // Nordisk familjebok: konversationslexikon och realencyklopedi. Ny, reviderad och rikt illustrerad upplaga. Stockholm: Nordisk familjeboks förlag, 1916. Band 24: Ryssläder-Sekretär. P. 988 – 991.

21. Scholz Michael [Рецензия] // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung. Weimar: Böhlau Verlag, 1995. Band 112. Seiten 627-629. Рецензия на книгу: Buchholz, Werner. Öffentliche Finanzen und Finanzverwaltung im entwickelten frühmodernen Staat. Landesherr und Landstände in Schwedisch-Pommern 1720-1806. Köln : Böhlau, 1994.

22. Schumann Matt James British Foreign Policy During the Seven Years' War (1749-1763) // State Papers Online, Eighteenth Century 1714-1782. Part IV. Andover: Cengage Learning (EMEA) Limited, 2018. P. 1 – 15.

23. Sutton John L. The King's Honor and the King's Cardinal: The War of the Polish Succession. Lexington: The University Press of Kentucky, 1980. 250 p.

24. Szabo Franz Anthony Joseph The Seven Years War in Europe: 1756-1763. London; New York: Pearson Longman, 2008. 536 p.

25. Wenck Friedrich August Wilhelm. Codex juris gentium recentissimi: continens diplomata inde ab anno MDCCXXXV usque ad annum MDCCLXXII. Lipsiae: Apud heredes Weidmannos et Reichium, 1781. Tomus I : MDCCXXXV-MDCCXLIII. 790 p.

26. Winton Patrik Sweden and the Seven Years War, 1757-1762: War, Debt and Politics // War in History. 2012. Vol. 19. № 1. P. 5 – 31.

References

1. Anisimov M.Yu. Russian diplomacy and the Seven Years' War (1756-1763). Moscow: Izdatelstvo "Akademicheskie Proekt", 2020. 885 p.

2. Nelipovich S.G. Russian-Austrian military alliance of the second quarter of the 18th century. Moscow: Izdatelstvo "Quadriga", 2010. 405 p.

3. Ballantyne Archibald Lord Carteret: a political biography, 1690-1763. London: Richard Bentley & Son, 1887. 428 p.

4. Baugh Daniel British Naval Administration in the Age of Walpole. Princeton: Princeton University Press, 1965. 557 p.

5. Brewer John The Sinews of Power: War, Money and the English State, 1688-1783. London; Boston; Sydney; Wellington: Unwin Hyman, 1989. 289 p.

6. Dickson Peter George Muir. The Financial Revolution in England: A Study in the Development of Public Credit, 1688-756. London: Routledge, 1993. 580 p.

7. Doran Patrick Andrew Mitchell and Anglo-Prussian Diplomatic Relations during the Seven Years War.Patrick Doran. New York; London: Garland Publishing, 1986. 408 p.

8. Höpken Anders Johan Höpken, Anders Johan, Count von. Encyclopædia Britannica. edited by Hugh Chisholm. 11th edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1910. Vol. 13: Harmony to Hurstmonceaux. P. 959 – 960.

9. Gale Frederick Richard Colonel Melchior Guy Dickens. Notes and Queries. 1932. Vol. CLXII, Issue 1. P. 5 – 77.

10. Olsson Gunnar Hattar och mössor: studier över partiväsendet i Sverige 1751-1762. Göteborg: Akademiförlaget-Gumperts, 1963. 221 p. (Studia historica Gothoburgensia; 1).

11. Oldach Robert Stadt und Festung Stralsund: die schwedische Militärpräsenz in Schwedisch-Pommern 1721-1807. Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2018. 441 p.

12. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traits de Westphalie jusqu'à la Révolution française. T. 2: Suède. introduction par Alfred Rambaud. Paris: Félix Alcan, 1890. 561 p.

13. Riksarkivet Dossier-akt Konvention angående Sveriges deltagande i kriget mot Preussen [Electronic resource]. URL: riksarkivet.se (date of access: 05.06.2024)

14. Roberts Michael British Diplomacy and Swedish Politics, 1758-1773. London: Macmillan, 1980. 528 p. (Problems in Focus Series).

15. Malmström Carl Gustaf Sveriges politiska historia från konung Karl XII:s död till statshvälfningen 1772. Stockholm: Norstedt & Söners Förlag, 1895. Vol. 2.455 p.

16. Nikula Oscar Augustin Ehrensvärd. Helsingfors: Svenska literatursällskapet i Finland; Åbo: Åbo tidnings och tryckeri aktiebolag, 1960. 580 p.

17. Norrhem Svante Mercenary Swedes: French subsidies to Sweden 1631-1796. translated by Charlotte Merton. Lund: Nordic Academic Press, 2019. 320 p.

18. McCusker, John James Money and exchange in Europe and America, 1600-1775: a handbook. Williamsburg: Institute of Early American History and Culture, 1978. 367 p.

19. Säve Teodor Sveriges deltagande i sjuåriga kriget åren 1757-1762. Stockholm: Beijers Bokförlagsaktiebolag, 1915. 644 p.

20. Scheffer Ulric Nordisk familjebok: konversationslexikon och realencyklopedi. Ny, reviderad och rikt illustrerad upplaga. Stockholm: Nordisk familjeboks förlag, 1916. Band 24: Ryssläder-Sekretär. P. 988 – 991.

21. Scholz Michael [Review]. Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung. Weimar: Böhlau Verlag, 1995. Band 112. Seiten 627-629. Book review: Buchholz, Werner. Öffentliche Finanzen und Finanzverwaltung im entwickelten frühmodernen Staat. Landesherr und Landstände in Schwedisch-Pommern 1720-1806. Köln: Böhlau, 1994.

22. Schumann Matt James British Foreign Policy During the Seven Years' War (1749-1763). State Papers Online, Eighteenth Century 1714-1782. Part IV. Andover: Cengage Learning (EMEA) Limited, 2018. P. 1 – 15.

23. Sutton John L. The King's Honor and the King's Cardinal: The War of the Polish Succession. Lexington: The University Press of Kentucky, 1980. 250 p.

24. Szabo Franz Anthony Joseph The Seven Years War in Europe: 1756-1763. London; New York: Pearson Longman, 2008. 536 p.

25. Wenck Friedrich August Wilhelm. Codex juris gentium recentissimi: continens diplomata inde ab anno MDCCXXXV usque ad annum MDCCLXXII. Lipsiae: Apud heredes Weidmannos et Reichium, 1781. Tomus I: MDCCXXXV-MDCCXLIII. 790 p.

26. Winton Patrik Sweden and the Seven Years War, 1757-1762: War, Debt and Politics. War in History. 2012. Vol. 19. No. 1. P. 5 – 31.

Информация об авторе

Хуснутдинов М.И., аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины, marsxv@mail.ru

© Хуснутдинов М.И., 2026